В. И. НЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ РКП (б)

КРАТКИЙ ОЧЕРК

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

(26 — 50-ая тысяча).

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД :: 1926

Ленинградский Гублит № 6981 Печ. 20.120 — 20 л Заказ № 497

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателя книга — краткий учебник и ни на что большее не претендует. В нем излагаются и освещаются факты и явления, главным образом, общеизвестные и твердо установленные.

Факты эти, однако, рассмотрены и освещены в свете того нового, весьма обширного материала, который опубликован и обработан за последние семь лет; поэтому с первого взгляда читателю, привыкшему исходить из весьма скудных ресурсов прошлого, может показаться многое новым и неизвестным.

Настоящая книга является первою частью и охватывает период нашей истории до Октябрьской революции; следующий период—Октябрьской революции—заслуживает особой, отдельной книги.

Книга, представляющая элементарное изложение нашей истории и предназначенная для учащихся, само собой разумеется, особенно много уделяет внимания часто таким явлениям, какие давно выяснены и понятны старым членам партии и какие нужно объяснить молодой аудитории, для которой часто даже события вчерашнего дня являются далеким историческим прошлым.

Вот почему в книге так подробно трактуется, например, вопрос об экономизме или о расколе на втором съезде. Впрочем, само собой ясно, что два эти вопроса, действительно имеют большое значение в нашей истории

Нечего толковать, что автор, сам сознающий недостатки своей работы (да и когда еще будет написана удовлетворительная книга, трактующая о такой важной материи, как история РКП(б)?), просит снисхождения у читателей и будет очень благодарен за все указания и поправки на допущенные ошибки и промахи.

В. Невский.

Август, 1925 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Первое издание нашей книги разошлось так быстро, что потребовалось уже второе издание.

Не можем мы пожаловаться и на то, что книжку нашу замолчали.

По поводу рецензии, появившихся о нашей книге, необходимо сказать, что серьезного отношения к себе заслуживает одна из них, именно рецензия т. Эм. Газа в № 23—24 „Большевика". Здесь есть заслуживающие внимания замечания и указания, в соответствии с которыми нами и внесены некоторые исправления. Так, на стр. 16 добавлено при формулировке взглядов Бакунина на русское крестьянство указание и на те отрицательные черты, которые Бакунин находил в русском крестьянстве. При этом, однако, нужно заметить, что нами не упомянуто было о них совсем не потому, что взгляды Бакунина на этот счет были нам неизвестны, а потому, что ведь и сам-то Бакунин, указывая на эти отрицательные черты, утверждал, что, в сущности говоря, эти черты исчезают, так как сам народ уже борется с ними.

Сделаны кое-какие добавления и о том, как В. И. Ленин смотрел на эволюцию народничества (гл. II, § 2 и § 8), хотя нужно заметить, что этому вопросу во всей книге уделено достаточно внимания.

Внесены кое-какие исправления и дополнения, впрочем, незначительные и по указанию уже не тов. Газа, а других читателей, внимательно просмотревших книгу (напр., о Московской организации времен войны, о „Соц.-Демократическом союзе горнозаводских рабочих" 1902 г. и т. д.)

Что касается главного возражения т. Газа о том, будто бы нами не оттенена роль крестьянства в революции 1905 г., то это

просто недоразумение. Об аграрном характере первой русской революции или, точнее, о той роли, какую играло крестьянство и вопрос о земле в этой революции, говорится достаточно подробно и не раз в нашей книге. В главе XI (§ 7) излагаются взгляды большевиков и меньшевиков по этому вопросу. „Две тактики русской соц.-демократии в демократической революции" носит заглавие этот параграф, и здесь именно и излагается учение В. И. Ленина о диктатуре пролетариата и крестьянства. Как будто бы смешно после этого упрекать автора в том, что он забыл сказать о роли крестьянства в революции 1905 года. Об этой роли говорится у нас и в главе XII, в § 1, где прямо указывается, что победоносный исход революции 1905 г. зависел от того или иного решения аграрного вопроса (стр. 288—289).

Подчеркивается и революционный характер „Всероссийского Крестьянского Союза" (глава XI, § 10).

Поэтому просто дикой и злобной кажется нам выходка Н. Батурина, утверждающего в своей... как бы помягче выразиться, пропитанной желчью рецензии, что в нашем изложении „крестьянство, как революционная сила... совершенно отсутствует". („Правда" № 4 от 6 января 1926 г., стр. 7).

Не менее дикой и прямо демагогической нужно назвать и выходку Н. Батурина о царе. Если бы он внимательно изучал Ленина, то он знал бы, что, напр., в работе „Две тактики соц.-демократии в демократической революции" Ленин, рассуждая о движущих силах революции, так прямо и говорит: „Посмотрите на эти внутренние общественные силы. Против революции стоит самодержавие, двор, полиция, чиновничество, войско, горстка высокой знати" (Собр. соч., т. VI, стр. 69); далее на той же странице говорится о других силах—соглашательской либеральной буржуазии и пролетариате, ведущем за собой революционное крестьянство. Спрашивается: если против революции стоит самодержавие, двор, полиция и т. д., то разве нельзя сказать, что против революции крупные помещики („горстка высокой знати") во главе с царем?

Как будто бы трудно отделить царя от этой „горстки высокой знати"?

Ну разве не демагогию разводит Н. Батурин?

Впрочем, о рецензии Н. Батурина можно было бы и не говорить вовсе—до такой степени дышит она какой-то болезненностью и расстроенным воображением.

Ни один автор при настоящих условиях не застрахован от искажения, ошибок и недосмотров. Не застрахован от этого и автор настоящей книги. Технический недосмотр в первом издании дал возможность Н. Батурину написать целую обвинительную речь об искажении нами мыслей Г. В. Плеханова. (Кавычки и сноски стоят теперь на надлежащих местах,—успокоим мы Н. Батурина, заметив при этом, что небольшие цитаты взяты нами именно из второго тома соч. Плеханова, стр. 80 и 81, а не из XI-го, как думает почему-то Н. Батурин, ибо на стр. 40 нашей книги ясно напечатано „Соч. Г. В. Плеханова, т. II“, а не XI).

Вопрос другой, нравится или не нравится Н. Батурину наше изложение взглядов Г. В. Плеханова. Это дело особое. Н. Батурину, пожалуй, кроме его собственной книжки, ничто не нравится: стоит появиться какой-либо работе, как Н. Батурин ищет уклона; написал работу т. Астров—Н. Батурин разносит его; написал статью т. Мицкевич—Н. Батурин разносит и его; написал книгу Невский... о, уже тут широкое поле деятельности, и Н. Батурин, как свидетельница в Щедринском суде, престарелая лягушка, „докладает“: „Основы — потрясены, авторитеты — подорваны, власти — бездействуют, суды — содействуют... смотреть скверно! Ну, и стали мы тогда квакать“. Нужды нет, что от этого кваканья ничего, кроме конфуза, не выходит.

Впрочем, просим извинения у читателей, что мы позволили себе упомянуть о Н. Батурине и его „критике“, — не стоило этого делать. Лишнее вообще отвечать на такую критику: не будем никогда и впредь отвечать на нее.

Другие замечания т. Газа, напр. указание на то, что последние главы нашей книги, трактующие о Февральской революции, слишком бегло изложены, до известной степени заслуживают внимания, но, к сожалению, книга, в первоначальный план которой не входил очерк Февральской революции, и так слишком разрослась, и подробное изложение богатой событиями февральской эпохи увеличило бы и еще больше размер книги. Сказать же о Февральской революции все-таки пришлось в целях чисто педагогических, и поэтому автор вынужден был дать хотя бы беглый очерк этих событий.

Никто, быть может, больше автора не сознает недостатков своей работы; многое в ней следовало бы переделать заново: ведь разработка материалов по истории революционного движения не стоит на месте, и уже вскоре после выхода книги в свет

появилось кое-что новое, на основании чего следовало бы сделать добавления и пояснения, но пока приходится и эти дополнения отложить и за отсутствием времени и вследствие спешности второго издания.

Автор не претендует на непогрешимость папы; автор не располагает и такими аппаратами, которые бы освободили его абсолютно от погрешностей; автор, как это понятно само собой, не задается и целью злостного извращения чужих мыслей, что, к сожалению, приписывают ему некоторые скорбные главой люди; автор, наконец, не навязывает (да и не позволил бы этого себе, если бы имел к тому возможность) своей книги в качестве руководства: он только надеется, что и его книга принесет некоторую пользу приступающим к изучению истории партии.

В. Невский.

Москва.
10/I—1926 г.

Введение.

1. Партия и класс.

Формально наша партия, Российская Коммунистическая Партия большевиков, образовалась весной 1918 г., так как именно в этом году, на седьмом съезде партии (Российской Соц. Демократ. Рабочей Партии большевиков, 8 марта 1918 года, на пятом вечернем заседании), было принято название, известное теперь всему миру,— РКП (большевиков).

Однако, всякому рабочему известно, что наша партия до этого дня, 8 марта 1918 г., существовала и жила в высшей степени полной жизнью, проделала революцию 1905 года, вошла в эту революцию сильной боевой классовой организацией пролетариата и, стало-быть, ведет свое начало не с 1918 года, а имеет корни в далеком прошлом.

Ясно поэтому, что начинать историю нашей партии необходимо не с этой формальной даты 1918 года, а раньше. Ясно это также и потому, что партия есть сложное общественное образование, создающееся в процессе исторического развития. Совершенно правильно говорит по этому поводу т. Зиновьев в своей книжке „История Российской Коммунистической Партии (большевиков)", что партия „родится в тяжелых муках, подвергается беспрестанным почкованиям, перегруппировкам, расколам и испытаниям в огне борьбы, прежде чем окончательно сложится в партию пролетариата, в партию данного класса". Наша партия, как говорит т. Зиновьев, есть не простая группа единомышленников, исповедывающих одну и ту же программу, а боевой авангард рабочего класса, часть этого класса, руководящая борьбой пролетариата за коммунизм, так сказать—боевая классовая организация пролетариата, проводящая в жизнь программу, построенную на основе учения К. Маркса.

Следовательно, изучение истории партии нельзя отрывать от изучения истории рабочего класса, его возникновения, роста, организации и борьбы. А так как возникновение рабочего класса, как и всех вообще классов, есть следствие развития экономики

данного общества и, значит, в конечном счете, развития производительных сил, то историю партии следует рассматривать в связи с развитием хозяйства и в связи с той общественной жизнью, которая вызывается развитием этого хозяйства.

В дальнейшем изложении мы так и будем поступать, давая хотя бы беглый обзор фактов экономической жизни, в которой формировалась и крепла наша партия.

2. Образование рабочего класса в России.

Итак, наша партия есть часть российского рабочего класса; стало-быть, нам нужно рассмотреть вопрос о том, когда и в силу каких условий развился рабочий класс в России.

Доказано многочисленными историческими исследованиями, что рабочий класс в полном смысле этого слова, т.-е. русский вольно-наемный рабочий, стал заметной величиной уже в первой четверти прошлого столетия. В 1825 году, т.-е. сто лет тому назад, из общего числа 210.568 душ рабочих, занятых на 5.261 фабрике и заводе, числилось 114.515 человек вольно-наемных рабочих; остальные рабочие были насильно прикрепленные к фабрикам и заводам люди, по большей части крепостные крестьяне.

Как видно из этого, и до 1825 года в России существовала промышленность, существовали фабрики и заводы, и работали на них рабочие. Действительно, уже в начале прошлого столетия Россия имела довольно развитую промышленность, которая возникла еще со времен Петра I. Но и при этом царе промышленность развивалась потому, что еще задолго до него в России существовали экономические условия, которые неизбежно толкали русское общество на путь. именно промышленного развития, существовала обширная внутренняя и внешняя торговля, существовал, стало-быть, торговый капитал. При помощи этого торгового капитала Россия и сумела в течение XVIII века создать фабрики и заводы, число которых в 1762 году считалось 984, в конце столетия (в 1796 году) 3.161, а в 1825 году, как мы видели уже, 5.261 [1].

Кто же работал на этих фабриках и заводах и кому принадлежали эти предприятия? Хозяевами фабрично-заводских предприятий, как и в любом другом государстве, являлись государство, казна и частные лица — дворяне, помещики, купцы и капиталисты. Рабочими на этих фабриках и заводах были, главным образом, специально приписанные крепостные крестьяне. Таких крестьян-рабочих, приписанных к заводам и фабрикам, например в 1741—43 годах, числилось 87.253, при чем на заводах частных владельцев

[1] Цифры, приводимые нами здесь, приблизительны; за точность их ручаться нельзя, так как статистика в те времена в России была поставлена очень плохо. Но, как бы ни смотреть на эти цифры, общий характер развития они указывают правильно.

из этого числа находилось 24.199 человек. В конце XVIII века на одних горных заводах находилось 321.218 человек рабочих, из этого числа 70.965 на частных фабриках и заводах.

Как происходило это прикрепление крестьян к заводам, какие изменения претерпело законодательство об этом прикреплении, мы не имеем места распространяться здесь; укажем только, что за крепостную крестьянско-рабочую силу в течение всего XVIII века велась довольно сильная борьба между двумя классами русского общества, между дворянами-помещиками и капиталистами, купцами, промышленниками. Купцы и капиталисты то отвоевывали себе право иметь при своих фабриках и заводах приписанных крестьян, то теряли его. В 1762 году они окончательно лишились его.

Борьба эта велась за даровую силу, так как крестьяне, приписанные к фабрикам и заводам, получали совсем ничтожную плату, а частенько и совсем ничего не получали, прибыли же хозяева имели от своих фабрик огромные. Русская промышленность тогда уже работала не только на русский, но также и на иностранный рынок. Так, например, одних только парусных фламских полотен вывозилось из России в Англию в 1758—1762 г.г. 77 тыс. кусков, в 1793—1795 г.г.—251 тыс. кусков и в 1800—1813 г.г. 212 тыс. кусков. Но вывозилось из России не только одно полотно: в 1760 году за границу Россия отпустила 820 тыс. пудов, а в 1793—95 г.г. уже 2 милл. 9.667 пуд. чугуна.

Как же жили рабочие-крестьяне, выделывавшие все эти товары и доставлявшие большую прибыль русским дворянам и капиталистам? Жизнь приписанных к заводам крестьян была ужасна. Хозяин — барин или капиталист недворянского происхождения—являлся полным владельцем и тела и души своего крепостного рабочего и всего, что производил он своим тяжелым трудом, тянувшимся 16—18, а иногда 20 и более часов. Хозяева часто не выплачивали рабочим заработной платы, а если и выплачивали, то плата эта была так ничтожно мала, что рабочий влачил жалкое существование. Хозяин имел право не только наказывать его, но и ссылать в Сибирь, отдавать в солдаты; вмешивался в семейную жизнь своего раба-рабочего и распоряжался всем его добром. Такое положение часто доводило даже крепостного рабочего до отчаяния, он не выдерживал своей каторжной жизни и поднимался против своего угнетателя. Весь XVIII век в истории русской промышленности есть беспрерывная классовая борьба крепостного рабочего против своего угнетателя. Рабочие волнения часто принимали очень серьезный характер, охватывали целые губернии и кончались столкновениями с войсками, высылаемыми против бунтовщиков [1].

---

[1] Особенно упорные и обширные волнения охватывали рабочих посессионных заводов (так назывались заводы с приписными рабочими-крестьянами) в 1701, 1722, 26, 43, 61, 63 и 64 годах. Волнения происходили на Урале, в приволжских и центральных губерниях, да, пожалуй, не было ни одной губернии,

После подавления волнений рабочие наказывались плетьми, тюрьмой, отдавались в солдаты, ссылались в Сибирь, но это волнений не прекращало, и рабочие снова и снова поднимались против своих господ и хозяев.

3. Экономическое развитие России в первой половине XIX в.

По мере развития промышленности, ее расширения и усложнения, все очевидней становилось, что труд крепостного - рабочего,—все равно, где бы он ни работал: на заводе капиталиста или на поле помещика,—становился невыгодным, убыточным и, таким образом, являлся тормозом для дальнейшего развития хозяйства. Это понимали в России уже в конце XVIII века даже помещики, и в особенности там, где земля, приносившая доход, находилась вблизи от хороших путей сообщений и где выгодно было работать на внутренний и внешний хлебный рынок.

Первое крупное революционное движение в России, известное под именем восстания декабристов, было, несомненно, вызвано чисто экономическими причинами, именно несоответствием крепостного права с потребностями развивающегося товарного и денежного хозяйства и развивающейся промышленности.

Уже в конце XVIII века, когда русский помещик стал отправлять свой хлеб за границу, ему выгодно было усовершенствовать свое хозяйство, делать большие запашки и, таким образом, все больше и больше стеснять крестьян. Крестьянин, стесненный в земле, искал выхода в отхожем промысле, а помещик, нуждаясь в деньгах, охотно отпускал крестьянина на оброк, предпочитая иметь деньги, чем раба крепостного, которого приходилось кормить во время неурожаев и голодовок. Правда, в первой четверти XIX века, когда мировой кризис затронул и Россию, понизившиеся цены на хлеб приостановили отпуск крестьян на оброк: при низких ценах на хлеб было не до усовершенствований, и помещик предпочитал опять пользоваться дешевой рабочей силой барщинного крестьянина, чем отпускать крестьянина на оброк и расширять свое хозяйство. Но, в общем, и тогда все уже начинали сознавать, что крепостное право тормозит развитие хозяйства: развивающаяся промышленность и торговля требовали применения вольнонаемного труда. Вот почему первое революционное выступление исходило из среды самих же помещиков - дворян и вот почему главным требованием этих революционеров - дворян было упразднение крепостного права.

где находились заводы и где бы не волновались рабочие. Эти волнения происходили и в первой половине XIX века до самого освобождения крестьян. Их не нужно смешивать с волнениями крепостных помещичьих крестьян, боровшихся за освобождение от крепостной зависимости (например, восстание крестьян под предводительством Пугачева в царствование Екатерины).

Но крепостное право было основой самодержавной манархии, т.-е. государства, где власть находилась в руках крупнейших земельных собственников, интересы которых и защищал царь и его правительство. Крупные помещики, обладая огромными количествами земли, до известной поры могли еще жить и крепостным трудом, в то время как средний помещик,—а таких было большинство,—уже не мог вести свое хозяйство на этом крепостном труде. Отсюда и получилось то, что часть дворянства стояла за освобождение крестьян, часть же отстаивала сохранение крепостного права в полной неприкосновенности.

Что это действительно так, это видно из тех проектов, которые составили декабристы о преобразовании русского государства (проекты конституции). По этим проектам видно, что даже самые крайние левые из декабристов, желая ограничить власть царя или даже совсем упразднить самодержавие, все-таки оставляли всю власть в руках дворянства и буржуазии; отстаивая освобождение крестьян, декабристы в большинстве случаев предлагали освободить их без земли.

Но все же восстание декабристов было первым революционным движением русского общества против самодержавия, и декабристы, погибшие на виселице (П. Пестель, К. Рылеев, С. Муравьев, Бестужев-Рюмин и Каховский) и сосланные в Сибирь, были первыми борцами и революционерами, хотя и буржуазными.

Несовместимость крепостного строя с новыми экономическими отношениями особенно остро чувствовалось в промышленности. В течение первой половины XIX века вопрос о свободном и крепостном труде неоднократно обсуждался в современной литературе. Фабриканты и купцы, прежде, в XVIII веке, домогавшиеся права владеть крепостными наравне с дворянством, теперь начали толковать о невыгодности крепостного рабочего и о прелестях свободного вольнонаемного труда. Дело же было просто в том, что развивающаяся промышленность требовала новых условий хозяйства, новых людей, новых форм общественной жизни.

4. Освобождение крестьян.

И мы знаем, что самодержавное правительство усиленно насаждало капитализм. Царь Николай I, одной рукой затянувший петлей виселицы первые попытки декабристов водворить и в России демократическую свободу, сам же другой рукой разрешал акционерные компании, давал льготы „почтенному“ российскому купечеству, начал постройку первой железной дороги, открывал коммерческие школы и с оружием в руках пролагал путь для русского капитала на Дальнем и Ближнем Востоке. Подавляя революцию и у себя дома и у соседей, правительство Николая в своей внутренней и внешней политике руководилось

интересами двух могущественных классов России: крупного землевладения, представителем которого был, между прочим, сам Николай, и капиталистов, значение которых возрастало с каждым днем. Поэтому, давая всяческие льготы капиталистам, правительство Николая все же не решалось освободить крестьян, так как это означало умаление роли дворянства, лишавшегося огромных запасов даровой силы.

Но сама эта сила, закабаленная и разоренная, все больше и больше становилась тормозом экономического развития, а потому вопрос об освобождении крестьян так или иначе должен был быть разрешен, тем более, что крестьяне ждать совсем не хотели и добивались свободы бунтами, волнениями и восстаниями, при чем нередко от руки измученных крестьян погибали особенно ненавистные помещики.

Это понимало и само правительство, и вопрос об освобождении крестьян обсуждался уже десятки лет в многочисленных комиссиях и комитетах. Дело в этих комиссиях шло о том, как освободить крестьян — с землей или без земли. Таким образом, вопрос шел о том, будет ли создан реформой чистый сельско-хозяйственный пролетарий или мелкий земельный собственник, свободно распоряжающийся своей землей. Как известно, реформа была проведена так, что сначала ни свободного земельного собственника ни сельско-хозяйственного пролетария не получилось; получился полукрепостной перекрепощенный крестьянин, находившийся во власти помещиков и имевший как раз столько земли, сколько было нужно, чтобы, оставаясь полуголодным, для поддержания своего хозяйства итти в кабалу к помещику: крестьяне получили, прежде всего, плохую землю, затем получили ее мало (у них „отрезали" при выделении даже часть той земли, какую они имели до реформы), и, наконец, землю отрезали так, что крестьянские наделы, то зажатые помещичьей землей, то разорванные ею на части, были настолько неудобны для ведения рационального хозяйства, что „свободный" крестьянин вынужден был брать в аренду свою собственную землю, отошедшую к помещику.

Кроме всего этого, крестьянин должен был выкупить свою „свободу": непомерно тяжелые выкупные платежи, которые должен был производить крестьянин в пользу помещика, усиливали его безвыходное положение.

При таком положении крестьянин рано или поздно должен был бежать из деревни в поисках за работой; чтобы не оставаться без дешевой рабочей силы, помещик, освобождавший крестьянина, обставил его крестьянскую „свободу" тысячью таких стеснений, что, на словах будучи свободным, крестьянин на деле оставался крепостным: круговая порука, особые законы для крестьян, в силу которых помещик был его судьей и начальником, паспортная система (помещик мог задержать выдачу паспорта крестьянину, желающему уйти на заработки), телесные наказания, исключение

из общества и высылка крестьян без суда в отдаленные места, каторжные законы о найме на сельско-хозяйственные работы, всякого рода стеснения при переселении на новые места, наконец общинные порядки, тормозившие развитие индивидуального хозяйства, — все это только ускорило процесс расслоения деревни. Маломощный крестьянин нанимался батраком к помещику, уходил в город на фабрики и заводы, бежал в Сибирь, забрасывал свое хозяйство и шел на юг в богатые сельско-хозяйственные экономии; словом, маломощный крестьянин довольно быстро превращался в самого настоящего сельско-хозяйственного пролетария. Эта, сначала небольшая, а затем огромная армия сельско-хозяйственных рабочих ежегодно двигалась по всем направлениям огромной страны и, главным образом, на восток и юг, где и поглощалась формировавшимся капиталистическим земледельческим хозяйством. В то же время создавался, рос и с каждым днем креп все больше и больше крестьянин-буржуа („кулак", „мироед", „паук", „глытай", лавочник, арендатор из крестьян), скупавший землю маломощных крестьян и, главным образом, разоряющихся помещиков. Не только на юге и на востоке,—на Кавказе, на Волге,—но и в центральной и северной России возникало промышленное земледелие: молочное, скотоводческое, лесное и т. п. хозяйство. Помещик либо продавал свою землю, не имея средств превратить свое хозяйство в капиталистическое, либо делал это хозяйство настоящим капиталистическим предприятием, работавшим на рынок. В земледелие все больше и больше проникал всемогущий капитал и все больше увеличивал расслоение деревни.

Отсутствие средств, земельная теснота, общинные порядки, непомерные налоги, невозможность вследствие этого улучшать свое хозяйство — все это истощало крестьянскую землю и делало почти невозможной борьбу со стихийными бедствиями — засухой, саранчой, овражистостью, песками, градом и т. п.; крестьянское хозяйство приходило все в больший и больший упадок.

Таким образом, после реформы это была уже новая деревня, где кипела самая ожесточенная классовая борьба, где на-лицо были уже все классы современного буржуазного общества: крупные земельные собственники, крупная крестьянская буржуазия, мелкая крестьянская буржуазия (средний и мелкий крестьянин), полукрестьяне, полу-рабочие (имеет землю, но нанимается на работу), лишенные земли сельско-хозяйственные рабочие, батраки, пролетарии.

5. Экономическое развитие России во второй половине XIX века.

Куда же девалась эта огромная армия разоряющихся крестьян? Она потреблялась городом и капиталистическим сельским хозяйством. Действительно, русская промышленность не стояла на

месте, а в течение XIX века очень быстро и успешно развивалась и росла. Приведем несколько цифр, рисующих рост промышленности и торговли в России в течение XIX века.

Возьмем эти цифры, начиная с 60-х годов, т.-е. как раз со времени освобождения крестьян. В 1863—65 г.г. Россия отправила за границу хлеба 8.708 тыс. пудов, а в середине 70-х г.г. уже 21.080 тыс. пудов. Вывоз льна выражался в 1857—61 г.г. в 4,6 милл. пуд., а в 1894—97 г.г. достиг уже 13,3 милл. пуд. Хлеб этот нужно было доставить к портам и пристаням,—и мы видим, как, начиная со времени Николая I, растет наша железнодорожная сеть: Николаевская (ныне Октябрьская) жел. дорога имела всего 600 верст протяжения, в 1863—65 г.г. железные дороги насчитывали 3.566 верст, а в 1872—74 г.г. уже 10.946 верст.

Но для развития сельского хозяйства, работающего на вывоз, необходимо превращение этого хозяйства в капиталистическое, потребляющее усовершенствованные земледельческие машины и орудия, удобрение и т. п. Действительно, мы знаем, что употребление этих орудий и машин в сельском хозяйстве все возрастало: в 1869—72 г.г. в Россию было привезено из-за границы сельско-хозяйственных орудий и машин 259.400 пуд. на сумму 787.900 рублей, а в 1877—80 г.г. уже 629.500 пуд. на сумму 3.593.700 рублей; в самой России на наших русских заводах также увеличилось число изготовленных сельско-хозяйственных орудий и машин: так, в 1876 г. их было произведено на сумму 2.329 тыс. руб., а, например, в 1894 г. уже на сумму 9.445 тыс. руб.

Ясно, что как для постройки железных дорог, так и для производства сельско-хозяйственных орудий необходимы также машины, для производства которых так же, как для производства рельс, постройки вагонов и паровозов и т. п., нужны железо, сталь, чугун, медь и прочие металлы. И мы видим, что выплавка чугуна очень быстро возрастает, начиная с эпохи освобождения крестьян: в 1867 году всего в России выплавлено чугуна 17.028 тыс. пуд., а в 1897 году уже 113.982 тыс. пуд. Но для превращения этого чугуна в продукты, годные для приготовления машин, орудий, станков и т. д., нужно топливо,—и мы знаем, как вместе с увеличением добычи чугуна увеличивается и добыча угля: так, в 1867 году было добыто угля только 26,7 милл. пуд., а в 1896 году его добыли уже 574,2 милл. пуд. Само собою ясно, что кто-то должен был все это производить. Производили это теперь вольнонаемные рабочие. Число их по официальным данным считалось в 1863 г. цифрой 358 тыс. человек, а через 30 лет, т.-е. в 1893 г., это число достигло 860 тыс. Понятно, что в действительности рабочих было значительно больше, так как приведенные цифры касаются только фабрично-заводских рабочих (на механических заводах, ткацких фабриках, на рудниках и т. д.), но ведь были еще рабочие сельско-хозяйственные, ремеслен-

ники рабочие строительные (плотники, каменщики и т. п.), рабочие транспорта и т. п.

Теперь понятно, куда шел тот крестьянин, который разорялся и бежал из деревни: его потребляла городская и сельско-хозяйственная промышленность. Потребляла его, конечно, и торговля. Ведь для того, чтобы переместить из одной местности в другую, передать из одних рук в другие все то, что производится в буржуазном товарно-денежном хозяйстве, нужны купцы, крупные, средние и мелкие торговцы и целая армия средних и мелких служащих — приказчиков, сидельцев, посредников, маклеров, агентов, комми-вояжеров и т. п. Действительно, число этих людей с каждым десятилетием возрастало по мере того, как рос торговый и промышленный капитал. Так, число купцов и торговцев в 1852 году было 47 тыс. с лишком, а в конце 80-х годов достигло почти 90 тысяч (86.905 чел. в 1887 г.); число приказчиков в том же 1852 г. было 14.158 чел., а в 1887 г. — уже целая армия в 193.326 душ.

Но для обслуживания капиталистического хозяйства требовались не только агенты, как приказчики и конторщики, нужны были еще обученные высшие агенты и квалифицированные люди — инженеры, техники, агрономы, землемеры, архитекторы, адвокаты, судьи, прокуроры, офицеры, жандармы, попы и весь тот средний и мелкий буржуазный люд, который получает предварительное обучение в буржуазной школе под руководством буржуазного учителя и профессора. И мы, действительно, видим, как число именно этих людей увеличивалось с каждым годом.

В 1832 году, т.-е. в эпоху Николая I, на каждую сотню тысяч жителей в России считалось учащихся в средней и низшей школе только 177 человек, в 1842 году — 191 человек, а в 1880 г. — уже 891 душа.

Число городских жителей еще в 1863 году составляло только около 10%, а к концу 90-х годов этот процент увеличился до 13; в 1897 году жителей в городах насчитывалось уже более 12 миллионов человек.

Все это городское население складывалось из разнообразнейших слоев и групп, классов; небольшой верхушки крупной буржуазии, средней и мелкой буржуазии — торговцев, ремесленников-хозяйчиков, служащих „разночинцев“ — интеллигенции и рабочих.

Число этих последних особенно было велико в крупнейших городах и промышленных центрах, а число так называемой интеллигенции особенно значительно в умственных и экономических пунктах, как Петербург, Москва, Харьков, Варшава, Одесса, Киев и т. п.

Если наш рабочий класс складывался, как мы теперь знаем, долгим мучительным процессом по мере экономического развития страны, выходя по преимуществу из разоряющейся деревни и беднеющего мещанского слоя, то так называемая интеллигенция образовалась тоже в результате чисто экономических причин более сложным порядком: интеллигенция не класс, а часть класса,

группа, выходящая из какого-либо класса. Дворянство выделяло свою дворянскую головку — наиболее образованных и сознательных представителей своего класса, крупная буржуазия значительно позже — свою, средняя и мелкая буржуазия еще позднее, чем ее более крупный собрат, — свою мелкобуржуазную или, как ее называли в России, разночинную интеллигенцию (дети разорившихся мелкопоместных дворян, нетитулованных мелких чиновников, разбогатевших торговцев, мелких купцов, духовенства и богатых крестьян), и, наконец, уже в новейшее время пролетариат — пролетарскую интеллигенцию.

6. Классы и партии в 70-х годах XIX века. Народники.

Таким образом, Россия уже вскоре после освобождения крестьян представляла страну с развивающимся капиталистическим хозяйством, буржуазное общество, в котором налицо были все борющиеся между собой классы современного общества, при чем все эти элементы развивающегося капиталистического общества причудливо сочетались с элементами старого самодержавно-капиталистического государства, выросшего на основе крестьянского натурального хозяйства с его крепостническими феодальными пережитками.

Эти феодальные пережитки сохранили наибольшую жизненность в деревне, в области сельского хозяйства, в виде власти крупного землевладельца, наиболее яркое, рельефное выражение которой оставалось в виде самодержавной монархии, этой власти класса крупных помещиков, которые под ударами новой жизни все больше и больше делали уступок поднимающему голову капиталу, не мирившемуся с необходимостью делить свою прибыль с паразитическим дворянством. Стало-быть, в этой пестрой картине русского общества самым ходом хозяйственного развития намечались линии, по которым должна была развиваться классовая, а значит, и политическая борьба.

Еще в начале XIX века на переднем плане стоял дворянин-помещик, крупный аграрий: он управлял страной, он брал львиную долю из того, что создавали остальные классы. Класс буржуазии торговой и промышленной только-только поднимал голову. В течение первой четверти XIX века значение этого последнего класса настолько возросло, что он явно сочувствовал оппозиции, когда, главным образом, среднее дворянство, в лице декабристов, попыталось обеспечить свои интересы и ограничить самодержавие. Отсталость крестьянского населения и неумение выступить в качестве защитников именно крестьянских интересов погубило декабристов. Но попытки выступить именно так у декабристов были, и мы видим, что их преемники петрашевцы в 40-х годах пытаются нащупать почву и определить тот путь, идя по которому можно было бы, защищая свои собственные классовые

интересы, выступать и от имени всех угнетенных: как известно, Петрашевский мечтал даже об организации мещанства. Это была уже новая нотка и означала эта нотка не что иное, как выступление на политическую арену новых общественных классов — средней и мелкой буржуазии, идеологом которых являлся интеллигент-разночинец. По мере экономического развития и роста средней и мелкой буржуазии интеллигент-разночинец также приобретает большой вес и значение и, начиная с 60-х годов, выступает на авансцену политической борьбы.

Теперь попытки выступать от имени народа и во имя народа уже целиком покрывают те интересы, которые присущи собственнической мелкобуржуазной природе разночинца. Под общей пышной одеждой утопического социализма скрываются самые противоречивые классовые интересы; с первого взгляда в этой идеологии трудно отличить различные струи и оттенки классовой дифференциации, и вот почему все революционные деятели 60-х и 70-х годов кажутся и самим участникам и сторонним наблюдателям единой революционной силой. Действительно, один основной факт экономически окрашивал все революционные группы и группочки в один основной цвет — видимое господство старых форм натурального крестьянского хозяйства с его общинным укладом. Общинные формы землевладения и возникающие отсюда идеологические сокровища русского общинника, — так думали идеологи 60-х и 70-х годов, — комунистические свойства мужицкой русской души — вот те начала, развивая которые Россия сбросит не только иго самовластия, но и прямо шагнет в царство коммунизма. Отсталость русской жизни, сравнительно небольшой удельный вес пролетариата заставляли революционеров 60-х и 70-х годов при построении своей программы обращаться назад, вглубь времен, а не смотреть вперед. Отсюда основное свойство всех революционных идеологий 60-х и 70-х годов — утопический, мелкобуржуазный социализм, народничество. Вот почему и анархист Бакунин, и полулиберал, полусоциалист Герцен, и буржуазный демократ-радикал и материалист Чернышевский, и якобинец Зайчневский, и Ткачев, и социалист-эклектик Лавров, и анархист Нечаев — все они имеют одну общую, мелкобуржуазную, утопическую социалистическую природу.

Но, вместе с тем, сообразно своему положению, положению тех классов, откуда они вышли, воспитанию, образованию и, наконец, тысяче всяких иных обстоятельств, все эти течения отличались друг от друга, имели те или иные черточки, которые в дальнейшем развитии событий либо совсем отмерли, либо развились в самостоятельные и оригинальные черты. [1]

---

[1] Само собой ясно, что это только общая характеристика общественного движения 60-х годов; при ближайшем и более пристальном изучении этого движения, уже в нем можно заметить истоки многих позднейших и даже современных общественных — оппозиционных и революционных — течений (либерально-демократического, мелкобуржуазного, социалистического и т. д.)

„Апостол всемирного разрушения“ М. Бакунин проповедывал крестьянские восстания, их объединение и слияние в единый всеобщий бунт, который до основания разрушит современное общество с его государством, религией и частной собственностью, и на месте этих развалин водворит царство анархии. Носителем революционной анархической идеи, по мнению Бакунина, являлся крестьянин и разночинный интеллигент. Крестьянин носил в себе три основные свойства коммунизма: веру, что земля ничья, принадлежит всем, миру, общине, и общинное самоуправление, откуда и вытекает ненависть крестьянина ко всякой власти [1]. Стоит только разбудить эти инстинкты крестьянина — и революция наступит. Это и должен сделать интеллигент-анархист.

Ткачев учил, что нечего ждать, когда разовьется в России капитализм. Как раз наоборот. Чем менее сильна будет в России буржуазия, тем легче народ свергнет правительство, которое опирается только на голую физическую силу. Поэтому необходимо сорганизовать несколько тысяч смельчаков, героев революционеров, которые внезапным натиском уничтожат правительство и, захватившии власть, начнут созидание коммунистического строя. Но и Ткачев также исходил из все той же веры в жизненные силы русской общины.

Лавров, как известно, вместе с Бакуниным и Ткачевым разделявший некоторые положения учения Маркса, точно также разделял с ними их заблуждение и веру в прогрессивные начала общинного крестьянского хозяйства.

Известно также, что и Чернышевский, гениальнейший из русских экономистов прошлого века, сомневался и не мог решить вопроса о том, по какому пути должно пойти развитие русского общества, ибо и он предполагал возможность перехода к социализму, минуя капиталистическую фазу. Это заблуждение разделяли и другие выдающиеся представители революционной интеллигенции, в том числе Аксельрод и Плеханов.

В высшей степени характерно то, что вера в коммунистические свойства народа и прогрессивные тенденции русской общины приводили народников к учению о „героях“. Полагая, что экономический переворот разрешит все и даст такие формы общежития, какие наиболее выгодны, справедливы и полезны трудящимся, — отвергая борьбу за политическую свободу, народники-революционеры культивировали учение о героях и таким образом выдвигали наиболее индивидуалистическое учение. В самом деле, Лавров учил, что история делается критически-мыслящими личностями; что обществу грозил бы застой и гибель, если бы в нем не создавалась кучка самоотверженных героев,

[1] Бакунин считал, что крестьянину присущи и отрицательные черты, именно патриархальность, поглощение лица миром, вера в царя и бога, но так как уже сам народ начал борьбу с этими отрицательными чертами, то по Бакунину выходило, что крестьянин и в бога не верит и царя не чтит.

наиболее развитых, наиболее благородных, наиболее способных к самопожертвованию героев, „критически мыслящих личностей“, которые и ведут за собой все остальное общество.

Мы понимаем, что именно такое учение должно было возникнуть в 60 и 70 годы, когда мелкобуржуазная интеллигенция выдвинулась на аван-сцену истории и когда ее развитие как раз требовало выдвигания на первый план индивидуальности, свободы личности, совести и т д..

Таким образом, остатками феодальных отношений, неразвитостью капиталистических форм хозяйства, с одной стороны, и именно капиталистическими сторонами хозяйства, уже все более и более развивающегося, с другой, объясняется эклектический характер народнической революционной идеологии—вера в русскую общину, в возможность, минуя капитализм, сразу перескочить в коммунистический строй, отрицание политической борьбы и идеология критически-мыслящей личности, как интеллигентного демиурга истории, ведущего за собой народ.

Жизнь готовила народникам жестокое разочарование.

Их паломничество в народ, поселение среди крестьян с целью пропаганды социализма окончилось неудачей не только потому, что правительство своими преследованиями разрушило эти поселения, а главным образом потому, что мелкий собственник-крестьянин охотно слушал критику современного строя, критику самодержавия и даже религии, но не понимал и не хотел слушать о социализме; он не понимал и жаждал земли и воли, причем земля эта рисовалась ему в виде мелкой частной собственности, а воля — в виде буржуазных свобод.

Но, если такие идеи смутно бродили в головах даже отсталых слоев, то тем более развивающиеся буржуазные отношения должны были более ясно и точно формулироваться головами более сознательной и образованной революционной интеллигенции. Так это и было. Уже в 1878 году среди народников, объединившихся еще в 1876 году в общество „Земля и Воля“, отчасти под влиянием преследований правительства, отчасти под влиянием неудач поселения в народе, стали зарождаться течения, которые ставили на первый план борьбу за политическую свободу, исходя из той мысли, что, завоевавши политическую свободу, легче бороться за социализм [1].

Назревал, таким образом, раскол. Он произошел в 1879 году на Воронежском съезде, когда народники разделились на две революционных организации: „Черный Передел“ со старой земле-

[1] Эту революционную, народническую организацию 70-х годов „Земля и Воля“ не следует смешивать с тайным обществом „Земля и Воля“ 60-х годов (1861—1864 г.г.), главными организаторами которого были: Н. П. Огарев, бр. Н. и А. Серно-Соловьевичи и др. и природа которого может быть кратко охарактеризована как выражение интересов радикальной демократии того времени (сословная конституционная монархия Н. Серно-Соловьевича, освобождение крестьян с землей без выкупа, буржуазные свободы и т. п.).

вольческой программой, отвергавшей борьбу за политическую свободу, и „Народную Волю“, ставившую своей главной задачей завоевание — путем террористической борьбы — буржуазно-демократической конституции.

7. Рабочее движение в России в 70-х годах.

Но уже в 60-ые и особенно в 70-ые годы в недрах буржуазного общества в России зрела новая сила—пролетариат. Мы уже видели, как под влиянием экономического развития менялся состав русского общества и как с каждым десятилетием увеличивалось число вольнонаемных рабочих.

Само собой ясно, что жизнь рабочих вообще, их положение, и правовое и материальное, было ужасно. Рабочие страдали не только потому, что их эксплуатировал капиталист, но еще и оттого, что русский капитализм развивался в своеобразных условиях самодержавного государства. В Западной Европе, где существовал демократически-буржуазный строй, рабочий, борясь с капиталистом и буржуазным правительством, все же до известной степени мог пользоваться теми свободами демократического государства, какими пользовался и капиталист; в России же никаких демократических свобод не существовало, и капиталист, эксплуатируя рабочих, широко пользовался силами самодержавной власти для подавления малейшего протеста рабочих. Правительство очень внимательно следило за настроением рабочих и пресекало в корне какие бы то ни было попытки рабочих к самозащите. Буржуазия чувствовала себя хорошо под защитой самодержавия и безудержно эксплуатировала пролетариат, а правительство, идя навстречу капиталистам, законодательным путем стесняло борьбу рабочих. Еще в 1845 году правительство Николая I издало закон против стачек рабочих. В статье 1792 „Уложения о наказаниях уголовных и исправительных“ стачка рабочих рассматривалась как уголовное преступление, и участники стачки карались тюремным заключением.

А между тем положение рабочих было очень тягостно. Рабочий день продолжался 14, 16 и даже 20 часов; заработная плата задерживалась и выплачивалась неаккуратно; очень часто расплата производилась товарами; работать приходилось в ужасающих условиях: нездоровые помещения без вентиляции, света, безо всяких предохранительных приспособлений; врачебная помощь отсутствовала, пища отличалась дурными качествами, жилища были до того плохи, что рабочие сплошь и рядом предпочитали жить под открытым небом. Штрафы, удержание части заработка в пользу хозяина, несправедливые расчеты, удержание рабочих на фабрике силой против их желания, грубое обращение мастеров, брань, насилие над женщинами — все это рано или поздно должно было поднять рабочих против своих угнетателей.

И мы, действительно, знаем, что стачки рабочих в России начались очень давно. Уже в 40-х и 50-х годах несомненно происходили стачки рабочих, но, к сожалению, вопрос этот еще недостаточно хорошо изучен, и поэтому с уверенностью пока можно говорить о стачках конца 60-х и начала 70-х годов.

О стачках в десятилетие 1870—1880 г.г. имеются уже более точные сведения: в течение этого времени произошло не менее 30 стачек в провинции и в столицах. Остановимся на некоторых из этих стачек. В 1872 году произошла стачка на Большой Кренгольмской мануфактуре. Рабочие предъявили следующие требования: 1) продлить обеденный перерыв на полчаса, 2) прекратить работу детей по вечерам, 3) уменьшить размер штрафов, 4) установить более точные расценки при поштучной работе и 5) удалить из больницы фельдшера, которым недовольны рабочие.

Губернатору удалось сначала уладить дело миром, но администрация фабрики, якобы под давлением рабочих, снова ввела старые порядки. Тогда рабочие выбрали депутацию и отправили ее в г. Нарву с жалобой к жандармскому офицеру. Администрация же, узнав об этом, известила станового, который и арестовал всю депутацию. В ответ на это забастовали все пять тысяч рабочих, а когда вскоре часть рабочих пожелала стать на работу, остальная масса силой воспрепятствовала этому, при чем толпа человек в пятьсот двинулась в г. Нарву. Рабочих встретили власти и старались успокоить забастовщиков, но прибывшие вскоре войска разогнали рабочих. Стачка после этого окончилась, при чем жандармы арестовали „подстрекателей".

В данном случае стачка протекала более или менее мирно, но в других случаях рабочие, доведенные до отчаяния, поднимались стихийно, и их забастовки превращались в погромы; таким погромом окончилась, например, стачка на заводах Юза в Донецком бассейне в 1875 году.

Трудно сейчас сказать, принимали ли участие во всех стачках 70-х годов социалисты-народники; вероятней всего, что не принимали, но о некоторых стачках это положительно известно, как, например, о стачках на ткацких фабриках в Петербурге в 1878 и 1879 г.г. Эти стачки, на Новой Бумагопрядильне и на фабрике Шау, подробно описаны в известной книге Г. В. Плеханова: „Русский рабочий в революционном движении". В стачке этой принимали участие народники-социалисты и, между прочим, Г. В. Плеханов и члены „Северно-Русского Рабочего Союза", в том числе и недавно умерший П. А. Моисеенко.

Причиною стачек послужило тяжелое экономическое положение рабочих, которые предъявили требования о повышении заработной платы, об отмене невыносимо высоких штрафов, об уменьшении рабочего дня и т. п. Рабочие держались очень стойко, несмотря на репрессии властей, и только общий расчет, голод и высылка бастующих на родину сломили забастовщиков.

Характерной чертой этих стачек является отправка рабочими депутации к наследнику (будущему царю Александру III) с прошением, которое предварительно читалось на сходке. Социалисты, руководившие стачкой, отговаривали рабочих от посылки депутации, но рабочие настояли на своем, и, только убедившись на опыте в бесплодности своей попытки, они уже всецело шли за социалистами.

Стачка имела большое значение, так как массы рабочих на практике увидели, что, во-первых, они все вместе, в массе, представляют огромную силу, с которой едва-едва могут справиться только применением вооруженной силы и вмешательством полиции, и, во-вторых, что только организованным, совместным выступлением и можно чего-либо добиться от хозяина.

Огромное значение имела стачка еще и потому, что показала рабочим, на чьей стороне правительство.

Впрочем, вообще аресты, высылки, предание стачечников суду и заключение их в тюрьму, — чем кончалось большинство стачек, — все это было прекрасным агитационным средством, заставлявшим рабочих задумываться над своим положением и над тем, кто их друзья и враги и каким путем возможна борьба за улучшение своей жизни.

Большое значение имело и то обстоятельство, что в это время уже из среды самих рабочих выделялись люди, понимавшие причины тяжелого положения пролетариата, искавшие выхода из этого положения и приходившие при помощи социалистов-народников к тому заключению, что единственным выходом может быть только создание самостоятельной революционной классовой социалистической организации пролетариата.

Самыми выдающимися из таких рабочих в это время были рабочий Виктор Обнорский и Степан Халтурин.

8. Южно-Российский Союз Рабочих. Северно-Русский Рабочий Союз. Заславский, Обнорский и Халтурин.

Виктор Павлович Обнорский являлся чистокровным рабочим, горожанином в полном смысле этого слова. Он вышел из семьи бедных мещан; окончив с успехом уездное училище, он — за неимением средств у родителей — был отдан на обучение ремеслу и в качестве ученика прошел всю ту тяжелую школу ученичества, из которой выходили квалифицированные русские рабочие. Пройдя срок ученичества и сделавшись слесарем, Обнорский переехал в Петербург и здесь очень скоро попал в один из революционных кружков, организованных народниками-социалистами.

Народники, как известно, давно уже вели пропаганду среди рабочих; в 70-х годах из среды этих распропагандированных рабочих выделились недюжинные личности (Петр Петерсон, Гри-

горий Крылов, Митрофанов, Петр Алексеев и др.). В этой-то среде Обнорский очень скоро усвоил народническое учение и сам принялся за социалистическую пропаганду. В 1873 году произошли аресты, народнический кружок (Чайковцев), где участвовал Обнорский, погиб, но ему удалось избежать ареста и скрыться; в конце 1873 г. он уехал из Петербурга и, переселившись в Одессу, сошелся с интереснейшим социалистом-народником, работавшим в Одессе,— Евгением Осиповичем Заславским. Заславский, интеллигент, тогда уже приступил к организации „Южно-Российского Союза Рабочих". Эта организация была первой в России классовой социалистической организацией рабочих. Руководителем ее был Заславский, но членами ее были рабочие одесских и ростовских заводов.

Рабочие же были организаторами и пропагандистами, они же принимали участие в выработке программы „Союза". А программа, как и вся деятельность „Союза" настолько были непохожи на все остальные революционные кружки того времени, что на этом необходимо остановиться.

В параграфе первом „Устава Южно-Российского Союза Рабочих" цели этой организации определяются так: „Сознавая, что установившийся порядок ныне не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих; что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния; что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении,— мы, рабочие Южно-Российского края, соединяемся в один союз под названием «Южно-Российского Союза Рабочих», постановляя себе целью: во-первых—пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов, во-вторых — объединение рабочих Южно-Российского края, в-третьих — для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком" [1].

Как видно из этой программы, Заславский и его товарищи не разделяли господствовавшей тогда анархической бакунинской программы, которая сводилась к пропаганде и подготовке немедленной социально-экономической революции при полнейшем отрицании борьбы за политическую свободу. Завоевание политической свободы, как предварительного условия для борьбы за социализм, не входило в задачи народников-социалистов и, наоборот, считалось даже вредным и опасным, так как установление демократического строя усилит только буржуазию.

Как видно из программы Заславского, он считал борьбу политическую и экономическую только двумя сторонами той

---

[1] „Южно-Русские Рабочие Союзы". Под. ред. В. В. Максакова и В. И. Невского, М. 1924 г., стр. 101.

революционной борьбы, какую должны вести социалисты уже в данный момент, и полагал своей конечной целью социалистический строй, достижение которого ему представлялось также не мирным путем, а путем насильственного переворота, т.-е. путем завоевания власти рабочим классом.

Мы, таким образом, видим, что здесь, в программе, выработанной Заславским, уже заключаются основы той программы, какую затем выработали Обнорский и Халтурин для другой рабочей организации—„Северно-Русского Рабочего Союза".

Это, действительно, было так, потому что Обнорский прожил в Одессе конец 1873 г. и часть 1874 г. и отсюда, распропагандированный Заславским, уехал за границу. Организация рабочих, классовая, социалистическая организация рабочих в России, и литература, которой пользовался Заславский в своей пропаганде, заставили Обнорского задуматься над самыми основными вопросами революционного движения, и он едет из Одессы за границу. Там он знакомится с европейским рабочим движением, усваивает социал-демократическую программу и возвращается в Россию уже с идеей создания и в Петербурге рабочей организации, подобной союзу Заславского.

Здесь Обнорский (побывавший за границей несколько раз) уже зрелым человеком (ему было в 1878 году около 30 лет) встречает другого замечательного рабочего Степана Халтурина, тогда еще совсем молодого человека.

Степан Николаевич Халтурин, сын зажиточного крестьянина Вятской губернии, получил образование сначала в уездном, а затем в среднем сельско-хозяйственном училище (которое, правда, не кончил). Начитанный и много думавший, он, неудовлетворенный жизнью на родине, решил уехать в Америку, чему помешала незначительная случайность в Москве. Здесь он, оставшись без средств к жизни, поступил на железную дорогу (в 1875 году) столяром и с этих пор, как рабочий, начал свою революционную деятельность. В 1875—76 годах мы его находим в Петербурге, и, по словам Плеханова, в это время он был уже деятельным пропагандистом. Познакомившись с Обнорским, он проникся идеями своего старшего товарища и сделался вместе с Обнорским организатором „Северно-Русского Рабочего Союза", окончательное образование которого относится к концу 1878 года.

В программе „Северно-Русского Рабочего Союза" то, что было еще только намечено слабыми чертами в Одессе у Заславского, у Обнорского в Петербурге приняло ясные и определенные очертания. „Северный Союз русских рабочих, — говорится в программе этого союза, — тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей програмой"...

Ставя своей целью борьбу за социализм, союз ближайшей задачей считает: 1) завоевание свободы слова, печати, права собраний и сходок, 2) уничтожение сыскной полиции и т. д.,

при чем завоевание всех этих свобод необходимо потому, что „политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса"...

Это уже ясная и определенная формулировка борьбы за политическую свободу, за конституцию, за демократический строй, чего так сильно боялись народники-социалисты 70-х годов.

Что это, действительно, так, хорошо видно из полемики, возгоревшейся между народниками и Обнорским тотчас же, как только появилась программа „Северного Союза". Приветствуя образование новой социалистической да еще рабочей организации, народнический журнал „Земля и Воля" ставил в вину союзу именно те части программы, которые были „прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов". „Вопросу о влиянии политической свободы, — говорится в статье, — в деле борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами посвящается слишком много времени и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле"...

Известно, как отвечал Обнорский своим товарищам народникам. В этом ответе обнаруживается неизмеримо больше понимания насущных задач революционного движения, чем во всех пространнейших народнических программах.

...„Мы знаем также,—писали Обнорский и Халтурин в своем ответе народникам, — что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды,—и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены различных стеснительных „положений" и „уложений"... Да не подумают, чтобы и в самом деле политическая свобода входила в наши особенные планы и расчеты, и для нее мы отводим столь же почетное место, как и для основного нашего требования. Нет, мы только говорим, что так бы лучше, что эта свобода—все-таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса; а осмысленность в движении—весьма важное условие для желанного исхода революции" [1].

Рабочие Обнорский и Халтурин, таким образом, гораздо яснее представляли себе задачи и характер той революционной организации, у которой только и могло быть будущее. Получив толчок извне, распропагандированные революционерами из буржуазной среды, они вследствие связи с рабочей массой уловили

[1] „Земля и Воля". „Социально-Революционное Обозрение", № 5, от 8 февраля 1879 г. „Революционная журналистика семидесятых годов". Второе приложение к сб. „Государственные преступления в России", изд. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Русск. Истор. Библ., № 7, стр. 258

истинные тенденции революционного развития России. Без сомнения, толчок исходил извне, и с этой точки зрения Заславский с полным правом может быть назван родоначальником нашей классовой рабочей социалистической организации, но с таким же, если не с. бо́льшим правом, родоначальниками этой организации должны быть названы Обнорский и Халтурин.

И „Южно-Российский" и „Северно-Русский" союзы были достаточно сильные организации. Организация Заславского обнимала несколько сот членов, имела отделения в Ростове-на-Дону и, быть может, в других городах юга, пыталась создать кооперативные учреждения, организовала стачки и руководила ими, распространяла нелегальную литературу, печатавшуюся в своей типографии, и выработала несколько десятков стойких социалистов из рабочих, которые продолжали дело своего учителя. Одного из этих учеников Заславского, Наддачина, мы встречаем уже в начале 90-х годов как организатора стачки в Петербурге.

Организация Обнорского и Халтурина также состояла из нескольких сот членов и, кроме выработанной ею программы, начала издавать рабочую газету „Заря Рабочего" и прокламации, заводила связи с рабочими кружками в провинции и пыталась эти кружки соединить с главным ядром Петербурга, руководила стачками в Петербурге и помогала народникам. (Халтурин еще с этой целью ездил в Москву и другие города, а его товарищи заводили связи также с провинцией; например, рабочий Бачин ездил в Ростов-на-Дону).

Правда, „Заря Рабочего" состоит всего из одного листика, правда, прокламации „Северного Союза"—только первые попытки рабочей литературы, составленной самими рабочими; но уже потому, что это было сделано рабочими, что это была первая попытка организовать рабочие социалистические организации и издавать социалистическую рабочую литературу силами самих рабочих,— оба союза, и союз Заславского и союз Обнорского и Халтурина, и должно считать тем исходным пунктом, откуда ведет свое начало русская классовая, социалистическая, рабочая организация.

Рабочие организации скоро распались, потому что рабочее движение не было еще настолько сильно, чтобы дать опору рабочей партии, и потому, что силы революционеров требовались самой могучей и обаятельной партии того времени — „Народной Воле".

Обе организации погибли под ударами правительства в конце 70-х годов (суд над „Южно-Российским Союзом" происходил в 1877 году, а „Северный Союз" был разрушен в 1879—80 годах), сам Халтурин перешел к народовольцам и был казнен в Одессе в 1882 году; но дело, начатое Заславским, Обнорским и Халтуриным, не погибло.

9. „Народная Воля" и „Черный Передел". Их эволюция.

В параграфе восьмом мы уже говорили, что народническая организация „Земля и Воля" летом 1879 года разделилась на две части: „Черный Передел" и „Народную Волю".

„Черный Передел", куда вошли такие славные деятели революционной борьбы, как В. И. Засулич, Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, М. К. Крылова, О. В. Аптекман, П. Б. Аксельрод и другие, придерживался старой народнической, стало-быть бакунинской, программы. Старая вера в самобытное развитие России и в то, что через русскую общину русский крестьянин путем социальной революции перешагнет прямо к социализму без завоевания политической свободы, попрежнему стояла в символе веры чернопередельцев. Наоборот, в программе „Народной Воли" завоевание политической свободы было ближайшей задачей партии, пожалуй, заслонявшей социалистическую ее часть, что бы ни говорили и тогда и впоследствии народовольцы.

В „Народную Волю" вошли также не менее выдающиеся деятели движения, как А. Желябов, С. Перовская, Л. Тихомиров, Кибальчич, Михайлов и другие. Но не в личном составе, конечно, лежала суть и причина разногласий. Народовольцы считали террор главнейшим средством борьбы совсем не потому, что они были более мужественны и решительны, — и чернопередельцы могли гордиться в этом отношении; — дело сводилось к тому, что в самих недрах движения, в тех классовых силах, которые выдвигались экономикой страны, были заложены различные тенденции движения.

Народовольцы являлись только наиболее яркими и талантливыми выразителями радикальной мелкобуржуазной части русского общества, для которого конституционный образ правления был вопросом жизни или смерти. Вопрос о политической свободе в 80-е годы в России стал вопросом дальнейшего развития или упадка страны: это чувствовали и понимали все прогрессивные слои русского общества, это лучше всех понимали теперь наиболее образованные и решительные части революционной мелкобуржуазной интеллигенции, народовольцы.

И, понимая это лучше всех, народовольцы наиболее полно, наиболее хорошо отражали стремления и интересы всех прогрессивных слоев русского общества. Но не подлежит никакому сомнению, что никаких социалистических задач буржуазные слои русского общества себе не ставили: в общем, стремления этих слоев (средней и мелкой да отчасти и крупной буржуазии, либеральных земцев и т. п.) сводились к ограничению самодержавия в той или другой форме; ни о каком упразднении института частной собственности эти слои и не мечтали.

Ставя на первый план завоевание политической свободы и отодвигая вопрос о социалистическом перевороте на задний

план, народовольцы только наиболее чутко улавливали задачи момента. Вот почему народовольцы пользовались таким успехом среди всех прогрессивных слоев русского общества, вот почему и сами народовольцы так охотно готовы были входить в соглашение с либералами и вот почему прав Г. В. Плеханов, характеризуя А. И. Желябова как радикала в европейском смысле этого слова.

Эволюция народовольчества только подтвердила эту характеристику Плеханова. „Народная Воля", мечтавшая силами героев-революционеров, террористическими актами этих героев добиться политической свободы, опиравшаяся на слои разночинной мелкобуржуазной интеллигенции, в лучшем случае могла добиться тех или иных политических гарантий, выгодных прежде всего для той же самой буржуазии. Действительно, мы знаем, что еще на съезде в Воронеже в 1879 году и в особенности после убийства Александра II, в идеологии народовольцев явно проскальзывают буржуазные струи движения: один из главнейших деятелей „Народной Воли", А. Желябов, в спорах на Воронежском съезде прямо и определенно заявлял, что, если стачки рабочих полезны для политической борьбы, то он будет поддерживать борьбу рабочих, если же стачки рабочих в данный момент не содействуют политической борьбе, то он не будет поддерживать рабочих; Якубович, Корба и некоторые другие народовольцы впоследствии публично заявляли, что они помирились бы и на конституции, октроированной властью; да и в самый момент расцвета „Народной Воли" в 1881 году мы находим документы, подтверждающие мысль, что сущность народовольческого движения сводится к буржуазно-революционному радикализму: народоволец И. Н. Присецкий в своем известном письме в „Вольном Слове" ясно и недвумысленно заявлял, что старая народническая формула „все для народа и все посредством народа" в сущности должна означать — „все для интеллигенции и посредством интеллигенции" и что „Народная Воля" только тогда и добилась бы успеха в своей борьбе, если бы все прогрессивные элементы земств и городов присоединились к народовольцам [1].

Все только-что сказанное отнюдь, конечно, не означает чего-либо порочащего героическую борьбу народовольцев; народовольцы огненными буквами вписали свое имя в историю; но исторический факт остается фактом: объективно „Народная Воля" и ее борьба были выражением стремления русской буржуазии завоевать политическую свободу и установить буржуазно-демократический строй государства.

„Черный Передел" остался верен своим старым традициям тоже недолго.

Уже в первых номерах журнала того же имени чувствуется влияние новых условий жизни. Это влияние оказывают два

---

[1] „Историко-революционный сборник", т. II, приложение к ст. В. Невского. Ленингр. 1924 г.

важнейших фактора: давление мелкой и средней буржуазии и давление пролетариата. Давление мелкобуржуазной идеологии сказалось в том, что, оставаясь в общем и целом верными своей старой народнической программе, чернопередельцы — под влиянием борьбы „Народной Воли“ — в своей общей народнической программе, составленной П. Б. Аксельродом (в программе северно-русского общества „Земля и Воля“, во втором номере „Черного Передела“ от сентября 1880 г.), еще в 1880 году писали: „В виду того, что всякая форма государственной организации, основанной на различии классов, является воплощением и поддержкой интересов эксплуатирующего меньшинства, что современное Российское государство является самым беззастенчивым и самым грубым выразителем этой тенденции,—общество «Земля и Воля» признает необходимость непосредственной борьбы с его представителями, т.-е. необходимость так называемого террора политического“.

Еще так недавно народники отрицали всякую политическую борьбу, и потому признание террора было огромным шагом вперед, ибо это признание обозначало не что иное, как признание политической борьбы. Менее чем через год, именно в марте 1881 г., в № 3 „Черного Передела“ и в заявлении от прежних издателей за подписью Плеханова и в особенности в передовой статье чернопередельцы целиком признали необходимость борьбы за политическую свободу и конституцию. „Мы не игнорируем, — говорится в этой статье,— политических потребностей и политической деятельности народа. Ненормальное состояние отжившего государственного строя и переходное время, которое, очевидно, в отношении своего политического устройства переживает наша страна, как одна из «злоб дня», не могут быть оставлены без внимания партией, стоящей за народные интересы. Мы знаем, какое значение имеет для народа политическая свобода буржуазно- или бюрократическо - конституционного режима при экономической порабощенности, но мы не можем не оценить выгод признания элементарнейших прав личности. Поэтому мы на борьбу против деспотического и полицейского гнета смотрим как на соответствующую интересам народа и партии, сочувствуем и вносим требование политических реформ в список ближайших требований Народной партии“ [1].

Как видно из только-что цитированного отрывка, борьба народовольцев за политическую свободу оказала на чернопередельцев огромное влияние.

Но другой фактор, именно борьба рабочего класса, оказал не меньшее влияние на мировоззрение народников.

[1] „Черный Передел“. Орган социалистов-федералистов 1880—1881 г.г. Госизд. П. 1923 г. с пред. В. Невского и вступит. статьей О. В. Аптекмана, стр. 249.

Потерпев крах в своей пропаганде социализма среди крестьян, народники констатировали зато крупнейший успех своей работы в другой среде—в среде городских рабочих.

Пропагандой среди рабочих народники занимались давно. Еще в 60-х годах были попытки вести такую пропаганду; в 70-х годах народнические революционные кружки существовали во многих местах, а в начале 80-х годов не было ни одного крупного города, где бы не существовало революционной организации рабочих. Правда, это были типичные народнические кружки, и на рабочую среду народники смотрели только как на среду более развитых, чем крестьяне, людей, откуда легче выбрать и подготовить пропагандистов все для той же деревни. Однако, уже такие явления, как факты создания Южно-Российского и Северно-Русского Рабочих Союзов, указывали на нечто большее. После разделения „Земли и Воли" и чернопередельцы и народовольцы очень усиленно и плодотворно вели работу среди пролетариата: Е. Н. Ковальская и ее товарищи-чернопередельцы с 1880 г. создали в Киеве очень сильную рабочую организацию „Южно-Русский Рабочий Союз"; народовольцы имели хорошие рабочие организации не только в Петербурге и Москве, но и в провинции; чернопередельцы имели организации и вели пропаганду среди рабочих в Петербурге, Москве, Харькове и других городах. Из среды рабочих вышли известные революционеры - народники; ученики Обнорского и Халтурина работали среди пролетариата долгие годы после ссылки и гибели своих учителей. Наконец, рабочее движение, хотя и в зачаточных, но уже в ясно заметных формах заставляло революционеров обращать внимание на пролетариат.

Действительно, уже в 70-е годы замечается влияние рабочего движения на идеологию народников.

Плеханов еще в 1879 году, в журнале „Земля и Воля", стало-быть тогда, когда он был правоверным народником, писал: „Волнения фабричного населения, постоянно усиливающиеся и составляющие теперь злобу дня, заставляют нас, раньше чем мы рассчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашим городским рабочим в этой организации. Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью, самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей".

Впоследствии, вспоминая этот период своей деятельности, Плеханов заявлял, что к началу 1879 года „рабочее движение переросло народническое учение на целую голову". Но не только в отношении перенесения центра тяжести своей пропагандистской работы в рабочую среду оказало влияние на народников рабочее движение; оно заставило их критически взглянуть и на основы своей теории.

Если рабочий представляет такое большое значение в революционном движении и если в то же время крестьянин со сво-

ими „коммунистическими" свойствами так туго поддается пропаганде социализма, то существуют ли вообще эти „коммунистические" свойства, и, если паче чаяния их нет вовсе, то, быть может, и сама основа, из которой рождаются эти свойства, т.-е. община, не является исходным пунктом будущего социалистического развития. Таков, примерно, должен был быть ход рассуждений тех людей, которые додумались уже до понимания большого значения революционной организации рабочих. Если же принять во внимание, что Плеханов, как и многие другие последователи Бакунина, признавал учение Маркса и те пути развития, которые указал Маркс для Западной Европы, то станет понятным, что недалеко было то время, когда Плеханов взглянет именно с точки зрения теории Маркса на русское революционное движение. Еще в третьем номере журнала „Земля и Воля" он, признавая учение Маркса для Западной Европы, однако полагает, что это учение неприменимо к России, где община еще не разрушена капитализмом и где перед революционерами стоят те же задачи, что стояли и перед титанами народно-революционной обороны Булавиным, Разиным и Пугачевым.

Через какой-нибудь год тот же Плеханов в журнале „Черный Передел" уже говорит не то: признавая вслед за Марксом, что „экономические отношения в обществе являются основанием всех остальных", он уже склоняется к тому мнению, что — при некоторых условиях—общине может грозить гибель и разрушение. Что касается России, то эта гибель общины может произойти от столкновения ее с капитализмом, а тогда и экономическое, а, стало-быть, и революционное движение пойдет по тем же путям, как на Западе. „Таким образом, — говорит он, — капитализм подготовляет почву социализму и является необходимым его предшественником" [1]. Признать же, что общество должно пройти стадию капитализма и затем уже перейти к социализму, это означает признать и такие формы организации и борьбы, какие отрицались народниками: организации революционной рабочей партии и борьбы ее в условиях буржуазного общества. Плеханов и высказывается в этом духе во втором номере „Черного Передела", когда делает предположение, что и в России возможно завоевание буржуазией конституции.

Считая завоевание политической свободы огромной важности фактом, Плеханов не делает себе иллюзий из этого факта и понимает, что прежде всего свободой воспользуется буржуазия. Но та же политическая свобода принесет большую пользу и народу, если только будет создана народно-революционная партия, которая сумеет борьбой отстаивать и защищать интересы народа и добиваться социализма. „Мы знаем цену политической свободы, — говорит он, — и можем пожалеть лишь о том, что

[1] Собр. соч. Г. В. Плеханова, под ред. Д. Рязанова, т. I, стр. 120.

русская конституция отведет ей недостаточно широкое место"[1]. Поэтому, по мнению Плеханова, перед „Черным Переделом" станет задача создания такой социально-революционной организации, в программу которой войдет—как ближайшее требование—завоевание политической свободы на-ряду с осуществлением и других экономических преобразований, необходимых для народа, и вместе с тем в программе которой социалистический строй является конечной целью борьбы.

Таким образом, ясно, что, еще задолго до образования группы „Освобождение Труда", в мировоззрении главного деятеля этой группы произошел сдвиг, происходило изменение, которое в конце концов и привело Плеханова и его ближайших товарищей к марксизму.

Но не только во взглядах Плеханова происходил этот сдвиг; и Аксельрод, другой теоретик группы „Освобождение Труда", точно так же еще в 1878 году, оставаясь в главном и основном анархистом-бакунистом, высказывал сомнение относительно незыблемости общины в России. Кроме того, живя за границей и наблюдая рабочее движение на Западе, он понимал все огромное значение, какое имеет борьба рабочих и их классовая организация.

Правда, все это были далеко не марксистские взгляды, но это были уже и неправоверные народнические убеждения. Народническая идеология давала трещину. Под влиянием героической борьбы „Народной Воли" в 1880 и 1881 годах все, что было сильного и живого в молодежи, все это уходило к народовольцам, ряды чернопередельцев редели, борьба за политическую свободу поглощала все наличные революционные силы; организация чернопередельцев продолжала вести работу среди пролетариата, но всем было ясно, что со старой программой и здесь создать чего-либо значительного нельзя. Когда же в 1881 году главным деятелям „Черного Передела", вследствие преследования правительства, пришлось уехать за границу, их организация окончательно стала клониться к упадку. Правда, Аксельрод еще пытался собрать оставшиеся силы, но аресты и погромы полиции разрушили и то, что ему удалось объединить. Вслед за Плехановым, Дейчем, Засулич и Стефановичем пришлось уехать за границу и ему. Оставшиеся кружки чернопередельцев еще некоторое время продолжали работу; в декабре 1881 года еще вышел пятый номер журнала „Черный Передел", но на этом номере издание прекратилось, точно так же, как и другое издание, рабочий популярный листок „Зерно". „Черный Передел" умирал. Его не могли воскресить и те попытки, какие делались из-за границы уехавшими туда выдающимися его основателями.

В России шла борьба „Народной Воли" с самодержавием, и для всех революционеров было очевидно, что игнорировать

---

[1] Собр. соч. Г. В. Плеханова, т. I, стр. 125.

такую организацию, как „Народная Воля", нельзя. Пытались вступить в соглашение с нею и чернопередельцы как в России, так и за границей. Но и из этого, как увидим дальше, ничего не вышло. Я. Стефанович, отправленный чернопередельцами в Россию, сам вступил в народовольческую организацию и вскоре был арестован. С ним вместе порвались последние связи с Россией. Оставалась еще надежда на то, что, связавшись с народовольцами за границей, чернопередельцы сольют свою работу с работой „Народной Воли", но и это ни к чему не привело, так как расхождение между народовольцами и чернопередельцами, именно Плехановым, Аксельродом, Засулич и Дейчем и Тихомировым и его товарищами было настолько велико, что достаточно было малейшего повода, чтобы обе фракции „Земли и Воли" окончательно разделились и эволюционировали далее уже каждая своим особым путем.

Литература.

1. Лучшей книгой по истории России, могущей дать всестороннее понятие о развитии нашей страны, является книга М. Н. Покровского:

М. Н. Покровский. „Русская история с древнейших времен". Изд. Гос. Изд., т.т. I—V. Для истории революционного и общественного движения см. т.т. IV и V.

Его же. „Русская история в самом сжатом очерке", ч. I и II. Изд. Гос. Изд.

Его же. „Очерк истории русской культуры", ч. I — III. Изд. Гос. Изд.

Его же. „Очерки по истории революционного движения в России в XIX и XX в.в." М. 1924 г.

2. По истории рабочего движения 70-х годов лучшей книгой является работа *Г. В. Плеханова* „Русский рабочий в революционном движении".

3. По вопросу о расхождении с „Народной Волей" *Г. В. Плеханов* „Социализм и политическая борьба" и „Наши разногласия", а также его же статьи — приложения к соч. А. Тун: „Истор. революц. движ. в России" (много изданий), и *Д. Кольцов* „Конец Народной Воли" и „Начало социальной демократии" и статья Г. В. Плеханова в № 54 „Искры".

4. Необходимо также прочесть статьи Плеханова раннего периода, напечатанные теперь в полном собрании соч. Г. В. Плеханова под ред. Д. Б. Рязанова.

5. Более подробное освещение вопроса можно найти в „Очерках по истории РКП (б)". *В. Невского.* Изд. „Прибой" 1924 г. Петроград.

Указанная литература — самая необходимая; подробная литература по затронутому периоду указана в книге В. Невского.

Работы М. Н. Покровского прочесть обязательно, так как они, помимо огромного фактического материала, содержащегося в них, являются блестящим образцом применения метода Маркса к изучению истории России. Кроме того в этих работах содержится и очерк революционного движения в XIX веке.

Работа Г. В. Плеханова о рабочем движении 70-х годов служит прекрасным введением в изучение этого вопроса, а его же работы 80-х и 90-х годов, направленные против народовольцев, знать обязательно каждому коммунисту.

Из работ, в которых рассматривается эволюция взглядов Г. В. Плеханова от народничества к марксизму, необходимо знать *Т. Ваганьяна* „Г. В. Плеханов". М. 1924.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первый период истории русской соц.-дем. Переходный период от народничества к марксизму (1883—1894 г.г.).

1. Образование группы „Освобождение Труда".

Борьба „Народной Воли" с самодержавием окончилась поражением революции. День первого марта 1881 года был кульминационной точкой, до которой поднялась героическая организация. Дальнейшая история „Народной Воли"—это более или менее славные героические страницы теряющего одну позицию за другой бойца. Несмотря на видимое сочувствие общества, несмотря на приток новых молодых, свежих сил, несмотря на огромный авторитет, каким пользовались народовольцы, они с каждым новым ударом, наносимым им самодержавием, все больше и больше слабели. Самым печальным явлением было то, что в их собственных рядах появлялись изменники и предатели, колеблющиеся и сомневающиеся, начались разногласия и группировки. Но не это, конечно, обрекло усилия „Народной Воли" на неудачу: главная причина заключалась в том, что за спиной народовольцев не было реальной силы, которая могла бы их поддержать. Выражая прогрессивные стремления русского общества, народовольцы объективно боролись за интересы буржуазии; но буржуазия сама являлась уже тогда классом, делившимся на крупную, среднюю и мелкую буржуазию. Самым значительным из этих классовых образований была крупная буржуазия. И она не прочь была от того, чтобы взять власть в свои руки, но, вместе с тем, она не шла так далеко, как шла средняя и мелкая буржуазия. Если перемена строя затрагивала интересы крупной буржуазии, то она высказывалась против этой перемены; если же старая власть, напуганная революцией, искала опоры в кругах капиталистов, предоставляя в их распоряжение весь аппарат своей власти, то у крупного буржуа не было никакого расчета радикально менять и существующий строй. Лишь бы можно было свободно эксплуатировать рабочего и крестьянина и наживать

миллионы, лишь бы тогда, когда дело касалось интересов капиталиста, с ним считалось правительство, а как будет называться такой строй — решительно все равно: лишь бы по природе своей он был буржуазным.

Но при Александре III правительство и взяло именно такой курс внутренней политики: подавляя малейший протест политического характера, откуда бы он ни исходил, правительство ревниво следило за тем, чтобы интересы крупных земельных собственников и крупной буржуазии были защищены и удовлетворены. Вся политика правительства направлялась именно к тому, чтобы укрепить падающее дворянство (Дворянский земельный банк, введение института земских начальников, закон о найме сельско-хозяйственных рабочих, упрочение привилегий дворянства и т. п.), но при этом так, чтобы крупная буржуазия была довольна и чтобы развитие крупной промышленности не было ничем стесняемо и ограничиваемо.

Этим и объясняется поощрение всякого рода буржуазно-капиталистических предприятий, введение покровительственных тарифов, аггрессивная внешняя политика на Дальнем и Ближнем Востоке, чтобы обеспечить рынок русским товарам и т. д. и т. п. По сути дела, крупная буржуазия уже при Александре III вошла в сделку с крупным землевладением и имела достаточно свободы для защиты своих интересов и в своих городских думах и в своих торгово-промышленных обществах и союзах (например, во всякого рода советах с'ездов горнопромышленников, фабрикантов и заводчиков и т. п.). Во всяком случае, ни один закон, затрагивающий интересы крупного капитала, не проходил без участия представителей этого капитала — фабрикантов и купцов. „Именитое купечество", облекаясь, вместо длиннополого сюртука времен Островского, в английский смокинг и, вместо смазных сапог, во французский ботинок, становилось — на-ряду с крупным землевладельцем - дворянином — господствующим сословием. Правда, этот смокинг и этот ботинок еще не скользил по паркетам дворцов и не назначал министров и губернаторов по писанной конституции, но дело шло к этому, и вопрос об оформлении соглашения между аграрием и капиталистом был накануне разрешения.

Ясно, что положение среднего дворянства и средней и мелкой буржуазии, особенно городской, было не таково; эти классы не стояли у власти, им перепадали только крохи со стола властителей жизни, и потому здесь тяжесть буржуазного режима, в причудливом сочетании со старыми феодальными пережитками, чувствовалась очень ощутительно. Отсюда то оппозиционное настроение, то либеральное течение, которое характеризует русское земство, и та демократическая окраска, какая характерна для городской мелкой буржуазии. Но беда этой либеральной оппозиции состояла в том, что, оставаясь по своему классовому содержанию буржуазной, она не могла целиком стать вырази-

тельницей интересов многомиллионных слоев крестьянства и рабочих.

Народовольцы, это левое радикальное крыло мелкой буржуазии, ставя своей задачей свержение самодержавия и выдвигая требования, выражавшие интересы крестьянства, отпугивали широкие слои, родственные народовольцам по своей классовой природе, именно этим радикализмом своих требований и методом борьбы. В этом и заключался трагизм положения народовольцев: будучи объективно носителями идеи водворения буржуазно-демократического строя в России, они своей героической борьбой пугали крупную буржуазию и отбрасывали средние ее слои в стан реакции. А это означало, что, не опираясь на поддержку какого-либо класса, народовольцы должны были понести поражение.

Само собой понятно, что только-что описанное явление выяснилось не сразу, что это был процесс почти незаметный с начала 80-х годов, более заметный, да и то для особо внимательных наблюдателей, в средине 80-х годов и уже явственно обозначившийся к началу 90-х годов.

В начале же 80-х годов, когда виднейшие чернопередельцы— Плеханов, Аксельрод, Засулич и Дейч — эмигрировали в Швейцарию, этого процесса не понимали даже и такие люди, как Плеханов. Им представлялось, наоборот, дело в таком свете, что „Народную Волю“ нужно только поддержать, что работу всех революционных фракций нужно объединить, и тогда успех обеспечен. Учитывая же свою собственную слабость и ореол, каким была окружена „Народная Воля“, чернопередельцы искренно думали, что необходимо во что бы то ни стало объединиться с „народовольцами“. Этим объясняются те переговоры Плеханова и его товарищей и те попытки к объединению, о которых мы знаем теперь и которые велись за границей и в России в начале 80-х годов между фракциями русских революционеров.

Мы теперь имеем достаточно и документального и мемуарного материала, чтобы ясно себе представить ту эволюцию, которую проделали Плеханов и его товарищи, поселившись за границей.

Группа чернопередельцев состояла за границей из Плеханова, Засулич, Дейча, Игнатова и Стефановича. Сначала эта группа мечтала о том, чтобы начать свою самостоятельную, чернопередельческую, т.-е. народническую работу, и мы знаем, что, вопреки установившемуся мнению, работа эта шла: были чернопередельческие группы в Петербурге, Москве, Киеве, Минске и даже в Перми. Журнал „Черный Передел“, после первого провала (по предательству рабочего, наборщика Жаркова), печатался за границей и затем в Минске в типографии, специально оборудованной для журнала (там работали Рольник, Гецов и Гринфест). Кроме „Черного Передела“ издавался еще рабочий листок „Зерно“.

В Киеве чернопередельческая организация пользовалась большим успехом среди рабочих.

Но чернопередельцы, как мы видели выше, уже кое-что изменили в своей программе: они признавали не только фабричный и аграрный террор, но были склонны признать и ту пользу, какая может получиться для их собственного дела от завоевания политической свободы.

Народовольцы же, со своей стороны, утверждали, что они совсем не склонны предавать забвению борьбу за социализм. Казалось, что между двумя группами нет никакой существенной разницы. И в силу этого та и другая группа склонны были опять объединиться, тем более, что героическая борьба „Народной Воли" притягивала к себе все живое и честное, в том числе и чернопередельцев. С Лавровым Плеханов начал работать тотчас же по приезде за границу; вскоре он уехал из Женевы в Париж и там близко сошелся с Лавровым и французскими социалистами. Вместе с Лавровым он редактировал издания „Русской Социально-Революционной Библиотеки" [1].

Плеханов, живя в Париже, почти совершенно потерял связи с Россией, между тем как Дейч, Засулич и Стефанович имели очень регулярные сообщения из России о ходе революционного движения. Из этих сообщений выяснялось одно, именно, что жизнь заставила эволюционировать как чернопередельцев, так и народовольцев, и что все движение идет под флагом политической борьбы с самодержавием. Дело же первого марта окончательно склонило все симпатии в сторону „Народной Воли". Под влиянием этих причин Дейч, Засулич и Стефанович начали переписку с народовольцами о соединении с ними. Летом 1881 г. Я. Стефанович уехал в Россию с целью окончательно договориться как с „Народной Волей", так и с группами „Черного Передела".

Быстро сговорившись с теми и с другими, Стефанович известил Дейча о состоявшемся присоединении русских чернопередельцев к „Народной Воле" и торопил своих заграничных товарищей высказаться по этому вопросу. Осенью 1881 года Плеханов возвратился в Женеву и, под влиянием известий из России об объединении и о больших успехах работы среди пролетариата, также решил вопрос о совместной работе с „Народной Волей". В ответ на извещение заграничных чернопередельцев об их согласии работать вместе с народовольцами, Исполнительный Комитет „Народной Воли" известил Дейча, что за границей решено издавать журнал и что редакторами этого журнала намечены Лавров, Кравчинский и Плеханов.

---

[1] Под фирмой этой библиотеки вышли: 1) „18 марта 1871 г." П. Лаврова, 2) „Сущность социализма" Шефле, пер. В. Тарновского, прим. В. Лаврова, Жен., 1881 г., 3) „Манифест Коммунист. Партии" К. Маркса и Ф. Энгельса, пер. и пред. Г. Плеханова, Жен. 1882 г., 4) „Наемный труд и капитал" Карла Маркса, пер. и пред. Л. Дейча, ред. Плеханова, Жен., 1883 г. и 5) „Программа работников", Ф. Лассаля.

видно з переписки Плеханов Лавровым, план этот
перво большие колебания. леханов не возражал
аботы Лавровым; Лавров та работал мирно и соли-

ром номере рного Передела" (хроника французского движения).
Сам Плеха сознавался, что он во многом согласен с народовольцами. тория, — писал он Лаврову 31-го октября 1881 г., — хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был при ципиальным противником последней" [1]. И, однако, он отказа ся быть редактором предполагаемого журнала. В чем же тут дело? Дело заключается в том,

вес ществе расх мере
хан больш ольш шине-
ниями Маркса и Энгельса и рабочим движением на Западе, перед ним все яснее и яснее вырисовывались как ошибки „Народной Воли", так и будущий путь русского революционного движения.

Эти ошибки народовольцев особенно резко выявились в письме, которое Исполнительный Комитет „Народной Воли" прислал чернопередельцам в феврале 1882 г. Главным заблуждением народовольцев являлся их взгляд о захвате власти кучкой самоотверженных революционеров. Письмо с очевидностью показало Плеханову, что о совместной работе, пожалуй, говорить нельзя. Однако, ответ Исполнительному Комитету был составлен Дейчем в примирительном тоне. Но, солидаризируясь с этим ответом, Плеханов наотрез отказался быть редактором народовольческого журнала („Вестник Народной Воли"). Вот что писал по этому поводу Плеханов Лаврову: „Письмо это написано по разным соображениям более или менее дипломатического свойства. Вы знаете мой образ мыслей, могу вас уверить, что он не

оттеняем, не указываем на свои разногласия в письме, то это объясняется тем, что мы надеялись и надеемся мирным путем повернуть «народовольчество» на надлежащую дорогу (повторяю, я говорю это только вам). Но всякая надежда неразрывно связана с бо́льшим или меньшим количеством шансов неудачи. В случае неудачи с нашей стороны, нам придется снова стать в оппозицию: удобно ли это будет для меня, как редактора «Вестн. Нар. Воли»?"

Плеханов утверждает, что его образ мыслей не переменился, но на самом деле это далеко не так. Это и видно из дальней-
поводу третьего редактора—Сергея
: „Затем, между мной

Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из «Капитала» Маркса прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестн. Нар. Воли»" [1].

Как видно из этих слов, для Плеханова уже тогда „Капитал" Маркса являлся мерилом, с которым он подходил ко всякому социалисту. Рассказывая впоследствии (в № 54 „Искры" от 1 дек. 1903 г.) [2], почему и как он разошелся с „Народной Волей", Плеханов говорит, что уже тогда, т.-е. в 1882 г., он был наполовину марксистом. Действительно, в это время Плеханов напечатал, кроме своих статей по экономическим вопросам (в „Отечественных Записках" в № 11 за 1881 г. „Новое направление в области политической экономии" и в №№ 5 и 6 за 1882 г. „Экономическая теория Карла Родбертуса Ягецова"), и перевод „Манифеста Коммун. Партии" с предисловием, в котором он, между прочим, писал: „«Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух, одинаково печальных, крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что всякая классовая борьба есть борьба политическая и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит косвенным образом его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты.

„Основания этой организации рабочего класса могут быть заложены уже в настоящее время..." [3].

Ясно, что человек, стоящий на такой позиции, не мог уже работать с народовольцами, лидер которых, Л. Тихомиров, проводил мысль о революционном захвате власти кучкой революционеров. То обстоятельство, что к этим основным принципиальным разногласиям присоединились и личные недоразумения, дела по существу не изменило: эти недоразумения не были причиной расхождения с „Народной Волей", они только ускорили его.

Летом 1882 года правительство разгромило „Народную Волю", и лидеры ее, в том числе и Л. Тихомиров, эмигрировали за границу. Начались снова переговоры с чернопередельцами.

„Почему и как мы разошлись
Искры" 1903 г., № 54.
Соч. Г. В. Плеханова, под ред.

Плеханов наотрез отказался от редактирования „Вестн. Нар. Воли", но обещал сотрудничать в журнале. Вопрос же об объединении также, казалось, был решен, но, когда его стали решать практически, народовольцы предложили чернопередельцам вступить в „Народную Волю" по одному, а не группой. Чернопередельцы отказались „разбиться на атомы", по словам Плеханова. Обостренные отношения еще более обострились неприязненным настроением Тихомирова к Дейчу и обратно; ряд других столкновений еще более ухудшил дело. Когда же Плеханов послал свою работу „Социализм и политическая борьба" в „Вестн. Нар. Воли", Тихомиров согласился напечатать ее, но со своими замечаниями. Произошел окончательный разрыв. Бывшая группа чернопередельцев решилась тогда выступить как совершенно новая самостоятельная организация,—план, задуманный собственно уже давно (после письма Исполн. Ком. в февр. 1882 г.) Дейчем и Засулич.

Так и появилось объявление об издании „Библиотеки современного социализма", где извещалось об организации новой соц.-демократической группы „Освобождение Труда". Эта дата—25-ое сентября 1883 г.—и есть историческая формальная дата начала социал-демократии в России.

Работа Г. В. Плеханова „Соци лизм и политическая борьба" вышла отдельным изданием. Мы не будем говорить о содержании этого замечательного произведения оно общеизвестно. Скажем
крат что здес этом блестя
глуб м по сод анию произведении дано, ервых
ние ов научн социализма (глава торая затем,
основ, пывающая критика утопической
родово третья). Произведение заканчи-
ется ваю , что единственный путь, ведущий
побе Рос —это организация рабочей соц.-
демократической партии.

Центр тяжести всех крити
заключается в разъяснении пон
Плеханов показывает всю утоп
о захвате власти кучкой сам
И показывает это он совсем не ото
аоб
бой последний, и притом совер-
й политической борьбы, которую
известной ступени общественного развития должен начать
кий класс, стремящийся к своему освобождению".

Только овладевши государственной властью, пролетариат умеет победить реакцию. „Но,—продолжает дальше Плеха-

группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непроизводительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Одно понимание этой задачи предполагает развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. Решение же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но такой пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним благожелателям"[1].

А как раз такими благожелателями и являлись те народовольцы, которые, во главе с Тихомировым, думали внезапным террористическим актом дезорганизовать правительство и, захвативши власть, декретами и постановлениями революционного правительства, не спрашивая мнения темного и отсталого крестьянина, собственника по духу и дикаря по обычаям и нравам, вести народ к социализму.

„Одна мысль,— продолжает по этому поводу Плеханов,— о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли ее «железный канцлер» или революционная организация. Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки с тем, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началах — не анархии, конечно, которая принесла бы новые бедствия,— но пан-архии, которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем взрослым членам общества"[2].

Плеханов далее разбирает тот случай, который предполагает успех революционного захвата власти. Что ожидало бы народовольцев? Их ожидал бы крах, потому что они не справились бы с основной задачей, которая встала бы перед ними: организовать социалистическое производство. Но организовать социалистическое производство возможно только тогда, когда предыдущий период подготовил общество к пер ходу в это производство. В России этой подготовки нет: община не может послужить исходной точкой развития, крестьянин — мелкий собственник, а не социалист, и желает развития буржуазных отношений. Таким образом, „экономическое равенство" придется вводить декретами правительства сверху. Но на кого будет опираться правитель-

[1] Соч. Г. В. Плеханова, т. II, стр. 76—77.
[2] Ibid.

ство? На рабочих. Но рабочие малочисленны и неподготовлены к разрешению задачи. Затем революционная молодежь, но она не опытна и чужда практической жизни. Революционное офицерство и либералы. Но офицерство совсем не обладает экономическими познаниями, а либералы будут „не сочувствовать, а мешать“ проведению намеченных реформ и преобразований.

Но допустим,— говорит Плеханов, — что социалистическое производство будет обеспечено переходом земли к крестьянам, а орудий и средств производства — к рабочим. Такое мнение было бы не чем другим, как возвратом к старым народническим идеалам «Земли и Воли». При самостоятельности мира, при широком областном самоуправлении, социалистического производства и экономического равенства наладить нельзя, ибо „взаимные отношения отдельных общин друг к другу, превращение продуктов труда общинников в товары и связанное с ним капиталистическое накопление грозили бы сделать это «равенство» весьма неустойчивым“. Это равенство было бы неустойчивым даже в том случае, если бы центральное правительство придумало такие меры, „которые упразднили бы не только основные законы Российской империи, но и законы самого товарного производства“[1].

К счастью для России, — говорит далее Плеханов, — у нас уже имеются элементы для образования «будущей рабочей социалистической партии». Эта партия и поведет Россию в царство социализма, добившись сначала демократической конституции на основе завоеванной политической свободы и затем уже, в соответствии с реальными фактическими соотношениями силы, существующими в стране, приступит к введению социалистического производства.

К организации такой рабочей социалистической партии и призывает Плеханов.

В другой своей работе („Наши разногласия“), написанной в 1884 г., Плеханов подвергает детальной критике теории всех предшествующих революционных направлений (Герцена, Чернышевского, Бакунина, Ткачева и Тихомирова) и показывает, что взгляды Тихомирова о захвате власти суть взгляды „русского бланкизма“, ведущего свое начало от Ткачева.

Показав далее на фактах современной российской действительности — образование внутреннего рынка, разложение натурального хозяйства, превращение кустаря либо в капиталиста, либо в агента капиталиста, эксплуатирующего десятки тысяч кустарей-ремесленников, работающих на фабрику; — доказав цифрами и фактами разложение общины и внедрение капитала в земледелие, рост капиталов, фабрик, заводов, торговли, числа рабочих и т. д., словом, — показав развитие капитализма в России,

[1] Соч. Г. В. Плеханова, т. II, стр. 80—81.

Плеханов видит одну надежду на успех — в организации **рабочей социалистической партии**.

Возвращаясь снова к вопросу о захвате власти кучкой революционеров-разночинцев, Плеханов останавливается на решении правительством этих революционеров задачи о социализации производства.

Плеханов делает такие предпосылки для удачного разрешения задачи: „...Временное правительство установит сословный и классовый ценз и признает политическую правоспобность лишь за крестьянами, ремесленниками и пролетариями умственного и физического труда“ [1]; правительство осуществит экспроприацию буржуазной частной собственности. Помогут ли эти предпосылки ввести коммунизм, выскажется ли за коммунизм большинство нашего крестьянства? Нет, отвечает Плеханов. Этого не может быть, потому что сам крестьянин, будучи мелким собственником, является противником коммунизма; если же государство, передав в руки крестьян большинство земель, пыталось бы декретами ввести коммуну, оно создало бы условия только более медленного возрождения буржуазного строя. Но допустим, говорит Плеханов, что революционной власти удалось бы создать и укрепить новое государство. Какое это было бы государство? Крестьянское, и, как таковое, оно „оставило бы неприкосновенным не только торговый, но, в значительной степени, и промышленный капитал“. А раз так, то, в силу имманентных законов развития капиталистического производства, крестьянское государство превратилось бы в самое обыкновенное буржуазное государство, т.-е. в государство мелкой буржуазии. Но, быть может, русская революция будет исходным пунктом для развития европейской пролетарской революции, и западно-европейские пролетарии, совершив у себя социальную революцию, помогут совершить ее и у нас? Нет, отвечает Плеханов, ибо „невозможно думать, что европейскому пролетариату без труда удастся «навязать» социализм турецким гражданам, хотя бы и славянского происхождения“ [2].

Выводы, к которым приходит Плеханов, критикуя народовольцев, сводятся к следующему: Россия должна пройти стадию капиталистического развития, на основе которого и вырастет достаточно развитой и могущественный класс рабочих. Этот класс создаст свою рабочую социалистическую партию, которая, завоевавши политическую свободу, и начнет непосредственную борьбу за социализм.

3. Экономическое развитие России в 80-х годах.

Группа „Освобождение Труда“ несомненно делала огромную теоретическую работу, но, совершая эту работу, она замыкалась в своем узком кругу и постепенно отрывалась от России.

[1] Соч. Г. В. Плеханова, т. II, стр. 303.
[2] Ibid, 317.

Еще в течение 1884 и 1885 годов она имела кое-какие связи с Россией. Пока был на свободе Л. Г. Дейч, этот действительно выдающийся практик-организатор, группа сносилась с уцелевшими в России чернопередельческими кружками. Правда, и помимо Дейча группа отправляла в Россию кое-кого для связи, но и эти поездки были неудачны (например поездка С. Гринфеста в 1883 г.). С арестом же Дейча в 1884 г. и последние связи группы с Россией порвались.

А между тем в России процесс экономического развития делал свое дело: росли капиталы, увеличивалось производство, росло число фабричных рабочих, а внедрение капитала в земледелие только ускоряло дифференциацию деревни и тем самым создавало избыточное рабочее население, которое шло в города, и на юг, и на восток, в капиталистическое земледельческое хозяйство. Вместе с ростом капитализма росло и рабочее движение и движение соц.-демократическое.

Не обременяя внимания читателя и отсылая его за подробностями к более обширным курсам, приведем хотя бы несколько цифр, иллюстрирующих только-что сказанное.

Возьмем цифры, относящиеся к тяжелой индустрии. В конце 70-х годов всего в империи было выплавлено немного более 25 милл. пуд. чугуна, к концу 80-х годов его выплавлялось (в 1887 г.) 37.389 тыс. пуд., а в начале 90-х годов — уже 56.560 тыс. пуд. В соответствии с этим росла и добыча каменного угля: в 1877 г. было добыто 110,1 милл. пуд., в 1887 г. — 276,8 милл. пуд., а в 1890 г. — уже 367,29 милл. пуд. Но развитие тяжелой индустрии означало вообще промышленное развитие России, что очень хорошо видно из следующих цифр [1] (см. первую таблицу на стр. 43).

Мы видим, как, вместе с ростом тяжелой индустрии, растет и промышленность, работающая на широкое потребление, как, несмотря на кризис, бывший в 80-х годах, растет именно капиталистическое производство, оттесняя на задний план докапиталистические формы обмена (ярмарка).

Что действительно росло не какое-нибудь, а крупное капиталистическое производство, видно из того, что в 1890 году в горной промышленности из всего числа 89 рудников, с числом рабочих от 100 до 499 на каждом, было с паровыми двигателями 23; из 73 рудников, с числом рабочих от 500 до 999 на каждом, с паровыми двигателями—38, а из 71, с числом рабочих от 1000 и более, с паровыми двигателями—49; при этом на рудниках первой категории (стало-быть мелких) числилось рабочих 58.249, на средних рудниках—50.607 и на крупных (1.000 и более раб.)—149.098 чел. Аналогичные цифры имеем и вообще о концентрации фабрично-заводской промышленности (см. вторую таблицу на стр. 43).

[1] Цифры эти взяты из работы проф. Туган-Барановского „Русская фабрика в прошлом и настоящем", т. I, Спб. 1898 г

	ГОДЫ.		
	1880	1885	1890
Количество иностранн. и среднеазиатского хлопка, поступившего на внутреннее потребление Российской империи (без Финляндии), в тыс. пуд.	5.743	7.574	11.483
Количество иностранной бумажной пряжи, поступившей на внутреннее потребление Российской империи (без Финляндии), в тыс. пуд.	577	180	238
Количество чугуна, выплавленного в России, включая Финляндию, в тыс. пуд.	27.364	32.206	56.560
Число рабочих на фабриках и заводах, не обложенных акцизом, в 50 губ. Российской империи	648	616	720
Общий сбор хлебов в Европейской России в милл. четв.	229	247	293
Ценность привоза товаров на Нижегородскую ярмарку в милл. руб.	200	186	181

В 1890 году.

Группы фабрик и заводов с числом рабочих.	Число предприятий.		Число рабочих.
	Всего.	Из них с паровыми двигателями.	
100—499	1.369	858	310.906
500—999	256	221	172.160
1.000 и более	186	164	881.100

Стоит ли говорить о том, что и торговля внутренняя и внешняя возросли необычайно? Чтобы не утомлять читателя цифрами, укажем только на то, что железнодорожная сеть России к концу 80-х годов поднялась до 20.942 верст и по ней подвозились к крупным промышленным центрам сотни миллионов пудов грузов.

Из 43 губерний Европейской России в 19 господствовала целиком капиталистическая, в 7 смешанная, и только в 17— отработочная система хозяйства.

Все это промышленое и торговое развитие страны вызывало к жизни новую силу — пролетариат. Действительно, число всех рабочих к середине 90-х годов, как его определял в своей работе В. И. Ленин, исчислялось, по самым скромным расчетам, не менее $7^1/_2$ милл. челов., т.-е. было равно почти половине всего взрослого мужского населения страны [1]. Ясно, что число рабочих к концу 80-х годов равнялось также нескольким миллионам человек, ясно также, что положение этих рабочих было поистине ужасно.

Не распространяясь об этом, скажем, что в любой книге, трактующей об этом вопросе, даже враги рабочего класса изображают его положение красками, которым мог бы позавидовать дантовский ад. Во всяком случае, русский рабочий класс страдал вдвойне — как от капиталистической эксплуатации, так и от тех остатков феодального режима, какие причудливо переплелись с новыми формами жизни. Чрезмерно длинный рабочий день, низкая заработная плата, вычеты, штрафы, расплата товарами, бесправное положение по закону, невозможные жилищные условия и безвыходное положение (оскудение деревни, перенаселение крестьянской части страны, вытеснение мелкого производителя крупно-капиталистическим хозяйством и т. д. и т. п.), некультурность, забитость и, вместе с тем, скопление рабочих в количествах десятков тысяч в одной фабрике, одинаковые экономические условия, близость и, так сказать, ощутимость своего классового врага, при общем развитии буржуазной жизни и классовых контрастах в городах, наконец текучесть и подвижность — все это делало из рабочего класса тот пороховой погреб, который вспыхивал при первой, попадающей в него, искре.

Действительно, широкое, правда неорганизованное и стихийное, рабочее движение в 80-ые годы на-лицо.

Отсылая читателя, желающего ознакомиться подробно с ходом рабочего движения в 80-ые годы, к специальным работам, подчеркнем здесь важнейшую, характернейшую черту этого движения: стихийное стремление рабочих найти организованные формы своего экономического протеста. Забастовочное движение 80-х годов до настоящего времени подробно не изучено, но несомненно, что оно значительно шире и глубже, чем рисуется по тем данным, какие имеются в нашей литературе. Во всяком случае, число

[1] См. собр. соч. В. И. Ленина, Госизд., т. III, „Развитие капитализма в России", стр. 406—408.

всех стачек 80-х годов доходило до сотни, и число бастовавших рабочих превышало, вероятно, также сотню тыс. человек. Стачки эти часто охватывают большие капиталистические предприятия и часто даже группу фабрик. Из особенно примечательных стачек укажем на стачку в сентябре 1880 г. на фабрике Хлудова (при ст. Ярцево, Моск.-Брестской жел. дор.), охватившую почти три тысячи рабочих и кончившуюся высылкой нескольких сот человек и преданием „зачинщиков" суду; стачку в августе 1882 г. на Кренгольмской мануфактуре в Нарве, кончившуюся подавлением рабочих при помощи войск; Жирардовскую стачку 1883 г., где бросили работу 8 тыс. человек и где дело кончилось человеческими жертвами (трое убитых и пятеро раненых), и, наконец, Морозовскую стачку 1885 г.

4. Морозовская стачка.

Морозовская стачка правильно считается поворотным пунктом русского рабочего движения, так как ни одна из стачек до нее не имела такого значения, как Морозовская, оказавшая непосредственное давление на правительство и большое влияние на рабочих.

Произошло это потому, что Морозовская стачка являлась первой стачкой, где обнаружилось наиболее ярко организационное влияние социалистов-рабочих. Нельзя сказать вообще, что в стачках 80-х годов не принимают участия социалисты; мы этого документально не знаем, но есть основание предполагать, что во многих волнениях рабочих организаторскую роль берут на себя социалисты. Это известно, например, о стачке рабочих арсенала в Киеве, где организаторами стачки в 1881 году были члены „Южного Рабочего Союза" (Ковальская, Щедрин и др.). Так, вероятно, обстояло дело и в Жирардовской стачке. Но все же большинство стачек возникало стихийно, носило все черты стихийного движения и часто кончалось разгромами фабрик или заводов, как это, например, случилось на шахтах в Юзовке в 1887 году.

Разгромом окончилась и стачка в Орехове-Зуеве в 1885 г., но за всем тем эта стачка есть самое замечательное явление рабочего движения 80-х годов.

Причины стачки лежали там же, где находились причины и всех других стачек этого времени, — в невыносимых условиях жизни рабочих. Здесь, на Морозовской фабрике, эти условия были особенно тяжелы, при чем одна особая специфическая черта эксплуатации рабочих — штрафы, т.-е. скрытое понижение заработной платы — приняла такие размеры, что очень большое число рабочих превратилось в настоящих крепостных Морозова, не могущих даже покинуть фабрики. Однако, не это обстоятель-

ство сделало Морозовскую стачку выдающимся явлением русской жизни. Сделало ее этим явлением то организованное выступление рабочих, которое произошло под руководством П. А. Моисеенко, принимавшего участие в рабочем движении еще с 70-х годов и бывшего членом „Северно-Русского Рабочего Союза". Возвратившись из Сибири, где он отбывал ссылку за участие в забастовках на „Новой Бумагопрядильне" в Петербурге, Моисеенко поступил на фабрику в Ликине, затем перешел на Морозовскую мануфактуру и здесь, собрав вокруг себя выдающихся передовых рабочих (Волкова, Иванова и др.), он искусно повел пропаганду легальным путем. Пользуясь всяким удобным случаем, он раскрывал рабочим глаза на их положение и внедрял в их головы сознание, что только действием всей массы рабочие добьются уступок, при чем старался рабочим внушить мысль, что их организованное и стойкое выступление заставит обратить на их положение внимание общества и правительства. Стачка была хорошо подготовлена, заранее выработаны требования, намечены день и час и все действующие лица. Стачка не обошлась без разгрома фабричных зданий, но разгром этот произошел исключительно по вине администрации, препятствовавшей прекращению работ. Арест Волкова и Моисеенко и введение в действие военной силы прекратили стачку, но удивительно организованное и дружное поведение забастовавших, поддержка ими своих вождей, точное выполнение заранее намеченного плана, стойкость и решительность — все говорило о заранее проведенной подготовительной работе. Умело составленные требования, выражавшие самое основное и существенное из того, чего добивались рабочие, стойкость на суде, преданность интересам рабочего класса — все это делало из вождей стачки действительно выразителей данного момента русского рабочего движения. Суд над стачечниками раскрыл такую вопиющую картину эксплуатации и притеснений, какую практиковал капитал, в этой картине так ярко и хорошо отразились ужасы русской фабричной жизни вообще, что даже царский суд не осмелился вынести обвинительного приговора.

Но самым важным последствием стачки было то, что царское правительство с небывалой быстротой провело закон о штрафах (закон 3 июня 1886 г.), при чем в статьях закона целиком были зафиксированы требования морозовских ткачей, изложенные в 4-х пунктах (требования касались, конечно, не только одних штрафов).

Морозовскую стачку, не в пример прочим, отметило не только правительство, но и два антипода современного общества, идеологи пролетариата и черной реакции — Г. В. Плеханов и Катков. И в то время, как первый приветствовал стачку как поворотный пункт рабочего движения от стихийности к организованности, второй предупреждал правительство о грядущих опасностях, которые несет развивающееся рабочее движение.

5. Соц.-демократические организации 80-х годов. „Партия русских соц.-демократов" (Благоевская группа).

Читателю ясно, что, если на основе развивающегося капитализма вырастало рабочее движение, выдвигавшее из своих недр таких организаторов, как Моисеенко, то на этой же основе должны были вырастать и вообще идеологи этого движения везде и в остальной России. Так это и было.

Социал-демократические организации в 80-х годах появляются в Петербурге, Москве, Киеве, Вильне, создаются организации переходного типа от народничества к марксизму в Харькове, Ростове-на-Дону, Одессе и в других местах; словом, начинают складываться новые рабочие организации, из которых затем формируются уже чисто соц.-демократические организации и союзы 90-х годов. Процесс образования этих организаций весьма сложен и интересен. Одни из этих организаций создаются преемственно из остатков чернопередельческих групп (так дело происходило с группой Благоева в Петербурге), другие вырастают из народнических организаций (так было во многих городах), третьи формируются из народовольческих ячеек (так дело шло в Харькове и Ростове), четвертые образуются под влиянием немецкой соц.-демократии (так шел процесс в Риге и Дерпте), пятые рождаются под непосредственным влиянием русского рабочего движения и развития русской марксистской мысли (так отчасти вышло в Казани); но почти нигде, за очень редким исключением, не чувствуется непосредственного организационного влияния на русское соц.-демократическое движение группы „Освобождение Труда".

Благоевская группа в Петербурге образовалась уже в 1883 г. Главные ее деятели первого призыва Благославов, Латышев, Благоев и Харитонов, выработавшие программу, известную в истории под именем программы „Партии русских соц.-демократов", вышли из чернопередельческих рядов (за исключением В. Харитонова)[1]. Программа эта носит на себе следы различных влияний— старого народничества и плохо усвоенного марксизма, с большой долей лассальянства. Народническое влияние на благоевцев особенно хорошо видно на их журнале „Рабочий" (вышло два номера в 1885 году). Здесь, в статьях первого и второго номера („Чего недостает рабочему народу" и „Знание и критика"), развивается мысль, что только путем распространения знаний можно изменить существующие несправедливые порядки. Причины несправедливых порядков, угнетения слабых сильными, проистекают именно от незнания большинством людей, что „государство может и должно служить интересам всех их без исключения". „Незнание всегда приводит к угнетению",—говорит автор статьи „Чего недостает рабочему народу", а потому главной задачей является распространение знаний.

[1] Впрочем, несомненно влияние на Благоевскую группу и лавристов

Потому ближайшими задачами рабочего народа является приобретение знаний, для чего нужны свобода сходок, слова и печати. Знание же помогает развитию другого свойства всякого борца за народные интересы, как например Пугачев, — критической способности. Такой человек, обладающий знаниями и критической способностью, и поможет людям темным и незнающим разобраться и понять, в чем причины современного несправедливого устройства общества.

Мы видим, таким образом, что критически мыслящая личность Лаврова все еще продолжает жить в идеологии благоевцев.

Лассальянство особенно ярко выражено в „программе партии русских соц.-демократов", в тех ее частях, где говорится о роли и значении государства. Известно, что Ф. Лассаль не дал научного определения государства. Государство он определял, например в „Гласном ответе Центральному Комитету", как „великую ассоциацию беднейших классов". Исходя из такого понятия государства (не сейчас существующего, а какого-то идеального государства будущего), Лассаль вполне логично умозаключал, что помощь государства производительным и всяческим иным ассоциациям рабочих есть „совершенно законная и естественная общественная самопомощь рабочих классов, как великой ассоциации, самим себе и своим членам, как отдельным личностям" [1]. Правда, Лассаль вносил известную поправку в свое определение, что его государство — это государство с общим и прямым избирательным правом. Но от этой поправки лассалевская концепция нисколько не улучшилась и, не характеризуя сущности буржуазного государства, только способствовала укреплению иллюзий насчет какого-то абстрактного справедливого государства и права. Вопрос, таким образом, переносился с почвы науки на зыбкую почву морали и нравственности.

С такой именно точки зрения подходили и благоевцы в своей программе к вопросу о борьбе рабочих за свое освобождение. Они прямо говорят в программе, что „государственный строй... всегда является воплощением известного нравственного принципа". Если сейчас это не так, то это происходит потому, что нравственный принцип государства затемнен конкуренцией, являющейся характерной чертой капиталистического способа производства. Но капиталистический способ производства неизбежно придет к социализму, а чтобы обеспечить и ускорить этот переход, необходимо уже сейчас находить средства к замене индивидуальной собственности собственностью коллективной; таким средством и может быть производительная ассоциация рабочих. Ошибка Лассаля очень хорошо указана Марксом еще в 1868 году, но, как видим, ошибку эту повторили благоевцы в 1885 году, да и одни ли благоевцы? Ведь в программе, которую

---

[1] Соч. Фердинанда Лассаля. Спб. 1870 г., т. I, стр. 251.

как раз в одно время с благоевцами выработал Г. В. Плеханов, тоже фигурируют производительные ассоциации рабочих.

Народовольческие элементы также чувствуются и в организационных построениях благоевцев: они мыслят работу среди крестьян, рабочих, интеллигенции и войск на манер народовольцев, и, вместе с тем, местные и специальные организации, по их мнению, должны пользоваться очень широкой автономией.

Отношение благоевцев к либералам приблизительно таково же, как и позднейших соц.-демократов, и может быть охарактеризовано выражением: вместе быть — врозь итти. Что же касается террора, то они не признают его продуктивности, как „системы вынуждения уступок у правительства", и допускают его применение в очень ограниченных пределах самозащиты, применение его самим народом и в случаях убийства особенно ненавистных народу администраторов.

Таким образом ясно, что программа партии русских соц.-демократов носила на себе следы разнообразных влияний — народничества, народовольчества и марксизма. Это и понятно, так как Благоевская группа своими истоками имела „Черный Передел" и авторами ее были, повидимому, Латышев и Благославов, бывшие чернопередельцы, эволюционировавшие к марксизму.

Группа Благоева имела довольно обширные связи с рабочими, собственную типографию, выпустила (в 1885 г.) два номера своей газеты „Рабочий", связалась с народовольцами и группой „Освобождение Труда" и, несомненно, оказывала влияние на революционную молодежь.

Следует отличать три периода ее существования: Благоевско-Латышевский (1883 — 1885 г.г.), Харитоновско - Кугушевский (1885 — 1886 г.г.) и Андреевский (1886 — нач. 1887 г.). Мы называем эти периоды так по той роли, какую в них играли наиболее выдающиеся благоевцы. Организация развила настолько большую работу, что и народовольцы и освобожденцы, с которыми связались русские соц.-демократы, пытались подчинить их своему влиянию. Это до известной степени удалось группе „Освобождение Труда": между группой и благоевцами возникла переписка, во втором номере „Рабочего" появились статьи Плеханова и Аксельрода[1], освобожденцы заставили благоевцев повременить с опубликованием своей программы. Оборвавшиеся вследствие арестов связи прекратили, однако, это влияние, так как даже регулярного получения освобожденческой литературы благоевцам наладить не удалось (один транспорт освобожденской литературы все же был получен).

Влияние „Партии русских соц.-демократов" на революционную молодежь видно хотя бы из того, что военные кружки (организация Н. Шелгунова, пытавшаяся поставить революционную

[1] Статья Г. В. Плеханова: „Современные задачи русских рабочих", (соч. т. II, стр. 363)

пропаганду среди учащихся военных школ), вырабатывая свою программу, приглашали на свои собрания благоевцев и—несомненно под их воздействием—внесли некоторые идеи в свою программу из программы благоевцев.

Однако, пересмотреть свою программу под влиянием группы „Освобождение Труда“ „Партия русских соц.-демократов“ не успела, так как этому помешал разрыв связей с Плехановым [1].

6. Группа Точисского.

Благоевцы были разгромлены окончательно в начале 1889 года, но это, конечно, не означало прекращения всей революционной работы среди пролетариата. Прежде всего это произошло потому, что рабочие не были затронуты арестами, а затем еще и потому, что рядом с благоевской существовала и другая соц.-демократическая организация — „Общество содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочего класса“ П. Точисского.

Мы не имеем подробных сведений об этой организации, существовавшей с 1885 г. и разгромленной жандармами в 1888 г., но, насколько можно судить по уцелевшим источникам, это была несомненно социал-демократическая организация, члены которой вели деятельную пропаганду среди петербургских рабочих. К сожалению, никаких следов, по которым можно было бы судить о деталях программы „Товарищества“, не осталось. Зато имеются точные данные, из которых видны интересные особенности этой организации. Эти особенности следующие: 1) интеллигенты-руководители организации (Точисский и Лазарев) работали на заводах в качестве рабочих, и 2) Точисский старался найти связи с молодыми рабочими, не затронутыми народнической идеологией. Прибегая, с одной стороны, к старому испытанному средству своеобразного хождения в народ, Точисский ищет новую свежую аудиторию, из которой можно было бы создать марксистов соц.-демократов [2].

К чему же сводилась сущность воззрений Точисского? „Считая единственным революционным классом пролетариат,—говорит член «Товарищества» Л. Брейтфус,—он находил, что в этот класс должны быть брошены все революционные силы страны, создан в нем революционный оплот на почве экономической борьбы, должно воспитать и приготовить его для политической борьбы“... „Однако... без помощи интеллигенции ему не обойтись: последняя должна повести его, дать ему организацию, выявить его классовое сознание. Интеллигенцию он считал случайным гостем в революции, ибо понимал революцию как социальную...“ [3].

[1] См. стр. 238 наших „Очерков по истории РКП (б)“.

[2] О соц.-демократизме Точисского, см. также у Н. А. Рожкова „Русская история“, т. XI, стр. 342, примеч.

[3] „Красная Летопись“, № 7, 1922 г., Петр., стр. 326.

И роль крестьянства и роль буржуазии Точисский понимал по-марксистски, и отсюда его стремление как можно скорее выделить из среды рабочих группу самостоятельных пролетарских руководителей движения.

В кружке Точисского получили первые марксистские уроки некоторые из тех рабочих, что потом составляли центр „Рабочей Группы", действовавшей во времена Бруснева. К числу этих рабочих несомненно относится и Егор Афанасьевич Климанов. С кружком Точисского имел связи и В. А. Шелгунов.

Таким образом устанавливается преемственная связь первых петербургских организаций. Эту связь можно проследить в течение всех 80-х годов: центр благоевцев вышел из „Черного Передела" или, во всяком случае, из чернопередельческих и народнических кружков; благоевцы были связаны с бруснёвской организацией, работавшей в конце 80-х и в начале 90-х годов (один из братьев Лавровых — Егор Николаевич — благоевец или во всяком случае, связанный с благоевцами — получил кружок от брата — чернопередельца Н. Н. Лаврова; от благоевца Егора Николаевича Лаврова брусневец Голубев В. С. получил свой кружок); рабочие брусневцы же, как мы видели, были связаны с организацией Точисского.

Не только в Петербурге, однако, в 80-ые годы существовали организации с соц.-демократическим уклоном. Такие организации переходного херактера существовали и в провинции. В Киеве это была организация доктора Абрамовича, в Харькове и Ростове-на-Дону организация Ю. Мельникова и Мотовилова; в Москве какой-то кружок, состав которого до настоящего времени установить не удалось; в Казани организация Н. Федосеева, в Одессе организация Д. Б. Рязанова и т. д. и т. п.

Мы не можем подробно говорить об этих организациях, к некоторым из них мы еще вернемся; подчеркнем здесь лишь одно, именно, что одни из этих организаций, как кружок Абрамовича в Киеве, носили уже явно соц.-демократический характер, что видно хотя бы из программы учения, составленной Абрамовичем (конец 80-х годов); другие, как организация Бекарюкова и Мельникова в Харькове (тоже конец 80-х годов), носили еще следы явно переходного типа, с преобладающими чертами народничества [1].

Но за всем тем необходимо указать, что к концу 80-х годов в России уже явно обозначается перелом в революционной идеологии не только в столицах, но и в провинции. Русские социалисты, как Н. Е. Федосеев, А. А. Санин, П. Н. Скворцов, отказываются от народнических утопий и, отчасти под влиянием литературы группы „Освобождение Труда", отчасти совершенно самостоятельно, путем изучения сочинений Маркса и Энгельса,

приходят к марксистской теории. В России, совершенно не связанной с группой „Освобождение Труда“, идет самостоятельный процесс — эволюция части русской революционной интеллигенции от утопического социализма к марксизму.

русской социал
ждение Труда“.

Действительно, группа „Освобождение Труда“, растерявшая связи с арестом Дейча, живет оторванной от России жизнью. Правда, она хватается за малейшие возможности связаться с Россией, но эти связи непрочны и быстро рвутся. Так было дело с благоевской группой в 1885 г., так же шло дело и в конце 80-х годов, когда группе „Освобождение Труда“ удалось связаться с киевскими кружками.

Живя своей особенной жизнью за границей, группа „Освобождение Труда“ имела широкие возможности скорее и яснее формулировать положения своего марксистского миросозерцания; причины этого ясны: во-первых, во главе группы стоял такой выдающийся деятель, как Г. В. Плеханов, во-вторых, группе „Освобождение Труда“ были в одинаковой степени доступны как теоретические сокровища, оставленные Марксом и Энгельсом, так и непосредственное соприкосновение с практикой соц.-демократического движения Запада.

Уже в начале 80-х годов Плеханов знакомится с одним из блестящих учеников Маркса — Ж. Гэдом и П. Лафаргом, затем он связывается с германскими соц.-демократами и, наконец, с Ф. Энгельсом. Все это и дает возможность Плеханову уже в 80-ые годы формулировать основы программы русской соц.-демократии.

Мы знаем два наброска этой программы — первый, сформулированный уже в 1883 году и опубликованный в 1884 г., и второй, повидимому, написанный в 1885 г., но впервые напечатанный в 1887 году. Обе эти общеизвестные программы — уже несомненно произведения марксистского характера. Набрасывая свой проект программы в 1900 году, В. И. Ленин так характеризует плехановскую программу 1887 г.

„...Он“ (т.-е. проект программы группы „Освобождение Труда“) „в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной с.-демократической теории. В этом проекте точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм — рабочий класс, «промышленный пролетариат»; — указана та цель, которую должен ставить себе этот класс, — «переход всех средств и предметов производства в общественную собственность», «устранение товарного производства» и «замена его новой системой общественного производства»,

«коммунистическая революция»; — указано «неизбежное предварительное условие», «переустройство общественных отношений», «захват рабочим классом политической власти»;—указана международная солидарность пролетариата и необходимость «элемента разнообразия в программах с.-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности»;— указана особенность России, «где трудящиеся массы находятся под двойным игом: развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства»; — указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) «нового класса промышленного пролетариата — более восприимчивого, подвижного и развитого»;—указана необходимость образования «революционной рабочей партии» и ее „первая политическая задача“ — низвержение абсолютизма; — указаны «средства политической борьбы» и выставлены ее основные требования“ [1].

Можно было добавлять, изменять и детализировать этот проект Г. В. Плеханова, изменить самую архитектонику проекта, но с принципиальной стороны, в основном и целом, проект был удовлетворителен. Ленин, внося изменения и дополнения в этот проект, предлагает выбросить два пункта: о производительных ассоциациях и пункт о прямом народном законодательстве.

Менее совершенной была программа группы „Освобождение Труда“, изданная в 1884 году. Здесь, при общей выдержанности соц.-демократической линии, программа страдала отсутствием детализации в требованиях, недостаточностью характеристики российского капиталистического общества и, на-ряду с признанием государственной помощи производительным рабочим ассоциациям, еще и полным признанием террора. В программе прямо говорилось: „...Группа «Освобождение Труда» в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Народной Воли» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса“ [2].

Но главный недостаток первого проекта группы „Освобождение Труда“ заключался, конечно, не в этих только пунктах. На основной грех первого проекта еще в 1903 году указывал Д. Б. Рязанов в своих материалах для выработки партийной программы. Вот что говорит Д. Б. Рязанов во втором выпуске этих материалов:

„Указав, что одним из вреднейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя инициативу борьбы с абсолютизмом, проект дальше

[1] См. том I собр. соч. В. И. Ленина, стр. 379.
[2] Соч. Г. В. Плеханова, т. II, стр. 357.

заявляет: «Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, при чем социалисты с своей стороны должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России»[1]. Можно сказать, что непомерно велика «гордыня» той интеллигенции, которой такие ожидания от нее кажутся умалением ее исторической роли. Дальше: «На социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной подготовки (это слово напечатано курсивом в программе) их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями. Группа «Освобождение Труда» убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса в огромной степени зависит от указанной выше работы интеллигенции в его среде». Но интеллигенция того времени не откликнулась на этот зов. От нее требовалось при этом невозможное для нее дело. За вышеприведенными строками следует «но», через которое перескочили тогда лишь очень немногие ее представители. «Но названная группа полагает, что сама интеллигенция должна предварительно стать на точку зрения современного научного социализма, лишь постольку удерживая народнические традиции, поскольку они не противоречат его положениям». Но для этого революционная интеллигенция, считавшая себя достаточно сильной, чтобы самой снять с народа давящий его гнет, должна была убедиться в своем бессилии. Логика теоретической мысли оказалась недостаточной, нужна была логика практического опыта, а на это потребовалось еще несколько лет" [2].

Эти замечания Д. Б. Рязанова правильно указывают на самый существенный недостаток первого проекта программы группы „Освобождение Труда". Нам без сомнения понятен источник этого недостатка: проект вырабатывался в 1883 году, когда были еще надежды на возрождение „Народной Воли", и когда самые проницательные революционеры не видели еще в близком будущем в недрах самого рабочего класса элементов для немедленного создания рабочей социалистической партии. Здесь давала себя чувствовать оторванность группы „Освобождение Труда" от русских революционных организаций. Преувеличенные надежды на интеллигенцию, как это мы увидим дальше, возлагал еще очень долго и другой теоретик группы — П. Б. Аксельрод.

---

[1] Всюду в этой цитате разрядка Рязанова.

[2] „Материалы для выработки партийной программы", вып. II. Д. Рязанов Изд. группы „Борьба", Женева, 1903 г., стр. 7 и 8.

8. Группа „Освобождение Труда" и оппозиция молодых соц.-демократов.

Группа в течение 80-х годов пыталась установить связи с Россией, но неудачно. Причинами этого являлись замкнутость группы и ее тяжелое финансовое положение. Замкнутость группы была настолько велика, что в течение всего ее существования она почти совершенно не пополнялась. Из недавно опубликованных материалов, из архива Аксельрода и из статьи Дейча видно, что с арестом этого последнего в 1884 г. и смертью В. Н. Игнатова в 1885 г. число членов группы уменьшилось до трех, и приема новых членов совершенно не было. Этой чести добилась только А. М. Кулишова-Макаревич, которая, впрочем, очень скоро выбыла из состава группы (она уехала в Италию, где и оказала огромные услуги итальянскому движению), и Ингерман. Гринфест, очень деятельно работавший по администрации группы и в типографии, ездивший в Россию для установления связей, тщетно добивался принятия в группу и, однако, принят он не был. Быть может, это ригористическое отношение оправдывается тем обстоятельством, что, при колоссальном хаосе революционной идеологии, солидарность и спаянность первоначального ядра имела большое значение; но, как бы то ни было, а именно эта немногочисленность группы тяжело отзывалась на ее деятельности. Плеханов занимался разработкой теоретических вопросов, Аксельрод разрабатывал вопросы организационные, а В. И. Засулич одна не в состоянии была подвести финансовый фундамент под свою организацию. Правда, еще когда Дейч был на свободе, Аксельрод приступил к организации группы содействия из учащейся молодежи в Цюрихе, такую же группу содействия удалось создать и в Берне (впоследствии эти группы образовались во всех крупных умственных центрах Европы); выступления Плеханова в Цюрихе и Женеве с рефератами имели блестящий успех, но все это давало до такой степени мало средств, что вплоть до девяностых годов не только частенько нечем было платить за типографские работы, но не на что было и пообедать. До какой нужды доходили Аксельрод, Плеханов и Засулич, видно из переписки, опубликованной Дейчем: и Плеханов и Засулич жили в постоянном долгу, хозяева пансионов опасались брать их на квартиру, и оба они, несомненно в результате такой жизни, находились на краю гибели, а Аксельрод, обремененный большой семьей, вынужден был зарабатывать кусок хлеба то физическим трудом, то приготовлением кефира, приносившего убыток. В. Н. Игнатов отдал свои последние деньги на дела группы, и предприимчивый Дейч, найдя еще другие средства, поставил типографию группы (наборную), а некоторые издания группы (например, сборник „Социал-Демократ") так и не увидели бы света, если бы не

частные лица, изредка дававшие средства на эти издания (например Кулябко-Корецкий) [1].

При таких обстоятельствах обслуживать потребности возникающего русского движения было почти невозможно. Вследствие такого положения дел и главным образом вследствие непонимания группой „Освобождение Труда" текущих нужд русских революционных соц.-демократических организаций, и возникли трения между группой „Освобождение Труда" и периферией, сочувствующей ей.

Первой оппозицией группе была оппозиция Р. Соловейчика и Н. Н. Слепцовой. К этой же оппозиции принадлежали Парвус и много учащейся, марксистски настроенной молодежи. Насколько можно теперь судить, эта оппозиция 1887—88 г.г. добивалась расширения состава группы и приближения ее работы к нуждам российского движения, в частности издания популярной литературы для рабочих и ее транспорта в Россию. Как раз в эти годы в Швейцарии был особенно большой наплыв русской учащейся революционной молодежи. Разгром последних народовольческих организаций вынудил уцелевших молодых деятелей эмигрировать в Швейцарию. В Цюрихе собрались народовольцы, замешанные в деле А. И. Ульянова, и жизнь колонии оживилась. Народовольческий кружок занялся подготовкой нового покушения на царя и издательством революционной литературы. Образованный для этого „Литературный социалистический фонд" избрал своим редактором П. Л. Лаврова. Марксистская молодежь сначала требовала назначения второго редактора (так как денежные сборы были общие) — Плеханова и, когда это не удалось, образовала свою особую группу. Но, помогая группе „Освобождение Труда", марксистская молодежь предъявляла и свои вышеуказанные требования Плеханову. В результате создался конфликт. И Соловейчик и Слепцова даже выступали против Плеханова на собраниях и рефератах. Последствием этого первого столкновения явился, во-первых, „Русский Социал Демократический Союз", основанный группой „Освобождение Труда" осенью 1888 г., с более расширенным составом, чем группа, и, во-вторых, попытки связаться с Россией. Что касается „Союза", то он выпустил — с момента своего основания до образования в 1893 году „Социал-демократической библиотеки" (1893—1895 г.г.) и „Группы популярной рабочей библиотеки" (1895—1897 г.г.)—довольно много литературы, в том числе и четыре номера плехановского „Социал-Демократа", Ф. Энгельса „Л. Фейербах" (1892 г.) и его же „Развитие научного социализма" (в том же году, 2-е изд.). Не так удачно окончилась попытка завязать сношения с руссими рабочими организациями и наладить транспорт. За это дело взялся Р. Соловейчик. Он уехал в 1888 году в Россию, завязал связи

[1] См. сборники под ред. Л. Дейча: „Группа Освобождение Труда", Госизд. 1924 и 1925 г.г.

с организацией Абрамовича в Киеве, затем в Одессе, в Херсоне и Вильне; ему удалось переправить один транспорт освобожденческой литературы, но на этом дело и окончилось. Провал народовольческой группы в Цюрихе (взрыв бомб и гибель Дембо), с которой был связан Р. Соловейчик, погубил и его. Заключенный в Петропавловскую крепость, а затем в „Кресты", он провел там 3 года и, по выходе, лишил себя жизни.

Таким образом, то, чего добивалась молодежь, не было достигнуто, а между тем потребность в популярной рабочей литературе была очень велика. Молодежь попрежнему была недовольна группой, и в начале 90 годов возник новый конфликт. Во главе оппозиции теперь стояли Лев Иогихес (Грозовский) и Роза Люксембург. Лев Иогихес (Тышко), тогда еще молодой человек, бежал за границу, будучи замешан в деле А. И. Ульянова. Роза Люксембург, равно как и Мархлевский, Раковский и другие талантливые марксисты, были членами Цюрихской колонии.

„В России, — говорит Ю. Мархлевский, — движение только нарождалось; в эмиграции Плеханов хозяйничал по собственному усмотрению. Кто не ладил с ним лично, тот попадал в опалу, и за ним оспаривали право называть себя соц.-демократом. Тов. Иогихес был не из покладистых и не пожелал подчиняться такому режиму. С ним скоро сошлись другие члены эмиграции и решили действовать самостоятельно" [1].

Была образована литературно-издательская группа, в которую входили Б. Кричевский и Парвус. Этой группой и начато было издание популярной литературы под фирмой „Социал-демократическая библиотека".

В этой библиотеке вышли следующие издания: в 1893 г. — „Первое мая 1892 г.", четыре речи, с предисловием Б. Кричевского; в 1894 г. — Б. Кричевский. „Борьба английских рабочих за свободу", К. Маркс, „Наемный труд и капитал" и „18 Брюмэра Луи Бонапарта", обе вещи в переводе Б. Кричевского; К. Каутский, „Основные положения соц.-дем." (Эрфуртская программа), пер. и пред. Б. Кричевского, и в 1895 г.—Б. Кричевский, „Как бельгийские рабочие боролись за свободу".

Как видно из этого перечисления, главной литературной силой молодой группы являлся Б. Кричевский (умер в 1919 г. в Париже). Книжки, изданные молодой группой, особенно „Эрфуртская программа", быстро проникли в Россию, и молодые русские кружки с радостью ухватились за них. Конфликт, возникший между Плехановым и группой молодых, нашел себе отклик и в России. Причиной послужила все та же оторванность Плеханова от российских организаций. Группа попрежнему считала, что в России существуют только одиночки соц.-демократы и что в русских соц.-демократических организациях совсем нет рабочих.

---

[1] „Комм. Интернац.", № 3—1919 г., ст. Ю. Мархлевского.

Когда в России в 1891 г. вспыхнул голод, Плеханов обратился к русским социалистам со своей книгой „Всероссийское разорение". Здесь он, между прочим выдвигая три практических задачи — найти средства для 40 милл. голодающих крестьян, помочь крестьянству восстановить свое хозяйство и переделать всю финансовую реформу,—предлагал русским социалистам вести агитацию за созыв Земского Собора; при этом, по его мнению, начать эту агитацию должны были „все честные русские люди, которые, не принадлежа к миру дельцов, кулаков и русских чиновников, не ищут своей личной пользы в бедствиях народа..." [1].

Призыв Плеханова ко всем честным русским людям встретил среди русских марксистов довольно суровый прием, и Плеханову пришлось давать разъяснение этого призыва—„О задачах социалистов в борьбе с голодом в России"—в том смысле, что призыв этот не означал нисколько отказа от классовой борьбы пролетариата. Впрочем, не только Плеханов, но еще в большей степени и Аксельрод переоценивал в эти годы значение и силы „всех честных людей", приглашая вступить в будущую рабочую партию не только всех социалистов-революционеров всех направлений, но даже всех честных людей, какую бы высокую должность они ни занимали [2].

Указанные промахи даже таких деятелей, как Плеханов, происходили исключительно оттого, что группа „Освобождение Труда" не имела прочных связей с русскими революционными организациями, которые уже выходили на широкую дорогу большого рабочего движения. Однако, значение группы „Освобождение Труда" громадно.

Она: 1) впервые отчетливо формулировала учение К. Маркса в России, 2) в борьбе с утопическим социализмом народников нанесла ему непоправимые удары, 3) впервые дала программу русской соц.-демократии и поставила вопрос о создании политической партии рабочего класса и 4) своими изданиями сочинений Маркса и Энгельса положила начало изучению научного социализма широкими массами.

9. Провинциальные соц.-демократические организации первой половины 90-х годов.

В первой половине девяностых годов марксистские организации существовали в большинстве крупнейших промышленных центров — в Петербурге, Москве, Екатеринославе, Нижнем-Новгороде, Казани, Одессе, Ростове-на-Дону, а во второй половине девяностых годов не оставалось почти ни одного более или менее крупного в том или другом отношении города, где не работали бы

[1] Соч. Г. В. Плеханова, т. III, стр. 353.

[2] См. „Историко-революционный сборник", т. II, Ленинград, 1924 г. Статья В. Невского о группе „Освобождение Труда".

соц.-демократы. Из всех этих организаций наибольшее значение в девяностые годы приобрели „С.-Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса", Московский Рабочий Союз и Киевская соц.-демократическая организация. Эти три организации и явились инициаторами первой попытки создать русскую рабочую партию.

Но, прежде чем остановиться на этом последнем вопросе, скажем несколько слов о характере наших провинциальных организаций. Большинство из них возникло на основе оставшихся от народнических и народовольческих кружков ячеек. Под влиянием развивающегося рабочего движения, новой литературы, проникавшей к нам из-за границы и развала старой революционной идеологии, революционная интеллигенция критически взвешивала старые ценности и часто совершенно самостоятельно доходила до марксизма, изучая в подлинниках Маркса, Энгельса, Каутского, Меринга и вообще немецкую марксистскую литературу. Проникновение в Россию немецкой соц.-демократической литературы происходило самыми различными путями: шла эта литература и через Польшу, и через Ригу, и через Дерпт, и через Западный край (Вильну), и через южные города. По крайней мере, уже в начале девяностых годов немецкая соц.-демократ. литература находится и в Москве, и в Казани („Neue Zeit"), и в Киеве, и в Одессе. Попадала эта литература в Россию даже в начале 80-х годов. В Москве, например, еще в 1883 году циркулировали—повидимому в какой-то марксистской группе—немецкие подлинники, переводы которых делались русскими революционерами. По крайней мере, в этом кружке циркулировала переводная брошюра „Что такое заработная плата и как она определяется", „Манифест Комм. Партии", заметка Ф. Энгельса о К. Марксе из „Рабочего Календаря" 1878 г. и т. п. В этих кружках 80-х годов начинается серьезное изучение Маркса и Энгельса; так, в Казани в конце 80-х годов за такое изучение принимаются Н. Е. Федосеев, А. А. Санин, И. Х. Лалаянц, П. Н. Скворцов. Последний был одним из первых наших марксистов, и его экономические статьи еще в начале девяностых годов (в „Юридическом Вестнике") оказали большое влияние на революционную молодежь. Н. Е. Федосеев также оказал очень большое влияние на формирование первоначальных соц.-демократических организаций в России. По словам В. И. Ленина, это был выдающийся марксист; он много и упорно занимался изучением Маркса и подготовлял большую работу о падении крепостного права в России. Вопросы о создании рабочей социалистической партии, о роли пролетариата в революции, задачи русской социал-демократии по отношению к другим классам и партиям и многие другие были разработаны и разрешены Федосеевым уже в начале девяностых годов. И хотя от Федосеева, в виду его преждевременной смерти в ссылке, не осталось никаких работ, личное влияние его на более молодых товарищей было несомненно велико и создало не один десяток стойких революционеров-марксистов.

Самостоятельно выработал марксистскую идеологию и один из старейших русских марксистов, здравствующих доныне, Д. Б. Рязанов в Одессе, организовавший там марксистские рабочие кружки, из которых затем, под влиянием пропаганды его учеников Стеклова, Цыперовича и Вельтмана (Павловича), выросла большая соц.-демократическая организация.

Было бы утомительно перечислять всех участников таких кружков и описывать их зарождение, организацию и гибель, однако необходимо обрисовать их характер.

Обыкновенно такие кружки сначала являлись кружками саморазвития молодежи, которая, путем совместного чтения, выясняла спорные вопросы теории. Чаще всего эти кружки состояли из учащейся молодежи; затем постепенно кружки заводили знакомства с наиболее развитыми и ищущими знаний рабочими; иногда во главе кружка стояли развитые рабочие, прошедшие школу народничества. Постепенно кружок расширялся, с увеличением числа его членов увеличивалась и расширялась работа, для покупки книг и запрещенной литературы устраивалась касса, организовывалась библиотека. По мере увеличения кружка и завязывания новых знакомств среди рабочих, изменялся и самый характер работы: жизнь фабрики и завода оказывала влияние на характер занятий в кружках и приближала кружок к массе и ее нуждам. В кружке обсуждались положение рабочих, эксплуатация и прижимки администрации, и ставились вопросы о том, нельзя ли так или иначе облегчить положение пролетариата.

Сначала занятия с рабочими носили чисто культурный характер, рабочим читались лекции не только по политической экономии и истории, но и по естествознанию, разъяснялась теория Дарвина, происхождение мира и человека, говорилось о первобытной культуре и т. п. В большом ходу была легальная литература: рабочие читали Белинского, Чернышевского, Писарева, Добролюбова, Шелгунова, историю революций, революционные романы („Что делать?“, „Эмма“, „История крестьянина“).

К нелегальной литературе и чтению марксистских нелегальных произведений подходили постепенно. „Манифест Коммунист. Партии“, „Наемный труд и капитал“, „Нищета философии“ (очень редкая книга в те времена) и, наконец, „Капитал“ (первый том) обыкновенно завершали занятия. Рабочие, таким образом, получали длительную и основательную подготовку и выходили из таких кружков пропаганды хорошо и всесторонне развитыми социалистами, способными самостоятельно руководить движением. Не редки бывали случаи, когда такой рабочий, получивши достаточное развитие, стремился учиться дальше, „выйти в люди“, и бросал революционную деятельность. Чаще же всего жизнь на фабрике сталкивала такого социалиста-рабочего с суровой действительностью, и он старался развить и поднять своих темных

товарищей. Ведя пропаганду в мастерской, за станком, на работе, рабочий-пропагандист организовывал новые кружки и, вводя в организацию новых членов, приближал эту организацию к интересам массы и втягивал ее в непосредственную борьбу массы с хозяевами.

Организация постепенно переходила к агитации на почве экономической, выпускались листки, заводился мимеограф, изредка типография, организация принимала участие в забастовке, работа углублялась и расширялась, и ее уже не могли остановить никакие аресты и разгромы жандармов.

Конечно, описанный ход развития организации видоизменялся в зависимости от местных и иных условий—промышленного развития города, числа в нем рабочих, обилия или недостатка революционной интеллигенции и т. д. и т. п.

10. Организация Бруснева.

Петербургская организация, после разгрома благоевцев и „Товарищества“ Точисского, не умерла; революционная марксистская и народническая и народовольческая молодежь продолжала работу среди пролетариата. Мы видели, как В. С. Голубев получил кружок от благоевцев; подобные же связи с рабочими имели и другие марксисты, студенты университета и особенно технологического института. В этом учебном заведении организовалась, еще в конце 80-х годов, группа марксистов-студентов, поляков и русских, среди которых выделялись Бруснев и Цивинский и к которой принадлежали братья Красины. Обе эти группы, университетская и технологическая, и составили центр, известный под названием Бруcневской организации. Выдающуюся роль в этом центре играли Бруснев, Цивинский и Голубев. У них были хорошие связи с рабочими, составлявшими так называемую рабочую группу или рабочий комитет, как называют эту группу его участники. Выдающимися организаторами рабочего центра являлись рабочие Н. Д. Богданов и Егор и Федор Афанасьевы. Богданов был распропагандирован еще в 1886 году каким-то народовольцем; ткач Фед. Афан. Афанасьев получил революционное крещение еще от П. Алексеева и Степана Халтурина. Егор Афан. Афанасьев (кузнец) первые уроки марксизма брал у Точисского и Брейтфуса. Эти рабочие отличались высоким развитием и достаточным, хотя и специальным, образованием. Будучи выдающимися организаторами и пропагандистами, они и начали в конце 80-х годов организацию рабочих кружков. Кружки были повсюду в Петербурге—за Нарвской заставой, за Невской, Московской, на Васильевском острове и Выборгской и Петербургской сторонах. Для планомерного ведения дела был образован рабочий центр в составе Н. Богданова, Егора Афанасьева, Федора Афанасьева, Петра Евграфова, Гавриила Мефодиева и Василия Буя-

нова. Этот центр был связан с группой марксистов-интеллигентов М. И. Брусневым, В. С. Голубевым, Цивинским, Д. В. Странденом, Родзевичем и др.

Кроме вышеназванных рабочих, выдающуюся роль в организации играли Я. Стефаненков, В. А. Шелгунов, В. Трошин, Н. Полетаев, А. Карелин, Н. Желабин и многие другие. Таким образом, создание Брусневской организации было делом совместных усилий уже подготовленных и распропагандированных рабочих и марксистов-студентов. Сначала существовало как бы два отдельных центра — рабочий и интеллигентский; впоследствии же, когда работа разрослась, интеллигентский центр решил организовать особую рабочую группу, куда входил бы представитель интеллигенции (таким представителем был одно время Бруснев).

Как же развернулась работа Брусневской организации? Характер ее определяет один из участников ее В. С. Голубев: „... В сущности, мы не имели строго определенной программы и с современной точки зрения не выражали каких-либо строго партийных взглядов. Но нас называли соц.-демократами, в отличие от народовольцев" [1]. Бруснев и Л. Б. Красин определенно называют свою организацию соц.-демократической.

Во всяком случае, работа среди пролетариата шла широко; кроме той обычной пропагандистской работы, какая шла у брусневцев, охвативших своими кружками весь Петербург, брусневцы впервые выступили публично на похоронах Шелгунова (весной 1891 года поднесли ему адрес и в этом же году провожали его тело на кладбище с венком, на котором была надпись „Указателю пути к свободе и братству"), организовали две стачки (у Торнтона и в Порту), выпустили по этому поводу две прокламации, организовали денежную помощь безработным, приступили к организации газеты и организовали первое празднование первого мая 1891 года.

В речах, произнесенных на этом праздновании (Н. Богдановым, Ф. Афанасьевым, В. Прошиным и Е. Афанасьевым), впервые русские рабочие на собрании отчетливо и ясно формулировали задачи русского революционного рабочего движения. Богданов в своей речи подчеркнул, что неудачи народнического движения происходили потому, что не сам народ вел тогда борьбу, и что теперь социалистические идеи освобождения в народ понесут его подлинные представители, рабочие; а Афанасьев определенно высказал, что только создание рабочей партии поможет пролетариату завоевать политическую свободу, к борьбе за которую он и призывает всех рабочих.

Эти речи имели большое агитационное значение в истории нашего движения; переизданные множество раз, они буквально

[1] В. Голубев. „Страничка из истории рабочего движения" (1890 г.). „Былое", 1906 г., № 12, стр. 111.

обошли всю Россию и, возбуждая рабочих, служили прекрасным средством в руках пропагандиста. Речи эти показали кроме того, что русский передовой рабочий стал на собственные ноги и представлял из себя уже подлинного идеолога пролетариата, интеллигента-пролетария.

Бруснёвцы имели обширные связи с провинцией: у них имелись кружки в Москве, в Туле, они были связаны с Ригой, Харьковом и Нижним-Новгородом.[1] Связи эти создавались разнообразными путями: высылки участников шелгуновской демонстрации в Тулу, переезд Бруснева в Москву, высылка Красина в Нижний — все это давало новые связи и расширяло работу. В 1892 году Бруснев, уже работавший в Москве, мечтал о выработке программы и о создании общерусской организации, как аресты в Москве разбили почти всю организацию.

Мы не будем останавливаться на попытках бруснёвцев перейти к более планомерной работе в более широком масштабе, но укажем, что в Москве особенно ярко был подчеркнут переходный характер Брусневской организации, — в ней смешивались разнородные элементы: и вполне определенные марксисты, как Бруснев и Афанасьев, и народники-анархисты, как Кашинский и Егупов (анархистские народнические черты отразились в проекте программы, написанной Кашинским).

Это обстоятельство, однако, не помешало Брусневской организации иметь очень большое значение в истории нашего движения. Рабочие и интеллигенты бруснёвцы, рассеянные по разным городам России, были везде центрами, вокруг которых создавались новые организации: так было в Туле, в Нижнем, в Москве, на Украине; бруснёвцы организовали первый соц.-демократический женский кружок; (работницы Анна Егорова, Болдырева, Вера Карелина и др.); бруснёвцы же дали свои связи и возникшему на развалинах их организации „Петербургскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса". Один из виднейших членов этой организации Ю. О. Мартов (Цедербаум), по его словам, испытал на себе большое влияние бруснёвца Страндена; технологи-марксисты, как Радченко например, вышли из той группы студентов технологического института, которая имела также связи с бруснёвцами; рабочие, входившие в рабочий центр Брусневской группы, например В. А. Шелгунов, работали и в „Петербургском Союзе борьбы". Словом, без той подготовительной работы, какую проделали бруснёвцы, невозможно было бы развитие и работа „Союза".

Литература к первой главе:

1. *Д. Рязанов* „Г. В. Плеханов и группа «Освобождение Труда". Петроград. 1918 г.

2. *Г. В. Плеханов.* Соч. в изд. института К. Маркса и Ф. Энгельса, под ред. Д. Б. Рязанова. Томы I—IV. Во втором томе „Социализм и политическая борьба" и „Наши разногласия".

3. Группа «Освобождение труда" (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). Сб. Госизд. Томы I, II и III. М. 1923 и 1925 г.г.

4. „Историко-революц. сборник" под ред. В. Невского. Петроград, 1923 г.

5. *В. Невский.* Очерки по истории РКП (б). „Ленингр. Изд. „Прибой", 2 изд.

6. *Б. Николаевский.* „Программа первого в России с.-д. кружка". Из материалов по истории с.-д. движения в России. „Былое" 1918, № 13.

7. *Андрей Брейтфус.* „Точисский и его кружок". „Кр. Лет." 1923 г., № 7.

8. *В. Голубев.* „Страничка из истории рабочего движения (1890 г.,). „Былое". 1906 г., № 12.

9. *М. Александров.* „Группа народовольцев". „Былое" 1906 г. № 11.

10. „От группы Благоева к Союзу борьбы". Сб. Ростов-на-Дону, 1921 г.

11. *Г. Ваганьян.* „Г. В. Плеханов". М. 1924 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Второй период истории русской соц.-демократии (1894—1898 г.г.).

1. Образование „С.-Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса."

„С.-Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса" образовался из двух главных революционных групп столицы. Одна — это группа „стариков", существовавшая уже в 1892 г. В этой группе находились студенты-технологи, связанные с бруснeвцами: С. И. Радченко, инж. Г. М. Кржижановский, В. И. Старков, инж. А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, Я. П. Пономарев, курсистка Л. Н. Баранская (впоследствии жена Радченко), учительница Н. К. Крупская и др. Другая группа — это соц.-демократы, во главе которых стоял Ю. О. Мартов: Я. М. Ляховский, С. А. Гофман, Тренюхин, А. П. Лурье, Ф. И. Гурвич (Дан) и др. К этим двум основным группам необходимо причислить еще К. М. Тахтарева (он входил в группу, носившую название „обезьян"), А. А. Якубову, а также множество революционной учащейся молодежи, составлявшей периферию „Союза".

В 1894 г. к группе „стариков" присоединился и В. И. Ленин.

Основное ядро „Союза" сорганизовалось осенью 1895 г. в составе Ленина, Радченко, Кржижановского, Старкова, Малченко, С. Невзоровой, Ванеева, Сильвина, Запорожца, З. Невзоровой, Крупской, Пономарева, Якубовой, Мартова, Гофмана, Ляховского и Тренюхина.

Все это были в большинстве случаев люди, уже прошедшие основательную и теоретическую и практическую революционную школу, цвет русской молодежи, наиболее развитой и передовой слой русского общества, а некоторые из них уже и тогда выделялись своей эрудицией, энергией и умом.

Руководителями организации являлись, без сомнения, В. И. Ленин и Ю. О. Мартов.

В. И. Ленин еще в Казани, в конце 80-х годов, начал изучение марксизма и был связан с Федосеевскими кружками. Весной 1889 года В. И. переехал в Самару, быть может, случайно избежав ареста во время разгрома казанской организации, и здесь

предался теоретической работе по изучению Маркса и Энгельса, пропаганде среди самарской молодежи и подготовке к сдаче университетских экзаменов. Выдержав экзамен в 1891 г., В. И. прожил в Самаре до осени 1893 года, усиленно работая как над изучением Маркса, так и над формированием марксистского мировоззрения самарской молодежи, местной и высланной в Самару под надзор полиции (И. Х. Лалаянц, А. П. Скляренко).

Осенью 1894 г. В. И. Ленин был уже в Петербурге и принялся за работу среди петербургского пролетариата. Здесь он очень скоро и занял руководящее место во всей работе.

Структура организации была такова: руководящий центр или бюро состояло из Ленина, Мартова, Старкова, Ванеева и Кржижановского; редактором изданий „Союза" был Ленин; во главе трех районов, на которые был разделен Петербург, стояли: Заречного района (Васильевский остров, Петербургская и Выборгская сторона с Охтой) — Сильвин, Невзорова, Ванеев, Гофман и Тренюхин; Шлиссельбургского — Малченко, Кржижановский, Крупская и Ляховский; Нарвско-Московского — Мартов, Старков, Якубова, Запорожец и Пономарев. Супруги Радченко заведывали техническими и финансовыми делами.

Это руководящее ядро связывалось с выдающимися рабочими, как Шелгунов, Зиновьев, Бабушкин, Шаповал, которые работали уже в самой гуще пролетариата. Очень большое количество марксистской учащейся молодежи работало под руководством „Союза" в качестве пропагандистов, техников, транспортеров нелегальной литературы, сборщиков денег и т. п. Пропагандой занимались, впрочем, и „старики", и даже В. И. Ленин и Ю. О. Мартов вели занятия в рабочих кружках.

Каков же был характер работы „Союза"? Была ли эта работа похожа на работу остальных организаций? На этот вопрос необходимо ответить двояко: в „Союзе" велась пропагандистская работа в кружках, вместе с тем „Союз" нащупывал новые пути, постепенно переходил к широкой массовой агитации. Как раз в это, приблизительно, время вышла брошюра „Об агитации" (написанная в Вильне Кремером в сотрудничестве с Мартовым). В ней совершенно правильно указывались недостатки кружковой работы и доказывалась своевременность и необходимость перехода к массовой агитации на почве непосредственных нужд и требований рабочего класса. Брошюра Кремера удачно схватывала задачи момента, и в этом смысле она была большим шагом вперед, так как, несомненно, указывала истинную тенденцию развития рабочего движения. Но рядом с этим в брошюре имелись и зародыши пресловутых стадий, которые характеризовали впоследствии построение так называемых „экономистов", обязательную постепенность развития движения (сначала кружки, затем борьба на отдельных фабриках, затем борьба на нескольких фабриках, потом более широкая экономическая борьба, затем уже борьба политическая).

Работа Петербургского Союза сразу же отрешилась от этих неверных представлений и очень скоро приняла характер широкой массовой экономической и политической борьбы рабочих. И неудивительно: во главе движения стоял такой человек, как Ленин. Уже тогда, именно в 1894 г., он написал свою блестящую работу „Что такое друзья народа и как они воюют против соц.-демократов".

2. „Что такое друзья народа и как они воюют против соц.-демократов".

В этой замечательной и первой,—если не считать других, менее значительных статей,—работе В. И. Ленин дал необыкновенно яркий анализ современного революционного движения и наметил задачи русских соц.-демократов на целый большой период. Выпущенная нелегально на гектографе в небольшом количестве экземпляров, брошюра имела в виду нападки современных эпигонов народничества на марксизм и русских соц.-демократов. Но, рядом с блестящей и положительно неотразимой критикой народничества, Ленин излагал основы учения Маркса, диалектического материализма и положения, в которых намечались задачи русских соц.-демократов—характер их теоретической и практической работы, методы этой работы, необходимость создания рабочей социалистической партии и предстоящий путь русского рабочего движения, его перспективы и значение в общей международной борьбе пролетариата.

Уже тогда Ленин наметил коммунистический характер русской революции, указал истинную роль в ней пролетариата и крестьянства, существенные черты будущих буржуазных партий и борьбу пролетариата с ними за гегемонию в революции. Здесь же была намечена и та эволюция, какую переживала русская революционная интеллигенция, с одной стороны, идя от мелкобуржуазного, крестьянского утопического социализма в направлении к либеральной демократии, а с другой, расставаясь с теми же утопическими чертами и идя в направлении к научному пролетарскому социализму.

Эта работа Ленина имела очень большое значение и, по свидетельству современников, произвела огромное впечатление и на врагов и на друзей рабочего класса; чувствовался в ней голос настоящего революционера-марксиста, не делающего никаких уступок и не идущего ни на какие компромиссы.

Понятно, что с такими руководителями, как Ленин, Мартов и их ближайшие товарищи, с такими рабочими, как Шелгунов, Бабушкин, Зиновьев и им подобные, Союз избег тех ошибок, какие были свойственны организациям того времени—кружковщина, провинциализм и узкая ограниченность движения. Петербургский Союз сразу же выступил на арену широкой политической борьбы, приступил к постановке рабочей газеты и поднял вопрос о создании рабочей соц.-демократической партии.

3. Стачки ткачей в С.-Петербурге в 1896—97 г.г.

Высшим достижением широкой массовой экономической и политической борьбы Петербургского Союза являлись стачки ткачей 1896—97 годов. Участие в стачечной борьбе Союз принимал и раньше, но только весной и летом 1896 г. стачечное движение ткачей, подготовленное глубокой пропагандистской работой Союза, вспыхнуло с невиданной дотоле силой. Непосредственными причинами стачек были невиданный гнет и эксплуатация, испытываемые рабочими, поводом — невыполнение фабрикантами обещания уплатить рабочим за коронационные дни. Стачка охватила 30 тысяч петербургских ткачей и отличалась стойкостью, выдержанностью и планомерностью; никакие попытки полиции спровоцировать стачку не помогали, рабочие действовали дружно и подчинялись своим вожакам, которые являлись членами Союза или сочувствовали ему. Союз засыпал фабрики и заводы своими листками, и эти листки пользовались огромной популярностью и производили прямо магическое действие. Рабочие повсюду предъявляли одни и те же требования, сформулированные Союзом, и маленький листок „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса", под заглавием „Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен и ткацких", всего с семью экономическими требованиями (от 30-го мая 1896 г.), имел в истории не только русского, но и мирового рабочего движения исключительное значение. Действительно, хотя полиция арестами, высылками и расчетами сломила стачку, движение снова вспыхнуло в январе 1897 г. и отличалось такой силой, что даже правительство вынуждено было на весь мир сознаться в существовании в России рабочего движения и нелегальной организации, руководящей этим движением. Главное же значение стачки состояло в том, что, под непосредственным давлением рабочих, правительство и капиталисты вынуждены были пойти на уступки, и вслед за второй забастовкой, в спешном порядке, 3-го июня 1897 г. был издан закон о сокращении рабочего дня до 11½ часов. Закон имел огромные недостатки, но вместе с тем он был первой блестящей победой организованного рабочего движения в России. Мало того, эта стачка имела и международное значение, так как отныне русское рабочее движение влияло на внешнюю политику правительства: оно должно было считаться с рабочими, если оно желало, чтобы западноевропейские буржуазные государства смотрели на царское правительство, как на такое, которое гарантирует западному буржуа его процент за данные в долг царю капиталы. Западно-европейские рабочие также видели теперь в этой стачке оправдание слов Плеханова, сказанных им, как русским представителем, на международном конгрессе в 1889 г. в Париже, что, если русская революция победит когда-либо, то она победит как революция рабочих.

Кроме того, вмешательство в стачку полиции и вообще правительства делало это выступление уже не только борьбой рабочих за свои экономические требования, но выводило русское рабочее движение на широкую арену политической борьбы. Таким образом, все говорило о том, что Петербургский Союз борьбы нашел верный путь и своим руководством стачек 1896—97 г.г. действительно вписал новые страницы в историю нашего движения.

Движения рабочих нельзя было уже подавить никакими репрессиями, что особенно ясно видно из следующих фактов: в ночь с 8-го на 9-е декабря были арестованы В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. А. Ванеев, А. Л. Малченко, И. Г. Запорожец и много рабочих, а работа Союза развивалась все шире и глубже; организация как раз после этого и получила свое всем известное теперь имя (по предложению Мартова); в ночь с 4-го на 5-е января 1896 г. произошли опять большие аресты (Мартов, Ляховский и др.), а Союз весной и летом поднял первую стачку ткачей; летом и осенью были новые аресты, а в январе 1897 г. стачечное движение под руководством Союза началось снова.

4. Подготовка первого съезда партии и соц.-демократические организации второй половины 90-х годов.

Такой размах работы поставил перед Союзом вопрос об издании газеты; первый номер газеты, под названием „Рабочее Дело“, был уже подготовлен В. И. Лениным к печати, как неожиданные аресты затормозили его выход в свет (все статьи этого номера попали в руки полиции). Большие аресты в среде Союза помешали осуществлению и другой идеи его работников— организации всероссийского съезда русских соц.-демократов. Мысль о съезде уже давно обсуждалась в Союзе: летом 1896 г. член Союза Н. К. Крупская едет в Киев, с целью столковаться о съезде с киевскими соц.-демократами; она доехала только до Полтавы, где виделась с Тучапским, Румянцевым, А. Лурье и Саммером; по требованию Якубовой Крупская возвратилась в Петербург. Дальнейшие аресты помешали петербургским соц.-демократам проявить инициативу в деле созыва съезда, но уже тот опыт, который проделала петербургская организация, являлся блестящим доказательством возможности создания всероссийского объединения.

Мысль о съезде занимала не только петербургских соц.-демократов. В Москве она была тоже актуальной мыслью довольно мощной организации, работавшей как раз в это время. Мы разумеем „Московский Рабочий Союз“, главнейшие деятели которого действуют доныне, — М. Н. Лядов, С. И. Мицкевич и др.

„Московский Рабочий Союз“ организовался в апреле 1894 г., но само собой понятно, что подготовительная работа велась

здесь давно. Союз охватил очень большое число организованных рабочих и очень скоро, как и его товарищ в Петербурге, перешел к массовой агитации.

Московская организация является примером организации, которая развивалась почти самостоятельно и только отчасти под влиянием литературы группы „Освобождение Труда". Еще в начале 80-х годов в Москве, повидимому, существовали марксистские группы, выросшие из остатков чернопередельческих кружков. „Пролетариатец" Янович был одним из пионеров марксизма в Москве. С его легкой руки марксистская литература уже не переводилась в Москве, и к тому времени, когда начали в Москве действовать брусневцы, почва для работы была подготовлена. Соц.-демократы, организовавшие „Московский Рабочий Союз", прошли большую и длительную подготовку, в результате которой они внесли в свою работу среди пролетариата всю революционность и чистоту идей марксизма. Вот почему их работа, хотя и не вылилась в такие формы борьбы, какими была стачка петербургских ткачей 1896—97 г.г., носила однако все черты массовой революционной марксистской пропаганды и агитации; под внешним видом чисто экономической агитации работа была уже чисто политической.

Союз быстро развивался и уже, несмотря на провалы в 1895—96 г.г., насчитывал до 1.000 чел. организованных рабочих. Расширение работы вызвало и поставило на очередь вопрос о связи с другими соц.-демократическими организациями; по словам М. Н. Лядова, этот вопрос ставился дважды в „Московском Рабочем Союзе", при чем предполагалось, что центром объединения должна стать Москва.

Необходимо отметить, что В. И. Ленин, член петербургской соц.-демократической организации, в июне 1894 г. был в Москве и виделся с членом „Московского Рабочего Союза" С. И. Мицкевичем, и уже один факт знакомства работников двух сильнейших соц.-демократических организаций того времени должен был так или иначе эту мысль о координации работы укрепить и поставить на очередь дня.

Разгром московской организации не позволил в Москве осуществить и дело съезда. Практическое разрешение вопроса выпало на долю наиболее сильной южно-русской соц.-демократической организации „Рабочая Газета" в Киеве.

Вспомним, как шло развитие южно-русских соц.-демократических организаций. Оно в общем шло теми же путями, как и на севере. Пионерами рабочего движения и на юге являлись революционеры из буржуазной среды. Первая попытка организовать рабочий союз на юге принадлежит Е. О. Заславскому в Одессе в 1875 г. По словам Аксельрода, в начале 80-х годов ему удалось в Одессе же построить новую организацию рабочих.

Е. Н. Ковальская, член организации „Черный Передел", в 1880—81 г.г. с товарищами создали мощную рабочую организацию в Киеве — „Южный Рабочий Союз".

В начале 80-х годов в Харькове существовала довольно сильная чернопередельческая организация. То же мы наблюдаем и в Ростове-на-Дону. Из остатков этих народнических организаций повсюду создаются зачатки рабочих организаций переходного типа 80-х и начала 90-х годов: в Харькове кружок доктора Бекарюкова, Ю. Мельникова и Перазича, в Ростове кружок Мотовилова и Мельникова, в Одессе кружки конца 80-х годов и т. д.

В начале 90-х годов в Одессе действовал уже настоящий марксистский рабочий кружок Д. Б. Рязанова, ученики которого в первой половине 90-х годов (Ю. Стеклов, Цыперович и Вельтман) создали значительную рабочую организацию. В Ростове-на-Дону также действовала в первой половине 90-х годов соц.-демократическая организация Алабышева - Машицкого. В Киеве, после провала кружка Абрамовича конца 80-х годов, возникает новая соц.-демократическая организация.

Несмотря на погромы и провалы, эти организации растут, захватывают все новые и новые слои революционной интеллигенции и рабочих, так что к концу 90-х годов соц.-демократические ячейки существуют во всех крупнейших центрах юга: Киев, Одесса, Екатеринослав, Харьков, Ростов-на-Дону, Николаев, Елисаветград и т. д. Самой мощной и выдержанной теоретически в этот период на юге являлась бесспорно киевская соц.-демократическая организация.

Главнейшими деятелями этой организации были Ю. Д. Мельников, Б. Л. Эйдельман, П. Л. Тучапский, Н. Вигдорчик, рабочие А. Поляк, бр. Сонкины и другие.

Киев — небольшой промышленный центр, но зато крупный торговый город и средоточие умственной, ученой и художественной жизни юго-запада России: университет, средние учебные заведения, издательства и пресса, большое количество украинофильской интеллигенции, близость к Польше и Западу вообще сделали из Киева действительно умственный центр и привлекали всегда к себе и революционную молодежь. Пролетариата, чистого фабрично-заводского пролетариата, в Киеве было немного. Поэтому рабочие кружки, возникшие в Киеве, находились в особо благоприятных условиях: к их услугам всегда имелось множество интеллигентов-пропагандистов. Сами интеллигенты соц.-демократы проходили длительный период теоретической подготовки, подготовляя и рабочих довольно продолжительное время к предстоящей работе; среди киевских соц.-демократов жил и работал выдающийся русский рабочий Ю. Д. Мельников.

5. Ю. Д. Мельников.

Сын помещика Полтавской губернии, Мельников вышел из реального училища и поступил на завод рабочим. Попав в Харьков, он сошелся с кружком д-ра Бекарюкова и вместе со

своими товарищами членами кружка пытался создать рабочую организацию, которая охватила бы весь юг. Харьковцам удалось создать, кроме Харькова, прочную организацию только в Ростове-на-Дону. Провал организации в Харькове погубил все дело, и главные участники попали в тюрьму и ссылку. Ю. Д. Мельников отбывал наказание в „Крестах". Но, войдя туда народником, стоявшим на перепутьи, он, благодаря встрече с Абрамовичем, отбывавшим наказание там же, вышел из тюрьмы уже настоящим марксистом.

Возвратившись в Киев, он стал там организующим центром. Его теоретическая подготовка, недюжинный организаторский талант, высокие моральные свойства, преданность делу, необыкновенная способность к пропаганде—все это влекло к нему всех соприкасавшихся с ним.

В слесарной мастерской, открытой Мельниковым, образовалась революционная школа, откуда вышли самые выдающиеся деятели киевского рабочего движения.

6. Значение киевской организации в деле созыва первого съезда РС-ДРП.

В тесной связи с Мельниковым работали и киевские соц.-демократы интеллигенты Б. Л. Эйдельман, П. Л. Тучапский, Н. Вигдорчик, д-р Чорба и другие. Скоро в Киеве организовался центр рабочей организации, принявшей название „Рабочее Дело". Эта организация носила в организационном отношении примерно такой же характер, как и организации Благоевская и Брусневская: рядом с интеллигентским центром существовал другой центр — „Рабочий комитет". Оба эти центра связывались взаимной делегацией своих членов. Уже в 1895 году связи у „Рабочего Дела" с киевским пролетариатом были настолько прочны, что возможно было, несмотря на довольно сильное противодействие рабочих, еще не переживших периода кружковой пропаганды, перейти к изданию листков (в конце 1896 года) и организации забастовок. Удалось, наконец, поставить и издание нелегального органа „Вперед". После благоевского „Рабочего" это была вторая попытка осуществить издание подпольного нелегального соц.-демократического журнала (первый номер вышел в январе 1897 года), если не считать „Петербургского Рабочего Листка", первый номер которого вышел в конце 1896 года.

Расширение работы и неорганизованность ее, в виду несвязанности местных организаций между собою, поставили перед киевлянами вопрос о съезде представителей всех существующих в России нелегальных объединений, играющих известную роль в рабочем движении и теоретически выдержанных.

Намеченную задачу киевляне блестяще разрешили, несмотря на величайшие трудности нелегальной работы: они совершили

объезд всех более или менее значительных организаций, установили размах и объем работы в этих организациях, закрепили необходимые связи с существовавшими уже тогда мощными организациями, как, например, объединение еврейских соц.-демократов „Бунд“, завязали сношения с группой „Освобождение Труда“ и, наконец, поставили издание нелегального органа „Рабочая Газета“, которая должна была, по их мысли, стать обще-российской газетой.

Объединение всех более значительных южно-русских организаций фактически тоже было достигнуто. Кроме Киева, к этому времени серьезные и охватывавшие большое количество рабочих организации существовали в Одессе, Николаеве и Екатеринославе. В Одессе работали Даргольц, А. Поляк и др. В Николаеве работал Л. Д. Троцкий, организовавший там „Южно-Русский Рабочий Союз“ и поставивший издание подпольной газеты „Наше Дело“. В Екатеринославе работали К. Петрусевич (член киевской организации), И. Х. Лалаянц и др. Эти три организации были прекрасно связаны с Киевом, а через них (да и непосредственно) Киев был связан с Харьковом, Елисаветградом, Кременчугом и даже Ростовом. Но в этих городах к тому времени организации еще не успели изжить кружковщину и широкой работы не вели, равно как не представляли никакого значения и в теоретическом отношении.

Киев же обладал и хорошими теоретическими силами (напр. Вигдорчик), и хорошей технической организацией, и хорошими связями с Россией и заграницей. „Бунд“ также деятельно помогал Киеву в деле объединения русских соц.-демократических групп в единую всероссийскую организацию.

Можно задаваться вопросом, почему не Петербург или Москва взялись за объединение и за созыв съезда: ведь Петербург и Москва в экономическом и политическом отношениях имели гораздо больше данных, чтобы взяться за это дело. Но мы уже видели, что в течение трех лет под-ряд (1895, 1896 и 1897 г.г.) обе эти организации, и петербургская и московская, терпели очень большой урон, аресты обескровили их, и лучшие их силы находились либо в тюрьме, либо в ссылке: Ленин, Мартов, Лядов, Мицкевич и другие нелегальные деятели.

Заграничные связи, правда, были у этих организаций, но группа „Освобождение Труда“ все же была настолько оторвана от России, что на практическое ее руководство надеяться было нельзя: переговоры киевлян с Плехановым дали киевлянам только моральную поддержку, практически они с группой „Освобождение Труда“ до чего-либо определенного не договорились.

7. Предсъездовская конференция 1897 г.

Таким образом получилось, что Киев в конце 90-х годов стал организующим центром. Еще в марте 1897 г. киевляне созвали на съезд представителей намеченных организаций; однако

приехали только представители Петербурга и Москвы. Представителей „Бунда", Екатеринослава и Иваново-Вознесенска не было, да и представитель Москвы по своей молодости не производил благоприятного впечатления. Поэтому решено было (после отъезда московского делегата) устроить конференцию. На этой конференции (в составе делегата от Петербурга, польских соц.-демократов и киевской группы „Рабочее Дело") был разработан план созыва съезда, намечен порядок дня съезда и приняты некоторые важные практические решения: 1) созвать съезд; 2) организовать в Киеве обще-русскую газету; 3) разослать всем организациям порядок дня съезда и 4) переименовать все русские соц.-демократические организации в „Союзы борьбы".

После конференции киевляне развили поистине изумительную работу: они снова объехали все организации, еще прочнее связались с „Бундом", выпустили первый и второй номер „Рабочей Газеты" и вообще практически подготовили съезд (нашли место, разработали порядок дня).

8. Первый съезд РС-ДРП и его значение.

Первого марта 1898 г. (по старому стилю) в Минске, наконец, собрался съезд. Здесь присутствовали: от киевской группы „Рабочая Газета"—Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик, от „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса"— С. И. Радченко, от Московского Союза — А. А. Ванновский, от Екатеринославского Союза — К. А. Петрусевич, от Киевского Союза — П. Л. Тучапский и от „Бунда" — А. Кремер, Мутник (Глеб) и рабочий Ш. Кац.

Съезд заседал с 1-го по 3-е марта (с 13-го по 15-е нов. ст.) 1898 г. Председателем был Эйдельман, Вигдорчик секретарем.

Вещественными следами первого съезда остались всем известный „Манифест" РС-ДРП и „Решения съезда", но, конечно, не только в этих печатных следах значение первого съезда в Минске.

На съезде было немного представителей действовавших организаций, но все же главные русские — петербургская, московская, киевская, екатеринославская — и еврейская „Бунд" объединились и положили начало обще-русской партийной организации. Правда, „Бунд" входил как автономная организация в деле организации еврейского пролетариата, но все же факт его присоединения практически означал, что обще-российская организация должна быть организацией интернациональной, включающей рабочих всех национальностей России. Это и было подчеркнуто в самом названии партии „российская", а не „русская".

Затем на съезде были рассмотрены и некоторые организационные вопросы: организация ЦК и ЦО, отношения местных организаций к центральным, партийная касса и т. п.

Высшим исполнительным органом партии является ЦК. Он руководит всей партией на основании решений съездов, являющихся высшим законодательным органом партии. Местные комитеты, подчиняясь ЦК, пользуются однако такой большой автономией, что имеют право в тех случаях, когда по их мнению постановления ЦК не соответствуют местным условиям, постановлений этих не исполнять [1].

Такая широкая автономия была предоставлена местным организациям в силу боязни, что ЦК централизует власть и не будет считаться с мнением местных органов партии; боязнь же эта, вне всякого сомнения, отражала ту раздробленность и провинциализм, которые были характерны для русского рабочего движения и для русской соц.-демократии. Стихийность и разрозненность рабочего движения находили свое выражение в организационных формулах, принятых съездом. Большое значение имело, конечно, и участие „Бунда", который отстаивал свои провинциальные навыки и уклоны и свою самостоятельность в деле организации еврейского пролетариата. Правда, в решениях съезда национальный сепаратизм „Бунда" выразился всего лишь в одной фразе, что он сохраняет самостоятельность „лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата". Но фраза эта очень хорошо расшифровывалась в статьях бундовского органа „Арбейтер Штимме"; например, в № 10 этого журнала по поводу решений съезда, между прочим, говорилось: „Кроме широкой свободы самостоятельно вести свои местные дела, комитеты имеют право отказаться от резолюций и решений Центрального Комитета партии, если местный комитет не находит возможным выполнение этих решений в силу условий данного места".

Таким образом „Бунд", центральный комитет которого не мог бы потерпеть, чтобы его постановление не исполнялось какой-либо бундовской организацией, находил вполне правильным не подчиняться решению ЦК всероссийской организации.

Съезд не выработал программы партии, признавая программу группы „Освобождение Труда", и поручил выбранному им ЦК (в составе Эйдельмана, Кремера и Радченко) изготовить манифест об образовании партии и опубликовать его.

Манифест был вскоре опубликован. Как известно, автор его— П. Б. Струве, ныне эмигрант и идеолог буржуазии, а тогда называвший себя соц.-демократом и работавший рука об руку с социал-демократами. Содержание манифеста общеизвестно.

Очертив роль пролетариата в революции на Западе, Струве говорит, что и в России рабочий класс становится фактором революционного движения, как неизбежное следствие капиталистического развития.

Далее Струве указывает, что, вследствие контр-революционности русской буржуазии, на плечи пролетариата ложатся и такие

[1] Об этом см. у Б. Л. Эйдельмана в статье о первом съезде в „Пролет. Револ.", № 1, за 1921 г.

общедемократические задачи, какие давно уже разрешены западноевропейской буржуазией и какие необходимо разрешить российскому рабочему классу для успехов его дальнейшей борьбы за социализм. Манифест заканчивается сообщением об образовании с.-д. партии, которая, несмотря на различие методов борьбы, будет продолжать славные традиции „Народной Воли".

Вскоре после съезда (в ночь с 11-го на 12-е марта 1898 г.) правительство почти до основания разрушило революционные организации соц.-демократии; но, несмотря на это, несмотря на то, что из 3-х членов ЦК двое (Кремер и Эйдельман) были в тюрьме, российская соц.-демократия была уже не конгломератом ничем не связанных групп, а **партией**, пускай партией только в идее, но все же партией, фактическое объединение которой было уже не за горами.

Моральное значение первого съезда отмечают все революционеры соц.-демократы, современники этого события: теперь всякий соц.-демократ чувствовал и знал, что он не один, что и в других местах страны существуют революционные соц.-демократические организации и что их практическое объединение есть только вопрос времени.

Съезд не выработал программы партии, но не следует думать, что русская соц.-демократия не выработала основ этой программы.

Прежде всего, группа „Освобождение Труда", как мы видели, изложила эти основы в двух своих опытах; русские соц.-демократические организации тоже делали попытки создать программу партии: программа „Партии русских соц.-демократов" является одной из таких попыток. В Иваново-Вознесенской организации (1895 г.) также пытались формулировать основы программы; в Екатеринославе, в Одессе, в Петербурге и Москве, да и в других городах циркулировали уставы „рабочих касс" и „рабочих союзов" — уставы, которые необходимо рассматривать тоже как попытки подойти к формулировке основ программы. Но на всех этих попытках отражалась провинциальная ограниченность, теоретическая неподготовленность авторов и стихийный характер рабочего движения.

Только опыт массового организованного движения мог дать материал для правильного разрешения задачи, а во второй половине 90-х годов единственным центром такого движения являлся Петербург с его массовым выступлением ткачей в 1896—1897 г.г. под руководством „Петербургского Союза борьбы".

Вот почему не кому иному, как В. И. Ленину, удалось наиболее правильно, наиболее полно формулировать программу РС-ДРП в 1896—1897 г.г.

Эта программа, правда, опубликована только в 1924 году и не была в свое время известна широкому кругу соц.-демократов, но идеи и принципы, положенные в ее основу, нашли себе блестящее выражение в другой работе Ленина, сыгравшей большую роль

в истории русской соц.-демократии: мы говорим о „Задачах русских соц.-демократов“. Исходя из того положения, что теоретические вопросы соц.-демократической программы в главных чертах выяснены, Ленин ставит как актуальную задачу момента объединение всех соц.-демократических групп и кружков в единую Росс. Соц.-Демократическую Рабочую Партию. Дав классовый анализ современного русского общества, Ленин критикует программы и тактику существовавших тогда мелкобуржуазных революционных партий и указывает, что эволюция русского революционного народничества, начавшаяся в 80-х годах, продолжается и в 90-ые годы в двух направлениях, — от мелкобуржуазного, крестьянского утопического социализма в сторону либеральной демократии („Народное Право“, легальные народники) и в сторону научного пролетарского социализма (революционная соц.-демократия). Только идя по второму пути, т.-е. создав классовую социалистическую партию пролетариата, возможно надеяться на успех и в борьбе с самодержавием и в борьбе за полную демократизацию общественного строя и, стало-быть, за социализм, ибо „такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих“ [1].

Таким образом, совершенно правильно говорит В. И. Ленин в своей работе „Что делать?“, что завершением второго периода нашей истории было оформление программы нашей партии: этим оформлением на практике был первый съезд в Минске, а идеологически — программа, написанная В. И., и его „Задачи русских соц.-демократов“.

Литература ко второй главе:

1. *Н. Крупская* „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“. „Творчество“, 1920 г., №№ 7—10.

2. *Ее же*. „Из воспоминаний“. „Сб. восп. о Ленине“. Под ред. Л. Б. Каменева. Инст. Ленина при ЦК РКП (б). М. 1925 г.

3. *Ю. Мартов*. „Записки социал-демократа“, книга первая. Изд. З. И. Гржебина. Берлин. 1922 г.

4. *П. Н. Лепешинский*. „На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.)“. Попутные впечатления участника революционной борьбы. Петр. 1922 г.

5. *Б. Горев*. „Рабочее движение в Петербурге в 1890-х г.г.“. „Кр. Новь“. 1921 г., кн. 11.

6. Собр. соч. *Н. Ленина* (*В. И. Ульянов*), т. I.

7. *К. Шелавин*. „Рабочий класс и его партия“. Петр. 1923 г.

8. „К двадцатипятилетию первого съезда партии“. Сб. М. Госизд. 1923 г.

9. „Пролетарская Революция“ за 1922 г., № 1, статья *Б. Л. Эйдельмана* о первом съезде.

---

[1] „Задачи русских соц.-демократов“, „За 12 лет“, стр. 137 и 138.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Борьба с народничеством и легальный марксизм.

1. Отношение народников к учению Маркса.

Было бы неправильно представлять себе развитие марксизма в России так, что оно шло постоянно по восходящей линии безо всяких уклонений в сторону.

В развитии марксизма в России были свои периоды подъема и уклонения: рядом с выявлением революционного ортодоксального направления проявлялись и неправильные, оппортунистические уклоны в сторону, попытки приспособления и пересмотра учения Маркса и Энгельса.

Имя Маркса в России известно было давно. Еще люди сороковых годов знали Маркса как выдающегося ученого и революционера. В 1845 г. известный критик В. Г. Белинский познакомился с некоторыми сочинениями Маркса. О знакомстве К. Маркса с выдающимися русскими людьми 40-х годов мы теперь хорошо знаем после работы Д. Б. Рязанова [1]. Самые выдающиеся деятели 50-х и 60-х годов—Герцен и Бакунин—знали Маркса [2].

Но только с 70-х годов идеи и сочинения К. Маркса становятся известны более широким кругам русского общества. Маркса знают и начинают изучать не только революционеры, подобные М. Бакунину, но и ученые, профессора политической экономии. Если Чернышевский, повидимому, не был еще знаком с сочинениями Маркса, то Бакунин и многие народники и ученые не только знали сочинения Маркса, но излагали и критиковали его взгляды. Изложение это, за редким исключением, страдало отрывочностью и неточностью, а критика — злостностью и буржуазной точкой зрения.

И Лавров и Бакунин считали себя даже сторонниками учения Маркса, но и тот и другой не понимали революционной сущности

---

[1] Д. Рязанов. „Карл Маркс и русские люди сороковых годов".

[2] См. также в „Очерках РКП(б)" В. Невского (2-е изд.) о знакомстве петрашевцев с „Манифестом Коммунистической Партии".

этого учения, и оно мирно уживалось у них с идеями утопического социализма, как у Лаврова, или анархизма, как у Бакунина. У Бакунина, по словам Плеханова, марксизм был карикатурный, а взгляды Лаврова страдали эклектичностью. Вместе с тем взгляды Бакунина, несмотря на все искажение Маркса, были революционны по существу, в то время как марксизм Лаврова сводился к мирной пропаганде идей социализма в революционных кружках интеллигенции и рабочих.

Буржуазные ученые встретили сочинения Маркса критикой и доказывали неправильность этого учения и неприменимость его к России.

Ю. Жуковский, Б. Чичерин и Н. Бунге в своих статьях обрушились на Маркса, доказывая, что, даже если и есть что-либо ценное в работах Маркса, то оно не подходит к нашим русским условиям.

Антонович, Слонимский, Георгиевский и Ходский мало чем отличаются в своей критике „Капитала" Маркса, и потому мы на них и не останавливаемся. Наиболее интересны и примечательны из народников, бравшихся за изложение и критику Маркса, — это Червинский, Михайловский, Н.—он и В. В.

Червинский, народник 70-х годов, много писавший в журнале „Неделя", в своих статьях в 1875 г., излагая теорию общественного развития Маркса, приходит к следующему заключению: „Можно сказать, что сокровенные особенности настоящего и прошедшего положительно не могут быть поняты и оценены по достоинству иначе, как именно с этой точки зрения" [1].

Казалось бы, что выводы и по отношению к России должны быть в духе точки зрения Маркса; но, как только Червинский переходит к применению этой точки зрения к России, так сейчас же оказывается, что Россия должна развиваться своим самобытным путем, так как, хотя и в России уже начинаются буржуазно-капиталистические отношения, Россия не пойдет сознательно по пути, пройденному Западной Европой и найдет свои самобытные пути.

Что же это за пути? Н. К. Михайловский, один из самых выдающихся лидеров легального народничества, выступая в защиту Маркса против злостной критики Ю. Жуковского и признавая большое научное значение за „Капиталом", обнаруживает самое поразительное непонимание учения великого экономиста. По Михайловскому, идеал социалиста „состоит, между прочим, в совпадении труда и собственности, в принадлежности рабочему земли и орудий и средств производства". Но, признавая это, марксист, по мнению Михайловского, „должен радоваться разлучению труда и собственности, расторжению связи между работником и условиями производства, как первому шагу необходимого и в конце концов благодетельного процесса" [2].

---

[1] Истор.-револ. сб., под ред. В. Невского, т. I, стр. 29.
[2] Соч. Н. К. Михайловского, т. VII, стр. 297 и сл.

Михайловский собственно хочет сказать этими словами, что марксист, будучи социалистом, борется за отмену частной собственности на средства и орудия производства; но, так как марксист видит в капитализме необходимый этап по пути к социализму, а капитализм—это как раз и есть утверждение института частной собственности, то ведь здесь-то и кроется коренное противоречие марксизма.

Идеал марксизма — коммунизм, а так как путь к коммунизму— через капитализм, то в этом, мол, и кроется слабость теории Маркса. Михайловский не понимал диалектичности исторического процесса, не понимал, что к этому процессу нельзя подходить с точки зрения желательности, а нужно рассматривать необходимость и неизбежность того или другого явления общественной жизни как результат предшествующего экономического развития.

По мнению Михайловского, „тот обоюдоострый, страшный и вместе благодетельный, непреоборимый процесс «обобществления» труда или, вернее, та форма обобществления, которую излагает Маркс, у нас на святой Руси очень мало подвинулась вперед. Крестьянин наш не в такой мере «свободен» от земли и орудий производства, в какой это необходимо для пышного развития капиталистического производства".

У нас крестьянин связан с землею; стало-быть,— рассуждает Михайловский,— его надобно насильно разлучить с землею, если мы хотим перейти при помощи капитализма к социализму, а разлучение крестьянина с землею это ужасный насильственный акт, и русский революционер принимать в этом акте участия не будет. В лучшем случае „ему предстоит разве роль наблюдателя, с бесстрастием Пимена заносящего в летопись факты обоюдоострого процесса". „Для мерзостной стороны процесса он совсем не годится".

Из этого непонимания капиталистического процесса, роли в нем пролетариата и революционной интеллигенции и вытекает уверенность Михайловского и всех народников в самобытном развитии России.

Другой известный народник - экономист, Николай—он, считал себя ортодоксальным марксистом, перевел на русский язык „Капитал" Маркса (по этому переводу изучали „Капитал" целые поколения русских марксистов), состоял в переписке с Марксом и Энгельсом и... вместе с тем старался видоизменить учение Маркса в применении к России.

Как видно из переписки Маркса и Энгельса с Ник.—оном, и для Маркса и для Энгельса было несомненно, что, коль скоро и Россия уже вступила на путь капиталистического развития, то ей также не избежать и всех последствий этого пути— развития буржуазии и пролетариата, классовой борьбы и буржуазной революции.

„...Если для России,—говорит Ф. Энгельс в письме к Ник.—ону от 23 сент. 1892 г., — после Крымской войны потребовалась собственная крупная промышленность, то она могла получить ее лишь

в одной форме, т.-е. в капиталистической, а не в какой-либо иной; ну, а вместе с этой формой она обязана была принять также и все те последствия, которые обыкновенно сопровождают капиталистическую крупную промышленность во всех других странах".

Вот этого не могли и не хотели понять ни Михайловский, ни Николай—он, ни В. В., ни их последователи. Они, наоборот, думали, что в России возможно шагнуть к социализму, минуя все муки родов нового общества, проходящего через стадию капитализма, прямо через общину, в которой они совершенно неверно видели остатки первобытного коммунизма.

Но как раз этот путь развития и отрицал Энгельс. В другом письме тому же Николаю—ону Энгельс по этому поводу выражается так: „...Ни в России, ни в каком другом месте невозможно развить из первобытного земельного коммунизма какую-либо более высокую социальную форму, если эта более высокая форма не существует уже в действительности в какой-либо другой стране и не служит, таким образом, как бы образцом для подражания" [1].

В чем же должно было состоять применение теории Маркса к России по мнению Николая—она, Михайловского и В. В.?

В том, чтобы вмешательством государства смягчить муки родов нового строя. Исходя из совершенно правильной мысли Маркса, что в интересах самой буржуазии развивать фабричное законодательство, народники вносили такие „поправки" в учение Маркса, которые совершенно искажали это учение. Если вмешательство государства смягчает муки родов, то нельзя ли и в России государственным вмешательством так смягчить эти муки, что будет укреплено и даже развито то народное производство (община, артель, кустарные промыслы), которое поможет перешагнуть без капитализма к социализму?

Народники не хотели замечать, что в России поддержка государства это—поддержка самодержавно-крепостнического правительства и что от этой поддержки никакого социализма ожидать нельзя.

В стороне от описанного течения народнической мысли стоял профессор Зибер, который и с университетской кафедры и в своих известных трудах вполне научно и добросовестно излагал учение Маркса. Но и в его изложении отсутствовали те революционные струи учения, в которых и заключается душа теории марксизма.

Народническое истолкование марксизма с течением времени превращалось уже в самое настоящее реакционное направление русской общественной мысли. Видя, как шаг за шагом соц.-демократы вытесняют народников с их позиций, как с каждым днем позиции соц.-демократов укрепляются все больше и больше, народники открыли борьбу против нового нарождающегося про-

---

[1] Эта и все предыдущие выдержки взяты (равно как и слова Михайловского) из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса с Николаем—оном, С.-Петербург, 1908 г. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Ник—ону, стр. 75, 86, 109 и 110.

тивника. Положение соц.-демократов было очень невыгодно, так как нигде, кроме нелегальных кружков, выступать против народников они не могли: вся легальная прогрессивная либеральная печать находилась в руках народников; Михайловский, Николай—он, В. В., Юзов (Каблиц), Южаков, Кривенко господствовали в этой печати безраздельно. Нападения народников на соц.-демократию усилились особенно в начале 90-х годов.

„Русское Богатство", влиятельнейший журнал народников, открыло этот поход против марксизма. Статьи Н. Кареева „Источники исторических перемен", книга Л. Оболенского „Изложение и критика нео-марксизма" (1893 г.), С. Кривенко „По поводу культурных одиночек" („Русское Бог.", № 12, 1893 г.) и, наконец, статьи Михайловского и Николая—она в 1894 году („Русск. Бог.", №№ 1, 2, 4 и 6) были началом атаки марксизма по всему фронту.

Необходимо было подумать о защите. И соц.-демократия спешно мобилизует свои силы в двух направлениях — в области нелегальной борьбы и по легальному фронту. На первом, нелегальном, фронте выступил с блеском и невиданным дотоле успехом В. И. Ленин с работой, о которой говорилось уже выше: „Что такое друзья народа и как они воюют против соц.-демократов"; на фронте легальном пришлось пойти на соглашение с людьми, которые непосредственного отношения к революционной борьбе не имели. К числу таких легальных союзников относились П. Б. Струве, нынешний лидер белых эмигрантов, и профессор, тогда еще, как и Струве, молодой ученый, М. И. Туган-Барановский, Булгаков и др.

Струве еще студентом петербургского университета имел связи с марксистской молодежью, так как его, хорошо образованного и сведущего экономиста, мало удовлетворяли народнические утопии.

Разделяя некоторые положения Маркса, он так же, как и марксисты, видел только единственный путь развития России — через капитализм, и потому его выступление против народников и утопистов было желательно и полезно. Еще в 1893 г. он опубликовал в Германии по-немецки статью, направленную против взглядов Николая—она. Это вызвало еще более ожесточенные нападки против марксистов. Теперь уже нужно было и марксистам дать всестороннюю и исчерпывающую критику народнических взглядов. Это было сделано в легальной печати рядом марксистских легальных произведений, принадлежащих как ортодоксальным марксистам, так и ученым буржуазным, выступавшим под знаменем марксизма.

В 1894 г. вышла в свет книга П. Струве: „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России" (в сентябре), а в декабре этого же года появилась и знаменитая работа Г. В. Плеханова: „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю".

2. Легальный марксизм.

Начиналась полоса так называемого легального марксизма (1894—1900 г.г.), когда, вышедши из подполья, он появился на страницах легальной прессы, нанося сокрушительные удары своему противнику и одерживая блестящие победы.

Ленин в работе „Что делать?" так характеризует эпоху легального марксизма: „В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста,— внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком... Выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг..." [1].

В этой необыкновенной внезапной популярности марксизма, в этом необыкновенно успешном распространении марксистских идей, в этом завоевании теорией марксизма революционно настроенной молодежи заключалась положительная сторона легального марксизма. То, что достигалось в подполье ценой величайших усилий; что стоило неокупаемых жертв, тюрьмы и ссылки, то достигалось теперь сравнительно быстро и легко.

Успешная же борьба петербургских рабочих, их победа, признание нового революционного течения за очень грозную и опасную силу самим правительством—все это еще более укрепляло и расширяло легальный марксизм.

Марксистам в течение этих трех или четырех лет удалось даже создать, хотя и на короткое время, несколько своих печатных органов. В Петербурге с марта 1897 г. марксистам удалось взять в свои руки журнал „Новое Слово" (под редакцией П. Струве, Туган-Барановского, А. М. Калмыковой и В. Поссе). В течение почти целого года, до закрытия, в журнале печатались статьи Ленина, Плеханова, Мартова, Засулич, Струве, Туган-Барановского и др. После закрытия „Нового Слова" марксисты приютились в журнале „Научное Обозрение", а в 1899 г. удалось поставить снова свой марксистский журнал „Начало", правда, вскоре закрытый. Ту же участь испытал и эклектический журнал „Жизнь", поставленный Поссе.

Легальная марксистская печать была характерным явлением того времени не только в столице, но и в провинции: еще в 1896 г. марксистам удалось утвердиться в Самаре и издавать в течение 1896 и 1897 г.г. „Самарский Вестник"; в этом же году в Риге марксисты руководили газетой „Deenas Lapa". В „Самар-

[1] Собр. соч. Б. И. Ульянова-Ленина, т. V, стр. 128.

ском Вестнике", кроме статей русских марксистов (А. А. Санина, П. Маслова, Н. Е. Федосеева, П. Н. Скворцова и др.), печатались переводы небольших работ К. Каутского, статей из „Neue Zeit" и т. п.

Кроме того, появились впервые легально на русском языке не только переводные работы западно-европейских социалистов (напр., „Критика некоторых положений политической экономиии", перевод П. Румянцева „Zur Kritik der Politischen Oekonomie" К. Маркса, „Экономическое положение русской деревни" И. Гурвича со статьей А. Санина и др.), но и оригинальные работы русских марксистов.

Все это в связи с оживлением рабочего движения имело большое значение: марксизм не только становился модной теорией, он распространялся вширь, захватывал самые широкие слои революционной молодежи и сознательных рабочих и тем самым укреплял и расширял еще молодое движение.

Но, вместе с тем, легальный марксизм таил в себе и большую опасность. В качестве легальных марксистов действовали на-ряду и под общим знаменем ортодоксального марксизма люди, которые пришли к марксизму с определенной целью использовать марксизм в целях борьбы либеральной буржуазии за ее политическое господство, в целях подчинить либерально-демократическим слоям все революционно-настроенные группы и классы. Этому политическому самоопределению и господству, этой гегемонии либералов-демократов, идеологов крупной буржуазии, мешал мелкобуржуазный утопизм народников; эмансипация от мелкобуржуазного мещанского социализма к либеральной демократии — вот та сторона общественного движения, которую между прочим выражал легальный марксизм таких людей, как Струве и Туган-Барановский. Это было хорошо, но, эмансипируясь сами, эти люди стремились увлечь за собой и тех марксистов, социал-демократов, рука об руку с которыми они шли. Делая же это, они делали и еще одно дело: вульгаризировали революционный марксизм, отметали его революционную сущность, вылущивали эту сущность, и, отбрасывая ее, преподносили революционной молодежи искаженный марксизм, а затем принялись и за его пересмотр, ревизию, внося свои поправки. Таким образом, целое поколение молодежи, принимавшей затем большое участие в рабочем движении, воспитывалось не на подлинных сочинениях и работах Маркса, Энгельса, Каутского, Лафарга, Меринга, а на сочинениях, искажающих и извращающих учение научного социализма. Это обстоятельство сыграло довольно большую роль в том споре, который разразился в рядах соц.-демократии, в споре ортодоксов и „экономистов".

Уже в своих „Критических заметках" [1] Струве высказывал такие мнения, с которыми не могли согласиться ортодоксальные марксисты. Но Плеханов, во имя той пользы, какую приносил

[1] П. Струве. „Критические заметки к вопросу об эконом. развитии России". Спб. 1894 г.

легальный марксизм, не счел удобным выступить против Струве, и это еще более усиливало вред, приносимый оппортунистической струей легального марксизма. Оставить без критики эту оппортунистическую струю было нельзя, и за это дело взялся Ленин.

„С.-Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса" вскоре же после встречи Ленина со Струве в 1895 г. пытался издать книгу с самой решительной критикой оппортунистических взглядов Струве. Сборник („Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России") был сожжен цензурой, но спасенные, хотя и в небольшом числе, экземпляры стали известны соц.-демократам и имели большое значение в деле развития революционной соц.-демократии. Наиболее важное значение имела статья В. И. Ленина, направленная именно против П. Струве (против его „Критических заметок"). Статья носит название: „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве". В основе статьи Ленина лежал его реферат „Отражение марксизма в буржуазной литературе", читанный В. И. еще осенью 1894 г. на нелегальном собрании (на квартире А. Н. Потресова). Здесь в статье, отмечая правильную критику народнических взглядов и теорий, Ленин указывает и на попытки исказить Маркса, какие уже очень определенно выявились в работе будущего идеолога буржуазии.

Прежде всего Ленин указывает, что неправильно утверждение Струве, будто бы учение Маркса не имеет научно-философского обоснования; далее Ленин раскрывает чисто буржуазную интерпретацию Струве понятия государства, подчеркивает неверное объяснение народнической идеологии, показывает ошибки Струве в области учения о рынках, выясняет его чисто мальтузианские взгляды по вопросу о возрастании народонаселения и, наконец, вскрывает зародыши буржуазно-либеральных взглядов автора „Критических заметок".

Отсутствие классового анализа, забвение огромного революционного значения классовой борьбы пролетариата в современном буржуазном обществе, „узкий объективизм... ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма"[1] — вот главные недостатки работы Струве. Не революция, не социальные конфликты, не классовая борьба, не насильственный переворот, совершенный рабочим классом, не социальная революция по Струве приведет человечество к новому строю, а мирное вырастание социализма из капитализма, а сотрудничество классов с подчинением пролетариата буржуазии. Такого рода взгляды были тем опаснее, что они затушевывались научной фразеологией и высказывались под знаменем якобы ортодоксального марксизма. Выра-

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. II, стр. 162.

жение, каким заканчивалась книга Струве: „пойдем на выучку к капитализму“, после критики Ленина приобретало свой истинный оппортунистический смысл и характер.

Вот почему работа Ленина имела огромное значение, несмотря на то, что она сделалась известна сравнительно неширокому кружку соц.-демократов.

Зато в других работах Ленина, вышедших легально („Экономические этюды и. статьи“, „Развитие капитализма в России“), равно как и в работе Плеханова против народников („Обоснование народничества в трудах г. Воронцова“), на-ряду с критикой народнических взглядов устанавливались и популяризировались истинные положения учения Маркса.

Мы указали выше, что легальный марксизм одной частью своих деятелей (буржуазных) и своей идеологии был отражением попытки русской либеральной буржуазии использовать в своих целях развивающееся рабочее и вообще революционное движение; это отражение выявлялось наверху в сфере русской подцензурной литературы. В то же время эмансипация от старого народнического утопического мелкобуржуазного социализма происходила и в другой сфере—в области нелегальной, революционной деятельности. Часть бывших народников-революционеров (Н. С. Тютчев, М. А. Натансон, П. Н. Николаев и др.) и примкнувшая к ним молодежь (А. М. Лежава, В. М. Чернов и т. п.) образовали партию „Народного Права“.

Эта партия ставила своей задачей заменить самодержавие „установлением свободных представительных учреждений“. „По мнению партии,—говорится в ее манифесте,—понятие о народном праве включает в себе как понятие о политической свободе, так и понятие о праве народа на обеспечение его материальных интересов на началах организации народного производства“.

Мы видели, в чем заключалась сущность этого народного производства, как его понимали единомышленники народоправцев—Михайловский и его товарищи. Таким образом, ставя своей задачей устранение самодержавия, партия „Народного Права“ не вполне отрешилась от народнических утопий. Считая, что необходимой ступенью в борьбе за социализм является политическая свобода, партия призывала к борьбе за эту свободу не только одну революционную молодежь, но все „общественные группы и силы“.

„При всей своей самоотверженности, при всей готовности положить свою жизнь на алтарь свободы, молодежь одна не в силах совершить переворот. Он возможен лишь при условии, что в кадры освободительного движения войдут общественные группы и силы, действующие на всевозможных поприщах. Их партия должна иметь в виду, их объединить, с ними бороться против общего врага, с ними победить или погибнуть...“ [1].

[1] „Насущный вопрос“. Выпуск первый, стр. 11. Изд. партии „Народного Права“, 1894 г.

Так писал народоправец А. Богданович в брошюре, обосновывавшей программу „Народного Права".

Это стремление возглавить все революционное движение, стать гегемоном всего движения видно и из манифеста партии „Народного Права". „...Партия ставит своей задачей,—говорится там,—объединение всех оппозиционных элементов в организацию такой активной силы, которая всеми доступными ей реальными и материальными средствами добилась бы освобождения от современного политического гнета самодержавия и обеспечила бы за всеми права человека и гражданина" [1].

Литература к третьей главе:

1. *П. Орловский (В. В. Воровский)*. „К истории марксизма в России". Сб. „Памяти Маркса". Изд. Петросовета. Петр. 1918 г., и отдельные изд. этой работы, Госизд.
2. *Г. Ваганьян*. „Г. В. Плеханов". М. 1924 г.
3. *Н. Анчарский*. „Легальный марксизм в России". Вып. I. М. 1925 г.
4. Собр. соч. *Н. Ленина (В. И. Ульянова)*, т. I и II.
5. *Г. В. Плеханов*. „К вопросу о монистическом взгляде на историю". Спб.
6. *П. Струве*. „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России". Спб. 1894 г.

---

[1] „Былое", май 1907 г., стр. 237.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Возникновение экономизма.

1. Буржуазные истоки экономизма.

Единственной активной силой уже в первой половине 90-х годов были рабочий класс и революционная интеллигенция, идущая во главе пролетариата, и потому попытку объединить все „общественные группы и силы, действующие на всевозможных поприщах", необходимо рассматривать как попытку народников-социалистов, эмансипировавшихся от утопического социализма, подчинить себе и развивающееся рабочее движение, как одну из сил общества.

Эта цель народников, как идеологов мелкой буржуазии, затемнялась ими той социалистической фразеологией, какая осталась в наслѣдство от славных времен 70-х годов. Здесь, как и в легальном марксизме, буржуазные представители которого прикрывали марксистской фразеологией свои буржуазные вожделения — подчинить себе движение рабочих, здесь скрывалась величайшая опасность для революционной соц.-демократии. Вот почему Ленин в „Задачах русских соц.-демократов", с необыкновенной прозорливостью отмечая, как прогрессивный шаг, попытку самоопределения демократической буржуазии в партию „Народного Права", указывал, что единственной и плодотворной задачей этих демократов должно быть не объединение всех оппозиционных групп и сил, а развитие и пробуждение самосознания „тех общественных групп и классов, для которых социализм вовсе не нужен, но которые чем дальше, тем сильнее чувствуют гнет абсолютизма и необходимость политической свободы"[1].

Ленин разумел под этими классами класс „нашей мелкой буржуазии, мелких торговцев, мелких ремесленников и т. д.".

Таким образом, Ленин прекрасно понял суть того процесса, который совершался тогда на поверхности русского общества и который был одним из источников русского оппортунизма в рабочем движении—так называемого „экономизма". Это был процесс самоопределения и самосознания русской либерально-демо-

[1] „Задачи русских соц.-дем.". Собр. соч. В. И. Ленина, т. I, стр. 359.

кратической и мелкой буржуазии, которая, стремясь найти себя, то хваталась за марксизм и, искажая его, внедряла в умы революционной молодежи, стремящейся работать в пролетариате, оппортунистическую идею пойти на выучку к капитализму, т.-е. подчинить рабочее движение буржуазии, то создавала программы вроде манифеста партии „Народного Права", сваливая в одну кучу и оппозиционное движение либералов и мелкой буржуазии и революционное движение пролетариата.

Здесь, стало-быть в этом процессе самоопределения русской демократической буржуазии, лежит один из корней „экономизма", не даром почти вся рабочая рать действовавших в России практиков „экономистов" воспиталась на легальном марксизме Струве; не даром и Кускова и Прокопович, эти идеологи „экономизма", вышли из рядов народоправцев.

Связь идеологии экономизма с мелкобуржуазной идеологией, унаследованной нашим движением от времен 70-х и 80-х годов, обнаруживается и в другом отношении. Виднейший деятель „экономистов", тоже идеолог и практик экономизма Теплов, вышел из пензенского кружка соц.-демократов, где руководителем и учителем являлся Благославов, бывший чернопеределец и основатель вместе с Благоевым „Партии русских соц.-демократов".

2. Связь экономизма с народничеством.

Благославов был чернопередельцем и до конца своей жизни не освободился от своих чернопередельческих народнических идей. Как мы знаем, народнические идеи дают себя чувствовать и в программе „Партии русских соц.-демократов": производительные ассоциации, существующие на счет государства, так похожи на народнические артели „народного производства" Михайловского и В. В., идеалистическое учение о критически мыслящих личностях, остающееся у благоевца Благославова, личностях, в головах которых возникает прежде всего революционное сознание, так похожее на идеи „экономистов" о том, что интересы рабочих порождаются развитием их самосознания, наконец, превалирующая роль, отводимая экономическим преобразованиям в сравнении с политической борьбой,—все это так похоже на предпочтение экономической борьбы перед политической, которое характерно для экономистов вообще и для пензенского кружка, где вырос Теплов и который случайно носил также название кружка „экономистов".

Один из корней экономизма, стало-быть, находится в далекой седой старине русского революционного движения 70-х годов, утопического мелкобуржуазного социализма, который, эволюционируя через „Черный Передел", Благоевскую группу и соц.-демократические кружки конца 80-х и начала 90-х годов, дошел до „экономизма" Теплова и его товарищей-пензяков. Это идеология самоопределяющейся мелкой буржуазии. Этот корень сплетается

с другим, вырастающим на фоне развивающегося капитализма и порождаемой им либеральной демократии, которая в лице своих идеологов (Струве, Туган, Булгаков и молодежь, учившаяся по их трудам), ища самое себя, осознавая себя, хватается за теорию Маркса и стремится истолковать ее в свою пользу и приспособить к себе и в своих целях растущее рабочее движение.

3. „Credo“.

Но было бы, конечно, непонятно, если бы экономизм объяснялся только этими двумя корнями; тогда невозможно было бы объяснить, почему „экономизм“ охватил и довольно многочисленный слой рабочих. Существовали, очевидно, и иные корни экономизма. Эти корни находились в самом рабочем классе и его движении.

В самом деле, в чем заключается наиболее характерный признак экономизма? В отрицании самостоятельности рабочего движения, в его подчинении движению либеральному, в ограничении рабочего движения задачами чисто-экономической или вернее трэд-юнионистской политики, ибо „экономисты“ не отрицали и политики, если только эта политика носила трэд-юнионистский характер.

Эти взгляды наиболее ярко выразились в тех документах, которые в свое время были опубликованы Г. В. Плехановым, и в тех руководящих статьях, которые мы находим в органе экономистов „Рабочее Дело“. В документе, известном под именем „Credo“ и принадлежащем, как автору, Кусковой, отказ рабочего класса от политической борьбы формулируется ясно и определенно. „Для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата, и участие в либерально-оппозиционной деятельности“. Рабочему — стачки за улучшение экономического положения, либералам—оппозиционная борьба за политическую свободу. Отсюда ясно и другое положение Кусковой: „Разговоры о самостоятельной работе политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву“.

Если рабочему классу—только борьба за экономические улучшения, то отсюда понятен и следующий вывод бывшей народоправки Кусковой: „Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия признает общество, ее узко-корпоративные, в большинстве случаев сектантские, задачи расширятся до задач общественных, и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении приспособительно к современному положению

вещей с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов".

Не означало ли это заявление отказа от социализма, от классовой политики и превращения рабочей революционной партии в мелкобуржуазную и либерально-демократическую партию реформ и мирных соглашений со старым строем?

Несомненно, этот отказ от борьбы с самодержавием и вообще от политики революционной партии пролетариата сквозит во всех решительно заявлениях Кусковой; так, характеризуя точку зрения другого лидера экономизма — Прокоповича, Кускова между прочим пишет: „Поэтому мое мнение, что говорить теперь, пропагандировать рабочим свержение самодержавия, — а, значит, просто-напросто революцию, — это значит подвергать их величайшей опасности, какая только была возможна в истории"... Что же должны делать рабочие, по мнению Кусковой и ее единомышленников-экономистов, если свержение самодержавия—гибель для рабочего класса?

Рабочие должны вести трэд-юнионистскую политику. „Не знаю,—говорит она,—почему слова: «имущественный, реальный» вызывают непременно у многих представление о чем-то низшем, низменном? Разве слово «реальный» не значит просто — существующий? Разве защита имущественных интересов не потребует в ближайшем будущем политических прав? Но требование политических прав р а б о ч и м и ничего не имеет общего со свержением самодержавия"... [1].

Кажется, ясно, к чему сводился символ веры Кусковой и ее единомышленников: трэд-юнионистская политика для рабочих, реформистская деятельность буржуазии при незыблемости самодержавия, при отсутствии самостоятельной рабочей партии, при господстве над рабочим буржуазии; словом, символ веры Кусковой—это положение, когда рабочее движение используется буржуазией, а соц.-демократия становится в хвосте либеральной демократии.

Мы видели, что такие взгляды Кусковой и ее единомышленников, как Прокопович и Теплов, есть только заключительное звено (в данный период) той эволюции, какую проделала мелкобуржуазная революционная часть русского общества, придя к соц.-демократии и эмансипируясь от мелкобуржуазного утопического социализма. Капиталистическое развитие страны просто доводило до логического конца эту эмансипацию и толкало в объятия либеральной демократии и человека, вышедшего из недр партии „Народного Права", как Кускова, и из недр студенческих революционных кружков, как легального „марксиста" Струве.

Но, если такая эволюция была нормальным явлением среди мелкобуржуазной интеллигенции, то чем объяснить довольно

[1] Все цитаты взяты из XII т. собр. соч. Г. В. Плеханова в изд. под ред. Д. Рязанова, стр. 477, 488 и т. д.

сильное увлечение „экономизмом“ определенного слоя рабочих, появление того течения, которое отражалось „Рабочей Мыслью“?

Чтобы ответить на этот вопрос, проследим процесс возникновения „Рабочей Мысли“.

4. „Рабочая Мысль“ и „Рабочая организация“.

Об этом существуют теперь рассказы не только таких деятелей, как „Петербуржец“ (Тахтарев), но и рассказы самих рабочих, основавших „Рабочую Мысль“. Я. А. Андреев говорит, что идея о рабочей газете возникла среди колпинских рабочих и была поддержана обуховцами [1]. В инициативную группу вошли, кроме Андреева, интеллигент, конторщик прокатной мастерской Ижорских заводов А. П. Фельдман, В. А. Ванеев (брат члена „Союза борьбы“), плотник А. Ветц, слесарь В. Ефимов, конторщик М. Иванов, сын рабочего Власов и братья Дулашовы, члены кружка, устроенного еще И. И. Кайзером.

Как видно из только-что сказанного, из 9 человек организаторов газеты трое были интеллигенты (Фельдман, Иванов, Ванеев); рабочие тоже мало отличались от интеллигентов по своему развитию. Тот же Андреев говорит, что верхушка колпинских рабочих состояла из видавших виды товарищей. „Революционное террористическое движение конца 70-х и начала 80-х годов оставило после себя некоторых рабочих участников этого движения. Часть их осела в Колпине и до известной степени поддерживала здесь воспоминания о прошлом даже в конце 90-х годов“ [2]. Так характеризует эту верхушку Андреев. По его словам, эти рабочие в движении участия не принимали, но пропагандой исподволь занимались.

Что касается обуховских рабочих, помогавших создать „Рабочую Мысль“, то их характеризует другой участник движения того времени такими словами: „Это были люди сознательные, перевидавшие на своем веку много пропагандистов; среди них были старики, которые входили в кружки уже много лет назад, но вышли из них. Только теперь они откликнулись на зов «Рабочей организации» и вошли в нее, как в свою. Они аккуратно делали членские взносы, покупали книги, нередко читали их вместе и обсуждали прочитанное. Только посещать пропагандистские кружки они не хотели“ [3].

Речь, правда, здесь идет о 1900 годе, но ведь рабочие, о которых здесь говорится, перевидали на своем веку много

---

[1] Я. А. Андреев. „1897—1898 г.г. в Колпине“. „Прол. Рев.“ 1923 г., № 2 (14), стр. 77.

[2] Там же, стр. 77.

[3] К. Семенов. „Первый год Петербургской рабочей организации“. „Минувшие Годы“, № 12, декабрь 1908 г., стр. 277.

пропагандистов, т.-е. были такими, какими их описывает К. Семенов, и в момент образования „Рабочей Мысли". Словом, рабочие, организовавшие „Рабочую Мысль" и затем „Рабочую организацию"—оплот экономистов в Петербурге, являлись верхушкой рабочего класса. Многие из них, как говорит Я. Андреев, имели домики, собственность, многие арендовали клочки земли. Многочисленные воспоминания из опубликованных ныне о первых шагах рабочего движения в различных городах России почти такими же чертами, как и Андреев и Семенов, рисуют ту верхушку рабочих, которая поддерживала в некоторых местах „экономистов". Что представляли, например, рабочие знаменитого „экономического" комитета в Воронеже? Типичной фигурой этого комитета был рабочий Гусев. Старый участник рабочего движения, владелец небольшого домика, интеллигентный, образованный, он являлся типичным трэд-юнионистом по своим убеждениям и навыкам. Такого же склада были и его товарищи Рыбаковы, тоже рабочие. Такого же типа были рабочие и в Иваново-Вознесенске, например А. А. Евдокимов [1]. Каковы же были взгляды этих рабочих на задачи и цели рабочего движения? Это очень хорошо очерчено уже упомянутыми тов. Андреевым и Семеновым. „Каковы мы были сами,—говорит Андреев,—такова была и наша газета. Мы организовались непланомерно, стихийно, вне всякой связи с тогдашним с.-д. направлением. У нас были практические подходы к действительности, но не было хотя бы минимальной научной осмысленности. Союз борьбы не имел, повидимому, сил, чтобы вплотную подойти к нам, и мы представляли вихрастую группу самородков. Таковой был и первый номер «Рабочей Мысли». В нем вместе с революционным пылом гнездилась и чисто-обывательская оценка возможностей, которые, по нашему мнению, могли использовать рабочие в борьбе за свое существование. Мы вихрасто жили, вихрасто думали и вихрасто, конечно, писали" [2]. К. Семенов, принимавший участие в „Рабочей организации" экономистов в Петербурге, такими чертами характеризует эту организацию:

„Организация должна быть «чисто рабочей» организацией, самостоятельной, независимой от интеллигенции. Рабочие должны были сами строить организацию, сами ведать все свои дела, так как «освобождение рабочих есть дело самих рабочих» [3].

„...Интеллигенцию изолировали от «Рабочей организации», говорит К. Семенов,—чтобы она не влияла на «чистоту» рабочего движения, чтобы она не вмешивалась в «дело рабочих», а единственно обслуживала его". Делалось все это во имя чистоты

---

[1] „Материалы по истории революц. соц. движения в Воронежской губ.", под ред. М. И. Лызлова, сост. А. Н. Татарчуков. Вып. I и II. А. Рябинин. „Р. М. Семенчиков (из истории раб. движ. в Иваново-Вознесенске)". Изд. Истп. 1922 г.

[2] „Прол. Рев.", № 2 (14), стр. 83.

[3] „Минувшие Годы", № 12, 1908 г., стр. 266 и 267.

рабочего движения и демократизма, но, конечно, ни того ни другого деятели „Рабочей организации" не достигли. Тот же К. Семенов говорит, что „настоящей выборности в организации на практике так и не было" и что „другое основание демократизма — ведение дел самими рабочими — тоже не осуществилось в жизни". Словом, „демократизма не было в общей жизни организации" [1].

Тот же К. Семенов, резюмируя свои воспоминания, очень метко определяет сущность „Рабочей организации" экономистов. Субъективно,— говорит он,—„мы не боялись политики, мы не были принципиальными экономистами, но мы не понимали политической борьбы и толковали ее трэд-юнионистически" [2]. Он же находит отчасти и объяснение своего трэд-юнионизма, указывая на источник искажений марксизма: „Легальный марксизм толкал нас на путь бернштейнианства и не мог дать ответа на наши вопросы".

Теперь, кажется, ясно, что являлось другим источником „экономизма". Этим другим источником были трэд-юнионистские немногочисленные верхушки рабочего класса, слой наиболее квалифицированных, наиболее оплачиваемых рабочих. Именно этот слой подхватил проповедь Кусковой, Прокоповича, Теплова, Акимова, Кричевского и других апостолов „экономизма". Понятным становится характер и тон „Рабочей Мысли", этого типичного трэд-юнионистского органа, созданного трэд-юнионистами рабочими при содействии и одобрении таких представителей либеральной буржуазии, как Кускова и Акимов. „Рабочая Мысль" возникла в 1897 году в октябре. Первые два номера вышли на мимеографе, с третьего номера газета печаталась за границей и просуществовала до 1902 г. Редакторами „Раб. Мысли" были Тахтарев и Якубова.

Посмотрим же теперь, соответствует ли содержание „Рабочей Мысли" тем трэд-юнионистским взглядам, которые охарактеризовал К. Семенов и какие воодушевляли деятелей практического рабочего центра в Петербурге—„Рабочей организации".

Трэд-юнионистские взгляды ясно выражены уже в статьях первого номера „Рабочей Мысли".

Автор одной из этих статей, рассказав о тяжелом положении рабочего класса, указывает на разрозненность, как на причину этого, и далее говорит следующее: „Стена современного строя крепка и произвол нашего царизма непоборим, но непоборим только в том случае, когда на это направляются отдельные силы, которые настолько малы, что падают жертвой произвола. Но дело примет совсем иной оборот, когда против произвола капиталистов и правительства будет направлена объединенная сила — сила сознания самостоятельности рабочего класса, справедливые требования

---

[1] „Минувшие Годы", № 12 1908 г., стр. 272 и 273.
[2] Там же, стр. 285.

которого должны быть удовлетворены". „Чтобы сделать что-нибудь полезное для рабочего класса, нам необходимо объединить наши силы, — говорит далее автор статьи и видит единственное средство объединения рабочих — кассу.

„Кассу эту мы должны поддерживать всеми силами, потому что без нее деятельность на рабочем поприще почти невозможна..." [1].

С первого взгляда кажется, что как будто здесь идет речь о борьбе с самодержавием („произвол нашего царизма"); во втором номере „Рабочей Мысли" (декабрь 1897 г.), в передовой статье „Кто победит", автор говорит, что нужно бороться и с правительством. Теперь сам сам собой вытекает ответ на первый вопрос: возможно ли рабочим бороться с двумя врагами — правительством и капиталистами? Да, возможно, мы скажем. И даже иначе и быть не может — подсказывает нам здравый смысл.

Но на вопрос, какими средствами бороться, — в статье ответа нет. Впрочем, далее в следующих номерах ответ этот дается. В передовой статье четвертого номера (октябрь 1898 г.) автор говорит по этому поводу: „Какими средствами?.. Законными или беззаконными?.. Всеми! Всеми, какие только дает современная жизнь и указывает в своем движении вперед. Всеми средствами, начиная с открытых массовых стачек за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня — до тайных рабочих сообществ работников и касс, от «трудовых товариществ» или сообществ работников, добровольно составленных по проекту министерства внутренних дел, и им же разрешаемых потребительных обществ, обществ взаимопомощи, образования, развлечения и т. д. — до союзов борьбы за освобождение рабочего класса, от книг и журналов, цензурой одобренных, вплоть до «преступнейших» прокламаций, говорящих о необходимейших нуждах рабочих, вплоть до машин скоропечатных и тайных типографских станков...".

Что же это, однако, за борьба? Автор статьи поясняет это, указывая, как на пример, на трэд-юнионистскую борьбу в Англии и на „Харьковское общество заводских рабочих", основание которого, по его мнению, есть результат уступок самодержавия рабочему движению.

Борьба в пределах существующего самодержавного строя, совершенно не колеблющая основ его, и есть, по мнению авторов „Рабочей Мысли", борьба политическая.

В седьмом номере (июль 1899 г.) автор статьи о рабочем движении в России, между прочим, говорит о январской стачке 1897 г. и, признавая, что закон 2 июня этого года вырван у самодержавия рабочим классом, рассуждает следующим обра-

---

[1] Цитата по „Петербуржцу". К. М. Тахтарев. „Очерки петербургского рабочего движения", Л. 1924 г., стр. 119, далее по подлинным номерам газеты.

зом: „Борьба такого рода, борьба за законодательное сокращение рабочего дня — есть уже борьба политическая и представляет действительный пример классового самосознания". Но, говоря это, автор призывает к организации касс и союзов рабочих, об организации политической партии рабочего класса он не гово-

Трэд-юнионистское содержание господствует во всех номерах и статьях „Рабочей Мысли". В номере десятом (от ноября 1900 года), в „Письме к петербургским рабочим" автор его, старый участник петербургской организации, говорит о формах рабочего движения. Формы эти таковы: первая форма—разрозненная борьба, а вторая—взаимопомощь и самопомощь. Такая борьба уже и начата русскими рабочими, и ясно как день,—говорит далее автор,—что это „борьба за права, за законность, за неприкосновенность человеческой личности".

Эта рьба рикосно
онно есть борьбы

В 1901 году в апреле (в номере 11), когда России улицах городов уже кипела политическая борьба, статье „ сущный вопрос" автор не выходит из пределов в той же арой трэд-юнионистской концепции:

„Итак, товарищи, мы прежде всего будем бороться сво-у стачек, союзов и собраний, личности, слова и печати, тому такая свобода — это повышение нашего заработка и со аще-рабочего дня".

Во всех этих статьях „Рабочей Мысли" нет ни одного слова, ет ни одного указания, что в самодержавном государстве орьба за свободу коалиций только тогда будет иметь смысл значение, когда рабочий класс создаст свою самостоятельную классовую политическую партию, и что иначе борьба рабочих превращается в типичную трэд-юнионистскую борьбу, притом не поднимающуюся выше стихийной стачечной борьбы рабочих.

Интересно отметить, что, как и в „Рабочей организации", в „Рабочей Мысли" красной нитью проводилась мысль об отстранении революционной интеллигенции от рабочего движения. Проповедь эта приняла настолько резкий характер, что даже некоторые сторонники „Рабочей Мысли" обратились с вопросом о причинах этой ненависти к интеллигенции. В четвертом номере газеты, в статье „Во избежание недоразумений", редакция дает разъяснение, из которого точно так же, как и из других статей, виден трэд-юнионистский уклон „Рабочей Мысли".

Таким образом, „Рабочая Мысль" была идейным органом того трэд-юнионистского течения, которое создалось в русском рабочем движении и оформилось к концу 90-х годов, когда торжествующий капитализм победоносно завоевывал одну отрасль народного хозяйства за другой.

5. Связь экономизма со стихийным рабочим движением.

Какая же, однако, существовала связь и существовала ли она между экономизмом и развитием русского рабочего движения? Как известно, вторая половина 90-х годов в экономической истории России характеризуется промышленным подъемом. Подъем этот продолжался до 1899 г., но уже в этом году появились грозные признаки кризиса, который и разразился в течение следующего трехлетия. Кризис сменился оживлением, наступившим в 1903 году. В течение периода оживления развивающаяся промышленность сравнительно легко поглощала избыточное население деревни, бежавшее в города. Известен факт, что уже в 80-ые годы исследователи считали процент рабочих, уходящих с фабрик центрального промышленного района на полевые работы, сравнительно небольшим; по Дементьеву, этот процент равнялся 14,1% для взрослых и 11,9% для несовершеннолетних. Этот процент различен, конечно, в разных производствах, но вообще он тем ниже, чем выше механизация труда. В общем, уже в 80-ые годы число рабочих, поступивших на фабрики в малолетнем возрасте, достигало $^2/_3$ всего числа, так что, хотя тогда 94% всех рабочих по паспорту числились крестьянами, подавляющее большинство их работало на фабрике круглый год. Из 18.576 человек, опрошенных Дементьевым, 55% составляли те, отцы которых работали на фабриках [1]. Без сомнения, связь с землею у рабочих-крестьян, приходивших из деревни, в той или другой форме существовала, так как с развитием промышленности деревня выбрасывала в города все новые и новые волны рабочих. Разорение деревни только ускоряло и увеличивало эти приливы, при чем в периоды оживления фабрика без труда поглощала избыточное сельское население. В. И. Ленин в своей работе „Развитие капитализма в России“ приводит следующие цифры, характеризующие эти приливы крестьян на фабрики и заводы.

В 1884 году было выдано паспортов в 12 губерниях с преобладанием неземледельческого отхода 1.762.300, в 1897 году в 17 губерниях с отходом того же характера 4.437.392, в 1898 году—3.369.597 человек. Цифры эти, как бы на них ни смотреть, говорят об одном — огромном притоке сельского населения в город на фабрику и на завод. Фабрика, без сомнения, поглощала большинство этого неквалифицированного населения.

Если теперь принять в соображение то обстоятельство, что в течение второй половины 90-х годов стачечное движение росло, то напрашивается само собою заключение о зависимости подъема стачечного движения от указанного притока крестьян на фабрику.

---

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. V, стр. 140.

Действительно, мы имеем такие официальные данные о числе стачек и бастовавших рабочих[1]:

ГОДЫ.	Число стачек.	Число бастовавших.
1895	68	31.195
1896	118	29.527
1897 .	145	59.870
1898 . .	215	43.150
1899 .	189	97.498
1900 .	125	29.389
1901 .	164	32.218
1902 .	123	36.671
1903 .	550	86.832
1904 .	68	24.904

Хотя эти цифры сильно преуменьшены, но тенденция движения в них отражается более или менее правильно. О чем же говорят эти цифры? Они говорят, прежде всего, о том, что в связи с подъемом промышленности растет и стачечное движение; кульминационный год подъема промышленности, вместе с тем, и кульминационный пункт стачечного движения; начавшаяся депрессия промышленности сразу понижает и стачечное движение, которое опять заметно повышается только в 1903 году.

Каков же был характер этих стачек? В. И. Ленин в книге „Что делать?" характеризует их так: „Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой трэд-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих

---

[1] Мартов в своей работе: „Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России", Спб. 1923 г., стр. 122, дает более реальные цифры:

1894 .	. 17.000	1897 .	. 102.000
1895 .	. 48.000	1898 .	. 87.000
1896 .	. 67.000	1899 .	. 130.000

Официальные цифры взяты из общеизвестного труда. В. Е. Варзара: „Статистика стачек за десятилетие 1895—1904 г.г." Спб. 1908 г. Изд. отд. Промышленности.

и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло, сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т.-е. сознания социал-демократического. В этом смысле стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс с «бунтами», оставались движением чисто-стихийным" [1].

С этой точки зрения можно смело сказать, что экономизм отражал стихийную сторону русского рабочего движения и, как именно такое отражение стихийной стороны движения, был явлением не революционным, не прогрессивным, оппортунистическим. Но, будучи явлением оппортунистическим, отражая стихийность рабочего движения, отражал ли экономизм интересы той крестьянской массы, которая хлынула в города в 90-ые годы? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим на состав бастовавших рабочих. За период с 1895 г. по 1904 г. ежегодно бастовало:

А.	Рабочих металлистов	117 тысяч человек.
Б.	текстилей	237
В.	типографов, деревообделочников, кожевенников и химиков	38
Г.	по обработке минеральных веществ и питательных продуктов .	39

Если считать, что металлистов в 1904 году было 252 тысячи чел., текстильщиков—708 т., рабочих группы В—277 т. и Г—454 т., то окажется, что металлисты в десятилетие 1895—1904 г.г. шли в авангарде движения, их бастовало почти половина; текстильщики, составляющие главную массу русских рабочих (немного меньше половины общего числа), бастовали только в количестве трети всего числа (237 т. из 708 т.); участие двух остальных групп в стачечном движении еще меньше. Если к только-что сказанному прибавить, что за десятилетие 1895—1904 г.г. число стачек в городах было 1.326, а вне городов 439, и что в городах, главным образом, и был сосредоточен рабочий металлист, то станет ясным, что металлист и был в авангарде стачечного движения.

Действительно, обращаясь к характеристике стачечного движения, мы видим, что всюду наиболее организованно держится рабочий металлист, и, наоборот, рабочий крестьянин скорее уступает под давлением капиталистов.

Что же касается рабочего текстильщика, то, составляя бо́льшую часть русских рабочих и выдвинув абсолютно бо́льшую часть в забастовочное движение, он, этот текстильщик, в забастовочное движение точно так же выдвигал наиболее квалифицированную свою часть, именно ту часть, которая была ближе и по развитию и по положению к рабочему металлисту, к рабочему трэд-юнионисту. В забастовках ткачей авангардом являлись такие рабочие,

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. V, стр. 140.

бочими; серая крестьянская масса чаще всего срывала стачку скорее всего становилась на работу. Стоит только просмотреть рреспонденции в „Рабочей Мысли" и в „Рабочем Деле", чтобы едиться в этом.

например,
очего Дела

удные Некот чени
шлени северо- рай.
ющаяся деревня давно ылает
абрики и заводы целые своих
цев. два олод
пош трым шаго

из деревень хлынули новые волны ищущих работы, вынужденных искать заработка на стороне, чтобы хоть как-нибудь добыть себе кусок хлеба на пропитание. Всего этого громадного потока свободных «рабочих рук» совершенно не в состоянии поглощать

тяжело давить на занятых рабочих, способствовать ухудшению их положения и мешать их борьбе за его улучшение.

„Этим, повидимому, и объясняется, помимо усиления полицейских мер, ослабление стачечного движения среди рабочих Петербурга и центральной России, которое замечается за последние 1—2 года" [1].

Такое же явление подметил и другой корреспондент „Раб. Дела", который, описывая положение нижегородских рабочих, указывает, что рабочие-крестьяне, хлынувшие на фабрику и завод из деревни, являются тормозом рабочего движения.

„Среди рабочих глухих заводов значительная часть их при-

заработной платой, ак их содерж ние ложи на одну
фабричную работу, а домаі нее хоз йство: ли работать
на уплату податей на п ддержа ние двора ние соб-
ственности—в том (исле, что о связ кре-
пляет его к фабрике, омогает фа икан ться
работником,—заметн и под горо м..."

Дело"
о", №

отливающей назад в деревни и заменяющейся новым составом. Это постоянное тасование рабочих, введенное у нас почти в систему и облегчаемое центральным положением Москвы, а также характером ее промышленности (Москва — по преимуществу центр текстильной промышленности, не требующей, как известно, обученных рабочих), является главной помехой дела организации и пробуждения сознания рабочих. На некоторых наших фабриках и заводах (кирпичных, цементных, требующих совсем необученную массу) существует прямо-таки система менять почти всех рабочих в течение года — оно выгоднее тянуть соки из самого свежего живого материала, да и безопаснее иметь дело с робкими неприхотливыми людьми" [1].

Такое же задерживающее влияние крестьян на развитие борьбы рабочих описывает и корреспондент из Литвы и Северо-Западного края [2].

Все это говорит о том, что экономисты отражали стихийный трэд-юнионистский характер не крестьян-рабочих, то приливавших на фабрику, то отливавших оттуда и в стачечной борьбе игравших либо отрицательную роль, либо вовсе в ней не участвовавших, а тех масс городского рабочего, который шел за трэд-юнионистской верхушкой металлистов и ткачей. Крестьянская масса, хлынувшая на фабрики и поднимаемая верхушками рабочих, составляла только фон, на котором трэд-юнионистское устремление еще резче выявлялось и вырисовывалось. Ведь лучше всего суть рабочедельчества выразилась в следующих словах передовой статьи из первого номера „Рабочей Мысли": „Рабочий сам берется, наконец, за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей". А эта суть могла родиться и родилась в голове типичного трэд-юниониста, каким и был экономист. Мысль же о том, что „политика всегда послушно идет за экономикой и в общем итоге политические оковы разбиваются попутно", эта мысль только подтверждает трэд-юнионистский характер экономизма: ведь и экономисты не отказывались от политики (они говорили о борьбе, например, за демократические свободы), только политика эта у них была трэд-юнионистская, оппортунистическая.

6. Связь экономизма с западно-европейским оппортунизмом и „Рабочее Дело".

На оппортунизм „экономистов" несомненно оказало влияние и ревизионистское течение в европейском рабочем движении. В. И. Ленин подчеркивает связь русского оппортунизма с общеевропейским ревизионизмом. „В истории новейшего социализма это едва ли не единичное и, в своем роде, чрезвычайно утешитель-

[1] „Раб. Дело", № 6, стр. 69—70.
[2] „Раб. Дело", № 2, стр. 72—76.

ное явление, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную. В прежние времена споры между лассалеанцами и эйзенахцами, между гэдистами и поссибилистами, между фабианцами и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях.

„В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министериалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма" [1].

Действительно, русские „экономисты" были согласны с Бернштейном, много заимствовали из его критики Маркса и пропагандировали его учение. Так, характеризуя взгляды Прокоповича, Кускова заявляет, что „Прокопович вместе с Бернштейном отвергает Zusammenbruch, т.-е. насильственную революцию, и диктаруру пролетариата мыслит как мирный переход к социализму; вместе с Бернштейном для него движение—все, а конечная цель его мало интересует"; „он думает, как и Бернштейн, что капитализму еще долго жить, что в нем в настоящее время происходит процесс приспособления к новым условиям техники"; мирная борьба в пределах свободных рабочих коалиций, а не революция—вот задачи экономистов.

Другой „экономист" Б. Кричевский, исходя из тех же оппортунистических взглядов на мирный путь развития общества к социализму, оправдывал оппортунистическую политику французских социалистов, допустивших вступление в министерство своего товарища Мильерана, заседавшего рядом с палачом парижских коммунаров генералом Галифэ [2].

В. Иваньшин, Теплов (Сибиряк) и другие публицисты и редакторы „Рабочего Дела"—органа, издававшегося „Союзом русских соц.-демократов" за границей, формально не одобряя „экономистов", по сути развивали те же идеи и фактически под-

---

[1] Примечание к первой главе „Что делать?" В. И. Ленина. Стр. 120 собр. соч., т. V.

[2] См., напр., в № 2—3 „Раб. Дела" статью Б. Кричевского „Тревожное время во Франции". Здесь, между прочим, находится такое оправдание Мильерана и Галифэ: „Порицатели указывают на то, что вместе с Мильераном участвует в министерстве отставной генерал Галифэ (военный министр), наиболее кровожадный из усмирителей Парижской Коммуны, восстания пролетариата в 1871 г. Дело, правда, давнее, но парижский пролетариат до сих пор ежегодно чествует память своих мучеников, павших в 1871 году за святое дело рабочего класса, и проклинает палачей вроде Галифэ. Поэтому Мильерану не следовало вступать в министерство. Те же социалисты, которые одобряют Мильерана, полагают (и по нашему мнению вполне правильно), что, в виду опасного положения республики, нужно думать о настоящем и о будущем, а не останавливаться на воспоминаниях о прошлом, как бы дороги и священны они ни были" („Раб. Дело", № 2—3, стр. 83)

держивали рабочемысленцев. Это было тем более опасно, что „Союз русских соц.-демократов“ работал вместе с Плехановым, и группа „Освобождение Труда“ таким образом как бы прикрывала оппортунизм своим авторитетом. Плеханов понимал, что — рано или поздно — придется выступить и против „Рабочей Мысли“ и против „Рабочего Дела“.

Оппозиция „молодых“ группе „Освобождение Труда“, как мы видели, было не новое явление. Выше было сказано, что Б. Кричевский принимал участие в борьбе „молодых“ против группы во время второй оппозиции в начале 90-х годов.

Тогда Плеханову пришлось признать правильным стремление соц.-демократической молодежи, приехавшей из России, усилить издание популярной пропагандистской и агитационной литературы. Основанный в 1895 году „Союз русских соц.-демокр.“ находился под руководством группы и выпустил шесть номеров „Работника“, восемь номеров „Листка Работника“ и довольно много брошюр. „Молодые“ оппозиционеры развили свою издательскую деятельность под фирмами „Соц.-демократической библиотеки“, „Группы популярной библиотеки“ (между прочим, под этой фирмой вышла и книжка Ленина „Объяснение закона о штрафах“). И старые (освобожденцы) и молодые мирно работали по сути, идя по линии, намеченной теоретически Плехановым. Но уже в 1897 году, как мы видели, обнаружилась оппортунистическая линия экономистов в первом номере „Рабочей Мысли“. Приветствуя появление „Рабочей Мысли“, как рабочей газеты, В. Засулич однако подчеркивала в своей рецензии (№ 7 „Листка Работника“), что экономическая борьба рабочих должна быть борьбой против самодержавия. Но следующие номера „Рабочей Мысли“ и взгляды Прокоповича и Кусковой, с которыми солидаризировались Б. Кричевский, Иваньшин, Теплов и Акимов, заставили Плеханова потребовать от молодых резко и определенно отмежеваться от русских и заграничных оппортунистов. Этого сделано не было, и в ноябре 1898 года на первом съезде реорганизованного „Союза русских соц.-демократов“ произошел разрыв группы „Освобождение Труда“ с молодыми. Плеханов и его товарищи отказались редактировать „Работник“, а большинство „Союза“ во главе с Акимовым и Кричевским постановило превратить „Листок Работника“ в журнал „Рабочее Дело“. В редакцию журнала вошли Б. Кричевский, П. Теплов (Сибиряк) и В. Иваньшин. Первый номер „Рабочего Дела“ вышел в начале 1899 года, но в течение этого года „экономизм“, как оппортунистическое течение, захватившее некоторую часть русских соц.-демократических организаций, выяснился вполне определенно. Летом 1899 года вышло в свет „Credo“ Кусковой, с протестом 17 соц.-демократов, ссыльных в Сибири, написанным В. И. Лениным [1].

---

[1] Историю написания „Credo“ см. I т. Собр. соч. В. И. Ленина, стр. 666, прим. 90.

В 1899 году появился еще один документ, в котором „экономическое“ течение выражено вполне ясно и определенно; это — воззвание „Группы самоосвобождения рабочего класса“, возникшей в 1898 году (В. Гурари, В. Кожевников и К. Попов). И эта группа, также как „Рабочая Мысль“ и „Credo“ Кусковой и Прокоповича, объявляла, что „политика — надстройка“ над общественными отношениями производства, и политическая агитация должна быть надстройкой над агитацией в пользу борьбы экономической, должна вырастать на почве этой борьбы и итти за нею. Организация рабочих масс должна совершаться „на почве борьбы за условия его существования и труда“. „И агитация в целях такого объединения рабочего класса (боевые, кассовые союзы и пр.) должна быть первой задачей всякой активной соц.-демократической группы в России“ [1].

„Рабочая Мысль“ достаточно ярко выявила свою платформу. Очевидно, все эти факты были явлениями одного и того же порядка. Распространение идей, пропагандировавшихся всеми этими организациями, внедряло в головы соц.-демократов оппортунистическое понимание рабочего движения, и молчание ортодоксальных марксистов означало бы согласие с этим оппортунизмом Кусковой, Прокоповича и их единомышленников. Вот почему такое огромное значение имеет протест против „Credo“, написанный В. И. Лениным. Протест был написан летом в 1899 году, тотчас же по получении еще не опубликованного Кусковой „Credo“, и подписан 17 ссыльными во главе с Лениным [2].

К протесту 17 присоединились вскоре старые соц.-демократы, деятели первой половины 90-х годов, ортодоксальные марксисты Туруханской (Ю. О. Мартов и друг.) и Вятской ссылки (В. В. Воровский, Ф. Гурвич-Дан и друг.).

Ленин в своем протесте, указавши, что неверны представления авторов „Credo“ о развитии западно-европейского рабочего движения, разъясняет, что совершенно неправильны представления „Credo“ и о характере русского рабочего движения. Затем Ленин напоминает, что Аксельрод намечал два пути развития русского рабочего движения: один, когда это движение плетется в хвосте либералов, и другой, когда рабочий класс создает свою самостоятельную политическую партию; указавши, что авторы „Credo“ пытаются направить рабочее движение именно по первому из указанных Аксельродом путей, Ленин солидаризируется с тем направлением русской социал-демократической мысли,

---

[1] Куклин. „За 40 лет“ и „Красн. Лет.“ за 1925 г., № 1 (12), ст. Е. Михайловой, стр. 239, 243—244. Из комментариев к „Что делать?“ „Группа самоосвобождения рабочего класса“.

[2] Вот имена подписавшихся: В. И. Ленин, Н. К. Крупская, О. Энберг (петербургский рабочий), В. В. Старков, А. М. Старкова, Г. М. Кржижановский, З. П. Кржижановская, А. С. Шаповалов, Н. Н. Панин, Ф. В. Ленгник, Е. В. Барамзин, А. А. Ванеев, Д. В. Ванеев, М. А. Сильвин, В. К. Курнатовский, О. Б. Лепешинская и П. Н. Лепешинский.

которая нашла себе отражение в органе „С.-Петербургского Союза борьбы“ старого состава — „С.-Петербургском Рабочем Листке“, киевской „Рабочей Газете“ и „Манифесте РС-ДРП“ первого съезда, т.-е. солидаризируется с направлением наиболее определившихся и сильных организаций России (Петербург, Москва, Киев, Екатеринослав).

„Протест российских соц.-демократов“ скоро сделался известен всем действующим в России организациям и был первым выступлением ортодоксальных марксистов-революционеров против оппортунистов в той горячей борьбе, которая развернулась со всей широтой и глубиной в следующий период нашей истории — в период „Искры“.

Литература к четвертой главе:

1. *В. И. Ленин.* „Что делать?“. Собр. соч., т. V.
2. *В. Астров.* „«Экономисты» предтечи меньшевиков“ („Экономизм“ и рабочее движение в России на пороге XX века). М. 1923 г.
3. *К. М. Тахтарев.* „Очерк петербургского рабочего движения“. Изд. „Прибой“. Лен. 1924 г.
4. Собр. соч. *В. И. Ленина,* т. I.
5. Соч. *Г. В. Плеханова,* под ред. Д. Б. Рязанова, т. XII.
6. *Ваганьян.* „Г. В. Плеханов“. М. 1925 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Промышленный кризис первой половины 900-х годов.

Развитие русского народного хозяйства находилось в самой тесной зависимости от хозяйства мирового, а к концу девятнадцатого столетия эта связь экономики России с экономикой западно-европейской сделалась настолько тесной, что малейшее потрясение на Западе отзывалось очень глубокими изменениями и в хозяйстве России. В особенности это становилось ясно в моменты кризисов, периодически сотрясавших Европу и Америку, как скоро и последняя пошла по пути капиталистической эволюции.

В конце XIX века кризис, охвативший весь капиталистический мир, разразился и в России и произвел в нашем хозяйстве столь губительные опустошения, что от этого потрясения страна не могла долго оправиться, и тяжесть его последствий еще продолжала чувствоваться даже тогда, когда в Европе уже снова началась лихорадка расцвета.

На основе этих явлений чисто экономического характера и развивалась та великая драма, приближение которой начало чувствоваться уже в конце 90-х годов и которая окрасилась кровью русских рабочих на улицах Петербурга 9 января 1905 г.

И в России наступлению промышленного кризиса предшествовал кризис финансовый. Уже летом 1899 года появились признаки, говорившие о надвигающейся беде: разразился крах нескольких дутых акционерных предприятий, чувствительно отозвавшийся на множестве мелких финансовых и торговых учреждений, чувствовался большой недостаток денег, государственный банк повысил учетный процент. Это сейчас же отозвалось на промышленности, где недостаток оборотных средств еще более увеличился.

В 1900 году кризис уже захватил целиком промышленность. В течение всего 1901 года кризис углублялся и расширялся и достиг наибольшего развития в 1902 году. О том, как велики были изменения в промышленности, вызванные кризисом, можно судить по следующим данным: тяжелая индустрия и главным

образом производство топлива и чугуна есть самое показательное явление всякой капиталистической страны. О чем же говорят цифры, рисующие размеры производства в этих областях промышленности?

В главном русском угольном районе, в Донецком бассейне, еще в 1900 г. добыча угля росла, в 1901 году рост этот был совсем ничтожен, а в 1902 году произошло очень большое уменьшение производства:

Добыча угля (в миллионах пудов).

Годы.	В Донецком бассейне.	По всей России[1].
1899	526,7	843,2
1900	691,4	984,8
1901	694,4	1.002,9
1902	642,1	953,5

Добыча чугуна отражает явление кризиса еще лучше, чем добыча угля.

Выплавлено чугуна (в миллионах пудов)[2].

Годы.	В Донецком бассейне.	Всего в России.
1899	82,4	137,0
1900	92,5	158,5
1901	91,9	165,0
1902	84,7	150,0
1903	83,4	165,7

Это сокращение производства видно и по числу действовавших доменных печей за те же годы на юге России: в 1900 г. таких печей действовало 29, в 1901 году—31, в 1902 году—23 и в 1903 году—32.

Точно так же отразился кризис и на добыче нефти—этом продукте, имеющем огромное значение и как топливо, и как сырье в химической промышленности, и как предмет вывоза:

Годы.	Добыча нефти. (В миллионах пудов).	Вывезено нефти.
1899	525	385,5
1900	600	443,1
1901	672	488,2
1902	636	513
1903	596	494,0

[1] „Каменноугольная промышленность". Изд. Совета съездов горнопром. юга России. Харьков, 1899, 1900, 1901, 1902 и 1903 г.г.

[2] „Железная промышленность южной России в 1903 г.". Изд. Сов. съездов горнопром. юга России. Харьков, 1903 г.

Такое сокращение производства сейчас же отразилось и на цене продуктов производства: товаров железной промышленности было так много, спрос на них был так мал, что о дальнейшем расширении производства нечего было и думать; затруднения в железной промышленности влияли и на производство топлива. Цены и на уголь, и на нефть, и на чугун падали: цена обыкновенного угля в 1900 году была 10—9 коп. за пуд, а в 1902 г.— 7—6 коп.; цена сырой нефти в 1900 году была 17—18 коп. за пуд, а в 1902 году 7—6 коп.; цена чугуна в 1900 году была 70—80 коп. за пуд, а в 1902 году 38—40 к.

Такие же катастрофические явления наблюдались и в текстильной промышленности, рассчитанной на массовое народное потребление.

Но что значит сокращение производства, уменьшение цены товаров, уменьшение их сбыта, что это означает для рабочего класса? Прежде всего, кризис вызывает закрытие предприятий и расчет рабочих.

Вот как сокращалось число рабочих в главнейших отраслях тяжелой промышленности за те же годы.

В Донецком бассейне было рабочих на каменноугольных копях:

в 1899 году	64.069 чел.
1900 „	82.420 „
1901 „	80.987 „
1902 „	76.031 „
1903 „	76.015

В нефтяной промышленности за те же годы число рабочих было:

в 1899 году	16.898 чел.
1900 „	21.253 „
1901 „	26.637 „
1902 „	24.018 „
1903 „	20.389 „

Число рабочих при доменных заводах изменялось так:

в 1899 году	45.416 чел.
1900 „	41.442 „
1901 „	38.590 „
1902 „	35.870 „
1903 „	33.071 „

О сокращении рабочих в текстильной промышленности говорят очень простые цифры: как общее правило, все фабриканты Иваново-Вознесенского, Шуйского и Кохменского района сократили число рабочих наполовину.

Было бы утомительно приводить цифры, рисующие положение других отраслей промышленности, так как всякому ясно, что кризис в тяжелой индустрии немедленно отозвался по всему фронту народного хозяйства.

Это и неудивительно, так как особая острота кризиса в России вызывалась особыми обстоятельствами — небывалым кризисом в сельском хозяйстве, явившимся логическим следствием обеднения и разорения крестьянина, зажатого как в тисках в лапах кулака, феодала-землевладельца и чиновника, выколачивающего подати и спаивающего русского производителя хлеба.

Стеснение в земле, увеличение безлошадных, пролетарских хозяйств, повышение арендных цен на помещичьих землях, кабальные условия отработок — все это еще больше разоряло и обессиливало массу крестьян. Ряд голодных неурожайных годов еще более увеличивал бедствие: в 1895, 1896, 1897, 1898 и 1901 г.г. сбор хлебов, достигавший в России обычно 3½ миллиардов пудов, понижается на 500 милл. пудов ежегодно, а в 1897 г. почти на миллиард пудов (в 1897 г. весь сбор хлебов—2.546 милл. пудов).

О расслоении крестьян, их обеднении и разорении можно судить по цифрам военно-конских переписей 1888—1891 годов:

Беднота	безлошадных	2.765.970	дворов
	с одной лош	2.885.192	„
Средние дворы	„ 2 „	2.240.574	
	„ 3 „	1.070.250	
Зажиточные	4 и более лош.	1.154.674	„
	Всего	10.116.660	дворов.

Эти цифры приведены В. И. Лениным в его известной работе: „Аграрная программа соц.-демократии в русской революции 1905—1907 годов“ [1].

Но цифры эти относятся к 1888—1891 г.г.; ясно, что за десять лет с 1891 по 1901 г. классовое расслоение деревни пошло еще дальше. В указанной же книге приводятся другие данные, из которых видно, что ко времени первой русской революции десять миллионов крестьянских дворов имели 73 миллиона десятин земли, а восемь тысяч крупных землевладельцев—62 миллиона десятин.

Деревня, русская разоренная и обнищалая деревня, к началу XX века имела около 10 миллионов человек (а по исчислению некоторых экономистов — даже больше) избыточного населения, которое или должно было умирать с голоду, или итти в кабалу к помещику, на фабрику или на завод. Какое же следствие вытекало, прежде всего, из такого критического положения в сельском хозяйстве? Вместе с разорением массы крестьянства и ростом

---

[1] Собр. соч., т. IX, стр. 415.

и укреплением кулацкого и капиталистического хозяйства обнаруживалось падение производительных сил в земледелии: к началу XX века произошло уменьшение посевной площади как раз в центральной черноземной полосе на 0,5%, а в Великороссии на 32%. По другим данным, за десятилетие 1861—1870 г.г. на 1.000 душ населения приходилось 825 десятин посева, а в 1891—1900 г.г. (т.-е. как раз к началу кризиса)—только 547 десятин, и это происходило в то самое время, когда капиталистическое хозяйство на северном Кавказе и в Новороссии росло, увеличивало запашку и превращалось в настоящую хлебную фабрику [1].

А между тем тот же самый крестьянин, который разорялся, беднел, сокращал свои запашки, должен был продавать свой хлеб, так как и государство, и земство, да и вообще весь строй жизни требовал от него денег, денег и денег. Без копеек и рублей, относимых им в казну и в кассу частного предпринимателя, нельзя было построить ни государственного бюджета, ни щегольнуть на международной бирже, прося денег взаймы у иностранного банкира. Насколько обеднел русский крестьянин, видно из того, что, когда освобождали крестьян в 60-х годах прошлого века, надел исчислялся в среднем на мужскую душу в 4,83 дес., а в 1900 году он равнялся всего 2,59 дес. Однако, в действительности надел этот был значительно меньше: в некоторых губерниях, например в Харьковской, Могилевской и Виленской, он равнялся 1,9 дес.; в Орловской губ.—1,89; в Курской, Волынской и Рязанской — 1,7 дес.; в Тульской — 1,6 дес.; в Полтавской — 1,5 дес., в Киевской и Подольской—1,2 [2]. Стесненный в земле, крестьянин бился как рыба об лед и не в состоянии был выработать на своей земле даже того, что полагалось ему по самым скромным расчетам: с десятины надела получалось только 16,6 пуд. хлеба, в то время как душевое потребление обоего пола равнялось 20 пудам.

Чтобы не умереть голодною смертью, крестьянин бросался за землей в казну и к помещику, но аренда была очень высока: в 1900 году за аренду десятины крестьянин платил казне—1 р. 47 коп., удельному ведомству—2 р. 67 коп. и помещику—9 р. 14 коп.

Прежде всего, откуда было крестьянину взять денег? А ведь с него эти деньги требовала и казна. Вот, например, сколько налогов платил крестьянин средне-черноземной полосы с одной десятины: казенных и выкупных 1 р. 25 к., земских 37 коп., мирских 58 коп., страховых 17 к., всего 2 р. 37 к.; доход же с десятины исчислялся всего в 6 р. 72 к. Если же, напр., взять северные

[1] П. Маслов. „Развитие земледелия и положение крестьян до начала XX века", стр. 12—13 „Обществ. движения в начале XX в.", т. I, СПБ. 1909 г.

[2] Здесь и дальше цифры взяты у Б. Веселовского „Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России". СПБ. 1907 г., стр. 13, 24.

губернии, то, при доходе в 1 р. 62 к. с десятины, крестьянин должен был платить 1 р. 02 к. налогов.

Но это были только прямые налоги. Косвенные налоги ложились еще большей тяжестью. Только на продуктах массового потребления (водка, сахар, керосин, ситец, чай, спички, табак, железо и пр.) каждый русский обыватель уплачивал 6 р. 92 к. косвенных налогов; если же прибавить сюда ту надбавку, какую заставлял каждого обывателя платить еще промышленник на те же предметы массового потребления (эти надбавки равнялись 5 р. 60 к. на душу в год), то безвыходное положение крестьянина станет очевидным.

Получался непонятный с первого взгляда факт: Россия становилась капиталистической страной в полном смысле этого слова, и в то же время главной статьей ее торгового баланса были не продукты промышленности, а хлеб и жизненные припасы. Вывоз хлеба и жизненных припасов с 1899 года увеличивался так: в 1899 г.—326,5 милл. п., в 1900—393,3 милл. п., в 1901—442,4, в 1902—539,8 и в 1903—613 милл. п., составляя 62,4% всего вывоза; в то же время ввоз из-за границы изделий, сырья и полуфабрикатов промышленности составлял 80% всего ввоза. Эти факты и находят свое объяснение в том, что в течение 80-х годов русское сельское хозяйство охватил кризис, как он охватил и все мировое хозяйство. Кризис этот отразился прежде всего на хлебных ценах: они понижаются, начиная с 80-х годов, и на пшеницу и на рожь. Понижение это очень значительно, если сравнивать цены за пятилетие первой половины 70-х и 90-х годов: цена пшеницы с 1 р. 44 к. (1871—75 г.г.) упала до 81 коп. (1891—95 г.г.), а ржи соответственно с 78 до 65 коп.

Такие обстоятельства были выгодны промышленнику: он, имея низкие цены на хлеб, имел дешевые рабочие руки; но эти же обстоятельства били торговый капитал: помещик должен был выбрасывать все больше и больше хлеба на внешний рынок, *выкачивая этот хлеб из разоряющегося крестьянина*.

Таким образом, получался своеобразный процесс: при обнищании крестьянина, при увеличении крестьянского пролетариата рос вывоз хлеба за границу, золото притекало в страну, и в России накоплялся золотой запас, который и позволил русскому правительству перешагнуть от бумажного к золотому обращению.

Увеличение вывоза русского хлеба за границу, при колоссальном увеличении крестьянского пролетариата, шло рядом с укреплением капиталистического частновладельческого и крестьянского хозяйства: создавались крупно-капиталистические хозяйства, на юге России в особенности, креп хозяйственный мужичок, вырастала и крепла деревенская буржуазия.

Но выбрасывание все большего и большего количества русского хлеба за границу, хотя и делало русский баланс актив-

ным (Россия больше вывозила, чем ввозила), зато, с другой стороны, превращало Россию в колонию для иностранного промышленного капитала. Русский капитализм развивался в самой тесной зависимости от западно-европейского и притом так, как это было угодно английскому, французскому и германскому капиталисту.

Действительно, число разрешенных акционерных компаний только с 1894 по 1900 год в России было 191 с капиталом 634 милл. с лишком франков; экономисты считают, что только в течение 5—6 лет, с 1894 по 1900 год, французские капиталисты вложили более 500 милл. рублей в русскую промышленность.

Иностранный капитал завоевывал Россию, но, завоевывая ее, он строил промышленность в ней так, чтобы крестьянская Россия оставалась попрежнему колонией и данницей западно-европейского капиталиста.

Как же отразились все изложенные выше обстоятельства на русском рабочем классе в период кризиса?

Безработица, понижение заработной платы, напор деревенских масс на город, еще больше понижавший заработки, удлинение рабочего дня, вообще ухудшение условий труда, нищета, болезни, смерть и вырождение—вот те последствия, которые вытекали из последствий своеобразного развития русского хозяйства: русский рабочий класс страдал не только от того, от чего страдает всякий рабочий, но и от особых условий развития русского капитализма, от его недоразвития и особой чрезвычайной зависимости страны от чужеземного капитала.

Выше уже были приведены цифры, показывающие сокращение рабочих в некоторых отраслях тяжелой индустрии; но сокращение рабочих было общим явлением по всему фронту русской промышленности: решительно все нелегальные органы описываемого периода рисуют в своей хронике картину безудержного нажима капитала на рабочих: „Искра", „Рабочее Дело", „Рабочая Мысль", „Южный Рабочий", „Вперед" и т. д.

Для иллюстрации приводим несколько примеров из этих органов.

„Промышленный кризис, пронесшийся ураганом по всей России и оставивший тысячи людей без работы, крова и хлеба,—пишет корреспондент киевской газеты „Вперед" о „Южно-Русском машиностроительном заводе",—не миновал и наш завод. За последние годы все хуже и хуже жилось нам, прижимки и притеснения мастеров и администрации все усиливались, но особенно стало скверно с наступлением осени. Уменьшение работы на заводах дало полный простор мастерам делать с рабочими все, что им угодно. И они не клали охулки на руку. Понижали до невозможности расценки, забирали себе все процентные деньги, так обирали рабочих, что заработок понизился более, чем наполовину,—кто раньше зарабатывал 60—70 ру-

блей в месяц, теперь едва мог выработать 25—35. Недовольных этим нововведением рабочих без разговоров увольняли" [1].

Так рассказывает корреспондент „Южно-Русского машиностроительного завода".

Другой орган южных социал-демократических организаций такими словами описывает успехи южно-русской металлургической промышленности и последовавший затем кризис: „Быстро, громадными скачками выросла русская промышленность на юге. За какие-нибудь 30 лет вся Россия покрылась сетью железных дорог; для дорог требовались рельсы, паровозы, вагоны, понадобились сталь, железо, чугун и каменный уголь...". „...Среди этих опьяняющих успехов русской промышленности было всем хорошо, даже русским рабочим. Правда, работа на заводах была тяжела и непривычна, уносила много здоровья и сил, превращала человека в машину, но хоть то было хорошо, что рабочий был сыт, одет, обут и почти всегда имел работу. Ни один мастеровой не зарабатывал меньше 60—70 рублей в месяц". Но вот наступил кризис, и положение сразу переменилось. „А теперь дело обстоит как раз наоборот: спрос значительно сокращается, а предложение рабочих все растет и растет. Средняя плата мастерового не выше 30—40 рублей...". „Тысячи здоровых рабочих обивают пороги фабрик и заводов в бесплодных поисках работы. А г.г. капиталисты не только не приходят им на помощь, но еще увеличивают ряды их новыми и новыми жертвами" [2].

Такие же сведения о кризисе идут и из Петербурга, и из центрального района, и отовсюду.

В Петербурге кризис очень остро чувствовался уже в 1900 г.: на фабриках Паля, Кенига, Малой Охтенской, Главо, Торнтона шли расчеты целыми сменами [3]. В центральном районе увольнение рабочих достигло невиданных размеров. По сообщению корреспондентов „Искры", уже в 1900 г. в Иваново-Вознесенске, Шуе, Кохме число рабочих было сокращено на 30 и даже на 50%; в Москве, где кризис достиг наибольшей силы в середине 1902 г., фабриканты увольняли тысячами, а в некоторых случаях и целыми заводами, как это произошло на Подольском заводе Московского Акционерного общества.

Ход кризиса в общих чертах, как он отразился на работе заводов и фабрик, представляется в следующем виде:

В 1899 г. банкротство 18 бельгийских предприятий Донецкого бассейна, в конце осени застой охватывает центральный промышленный район, в Иваново-Вознесенске увольняют рабочих; кризис охватывает Польшу, в Лодзи и Белостоке закрываются фабрики; расчет рабочих в Н.-Новгороде и в Петербурге, у Торнтона и на Обуховском заводе; расчет рабочих в Баку.

---

[1] „Вперед". Киевская рабочая газета, №№ 8—9 за 1899—1900 г., стр. 7.
[2] „Южный Рабочий" за 1901 г., № 4, стр. 3, 4 и 5. Статья „Кто виноват?".
[3] „Рабочий Листок" № 4 и „Искра" № 2, стр. 5.

В 1900 году—новое увольнение рабочих в Иваново-Вознесенске; кризис в центральной России расширяется, охватывает тульские заводы, иваново-вознесенские фабрики сокращают расценки на 20%; в Польше уменьшают заработную плату и увеличивают рабочий день. В 1901 году безработица охватывает еще в большей степени Петербург, центральный район (Москву, Иваново-Вознесенск, Кострому, Кинешму), Лодзь, Донецкий бассейн, снова уменьшаются расценки, снижается заработная плата, увольняются рабочие; в Москве, например на заводе Бромлей, литейщики получают не более 14—16 руб. в месяц, поденная плата в Батуме падает с 2 руб. до 60 коп. В 1902 году кризис достигает максимума. В Польше (Варшаве), Москве, Брянске, Твери, Вышнем-Волочке, Вильне, Петербурге новое сокращение рабочих, мелкие предприятия совсем останавливают работы; в Донецком бассейне, на рудниках, заработная плата снова падает на 30%; кризис охватывает все новые и новые отрасли производства—деревообделочную, строительную и т. д.

Железнодорожные мастерские сокращают рабочих и уменьшают расценки. К концу 1902 года безработица становится массовой и охватывает Урал, весь юг России, Екатеринослав, Мариуполь, Ростов-на-Дону, Одессу; всюду по всему фронту испытывают затруднения,—увольняются рабочие, понижаются расценки; в некоторых городах закрываются целые заводы (например Ивановские в Нижегородской губернии). Новое давление кризиса в 1903 году понижает расценки, выбрасывает рабочих за ворота, понижает плату и удлиняет рабочий день в Харькове, Луганске и Брянске (в механической промышленности). Летом этого года новое понижение расценок захватило центральную Россию (Тверь, Кострома, Шуя, Александрово).

Словом, кризис пронесся как ураган, вызывая крахи, закрытие фабрик, заводов, выбрасывая десятки тысяч рабочих на улицу, увеличивая прижимки и эксплуатацию пролетариата.

Боязнь расчета заставляла рабочих терпеть всяческие унижения, издевательства, сокращение заработной платы, штрафы. Вот, например, как в „Искре" описывается положение рабочих на одной из самых больших фабрик центрального района, на Глуховской мануфактуре в Богородске. Описав ужасающие антисанитарные и антигигиенические условия, корреспондент продолжает:

„Работают на Глуховской мануфактуре тремя сменами, так что каждый рабочий работает один день 12 час., а следующий—6 час. Заработок ткачей равен 14—18 руб. в месяц при сильных штрафах, гнилой основе и утке (благодаря чему, как пишет наш корреспондент, зубы рабочего начинают гнить через месяц). Заработок других рабочих не поднимается выше 28—30 р. (накатчики). Красильщики получают 45—55 коп. в день.

„В зимнее время (с 1 октября) заработок ткачей сокращается до 12—14 руб., благодаря тому, что идет самый скверный хлопок

(кокандский). В это время частые штрафы, доходящие до 2 р.; за опоздание на 5 мин. штрафуют до 20 коп., а сами машину пускают на полчаса раньше и останавливают минут на 20 позднее"[1].

Сам хозяин фабрики Захар Морозов расправлялся с рабочими плетью. На другой фабрике Морозовых, Саввы, в Орехово-Зуеве администрация по соглашению с полицией употребляла фальшивые расчетные книжки[2]. И это делалось в сравнительно благополучное для промышленности время.

Чтобы иметь представление, как жилось русским рабочим в это тяжелое время кризиса, приведем выдержку из № 15 „Искры" о так называемой книге „порочных", т.-е. книге, в которую на фабрике „Товарищество Никольской Мануфактуры" Морозовых в Орехове заносились проступки рабочих. Вот эта выдержка о рабочем при подъемной машине Иване Васильевиче Смирнове:

Сведения квартирного отдела.

1) На его бочонке с маслом загорелась тряпка, штраф . . . 1 р.
2) Пьяный на коридоре громко говорил, что старшие все подлецы и грабители. Обходные просили его замолчать, но он не слушался, за что взять в сторожку, штраф . . . . 2 р.
3) На улице пел громко песни, за непослушание посадили в сторожку, о чем доложено заведующему хоз. частью.

Пометка *Г. Егорова.*

Сведения фабрики.

За поздний выход на работу	50 к.
За поздний выход . . .	50 „
За грубость мастеру . . 1 р.	— „
Оделся за 5 мин. до окончания	50 „
За непослушание . . .	40 „
За многоглаголанье . . .	50 „
Жаловался инспектору, что ему выдали плохую говядину . . . 1 р.	— „

Подписано: *И. Гаранин.*
(Старший конт. бумагопр. фабр.).

„Просит вознаграждения за увечье" (пометка кварт. отдела).

Аттестация либерала, заведующего фабрикой:

„Человек неблагонадежный, грубиян, работник так себе. Просимого не заслуживает". Подписано: *Александр Федотов.*

Замечание больницы об увечьях:

1) „Как передано с фабрики, он находился в нетрезвом виде, по своей неосторожности попал в кожаный блок, причем ему отрезало два пальца правой руки и помяло конец 3-го. Особых увечий не было".

Подписано: *врач Базилевич.*

2) „При разборке ящиков по своей неосторожности получил ушиб в спину. Находился на излечении в больнице 28 дней".

Подписано: врач Базилевич.

Резолюция Саввы Морозова:

„Дать 50 руб. на дорогу. На фабрику вновь не принимать".

Подписано: *С. Морозов.*

---

[1] „Искра" № 9, стр. 6.
[2] „Искра" № 13.

Кризис, конечно, еще более ухудшил положение рабочих.

Прежде всего, он повышал продолжительность рабочего дня и понижал заработную плату. Сведения об этом идут решительно отовсюду.

„В мастерских Юго-Западных жел. дорог установились два главных способа обирания рабочих: путем постепенного сокращения аккорда (процентн. денег) и посредством произвольно налагаемых штрафов“.

Одной из причин стачек на заводах в Николаеве были чрезмерные штрафы — от 25 коп. до 5 руб. [1].

„С декабря 1899 г. контора Франко-Русского завода за неимением работы беспрерывно увольняла рабочих и сократила на два часа рабочий день, а между тем каждый вечер оставалось на работу до 40 столяров. Шодуар из 35 токарей увольняет 30, а оставшихся заставляет работать 36 часов под-ряд. У Эзау, где дело особенно плохо, чернорабочие и теперь работают во время обеда“.

Тот же обозреватель „Южного Рабочего“ приводит такие примеры понижения заработной платы: „Года три тому назад на заводе Эзау за вагонное колесо платили 4 руб.; через год расценки съехали на 3 р. 50 к., через два на 2 р. 50 к., а теперь платят за колесо 1 р. 80 к. Еще пример: за окраску вагона всюду платили: 300, затем стали платить 250 и 200 р., теперь едва платят 150. На всех почти ростовских заводах расценки понижены на 30 процентов, на мариупольских больше, чем на 50 процентов.

„Когда же сдельная работа смешана с поденной, когда работа идет на аккорд, тогда нет более наглого и легкого приема эксплуатации, нет более верного средства обсчитывать и обмеривать рабочего на каждом шагу“ [2].

Беспорядки на Брянских заводах в Екатеринославе и Бежеце в 1898 г. были вызваны ужасающими условиями, еще более ухудшившимися во время кризиса. „Рабочим мало платили, обращались с ними «нелюбезно и презрительно», советовали им, во избежание краж, следить друг за другом, применяли «железную дисциплину», «чтобы и дышать нельзя было свободно», как откровенно выразились некоторые представители Брянского общества. Ежегодно на каждую сотню рабочих приходилось 40 увечных. В Екатеринославе за последние 5 лет было не менее 10.000 несчастных случаев“ [3]. Положение рабочих было особенно тяжело на заводе Брянского общества в Бежеце. „Заработок особенно сокращался благодаря «потребительской лавке» завода. По признанию заводских инженеров Дробного и Коха, товары в «потребительской лавке» продавались дороже, чем в частных мелких

---

[1] „Вперед“. Киевская рабочая газета за 1889—1900 г., № 8—9, стр. 4 и 35.
[2] „Южный Рабочий“ за 1901 г., № 4, стр. 6 и 7.
[3] „Вперед“ № 8—9, стр. 34.

лавочках. Само собою разумеется, что рабочие вынуждены были забирать в заводской лавке, так как им выдавали жалованье лишь два раза, а то и один раз в месяц". "... Поденная плата, по показаниям инженера Коха, равнялась в среднем 70 к., а если рабочий молодой — 40, 50 коп. при 12 часах работы" [1].

Если таково было положение рабочих, занятых в крупной индустрии, то неизмеримо хуже было положение рабочих и ремесленников, занятых в мелкой индустрии и ремесле.

В Гродне бастуют табачницы и требуют повышения заработной платы до 30 коп. за тысячу папирос, так как существовавшая заработная плата была очень низка: 17½—20 коп. за тысячу штук папирос. В Полтаве бастуют дамские портные, потому что эксплуатация хозяев перешла всякие пределы: "Мастерские были маленькие, летом душные, зимою угарные, плохо проветриваемые. Заработная плата — крайне низка. Рабочий день (особенно зимой) был чрезвычайно продолжителен — в 16, 18 и даже (во время спешной работы) 20 часов. С четверга же на пятницу рабочие безвыходно проводили в мастерской около 30 часов (?), начиная работу в четверг в 8—8½ ч. утра и кончая в пятницу около 4—5 ч. утра. Кроме того, работа имела сезонный характер, так что, в общей сложности, рабочие сидели ежегодно 6—7 месяцев без работы".

Вызванное теми же причинами, происходило и забастовочное движение дамских портных в Одессе. В той же Одессе бастуют булочники, доведенные до отчаяния своим невыносимо тяжелым положением: "В Одессе в большинстве булочных практикуется непрерывный 16 — 18-часовой труд, и только в немногих, самых лучших, бывают смены по 12 час. каждая" [2].

"Тяжелые условия жизни,—читаем в корреспонденции № 8—9 газеты "Вперед" из Варшавы, — дороговизна, нищенские заработки давно уже толкали варшавских рабочих на борьбу за улучшение своей доли. Застрельщиками явились ремесленники — евреи, по преимуществу. Бастовали булочники (за исключением турок), седельщики, токари, слесаря, жестяники, шорники, плотники, столяры" [3]. За ремесленниками начали бастовать и другие рабочие, так что стачка охватила почти всю Варшаву.

Катастрофическое положение промышленности било рабочих всех рангов, положений и профессий.

"А можно ли, товарищи, оставлять без протеста такой наглый прием обирания рабочих? Вальцовщикам по расценкам и по той работе, которую они выгоняют, надо бы теперь зарабатывать 140 — 150 руб. Но такого заработка мы уже давно не видели;

---

[1] "Суд над брянскими рабочими", изд. "Союза русск. соц.-демокр". Женева, 1901 г. стр. 3.

[2] "Вперед", № 8—9, стр. 38.

[3] Там же, стр. 41.

все время зарабатывали 90—100 р., теперь же вдруг заработок упал до 70 руб., хотя расценки остались прежние" [1].

Это пишут вальцовщики екатеринославского завода Шодуара; что же должны были писать и говорить другие рабочие — текстильщики, особенно женщины, ремесленники, зарабатывавшие 12—14 руб. в месяц?

Годы кризиса вообще характеризуются расчетом рабочих, понижением заработной платы, удлинением рабочего дня, увеличением штрафов и всякими иными приемами усиленной эксплуатации.

Характеризуется этими чертами и кризис начала девятисотых годов в России. Естественно, что такой усиленный нажим капиталистов на пролетариат должен был вызвать ответное сопротивление рабочих.

Действительно, стачечное движение, уменьшившееся в самые острые моменты кризиса, начинает увеличиваться, как только появляются первые признаки улучшения дел. Это видно из следующих цифр. Еще в 1899 году, когда кризис уже начался, бастовало 189 заведений с 57.498 рабочими, что составляет 0,99% ко всему числу заведений и 3,83% ко всему числу рабочих. В следующие два года все эти числа уменьшаются [2].

Годы.	Число охваченных забастовкой заведений.	В % к общему числу заведений.	Число бастовавших рабочих.	
	Абсол. число.		Абсолютное число.	В % к общему числу рабоч.
1899	189	0,99	57.498	3,63
1900	125	0,73	29.389	1,73
1901	164	0,96	32.218	1,89
1902	123	0,72	36.671	2,15
1903	550	3,21	86.832	5,10

В 1901 году число бастовавших рабочих минимальное, но уже с 1902 года число забастовщиков увеличивается, а в 1903 году

[1] „Южный Рабочий", № 4, 1901 г., стр. 29.

[2] Цифры взяты у В. Е. Варзара: „Статистика стачек за десятилетие 1895—1905 г.г.". Изд. отд. Промышленн. Спб. 1908 г.

и число бастующих, и число заведений, охваченных стачками, и процентное отношение числа бастующих к числу всех рабочих дает сразу гигантское увеличение. Рабочее движение растет, и при этом характер его уже далеко не тот, что в девяностые годы. Но, прежде чем обрисовать это рабочее движение, обратимся к описанию партийной организации после первого съезда партии.

Литература к пятой главе:

Кроме литературы, указанной в тексте, в сносках, довольно хороший общий очерк кризиса дан:

1. В работе *Л. Мартова*: „Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России". Спб. 1903 г., изд. „Книга", в главе V: „Экономический кризис последних лет XIX столетия и перелом рабочего движения", стр. 175—199.

2. Небольшой, но хороший очерк кризиса дан в работе *П. Н. Лепешинского*: „От кружковщины к партии" (период старой „Искры"), гл. IV. „Рабочее движение и революционный подъем пролетариата (1900—1903 г.г.)": 1. „Общие условия в России в начале XX века", стр. 66—86 и 2. „Безработица", стр. 86—103, в „Протоколах II съезда РС-ДРП". Изд. „Прибой", Ленингр. 1924 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Третий период истории русской соц.-демократии. „Экономизм“ и период старой „Искры“ (1898—1903г.г.).

1. Характеристика кустарничества.

Развитие нашей партийной организации находится в самой тесной связи с развитием экономики. В предыдущих главах эта связь экономики с политикой, а стало-быть и с тем аппаратом, который эту политику проводил, т.-е. с формами нашей организации, была достаточно показана. Но эта связь видна повсюду, не только в Петербурге. Вдумчивые наблюдатели замечали эту своеобразную форму связи и даже дали ей особое название.

Ленин в одной из своих статей, предназначенных для „Рабочей Газеты“, окрестил то основное, что характеризовало нашу организацию в конце 90-х и начале 900-х годов—„кустарничеством“. В работе „Что делать?“ Ленин дал бесподобную характеристику этого „кустарничества“. Вот эта характеристика:

„Что такое кустарничество?

„Попробуем ответить на этот вопрос маленькой картинкой деятельности типичного социал-демократического кружка 1894 — 1901 годов. Мы уже указывали на повальное увлечение марксизмом учащейся молодежи этого периода. Это увлечение относилось, разумеется, не только и даже не столько к марксизму, как к теории, а как к ответу на вопрос: «что делать?», как к призыву итти в поход на врага. И новые ратники шли в поход с удивительно первобытными снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину. Кружок студентов, без всякой связи с старыми деятелями движения, без всякой связи с кружками в других местностях или даже в других частях города (или в иных учебных заведениях), без всякой организации

отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период,—заводит связи с рабочими и берется за дело. Кружок развертывает постепенно более и более широкую пропаганду и агитацию, привлекает фактом своего выступления сочувствие довольно широких слоев рабочих, сочувствие некоторой части образованного общества, доставляющего деньги и отдающего в распоряжение «Комитету» новые и новые группы молодежи. Растет обаяние Комитета (или Союза борьбы), растет размах его деятельности, и он расширяет эту деятельность совершенно стихийно: те же люди, которые год или несколько месяцев тому назад выступали в студенческих кружках и решали вопрос: «куда итти?», которые заводили и поддерживали сношения с рабочими, изготовляли и выпускали листки, заводят связи с другими группами революционеров, раздобывают литературу, берутся за издание местной газеты, начинают говорить об устройстве демонстрации, переходят, наконец, к открытым военным действиям (при чем этим открытым военным действием может явиться, смотря по обстоятельствам, и первый же агитационный листок, и первый номер газеты, и первая демонстрация). И обыкновенно первое же начало этих действий ведет за собою немедленно полный провал. Немедленно и полный потому, что эти военные действия явились не результатом систематического, заранее обдуманного и исподволь подготовленного, плана длинной и упорной борьбы, а просто стихийным ростом традиционно ведущейся кружковой работы; потому, что полиция, естественно, почти всегда знала всех главных деятелей местного движения, «зарекомендовавших» себя еще со студенческой скамьи, и только выжидала самого удобного для нее момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разрастись и развернуться, чтобы иметь осязательный corpus delicti, и нарочно оставляя всегда нескольких известных ей лиц «на разводку» (как гласит техническое выражение, употребляемое, насколько мне известно, и нашим братом и жандармами). Такую войну нельзя не сравнить с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска. И надо только удивляться жизненности движения, которое ширилось, росло и одерживало победы, несмотря на это полное отсутствие подготовки у сражавшихся. Правда, с исторической точки зрения, примитивность снаряжения была не только неизбежна сначале, но даже законна, как одно из условий широкого привлечения ратников. Но, как только начались серьезные военные действия (а они начались уже, в сущности, с летних стачек 1896 года),—недостатки нашей военной организации стали все сильнее и сильнее давать себя чувствовать. Опешив на первых порах и наделав ряд ошибок (вроде обращения к обществу с описанием злодейств социалистов или ссылки рабочих из столиц в промышленные центры провинции), правительство вскоре приспособилось к новым условиям борьбы и сумело

поставить на надлежащие места свои, вооруженные всеми усовершенствованиями, отряды провокаторов, шпионов и жандармов. Погромы стали так часто повторяться, захватывать такую массу лиц, выметать до такой степени начисто местные кружки, что рабочая масса теряла буквально всех руководителей, движение приобретало невероятно скачкообразный характер, и абсолютно никакой преемственности и связности работы не могло установиться. Поразительная раздробленность местных деятелей, случайность состава кружков, неподготовленность и узкий кругозор в области теоретических, политических и организационных вопросов были неизбежным результатом описанных условий. Дело дошло до того, что в некоторых местах рабочие, в силу недостатка у нас выдержки и конспиративности, проникаются недоверием к интеллигенции и сторонятся от нее: интеллигенты, говорят они, слишком необдуманно приводят к провалам"[1].

Но что означало такое состояние организации? Прежде всего, это означало, что рост рабочего движения опережал рост и развитие рабочей социал-демократии. А это в свою очередь и объясняет ту связь, какая существует между экономикой и тем, что мы называем „экономизмом". Экономика 90-х годов вызывала то стихийное рабочее движение, которое развивалось так бурно и стремительно, что организация в своем росте не поспевала за ним. Стихийность движения характеризовалась тем, что оно шло скачкообразно, в одном месте поднимаясь на очень большую высоту, в другом едва-едва начиная развиваться. Этому ходу в точности и соответствовало развитие нашей организации: в одном месте организация ставила себе чуть ли не всемирные задачи, а в другом не выходила из стадии самых первобытных кружков пропаганды.

Вследствие же того, что носителем революционных идей рабочего класса являлся прежде всего не сам рабочий, а элемент, пришедший извне, мелкобуржуазная, разночинная интеллигенция, — теоретическое обоснование развертывающегося рабочего движения отражало, как в зеркале, всю пестроту этого движения. Но в то время, как сравнительно небольшая группа социал-демократов, в согласии с положениями группы „Освобождение Труда", старалась осмыслить этот хаос и внести сознательность в стихийно развивающееся движение, большая часть кустарнически действующих товарищей пыталась теоретически оправдать эту стихийность, разрозненность, непланомерность движения. С этой точки зрения „экономизм" и есть теоретическое оправдание объективной стихийности рабочего движения и кустарничества организации. И дело не в том, что социал-демократия была не подготовлена к тому массовому характеру, какое приобрело русское рабочее движение в 90-х годах.

---

[1] „Что делать?" Глава IV. „Кустарничество экономистов и организация революционеров: а) что такое кустарничество?" Собр. соч., т. V, стр. 200—202.

„Практическая неподготовленность,—говорит Ленин в «Что делать?», — неумелость организационной работы, общая действительно **всем нам**, в том числе и тем, кто с самого начала неуклонно стоял на точке зрения революционного марксизма. И за неподготовленность никто бы, конечно, и не мог винить практиков. Но, кроме неподготовленности, в понятие «кустарничества» входит еще нечто другое: узкий размах всей революционной работы вообще, непонимание того, что на этой узкой работе и не может сложиться хорошая организация революционеров, наконец — и это главное — попытки оправдать эту узость и возвести в особую «теорию», т.-е. преклонение перед стихийностью и в этой области. Раз только обнаружились такие попытки, — стало уже несомненным, что кустарничество связано с экономизмом и что мы не избавимся от узости нашей организационной деятельности, не избавившись от экономизма вообще (т.-е. узкого понимания и теории марксизма, и роли социал-демократии, и политических задач ее)“ [1].

Стало-быть, конец 90-х и 900-х годов характеризуется в истории нашей партии проявлением двух линий, двух направлений, отражающих две линии объективного процесса — стихийного рабочего движения и возникающих в нем, организующих и вносящих планомерность элементов: „экономическое“ направление, оппортунистическое, трэд-юнионистское, мелкобуржуазное, теоретически оправдывающее кустарничество и стихийность, и другое направление революционного марксизма, стремящееся внести планомерность и сознательность в стихийное массовое движение пролетариата.

Отныне борьба этих двух направлений заполняет всю историю нашей партии; оба эти направления меняют названия, впитывают новые элементы, выдвигают новые лозунги, но сущность их остается все та же: одни выражают мелкобуржуазные тенденции рабочего движения, а другие отражают точку зрения революционного марксизма и революционных слоев пролетариата.

Подтверждают ли факты из истории русской социал-демократии только-что изложенную концепцию Ленина? Несомненно.

Возьмем прежде всего факты, рисующие кустарность и разрозненность нашего движения. Остановимся хотя бы на характере нашей организации. В каком положении находилась эта организация в конце 90-х годов? Не было ни одного города, где бы организация была похожа на другую организацию в другом городе. В то время, как в Киеве или в Петербурге организация достигла известного совершенства, в Харькове, Екатеринославе или Одессе она переживала такие моменты, когда раздробленность и кустарничество царили вполне: даже в Петер-

[1] Собр. соч., т. V, стр. 203.

бурге на-ряду с „Союзом борьбы" существовали и другие организации: „Рабочая организация", группа „Рабочего Знамени", группа „Социалист", „Группа самоосвобождения рабочего класса". В Екатеринославе на-ряду с Комитетом существовали отдельные разрозненные кружки; Одесса 90-х годов очень хорошо отражает кустарничество и хаос движения самым пестрым разнообразием рабочих, социал-демократических кружков: их там настолько много, что порой трудно и проследить их возникновение, кратковременное существование и гибель. Москва также в полной мере отражала этот кустарнический период почти вплоть до третьего съезда партии: еще в начале 900-х годов в Москве, на-ряду с Комитетом, возникали и существовали самостоятельные рабочие социал-демократические организации. Единого руководящего центра движения в каждом городе, как и во всей стране, не было. Попытка киевлян объединить движение не удалась, а разгром, глубине которого способствовало кустарничество, в течение 1898 года еще более раздробил движение.

Далее остановимся на теоретических и практических попытках обосновать рабочее движение. Почти каждая мало-мальски солидная организация пыталась издавать свой орган: в Киеве издавались газеты—„Рабочая Газета" и „Вперед", в Петербурге—„Рабочая Мысль" и, как орган петербургской организации, „Рабочее Знамя", в Николаеве в 90-х годах возникает газета „Наше Дело", Екатеринослав, Харьков и другие южные организации в конце 90-х годов начинают издавать „Южный Рабочий", Саратов в конце 90-х годов и начале 900-х годов издает свой орган. Словом, как только организация становится на ноги, она стремится издавать свой орган вместо того, чтобы свои средства и свои силы отдать на издание одного общероссийского органа.

Кроме того, самая форма каждой организации, организационные принципы, на которых она строится и растет, в каждом городе различны.

Без сомнения, нечто единое во всех этих организациях было, но это единое было уже настолько превзойденной ступенью движения, что необходимо было шагнуть как можно дальше вперед: это единое ясно—социал-демократический характер организации; переходные черты кружка от народничества к марксизму исчезли окончательно, но этого было мало, необходимо было внести идею революционного марксизма в строго определенные формы организации профессионалов-революционеров. Это и сделала „Искра".

И делать это нужно было как можно скорей, ибо разразившийся кризис, дезорганизовавший рабочее движение, вносил еще бóльшую дезорганизацию и в ряды социал-демократии.

Закрытие фабрик и заводов, выбрасывание рабочих на улицу, понижение заработной платы, увеличение рабочего дня и т. п. губительно действовали и на организацию, — они отпугивали массу от политической организации, как отпугивали массу и от

стачечной борьбы. Но, с другой стороны, те же факты кризиса,—безработица, наглое наступление капитала на пролетариат вообще, — заставляли наиболее сознательные элементы рабочих все больше и больше проникаться идеями революционного марксизма, пропаганде которых посвятила себя „Искра".

Таким образом, на основе развивающегося и углубляющегося кризиса доходит до крайних пределов и развал наших кустарнических организаций, и, вместе с тем, растут и укрепляются те формирующие и организующие хаос движения процессы, руководителем и теоретическим обоснователем которых и являлась „Искра".

2. Подготовка организации „Искры".

Теперь, стало-быть, нам предстоит описать эти факты — возникновение и работу „Искры", разложение кустарнической организации и создание единой всероссийской революционной соц.-демократической организации и, как теоретическое выражение этого процесса, выработку программы российской соц.-демократии.

Еще после первого съезда, в конце 90-х годов, было решено сотрудничество В. И. Ленина в общепартийном органе, которым должна была стать „Рабочая Газета".

Но В. И. Ленин был в ссылке, в далекой Сибири, а русские организации потерпели такой урон, что „Рабочей Газете" уже не суждено было возродиться. Однако мы знаем три статьи, которые Ленин переслал из Сибири для „Рабочей Газеты". Уже здесь, в этих статьях, Ленин поставил некоторые из тех вопросов, например об общерусской газете, об организации профессионалов-революционеров, об уничтожении „кустарничества", какие им были затем поставлены во всей широте и глубине в работе „Что делать?".

Но и эти статьи, вследствие полицейских разгромов, не увидели света.

Между тем вопросы, поставленные в них, были самые важные проблемы дня: от их решения зависели дальнейшие судьбы русского рабочего движения. Решить же их могла только та часть русской революционной социал-демократии, которая возглавлялась наиболее подготовленными и теоретически и практически силами, людьми, руководившими уже на деле массовым рабочим движением. Такими людьми и являлась та группа марксистов, которая организовала „С.-Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса" и руководила стачками 1896 и 1897 годов в Петербурге, — Ленин, Мартов, Крупская и их ближайшие сотрудники и товарищи.

Мечтать о том, что, сидя в России, возможно было поставить общерусскую газету, конечно, было нечего.

Опыт русских нелегальных органов показал, что издание их рано или поздно приходится переносить за границу, если издатели желали выпускать газету более или менее регулярно, или орган приходится выпускать спорадически, страдая от провалов. Так было с „Рабочей Газетой", вышедшей только в количестве двух номеров, так было с „Рабочей Мыслью", издание которой в конце концов пришлось перенести за рубеж.

Такие же органы, как „Южный Рабочий" или „Вперед", выходили нерегулярно и играть роль общерусской газеты не могли. Впрочем, эти органы не могли играть роль общерусской газеты не только потому, что регулярный выпуск их был невозможен; этой роли они не могли играть еще и потому, что их руководители не обладали всеми теми данными, какие были необходимы для руководства центральным органом, — теоретической подготовкой, запасом теоретических знаний, стоявших на уровне мирового рабочего движения.

А между тем эти данные нужны были, прежде всего, руководителям центрального органа: задача, прежде всего, заключалась в теоретическом размежевании, в критике теоретических основ оппортунизма, кустарничества, экономизма. Только подвергая беспощадной критике эти основы оппортунизма, возможно было во всю ширину и глубину поставить и все другие вопросы — программные, тактические, организационные.

„Искра" так и ставила вопрос. „Необходимо выработать, во-первых,—писали инициаторы «Искры»,—прочное идейное объединение, исключающее разногласицу и путаницу, которая,—будем откровенны,—царит среди русских соц.-демократов в настоящее время; необходимо закрепить это идейное объединение партийной программой. Необходимо, во-вторых, выработать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда выработается такая организация, когда будет создана русская соц.-демократическая почта, партия получит прочное существование и станет реальным фактом, а следовательно и могущественной политической силой. Первой половине этой задачи, т.-е. выработке общей, принципиально-выдержанной литературы, способной идейно объединить революционную социал-демократию, мы и намерены посвятить свои силы, видя в этом насущную потребность современного движения и необходимый подготовительный шаг к восстановлению деятельности партии.

„Как мы уже говорили, идейное объединение русских соц.-демократов еще надо выработать, для чего необходимо, по нашему мнению, открытое и всестороннее обсуждение основных принципиальных и тактических вопросов, поднятых современными «экономистами», бернштейнианцами и «критиками». Прежде, чем объединиться, и для того, чтобы объеди-

н и т ь с я, мы д о л ж н ы с н а ч а л а р е ш и т е л ь н о и о п р е д е л е н н о р а з м е ж е в а т ь с я" (разрядка наша *В. Н.*) [1].

За такую работу могли взяться только такие люди, как Ленин и его товарищи, которые были солидарны и согласны с группой „Освобождение Труда", этой хранительницей идей революционного марксизма.

Еще работая в Петербурге, Ленин ездил за границу и завязал сношения с группой. С предисловием П. Б. Аксельрода вышло в свет одно из замечательнейших произведений В. И. Ленина: „Задачи русских соц.-демократов" в 1898 г.

В этом предисловии Аксельрод заявляет полное согласие с идеями, развиваемыми автором работы „Задачи русских соц.-демократов".

Точно так же и А. Н. Потресов, другой деятель петербургского рабочего движения, уже был связан с Плехановым и другими членами группы „Освобождение Труда"; при его содействии и помощи только и удалось выпустить в России легально работу Плеханова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю".

Главное же, конечно, было не в личных связях, а в том, что теоретические взгляды на задачи рабочего движения в России и взгляды на практические задачи русской соц.-демократии, насколько они были выяснены Лениным в „Задачах русских соц.-демократов" и в работе другого теоретика „Союза борьбы"— в „Современной России" Ю. О. Мартова (Цедербаум), совпадали со взглядами деятелей группы „Освобождение Труда".

Таким образом, никто кроме этих представителей русского революционного марксизма — Г. В. Плеханова и его товарищей и В. И. Ленина и его товарищей—не мог лучше, полнее и скорее разрешить задачу, ставшую перед русским рабочим движением,— теоретически обосновать и развить программу и тактику и начертать практический план создания классовой партии русского пролетариата.

3. Совещание в Пскове.

Окончив ссылку, В. И. Ленин выбрал для жительства Псков, как место, близкое к центрам русского рабочего движения — Петербургу и Москве и, вместе с тем, лишенное в глазах полиции всякого значения в революционном отношении. Здесь же в Пскове находились С. И. и Л. Н. Радченко и небольшое число поднадзорных, на первоначальную помощь которых можно было рассчитывать.

Здесь летом и состоялось историческое совещание, где было окончательно решено приступить к организации и изданию русской политической газеты. На совещании присутствовали:

---

[1] Объявление об издании „Искры". В. И. Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 7--8.

В. И. Ульянов-Ленин, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, С. И. Радченко, П. Б. Струве и проф. Туган-Барановский. Мартов называет еще одного участника — В. Я. Богучарского (Яковлева), известного историка русского революционного движения [1].

Участие Струве и Туган-Барановского показывает, что, приступая к такому важному делу, как создание русской политической соц.-демократической газеты, и Ленин, и Мартов, и Потресов считали необходимым привлечь к участию в этом деле и представителей либералов, „демократической оппозиции", каковыми уже тогда несомненно являлись и Струве, и Туган-Барановский, и Богучарский.

Выработав в общих чертах практический план осуществления своего предприятия, участники приступили к его проведению: „демократическая оппозиция" должна была обеспечить предприятие средствами, Мартов, отбывавший надзор на юге России (в Полтаве), должен был завязать сношения с русскими, наиболее солидными, организациями, а Потресов и Ленин должны были отправиться за границу, чтобы вместе с группой „Освобождение Труда" подготовить организацию издательства.

Потресов вскоре же после псковского совещания уехал за границу и там, при помощи немецких социал-демократов, подготовил издательство „Искры" и журнала „Зари". „Заря" печаталась легально в типографии известного германского соц.-демократа — издателя Дица, в Штутгарте, а для печатания „Искры", при помощи все тех же немецких товарищей, была оборудована нелегальная наборная в Лейпциге, где первоначально и набирал газету один из старейших русских соц.-демократов Блюменфельд.

4. Совещание в Швейцарии.

Ленин приехал за границу вслед за Потресовым, и, вскоре же после его приезда, в Швейцарии в конце сентября произошло то знаменитое историческое заседание, о котором Ленин рассказывает в статье „Как чуть не потухла «Искра»" [2].

На этом совещании были: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, В. И. Ленин и А. Н. Потресов. Предметом совещания являлись не только принципиальные вопросы, но и чисто организационные. Плеханов поразил всех и, прежде всего, Ленина, ставившего основателя группы „Освобождение Труда" очень высоко, своей мелочностью, самолюбием и неуступчивостью. Дело шло в сущности о том, кто же будет руководителем „Искры" и „Зари",—один ли Плеханов или целая редакция. После невероятно тяжелых конфликтов все же удалось договориться, и Ленин, Потресов и Засулич уехали в Мюнхен, где фактически и сосредоточилось руководство всем делом.

---

[1] См. Ю. Мартов. „История р. с-д.". II изд., стр. 70.

[2] „Ленинский сборник", № 1. Стр. 34 — 47.

Кроме этой мюнхенской части редакции, членами ее являлись: Плеханов и Аксельрод. Г. В. Плеханов жил в Женеве, а П. Б. Аксельрод в Цюрихе, а так как трое остальных членов редакции жили в Мюнхене (с приездом Мартова в марте 1901 года—четверо; полный состав редакции был: Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич и А. Н. Потресов), то работа редакции в высшей степени осложнялась, ибо ни одна статья не могла пойти в печать прежде, чем не прочли ее все члены редакции и не дали своего отзыва.

Но эта осложняющая сторона работы делала вместе с тем то, что старая „Искра" была, быть может, единственным органом по своей принципиальной выдержанности, точности формулировок, глубине и содержательности, яркости и талантливости своих статей.

Читая переписку членов группы „Освобождение Труда" и членов группы „Искры", поражаешься, как внимательно относились редакторы к своему делу, как часто из-за одного или двух слов завязывалась принципиальная переписка.

Но зато, в результате, каждый номер „Искры" представлял поразительную выдержанность и единство и производил неизгладимое впечатление.

Объявление об издании „Искры" и „Зари" вышло в ноябре 1900 г., а 21 декабря 1901 г. вышел первый номер газеты.

5. Русские соц.-демократические организации за границей в конце 90-х и начале 900-х годов и борьба Плеханова с ними.

Но для того, чтобы понять ту огромную работу, какую проделали группа „Освобождение Труда" и группа „Искры" в этот период девятисотых годов, необходимо описать ту обстановку, какая сложилась в то время среди русских соц.-демократических организаций за границей и в России.

За границей к этому времени существовали следующие организации и группы соц.-демократов: „Союз русских соц.-демократов", революционная организация „Социал-Демократ", группа „Освобождение Труда", группа русских соц.-демократов эмигрантов, живших в Париже—Ю. М. Стеклов, Д. Б. Рязанов и Смирнов-Даневич и множество русских соц.-демократов из учащейся молодежи, рассеянных по всей Европе.

Вспомним вкратце историю возникновения революционной организации „Социал-Демократ".

Под давлением разного рода обстоятельств, о которых говорилось в главе I, в 1893 году за границей возникла организация молодых соц.-демократов—„Соц.-демократическая библиотека", „Группа популярной рабочей библиотеки" (1895—1897 г.г. Иогихес-Тышко, Б. Кричевский и др.). Группа „Освобождение Труда", учитывая усложняющиеся задачи русского рабочего движения,

в 1895 году основывает „Союз русских соц.-демократов за границей". Практическая и идейная гегемония в этом союзе принадлежит группе „Освобождение Труда", вплоть до первого съезда Союза в 1898 г., если не считать учредительный съезд в 1895 г. первым. На этом первом съезде 1898 г. и начался раскол группы „Освобождение Труда" с молодыми деятелями Союза — Б. Кричевским, П. Тепловым, В. Иваньшиным, В. Махновцем (Акимовым) и др.

Все эти молодые деятели заняли сначала очень неопределенную позицию по отношению к нараставшему „экономизму" в России.

Первый номер „Рабочей Мысли" вышел в октябре 1897 г., второй в декабре этого же года. Уже здесь „экономизм" был выражен ярко и определенно.

Во второй половине 1898 г. вышел документ, оповещавший об организации „Группы самоосвобождения рабочего класса". Необходимо было ясно и определенно высказаться по поводу наметившегося течения. Группа молодых союзников этой определенности не проявила. Нам ясно, почему произошло именно так: П. Теплов, как мы знаем, получил свое теоретическое обоснование в группе, организованной чернопередельцем Благославовым; В. Иваньшин и В. Махновец были членами „С.-Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса" уже того периода, когда старые деятели Союза сидели в тюрьмах или ссылке и когда именно складывалось оппортунистическое течение Союза; Б. Кричевский вполне солидализировался со своими товарищами. Плеханов не мог оставаться с теми людьми, которые громко не протестовали ни против „Рабочей Мысли" ни против „Группы самоосвобождения рабочего класса".

На съезде Союза 1893 г. происходит раскол. Группа „Освобождение Труда", заканчивая выпуск № 5—6 „Работника", отказывается от редакции изданий Союза. На съезде постановляют принять в Союз Б. Кричевского и П. Теплова, превратить „Листок работника" в журнал „Рабочее Дело", редакцию которого поручить Б. Кричевскому, П. Теплову и В. Иваньшину. Весной 1899 г. выходит первый номер „Рабочего Дела", и в этом же году становится известным „Credo" Кусковой. „Рабочее Дело" молчит. Появляется протест против „Credo" В. И. Ленина и его товарищей, к этому протесту присоединяются группы других марксистов. „Рабочее Дело" тоже подает свой голос за протест и в то же время явно тянет к оппортунизму.

При таких обстоятельствах собирается второй съезд „Союза русских соц.-демократов за границей" в апреле 1900 г. в Женеве. Здесь встретилась группа „Освобождение Труда" уже с явно оппортунистической линией рабочедельцев. Представителями рабочедельцев на съезде были: правое их крыло — К. Тахтарев (Тар-Ветринский), его жена А. Якубова, Н. Н. Лохов-Ольхин, левое их крыло,—редакция „Рабочего Дела" и примыкавшие к ней—

Кричевский, Теплов, Иваньшин, Махновец, Коган (Гриневич-Кру́глов), Брей (Тихвинский, приват-доцент химии) и центр — Бухгольц, И. Г. Смидович-Леман (первый тяготел к „Рабочему Делу“, второй—к группе „Освобождение Труда“) и М. Сущинский. От „Бунда“ были Тимофей (Гришин-Коппельзон), Милов и М. Гольдман (известный впоследствии Либер), от группы „Освобождение Труда“—Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Н. Д. Линдов (Лейтейзен), Б. Я. Кольцов, Н. Э. Бауман (Полетаев, известный „искровец“, убитый в октябре 1905 г. черносотенцами в Москве), В. Б. Гольденберг (Золотов, Мешковский) и Ю. М. Нахамкес (Стеклов-Невзоров).

На этом же съезде произошел окончательный раскол и Плеханов со своими сторонниками ушел со съезда. Ушел со съезда и Стеклов.

Плеханов после разрыва с рабочедельцами создал революционную организацию „Социал-Демократ“, а Стеклов уехал в Париж и приступил там к организации примиренческой группы, которая вскоре и конституировалась, как отдельная организация „Борьба“, куда, кроме Стеклова, вошли Д. Б. Рязанов и Э. Гуревич (Смирнов), старые социал-демократы конца 80-х и начала 90-х годов.

Стеклову и его сторонникам казалось, что примирение еще возможно. Плеханов же мало возлагал на это надежд. В феврале 1900 г. он выпустил свой Vademecum (путеводитель для редакции „Рабочего Дела“), где опубликовал в высшей степени важные документы, рисующие оппортунистическую сущность „экономизма“ и двусмысленную позицию „Рабочего Дела“. Этими документами были „Credo“ Кусковой, протест против него Ленина, письмо Кусковой Аксельроду, ответ на брошюру Аксельрода „К вопросу о современных задачах и тактике русских соц.-демократов“ и письмо Г.

Этот Г. был не кто иной, как правый экономист бундовец Коппельзон (Гришин, Тимофей, ныне член РКП).

Раскол между рабочедельцами и группой „Освобождение Труда“ осложнился еще спором из-за типографии, которая фактически принадлежала группе и перешла к Союзу. Рабочеделец М. Сущинский, у которого находилась типография, возвратил ее в конце концов группе.

Ни Плеханов, ни Ленин не отказывались от попыток примирения с рабочедельцами, но они не хотели закрывать глаз и на те глубокие принципиальные разногласия, какие их разделяли от позиции, занятой „Рабочим Делом“.

К. Тахтарев в своих воспоминаниях совершенно определенно говорит, что он окончательно убедился в невозможности согласия, когда он, повидавшись с Плехановым на международном социалистическом конгрессе в Париже в 1900 году, предложил Плеханову редактировать „Рабочую Мысль“. Плеханов дал на это согласие, при условии одобрения группой „Освобождение Труда“ и группой „Искры“. Тогда Тахтарев направился в Мюнхен к Ленину и здесь он увидел, что соглашение невозможно.

„Владимир Ильич совершенно откровенно высказал причины, делавшие в его глазах мой план неприемлемым. И я понял, что при его несогласии план этот неосуществим. Понял я также и то, что главным вождем русского соц.-демократического движения был уже не Плеханов, а Ульянов“ [1].

А Ленин вот что писал как раз приблизительно в это время по поводу разногласий и как раз одному из самых крайних представителей оппортунизма, жене Тахтарева—А. Якубовой, на упреки ее, что борьба в собственных рядах соц.-демократии расстраивает эти ряды: „Нисколько не совестно бороться — совестно бояться борьбы, раз дело дошло до того, что разногласия коснулись, затронули самые основные вопросы, что создалась атмосфера взаимного непонимания, взаимного недоверия, полнейшей разноголосицы“...

„... И нечего так особенно бояться борьбы: борьба на время (небольшое) вызовет, быть может, раздражение нескольких лиц, но зато она расчистит воздух, определит точно и прямо отношения, — определит, где находятся люди, действительно идущие совсем другой дорогой, и где жертвы недоразумений и пр., —определит, какие разногласия существенны и какие второстепенны. Неужели вы думаете, что возможно обойтись без такого определения, без прямой и открытой расчистки поднятой «кредистами» и бернштейнианцами мути?... И начинающие борьбу в настоящее время отнюдь не разрушают единства. Единства уже нет, оно уже разрушено, разрушено по всей линии. Русский марксизм и русская соц.-демократия — рассыпанные храмины, и прямая борьба против «критиков», бернштейнианцев и против «экономистов» (вы глубоко заблуждаетесь, если не видите, что те и другие — родные братья)—одно из необходимых условий восстановления единства“ [2].

Таким образом „Искра“ начинала свою работу, когда под ударами промышленного кризиса русское рабочее движение переживало период разрухи и разгромов, а русский марксизм и русская соц.-демократия были „рассыпанные храмины“.

К описанию этой рассыпанной храмины и к делу ее восстановления „Искрой“ мы и переходим.

Литература к шестой главе:

1. *В. И. Ульянов-Ленин*: „Что делать?“. Собр. соч. V т.

2. *В. Астров*. „«Экономисты» предтечи меньшевиков“ („Экономизм“ и рабочее движение в России на пороге XX века). М. 1923 г.

3. „Ленинские сборники“ I, II и III.

---

[1] К. Тахтарев. „Рабочее движение в Петербурге (1893—1901 г.г.)“. По личным воспоминаниям и замеч. Рабоч. изд. „Прибой“, Ленинград, 1924 г., стр. 173.

[2] Институт Ленина при ЦК РКП (б), архив, переписка В. И. Ленина с Якубовой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Период старой „Искры" (1900—1903 г.г.).

I. МЮНХЕНСКИЙ ПЕРИОД „ИСКРЫ" (1900—1902 г.г.)

Период старой „Искры" можно разделить на две части: мюнхенский период „Искры" и период лондонский, т.-е. история „Искры" от совещания в конце сентября 1900 г. в Женеве до переезда в Лондон в апреле 1902 г. и история „Искры" от этой даты до второго съезда в 1903 году.

Это деление соответствует, как увидим ниже, тем важнейшим фактам, которые определяли характер и направление всей работы соц.-демократии в России.

„Прежде чем объединяться, нужно размежеваться"—так были формулированы задачи момента Лениным.

Делу этого размежевания и, стало быть, делу подготовки объединения партии и посвятила себя „Искра".

Что же означало „размежеваться" в тот момент русского движения, когда начинали свое дело искровцы? Это означало—не только дать критику „экономизма" и оппортунизма вообще, это означало—установить с точки зрения революционного марксизма роль и значение рабочего класса и его партии в русской революции, роль и значение в этой революции других классов и слоев русского общества — крестьянства, крупной и мелкой буржуазии, так называемой „демократической оппозиции", мелкобуржуазных слоев учащейся молодежи и т. п., выяснить отношение рабочего класса и его партии ко всем этим классам и группам и таким образом, стало-быть, определить характер и ход грядущей русской революции и роль в ней пролетариата и русской социал-демократии, т.-е. дать программу партии и наметить, по крайней мере в общих чертах, ее тактику. Сделать же это, означало, между прочим, дать и план создания того аппарата, той организации, которую должна принять партия. Вот почему, изучая историю „Искры", нам необходимо рассмотреть: 1) борьбу „Искры" с экономизмом и бернштейнианством, 2) идеи „Искры" по вопросу о роли и значении классов буржуазного общества России в революции, 3) организационные планы „Искры" и, наконец, 4) проследить процесс выработки программы партии.

1. Борьба с оппортунизмом. Связь русского оппортунизма с западно-европейским.

Ленин в „Что делать?", в примечании к первой главе замечает: „Распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную". Это маленькое примечание, сделанное как бы вскользь, мимоходом, теперь, когда эта „распря" сделалась величайшим фактом мирового значения, поражает нас и своей глубиной и своим предвидением.

Констатируя факт этой распри, этой борьбы двух направлений в международной социал-демократии, Ленин да и все остальные искровцы рассматривали русский оппортунизм как разновидность оппортунизма вообще, связывая его не только с конкретной русской действительностью, но и с теми оппортунистическими течениями, с той разновидностью оппортунизма, которая носит название ревизионизма, разновидностью которого, в свою очередь, был наш экономизм.

Вот почему на-ряду с такими полемическими статьями, которые „Искра" направляла против „Рабочего Дела", „Рабочей Мысли" и вообще русских „экономистов", мы видим, как из-под пера Плеханова выходят одни из самых блестящих его работ, направленные не только против русских ревизионистов, как Струве, но и против Бернштейна и его товарищей и последователей на Западе.

В этих работах, имеющих международное значение, были подвергнуты критике основные положения оппортунизма вообще, ревизионизма Бернштейна в частности, и показана связь идей и теорий русских ревизионистов с идеями и теориями их западноевропейских родственников.

Нельзя понять борьбу с русским оппортунизмом вне связи его с оппортунизмом западно-европейским.

Возникновение и развитие оппортунизма в западно-европейских социал-демократических партиях связано с теми переменами, которые произошли со времени смерти великих основателей Интернационала.

Перемены эти коренятся в развитии производительных сил современного общества. Нельзя рассматривать образование и развитие любой рабочей партии совершающимся в каком-то безвоздушном пространстве. На это развитие влияет, прежде всего, развитие капитализма, а развитие капитализма, как известно, совершается далеко не так, как кажется с первого взгляда: это не прямая восходящая линия, это зигзагообразная кривая, это процесс, в котором периоды процветания со всеми сопутствующими ему признаками — развитием капиталистических колоний, поглощением промышленностью избыточного сельского населения, внедрением капитала в земледелие, гибелью или превращением мелкого ремесла в крупно-капиталистические предприятия, появлением новых категорий рабочих и т. д. и т. п.—сменяются периодами кризисов с их крахами менее устойчивых капиталистических

предприятий, разорением мелких собственников, образованием огромной резервной армии безработных, увеличением эмиграции, еще бо́льшим образованием и эксплуатацией пролетарских масс и в конце концов концентрацией капиталов в еще более немногих руках—объединением капитала в более крупных и грандиозных размерах.

Эти изменения в области экономики, вызываемые развитием производительных сил, в свою очередь оказывают могучее влияние и в области политической. Под могучим воздействием экономических интересов изменяется и политическая структура общества.

В соответствии с экономической мощью крупного капитала увеличивается и политическая мощь его носителей — государство все больше и все нагляднее превращается в политическую организацию крупных капиталистов, которые пользуются государственным аппаратом для еще большего угнетения пролетариата и для увеличения своего господства.

Но не только на капиталистов влияет экономическое развитие общества, оно оказывает огромное революционизирующее влияние и на другие классы и, прежде всего, на пролетариат.

Торжествующий капитализм, завершением которого является современный империализм, создает и своего антагониста—пролетариат, который также не стоит на месте. С каждым новым завоеванием капитализма происходят изменения и в количестве и в составе пролетариата: он не только увеличивается в своем росте, он изменяется, пополняется новыми элементами, то вливающимися в него из разоряющейся деревни, то низвергающимися из недр мелкобуржуазных слоев, не выдержавших кризиса, то приходящими из остатков разоренного ремесла; он сам дифференцируется, выделяет свои высшие высоко-квалифицированные слои, свои отсталые темные массы чернорабочих, женщин, детей. А вместе с изменением его количества и состава изменяется и его сознание — выделяются группы руководителей, вождей, недавний темный и отсталый крестьянин превращается в сознательного пролетария, изменяется психология самых темных и отсталых слоев.

И по мере того, как все наглее и беспощаднее вырисовывается наверху общества его современное воплощение—д и к т а т у р а б у р ж у а з и и в виде современного империалистического государства, для самых широких масс пролетариата все яснее и яснее становится неизбежность борьбы за новые формы общества и, как переходной ступени к ним, за д и к т а т у р у пролетариата.

Но как развитие всего современного общества совершается скачками, так и борьба и объединение пролетариата и сознание самого пролетариата движется не по прямой, а претерпевает то эпохи упадка, то эпохи развития.

После революции 1848 года, которая принесла еще большее укрепление могущества буржуазии и еще большее угнетение про-

летариата, вскоре наступили годы великого кризиса, который политически более рельефно выразился в том конфликте буржуазии и пролетариата, который известен под именем Парижской Коммуны 1871 года. В высшей степени губительный кризис этой эпохи и глубокая реакция сменились новым подъемом и новым еще невиданным развитием могущественных буржуазно-капиталистических государств — Англии, Германии, Северо-Американских Соединенных Штатов, Италии и т. п.

Это явление сопровождалось и новым явлением в жизни пролетариата — были созданы почти во всех европейских государствах могучие национальные рабочие социалистические партии. Интернационал вступал, начиная с 1889 года, в новую фазу своего развития. Эти рабочие социалистические партии почти везде постепенно становятся парламентскими партиями и, таким образом, в своей практике начинают вырабатывать новые приемы и формы борьбы и работы. Теперь это не только партии пропаганды и агитации, теперь это партии, представители которых сплошь и рядом не отказываются и от проведения частичных реформ и улучшений в пользу рабочего класса путем законодательных актов, проводимых в парламентах депутатами-социалистами. Такая работа представителей рабочих партий в буржуазном парламенте рядом с представителями буржуазии начинает постепенно привлекать в ряды социалистических партий и далеко не пролетарские элементы—представителей мелкой буржуазии — адвокатов, инженеров, мелких ремесленников и лавочников, мелкобуржуазную интеллигенцию и т. п. элементы, не мирящиеся с ужасами капиталистического общества, но и не идущие на коренную ломку этого общества. Рабочие партии покупают свои избирательные успехи приливом новых кадров попутчиков, приносящих с собою не повышение революционного настроения, а его принижение и притупление. Вместе с тем, парламентская работа, легальное существование рабочих партий в недрах буржуазного государства, легальное существование и легальные формы борьбы рабочих союзов, накопление этими ассоциациями крупных денежных средств создает целую новую категорию рабочих чиновников — парламентских депутатов, секретарей союзов, трэд-юнионов, председателей, редакторов, публицистов, словом—людей, которые, получая хорошую плату, уже в силу своей деятельности и выгод, вытекающих из нее, все больше и больше стремятся и идеологически увековечить свое существование, оправдать мирные формы парламентской борьбы и работы и теоретически отдалить тот Zusammenbruch, тот всеобщий конфликт, перешагнуть через который необходимо, чтобы добиться осуществления конечной цели социализма.

Временные же успехи той мирной борьбы, какую ведут союзы рабочих, еще более укрепляют это сознание в возможности не бурным натиском и сразу опрокинуть диктатуру буржуазии, а мирным постепенным изменением существующего строя прибли-

зить его к социализму. Так постепенно вырастает учение о мирном врастании социализма в современное государство путем мирной работы, путем реформ, путем приспособления социализма к формам современного буржуазного общества, вырастает оппортунизм и его защитники и теоретики.

В разных странах, но приблизительно в одно время, оппортунизм проявляется в разных формах, хотя суть его остается везде одна и та же. В разных странах принимая разные формы, оппортунизм на практике ищет своего оправдания в теории. Но теория научного социализма не мирится с оппортунизмом, и отсюда, чтобы теоретически оправдать оппортунизм, является необходимость пересмотреть учение Маркса и Энгельса, дополнить его, изменить, произвести ревизию марксизма, возникает ревизионизм как разновидность оппортунизма.

Можно было бы иллюстрировать только-что высказанные мысли из практики западно-европейских рабочих партий, но мы ограничимся немногими указаниями. Уже выше говорилось о том, как во Франции член французской социалистической рабочей партии Мильеран, ставши социалистом, дошел до оправдания не только реформизма вместо социализма, но и расстрела рабочих.

Начав с работы в качестве министра буржуазного правительства, Мильеран доходит до полного отказа от социализма. „Будем иметь мужество,—говорил он, — называться настоящим нашим именем, именем реформистов“.

Точно так же и итальянский социалист Туратти, начав свою оппортунистическую карьеру незаметными шагами парламентского деятеля, дошел до оправдания союза парламентской демократической Италии с самодержавной Россией Николая второго.

И точно так же германский социал-демократ Эд. Бернштейн, ближайший друг Ф. Энгельса и К. Каутского, старый боец германской социал-демократии, постепенно дошел до полного отрицания и материалистических и революционных основ марксизма, когда в своей критике идей Маркса и Энгельса сделал свой знаменитый вывод: „Конечная цель для меня ничто, движение—все“.

„Так возникают теории о постепенном врастании в социализм, о незаметном переходе капиталистического строя в социалистический и проч., которые все сводятся к подмене социальной революции социальной реформой. Оппортунисты думают переменить вещи, изменив их название“ [1]. По иронии истории, эта справедливая оценка оппортунизма принадлежит не кому-либо иному, а Парвусу, который сам под конец своей жизни превратился в величайшего оппортуниста и реформиста.

Итак, суть оппортунизма сводится к тому, что он стремится дойти к социализму путем врастания социализма под эгидой

[1] Парвус. „Оппортунизм на практике“. „Заря“, № 4, отд. 2, стр. 12.

буржуазной диктатуры и, стало-быть, отвергает социальную революцию, отодвигает ее до бесконечности и тем самым становится яростным противником диктатуры пролетариата.

2. Русский оппортунизм, экономизм и рабочедельчество.

Теперь становится ясным, почему русские экономисты рабочедельцы—родные братья западно-европейского оппортунизма.

Действительно, мы видели, что основные положения русских оппортунистов, как они выражены в „Credo" Кусковой и в статьях „Рабочей Мысли", сводятся к отказу от борьбы за конечную цель, к отказу от достижения диктатуры пролетариата, к реформизму и ревизионизму.

В самом деле, мы видели, что основное положение „Credo" заключается в том, что в России задачи социал-демократии сводятся только к борьбе за экономические улучшения в жизни рабочего класса и что политическая борьба есть задача не рабочего, а буржуазии. „Для русского марксиста исход один, — говорила Кускова, — участие, т.-е. помощь в экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности". Но эта мысль есть не что иное, как отказ от создания классовой политической партии пролетариата, ведущей борьбу за социализм, т.-е. отказ от социализма. „Разговоры о самостоятельной работе политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву".

Так говорит Кускова, и нам ясно, что отказ от создания самостоятельной политической партии пролетариата в буржуазно-самодержавной России и приглашение социал-демократам работать в политической партии либералов означает не что иное, как отказ от борьбы не только с самодержавием, но и отказ от борьбы за социализм, и, больше того, признание, что бороться за социализм возможно, работая в политической партии либералов, т.-е. укрепляя диктатуру буржуазии.

Точно так же и „Рабочая Мысль", как это было показано выше, проповедывала отказ от борьбы за конечную цель, за социализм, и признавала единственную форму политики — политики трэд-юнионистской. Но, как известно теперь всякому, трэд-юнионистская политика и есть политика реформистская, политика буржуазная, а не коммунистическая.

И Плеханова, и Ленина, и Мартова, да и всех искровцев вообще обвиняли в том, что они совершенно напрасно отождествляли рабочедельцев с экономистами и рабочемысленцами, но одного-двух фактов будет довольно, чтобы показать, что это— чистейшее непонимание сути дела.

В первом номере „Искры" появилась небольшая статейка Х. Г. Раковского о состоявшемся в конце сентября Парижском

международном социалистическом конгрессе. В переписке редакторов „Искры" этой статейке уделяется очень много внимания; и Плеханов, и Аксельрод, и Ленин беспокоятся, будет ли и кем написана эта статья. Плеханов в письме к Ленину (от конца марта или апреля 1901 г.) делает специальное примечание, в котором высказывает мысль, что было бы важно упомянуть о поправке, внесенной им к резолюции Каутского на конгрессе. С первого взгляда кажется странным такое беспокойство об этой маленькой статейке Раковского. Но дело разъясняется сейчас же, как только мы вспомним, что Парижский конгресс, по выражению Плеханова, имел „чорта в стуле", и этим чортом был вопрос об участии социалиста в буржуазном правительстве и, стало-быть, в частности об оппортунизме французских социалистов, о Мильеране. Дело в том, что поправка Плеханова была внесена к резолюции Каутского недостаточно ясной и определенной, ясность же в этом вопросе для русских социалистов была тем более необходима, что Б. Кричевский, редактор „Рабочего Дела", как это было показано выше, прямо и недвусмысленно на страницах своего органа одобрял реформистскую оппортунистическую политику французских оппортунистов, одобрявших и поддерживавших Мильерана [1].

Но солидаризироваться и одобрять Мильерана и французских оппортунистов со стороны редактора „Рабочего Дела"—это и означало солидаризироваться и одобрять „Рабочую Мысль" и „Credo" Кусковой, которые, как мы видели, также проповедывали трэдюнионистскую политику и оппортунизм.

Тот же Б. Кричевский с согласия остальных членов редакции „Рабочего Дела" давал отчеты о французских делах и здесь также солидаризировался с французскими оппортунистами, нападая на французских революционных марксистов — гэдистов. Но то же делала и „Рабочая Мысль", помещая отчеты, одобряющие французских оппортунистов.

Автор „Credo" — Кускова и ее единомышленник Прокопович открыто объявляли себя сторонниками Э. Бернштейна, но Б. Кричевский также не стеснялся солидаризироваться с Бернштейном.

В полемике, которая развернулась между „Искрой" и русскими экономистами, оппортунизм „Рабочего Дела" и „Рабочей Мысли" был выявлен в высшей степени ярко и полно. Стремление „Рабочего Дела" отмежеваться от „экономизма" „Credo" и „Рабочей Мысли" давали „Искре" только еще большее количество фактов и документов, на основании которых искровцы очень ясно могли показать природу русского экономизма во всей его самобытной красоте.

Уже на страницах первого номера „Рабочего Дела", в программе этого органа, было заявлено, что „политическая борьба

---

[1] См. „Лен. сб.", т. III, переписка „Искры", докум. № 14, стр. 97—100.

рабочего класса есть лишь наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы" [1].

Это утверждение было высказано в программе „Рабочего Дела" в 1899 г., но и позже, когда уже выходила „Искра", открывшая полемику против экономистов и рабочедельцев, в 1901 году в № 10 „Рабочего Дела" продолжают повторяться такие же утверждения. „Теперь перед социал-демократами стоит задача — как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер" [2].

Утверждения „Рабочего Дела", что политическая борьба есть наиболее развитая и широкая форма экономической борьбы, не что иное, как проповедь трэд-юнионистской политики, какую вели „экономисты" Кускова и редакторы „Рабочей Мысли".

Показать это и было задачей „Искры" и ее деятелей. Это и было сделано в течение 1901 и 1902 годов, когда, под шум развертывающегося революционного движения в России, „Искра" шаг за шагом следила за зигзагами, которые проделывал русский оппортунизм. Наконец, исчерпывающий итог этой полемике был дан в замечательной работе Ленина „Что делать?", которая вышла в феврале 1902 года.

Здесь Ленин прежде всего подверг исчерпывающей критике преклонение экономистов перед стихийностью. Показав, что внесение сознательности в стихийное рабочее движение и есть задача социал-демократии, Ленин вскрывает, что за формулой рабочемысленцев и рабочедельцев о самодовлеющем рабочем движении, вырабатывающем самостоятельно без социал-демократии свою идеологию и форму борьбы с современным строем, скрывается фактически отказ от самостоятельной классовой социалистической политики пролетариата, принижение роли и значения рабочего класса и признание гегемонии буржуазии в революции.

Далее, на разборе статей „Рабочего Дела", вроде знаменитой статьи о „тактике-процессе" и „тактике-плане", было показано, что проповедь рабочедельцев о придании экономической борьбе политического характера есть не что иное, как теория стадий — сначала борьба экономическая, а затем политическая, как самое яркое выражение трэд-юнионизма.

Вскрывая оппортунистический и трэд-юнионистский характер политики „Рабочего Дела", Ленин в „Что делать?" подверг беспощадной критике и оппортунистические взгляды „экономистов" в организационном вопросе. Исходя из того убеждения, что рабочее движение стихийно вырабатывает социалистическое сознание, проповедуя только трэд-юнионистскую политику, преклоняясь перед стихийностью, предлагая социал-демократам политическую

---

[1] „Рабочее Дело", № 1, стр. 3.

[2] „Рабочее Дело", № 10, стр. 42.

борьбу лишь в лоне либеральной партии, „экономисты“ пропагандировали демократические принципы в организации и сводили на нет роль революционной социал-демократической интеллигенции. Их организационные планы сводились к созданию широкой рабочей организации на основе демократических выборов, к созданию всякого рода касс на каждом заводе и фабрике, выборные которых составляют районные кассы, а выборные этих последних центральную организацию, т.-е. эти планы в конце концов сводились к пропаганде все тех же трэд-юнионистских форм организации, где не было места революционно-марксистской интеллигенции.

Жизнь требовала создания сильной централизованной боевой политической партии пролетариата, которую бы сверху до низу проникало революционное боевое учение соц.-демократии, жизнь требовала выработки членов партии—борцов, профессионалов-революционеров, а „Рабочая Мысль“ и за ней „Рабочее Дело“ носились с формами боевых касс, назначение которых заключалось лишь в поддержке стачечников во время экономической борьбы.

Не говоря уже о том, что и практически эта организация была невозможна в условиях полицейского государства, по существу она означала все тот же трэд-юнионизм „экономистов“.

Свою замечательную работу „Что делать?“ Ленин начинает рассуждением о свободе критики.

Указав на то, что оппортунисты всех стран обвиняют марксистов в нетерпимости и сектантстве и требуют свободы критики, подчеркнув факт образования во всех рабочих партиях двух направлений—революционного и оппортунистического, Ленин разъясняет, что нужно разуметь под „свободой критики“ оппортунистов.

„Социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ“. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных „новых“ аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о „конечной цели“, и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отвергалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классовой борьбы*, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.

Таким образом, требование решительного поворота от революционной социал-демократии к буржуазному социал-реформаторству сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма...

„...Кто не закрывает себе намеренно глаз, тот не может не видеть, что новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность оппортунизма" [1].

Как раз именно к этому месту своей работы Ленин и сделал то примечание, в котором он говорил о международном характере всех направлений оппортунизма, в том числе и русского.

А говорить об этом было необходимо, так как русский оппортунизм не ограничивался областью практики, но пытался в лице Струве и других „легальных марксистов" перейти в наступление и произвести ревизию марксизма. П. Струве, а за ним Булгаков, Туган-Барановский, Кистяковский и многие другие буржуазные ученые и публицисты в своих крупных работах и статьях подвергали критике основные положения марксизма. Они так же, как и Э. Бернштейн, отрицали возможность научно обосновать социализм, отрицали теорию классовой борьбы, диктатуру пролетариата и, исходя из этого отрицания, пытались и применительно к России пропагандировать сотрудничество классов.

Необходимо было выступить и против русского ревизионизма. Это и было сделано Плехановым и Лениным в специальных работах, посвященных главным образом Струве, как наиболее яркому и наиболее опасному противнику, тем более, что еще в начале существования „Искры" Струве принимал в ней участие. Истории расхождения со Струве ниже мы посвятим особое место, а сейчас укажем на ту критику, какой подверг положения Струве Плеханов в своих замечательных статьях „Критика наших критиков", напечатанных впервые в „Заре".

Главная основная суть статей Струве, против которых выступает Плеханов, сводится к доказательству той мысли, что учение Маркса о диктатуре пролетариата неправильно и что ход общественного развития ведет не к углублению классовых противоречий, а к их притуплению; стало-быть, готовиться к насильственному перевороту, к ниспровержению буржуазного общества нет никакого смысла, так как именно вследствие притупления классовых противоречий происходит мирное врастание социализма в буржуазное государство.

Ошибался Маркс, когда он утверждал в своем „Капитале", что, чем дальше развивается капиталистическое общество, тем больше увеличиваются и растут противоречия в этом обществе; ошибался Маркс, когда утверждал, что накопление капитала на одном полюсе капиталистического общества есть вместе с тем накопление нищеты, тягостей труда, рабства, невежества, огрубения и нравственного унижения на другом; ошибался Маркс и тогда, когда утверждал, что развитие этих классовых противоречий в буржуазном обществе неминуемо, с последовательностью

---

[1] „Что делать?" Собр. соч. В. И. Ленина, т. V, стр. 121.

законов природы, приведет к катастрофе капиталистического строя, к восстанию пролетариата и низвержению буржуазии.

Так говорил и это доказывал Струве и делал отсюда выводы, что путем эволюции, мирного развития, а не революции дойдет человечество до лучшего строя и что конечная цель, к которой стремятся социалисты, есть вредная мечта, утопия.

Это был настоящий ревизионизм, притом подкрепленный всем ученым арсеналом буржуазной науки — теоретическими рассуждениями, философскими соображениями, статистическими данными, выдержками из многотомных исследований и даже ссылками на самого Маркса.

Плеханов в своей критике Струве в блестящей и остроумной форме вскрывает реакционность его утверждений и шаг за шагом раскрывает перед читателем родство русского ревизионизма с западно-европейским. „Настоящая психологическая потребность, — говорит Плеханов, — подорвать теоретическую основу знаменитого учения о диктатуре пролетариата и о «политическом перевороте», необходимом для социального освобождения этого класса, вынудила критика Струве, на заре двадцатого столетия, обосновать свои возражения против «ортодоксального» марксизма на более чем недостаточных посылках" [1].

Возражая против доводов Струве, что развитие капитализма сопровождается не обнищанием, а обогащением масс, Плеханов показывает на основании богатого статистического материала, собранного буржуазными учеными и рисующего положение трудящихся масс Франции, Германии и Англии, весь ужас нищеты, вырождения и эксплуатации рабочих масс, сопутствующих небывалому обогащению капиталистов.

Подвергая критике рассуждения Струве о переходе к социализму путем эволюции, а не переворота или скачка, стало-быть не путем революции, Плеханов показывает, что эволюция Струве совсем не предполагает перехода к социализму, а стремится оправдать и увековечить буржуазный строй.

Если для Э. Бернштейна конечная цель ничто, то для Струве стремление к этой конечной цели, как и сама конечная цель, т.-е. социализм, — вредная утопия.

Плеханов блестяще показывает, что достижение этой конечной цели есть неизбежное следствие развития производительных сил, которые приходят в противоречие с социально-политическими формами бытия буржуазного общества, и что единственный путь достижения этой конечной цели—это тот самый переворот, скачок, который так ненавистен Струве и всем ревизионистам.

Против Струве в период „Искры" выступал неоднократно и Ленин и в особенности в своей статье „Гонители земства и Анни-

---

[1] Соч. Г. В. Плеханова под ред. Д. Б. Рязанова, т. XI, стр. 166.

балы либерализма“ [1]. Эта работа была написана по поводу предисловия Струве к записке министра финансов Витте об отношении русского правительства к земству.

Если в тех работах Струве, где он выступал как теоретик ревизионизма, его политические вожделения не выступали ярко и не били в глаза, то здесь в предисловии к этой записке он с циничною откровенностью раскрывал всю классовую природу русского либерализма. Критикуя политику удушения, какой придерживалось русское правительство даже по отношению к покорному русскому земству, Струве угрожал самодержавию рабочим движением. Он указывал, что русское рабочее движение неизмеримо опаснее, чем движение народников и бомбы террористов. Социал-демократия — самый опасный враг самодержавия потому, что социал-демократы — это те же рабочие, им незачем ходить в народ, они сами из народа, и язык и понятия их близки народу. Если самодержавие желает сохранить свое существование, то единственный путь к этому — союз с либералами. Поделившись властью с ними, самодержавие приобретет таких союзников, которые сумеют обуздать неумеренные требования соц.-демократии.

Такова была сущность этого предисловия, и Ленин в своей блестящей статье с беспощадной прямолинейностью вскрыл эту классовую природу русского либерализма и прямо и определенно поставил вопрос: с кем желают итти либералы в борьбе с самодержавием, с рабочим классом или нет, желают ли они ликвидации самодержавия до конца или, ведя переговоры с социал-демократией, они в то же время за их спиной ведут торг с самодержавием? Если Струве пытался еще как-либо замаскировать классовую сущность своих желаний, то Ленин, как искусный анатом, вскрыл все внутренние пружины политики и тактики русской буржуазно-демократической оппозиции и показал ее соглашательскую, предательскую буржуазную природу.

Вслед за Струве выступила целая армия ревизионистов, пытавшихся так или иначе углубить, дополнить, исправить, т.-е. исказить учение Маркса, вынуть из него его революционную душу.

К числу таких ревизионистов принадлежит и Булгаков, когда-то тоже легальный марксист, а теперь выступивший против учения Маркса в области аграрных отношений. В своем большом сочинении „Капитализм и земледелие“ Булгаков пытался оспорить учение Маркса о ренте. Исходя из так называемого закона об убывающем плодородии почвы, он доказывал, что учение Маркса о ренте неверно и что законы капиталистического развития, открытые Марксом, неприменимы к земледелию. Этот, казалось бы, совершенно отвлеченный теоретический спор не имел ничего

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. V.

общего с политикой, но это только казалось; за сухими и отвлеченными теоретическими рассуждениями ревизиониста и за колонками цифр и выкладок скрывались весьма реакционные выводы. Булгаков из своих теоретических предпосылок приходил к весьма определенным выводам и в области политики. „Единственное, — говорил он, — что позволяют нам утверждать данные науки — это то, что настоящее экономическое развитие ведет к постепенному отмиранию самых тяжелых и грубых форм эксплуатации человека человеком“ [1] и что вследствие этого создаются новые, более справедливые общественные отношения.

Стало-быть, и Булгаков делал выводы о мирном врастании социализма в рамках буржуазного строя, вернее — о ликвидации социализма, отрицал и социальную революцию и диктатуру пролетариата.

С разоблачением этих ревизионистских попыток исказить учение Маркса и выступил Ленин в своей работе „Г.г. «критики» в аграрном вопросе“. Подвергая критике и теоретические доводы и фактические данные ревизионистов, Ленин и здесь разоблачал классовую природу буржуазных идеологов, старавшихся теоретически оправдать соглашение буржуазии с самодержавием.

Русский ревизионизм, конечно, не ограничился критикой только социологических и политико-экономических положений учения Маркса, он попытался подорвать и научность положений учения Маркса в области философии, т.-е. в области материализма.

На эти попытки ревизионистов исказить учение Маркса в этой области Ленин указал еще в своей критической работе против Струве тогда, когда этот последний выступал как сторонник Марксова учения против народников.

С тех пор и в статьях самого Струве, и в статьях Булгакова, и в работах Бердяева, и в статьях Кистяковского был открыт целый поход против материализма. Все эти авторы (и множество других) выступили с критикой Маркса и пытались, с точки зрения идеалистического учения Канта, исправить Маркса. Понятно, что за исправления вносили эти ревизионисты: они своими поправками — признанием свободы воли, признанием кантовских положений, отрицанием детерминизма — пытались и в этой области вынуть революционную, материалистическую душу марксизма.

Против этих философских попыток ревизионистов пересмотреть учение Маркса выступил Плеханов, который в статьях против Струве, Бернштейна, Конрада Шмидта и других раскрывает реакционную сущность ревизионизма, раскрывая в то же время такую же природу и русского философского ревизионизма.

---

[1] С. Булгаков. „Капитализм и земледелие“, Спб. 1900 г., т. II, стр. 456.

Выступила на страницах „Зари“ против философского ревизионизма и ученица Плеханова Л. И. Аксельрод-Ортодокс. В своей статье „Почему мы не хотим итти назад?“ [1] она показала, что за философскими рассуждениями Бердяева скрываются идеалистические и реакционные стремления буржуа.

К числу той ревизионистской волны, которая ударила в русский марксизм, нужно отнести и теоретическую пену соц.-революционеров; этих идеологов и выразителей русской мелкобуржуазной массы. Статьи В. Чернова и его сотрудников из „Революционной России“ и „Вестника Русской Революции“ против марксизма и соц.-демократии, по сути дела, также ревизионистского характера, с тою только разницей, что в них, кроме того, отражается еще и мелкобуржуазная колеблющаяся природа их авторов.

Выступая против ревизионистов справа, искровцы выступали, как это мы увидим ниже, и против ревизионистов слева.

Таким образом, мы видим, какая большая и сложная работа была проделана „Искрой“: прежде всего, Плехановым и Лениным была выяснена оппортунистическая природа русского экономизма, рабочедельчества и других течений в русской соц.-демократии; затем была показана буржуазная соглашательская природа русских критиков Маркса, а попытка их исказить и урезать политические выводы из учения революционного марксизма была квалифицирована как стремление соглашением с самодержавием подчинить себе социал-демократию и рабочее движение; далее была показана идеалистическая и реакционная сущность ревизионистской философской критики марксизма; и, наконец, сделаны необходимые выводы о роли и значении различных теорий и программ различных политических партий и групп в русской революции, как партий и групп, выражающих интересы различных классов.

Эта огромная теоретическая работа шла рядом с большой политической и организационной работой, центром которой очень скоро стала „Искра“.

3. Расхождение с „Союзом русских соц.-демократов за границей“.

Политическое значение объединения всех революционных соц.-демократов в России имело огромное значение. Это, конечно, прекрасно понимали все и, прежде всего, искровцы.

И Плеханов, и Аксельрод, и Засулич, и Потресов, и в особенности Ленин хорошо сознавали, какую огромную силу представляет единство рядов соц.-демократии, и делали все возможное для того, чтобы объединить все, что было в русской соц.-демократии живого и революционного.

Историки русской соц.-демократии обыкновенно привыкли изображать дело так, что Плеханов, в силу своей непримири-

[1] „Заря“ № 2—3, стр. 38—59, по поводу книги Бердяева: „Субъективизм и индивидуализм в общественной философии“.

мости и нетерпимости к чужим мнениям, не мог и не хотел пойти на соглашение с „Рабочим Делом" и „Союзом русских соц.-демократов", как скоро наметились разногласия между группой „Освобождение Труда" и этими двумя организациями. Когда же приехал за границу непримиримый из непримиримых, т.-е. Ленин, то уже нечего было и говорить о соглашении. Ближайшее исследование вопроса показывает, что и Плеханов и в особенности Ленин прилагали все усилия к тому, чтобы соглашение состоялось.

Правда, ратуя за это соглашение, они совсем не желали уступать в основном, в своем революционном марксистском миросозерцании, и ратовали за соглашение на почве революционного марксизма. Поэтому их стремление к соглашению становилось все меньше и меньше по мере того, как они убеждались, что рабочедельцы и союзники все больше и больше поддаются влиянию оппортунизма. Понятно, что при таких условиях нужно было говорить не о соглашении, но о размежевании.

Фактическая история попыток к соглашению с „Рабочим Делом" и подтверждает это.

Ленин приехал за границу в июле, когда еще раньше приехавший А. Н. Потресов уже наладил печатание „Искры" и „Зари".

Еще до приезда Ленина в Женеву, в апреле, состоялся второй съезд „Союза русских соц.-демократов", где победило правое крыло и центр.

Группировки в Союзе были таковы: правое крыло — К. Тахтарев, А. Якубова, Н. Лохов-Ольхин; левое крыло—редакция „Рабочего Дела" и примыкающие к ней Кричевский, Теплов, Иваньшин, Махновец, Коган-Гриневич, Брей-Тихвинский; центр — Бухгольц, И. Г. Смидович-Леман и М. Сущинский; бундовцы примыкали к правым (Тимофей-Копельзон и М. Гольдман-Либер). Когда мы говорим, что на апрельском съезде победило правое крыло, мы разумеем все эти три группы, за исключением группы „Освобождение Труда", представители которой Г. В. Плеханов, В. Н. Засулич, П. Б. Аксельрод и примыкавшие к ним Н. Э. Бауман, Б. Я. Кольцов (Гинзбург), Г. Д. Лейтейзен, Б. Гольденберг и Ю. М. Нахамкес-Стеклов вынуждены были покинуть съезд в самом начале его работы.

В тот момент Плеханов думал, что соглашение едва ли возможно, но не так думал Стеклов, которому казалось, что не все еще потеряно и что соглашения добиться можно.

В революционную организацию „Социал-Демократ", созданную Плехановым после разрыва с союзниками, Стеклов не вошел, а уехал в Париж и приступил там к созданию новой группы „Борьба". „Я остался в стороне от организации «Соц.-Демократ»,—рассказывает Стеклов [1],—хотя теоретически ей вполне сочувствовал, был с нею принципиально солидарен и решил сделать еще одну попытку создать общую организацию из плеха-

[1] Ю. Стеклов. „В ссылке и в эмиграции", „Пролет. Революц." 1923 г., № 5 (17), стр. 221 и 222.

новцев и тех рабочедельцев, которые, по моему мнению, могли встать на позицию группы «Освобождение Труда». С такими мыслями я уехал в Париж. Здесь я встретил, незадолго до того приехавшего за границу, Д. Рязанова, стоявшего, в общем, на той же точке зрения, что и я. Он тоже был «ортодоксом», противником «экономизма», но также считал возможным объединить плехановцев с частью рабочедельцев и таким путем создать большую организацию. Рязанов привлек на нашу сторону рабочедельца Э. Гуревича (Е. Смирнова), с которым был связан старой дружбой. Этот Смирнов некогда (в конце 80-х годов) был народовольцем, затем сделался марксистом, а впоследствии сильно поправел, после 1905 г. отошел даже от меньшевиков, работал с группой «беззаглавцев» (Прокопович, Кускова и пр.) и превратился в их единомышленника. Но в рассматриваемое время он выступал в качестве марксиста, хотя довольно умеренного, и сторонника политических задач рабочей партии. Участие Смирнова в нашей группе мне очень не нравилось (я помню, как Кричевский издевался, ехидно спрашивая меня: «Что, Смирнов тоже изобличает мой оппортунизм?»), но я ничего не мог поделать. Втроем мы составили инициативную группу, ставившую себе задачей объединение всех соц.-демократических сил, согласных стать на почву революционного марксизма“.

Как только Стеклов узнал о приезде Ленина за границу (его известил об этом Н. Э. Бауман), он поспешил в Женеву, и здесь состоялось летом совещание, где присутствовали Плеханов, Засулич, Ленин, Потресов, Бауман и Стеклов. По словам Стеклова, на этом совещании было достигнуто единогласие по вопросу беспощадной теоретической борьбы с „Бундом“, по вопросу об его автономии. По вопросу о соглашении с „Польской социалистической партией“ единогласия достигнуто не было, так как и Плеханов и Ленин высказывались против этого соглашения. Но обязательность теоретической борьбы с экономизмом, как говорит Стеклов, не исключала возможности организационного сближения с союзниками.

„Это совещание,—рассказывает Стеклов,—снова подтвердило полную солидарность, господствовавшую между всеми участниками. Тем не менее, мои надежды на сближение с Лениным (я имею в виду близость организационную) не оправдались“... „Мне пришлось, таким образом, вернуться в Париж, в известном смысле—не солоно хлебавши, и я чувствовал, что что-то недоговоренное осталось между нами и что в будущем трения неизбежны“.

После этого совещания Стеклов уехал в Париж и был некоторое время даже временным представителем „Искры“ (вскоре, впрочем, таким представителем стал Линдов-Лейтейзен). Стеклов попрежнему делал попытки во что бы то ни стало добиться объединения, несмотря на то, что оппортунистическая природа рабочедельцев выяснялась все больше и больше.

„Искра" с первых номеров начала кампанию против „Рабочего Дела" и экономистов.

Уже в первом номере „Искры" Мартов свою статью „Новые друзья русского пролетариата" посвятил „Рабочей Мысли", конечно, нисколько не отождествляя в статье зубатовщину с экономизмом, но подчеркивая, что тактика экономизма, независимо от воли ее носителей, может привести к тем же результатам, как и зубатовщина. Подчеркивая это обстоятельство, Мартов, вместе с тем, указывал и на правильное понимание экономической борьбы рабочих, чего так недоставало экономистам. „Экономическая цель рабочего движения поэтому, — говорит он, — неотделима от политической борьбы, которая одна только может обеспечить достижение этой цели. А потому развитие политического самосознания, революционная пропаганда политической борьбы должна итти рука об руку с экономическим движением рабочего класса".

Точно так же и Ленин, с первых же шагов деятельности в качестве одного из редакторов „Искры", постоянно указывал на теоретические и тактические ошибки рабочедельцев и экономистов.

Так, в статье „С чего начать?" в № 4 „Искры" Ленин, в противоположность экономистам, резко подчеркивал политический момент соц.-демократической пропаганды и агитации. „Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача, — говорит Ленин. — Мы должны помнить, что борьба с правительством за отдельные требования, отвоевание отдельных уступок, это — только мелкие стычки с неприятелем, это — небольшие схватки на фронтах, а решительная схватка еще впереди. Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянет все, что есть в России живого и честного".

Те же мысли Ленин развивал и в предисловии к брошюре „Майские дни в Харькове". „Вывод ясен, — говорит он здесь, — нам недостает организации... Эта организация должна быть революционной организацией: она должна быть составлена из людей, вполне ясно сознавших задачи соц.-демократического рабочего движения и решившихся на бесповоротную борьбу с современным политическим строем" [1]. Беспринципность, свойственная авантюризму, толкала рабочедельцев сплошь и рядом от одной крайности к другой. Особенно это становилось заметно,

[1] „Майские дни в Харькове". Изд. „Искры", стр. VI предисловия. Это предисловие, как установлено теперь, написано В. И. Лениным, автором же брошюры был т. Коган-Ерманский.

когда бурная русская жизнь дарила своими неожиданностями. Так, когда весной 1901 года вспыхнули довольно бурные студенческие беспорядки, последовали репрессии правительства (распоряжение об отдаче студентов в солдаты) и, как ответ на эти репрессии, выстрел Карповича в Боголепова, — „Рабочее Дело" сразу же ударилось в крайность и заговорило об „историческом повороте", начало проповедь чуть ли не террористической борьбы в духе социалистов-революционеров и звало итти прямо сейчас же на штурм самодержавия. Ленин сейчас же (как и вся „Искра") отметил этот беспринципный уклон „Рабочего Дела" в сторону революционного авантюризма.

„Мы далеки, — говорит он в статье „С чего начать?", — от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами, но наш долг — со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы, к чему так сильно склоняются в настоящее время очень и очень многие. Террор никогда не может стать заурядным военным действием: в лучшем случае он пригоден лишь как один из приемов решительного штурма. Спрашивается, можем ли мы в данный момент звать на такой штурм? «Рабочее Дело», повидимому, думает, что да. По крайней мере, оно восклицает: «Стройтесь в штурмовые колонны». Но это — опять-таки усердие не по разуму. Главная мысль наших военных сил — добровольцы и повстанцы. Постоянного войска есть у нас лишь несколько небольших отрядов, да и те не мобилизованы, не связаны между собою, не приучены строиться в военные колонны вообще, а не то что в штурмовые колонны. При таких условиях, для всякого, кто способен обозреть общие условия нашей борьбы, не забывая о ней при каждом «повороте» исторического хода событий, должно быть ясно, что лозунгом нашим в данный момент не может быть «итти на штурм», а должно быть: «устроить правильную осаду неприятельской крепости». Другими словами, непосредственной задачей нашей партии не может быть призыв всех наличных сил теперь же к атаке, а должен быть призыв к выработке революционной организации способной объединить все силы и руководить движением не только по названию, но и на самом деле, то-есть быть всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя"[1].

Значительно позже этой статьи, уже в конце 1901 года, когда выяснилось достаточно хорошо, что не может быть и речи даже об организационном соглашении с „Рабочим Делом" и „Союзом русских соц.-демократов", Ленин, в своей статье „Беседа с защитниками экономизма", отвечал на „письмо в русские соц.-демократические органы" ссыльных соц.-демократов, которые станови-

[1] Собр. соч., т. IV, стр. 35.

лись на защиту экономистов, порицали „Искру“ за ее резкую полемику с „Рабочим Делом“ и упрекали искровцев в недостаточно ясной, будто бы, точке зрения по вопросу об отношении к либералам. В этой статье Ленин снова полемизировал с рабочедельцами и показывал неправильность и оппортунизм их взглядов.

Нельзя, однако, сказать, что „Искра“ пристрастно судила о „Рабочем Деле“ и экономистах.

Не только в идейном, теоретическом отношении, но и практически, в области организационной, „Искре“ пришлось бороться и с „Рабочим Делом“ и с экономистами.

Как мы видели, ни Плеханов ни Ленин не добивались во что бы то ни стало раскола; наоборот, отстаивая чистоту теоретических и организационных принципов, они точно так же, как и все остальные члены и группы „Освобождение Труда“ и группы „Искра“, искренно стремились объединить все жизнеспособные элементы соц.-демократии под знаменем революционного марксизма. Вот почему в течение всего первого периода „Искры“ они не отказывались от попыток сговориться и с „Союзом русских социал-демократов“, и с группой „Борьба“, и даже с такими лицами, как Зеленский.

Об этом свидетельствуют как переписка членов редакции „Искра“, так и та конференция, что состоялась в Женеве в июне 1901 г.

В письме от 25 мая 1901 года Ленин писал П. Б. Аксельроду по поводу этой предполагавшейся конференции: „... Что касается до сближения с Союзом, то Рязанов сначала заявил, что не возлагает на конференцию абсолютно никаких надежд, что это только Гуревич возится с такой идеей и т. д. Но когда он узнал, что мы не ставим conditio sine qua non уничтожение Союза, что мы готовы допустить совместительство с научным органом («Зарей») и политической газетой («Искрой») популярного сборника или журнала для рабочих («Рабочего Дела»), — то он решительно переменил фронт, заявил, что он давно уже говорил об этом Кричевскому, что он считает это естественным финалом распри и сам готов теперь поработать над осуществлением такого проекта. Пускай поработает. Может быть, и в самом деле объединение или федерация на такой основе состоится — это было бы громадным шагом вперед“ [1].

Это заявление Ленина было вызвано предложением парижской группы „Борьба“ созвать конференцию из представителей революционной организации „Социал-Демократ“, „Союза“ и „Искры“ [2]. Как видно из слов Ленина, „Искра“ с готовностью шла на такие примирительные попытки и не только не отказывалась от переговоров, но, наоборот, и Ленин, и Мартов, и Пле-

---

[1] „Лен. сборн.“, т. III, стр. 172—173.
[2] Там же, стр. 175.

ханов, и Аксельрод были очень недовольны Кольцовым (Гинцбургом), в те времена секретарем революционной организации „Социал-Демократ“, медлившим ответить „Союзу“ и „Борьбе“ на их предложение. В таком же примирительном духе откликнулся на предложение „Борьбы“ и Мартов в своем письме Аксельроду от 14 мая 1901 года. „Мы ответили, — пишет он, — что ничего не имеем против конференции, но оговариваем, что намерены продолжать полемику с «Рабочим Делом»“ [1].

Замедление в созыве конференции происходило только потому, что союзники настаивали на том, чтобы она состоялась в Париже или Брюсселе, а искровцы отстаивали какой-либо из городов Швейцарии, как пункт, ближайший и к местоприбыванию „Искры“ и к местопребыванию членов группы „Освобождение Труда“.

На конференции, собравшейся, наконец, в июне 1901 года в Женеве, присутствовали: от группы „Борьба“ — Ю. М. Стеклов и Э. Л. Гуревич-Даневич, от „Рабочего Дела“ — Б. Кричевский, от „Искры“ — Ю. О. Мартов, от „Союза русских социал-демократов“ — В. П. Махновец-Акимов, от революционной организации „Социал-Демократ“ — Гинцбург-Кольцов и от „Бунда“ — Коссовский, Кремер и Милль.

По всем важнейшим принципиальным вопросам на конференции было достигнуто единомыслие, так что без особого труда конференция выработала платформу, основные положения которой и должны были лечь в основу будущего соглашения на съезде „Союза“.

В этой платформе, от имени трех организаций — „Союза РС-Д“, заграничной организации „Искры“ и „Зари“ и революционной организации „Социал-Демократ“ — объявлялось, что на конференции достигнуто полное единодушие по всем принципиальным вопросам, что это обстоятельство особенно важно теперь, когда задачей момента является объединение всех соц.-демократических сил как в России, так и за границей, и что три названные выше организации объединяются в заграничный комитет РС-ДРП.

В пункте первом принципиального соглашения объявлялось, что конференция, признавая принципы научного социализма и действуя заодно с международной соц.-демократией, отвергает „всякие попытки внесения оппортунизма в классовое движение пролетариата, выразившегося в так называемом экономизме, бернштейнианстве и мильеранизме“ [2].

Во втором пункте участники конференции солидаризировались с манифестом первого съезда партии (1898 год) и признавали „ближайшей политической задачей рабочего класса в России

---

[1] „Ленинск. сборн.“, т. III, стр. 175.

[2] „Прол. Револ.“, № 5 (17) — 1923 г., стр. 227 и 228, а также брошюра „Союза РСД“, „Два Съезда“, Женева, 1901 г., стр. 4.

низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения".

В третьем пункте подчеркивалась необходимость для русской соц.-демократии в своей борьбе с абсолютизмом стоять во главе всех борющихся национальностей.

Четвертый пункт трактовал вопрос о поддержке соц.-демократией всех оппозиционных и революционных движений, направленных против абсолютизма; и, наконец, пятый пункт намечал принципы соц.-демократической тактики, при чем в параграфах *в* и *г* этого пункта содержались положения, как бы направленные специально против „экономистов": в) „Не признавая,—говорится здесь,—чтобы социал-демократия в своей агитации могла приступить к постановке общих политических задач только после того, как пролетариат предварительно пройдет стадии чисто экономической борьбы и борьбы за частные политические требования, мы находим, что общее содержание социал-демократической агитации должно всегда определяться общим социально-политическим положением рабочего класса и основными положениями социал-демократической программы" и г) „Признавая, что социал-демократия должна в своем отношении к элементарным формам проявления классового движения пролетариата быть движущей вперед силой,—мы именно поэтому считаем необходимой в интересах рабочего движения критику течений, возводящих в принцип социалистической деятельности элементарность и вытекающую из нее узость этих низших форм движения" [1].

На конференции был выработан также и проект договора, которым определялись начала, на каких должен был организоваться заграничный комитет РС-ДРП.

Казалось, таким образом, что объединение стало на твердую почву. Но это только казалось, ибо уже на конференции появились признаки, знаменовавшие собою, что кое-что на совещании было и не выяснено и не досказано.

Такими недосказанными и невыясненными вопросами являлись взгляды союзников о терроре и о месте „Бунда" в партии. Резолюция о нецелесообразности террора в данный момент, предложенная искровцами, была резервирована, т.-е. не вошла в число пунктов соглашения, так как по этому вопросу „Рабочее Дело" как раз высказывалось в противоположном смысле и даже предлагало именно путем террора начать „штурм на самодержавие". Точно так же по вопросу о „Бунде" конференция приняла общее решение о необходимости и желательности „согласования деятельности" „Бунда" и РС-ДРП.

Несмотря на то, что принципы соглашения, выработанные конференцией, не встретили возражений ни в одной из принимавших участие на совещании организаций, однако, вскоре же после конференции „Союз РС-Д" отступил от этих соглашений.

---

[1] „Два съезда", стр. 4 и 5.

В конце лета 1901 года (в июле или в августе) состоялся третий (чисто рабочедельческий) съезд Союза РС-Д“. На этом съезде крайние рабочедельцы вместе с бундовцами внесли поправки в соглашение, выработанное на конференции. Из этих поправок ясно было, что на предстоящем объединительном съезде соглашение достигнуто быть не может. Так, к первому пункту принципиального соглашения рабочедельческий съезд внес поправку, которая уничтожала самую суть революционного марксизма: предлагалось попросту выбросить слова — „так называемом экономизме и мильеранизме“, при чем мотивировалось это тем, что выбрасываемые слова неопределенны по смыслу. Кроме того, рабочедельцы требовали свободы критики, максимум прав своей организации и подчеркивали, что истинным и единственным представителем русской социал-демократии за границей являлся „Союз РС-Д“ [1].

Ясно было для всех, что при таких условиях ни о каком соглашении с „Искрой“ речи быть не может. Действительно, на объединительном съезде, состоявшемся в Цюрихе в октябре 1901 года, сошлись лидеры всех течений русской социал-демократии: экономисты (например Акимов), рабочедельцы (Кричевский, Мартынов), все члены группы „Освобождение Труда“, организация „Социал-Демократ“ и „Искра“ — Ленин, Мартов и Потресов, а также Ф. Дан.

После генеральной дискуссии, продолжавшейся полтора дня, когда съезд перешел к обсуждению поправок, внесенных на рабочедельческом съезде в августе к платформе женевского июльского соглашения, представители „Искры“, группы „Освобождение Труда“, организации „Социал-Демократ“ и группы „Борьба“ от обсуждения этих поправок отказались и покинули съезд.

Стеклов в своих воспоминаниях склонен рассматривать, как одну из причин ухода со съезда, полученные будто бы „Искрой“ известия из России об особенно успешных делах искровцев. Это, быть может, и было так, известия, быть может, и были получены, но ясно, что истинная причина ухода коренится в резком расхождении двух тактик — оппортунистической рабочедельческой и революционной искровской.

В самом деле, это очень хорошо видно из того заявления, которое, покидая съезд, внес Дан от имени двух организаций — „Искры“ и „Зари“ и „Социал-Демократа“.

В этом заявлении указывалось, что деятельность „Союза РС-Д“ противоречила основной задаче русской соц.-демократии — объединению рабочего класса в самостоятельную политическую партию, что это особенно ярко выразилось в поправках к принципам женевского соглашения об экономизме и мильеранизме, что такую же тенденцию имели и статьи в № 10 „Рабочего Дела“ и что поэтому, не отказываясь от частичных согла-

---

[1] „Два съезда“, стр. 8—14.

шений с „Союзом РС-Д“, искровцы констатируют, что более тесное объединение с организацией, неспособной обеспечить принципиальную и политическую устойчивость своего органа, в настоящее время, к сожалению, немыслимо, и потому, считая дальнейшее продолжение прений бесполезным, покидают съезд [1].

Вместе с искровцами съезд покинули и члены группы „Борьба“ — Рязанов, Стеклов и Гуревич-Даневич.

4. Группа „Борьба“.

Такой же неудачей и расхождением окончились и попытки договориться с группой „Борьба“.

Группа „Борьба“, как уже было сказано выше, состояла из трех членов — Рязанова, Стеклова и Гуревича и небольшого числа сторонников как за границей, так и в России.

За время своего существования (около двух лет) она развила небольшую издательскую деятельность и выпустила „Социал-демократический календарь“, брошюру Стеклова — „Отказываемся ли мы от наследства“ (с приложением статьи Рязанова „Две правды“), три выпуска „Материалы для выработки партийной программы“, брошюру „Обуховское дело“, „Летучий Листок“ и брошюру Стеклова „Солдатская беседа“.

Наибольшее значение из этой литературы имеют „Материалы для выработки партийной программы“ (первые два выпуска — работа Рязанова, третий — Стеклова), чего мы и коснемся при обсуждении вопроса о программе партии, выработанной „Искрой“.

Как сознается сам Стеклов, „затея с группой «Борьба» была в сущности мертворожденной“ [2].

Однако, вплоть до появления проекта программы партии в „Искре“, борьбисты усиленно добивались не только участия в „Искре“ в качестве сотрудников, но и в самой редакции этого органа.

Переписка членов редакции „Искры“ подтверждает это вне всякого сомнения. Но, не возражая против участия борьбистов в „Искре“, как простых сотрудников, искровцы очень резко возражали против проникновения членов группы „Борьба“ в редакцию.

Действительно, т. Рязанов поместил в № 1 „Зари“ свою статью о программе „Рабочего Дела“, Стеклову принадлежит статья, напечатанная во втором номере „Борьбы“ и в „Искре“ (первое время); но несомненно также и то, что члены редакции „Искры“ имели большие основания, высказываясь против участия своих союзников в качестве редакторов своей газеты.

Еще до неудачного объединительного съезда выяснилось, что и с группой „Борьба“ имеются у „Искры“ довольно значи-

[1] „Прол. Револ.“, № 5 (17), за 1923 г., стр. 237.
[2] Ibid., стр. 238.

тельные разногласия. Не отрицает этого теперь и т. Стеклов в своих воспоминаниях об этом периоде. Разногласия эти касались как программных, так и теоретических пунктов. Стеклов сам перечисляет эти пункты — вопрос об организационном строительстве партии („демократический централизм"), вопрос о либералах и вопрос об аграрной части программы. По первому вопросу разногласие выявилось уже в июне — июле 1901 г., когда Стеклов прислал в редакцию „Искры" критическую статью, направленную против принципов, высказанных Лениным в его статье „С чего начать?" в № 4 „Искры". Редакцией эта статья Стеклова не была принята, несмотря на то, что два члена редакции — Аксельрод и Мартов — высказались за ее напечатание. Резко против ее напечатания высказывались Ленин и Плеханов.

Ленин, посылая эту статью, писал Аксельроду (от 9 июля 1901 г.): „Посылаю вам статью, отвергнутую нами. Посмотрите на этот фруктик" [1]...

Сам Аксельрод, высказывавшийся за напечатание статьи, тем не менее дает ей беспощадную характеристику в своем письме от 31 августа 1901 г. мюнхенской части редакции. „Прежде чем отдать эту статью в набор, — говорит он, — редакция, по-моему, обязана обратить внимание автора на неизбежные последствия появления ее в печати и, так сказать, апеллировать к его политической совести. Я имею в виду, главным образом, ту часть ее, которая полемизирует специально против замечаний «Искры» относительно «исходного» пункта, организационного «зародыша» в деле создания боевого центрального ядра. Невзоров превозносит силу, значение и компетентность «комитетов». Этим самым он ставит «Искру», да и не ее одну, а всех товарищей, знающих истинное положение дел и считающих вредным замаскировывать его, — в необходимость печатно обнаружить неверность картины, нарисованной им, и входит при этом в подробности, отнюдь не удобные для опубликования. Это раз. Затем он разжигает и возбуждает лжепатриотические страсти в юных сторонниках комитетов, вытаскивает на арену публичности спор об их составе, значении и т. д., что должно способствовать не к «единению», а к еще большему разъединению наших рядов. Эффект может получиться восхитительный для Зубатова и его воспитанников" [2].

Чтобы со всей ясностью понять эту характеристику, необходимо вспомнить, что в статье „С чего начать?" Ленин развивал мысль об исходном пункте деятельности, о первом практическом шаге к созданию организации, при чем, по его мнению, такой основной нитью, держась которой возможно было бы углублять и расширять организацию, и являлась „постановка общерусской политической газеты". Развивая эти мысли, Ленин говорил о том,

---

[1] „Ленинский сб." т. III, док. № 49, стр. 192.
[2] Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 56.

что „одна уже техническая задача—обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распределение ее—заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробующих свои силы на организации тех или иных революционных действий". „Эта сеть агентов будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно свою работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где он всего менее ожидает нападения" [1].

Ясно, что уже здесь была выражена та концепция, которая затем так подробно и обстоятельно была развита в работе „Что делать?"—мысль об организации профессиональных революционеров. С другой стороны, здесь же, в этой статье, была выяснена мелкобуржуазная тенденция „Рабочего Дела", возлагавшего надежды на террор, при помощи которого рабочедельцы мечтали начать штурм самодержавия.

Стеклов сознается в своих воспоминаниях, что суть его разногласий с „Искрой" в организационном вопросе как раз именно и сводилась к тому, что он будто бы был сторонником „демократического централизма", а „Искра"-де отрицала этот принцип. Так это или нет (статьи Стеклова, отвергнутой „Искрой", нет), но несомненно одно, а именно—что идея сильной централизованной организации, проводившаяся в жизнь „Искрой", была неприемлема для Стеклова; кроме того, повидимому, в его статье проводились взгляды, близкие к идеям „Рабочего Дела". Это ясно из следующих замечаний Аксельрода в его письме к мюнхенской части редакции „Искры".

„Что касается до полемики его против тактических замечаний «Искры»,—говорит Аксельрод по поводу статьи Стеклова,—то, во-первых, она обнаруживает его полную солидарность с автором «Исторического поворота» (статья Б. Кричевского, в № 10 «Рабочего Дела». *В. Н.*), а во-вторых, так же, как этот последний, проводит взгляд, последовательное применение которого должно привести к растворению социал-демократии в общедемократическом лагере. Разница между тактикой, пропагандируемой «Искрой», и той, которую предлагают Невзоров и «Рабочее Дело», имеет в высшей сте-

[1] Собр. соч. В. И. Ульянова-Ленина, т. IV, стр. 38.

пени принципиальное значение. Социал-демократия или демократия?—вот вопрос, скрывающийся под оболочкой тактических разногласий между «Искрой» и автором «Исторического поворота». В статье Невзорова вскрыть эту конечную тенденцию, пожалуй, легче, чем в только-что названной“ (разрядка наша. *В. Н.*) [1].

Из этой цитаты ясно, что ввести в редакцию товарищей, взгляды которых, по мнению большинства членов организации „Искры“, совпадали со взглядами рабочедельцев по коренному вопросу всей тактики социал-демократии, было невозможно. После же того, как Стеклов грозил, что, в случае непомещения его статьи в „Искре“, он отдаст ее в „Рабочее Дело“, дело стало еще яснее, и все члены редакции „Искры“ категорически высказались против более близкого соглашения с „Борьбой“.

Отдавая полную дань энергии и способности борьбистов („люди они способные,—писал Аксельрод Ленину,—и, будем надеяться, преданные, действительно идейные“) [2], Аксельрод, однако, советовал Ленину быть с парижанами „мудрым, как змий“. Не вооружая их против новой организации, „Искра“, однако, вынуждена была порвать с „Борьбой“, в особенности после того, как появились изданные ею „Материалы для выработки партийной программы“.

5. Группа „Свобода“.

Еще скорее, чем с „Борьбой“, выяснилась невозможность договориться с третьей заграничной организацией, вернее—с одним человеком, олицетворявшим эту организацию, с Зеленским-Надеждиным.

Это был в высшей степени талантливый человек, революционер до мозга костей, полный энергии и революционной страсти... Начавши работу в первой половине девяностых годов на юге России, он во второй половине этого десятилетия работал в Саратове и внес ярко-политическую струю в деятельность Саратовской социал-демократической организации. Эмигрировав (в начале 900-х годов) за границу, он организовал группу „Свобода“ которая, впрочем, состояла почти из него одного. Издав книгу „Возрождение революционизма в России“, он выпустил затем еще несколько произведений и, в том числе, два сборника „Свобода“, (журнал для рабочих, № 1, вышел в 1901 году, номер 2—в 1902 году). Взгляды этой „социально-революционной группы рабочих“, как называл Надеждин свою „Свободу“, в общем, сводились к поддержке и развитию политической струи русского рабочего движения. Он

---

[1] „Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова“, стр. 56—7.

[2] „Лен. сб.“, т. III, стр. 65.

осуждал экономизм, но сам сбивался на мелкобуржуазный революционизм, выдвигая идею о возбуждении активности рабочих масс путем развития „экситативного террора".

Попытки столковаться с Надеждиным ни к чему не привели (в июле 1901 года), и „Искре" и „Заре" очень скоро пришлось дать должную оценку взглядам автора „Свободы", единолично заполнявшего статьями свой журнал [1].

В номере 2—3 „Зари" В. И. Засулич в рецензиях на книги „Возрождение революционизма в России" и „Свобода", № 1, отметив яркость и талантливость автора, дала исчерпывающую критику взглядов Зеленского.

6. „Искра" и демократия.

История отношений „Искры", т.-е. членов группы „Освобождение Труда" и редакции газеты, к буржуазной демократии представляет большой интерес, так как на этой истории, уже в самом начале „Искры", выясняются во взглядах отдельных представителей русской социал-демократии, руководящего центра ее, та разница, те зародыши разногласия, которые впоследствии, после второго съезда партии, раскололи русскую социал-демократию на два непримиримых лагеря.

В первой половине 90-х годов будущий лидер русского либерализма П. Б. Струве, как известно, не только являлся одним из видных представителей легального марксизма, но был и прямо членом социал-демократической организации. Мало того, что он выступал в литературе как марксист, он принимал видное участие и в непосредственной практической работе, был близок со многими выдающимися социал-демократическими деятелями, наезжал за границу к Плеханову и даже получал ответственные поручения от русских соц.-демократов. Так, в 1896 году (в конце июля и начале августа) Струве, вместе с Плехановым, Аксельродом, Засулич и Потресовым, был на международном социалистическом конгрессе в Лондоне; больше того, автором доклада по аграрному вопросу, представленного конгрессу русской делегацией и напечатанного затем отдельной брошюрой („Die Agrarfrage und die Socialdemocratie in Russland"), являлся не кто иной, как Струве; в 1898 году, в один из важнейших моментов жизни русской соц.-демократии, важнейший документ партии — манифест 1-го съезда — был написан Струве; ему же принадлежат статьи как в русской, так и в немецкой прессе по вопросам теории марксизма; он же являлся членом редакции марксистских изданий (например „Новое Слово", где писали и Плеханов и Ленин); к его мнению, наконец, в те времена прислушивались такие ветераны революционного движения, как Плеханов и Аксельрод [2].

[1] „Ленинский сборник", т. III, стр. 229.

[2] См., например, „Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода", изд. 1925 г., т. I, стр. 141, 155 и др.

Правда, уже тогда, а именно в 1894 г., Ленин выступил против Струве со статьей „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве" (отражение марксизма в буржуазной литературе) по поводу его „Критических заметок к вопросу об экономическом развитии в России". В этой статье, как мы знаем, уже тогда Ленин указывал на вульгаризацию революционного марксизма и ревизионистские нотки в мировоззрении Струве; Плеханов также прекрасно понимал, что эти ревизионистские черточки в книге Струве есть, и, если не выступал против него, то только потому, что и будущий лидер либерализма боролся против общего противника русской социал-демократии.

Казалось, что по этому коренному вопросу об отношении русской социал-демократии к либерализму у членов редакции „Искры" не может быть разногласий, тем более, что взгляды, высказанные по этому вопросу Лениным в его работе „Задачи русских социал-демократов" в 1897 г., были, так сказать, апробированы всей группой „Освобождение Труда" в лице Аксельрода, его предисловием к этой брошюре. Исходя из известного положения „Коммунистического Манифеста", Ленин говорил не только об идейной, но и о практической поддержке соц.-демократией „всех политических оппозиционных элементов". „Эта поддержка, — говорил Ленин, — выражается тем, что русские соц.-демократы готовы заключать союзы с революционерами других направлений ради достижения тех или других целей, и эта готовность не раз была доказана на деле" [1].

Аксельрод с особенным удовольствием солидаризировался с Лениным именно в этом вопросе [2], приведя слова из своей брошюры „К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов" о приобретении русскими соц.-демократами приверженцев из среды непролетарских слоев.

Правда, Аксельрод в своей работе говорил уже о „союзе соц.-демократии с буржуазными революционными фракциями", при чем о таком союзе, когда социал-демократия будет „привлекать „всех истинных друзей прогресса в России, как бы отрицательно они ни относились к теории и окончательным целям социальной демократии" [3].

Тогда, в конце 90-х годов, как-то не приходило в голову придавать особое значение этим различиям двух формулировок Ленина и Аксельрода, а между тем несомненно, что только-что приведенная формулировка Аксельрода есть та же самая мысль, какую он высказывал еще в 1885 году в своей брошюре „Рабочее движение и социальная демократия", где он выражался еще более ясно и определенно, говоря о создании **одной социали-**

---

[1] Собр. соч. В. И. Ульянова-Ленина, т. I, стр. 349.

[2] Там же, стр. 500.

[3] „К вопросу о современных задачах и тактике русских соц.-демократов", Женева, изд. „Союза Р-СД", 1898 г., стр. 13.

стической рабочей партии в России, „в состав которой будут входить, как теперь в Германии, все действительные друзья трудящихся классов населения“ [1].

Само собой ясно, что между только-что приведенными взглядами и взглядами Ленина, высказанными в брошюре „Задачи русских соц.-демократов“, огромное различие, и что ни о каком союзе с „буржуазными“ революционными фракциями и о создании одной социалистической партии из всех друзей трудящихся классов у Ленина нет и намека.

Эти различия во взглядах выявились тотчас же, как только академический вопрос о союзах с оппозиционными группами в 1885 и 1897 годах стал фактическим вопросом в 1901 году, когда зашла речь о соглашении со Струве, как с представителем демократической оппозиции.

Струве, несмотря на его явный и ясный для всех членов редакции „Искры“ отход от революционного марксизма, все же принимал участие в первых номерах „Искры“ в качестве сотрудника. Но теперь с его стороны был поднят вопрос уже не только о сотрудничестве, но и о прямом заключении соглашения с „демократической оппозицией“. Форму этого соглашения Струве мыслил себе как издание под общей фирмой особого журнала, в виде обще-политического приложения к „Заре“ под названием „Современного Обозрения“. Совещания по этому вопросу происходили несколько раз, и, как выяснилось на них, Струве стремился использовать социал-демократию, подчинивши ее работу целям демократической оппозиции.

Еще в декабре 1900 года (29 числа этого месяца) произошло совещание редакции „Искры“ со Струве как раз по вопросу о соглашении, и Ленин, записавши свои впечатления, оставшиеся у него от этого совещания, так характеризует Струве:

„...Струве показал себя с совершенно новой стороны, показал себя «политиком» чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашом и нахалом. Он приехал с полной уверенностью в нашем бессилии, так формулировал сам Арс. [Потресов] результаты переговоров, и это формулирование было совершенно верно. Бл. [Струве] явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия сдачи и он проделал это в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего «критика»“ [2].

В начале и затем в конце января 1901 года было еще два совещания со Струве уже в Мюнхене. На втором январском

---

[1] „Рабочее движение и социальная демократия“. Женева, 1885 г., стр. 15.
[2] „Ленинский сборн.“, т. I, стр. 72.

совещании для Ленина окончательно стало ясно, чего добивается Струве. Он мало заботился о словах, а стремился к тому, чтобы оттеснить на задний план „Искру“ своим „Современным Обозрением“. С этой целью он предлагал утилизировать приходящий в „Искру“ материал по соглашению с „Современным Обозрением“, при чем это последнее должно было выходить ежемесячно в размере, равном двум номерам „Искры“. Согласиться на такое условие это означало с самого же начала проиграть дело, ибо, как совершенно правильно писал Ленин Плеханову, „хозяин и хозяин полный будет там он (т.-е. Струве, *В. Н.*), ибо у него деньги и 99% материалов“. „Мы будем бегать, хлопотать, корректировать, перевозить, а его сиятельство, господин Иуда (Струве), будет Redacteur en chef наиболее влиятельного (в широком sogenannten «общественном» мнении) журнальчика“.

Говоря далее о том, что согласие на такие условия борьбы равносильно продаже социал-демократического первородства за чечевичную похлебку соглашения с либералами, Ленин призывает поднять „знамя восстания“ против готовых на уступки остальных членов совещания — Потресова и Засулич и склонного согласиться с ними Аксельрода[1].

Плеханов, конечно, прекрасно понимал либеральную природу Струве и, понимая это, писал В. И. Засулич тоже в январе 1901 года:

„...Иуде (Струве) лучше прямо сказать, что хотели бы иметь дело с ним *именно*, как с представителем демократической оппозиции, а *не как с социал-демократом*. Если бы он хотел работать с нами, как социал-демократ, то мы отклонили бы это, так как *теперь пока* (и т. д. следует доброта) нам лучше разделиться для более точного выяснения себе и другим наших разногласий. Это обидеть его не может. А раз он поймет это, то он и сам не будет лезть с «мы социал-демократы»; это «мы» лежит у меня тяжелым камнем на сердце. Caveant consules!“ [2].

Но, сознавая это, Плеханов, однако, не поднял „знамя восстания“, а наоборот, писал Ленину, что „*необходимо согласиться*“, при чем причиною такого решения вопроса, по мнению Плеханова, были обстоятельства, в силу которых разрыв со Струве мог погубить „Искру“. В результате такого перевеса сторонников соглашения оно было заключено, и даже были выработаны два заявления — одно от „Зари“, другое от „демократической оппозиции“, которые должны были появиться в „Заре“. Действительность вскоре подтвердила предположения Ленина, и происшедший разрыв помешал появлению в печати этих заявлений.

Эта переоценка либерализма и склонность к уступкам ему всех остальных членов редакции „Искры“, кроме Ленина, очень

---

[1] См письмо 25 от 30/I 1901 г. „Ленинский сборн., т. III, стр. 128—129.
[2] „Ленинский сборн.“, т. III, стр. 126.

ярко выявилась и в дальнейшем по поводу статьи Ленина „Гонители земства и Аннибалы либерализма“.

Поводом для появления этой статьи послужило предисловие Р. Н. С., т.-е. Струве, к опубликованной им записке министра финансов С. Ю. Витте „Самодержавие и земство“ [1]. Эта записка с предисловием Струве вышла в изд. „Зари“ в Штутгарте в 1901 году и содержала в себе, как выразился Ленин, „обвинительный акт против земства“, составленный министром финансов. Предисловие Струве уже тогда, т.-е. до образования либерально-демократической партии, очень резко и характерно выразило всю трусливость и соглашательскую природу русского либерализма. Суть мировоззрения Струве сводилась к тому, чтобы убедить самодержавное правительство в необходимости узаконить либерально-помещичью земскую оппозицию. Уничтожение этой земской оппозиции и сведение к нулю самого земства, по мнению Струве, угрожало прежде всего самому же старому строю.

„Мы убеждены, — говорит он, — что организация либералов в нелегальную, хотя и очень умеренную по своей программе и приемам, партию будет неизбежным результатом упразднения земства“.

Сама по себе такая партия,—рассуждает далее Струве,—правительству не опасна, но при наличии более решительных революционных партий, в особенности соц.-демократической, она может превратиться в огромной силы разрушительный фактор. Указывая на это, Струве разъясняет правительству, что соц.-демократия представляет страшную для самодержавия силу, так как в противовес народникам, хождение которых в народ было бесплодно, соц.-демократам ходить в народ незачем, ибо они, социал-демократы, сами и есть тот настоящий, доподлинный народ, организация и восстание которого и готовит гибель самодержавию. Отсюда, по мнению Струве, вытекает неизбежный вывод для самодержавия: пока не поздно, пойти на уступки и, заключивши союз с либералами, обуздать пролетариат.

Чем больше правительство будет подавлять рабочее движение, тем скорее это последнее превратится в такую силу, борьба с которой для правительства будет неимоверно трудна.

„В этой борьбе, — говорит Струве, — наверное, министрам его величества придется пожалеть об упразднении земства и вообще о той политике, которая состояла в систематическом заграждении обществу всех путей легального развития“ [2]. А потому, пока не поздно, правительство должно пойти на уступки.

„Правительство хорошо понимает, что, если оно даст мизинец, то у него возьмут всю руку. Но, быть может, оно не слишком поздно поймет также фатальную опасность охранения само-

---

[1] „Самодержавие и земство“. Конфиденциальная записка мин. фин. С. Ю. Витте с предисл. и примеч. Р. Н. С. Штутгарт, 1901 г.

[2] „Самодержавие и земство“, стр. 43.

державного режима всеми средствами. ,Быть может, оно, еще не встретившись с революцией, само утомится своей борьбой с естественным исторически-необходимым развитием свободы и поколеблется в своей «непримиримой» политике. Перестав быть последовательным в борьбе со свободой, оно будет вынуждено все шире и шире раскрывать ей двери. Быть может... Нет, не только может быть, но да будет так" [1].

Рассмотрев вопрос о „конституционности" земства и вскрыв классовую его природу, Ленин дает яркую и резкую характеристику русского земского либерализма вообще и либерализма Струве в частности.

По мнению Ленина, Струве—„поклонник мирного, постепенного, строго легального развития". Вместе с тем „он всей душой восстает против самодержавия и жаждет политической свободы". „Но самодержавие,—говорит Ленин,—потому и есть самодержавие, что оно запрещает и преследует всякое «развитие» к свободе. Это противоречие проникает собой всю статью господина Р. Н. С., делая его рассуждения крайне непоследовательными, нетвердыми, шаткими". Рассматривая сожаления Струве о том, что упразднение земства даст огромный козырь революционной пропаганде, Ленин говорит, что, несмотря на quasi-ученую формулировку, получается „старая-престарая аргументация: мне вы, господа правители, можете верить, если я вас пугаю революцией, ибо у меня к ней душа совсем не лежит. Ссылка на объективность есть не что иное, как фиговый листочек, прикрывающий субъективную антипатию к революции и революционной деятельности".

Попытку Струве представить земство, как главный фактор борьбы с самодержавием за свободу, Ленин отметает, характеризуя земство как организацию „представителей наших имущих классов", стремящихся расширить свое значение в политической жизни страны и занимающих сплошь и рядом дружественный нейтралитет по отношению к революционерам.

„Разумеется, ни «крупного», — говорит Ленин, — ни вообще сколько-нибудь самостоятельного фактора политической борьбы нельзя видеть в учреждении, которое в лучшем случае способно было до сих пор лишь на либеральные ходатайства и на дружественный нейтралитет, но роль одного из вспомогательных факторов за земством отрицать нельзя. В этом смысле мы готовы даже, если хотите, признать, что земство — кусочек конституции". „...Земство — кусочек конституции. Пусть так. Но это именно такой кусочек, посредством которого русское «общество» отманивали от конституции [2].

„Вот этой стороны вопроса,—говорит далее Ленин,—значения земства, как орудия укрепления самодержавия посредством

[1] „Самодержавие и земство", стр. 45.
[2] Собр. соч. т. V, стр. 63, гл. VI.

половинчатой уступки, как орудия привлечения к самодержавию известной части либерального общества,—господин Р. Н. С. совершенно не понял".

Указывая на то, что стремление Струве, в конце концов, сводится к желанию получить „умеренную конституцию, исторически выросшую на основе местного самоуправления с сословной окраской", Ленин намечает задачи революционной социал-демократии, не отказывавшейся в своей борьбе с самодержавием поддерживать всякое оппозиционное движение, в том числе и земское, направленное против абсолютизма; но эта поддержка будет тем успешнее,—рассуждает Ленин,—чем скорее сами оппозиционные группы, в том числе и либералы, освободятся от вредных иллюзий, будто возможно добиться конституции путем мирного соглашения с самодержавием, и будто земство, как зародыш конституции, и есть один из этапов этого пути.

Плеханов, вообще одобрявший статью Ленина, однако нашел в ней места, которые, по его мнению, нужно было изменить.

Суть поправок, какие требовал Плеханов, с несомненностью говорит о том, что в данном случае он расходился в общей оценке взаимоотношений между социал-демократией и либералами.

„В первых четырех главах,—пишет Плеханов Ленину (14 июля 1901 года),—необходимо, по-моему, изменить некоторые выражения. Не следует теперь ругать *либерала вообще*. Это не тактично, *надо от плохого либерала апеллировать к хорошему*, хотя бы существование такового и было для нас сомнительно; надо говорить: будем надеяться, что теперь уже не повторятся ошибки вроде отношения Кавелина к Чернышевскому и т. п. Следует несколько раз оговорить, что те, которых вы презрительно аттестуете, собственно говоря, недостойны называться либералами, что плохи *так называемые либералы, а либерализм сам по себе может заслуживать большого уважения*. Мы ведь должны относиться к либералам, как к возможным союзникам, и тон у нас, надо сознаться, совсем не союзнический. Смягчите, голубчик...".

„...Итак, смягчайте, голубчик. *Либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка*"[1].

Но не только Плеханов был несогласен и с общим тоном статьи Ленина и с отдельными местами ее; другие члены редакции — Потресов, Засулич и в особенности Аксельрод, этот, по словам Плеханова, „самый проницательный тактик" группы „Освобождение Труда" — были против печатания статьи без смягчения многих частей ее, где оценивались роль и значение земства. В этом отношении Аксельрод сделал больше всего возражений,

---

[1] „Ленинский сборник", т. III, стр. 201—202.

которые по существу все сводились либо к тому, что формулировал Плеханов словами: „либерализм не надо гладить теперь против шерсти", либо к мелочам, на исправление которых охотно пошел Ленин.

Уступки Ленина на этот раз предотвратили конфликт в редакции „Искры". Впрочем, конфликт не разгорелся еще и потому, что в основном — в общей оценке либерализма — две главные силы редакции, Плеханов и Ленин, в то время не расходились так резко, как это вскоре же обнаружилось при обсуждении программы партии по другим важнейшим вопросам. До самого момента раскола на втором съезде партии и Плеханов и Ленин во многих статьях в „Искре" давали приблизительно один и тот же, хотя и в разной форме, анализ русского либерализма, переживавшего очень заметную эволюцию под давлением революционных событий и реакционной политики правительства.

В конце июня 1901 года произошел нелегальный съезд земцев, и в то же время появилось гектографированное „письмо к земцам" с формулировкой либеральной программы. Эта программа сводилась к требованиям: 1) пересмотра положения о земских учреждениях в смысле его демократизации (очень умеренной), 2) пересмотра и изменения положения о крестьянах в смысле полного уравнения их прав с правами прочих сословий, 3) изменения податной системы в смысле уравнения податного бремени посредством прогрессивного обложения имущих, 4) о повсеместном введении института мировых судей и отмене законов, ограничивающих компетенцию суда присяжных, 5) о введении свободы печати и 6) об отмене исключительных положений [1].

Кризис, затронувший не только рабочих и крестьян, но и помещиков, явился причиною нового большого недовольства землевладельцев, так что правительство вынуждено было принять меры, имевшие целью рассеять это недовольство путем устранения причин, вызвавших экономическое оскудение деревни. Однако, образованное с этой целью „Особое Совещание о нуждах сельско-хозяйственной промышленности" послужило только новым толчком для наступления либеральных земцев на правительство. В провинции, на совещаниях, земцы выступали с критикой мероприятий власти, а в Воронеже земский деятель (бывший народоволец) врач С. В. Мартынов провозгласил даже требование конституции. Ясно, что правительство, в лице министра внутренних дел Плеве, обрушилось на либералов, и многие из них были отстранены от должностей, а Мартынов попал в тюрьму и был выслан в Архангельскую губернию.

Аграрное движение крестьян явилось новым толчком к усилению дифференциации земских элементов: на-ряду с отходом части их направо, консолидировалась и либеральная оппозиция.

---

[1] „Искра", № 8, и Собр. соч. В. И. Ульянова-Ленина, т. IV, стр. 99—109.

В марте 1902 года в Петербурге съехались земцы (по случаю кустарной выставки), и здесь либеральная часть их выработала программу либерального органа; вскоре такое же совещание состоялось в Москве, где эта программа обсуждалась снова.

В мае снова состоялся нелегальный съезд земцев, которые и выработали программу, в общем повторяющую и несколько расширяющую требования „Письма к земцам“.

Наконец, первого июля 1902 года за границей в Штутгарте вышел первый номер журнала „Освобождение“, органа либерально-демократической оппозиции. Редактором журнала стал Струве.

Программа журнала была очень умеренна; об ее умеренности можно судить уже по тому, что главным требованием этой программы являлось дарование конституции свыше, при чем гвоздь конституции сводился к собранию представителей земств.

Дальнейшее развитие политических событий и репрессий правительства подстегнуло либеральную часть земцев и Струве и заставило их пойти дальше влево; в то же время правительству удалось оторвать от либералов часть наиболее видных земцев (Д. Шипов, М. Стахович и др.). Под давлением либеральных земских кругов, и Струве изменил свою программу: отказ от собрания представителей земств, замена его требованием конституции, всеобщего избирательного права, объединения в либеральную партию только конституционалистов и т. п. Происходит, таким образом, все бо́льшая и бо́льшая дифференциация русских земских кругов: часть из них окончательно уходит из рядов либералов и бросается уже тогда в объятия правительства, часть же образует ядро либерально-демократической оппозиции, вбирающей в себя не только недовольные элементы помещиков, но и элементы либеральной промышленной буржуазии и буржуазно-демократической интеллигенции, ядро, из которого выросла вскоре (в 1905 году) „конституционно-демократическая партия народной свободы“, всем известные кадеты.

Эта эволюция как русского либерализма вообще, так и идейного выразителя либералов, Струве, нашла себе должную оценку на страницах „Искры“.

Вопросу о либералах, о взаимоотношениях с ними революционной соц.-демократии, о соглашательстве и половинчатости либерализма, об использовании оппозиционных течений посвящено много статей в „Искре“—Плеханова, Ленина, Мартова и других. Наиболее яркие, точные и ясные из них принадлежат Ленину и Плеханову.

В оценке деятельности различных партий в России, и в том числе оппозиционных, „Искра“ исходила из того положения „Коммунистического Манифеста“, в котором говорилось, что коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений.

„При этом, — говорит Плеханов, поясняя мысль Маркса, — само собою понятно, что наше сочувствие к каждому данному общественному движению тем сильнее, чем глубже и серьезнее его революционное значение" [1].

„А что касается в частности либералов, — говорит далее Плеханов, — то мы, видя в них представителей буржуазии, относимся к ним совершенно так, как относились Маркс и Энгельс к германским либеральным буржуа конца сороковых годов прошлого века". Вслед затем Плеханов приводит всем известные слова Маркса о совместной борьбе коммунистов рядом с буржуазией, поскольку последняя революционна и борется с абсолютизмом, и вместе с тем о том, что, идя иногда рядом с буржуазией в борьбе против абсолютизма, коммунисты не забывают говорить рабочим о коренной противоположности интересов буржуазии и пролетариата.

В статье „Политическая агитация и классовая точка зрения" в № 16 „Искры" (от 1 февраля 1902 г.) Ленин, пользуясь случаем выступления М. А. Стаховича, орловского губернского предводителя дворянства, резко и ясно конкретизировал эти общие положения Маркса в применении к русской действительности.

„Что касается политической борьбы в особенности, — говорит Ленин, — то именно «классовая точка зрения» требует, чтобы пролетариат подталкивал вперед всякое демократическое движение". „Не забудем только, — продолжает он, указав на соглашательские тенденции Струве, уже тогда проводившего мысль о торговле либералов с правительством за спиной народа, — не забудем только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плече этого другого" [2]. В статье по поводу „Письма к земцам", Ленин, проводя ту мысль, что поддержка земцев нужна рабочему классу именно для ускорения победы над самодержавием, горячо рекомендует рабочим интересоваться земской оппозицией, изучать ее историю, поддерживать ее именно в интересах того, что эта поддержка, ускоряя падение абсолютизма, ускоряет и приближение конечной цели, ради которой борется пролетариат.

Но, давая такие советы рабочим, Ленин не перестает разоблачать половинчатость, соглашательство, трусость либералов и их вождя Струве.

В статье „Проект нового закона о стачках" („Искра" № 24, от 1 сентября 1902 года) он пользуется случаем, чтобы, говоря о стремлениях либеральных фабрикантов ввести в жизнь более выгодный для себя закон о стачках, разоблачить бывшего социа-

[1] „Ортодоксальное буквоедство". Собр. соч. Г. В. Плеханова, т. XII, стр. 390—391.

[2] Собр. соч., т. IV, стр. 89.

листа, а теперь лидера либералов Струве, советующего рабочим быть „сдержанными" в агитации за отмену наказаний за стачки [1].

Струве, как редактор „Освобождения" и как публицист, вообще очень хорошо отражал те изменения, какие переживала либеральная оппозиция. Поэтому на нем, на его статьях особенно хорошо было показывать сущность этих изменений. Кроме того, Струве, как бывший соц.-демократ, как ренегат соц.-демократии, кое-чему научившийся в рядах соц.-демократии, был особенно опасен, так как его соглашательские устремления не революционизировали демократическую аудиторию, а, наоборот, приучали ее к мысли, что, быть может, мыслимо добиться победы над абсолютизмом не прямой борьбой, а угрозой этой борьбы и соглашением с самодержавием.

В статье „Г. Струве, изобличенный своим сотрудником" (№ 37 „Искры" от 1 апреля 1903 г.), Ленин разоблачает редактора „Освобождения" именно за его умеренность и приспособляемость, за его готовность пойти на соглашение и на компромисс. Указав на то, что в январе 1901 года Струве держался очень умеренной программы „прав и властного земства", в декабре 1902 г. он, под давлением событий, вложил в эту программу уже требование конституции, а в феврале 1903 года заявил, что обе эти программы само собою включают требование всеобщего избирательного права; указав на это, Ленин обращает внимание рабочих на то, что именно оппортунизм и соглашательская природа русского либерализма делают из Струве каучукового акробата, готового в случае выгоды пойти и на соглашение с самодержавием. Было бы, однако, напрасно думать, что „Искра" только и занималась тем, что ловила Струве, как лидера демократической оппозиции, на слове. Разоблачая трусость, нерешительность и стремление либералов договориться с царем (Шипов, Стахович), „Искра" приветствовала и поддерживала малейшие проблески оппозиционно-демократического движения, направленного против самодержавия.

Так, когда весной 1901 года начались студенческие волнения, и Плеханов, и Ленин, и Мартов отметили это выступление демократической молодежи. Плеханов в своей статье в декабре 1901 года, в „Заре" (№ 2—3)—„Что делать дальше", приветствуя выступление студентов, с особенным удовлетворением подчеркивал „то, что к студентам очень сочувственно отнеслась рабочая масса" [2]. Ленин же в своей известной статье „Отдача в солдаты 183 студентов" („Искра", № 2, февраль 1901 года) прямо призывал рабочих помогать бунтующим студентам. „Лучшие представители наших образованных классов,—писал он,—доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правитель-

[1] Собр. соч., т. IV, стр. 143.
[2] Собр. соч. Г. В. Плеханова, т. XII, стр. 156.

ством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и итти в ряды социалистов. И тот рабочий не достоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочим—рабочий должен прийти на помощь студенту“ [1].

Это место из статьи Ленина как нельзя лучше доказывает, что „Искра“ умела, когда это было нужно и, главное, когда само движение демократии заслуживало того, различать революционные выступления демократических слоев от пустых фраз о либерализме. Не раз Ленину и другим членам редакции „Искры“ приходилось выступать в защиту революционной интеллигенции от демагогических выкриков рабочемысленцев: „долой интеллигенцию“. Так, в предисловии к брошюре „Майские дни в Харькове“ Ленин, приветствуя попытку харьковских рабочих выступить открыто на улицу в день 1 мая (в 1900 году), указывает, как на причину неудачи этого выступления, на отсутствие хорошей революционной организации рабочих и на необходимость создать такую организацию.

„Эта организация,—говорит он,—должна быть революционной организацией: она должна быть составлена из людей, вполне ясно сознавших задачи социал-демократического рабочего движения и решившихся на бесповоротную борьбу с современным политическим строем; она должна соединить в себе то социалистическое знание и тот революционный опыт, который выработали уроки многих десятилетий в русской революционной интеллигенции, с тем знанием рабочей среды и умением агитировать в массе и вести за собой, которая свойственна передовикам-рабочим. Не о проведении искусственно-сочиненной грани между интеллигентами и рабочими, не о создании «чисто рабочей организации», а именно о таком соединении должны мы заботиться прежде всего и больше всего“ [2].

Эту тенденцию „Искры“ необходимо подчеркнуть в особенности потому, что другая большая часть демократии, помимо либералов, социалисты-революционеры стремились доказать, что соц.-демократия, отвергая единоличный террор, умаляет вместе с тем и роль интеллигенции в революции. Отношение к этой части демократии, т.-е. к партии соц.-революционеров, в „Искре“ было выяснено также подробно и четко. В этом отношении необходимо было разъяснить два главных вопроса: роль крестьянства в предстоящей революции и роль революционной интеллигенции и террора. Вопрос о роли крестьянства был выяснен искровцами в связи с выработкой программы партии, а что касается террора, то „Искра“ также посвятила ему ряд обстоятельных и исчерпывающих статей. В таких статьях, как статьи

---

[1] Собр. соч., т. IV, стр. 24.

[2] „Ленинский сборник“, т. III, стр. 297.

Плеханова „Смерть Сипягина и наши агитационные задачи" или „Логика русского терроризма", в таких фельетонах, как ленинская статья „Революционный авантюризм", или в таких блестящих публицистических перлах, как мартовский „К вопросу о революционных бациллах",—раз навсегда была доказана несостоятельность единоличного террора, как средства борьбы с системой социально-политических отношений. Нет смысла повторять подробно все аргументы против целесообразности террора; достаточно будет указать, что „Искра", нисколько не умаляя таких героических деяний, как убийство Балмашевым Сипягина, подчеркивала, что только то революционное движение имеет надежды на победу, которое охватывает массы, и что такими революционными массами в наше время является прежде всего пролетариат. С этой точки зрения, рассуждения социал-революционеров или Зеленского о возбуждающем (экситативном) [1] значении террора являются плодом недомыслия или революционного авантюризма. Рассмотревши исторические корни русского терроризма, Плеханов приходит к заключению, что появление террора происходит там, где гнет правительства невыносим, но где „соотношение общественных сил еще не позволяет думать об открытом массовом восстании с оружием в руках". Доля истины в том, что единоличный террор есть возбуждающее средство, несомненно, имеется, но в подавляющем большинстве случаев эти героические акты не возбуждают революционной энергии масс, а наоборот усыпляют ее, приучая массы надеяться на какую-то вне масс стоящую силу героических личностей. Указывая на теоретическую путаницу программы соц.-революционеров, полагавших, что сила их, в отличие от соц.-демократов, в том и заключается, что они строят свою партию, опираясь на пролетариат, интеллигенцию и крестьянство, „Искра" подчеркивала, что только массовое движение пролетариата в состоянии обеспечить успех в борьбе с абсолютизмом и что мелкобуржуазная природа тех слоев, на какие опираются соц.-революционеры, может оправдать культивирование террора.

„Я прекрасно знаю,—говорит также и Мартов,—что зверства царских опричников вызывают с железной необходимостью и будут вызывать индивидуальные акты мести, но это ничего общего не имеет и иметь не может с действиями революционной партии. Это не способ борьбы, а симптом разлагающегося самодержавного строя. Борьба начинается там, где выступает революционная масса, и туда будут направлены все силы революционных бацилл" [2].

---

[1] См. например, критическую статью Плеханова по поводу 2 номера „Свободы" Зеленского. Собр. соч. Плеханова, т. XII, стр. 255—264.

[2] „К вопросу о революционных бациллах" (Размышления на бактериологическую тему). „Искра" № 25, стр. 2.

Что же выдвигала „Искра“ взамен террористических актов? Массовые революционные действия пролетариата: политические стачки, вооруженные демонстрации, организованный отпор полиции и войскам. И мы знаем, что действительная борьба пролетариата в течение 1901—1903 г.г. блестяще оправдала тактические положения соц.-демократов: массовая стачка-митинг в Ростове-на-Дону в 1902 году, всеобщая массовая политическая стачка на юге России, политические демонстрации в Нижнем, Ростове-на-Дону, Батуме, Тифлисе и во многих других городах в тысячу раз лучше воспитывали пролетариат, нежели акты террористического характера.

7. Программа партии.

Плеханов в своей статье „Ортодоксальное буквоедство“, отвечая на упрек Д. Б. Рязанова, что проект программы, опубликованный в 21 номере „Искры“, неудовлетворителен потому, что он сильно расходится со старым проектом группы „Освобождение Труда“, заявлял, что новый проект был не навязан редакции „Искры“ змием-искусителем Лениным и что проект программы, напечатанный в „Искре“, „есть именно не что иное, как старый проект группы «Освобождение Труда», вновь изданный с соответствующими изменениями“ [1].

Опубликованные ныне документы, рисующие процесс выработки программы, с несомненностью доказывают, что прав был Плеханов и что проект программы, выработанный редакцией „Искры“, это был проект Плеханова. По крайней мере, о теоретической части программы это можно сказать безусловно: как видно из материалов, опубликованных во втором томе „Ленинского сборника“, теоретическая часть программы, несмотря на протесты Ленина, была принята в формулировках Плеханова при поддержке остальных членов группы „Освобождение Труда“ [2].

Однако, было бы ошибочным сказать, что Ленин и его идеи не имели значения при выработке программы партии; как раз наоборот, никто из членов редакции не был так хорошо подготовлен к подобной работе, как Ленин. Еще работая в „С.-Петербургском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса“, Ленин составил проект программы, который, правда, был известен только небольшому кругу товарищей; в следующем году, уже находясь в тюрьме, Ленин написал объяснение к этому проекту, а в 1899 году он в статье „Наша программа“, предназначавшейся для нелегального органа в России, именно для погибшей под

---

[1] Собр. соч. Г. В. Плеханова, т. XII, стр. 373, и „Материалы для выработки партийной программы“. Вып. II. Н. Рязанов „Проект программы «Искры» и задачи русских соц.-демократов“, изд. гр. „Борьба“, Женева, 1903 г.

[2] См. „Ленинский сборник“, т. II.

ударами правительства „Рабочей Газеты", снова развил основные положения, которые должны были лечь как фундамент в будущую программу партии, и, наконец, в 1900 году, накануне отъезда за границу, Ленин написал большую статью под названием „Проект программы нашей партии".

Обращаясь ко всем этим работам Ленина, мы замечаем две главные черты, проникающие все проекты: принятие Лениным за исходную точку программы группы „Освобождение Труда" и внесение в нее тех новых начал и изменений, которые вызывались изменившимися социально-экономическими условиями развития России. В проекте программы 1900 г. Ленин, говоря о проекте группы „Освобождение Труда", полагает, что, „несмотря на то, что он издан почти 15 лет тому назад, он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной соц.-демократической теории" [1].

Далее он перечисляет те элементы проекта группы „Освобождение Труда", которые, по его мнению, правильно формулированы, не устарели и должны остаться и в новой программе: класс, борющийся за социализм, цель борьбы этого класса, предварительное условие, необходимое для достижения этой цели, — захват рабочим классом политической власти, особенность России — капитализм и остатки феодального строя, связь русского революционного движения с возникновением и ростом пролетариата, необходимость образования рабочей партии, задача этой партии — низвержение абсолютизма и средства борьбы и требования партии.

Все эти основные положения проекта группы „Освобождение Труда", по мнению Ленина, необходимы и в новой программе, так как они подтверждены и теорией и практикой как западноевропейского, так и русского рабочего движения.

„В виду этого, — говорит он, — русские социал-демократы могут и должны, по нашему мнению, положить в основу программы русской с.-д. рабочей партии проект группы „Освобождение Труда", нуждающийся лишь в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях" [2].

Какие же изменения, дополнения и исправления необходимы по мнению Ленина? Прежде всего нужно учесть те изменения в жизни страны, какие произошли с 1885 г., т.-е. с момента, когда писался проект группы „Освобождение Труда": тогда программу вырабатывала горсть заграничных революционеров соц.-демократов, тогда почти не было массового рабочего движения, а теперь имеются уже элементы целой рабочей партии, „основанной целым рядом русских соц.-дем. организаций".

---

[1] Собр. соч., т. I, стр. 379.
[2] Ibid., стр. 380.

Поэтому, думает Ленин, „характеристику основных черт современного экономического строя России и его развития следовало бы поставить во главу программы“ (см. в программе группы „Освобождение Труда“: „Капитализм в России сделал громадные успехи со времени отмены крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству“ ...) и вслед за тем очертить основную тенденцию капитализма: раскол народа на буржуазию и пролетариат, „рост нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации“ [1].

Этой характеристикой Ленин начинает и свой первый проект программы 1896 г. Там в разделе А, в пунктах первом, втором и третьем, как раз и говорится о росте российского капитализма и рабочего класса, а в пунктах четвертом, пятом и шестом— о борьбе рабочих с капиталистами, о главном препятствии, стоящем перед русским рабочим классом, и о вытекающей отсюда задаче—низвержении самодержавия [2].

И в объяснении к этому первому своему проекту Ленин дает подробную мотивировку, почему нужно начинать именно так нашу программу, говоря о переменах, происшедших в России после освобождения крестьян — ломке натурального хозяйства в деревне, притоке избыточного населения в города, вытеснении мелкого домашнего ремесла фабрикой и т. п.

Но, указывая в своей характеристике (в обоих проектах 1896 г. и больше всего в проекте 1900 г.) особенности хозяйственного развития России за последние 40 лет XIX века, Ленин с особенным ударением подчеркивает, что эти особенности нисколько не влияют и не только не требуют изменения принципиальных основ программы, а, как раз наоборот, подтверждают правильность этих положений и являются лишним аргументом против „критики“ Бернштейна. В качестве примера Ленин берет аргументы Бернштейна против „теории обнищания“ и показывает, что и факты хозяйственного развития являются блестящим доказательством справедливости именно этой теории. Пользуясь случаем, Ленин указывает, что изменения, которые необходимо внести в проект программы группы „Освобождение Труда“, должны сближать нашу программу с Эрфуртской программой германской соц.-демократии, но что это сближение ни в каком случае не должно затушевать тех особенностей, какие, сообразно социально-экономическим особенностям развития России, должны быть внесены в русскую программу.

Давши вслед за характеристикой „роста нищеты“ характеристику классовой борьбы пролетариата, составитель программы, по мнению Ленина, должен указать на конечную цель этой борьбы и затем подчеркнуть политический характер и ближайшую ее цель (завоевание политической свободы). „Признание борьбы

---

[1] Собр. соч., т. I, стр. 380.
[2] Ibid., стр. 410—411.

против самодержавия за политические свободы,—говорит Ленин,—первой политической задачей рабочей партии особенно необходимо, но для пояснения этой задачи следует, по нашему мнению, охарактеризовать классовый характер современного русского абсолютизма и необходимость низвержения его не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития.

„Такое указание необходимо и в теоретическом отношении,—ибо, с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения,—и в практическом отношении, чтобы охарактеризовать центральный пункт, к которому должна сводиться и около которого должна группироваться вся разнообразная деятельность соц.-демокртии, состоящая в пропаганде, агитации и организации“ [1].

Указав затем на необходимость посвятить особый абзац принципиальной части программы—вопросу о поддержке соц.-демократией всякого оппозиционно-демократического движения против самодержавия, Ленин переходит к практической части программы. Он указывает, какие пункты проекта программы группы „Освобождение Труда“ должны отпасть: указания на форму крестьянского землевладения, указания на причины неустойчивости интеллигенции, требование прямого народного законодательства и пункт о средствах политической борьбы, в том числе и о терроре (Ленин высказывается также за устранение из программы пункта о прямом народном законодательстве и о государственной помощи производительным ассоциациям). Указывая, что этот последний вопрос (вопрос о терроре) есть вопрос тактики, Ленин говорит, что вопросам тактики в принципиальной части программы нет места и что партия вопросам тактики посвятит достаточно и времени и места и на своих съездах и в текущей печати.

Перечисляя затем основные требования программы-минимум, Ленин с особенным вниманием останавливается на крестьянском вопросе. Он говорит, что отличие крестьянского вопроса в России и на Западе сводится к тому, что в то время, как на Западе речь идет о крестьянине в капиталистическом буржуазном обществе, у нас—о крестьянине, который страдает от пережитков и остатков докапиталистического строя, и что у нас стоит вопрос, не сбиваясь на поддержку или охрану мелкой собственности, о поддержке крестьянства, не как класса мелких собственников, „поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества, крепостничества вообще и абсолютизма в частности“. Предварительно надлежит разрешить, по мнению Ленина, два вопроса: „1) как выработать именно такие

[1] Собр. соч., т. I, стр. 382.

требования, которые бы не сбивались на поддержку мелких хозяйчиков в капиталистическом обществе, и 2) способно ли хоть отчасти наше крестьянство на революционную борьбу с остатками крепостничества и абсолютизмом?"

Разрешая второй из этих вопросов положительно, Ленин говорит, что „рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, пройти мимо тех революционных элементов, которые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам" [1].

По второму вопросу, считая формулу, данную группой „Освобождение Труда" („радикальный пересмотр аграрных отношений"), неотчетливой и недостаточной, Ленин предлагает такое решение:

„Поддерживая всякое революционное движение против современного государственного и общественного строя, русская соц.-демократическая рабочая партия объявляет, что она будет поддерживать крестьянство, поскольку оно способно на революционную борьбу против самодержавия, как класс, наиболее страдающий от бесправия русского народа и от остатков крепостного права в русском обществе.

„Исходя из этого принципа, Русская Соц.-Дем. Рабочая Партия требует:

„1) Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

„2) Возвращения народу тех денег, которые награбили с крестьян правительство и помещики в виде выкупных платежей.

„3) Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянство в распоряжении его землей.

„4) Уничтожения всех остатков крепостной зависимости крестьян от помещиков, проистекают ли эти остатки от особых законов и учреждений (например, положение крестьян и рабочих в горнозаводских округах Урала), или от того, что крестьянские и помещичьи земли все еще не размежеваны (например, остатки сервитутов в Западном крае), или от того, что отрезки крестьянской земли помещикам ставят крестьян фактически в безвыходное положение прежних барщинных крестьян.

„5) Предоставления крестьянам права требовать по суду понижения непомерно высокой арендной платы и преследовать за ростовщичество помещиков и вообще всех лиц, которые, пользуясь нуждой крестьян, заключают с ними кабальные сделки" [2].

В высшей степени важно отметить то обстоятельство, что уже в 1896 г., в первом своем проекте, Ленин формулирует пункт

[1] Собр. соч., т. I, стр. 389.
[2] Ibid., стр. 390.

об отрезках (второй пункт раздела: „возвращение крестьянам отрезанных от них в 1861 г. земель").

Эта мысль, как и мысль о национализации земли, занимает его и раньше, и еще в работе, написанной в 1894 году—„Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов" Ленин, полемизируя с народниками, говорит по этому вопросу так: „...Я уже много останавливался выше на доказательстве буржуазного характера воплей о нем. Несомненно, однако, что, например, крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (отхватыванием крестьянской земли) и косвенно (искусным отмежеванием наделов). И социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения — этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли, не заключает в себе ничего социалистического, потому что складывающиеся уже у нас фермерские отношения только быстрее и пышнее расцвели бы при этом, но он крайне важен в демократическом смысле, как единственная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков" [1].

Это обстоятельство необходимо подчеркнуть особенно потому, что при выработке программы партии впоследствии в редакции „Искры" расхождение между Плехановым и Лениным произошло, между прочим, и по вопросу о национализации земли.

Предлагая перечисленные выше меры в области аграрных отношений, Ленин исходил из двух основных положений: 1) уничтожение всех докапиталистических, крепостнических учреждений и отношений в деревне и 2) сообщение классовой борьбе в деревне более открытого и сознательного характера.

А раз выполнение всех требований аграрной программы способствует уничтожению остатков феодальных отношений и развитию классовой борьбы в деревне, то опасаться, что эти меры будут способствовать укреплению мелкой собственности, никак нельзя.

Указав далее на то, что сама действительность требует введения в нашу программу аграрной части (связь рабочего класса с крестьянством), Ленин перечисляет составные части программы, как они ему рисуются: „1) указание на основной характер экономического развития России; 2) указание на неизбежный результат капитализма—рост нищеты и рост возмущения рабочих; 3) указание на классовую борьбу пролетариата, как на основу нашего движения; 4) указание на конечные цели с.-д. раб. движения — на его стремление завоевать для осуществления этих

[1] Собр. соч., т. I, стр. 200—201.

целей политическую власть—на международный характер движения; 5) указание на необходимый политический характер борьбы; 6) указание на то, что русский абсолютизм, обусловливая бесправие и угнетение народа и покровительствуя эксплуататорам, является главной помехой рабочего движения и потому завоевание политической свободы, необходимое и в интересах всего общественного развития, составляет ближайшую политическую задачу партии; 7) указание на то, что партия будет поддерживать все партии и слои населения, борющиеся против абсолютизма, будет вести войну против демагогических происков нашего правительства; 8) перечисление основных демократических требований, затем (9) требований в пользу рабочего класса и (10) требований в пользу крестьян с объяснением общего характера этих требований"[1].

Такой же конкретностью дышит и проект программы, написанный Лениным еще в 1896 году.

Таким образом, когда Ленин приехал за границу, у него уже имелись определенные взгляды на то, как нужно сформулировать программу нашей партии; взгляды эти были известны группе „Освобождение Труда"; по крайней мере, в письме Аксельрода от 12 июля 1901 г. есть напоминание о „наброске" программы, и есть все основания предполагать, что здесь идет речь не о чем другом, как о проекте Ленина 1896 г.[2].

Как только „Искра" стала на твердую почву, так сейчас же в редакции поднялись разговоры о практическом разрешении вопроса о выработке проекта программы. С формальной стороны история этой выработки такова.

Проект программы был написан в конце 1901 г. Г. В. Плехановым. Обсуждение этого проекта состоялось на заседаниях редакции в Мюнхене в январе 1902 г. (Потресов отсутствовал по болезни).

Проект встретил возражения со стороны Ленина и Мартова, которые находили его слишком абстрактным и слишком много внимания уделяющим полемике с Бернштейном. Аксельрод отчасти разделял эти взгляды. Плеханов уклонился от голосования проекта по пунктам и уехал из Мюнхена. Тогда Ленин написал свой новый проект программы, против которого очень резко выступил Плеханов, при чем он категорически высказывался за отклонение этого проекта. „Выйдет что-то вроде нового раскола, — писал он в письме Аксельроду от 12 марта 1902 г. — В предупреждение его лучше воспрепятствовать принятию". Вместе с тем, Плеханов видоизменил свой первый проект и написал критику на проект Ленина, который, в свою очередь, дал критические замечания на этот второй видоизмененный проект Плеханова. Эти проекты и критические замечания на них всех членов редакции были разосланы всем ее членам, и в то же время

---

[1] Собр. соч., т. I, стр. 397.
[2] См. „Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова", Берлин, 1924 г., стр. 43—44.

В. И. Засулич, стоявшей, в главном, на стороне Плеханова, был выдвинут проект соглашения двух набросков программы.

Аксельрод тоже, в конце концов, примкнул к Плеханову, и, таким образом, Ленина поддерживал отчасти Мартов, а против него были Плеханов, Аксельрод и Засулич. Засулич предлагала комиссию соглашения в составе Мартова, Засулич и Дана (в случае отъезда последнего — Дейча). Плеханов выдвинул другой план соглашения: обсуждение и голосование проектов членами „Лиги“. Против этого восстали Аксельрод и Ленин, который, однако, не возражал против обсуждения спорных вопросов. В середине апреля 1902 г. состоялось совещание в Цюрихе (были Аксельрод, Засулич, Мартов и Плеханов), где после продолжительных прений за основу был взят второй измененный проект Плеханова, из которого и получился всем известный проект, опубликованный в 21 номере „Искры“.

Еще бóльшие разногласия возбудила статья Ленина „Аграрная программа русской соц.-демократии“ (напечатана в № 4 „Зари“).

Против многих мест этой статьи выступил Аксельрод и в особенности Плеханов. Резкий, полемический тон замечаний Плеханова создал такую напряженную атмосферу и холодность в отношениях Ленина и Плеханова, что снова в редакции „Искры“ возникли мысли о расколе. Но инцидент и на этот раз был исчерпан под влиянием примирительных шагов Мартова и Засулич, а также Аксельрода, заставивших Плеханова написать примирительное письмо Ленину.

Такова формальная сторона вопроса; в чем же, однако, сущность той страстной полемики, которая возникла между Лениным, с одной стороны, и группой „Освобождение Труда“ — с другой? Обращаясь к проектам программы Плеханова и Ленина, приходится сказать, что разница обоих проектов заключается, как справедливо замечает т. Каменев, в том, что проект Ленина „отличается от проекта Плеханова, во-первых, большей категоричностью и жесткостью характеристики основных тенденций капитализма и социальной механики подготовки пролетарской революции и, во-вторых, бóльшим вниманием к специфически русским условиям развития капитализма и пролетарской борьбы“ [1].

Главным же центральным пунктом разногласий являлся вопрос о взаимоотношениях пролетариата и мелких производителей, т.-е. крестьянства. Сам Ленин так резюмирует свои замечания на второй, уже измененный проект Плеханова:

„1) крайняя абстрактность многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций;

„2) отстранение и затемнение вопроса о специально русском капитализме — особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против

[1] „Ленинский сборник“, т. II, стр. 12.

русского капитализма; мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым объявлением войны именно русскому капитализму;

„3) совершенно одностороннее и неправильное изображение отношения пролетариата к мелким производителям, отнимающее у нас базис войны и с «критиками» и с многими другими;

„4) стремление постоянно дать в программе объяснение процесса.

„Объяснения дать все равно не удается, а изложение становится растянутым, встречается масса повторений, программа постоянно сбивается на комментарий".

Что касается первого и второго пункта этих замечаний, то ясно, как Ленин повторил здесь то, что он уже раньше выразил в своих проектах программы 1895 и 1900 годов. Действительно, сравнивая оба этих проекта с проектом, написанным уже в эпоху „Искры", видим, как во всех этих трех набросках дана характеристика не вообще капитализма, а русского капитализма, анализ классовых отношений не вообще, а России, в то время как в проектах Плеханова, действительно, формулировка страдает очень большой абстрактностью.

Точно так же справедливо и другое замечание Ленина о том, что Плеханов стремится дать комментарий, а не программу партии [1].

Но, ограничиваясь только-что сказанным об этих пунктах разногласий, остановимся на главном разногласии, на вопросе о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства.

В Плехановском проекте этот вопрос был сформулирован так:

„11. Международная социал-демократия стоит во главе освободительного движения трудящейся и эксплуатируемой массы. Она организует ее боевые силы, разоблачает перед ней непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ее историческое значение и необходимые условия той социальной революции, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплуатации.

„12. Конечная цель всех усилий международной социал-демократии состоит в устранении капиталистических отношений производства, т.-е. в экспроприации эксплуататоров для передачи средств производства и обращения продуктов в общественную собственность и в планомерной организации общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как целого общества, так и отдельных его членов" [2].

---

[1] „Ленинский сборник", т. II, стр. 86.
[2] Ibid., стр. 43.

Параграф же десятый, против которого особенно возражал Ленин, формулирован Плехановым так: „Но по мере того, как растут и развертываются эти противоречия, свойственные капиталистическому способу производства, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, обостряется ее борьба—и, прежде всего, борьба ее передового представителя - пролетариата — с защитниками этого порядка, а в то же время самым процессом усовершенствования техники, все более и более объединяющим труд рабочих в крупных предприятиях, все быстрее и быстрее создается материальная возможность устранения капиталистических производственных отношений и замена их социалистическими" [1].

По поводу этих положений Ленин прямо говорит, что они противоречат „Коммунистическому Манифесту" Маркса и Энгельса, статутам Интернационала и программам социал-демократических партий. Почему же утверждал это Ленин? Указав на то, что в проекте Плеханова отождествлено недовольство пролетариата и мелкой буржуазии, которая хочет отстоять свое существование как мелкого собственника, что мелкий собственник борется с пролетариатом и что передовым представителем мелкой буржуазии пролетариат не является, что международная социал-демократия стоит во главе только рабочего класса и что она организует только боевые силы пролетариата, Ленин далее заявляет: „Проект говорит в положительной форме о революционности мелкой буржуазии (если она «поддерживает» пролетариат, разве это не значит, что она революционна?) и ни слова не говорит о ее консервативности (и даже реакционности). Это совершенно односторонне и неправильно. В положительной форме мы можем (и обязаны) указать на консервативность мелкой буржуазии. И лишь в условной форме мы должны указать на ее революционность. Только такая формулировка будет в точности соответствовать всему духу учения Маркса".

Ставя так вопрос о консервативности мелкой буржуазии, Ленин разошелся с Плехановым и в вопросе о том, когда и при каких условиях и насколько эта мелкая буржуазия, именно крестьянство, революционна. Вопрос о роли крестьянства в революции уже тогда, при выработке программы, разделил Ленина и всю остальную часть редакции „Искры". Это расхождение обнаружилось при обсуждении статьи Ленина „Аграрная программа русской соц.-демократии". Плеханов, кроме других замечаний по поводу этой статьи, сделал главное, основное замечание по вопросу о национализации. Ленин признавал и тогда, что лозунг национализации земли при известных условиях может быть революционным лозунгом для крестьянства в эпоху буржуазной

---

[1] „Ленинский сб.", т. II, стр. 59—60.

революции. „Другое дело, — говорит он, — национализация земли. Это требование (если понимать его в буржуазном, а не социалистическом смысле) действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование. В известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его выдвинуть".

Если сравнить это место статьи Ленина с тем местом статьи Плеханова „Проект программы соц.-демокр. рабочей партии" („Заря" № 4), где Плеханов говорит о национализации, то, кажется, никаких разногласий между ними нет. В самом деле, вот что говорится у Плеханова: „Правда и то, что в революционную эпоху экспроприация крупных землевладельцев может явиться у нас необходимым условием социально-политической победы революционной партии. Но это — вопрос совсем другой. Его постановка и его решение будут обусловливаться соотношением общестенных сил в такую эпоху. Говорить о нем теперь преждевременно, хотя теперь же следует заметить, что при известных обстоятельствах его необходимо будет поставить". И тот и другой, и Плеханов и Ленин, признают, что „при известных обстоятельствах" (Плеханов), „в известный момент" (Ленин), „его необходимо поставить" (Плеханов), „мы его не откажемся, разумеется, выдвинуть" (Ленин), и разногласий как будто бы нет; но дело в том, что, внося свои поправки к этому месту статьи Ленина, и Плеханова в особенности, все остальные члены редакции особенно подчеркивали реакционность этой меры в эпоху буржуазной революции вообще, что вообще Ленин отрицал, полагая, что и в эпоху буржуазной революции эта мера может быть революционной, поднимая крестьянство против помещиков и заставляя, таким образом, его итти за пролетариатом, выдвигающим это требование. Мартов прямо писал в своей поправке, что социал-демократия считает это требование национализации „как непосредственный пролог к социализации всех средств производства"; Засулич, поддерживая Мартова, говорила, что „национализации лучше бы не трогать", а Плеханов прямо выразился так: „...В полицейском государстве национализация земли вредна, а в конституционном она войдет как часть в требование национализации всех средств производства".

Таким образом, действительно, Ленин и другие члены редакции, принимая и предложенное Лениным возвращение крестьянам отрезков и другие пункты аграрной программы, расходились по коренному, основному, важнейшему вопросу русской революции — роли в ней крестьянства; Ленин уже тогда понимал, что единственным союзником в борьбе пролетариата с самодержавием является крестьянство, несмотря на его консервативность, а Плеханов и за ним вся остальная часть редакции „Искры", затушевывавшая консервативность мелкой буржуазии и даже считавшая, что она идет вместе с пролетариатом и что пролетариат орга-

низует ее боевые силы, на деле—в вопросе о национализации—отбрасывали от пролетариата именно революционное крестьянство.

Из только-что сказанного видно, насколько был неправ Д. Б. Рязанов в своей критике, обрушившись именно на Ленина, как на „змия-искусителя“, по вине которого редакция „Искры“ не выдвинула в своей программе требования „экспроприации крупных землевладельцев и перехода их земли в собственность государства“ [1], что̀ выдвигала группа „Борьба“ в своем проекте аграрной программы [2]. Стоит только сравнить программу партии, принятую на втором съезде, с проектами Плеханова и Ленина, чтобы убедиться в том, что именно проект Плеханова лег в основу программы нашей партии.

Что касается аграрной части программы, то в основу ее легли положения, выработанные Лениным, и в том числе требование возвращения земель, отрезанных у крестьян при освобождении. Не только соц.-революционеры, но и соц.-демократы возражали против этой программы, выдвинутой „Искрой“. Но в то же время, как некоторые соц.-демократы (Рязанов, Стеклов) и социалисты-революционеры возражали против нее, указывая на ее недостаточность (соц.-революционеры выдвигали социализацию земли), часть социал-демократов возражала даже против *такой* программы, и Ленину приходилось убеждать в ее необходимости прежде всего своих же товарищей по партии. А между тем жизнь скоро заставила убедиться в том, что прав был Ленин, указывавший в своей статье на необходимость еще в эпоху буржуазной революции выдвинуть требование национализации земли: вспыхнувшие крестьянские волнения показали всем, что требование возвращения отрезков уже не удовлетворяет восстающее стихийно крестьянство. В 1906 г. Ленин в предисловии к сборнику своих работ „За 12 лет“ писал: „События, несомненно, доказали, что наша тогдашняя программа (возвращение отрезков) была непомерно узка и *не дооценивала* силы революционно-демократического крестьянского движения... Здесь же важно подчеркнуть, *что и эта непомерно узкая* аграрная программа казалась *слишком широкой* правому крылу с.-д. партии в то время. Мартынов и другие экономисты боролись против нее за то, что она идет будто бы слишком далеко“ [3].

Как бы то ни было, уже в 1902 году программа нашей партии была выработана. Опубликованная в 21 номере „Искры“, она разошлась по всей России и со страстностью обсуждалась

---

[1] См. „Материалы“. Вып. II, стр. 283—298.

[2] Там же, вып. III, пункт первый программы, выдвинутой Стекловым, а также Г. А. Куклин. „Итоги революционного движения за сорок лет“ (1862 — 1902 г.г.). Женева, 1903 г., стр. 161—166; здесь же проект программы организации В. Поссе, стр. 69.

[3] „За 12 лет“, стр. X.

в наших организациях вплоть до второго съезда, когда с небольшими изменениями она была окончательно принята, как официальная программа РС-ДРП.

Литература к седьмой главе:

1. *Парвус*. „Оппортунизм на практике“. „Заря“. № 4, стр. 1—82 второго отдела.
2. *В. И. Ленин*. „Что делать?“ Собр. соч., т. V.
3. *Г. В. Плеханов*. „Критика наших критиков“. Соч. под ред. Д. Рязанова, том XI.
4. „Ленинские сборники“, I, II и III.
5. Собр. соч. *В. И. Ленина*, т.т. I и IV.
6. „Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова“. Берлин. 1923 г.
7. „Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода“. М. 1925 г., т. I.
8. *В. И. Ленин*. Собр. соч., т. IX.
9. *Г. В. Плеханов*. Соч., т. XII.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Период старой „Искры" (1900—1903 г.г.).

II. ЛОНДОНСКИЙ ПЕРИОД „ИСКРЫ" (1902—1903 г.г.).

1. Организационные планы „Искры".

Кроме той большой теоретической работы „Искры", о которой говорилось выше,—теоретической борьбы с ревизионизмом и его русским выражением „экономизмом", борьбы с мелкобуржуазной идеологией в лице социалистов революционеров и борьбы с растлевающим влиянием либеральной оппозиции, в особенности в лице П. Струве, — „Искра" проделала большую практическую работу в деле организационного строительства партии, выдвинув и осуществив план создания партии вокруг „общерусской газеты", как центра, и создав кадр „профессиональных революционеров".

Эти вопросы Ленин поставил еще до выезда за границу в статьях, предназначавшихся для „Рабочей Газеты", третий номер которой так и не увидел света: „Наша программа", „Наша ближайшая задача" и „Насущный вопрос". Но наиболее полно и всесторонне эти вопросы были поставлены и разрешены в замечательнейшей из работ Ленина: „Что делать?".

Многие думают, что разногласия по организационному вопросу не имеют никакой связи с разногласиями в политических вопросах. Это заблуждение рассеивается тотчас же, как только мы коснемся организационных разногласий между искровцами и экономистами. „Кустарничество", т.-е. раздробленность, оторванность наших организаций друг от друга, узкий размах всей работы и оправдание этой узости—все это теснейшим образом было связано с экономизмом, преклонявшимся перед стихийным движением масс. На этой почве и выросли те организационные взгляды, которые характеризуют экономизм. Если рабочим полагается вести только трэд-юнионистскую политику, то зачем им тогда создавать политическую организацию революционеров?--рассуждали одни. Если даже настало время перейти к политической

борьбе, то зачем создавать политическую организацию революционеров? масса сама в своем движении выдвинет и формы организации и вождей,—рассуждали другие. Отсюда и вытекали те планы организации всякого рода касс, которые характеризуют эпоху „экономического" кустарничества. По плану „Рабочей Мысли" и „Петербургского Союза борьбы" конца 90-х и начала 900-х годов, организация должна была строиться так: на каждом заводе или фабрике все организованные рабочие должны были входить в заводскую кассу (все кружки данной фабрики выбирали в „центральную группу"), эти кассы сливались в одну районную кассу (точно так же центральные кружки фабрик выбирали в район), а кассы районов составляли общегородскую организацию—„Комитет рабочей организации" и „Комитет Спб. Союза борьбы". Все должностные лица (кассиры, библиотекари, секретари и т. п.) выбирались на общих собраниях точно так же, как районный и общегородской комитет. При этом типе организации проводилось естественно различие между рабочими и интеллигентами, и этим объясняется существование двух центров: рабочего комитета и комитета интеллигентов [1]. Создалась очень сложная сеть групп: пропагандистов, издательско-редакционной, кассовой, для сношения с заграницей и т. д. Организация скорее напоминала какой-нибудь трэд-юнион, организацию профессионального типа, широкую организацию, ставящую своей задачей борьбу за улучшение экономического положения своих членов.

Не говоря уже о том, что каждая категория рабочих, каждый город накладывали свой отпечаток на такую организацию, эта широта, это выборное начало, этот массовый характер делали весьма легким доступ в такую организацию агентам правительства.

Ясно, что такая организация не могла быть политической, революционной организацией рабочего класса. Различие между двумя типами организации, трэд-юнионистской профессиональной и политической, Ленин в „Что делать?" формулировал так: „Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть более широкой; в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной (я говорю, разумеется, здесь и ниже, имея в виду только самодержавную Россию). Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации *революционеров*, имея в виду революционеров социал-демократов). Пред этим общим признаком членов такой организации *должно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов*, не говоря уже о различии отдель-

[1] См. „Листок Раб.", № 9—10; стр. 46, „Раб. Мысль", № 1, и отд. изд. „Устав союзной кассы", а также „Что делать?" Собр. соч., т. V, стр. 214.

ных профессий тех и других? Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной“ [1].

Действительность, тяжелая действительность полицейского государства каждый день доказывала непригодность организации „экономистов“: провалы и разгромы, не оставлявшие часто никакой преемственности в организациях, к концу 90-х годов стали обычным явлением среди социал-демократов; в марте 1898 г. правительству удалось нанести соц.-демократам настолько тяжелый урон, что попытка на первом съезде в Минске создать единую партийную организацию осталась неосуществленной.

Все это заставляло подумать о коренной ломке наших организационных принципов и дать план иной—политической, конспиративной, централизованной организации профессиональных революционеров соц.-демократов.

Наша революционная практика во времена „Земли и Воли“ и в особенности в эпоху „Народной Воли“ выработала тип политической организации революционеров-профессионалов; это был тип сильно централизованной конспиративной организации небольшой кучки хорошо знавших друг друга революционеров. Теперь надлежало учесть при создании революционной организации наличие массового рабочего движения, не сбиваясь на организацию профессионального типа, широкую массовую организацию, куда конечно, нельзя было закрывать доступа широкой беспартийной рабочей массе.

План, предложенный Лениным, прекрасно учитывал и долголетний опыт народников и народовольцев, и новый опыт широкого массового рабочего движения, и необыкновенную конспиративную выучку революционеров-одиночек, и широту движения масс, и необходимость самой детальной специализации, и потребность времени связаться с широкими рабочими массами, и необходимость все подчинить единой организационной воле, и самую широкую свободу составных частей,—словом, это был план, исторически выросший из той долголетней революционной борьбы, в течение которой постепенно рядом с революционерами одиночками, рядом с небольшими революционными группами вырастало движение масс фабрично-заводского пролетариата. Гениальность Ленина в том и заключалась, что он сумел найти тот путь, идя по которому можно было дать синтез двух как будто бы непримиримых организационных струй.

План его организации сводился к следующему: „1) ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; 2) чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее не-

[1] Собр. соч., т. V, „Что делать?“, стр. 210.

обходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); 3) такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) в самодержавной стране, чем более мы сузим состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию, и 5) тем шире будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем“ [1].

Такой план давал, таким образом, возможность создать действительно конспиративную и боевую организацию революционеров и нисколько не противоречил привлечению в организацию широких масс. В самом деле, конспирация обеспечивала оранизацию от разгромов полиции: в организацию шли испытанные, беззаветно преданные рабочему делу люди, сохранялись связи и преемственность организации; достигалась специализация функций,— одни работали в технике в самых конспиративных условиях, другие заведывали связями, третьи занимались пропагандой и т. п. Те члены организации, которых нельзя было поставить на работу среди рабочих масс, работали в обществе; очень большая часть работы совсем отходила от революционеров-профессионалов: сбор денег, устройство вечеров, хранение литературы, доставание адресов для конспиративной переписки и т. п.—все это революционерами-профессионалами поручалось людям сочувствующим, но в организации не участвующим; часть молодых товарищей приучалась к работе в легальных учреждениях—воскресных школах, курсах, кассах взаимопомощи и т. п.; получалась возможность очень большую часть работы переложить на так называемые löse-организации, свободные, широкие организации полулегального и легального характера (например, устройство легальных библиотек, воскресных школ и т. п., где профессионалы-революционеры завязывали связи, находили новых членов организации и т. п.); получилась возможность использовать так называемые „легальные возможности“; явилась также возможность из самой рабочей массы создавать революционеров-профессионалов; „рабочий революционер,—говорит Ленин,—для полной подготовки к своему делу тоже должен становиться профессиональным революционером“; исчезало таким образом то вредное деление на интеллигентов и рабочих, которое рождало склоку и рознь в единой семье борцов; кроме того, и это самое главное, создавались условия, помогающие построить и укрепить единый командующий, организующий центр, хорошо законспирированный, неуловимый,

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. V. „Что делать?“, стр. 220.

связанный со всеми местными организациями, при чем этот центр не давил инициативы местных организаций, где каждый член, подчиняясь железной дисциплине центра, **имел право** и **мог** доводить любое свое мнение до этого центра и был полноправным, активным членом своей ячейки—не слепо голосующей скотиной, а свободно, добровольно участвующим в организации товарищем; таким образом закладывались основы того, что известно теперь под именем „демократического централизма", т.-е. такой тип революционной организации, где при максимальной свободе внутри каждой организации всех ее членов существует единая воля единого центра, добровольно признаваемого всеми с самым строгим выполнением его директив. Это же последнее обстоятельство давало возможность поставить общерусскую работу, подчинив ее общим интересам и ограничив узкий патриотизм и провинциализм отдельных групп, группочек и лиц.

Каким же путем предлагал Ленин образовать такой центр, если в России царил хаос и кустарничество, а о создании кадра профессиональных революционеров приходилось только думать?

План общерусской политической социал - демократической газеты был выдвинут Лениным, и „Искра" была воплощением этого плана. Теперь было бы странно распространяться о необходимости для партии иметь центральный орган, а тогда приходилось доказывать и убеждать в этом даже высоко сознательных товарищей. Это станет понятным, если вспомнить, что попытка киевлян издавать общероссийский партийный орган („Рабочую Газету") кончилась крахом, так как одной провинциальной организации—без сотрудников и без средств—это было не под силу: первый же удар полиции разрушил вместе с организацией и газету. А между тем потребность в печатном органе ощущалась каждой мало-мальски большой рабочей организацией, и попытки поставить свой орган делались неоднократно и не одной организацией; кроме „Рабочей Мысли" и „Рабочей Газеты" существовала недолго газета в Николаеве „Наше Дело", затем возникла в Киеве газета „Вперед", потом была создана южными организациями газета „Южный Рабочий" и группой „Рабочее Знамя"—газета того же имени и некоторые другие. Но все эти попытки, за исключением „Южного Рабочего", либо носили эфемерный характер,—жандармы уничтожали вместе с организацией и ее газету, как, например, „Наше Дело" Троцкого,—или в лучшем случае, если газета спасалась от погрома, выход ее затруднялся, она выпускалась нерегулярно и, не будучи общерусской, обслуживала и освещала только интересы рабочих и движения данной небольшой местности или района России: отсутствие связей, денег и—главное—идейных, литературных сил накладывало на нее печать ограниченности и провинциализма. Для того, чтобы стать общерусским политическим центром, нужны были первоклассные силы и средства.

Вопрос об организации партии вокруг общерусской газеты был поставлен Лениным еще до отъезда за границу в статьях,

предназначавшихся для третьего номера „Рабочей Газеты“ — „Наша ближайшая задача“ и „Насущный вопрос“. Сказав о том, что теоретическое обоснование программы партии уже в общих чертах сделано, Ленин в первой из этих статей говорит, что теперь нужно практически приступить к делу создания партии. „Дело идет теперь о практическом решении этих вопросов. Такое решение не может быть дано отдельным лицом или отдельной группой — его может дать только организованная деятельность всей социал-демократии. Мы думаем, что в настоящее время самая насущная задача состоит в том, чтобы взяться за решение этих вопросов и что для этого мы должны поставить своей ближайшей задачей организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии“ [1]. Затем Ленин снова возвращается к этому вопросу в № 4 „Искры“ в статье „С чего начать?“ (указанные две статьи увидели свет только в 1925 г., так как разгром соц.-демократических организаций в конце 90-х годов заключил эти статьи в архивную тюрьму на 25 лет), и, наконец, очень значительная часть книги „Что делать?“ также посвящена этому вопросу [2].

Как же ставит и разрешает этот вопрос Ленин? Газета, прежде всего, орган выдержанной принципиально систематической агитации и пропаганды. Без выполнения этой главной задачи партию построить нельзя. Выполнить же эту задачу может только орган, где собраны лучшие теоретические и публицистические силы. Уже одна регулярность выхода такого органа имеет огромное значение для сплочения сил, а связь с этим органом местных организаций есть следующий организующий момент; освещение же в такой газете фактов местного движения с обще-партийной точки зрения будет вторым моментом организации, так как оно будет способствовать уничтожению раздробленности и кустарничества. Наконец, газета должна стать политическим органом, центром, откуда исходит стимул, возбуждающий „во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть политических обличений“. Социал-демократическая газета, орган передового отряда рабочих масс, должна стать „трибуной для всенародного обличения царского правительства“. Как социал-демократ должен использовать в целях своего движения недовольство правительством во всех слоях населения, так и газета должна быть трибуной для этого.

Но роль газеты не ограничивается только одним распространением соц.-демократических идей: газета есть еще и практический организующий центр, она—и „коллективный организатор“.

---

[1] „Ленинский сборник“, т. III, стр. 22.
[2] Собр. соч., т. IV.

„В этом последнем отношении,—говорит Ленин,—ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом".

Уже одна техническая задача сноситься с газетой, доставлять ее, хранить, распространять и т. д., уже одна необходимость иметь агентов как в центре, при газете, так и на местах для правильной постановки этого органа—уже это будет огромным шагом для организационного сплочения.

2. Профессиональные революционеры.

„Эта сеть агентов,—говорит Ленин,—будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях неуклонно вести свою работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силой неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны—чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения. Сегодня перед нами стала сравнительно легкая задача поддержать студентов, демонстрирующих на улицах больших городов. Завтра станет—может быть, более трудная задача, например—поддержать движение безработных в известном районе. Послезавтра мы должны оказаться на своем посту, чтобы принять революционное участие в крестьянском бунте. Сегодня мы должны воспользоваться тем обострением политического положения, которое создало правительство походом на земство. Завтра мы должны поддержать возмущение населения против того или другого зарвавшегося царского башибузука и помочь—посредством бойкота, травли, манифестации и т. п.—проучить его так, чтобы он принужден был к открытому отступлению. Такую степень боевой готовности можно выработать только на постоянной деятельности, занимающей регулярное войско. И если мы соединим свои силы на ведение общей газеты, то такая работа подготовит и выдвинет не только наиболее умелых пропагандистов, но и более искусных организаторов, наиболее талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им"[1].

---

[1] „С чего начать?". Собр. соч., т. IV, стр. 38—39.

Такой организацией и, действительно, очень скоро стала газета „Искра“.

Мы уже видели, какую большую работу проделала „Искра“ за границей. Прежде всего, она попыталась столковаться с существовавшими за границей соц.-демократическими организациями. Эту работу пришлось начать размежеванием от тех оппортунистических движений, которые свили себе гнездо в „Союзе русских соц.-демократов“. После окончательного разрыва с „Союзом“ размежевание пошло дальше, и „Искре“ пришлось отказаться как от союза с „Борьбой“, так и от соглашения с Надеждиным. Приходилось подумать о создании своей собственной заграничной организации. По мысли Ленина, такая организация и была создана под именем „Заграничной Лиги революционной соц.-демократии“ (в конце 1901 г.) из заграничных организации „Искры“, революционной организации „Социал-Демократ“ и сочувствующих искровскому направлению лиц.

Но уже с самого приезда Ленина, Мартова и Потресова за границу (а затем Крупской) началась большая, тяжелая организационная работа.

Прежде всего, нужно было наладить типографию или печатание „Искры“ и „Зари“. Эту задачу выполнил А. Н. Потресов при помощи немецких соц.-демократов (Дитца, д-ра Лемана, Клары Цеткин, А. Брауна, Пинкау и др.).

Большую роль в этом деле играл также И. Блюменфельд, работавший по печатанию газеты (в качестве наборщика).

Затем нужно было наладить транспорт газеты в Россию. Первые попытки в этом направлении окончились большими неудачами: студенты-латыши Эрн. Хр. Ролау и Эд. Скубик встречали в этом деле большие затруднения, при чем первый из них был арестован в конце июня 1901 г. в России, куда он приехал, чтобы лично наладить транспорт. Но уже к концу этого года транспорт удалось поставить на должную высоту усилиями искровца-профессионала И. Басовского (Дементьева, отошедшего окончательно от революции уже вскоре после 1905 г.).

В крупнейших центрах заграницы, где жили эмигранты и учащаяся молодежь, постепенно стали возникать группы содействия „Искре“. Они делали также большую работу — собирали деньги, доставали адреса, паспорта и т. п. Нередко в таких группах собирались выдающиеся силы; так, например, в Берлине в 1901 г. в искровской группе находились Ф. И. Гурвич-Дан (меньшевик), М. Ф. Владимирский, А. Минская, Рев. Рубинчик, доктор М. Г. Вечеслов и др.; в Лондоне в первой половине 1901 г. жили Андропов и Ногин, вскоре ставший одним из профессионалов „Искры“. Постепенно число таких профессионалов росло. Уже в середине 1901 г. профессионалами „Искры“ были: Л. Н. Радченко, жившая с лета 1901 г. в Харькове; И. И. Радченко; Н. Э. Бауман-(Полетаев), живший в Москве; К. И. Захарова-(Цедербаум), жившая в Одессе; представитель „Искры“

в Киеве — В. Н. Крохмаль, в Вильне — С. О. Ежов (Цедербаум) и уже названные выше Басовский, Андропов и Ногин (последний в Петербурге).

И эти профессионалы и революционеры, связавшиеся еще раньше с „Искрой" (например П. Н. Лепешинский), расширяли и закрепляли растущие связи и создавали ту атмосферу сочувствия и содействия, без которой дело построения партии немыслимо. Это сочувствие и содействие было необходимо в особенности потому, что не только за границей, но и в России далеко еще не исчезли ни „экономизм", ни кустарничество, ни, стало-быть, противодействие.

3. Белостокская конференция 1902 г.

По инициативе „Союза русских соц.-демократов" и при помощи Бунда некоторые русские организации приступили к созданию „Организационного Комитета" по созыву второго съезда. „Союз" и „Бунд" решили, взяв на себя почин по созыву съезда, вырвать таким образом инициативу из рук искровцев. Попытка их, однако, не имела успеха. В марте 1902 г. в Белостоке съехались представители „Союза РСД" — М. Коган-Гриневич, ЦК Бунда — П. И. Розенталь, Петербургского комитета — доктор Краснуха и Зельдов, Екатеринославского комитета — Ф. Шипулинский-Лишин и „Южного Рабочего" — О. А. Ерманский-Коган. Заграничная редакция „Искры" решила также послать на эту конференцию своего представителя. Это был Ф. Дан.

Он поехал в Белосток с определенными полномочиями — отстаивать превращение съезда в конференцию и ограничить задачи последней выпуском общепартийного воззвания к 1-му мая и принятием мер, необходимых по созыву съезда.

Большинством голосов собрание приняло точку зрения Дана, конституировалось как конференция и, одобрив текст воззвания, предложенного „Искрой" (с небольшими поправками), избрало организационную комиссию по созыву съезда за границей.

Однако, все члены (за исключением одного петербургского делегата) конференции были арестованы или в дороге или по приезде на места. Эти случайные обстоятельства благоприятствовали „Искре", только-что пережившей большой разгром своих организаций во многих местах. Дело созыва съезда опять, таким образом, перешло к „Искре", далеко еще не подготовившейся к этому.

Да и по существу съезд требовал более основательной подготовки. „Мы предлагаем, — писала „Искра" в одну из организаций России, — нашим держаться такой тактики: требовать, чтобы съезд был отложен по крайней мере до весны. К новому году выйдет брошюра «Искры», в которой, в связи с организационными вопросами, будут рассмотрены причины разногласий. Созывать съезд

до появления этой брошюры — значит желать решать дело, не выслушав обе стороны" [1].

Были и еще обстоятельства, заставлявшие повременить со съездом: германская полиция напала на след руководящего ядра „Искры" в Мюнхене; понятно, что и русская полиция направила туда своих агентов; оставаться в Мюнхене дальше было нельзя.

После долгих сомнений, колебаний и препятствий со стороны группы „Освобождение Труда", наконец решено было, что Ленин, Мартов, Засулич и Потресов уедут в Лондон, куда будет перенесено и печатание „Искры".

В марте этот переезд совершился.

В это же время, приблизительно, вышла в свет и работа „Что делать?", не только дававшая план организации, но подводившая итоги как идейной, так и организационной работы „Искры".

Мюнхенский подготовительный период „Искры" кончился, начинался ее Лондонский период, предсъездовский период.

4. Состояние русских соц.-демократических организаций накануне съезда. Петербургские соц.-дем. группы: „Рабочее Знамя", „Социалист", „Союз борьбы за освобождение рабочего класса" и группа „Искры".

Прежде чем перейти к вопросу о подготовке к съезду, необходимо остановиться на состоянии в то время русских соц.-демократических организаций.

Тот разброд, какой царил в русских соц.-демократических организациях, очень ярко, быть может ярче, чем где бы то ни было, обнаруживался в Петербурге; достаточно сказать, что там в течение небольшого промежутка времени, вплоть до организации искровского комитета в 1902 г., существовало одновременно несколько организаций.

Попрежнему работал „С.-Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса", в конце лета 1900 г. образовалась „Петербургская рабочая организация", гибнут и вновь возникают группы „Рабочего Знамени" и группа „Социалист", возникшая в начале лета 1900 г. Характеристика „Петербургского Союза" и „Петербургской рабочей организации" дана уже выше, поэтому остановимся на „Рабочем Знамени" и группе „Социалист".

Группа „Рабочее Знамя" возникла во второй половине 1897 г. из числа лиц, сошедшихся еще в Харькове (И. М. Ромм, Х. Лурье, И. Шилингер и др.), как петербургская группа „Русской соц.-

[1] См. статью П. Н. Лепешинского. „Протоколы второго съезда РС-ДРП", стр. 127. Изд. „Прибоя".

демократической партии", выросшей из белостокской „группы рабочих революционеров", оппозиционно настроенной к Бунду и имевшей отделения в Гродно и Киеве.

Первый провал петербургской группы „Рабочего Знамени" произошел 26 июля 1898 г. Осенью этого же года возникла новая группа „Рабочего Знамени", организованная С. В. Андроповым.

К этому времени большие аресты разрушили „Союз" почти до основания; но вскоре составилось новое центральное ядро „Союза"—Н. Н. Лохов, учительница М. В. Бернштам и С. В. Андропов. Недовольный „экономистским" направлением „Союза" и желая реагировать на вспыхнувшую стачку у Паля, Андропов вышел из „Союза" (нельзя было даже прокламации выпустить, так как печать находилась у „хранителя" печати Радченко) и организовал группу, назвав ее „Рабочее Знамя". В эту группу входили и В. и М. В. Смирновы, О. А. Звездочетова, С. О. Цедербаум и Л. О. Цедербаум, а также В. П. Ногин. Но и эта группа была арестована в ночь с 15 на 16 декабря 1898 г. В следующем году возникла новая группа „Рабочего Знамени", организованная М. К. Фурман, и группа „Социалист", организованная Е. Бройдо (Гордон); в эту последнюю входил и Б. Савинков. В январе 1901 г. обе эти группы соединились и выпустили прокламацию за совместной подписью: „Комитеты с.-петербургской группы «Рабочее Знамя» и рабочей организации «Социалист»". Аресты 30 января 1901 г. погубили организацию „Рабочей Библиотеки" (виленская группа), работавшую вместе с группой „Социалист".

Эти группы вступили в переговоры с агентами „Искры", создававшими свою искровскую группу, о совместной работе. Был составлен новый комитет, в который вошли Л. Канцель (Цедербаум), Б. Савинков, П. Рутенберг, В. Зверев и др. Вскоре после демонстрации у Казанского собора (4 марта 1901 г.) и эта группа была арестована 18 апреля 1901 г. [1].

Итак, в течение трех лет в Петербурге скрещивалась работа не менее чем шести организаций — „Союза", „Петерб. раб. организации", трех групп „Раб. Знамени", группы „Социалист" и вновь возникшей группы „Искры".

Это обстоятельство объясняется тем, что направление „Союза" и „Рабочей организации" с их „Рабочей Мыслью" никого уже не удовлетворяло. И группы „Рабочее Знамя" и группа „Социалист" возникли отчасти как протест против того трэд-юнионистского направления, которое характеризовало работу „Союза". Жизнь вздымала уже свои революционные волны, а „Союз" все пел свои старые песни. К неразберихе, которая царила в Петер-

[1] О группах „Раб. Зн." и „Социалист" см. „Кр. Лет." 1922 г. № 2—3. С. Валк. „К док. ист. «Раб. Зн.»", его же „Петерб. гр. «Раб. Зн.»". Истор.-рев. сб. т. I, П. 1923 г. Письма В. П. Ногина и С. В. Андропова в „Прол. Рев." за 1924 г. №№ 8—9 и 11. „Группы «Соц.» и «Раб. Библ.»" Е. Бройдо (Гордон) „Летопись Рев.", вып. I. Берлин.

бурге, прибавилось еще тяготение некоторых участников, например Б. Савинкова, этих организаций, имевших довольно большие связи среди рабочих (например тот период „Раб. Зн.", когда там работал Фурман), к народникам, к соц.-революционерам, к террору.

Когда в Петербург приехал агент „Искры" В. П. Ногин (2 сентября 1901 г.), он нашел здесь тот хаос, какой царил от беспрерывных провалов.

В письме за границу Ногин отмечает эту растерянность и успокоение среди еще недавно шумевшей молодежи.

„...Всякие вольные мысли, — пишет он,—летят в сторону, и, уподобившись «пискарю», публика сидит и дрожит"... „Студенты и курсистки держат экзамены, как ни в чем не бывало. На-днях появилась студенческая прокламация об этом".

Но не только настроение интеллигенции, по мнению Ногина, а и вообще возбуждение всего общества за границей преувеличено [1].

В Петербурге в это время жил в качестве представителя „Искры" С. Цедербаум. Встретившись с ним и другими искровскими работниками (А. Минско и Р. Рубинчик), Ногин затем повидался с Ст. И. Радченко, „хранителем печати Союза". Начались переговоры о соглашении между группой „Искры" и „Союзом". После долгих обсуждений соглашение, наконец, состоялось 30 сентября 1901 г.

Судя по этому соглашению, группа „Искры" не особенно много выиграла от этого.

Кое-что давал шестой параграф соглашения, в силу которого С.-Петербургский комитет $7^1/_2\%$ своих доходов отчислял в пользу „Искры", но зато параграф пятый был довольно жесток для искровцев, так как они не могли распространять своей литературы без ведома С.-Петербургского комитета „Союза". За границей, повидимому, остались не особенно довольны этим соглашением, так как в письме Ногина за границу звучит нотка оправдания. „...Все слабы,—пишет он,—и мы, и комитет, и „Социалист". А соединившись вместе, может быть, мы образуем нечто солидное — если только «наши разногласия» не будут большим тормозом для дела" [2].

Опасения Ногина скоро оправдались: он был арестован 2 октября 1901 г. (арестован в это же приблизительно время был и С. Цедербаум), а вскоре после того соглашение, установленное им с „Союзом", лопнуло. Причиной явилось требование искровской группы (в силу неопубликованного параграфа соглашения) допустить их представителя в центр „Союза" и в редакцию „Рабочей Мысли". „Союз" отверг это требование. Но число сторонников

[1] См. Г. Шидловский. „Человек революц. энергии". „Кр. Лет." 1924 г., № 2, стр. 179-180.

[2] П. Лепешинский. „Прот. II съезда РС-ДРП", стр. 114.

„Искры" росло и в самом „Союзе", даже в центре его—в „Петербургском комитете". Соц.-демократы В. П. Краснуха, Е. Д. Стасова, Н. Н. Штремер перешли на сторону „Искры", и с их помощью, а также агента „Искры" И. И. Радченко, в июле 1902 г. состоялось новое соглашение, в результате которого Петербургский комитет солидаризируется с „Искрой". Однако и после этого старые силы пытались сопротивляться новым веяниям. Токарев и другие „экономисты" нарушили соглашение, а „Комитет рабочей организации" заявил, что „в настоящее время ни один из существующих органов не может признать выражающим наше направление и желаем переорганизоваться и выработать собственную программу и устав".

Несмотря, стало-быть, на все попытки добиться объединения в Петербурге, раскол стал фактом,—рядом с „экономистской" организацией существовала уже теперь, к концу 1902 г., крепкая и все более увеличивающаяся организация „Искры" С.-Петербургский комитет РС-ДРП, так что возникший „Организационный Комитет" по созыву II съезда мог стоять и в Петербурге на твердой почве.

5. Провинциальные соц.-демократические организации накануне съезда.

Если в Петербурге, в этом исконном центре революционного движения, борьба искровцев с трэд-юнионистами далеко еще не закончилась, то что же можно было сказать о провинции? Ногин, объехавший, как агент „Искры", Поволжье и центр России, довольно мрачными красками рисовал действительность: „Инертность и косность не удалены знаменитыми событиями, и о них разбиваются все. Нигде нет ходов в массу, сливки производят брожение только промеж себя. Ужасно то, что я видел на Волге: оно поразило меня. Ни людей, ни денег, ничего нигде нет, и везде надо начинать сначала, и работать поэтому можно будет только хорошо экипировавшись" [1].

Действительно, на Волге такой центр, как Саратов, переживал довольно долго идейную и организационную разруху,

Если в конце 90-х годов в соц.-демократическом органе саратовской организации „Саратовский Рабочий" не выявилась ясная и точная линия революционного марксизма, то в начале 900-х годов общая разруха захватила и Саратов. В местной соц.-демократической организации наметилось три течения: „экономистское" (лидер этого течения—Н. А. Архангельская), полити-

---

[1] См. статью Г. Шидловского в № 2 (11) „Красной Лет." за 1924 г. „Человек революц. энергии", а также воспом. П. Лебедева в „Прол. Рев." за 1923 г. № 3 (15) и А. Станчинский, „Прол. Рев." 1923 г., № 2 (14), а также „Искра" №№ 7, 11 и 31.

ческое, примкнувшее впоследствии к „Искре", и еще третье — группа, в которую входили и соц.-демократы и соц.-революционеры. „Экономистское" направление, сочувствовавшее направлению „Рабочей Мысли", издавало свой орган „Рабочую Газету".

Кустарничество в Саратове было изжито только к концу 1902 г., когда „экономистская" организация „Саратовский соц.-демократический Ремесленный Союз" и „Объединенная" группа соц.-демократов и соц.-революционеров г. Саратова" слились с искровской организацией и образовали единый искровский „Саратовский комитет РС-ДРП", целиком стоявший, как это видно из его заявления в декабре 1902 г. (№ 31 „Искры"), на платформе революционного марксизма.

Но, если так медленно шло самоопределение в таких крупных городах, как Саратов, то что же можно сказать о таких городах, как Орел, где местная группа определилась как искровская тоже только к концу 1902 г., или Воронеж, где до самого съезда существовал „экономистский" Комитет (правда, была и искровская организация), или в Курске, где организовавшаяся в 1901 г. соц.-демократическая группа стала искровской тоже только в конце 1902 г.? [1]

Еще хуже обстояло дело на Урале. Здесь тоже существовала смешанная организация соц.-революционеров и соц.-демократов, так наз. „Уральский Союз соц.-демократов и соц.-революционеров", программа которого опубликована в № 21 „Искры", в том самом номере, где опубликован впервые и проект нашей программы. Этот Союз признавал террор.

В примечании к пятому абзацу программы говорится: „«Уральский Союз», не вводя в программу террор, как средство партийной борьбы, допускает, однако, террористические поступки отдельных лиц (хотя бы они были и членами Союза), совершаемые за их собственный страх и риск".

Указывая на то, что подобные смешанные организации существуют еще и в Саратове и кое-где в других местах, редакция „Искры" замечает, что такое положение дел „означает отсутствие единства между местными соц.-демократами" и что такой разброд окончится только в том случае, когда местные организации перестанут вырабатывать программу только „за свой страх и риск" [2]. Н. Барановский (Н. Большой), уже в конце 1903 г. попавший на Урал и заставший там еще в то время полный развал, так характеризует этот „Союз": „Оперировавший здесь незадолго до нас «Уральский Союз с.-д. и с.-р.» был и на практике организацией не менее нелепой, чем какой казался по названию. Пользуясь широтой своей вывески, он обнимал в себе всю «радикаль-

---

[1] Об Орле см. воспом. Б. Пересa в „Прол. Рев." 1923 г., № 5 (7), а о Курске—„Летопись революц. борьбы в Курской губ.". Восп. А. Аристархова. Курск, 1923 г.

[2] „Искра", № 21, стр. 8 (июнь 1902 г.).

ную» публику, включая не только с.-д. и с.-р., но и «почти кадетов» и «почти анархистов». Вся работа заключалась в бесконечных словопрениях, пикниках и вечеринках. Полный демократизм и сплошная неоформленность; никакой специализации и никакой конспирации. В результате грандиозный провал“ [1]...

Но и в Сибири, хотя и в новой и в очень сильной организации, старые традиции держались очень долго. Приветствуя образование (в конце 1901 г.) Сибирского Союза, редакция „Искры“, однако, указывала на выжидательную позицию по отношению к „Искре“ как на вредную тенденцию, препятствовавшую объединению партии. Старые традиции в Сибири выражались тоже в господстве трэд-юнионизма: в Томске Комитет был экономистского направления и, кроме того, существовали еще три соц.-демократических организации; в Забайкалье существовал тоже экономистский „Союз рабочих Забайкалья“. Только в январе 1903 г. Сибирский Союз стал твердо и определенно на искровскую позицию [2].

Только-что привèденные факты показывают, насколько прав был В. И. Ленин, когда он определял современное положение партии словом „кустарничество“, а партию считал „разрушенной храминой“.

Процессы, происходившие среди соц.-демократии в искровский период, были продолжением и развитием процессов 90-х годов. Тогда, в 90-е годы, заканчивалась эволюция перехода от народничества к соц.-демократии; мы видели, как постепенно выкристаллизовывается соц.-демократическая организация, как постепенно, но с каждым годом все резче и резче определяются два процесса: один — эволюция от народничества к либерализму, и другой — от народничества к научному пролетарскому социализму. В конце 90-х годов эта эволюция идет еще дальше: в 80-е годы от революционных народников к ‚Народному Праву“ начала 90-х годов и от этих последних к экономизму конца 90-х и начала 900-х годов. Мы увидим дальше развитие этого процесса от экономистов к меньшевикам в течение 900-х годов. Но этот процесс был еще сложнее, так как в этой эволюции отслоивалась и еще одна группа революционной демократии—соц.-революционеров, эволюция которых, впрочем, привела и их, как и меньшевиков, в одно и то же русло радикально настроенной буржуазии.

Этим сложным процессом и объясняется то обстоятельство, что к чистому руслу революционной соц.-демократии еще в девятисотые годы то там, то здесь примешивались, кроме „эконо-

---

[1] Н. Барановский. „В рядах Сибирского соц.-дем. Союза“. Новоник. 1923 г., стр. 19.

[2] См. Н. Барановский. „В рядах Сиб. с.-д. Союза“, стр. 14, и „Искра“, №№ 11 и 42.

мизма", еще мутный поток „революционной демократии" соц.-революционеров.

Москва, как и Петербург конца 90-х и начала 900-х годов, переживала также период разброда и шатания.

В конце 90-х годов, именно после ликвидации „Московского Рабочего Союза" в январе 1898 года, В. Ванновский приступил к организации „Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса" (согласно постановлению киевской конференции 1897 г.), но всероссийский разгром наших организаций весной этого года уничтожил почти до основания и московскую организацию. В Москве витает дух полицейского социализма Зубатова, провокация в корне подтачивает соц.-демократическую организацию. Быстро следующие один за одним разгромы московских комитетов РС-ДРП (Луначарский, А. И. Елизарова, М. И. Ульянова, И. И. Скворцов, В. Л. Шанцер, И. А. Давыдов, В. А. Базаров, Б. В. Авилов и многие другие) еще более увеличивают разброд в умах, тем более, что рядом с абсолютно бессильными комитетами быстро возникают и гибнут кустарные сепаратные группы и организации (в 1898—1899 г. группа Квиты-Кривобокова-Невского, в 1900—1901 г. группа Немчиновой-Невского-Филипповой), и расцветает махровым цветком полицейский зубатовский союз рабочих.

При помощи этого союза Зубатову, правда ненадолго, удается совершенно дезорганизовать движение. Однако, тип организации в Москве носил несомненно здоровые черты. В Москве не было специфической „экономистской" черты — двоецентрия — двух комитетов: рабочего и интеллигентского. Единый центр, опиравшийся на фабрично-заводские кружки, сносившийся с этими кружками не путем выборных лиц, а при посредстве агитаторов или иных лиц, назначаемых Комитетом, ставит своей задачей руководство политической и экономической борьбой пролетариата, осуществляя ее пропагандой и агитацией, организацией стачек, политических демонстраций и т. п. Издание пропагандистской и агитационной литературы, сношения с другими организациями и с заграничными центрами, финансы, постановка собственного органа и т. д. — все это также входит в задачи Комитета.

Несомненно, что в московской организации отсутствовали типичные черты „экономистской" теории и практики, но всеобщий развал наложил печать и на Москву, где этот развал особенно усугублялся дезорганизаторской деятельностью Зубатова.

Только весной 1902 г. в Москве более или менее прочно основываются искровцы.

В Москве работает агент „Искры" Л. О. Канцель (сестра Мартова) и Хинчук, тоже бывший уже тогда искровцем. Провал Канцель и Хинчука (со множеством других соц.-демократов) не останавливает движения. Сменившие их агенты „Искры"

В. Гурвич и Г. И. Окулова („Зайчик") продолжают дело, начатое Канцель. Приезжают новые работники „Искры", как Н. Л. Мещеряков, работает как искровец И. А. Теодорович и много других товарищей. Под их воздействием Московский комитет решительно становится на сторону „Искры", объявляя ее своим руководящим органом, а „Лигу" своим заграничным представителем. Дело „Искры" становится на твердые ноги и в Москве, так что очередной провал 2-го ноября 1902 г. уже не может остановить движения.

Другого рода кустарничество и оппортунизм проявились на западе России, среди еврейских соц.-демократов.

Здесь еще в 1897 г. была создана прочная соц.-демократическая организация „Всеобщий еврейский Союз в Литве, Польше и России" („Бунд"). Уже в 1898 г. это была настолько сильная организация, что при организации первого съезда партии помощь „Бунда" оказала существенные услуги русским соц.-демократам. Тогда, на первом съезде, вынося известное постановление, что „Бунд" входит в общую организацию партии „как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата", ни один участник съезда не вкладывал в эти слова ничего другого, кроме того, что и любая организация, ведущая работу среди определенной национальности по преимуществу, вне сомнения более компетентна в этой работе, чем какая-либо другая организация. Но скоро выяснилось, что, внося эту формулировку в постановления съезда, бундовцы рабски в идеях отражали тот ход вещей, среди которых они жили. А этот ход вещей состоял в том, что подавляющая масса еврейского пролетариата была ремесленниками, мелкобуржуазной массой, со всеми ее предрассудками и ограниченностью. Национальный же гнет господствующей нации над евреями создавал еще особые специфические условия. Быстро развившись в конце 90-х годов, еврейское ремесленное движение, несмотря на свою политическую окраску, обнаружило много трэд-юнионистских черт, выразившихся, напр., и в политике тех союзов, какие создал „Бунд". Этот ход вещей отразился в головах бундовских вождей в конце 90-х годов в форме их необыкновенной симпатии к „Рабочему Делу" и экономистам, которых бундовцы поддерживали постоянно, борясь единым фронтом с группой „Освобождение Труда". Дальнейшая эволюция бундовских взглядов с очевидностью вскрыла весь их оппортунизм как в теоретическом, так и в организационном отношении.

Исходя из тех практических соображений, что доселе никто, кроме „Бунда", соц.-демократической работы среди еврейского пролетариата не вел, и что евреев, живущих в России, необходимо признать национальностью в таком же смысле, как и любую национальность, существующую как политическое тело, „Бунд" на апрельском четвертом съезде 1901 г. постановил добиваться признания за евреями права на национальную автономию и на

присоединение „Бунда“ к РС-ДРП на федеральных началах, в качестве самостоятельной партии еврейских рабочих [1].

Отсюда уже вполне логически вытекали такие последствия, как претензии „Бунда“—только через „Бунд“ организовать еврейских рабочих в его районе, при чем этот район простирался чуть ли не до Дона и Волги [2]. На следующем пятом съезде „Бунда“ сепаратистские взгляды бундовцев были закреплены в их проекте устава, по которому „Бунд“ есть федеративная часть Росс. Соц.-Демокр. Раб. Партии, при чем, как следствие, отсюда вытекает, что ЦК „Бунда“ посылает своего представителя в ЦК РС-ДРП, что этот последний имеет право сноситься с бундовскими организациями только через ЦК „Бунда“ и т. д.

Ход вещей, заставивший бундовцев поддерживать рабочедельцев, бросивший их, как и этих последних, к террору, повел их и дальше, к национальной ограниченности, несмотря на резкую критику их взглядов „Искрой“.

Явления кустарничества и хаоса, царившие в России, вызывали и другого рода процессы — процессы изживания болезни кустарничества путем областных и иных объединений. К числу таких объединений принадлежали „Северный Союз РС-ДРП“, „Южный Рабочий“, „Донецкий Союз РС-ДРП“ и „Союз кавказских соц.-демократических организаций“.

Мы видели, что северный текстильный район в конце 90-х годов был в положении, которое мало чем отличалось от положения в остальной России. Экономизм и трэд-юнионизм, взрощенный в Иваново-Вознесенске еще в первой половине 90-х г. Евдокимовым, очень долго держался в этом замечательном центре русского рабочего движения. У ивановских соц.-демократов были очень прочные связи и с „Рабочим Делом“, и с „Петербургским Союзом борьбы“ (это „экономистское“ направление окончательно изжило себя только накануне первой русской революции) и с „Союзом русских соц.-демократов за границей“. Другой большой пролетарский район — Кострома — тоже тянул к „экономистам“ и „Рабочему Делу“, хотя не отказывался и от сношений с „Искрой“. Только интеллигентские верхи, соц.-демократы, быстро признали направление „Искры“ своим.

Всеобщий разброд и развал заставил и северян подумать о выходе из состояния кустарничества. В августе 1901 года, в Кинешме произошел съезд делегатов трех комитетов (Ярославского, Костромского, Ивановского и Владимирской группы). На решениях этого совещания отразилось то шатание мысли, которое царило на севере; несмотря на признание огромной роли „Искры“ в деле строительства партии, северяне, однако, не решились ни признать „Искру“ руководящим органом ни отказаться решительно

[1] См. ст. Ленина „Нужна ли самостоятельная политич. партия еврейскому пролетариату?“. Собр. соч., т. IV, стр. 197.

[2] „Посл. Изв.“, № 105.

от сношений с заграничным „Союзом". К главным деятелям северян — О. А. Варенцовой, Доливо-Добровольскому, рабочему М. А. Багаеву и В. А. Носкову, в 1901 г. присоединились воронежские поднадзорные — А. И. Любимов, Л. Я. Карпов, Н. Н. Кардашов, Д. В. Кастеркин и др. („американцы"). Все эти четверо соц.-демократов уже несколько лет принимали участие в движении (Любимов, Карпов и Кардашов с конца 90-х годов в Москве, а Кастеркин в Риге) и были примиренчески настроены по отношению к „Искре" (Любимов в эпоху войны был плехановцем, Карпов, после отхода от движения в эпоху реакции, после Октября стал коммунистом и умер на посту зав. химической промышленностью республики, Кардашов, как большевик, работал до конца жизни — умер в 1922 г., а Кастеркин работал после второго съезда с меньшевиками в Москве, где и умер в эпоху первой революции). Эта группа, вместе с Носковым, и являлась теоретическим центром возникающего Союза. В январе 1902 г. в Воронеже состоялся второй съезд Союза. Вопросы, обсуждавшиеся на съезде, были: программа Союза, организационный устав и выборы ЦК Союза. Программа Союза, посланная в „Искру", подверглась резкой критике В. И. Ленина. Программа, действительно, хранила во многом следы прошлого, — в ней, напр., ни слова не говорилось о диктатуре пролетариата. Хотя организационная структура Союза и не строилась на основах демократизма, однако местные условия наложили и на нее отпечаток.

Объединение потерпело большой урон весной 1902 г., когда провокатор Меньшевиков по явкам, отобранным у арестованного Блюменфельда, проник в самое сердце Союза, а затем и в объединяемые им комитеты. После этого провала работа, однако, не замерла, и, несмотря на колебания и шатания, появившиеся снова в некоторых группах работников в начале 1903 г., Союз в № 34 „Искры" заявляет о признании им принципиальных, тактических и отчасти организационных взглядов „Искры" [1].

Кавказ, начиная с 1900 г., тоже пережил бурное развитие рабочего движения и роста соц.-демократии. Здесь, как и в Польше и в Западном крае, политическая струя движения резко обнаружилась с начала 900-х годов; прежде всего Тифлисский комитет, а затем и другие организации Кавказа заняли ярко революционную позицию. Демонстрация 1-го мая 1901 г. в Тифлисе положила начало массовому политическому движению рабочих и в других местах. В конце 1902 г. на Кавказе уже действовали: Бакинский, Тифлисский комитеты, а также организации в Батуме, Чиатурах, Грузии, на ст. Михайлово. Кустарничество и здесь, однако, выражалось в том, что ни единого плана организации, ни единой тактики, ни прочной связи между организациями не было: каждая из организаций действовала на свой страх и риск.

[1] См. „Прол. Рев." 1922 г., № 9, ст. О. А. Варенцовой „Северный рабочий Союз"

С целью объединения своей работы, все эти организации в начале 1903 г. устроили в Тифлисе съезд, где и было положено начало „Союзу кавказских соц.-демократических организаций". Союз признал единогласно платформу „Искры" и выбрал руководящий центр [1].

Что касается юга России, то, если не считать Одессы, где старые традиции боролись очень долго с искровским направлением, все крупнейшие южные центры движения быстро перешли на сторону „Искры": Киев, Харьков, Екатеринослав, Ростов-на-Дону и вообще весь Донецкий бассейн в начале девятисотых годов и в эпоху первой русской революции шли все время в первых рядах пролетариата. Здесь уже в начале 1901 г. оформились две в высшей степени интересные организации юга: „Южный Рабочий" и „Донецкий Союз".

Одесса после бесконечного числа кружков и групп, которые были типичным явлением для этого города в конце 90-х годов, создала, наконец, единый „Одесский комитет РС-ДРП". Этот комитет в течение 1900 и 1901 годов и был типичной „экономистской" организацией на юге. Ремесленный характер одесского пролетариата, несомненное влияние „Бунда" и всеобщий разброд повлияли на Одессу.

Здесь еще в 1900 и 1901 годах в основе организации лежали те самые „Уставы касс", которые когда-то были сюда завезены из бундовских организаций и которые были так похожи на экономистские уставы касс. Главные принципы комитета сводились к признанию экономической борьбы рабочих основной задачей соц.-демократии, в соответствии с чем и был формулирован первый параграф „Устава кассы": „Членом кассы может быть каждый рабочий данного ремесла, безусловно честный, сознающий необходимость экономической борьбы и имеющий некоторое понятие об отношении правительства к ней" [2]. Главную базу комитета составляли ремесленники, и этот ремесленный состав организации наложил свой отпечаток и на „Устав кассы" с его экономизмом, выборностью и т. д.

В октябре 1901 г. от комитета откололась оппозиционная часть его — „Южно-революционная группа соц.-демократов", поставившая своей главной задачей руководство политической борьбой, главным образом, фабрично-заводских рабочих Одессы, объединенных в прочную организацию, стоящую на точке зрения революционного марксизма. В Одессе работала, как агент „Искры", К. И. Захарова, констатировавшая в своих письмах в искровский Центр полнейшую идейную несостоятельность местного Комитета и организовавшая и здесь искровскую ячейку. Однако, оконча-

---

[1] Ф. Махарадзе. „К истории компартии в Закавказье", стр. 202. сб. „25 лет борьбы за соц.". Тифл. 1923 г.

[2] П. Лепешинский. „Прот. съезда РС-ДРП", стр. 124.

тельно на искровскую платформу Одесса стала только весной 1902 г., когда Одесский комитет официально стал на платформу „Искры“ [1].

И Киев, этот некогда славный город, центр ортодоксальной соц.-демократии 90-х годов, положивший начало нашей партии на первом съезде 1898 года, после разгрома весной в этом году, когда лучшие силы соц.-демократов ушли в тюрьму и ссылку, в конце 90-х и в начале 900-х годов был типичной экономистской организацией. По крайней мере, еще весной 1901 г., в противовес комитету, образовалась организация „Рабочая Воля“, сходившаяся во многом с „Искрой“. Эта группа обвиняла Киевский комитет в „экономизме“ и, в противовес кустарной работе комитета, выдвигала, как главную задачу момента, широкую политическую агитацию и призыв пролетариата к массовой политической борьбе с самодержавием. В то же время укреплялись в Киеве и искровские элементы. Когда эти элементы (Бауман, Крохмаль и др.) становятся во главе комитета, группа „Рабочая Воля“ сливается с комитетом, который постепенно становится на платформу „Искры“. Но, повидимому, этот процесс шел довольно медленно, так как в конце 1901 г. в Киеве образуется новая оппозиционная группа, организованная приехавшей из-за границы А. А. Кузнецовой. Кузнецова привлекалась еще в 1897 г. в Петербурге по делу „Союза“. Уехавши за границу, она там, в Германии, примкнула к „Искре“. Когда, по приезде в Киев, она ознакомилась с работой комитета, работа эта показалась ей „мертвой“ и „закоснелой“.

Кузнецова, вместе с другими своими единомышленниками, создает свою группу под именем „Киевского комитета «Рабочего Знамени»“. Группа начала работу и приняла участие в организации демонстрации 2 и 3 февраля 1902 г., выпустила несколько листков от своего имени, но просуществовала недолго, так как набеги жандармов 9 февраля и 22 апреля 1902 г. уничтожили эту группу до основания. Это и был вообще последний заключительный момент довольно большой организации, возникшей еще в 1897 г., несколько раз разбиваемой жандармами, снова возрождавшейся, вступавшей в соглашение то с петербургскими, то с иными революционными организациями, выпустившей несколько номеров своего органа „Рабочее Знамя“, издавшей нечто вроде манифеста и претендовавшей одно время даже на название „Русской соц.-демократической рабочей партии“ [2].

Наиболее сильными организациями юга, определенно ставшими на платформу „Искры“, были Екатеринославская, Харьковская и Ростовская.

---

[1] „Искра“ № 38, см. также орган Одесского Комитета РС-ДРП за 1901 г. „Рабочее Слово“.

[2] П. Лепешинский. „Протоколы II съезда РС-ДРП“, стр. 126, и С. Валк „К докум. истор. «Раб. Знам.»“, „Кр. Лет.“, № 2—3, стр. 344.

В Екатеринославе после провалов в марте 1898 г. сформировался Екатеринославский комитет РС-ДРП (в конце года), выдающуюся роль в котором играли И. Х. Лалаянц, Цхакая, А. Машицкий, Волошкевич, Санжур, П. Лалаянц („мышь“) и др. Комитет уже тогда стоял за самую широкую политическую работу среди пролетариата. Поэтому, когда по инициативе Полонского, „экономиста“, параллельно с комитетом организовалась еще особая группа, началась между двумя организациями борьба. Эти две организации существовали раздельно до лета 1901 г., когда, после большого разгрома (аресты Лалаянц и др.), наконец произошло их слияние, и организация стала существовать, как единый Комитет Росс. Соц.-Демокр. Раб. Партии.

В это же время, приблизительно, возникла и организация „Южный Рабочий“, издававшая орган того же имени и пытавшаяся создать областной центр. Сначала, до провала в мае 1901 г. Екатеринославского комитета, руководящим редакционным и вообще идейным центром этой группы были Лалаянц, Машицкий, Харченко и Гинзбург (Наумов). Затем, после этих арестов, вместо выбывших Лалаянца и Машицкого, в редакционную коллегию вступили члены Харьковского комитета Е. Я. Левин и Л. Б. Файнберг, а после провала и Харьковского комитета в 1901 г. и Ерманский-Коган.

В это время, в начале 1901 г., Мартов жил еще в России, именно в Полтаве, под надзором полиции. Он связался с Харьковом, Екатеринославом и Киевом и оказал большое влияние вообще на направление „Южного Рабочего“.

„Искра“, с самого начала выхода „Южного Рабочего“, очень одобрительно относилась к этому органу и вообще к изданиям группы: так, в „Искре“ дается весьма сочувственный отзыв о номерах третьем и четвертом журнала, а в № 26 перепечатывается прокламация „Южного Рабочего“ о терроре.

В конце 1902 г. группа „Южный Рабочий“ солидаризируется с „Искрой“ в вопросах программы, тактики и организации и обязуется работать вместе с „Искрой“ в деле собирания партии.

Такое довольно позднее присоединение к платформе „Искры“ объясняется многими причинами: во-первых, тем, что, как мы видели, в крупнейшем центре движения, в Екатеринославе, довольно долго существовало „экономистское“ течение (группа Полонского; в комитете одно время работал и будущий лидер рабочедельцев Мартынов), и, во-вторых, потому, что среди некоторых видных работников комитетов существовали все же иные, чем у „Искры“, взгляды на важнейшие принципиальные вопросы движения (напр., у одного из лидеров Харьковского комитета Е. Я. Левина, по второму съезду Егорова). Стремления взвалить на свои плечи непосильную задачу воссоздать партию, несомненно, существовали и среди южан, о чем свидетельствует попытка Гинзбурга (Наумова) созвать второй съезд весной 1900 г. Попытка эта, однако, ни к чему ни привела, так как 6 мая в Смоленске, в месте пред-

полагаемого съезда, собрались, кроме Гинзбурга и В. И. Розанова (технически подготовлявшего квартиру) только два представителя „Бунда“ — Тарас (Давид Кац) и Ноах (Портной), да представитель „Рабочего Дела“ и „Союза русских соц.-демокр.“ Тимофей (Копельзон). Одной из причин позднего присоединения к платформе „Искры“ нужно, несомненно, считать и потребность южных работников самим определиться и организоваться. С этой целью в начале 1902 года была созвана конференция южных соц.-демократов в Елисаветграде. На конференции присутствовали от Екатеринослава Гальберштадт и Краснощеков, из Николаева Штернберг, из Одессы — От Одесского комитета — Бронштейн и Зборовский, от Одесской группы Яков Шиф, от Харькова Ерманский, от „Южного Рабочего“ Б. Цейтлин и А. Гинзбург (Наумов) и от Кишинева Квятковский. От Ростова, вследствие провала, никто не приехал.

Конференция поставила в свой порядок дня вопросы: о текущем моменте (вопрос о сущности самодержавия), о политической и экономической борьбе пролетариата, об отношении к оппозиционным течениям и т. п. и организационный вопрос.

По всем принципиальным вопросам были вынесены резолюции, совпадающие, в общем, с линией „Искры“, а по организационному вопросу постановлено было образовать областное объединение, в целях координации действий всех входящих в Союз организаций и снабжения их литературой, а также в целях созыва общероссийской партийной конференции, которая и состоялась, как уже было сказано выше, в Белостоке весной 1902 г. (в марте).

Был избран ЦК Союза в составе Гинзбурга, Ерманского и Цейтлина. Этому ЦК и поручено было позаботиться о созыве конференции.

Ростов точно так же долго хранил следы предыдущего кустарнического периода движения. После организации Донского комитета в конце 90-х годов (Е. Торсуева, Мочалов, Кривобоков-Невский, Мелешко и др.), начиная с 900-х годов, Ростов становится центром массового рабочего движения с ярко-политической окраской. Новые силы, вошедшие в комитет в начале 900-х годов (С. Фофанов, С. И. Драбкин, М. Серебряков, Станчинский и др.), постепенно переходят на платформу „Искры“. В 1902 г. ростовская стачка выдвигает Донской комитет в первые ряды борцов пролетариата. По инициативе Ростова, поднимается вопрос о соединении организаций Донецкого бассейна. На конференции этих организаций в январе 1902 г. создается „Социал-демократический Союз горнозаводских рабочих“, который в конце 1903 г. переименовывается в „Донецкий Союз РС-ДРП“. В этот Союз входят группы: Юзовская, Таганрогская, Мариупольская, Бахмутская, Луганская (с конца 1902 г. — комитет), Щербиновская и Алмазовско-Юрьевская с центром в Ростове.

На юге ко времени съезда создалось еще одно областное небольшое объединение—Крымский Союз, включавший соц.-дем. организации Керчи, Мелитополя, Ялты, Феодосии и Симферополя.

Как сочувствовавшие искровскому направлению, определились еще комитеты Уфимский, Тульский и Нижегородский.

В остальных городах, где прежде существовали соц.-дем. организации — Пермь, Златоуст, Самара, Казань и т. п., либо царил полнейший хаос, как на Урале, либо организация была совершенно разрушена.

При таком состоянии организаций в России и за границей,— при несомненно уже наметившейся трещине в самой редакции „Искры“ по важнейшим принципиальным вопросам (как напр. отношение к либеральной демократии, крестьянский вопрос [отношение к мелко-буржуазной демократии], трения по организационному вопросу в самой редакции) и при необыкновенно враждебном отношении к „Искре“ со стороны „экономистов“ и „Бунда“,—редакция „Искры“ переехала в Лондон.

Самый переезд, именно выбор места взамен Мюнхена, сильно обострил и без того обострившиеся отношения между Лениным, с одной стороны, и членами группы „Освобождение Труда“ — с другой: Плеханов, а за ним Засулич и Аксельрод усматривали в выборе Лондона желание Ленина обособиться, взять исключительно в свои руки дело руководства газетой и отстранить Плеханова.

Несомненно, об этом ни Ленин, ни, тем более, Мартов не думали, но желание поставить свою работу в более спокойные условия, конечно, руководило ими.

Переезд в Лондон, когда главная работа была сделана,— расчищены авгиевы конюшни теоретической неразберихи и разброда, размежевание от оппортунизма, революционного авантюризма соц.-революционеров, соглашательской и реакционной тактики демократической оппозиции, национальной ограниченности „Бунда“; когда были выработаны проект программы и основные положения по организационному вопросу; когда выяснилось, что большинство солидных русских организаций признали право „Искры“ на руководство и когда, вместе с тем, стало ясно, что ни одной местной организации, даже такой, как „Южный Рабочий“, не под силу воссоздать партию; когда, наконец, широкое, массовое революционное движение пролетариата все больше и больше подтверждало правильность курса, взятого „Искрой“,— при таких обстоятельствах переезд в Лондон на короткое время не мог внушать никаких опасений.

Агенты „Искры“, профессиональные революционеры, были повсюду, „Искра“ была прекрасно связана с местами (Н. А. Крупская, секретарь „Искры“, была организационным центром этих связей), „Искра“ и ее литература завоевывала сердца не только рабочих, но и широкой демократии, а, главное, число друзей „Искры“ росло не по дням, а по часам.

Рабочие называли „Искру“ своей газетой, а демократы платили большие деньги, чтобы прочесть эту строгую, принципиально выдержанную, но остроумную, блестящую, разящую врагов и противников, полную интереса и огня „Искру“.

А волны рабочего и вообще революционного движения вздымались все выше и выше. Политические демонстрации рабочих уже начались в 1900 и 1901 г.г. в Харькове и Тифлисе. Студенческие волнения возбудили все демократические слои общества, начавшиеся террористические покушения внесли нервность и беспокойство в верхи этого общества, попытки направить рабочее движение по полицейскому руслу организацией „Независимой еврейской партии“ и зубатовских союзов в Москве потерпели крах и обратились против самого же старого строя, так как, вслед за многотысячным митингом-стачкой в октябре 1902 г. в Ростове-на-Дону, в следующем году вспыхнули невиданные всеобщие политические забастовки на юге России, захватившие сотни тысяч рабочих, вооруженные демонстрации первомайские в 1902 г. в Тифлисе, Нижнем-Новгороде и других городах и, наконец, невиданное, огромное стихийное движение крестьян, все это, все факты такого рода уже в Мюнхенский период прорывались как извержения вулкана на фоне ужасного кризиса, безработицы, нищеты, страданий и мук крестьян и рабочих.

Правительство, между тем, зажимало тиски все больше и больше. Отдача студентов в солдаты за беспорядки, стеснения печати, совести, расстрел рабочих во время стачек, демонстраций (в Петербурге, за Невской заставой, у Обуховского завода. в 1900 г., в Ростове-на-Дону во время стачки, в Тифлисе, Нижнем, Харькове, Саратове и т. д. во время демонстраций), преследование либералов — все это еще более накаляло политическую атмосферу недовольства, брожения и возмущения решительно во всех слоях общества, кроме тех, что поддерживали трон. При таких условиях, девиз „Ecrasez l'infame!“ (раздави ее, подлую), которым дышали все статьи, направленные против старого строя, делал „Искру“ тем голосом, тем трубным звуком, который издавала вся страна устами „Искры“, предрекая близость страшного суда издыхающему самодержавию.

„Весело жить в такое время“, говорили революционеры-марксисты и продолжали свое разрушительное дело, созидая в то же время свою партию. Почва для этого была расчищена, и оставалось теперь только сделать немногое—подготовить самую технику съезда. Это и было совершено в Лондонский период „Искры“, и сделали это ее профессионалы, во главе с „Организационным Комитетом“.

6. Организационный Комитет по созыву второго съезда.

В ноябре 1902 г. был образован новый комитет по созыву второго съезда партии, при следующих обстоятельствах.

По вызову В. И. Ленина, в Псков приехал и там поселился только-что отбывший ссылку в Сибири по делу „Петербургского Союза борьбы" П. Н. Лепешинский, один из его ближайших друзей. П. Н. Лепешинский должен был остаться в Пскове в качестве агента „Искры" и наладить информацию „Искры" из России и транспорт газеты и искровской литературы из-за границы. Почва для устройства Лепешинского в Пскове была заранее подготовлена Лениным. В течение 1901 и 1902 годов Лепешинский сумел поставить на должную высоту и то и другое и, кроме того, нередко наезжал еще и в Петербург, где, вместе с Е. Д. Стасовой, доктором Краснухой и И. И. Радченко, работал по укреплению и расширению искровской организации. Кроме Лепешинского в Пскове жили еще и другие искровцы — П. А. Красиков, а впоследствии А. М. Стопани.

После провала ОК, образованного на Белостокской конференции, „Искрой" была дана директива, не порывая преемственности с первым ОК (Краснухой), образовать новый ОК. После тщательной подготовки, конференция, в составе представителей от Петербургского Комитета доктора В. Н. Краснухи, от „Искры" И. И. Радченко и от „Южного Рабочего" Е. Я. Левина с решающими голосами и П. Н. Лепешинского и П. А. Красикова с совещательными, собрались 2 ноября 1902 г. в Пскове в квартире Лепешинского. Бундовец, заранее извещенный, почему-то не явился. Конференция закончила свои работы 3 ноября и конституировала ОК в составе Краснухи, Левина и Радченко, которые кооптировали следующих лиц: Лепешинского (Лапоть), Красикова (Игната, Шпильку), Г. М. Кржижановского (Клэра), Ф. В. Ленгника (Курца) и еще пятого товарища.

Было постановлено, что ОК является выразителем объединенных групп „Искры", „Северного Союза", Петербурга и южных групп, что ОК имеет право издавать за своей подписью листки, исходящие от той или другой группы, будет помогать организациям сноситься друг с другом, наладит транспорт и открыто заявит о своей солидарности с „Искрой".

Однако, и этот состав очень сильно пострадал от арестов: 4-го ноября 1902 г. были арестованы, совершенно в другой связи (конференцию жандармы прозевали), Лепешинский и другие члены ОК; они были отчасти отправлены в ссылку (Лепешинский в Сибирь), частью отданы под надзор полиции [1].

Но ОК продолжает работать. В № 32 „Искры", от января 1903 г., печатается объявление ОК об его образовании и подчеркивается, что ОК никаких принудительных задач на себя не берет и что его задача заключается в помощи всем местным организациям.

Большие трения произошли у ОК с „Бундом", обидевшимся на то, что ОК был образован без участия бундовского

[1] П. Н. Лепешинский, „На повороте", стр. 130—133.

делегата. Однако выяснилось, что „Бунд" случайно не получил своевременно посланного ему предложения принять участие в конференции. В феврале инцидент с „Бундом" был ликвидирован, в марте появилось извещение, где объявлялось, что ни „Бунд" ни ОК неповинны в отсутствии на конференции представителя „Бунда". К лету 1902 г. к ОК присоединились следующие комитеты, признав ОК организацией, которой они вручают подготовку второго съезда: Одесский, Николаевский, Харьковский, Киевский, Московский, Казанский, Уфимский, Екатеринославский, Донской и Северный Союз.

Только „экономистский" Воронежский Комитет противодействовал ОК, но песенка его уже была спета.

Литература к восьмой главе:

1. *В. И. Ленин.* „Что делать?" Собр. соч., т. V.
2. *Его же.* „Письмо к товарищу о наших организационных задачах". Собр. соч., т. IV.
3. *П. Н. Лепешинский.* „От кружковщины к партии". Протоколы II съезда РС-ДРП (6). Изд. „Прибоя". Л. 1924 г.
4. *Его же.* „На повороте". Петр. 1922 г.
5. *Н. К. Крупская* Из воспоминаний в сб. „О Ленине". Изд. Инст. В. И. Ленина. М. 1925 г.
6. *В. И. Ленин.* Собр. соч., т. IV.
7. *Г. В. Плеханов.* Соч., т. XII.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Конец третьего и начало четвертого периода истории русской соц.-демократии (1903—1905 г.г.). Возникновение большевизма.

I. ВТОРОЙ СЪЕЗД И РАСКОЛ.

1. Подготовка съезда.

История второго съезда нашей партии была тем генеральным сражением, в котором участвовали сторонники двух направлений русской соц.-демократии — представителей революционного марксизма и представителей российского оппортунизма в соц.-демократии.

С этой точки зрения второй съезд партии является только дальнейшим развитием той борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом, какую вела революционная соц.-демократия в лице группы „Освобождение Труда" с самого ее основания с различными оппортунистическими течениями в русской соц.-демократии в 80-е и 90-е годы и самым ярким выражением чего была борьба Плеханова с „экономистами".

Но второй съезд, вместе с тем, является и началом партии большевиков, временем, когда роль вождя русского рабочего класса начинает выполнять уже не Плеханов, а Ленин, и когда авангардом движения становится не группа „Освобождение Труда", а сформировавшееся новое ядро сторонников революционного марксизма — большевики.

„Экономисты", уже после съезда, когда раскол стал фактом, склонны были объяснять происхождение раскола тем обстоятельством, что в организации съезда принимало участие только одно течение — искровское. „Экономистский" Воронежский комитет в своем листке в январе 1904 года так прямо и говорит: „Товарищи, которым было поручено конференцией (совещанием) 1902 г. созвать съезд, были арестованы, и устраивали съезд лица, выделенные одним только направлением русской социал-демократии — искрянским"[1].

---

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. V, стр. 477.

Экономисты, далее, говорят о том, что многие организации не участвовали в работе по подготовке к съезду. Это утверждение экономистов просто неверно, потому что подготовку съезда „Искра" считала важнейшим делом, и вся работа ее, как свидетельствуют факты, велась именно так, чтобы устранить даже малейшую возможность, которая могла бы послужить поводом упреков, что та или другая группа соц.-демократов отстранена от этого дела.

Вся история переговоров „Искры" с „Союзом соц.-демократов" показывает, что искровцы пытались, насколько это было возможно, столковаться с рабочедельцами. Такие же попытки делались „Искрой" и по отношению к группе „Борьба" и даже по отношению к группе „Свобода".

Что касается „Бунда", то по отношению к нему „Искра" проявляла особенное внимание. За инициативу по созыву съезда, без сомнения, боролись почти все группы—и „Союз", и „Бунд", и даже группа „Южный Рабочий", и, конечно, „Искра".

Мы уже видели, что в марте 1902 года „Союз" и „Бунд" пытались взять инициативу в свои руки. Белостокская попытка съезда превратилась в конференцию, где был избран „Организационный Комитет", участники которого были арестованы, за исключением лишь доктора Краснухи.

Организация „Искры" прекрасно понимала, что отдать дело созыва съезда в руки „Бунда" и „Союза" означало отдать это дело в руки оппортунистической части партии, между тем как большинство русской соц.-демократии было на стороне „Искры". Не желая никого устранять от такого важного дела, как подготовка к съезду, организация „Искры" отдавала себе отчет, что это дело, однако, не под силу одной какой-либо русской группе. Вот почему, когда еще в 1900 году группа „Южный Рабочий" пыталась созвать съезд, к этой попытке отнесся отрицательно не только Ленин, с которым вел по этому вопросу переговоры И. Х. Лалаянц, но даже такие организации, как Харьковская и Киевская. Действительно, эта попытка, как уже было указано выше, оказалась неудачной.

Организационный Комитет, созданный осенью 1902 года, включил в себя: все более значительные организации—Петербургский комитет (Краснуха), „Южный Рабочий" (Левин), „Искру" (И. И. Радченко), „Бунд" (Ноах—К. Портной),—а также Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника, П. А. Красикова и П. Н. Лепешинского. После ареста Краснухи, Лепешинского и Радченко ОК пополнился вторым представителем „Южного Рабочего" (В. Н. Розановым), Р. С. Гальберштадт, Е. М. Александровой и представителем „Северного Союза". Стало-быть, все наиболее солидные организации в этом составе были представлены. Еще летом 1902 года организация „Искры" пыталась столковаться по такому важному вопросу, как созыв съезда, с „Союзом русских соц.-демократов",

о чем свидетельствуют переговоры Мартова в июле этого года с Ольхиным-Лоховым (членом „Союза“).

Весь Лондонский период „Искры“ и был посвящен этой практической стороне подготовки съезда. И Ленин и Мартов, принимавшие большое участие в практической организационной работе „Искры“, горячо обсуждают вопросы о созыве съезда как в своей переписке, так и в переписке с Россией. Насколько серьезно смотрели на это дело Ленин и Мартов, видно из писем, посвященных этому вопросу.

Интересно то обстоятельство, что Мартов, боясь неподготовленности к съезду некоторых организаций, выдвигал (в конце 1902 года) план образования партии, как он выражается, „неконституционным путем“—именно путем съезда только своих искровских комитетов.

„Торопиться со съездом, — пишет он Дейчу, — во что бы то ни стало — опасно. Силы не подготовлены для победы на съезде, где будут все комитеты. Если дело пойдет дальше в такой степени «через пень колоду», как сейчас, то останется такой решительный шаг: соглашение (путем ли съезда, конференции или объезда всех «своих» комитетов: С.-Петербург, Москва, Тверь, Нижний, Саратов, Киев, Харьков, «Южный Рабочий», «Северный Союз») о том, что «Искра» — центральный орган, что данные комитеты соединяются в одну организацию, назначают Центральный Комитет и приглашают оставшиеся вне соглашения группы войти в соглашение с Центральным Комитетом. При условии, что в упомянутых комитетах мы будем иметь большинство своих, такой путь останется единственным средством добиться скорого объединения без неизбежной—в случае спешки с общим съездом — необходимости вступить в компромисс с «Союзом» и «Борьбой»“ [1]. Такой же план организации партии предлагает Мартов и в письме к Ленину (от 5/XII 1902 г.). Этот план, повидимому, встретил противодействие со стороны Ленина, так как в своем письме Мартов снова подробно останавливается на доводах за этот план. Несомненно, однако, одно: опасения Мартова имели большие основания,—сепаратизм и групповые интересы, в ущерб интересам всей партии, в России были очень сильны. В этом же письме Мартов излагает мнение екатеринославских соц.-демократов, переданное ему одним из членов комитета. „Он говорит,— пишет Мартов, — (за весь свой город), что еще «несвоевременно создание единой организации», что теперь надо ограничиться «местной работой» и т. п. Созывая съезд «своих» комитетов, мы можем—и должны—организовать представительство их возможно демократичнее, чтобы потом решения не оспаривались так, как теперь имеет место в Питере и Киеве. Это потребует большой предварительной работы со стороны тех искряков, которые могут говорить и убеждать. И если бы они свои силы затратили на

[1] Письмо Мартова Дейчу от 1 дек. 1902 г. (Архив Института Ленина).

такое завоевание уже формально завоеванных комитетов, дело было бы в шляпе. Но раз речь идеть об общем съезде, приходится отвлекать часть сил на подготовку чуждых, отсталых комитетов; далее, приходится являться на съезд в сопровождении «Борьбы» и «Союза», а быть-может и «Бунда», и, если можно надеяться, что на съезде восторжествуем мы в общем и целом, то приходится бояться, что организационные решения будут вынесены в духе компромисса с автономистскими и «демократическими» течениями"...

„Предлагаемый мною путь не конституционен, но он может лишь ускорить войну с теми, кто захочет воевать, и он обещает — в случае успеха — партийную организацию с гораздо меньшей окраской федерализма, чем какая неминуемо будет ей придана «общим» съездом".

Организация „Искры" пошла не по мартовскому пути, а как раз наоборот: не боясь ни „Союза", ни „Бунда", ни „Борьбы", решила созвать съезд старым конституционным путем. Но для того, чтобы этого добиться, необходимо было проделать большую предварительную работу.

Работа заключалась, во-первых, в идейном влиянии на „Организационный Комитет" и, во-вторых, в борьбе (опять же идейной) в тех комитетах, где анти-искровское направление давало себя чувствовать очень сильно. Вся тяжесть первой части работы легла на плечи, главным образом, Ленина, Мартова и Плеханова, а вторую часть этой работы выполнили агенты „Искры", те самые профессионалы-революционеры, о создании которых писал Ленин,— Землячка, Залкинд, Мандельштам-Лядов и др.

2. Работа „Организационного Комитета".

Заявление „Орг. Комитета" о своем образовании появилось в 32 номере „Искры" (от 5 янв. 1903 г.). Указав, что попытка создания партии в 1898 году оказалась неудачной, ОК, однако, заявляет, что мысль об объединении с тех пор стала заветной мечтой всех соц.-демократов. Но, „как бы совершенны ни были местные организации, — заявляет ОК, — они не могут справиться с этой задачей, ибо она уже переросла местные рамки"[1].

Рассказав затем историю своего возникновения, ОК заявляет, что только при добровольном содействии всех организаций ОК, он выполнит поставленную им себе задачу, и что поэтому он приглашает все соц.-демократические организации и группы помочь ему в выполнении его трудного дела.

Вскоре после опубликования этого извещения к ОК присоединились следующие комитеты: Петербургский, Московский,

[1] „Искра" № 32.

Киевский, Харьковский, Екатеринославский, Донской, Северный Союз, Союз горнозаводских рабочих, Тифлисский, Бакинский, Тульский, Саратовский, Брянский и Сибирский Союз. Одесский и Николаевский комитеты, присоединяясь к ОК, однако заявили, что они—против попытки ОК исполнять функции Центрального Комитета партии. Из всех комитетов только Воронежский комитет, этот последний оплот экономизма, решительно протестовал против ОК.

Между тем, сама жизнь заставляла ОК брать на себя функции ЦК, так как не было в России ни одного объединяющего центра, настолько авторитетного и настолько связанного с „Искрой", как ОК и так как потребность в таком центре сознавалась всеми организациями, на деле стремившимися к созданию партии.

ОК выработал проект устава съезда и разослал его во все организации РС-ДРП. По этому уставу на съезде могли участвовать организации, удовлетворяющие следующим существенным требованиям: они должны признавать программу РС-ДРП, их существование должно быть не менее года, при чем они обязаны были доказать, что они вели пропагандистскую, агитационную или организационную работу в центрах с более или менее значительным рабочим населением. Организации, объединенные в союз, самостоятельно не участвуют на съезде. Кроме того, на съезд допускались: группа „Освобождение Труда", организация „Искра", „Лига рев. соц.-дем.", „Союз русск. соц.-дем. за границей", группа „Южный Рабочий" и заграничный комитет „Бунда". Каждая организация могла прислать не более двух депутатов, и только „Бунду" давалось три решающих голоса. Депутаты не должны быть ограничены в своих полномочиях императивными мандатами.

Этот устав должен быть разослан в организации и только после поправок, дополнений и замечаний он окончательно должен быть принят, после чего ОК составляет список полномочных организаций, при чем любая организация, пожелавшая оспорить невнесение ее в список, может обратиться в третейский суд, составленный из представителей двух ближайших организаций и члена ОК

После рассылки этого проекта члены ОК объехали все организации и, собравши замечания и поправки, рассмотрели жалобы и претензии комитетов, окончательно утвердили устав, список полномочных организаций и наметили приблизительно время съезда. Это пленарное заседание ОК было в феврале 1903 года в Орле. К числу полноправных комитетов в списке прибавились: Уфимский и Союз горнозаводских рабочих, получил право полного участия на съезде и Крымский Союз.

Параграф 16 этого устава гласил: „Съезд является верховным органом партии, компетентным решать именем партии все вопросы и делать всякие постановления, которые он найдет нужным".

За границей организация „Искры“ также продолжала подготовительную работу. Кроме издания „Искры“ и „Зари“, организация издала перевод „Эрфуртской программы“, „Историю революционных движений в России“ Туна, брошюру „Правда о ростовских событиях“ Амвросия, „Пролетарский праздник“ и „Милитаризм и рабочий класс“ Мартова, „К деревенской бедноте“ Ленина и много мелких брошюр. Мартов и Ленин совершили объезд главных центров русской эмиграции, где выступали с докладами и рефератами: Ленин весной 1903 г. был в Париже, Мартов читал доклады в Париже, Берлине, Женеве, Цюрихе.

Но, конечно, не в этом заключалась главная работа „Искры“: без того идейного и практического руководства, какое осуществлялось, главным образом, Лениным, Крупской и Мартовым, едва ли бы проходила так успешно та работа, что делали в Одессе Землячка, в Киеве—Ленгник, в Ростове-на-Дону—Гусев, в других городах—другие агенты „Искры“. Да и ОК требовал к себе большого внимания, так как в его довольно многочисленном составе было только пять решительных искровцев—Кржижановский, Ленгник, Красиков, Александрова и Гальберштадт, да и то из них только трое первые являлись людьми, действительно разделявшими все основные и теоретические и, главное, организационные положения „Искры“.

Носков, например, уже тогда занимал, как это видно из писем Ленина, какую-то особую позицию, отделяя себя от агентов „Искры“. „Бунд“ был в оппозиции к „Искре“, и даже в такой организации, как „Южный Рабочий“, сильно чувствовались сепаратистские стремления. В письме к Аксельроду (от 14 апреля 1903 г.) Мартов так характеризует членов ОК: „...Состав хороший: 1 бундист—дельный революционер, если забыть, что он бундист и следовательно постарается нам вредить, 1 северянин, 2 „южнорабочих“ и 5 (т.-е. большинство) членов нашей организации, вошедшие частью по приглашению ОК, (путем кооптации), частью как представители комитетов. Северянин тоже вполне свой, а южане—наполовину: ортодоксы, но с какими-то камнями за пазухой и со своим организационным «патриотизмом». Последнее обстоятельство вызывает трения между ними и нашими“ [1].

Трения были, как мы видели, не только в Организационном Комитете, трения были и в самой редакции „Искры“. С одной стороны—Плеханов, европейски известный ученый и лучший истолкователь Маркса, блестящий теоретик и оратор, но уже двадцать лет не видавший России, знавший русское рабочее движение только со слов других, а с другой Ленин, уже признанный действующими в России товарищами первым выдающимся теоретиком и практиком, сам прошедший большую революционную школу, руководивший лучшей в России рабочей организацией; с одной стороны—Аксельрод, В. И. Засулич и близкие друзья и сторонники их,

[1] „Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова“, стр. 82.

молчаливо склонявшиеся перед авторитетом Плеханова, а с другой — молодые искровцы, насквозь пропитанные порохом последних боев рабочего класса с самодержавием, видевшие в Ленине того, кто может указать путь и создать из организационного хаоса прочную боевую организацию пролетариата.

Разногласия по вопросам программы и тактики в редакции „Искры" только отражали то различное отношение, ту различную оценку, какую давали эти два поколения развившемуся рабочему движению, и те выводы, какие делали эти два поколения русских соц.-демократов. По видимости, эти трения как будто бы исчезли. Плеханов приезжал в Лондон, и на редакционных совещаниях обсуждались вопросы в связи с предстоящим съездом. В делах „Искры" теперь стал принимать участие и недавно бежавший из Сибири Л. Г. Дейч, всегда неизменно поддерживавший Плеханова; но это был представитель еще более старшего поколения и выполнял только технические функции. Появилось еще новое лицо в редакции „Искры" — это Л. Д. Троцкий. Ленин сразу оценил новую блестящую и крупную силу соц.-демократии. „Человек, — писал он Плеханову, — несомненно с недюжинными способностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще вперед"[1].

Но Плеханов категорически воспротивился предложению Ленина ввести Троцкого в редакцию в качестве седьмого ее члена; при прежнем составе редакции на стороне Плеханова было если не большинство, то, во всяком случае, половина редакции, а новый член редакции, да еще рекомендуемый Лениным, мог оказаться против Плеханова.

Но все это была мелкая рябь по сравнению с теми конфликтами, которые вскоре возникли внутри самой руководящей группы русской соц.-демократии, и эта рябь не мешала „Искре" завоевывать себе все больше и больше сторонников.

Ее теоретическая выдержанность была вне сомнения. Только однажды, в отсутствии Ленина, Мартов и Засулич, составлявшие номер „Искры" как раз в тот момент, когда в Вильне самодержавные власти, борясь с рабочими, пустили в ход розги, высказались за террор (и Ленин и Плеханов единодушно в редакции протестовали против этого). Но, в общем, „Искра" стала самой влиятельной революционной газетой в России, больше того, она стала большой политической силой: не только рабочие шли за ней, она привлекала на сторону соц.-демократии и интеллигентную молодежь и радикально настроенную буржуазию, она, действительно, была органом всероссийского политического обличения, не переставая быть газетой революционного марксизма.

В апреле и мае редакцию „Искры" решено было перевести обратно на континент, в Швейцарию, куда, в связи со съездом, съезжались уже и делегаты: исполнилось таким образом давнее желание Плеханова и Аксельрода иметь „Искру" у себя под рукой в близкой им Швейцарии. Началась усиленная работа по подготовке съезда уже в среде делегатов: совещания, переговоры,

убеждения и разъяснения. Готовились, разумеется, и противники „Искры"—рабочедельцы, экономисты и бундовцы.

Наконец, когда все приготовления были окончены, съезд открылся в августе в Брюсселе, откуда впрочем вскоре пришлось переехать в Лондон, где съезд и закончился.

3. Второй съезд и образование двух групп в искровском большинстве: большевиков и меньшевиков.

На съезде, открытом блестящей речью Плеханова, присутствовало 42 делегата с 51 решающим голосом. Это были делегаты следующих организаций: Бакинского и Тифлисского комитетов, Горнозаводского Союза, Крымского Союза, Николаевского комитета, организации „Искры" и „Лиги революционной социалдемократии" по 2 мандата; Московского, Тульского, Харьковского, Киевского, Одесского, Екатеринославского, Донского, Саратовского и Уфимского комитетов, Северного и Сибирского Союзов, группы „Освобождение Труда", „Союза русских социал-демократов за границей", заграничного комитета „Бунда" и группы „Южного Рабочего" по два делегата. От Петербурга тоже было два делегата, но один от Петербургского комитета (искровец Шотман) и один от Петербургской рабочей организации (Ю. Махновец). От группы „Освобождение Труда" были Плеханов и Дейч, от организации „Искры"—Аксельрод, Засулич и Потресов, от „Лиги"—В. И. Ленин, от Сибирского Союза—Троцкий; с совещательными голосами—Крупская, Кольцов, Глебов (Носков, агент ЦК), Костров (Жордания), Страхова, Юдин и Варский (от Польши). Противники „Искры" послали на съезд: от „Бунда"—Кремера, Коссовского, Медема, Либера (Гольдмана), Юдина (И. Айзенштадта) и Абрамсона (К. Портного), от Союза—Пикера (Мартынова) и Акимова (Махновца). Если принять во внимание, что в качестве делегатов на съезде были Красиков, Землячка, Лядов, Бауман, Гусев (Драбкин), Стопани, Книпович (Дяденька), Горин (В. Ф. Галкин), Кнуньянц—все искровцы, оставшиеся впоследствии верными позиции старой „Искры", а также ставшие затем меньшевиками: Крохмаль, Локерман, Левин и др., то можно с полным правом сказать, что на съезде сошлись самые выдающиеся представители-теоретики и практики как революционно-ортодоксального, так и оппортунистического крыла русской соц.-демократии.

На первом же своем заседании съезд превратился, как выражается Ленин, в „арену борьбы за победу искровского направления". Бундовские делегаты поставили вопрос об изменении порядка дня съезда. Порядок дня съезда был предложен следующий: 1) Конституирование съезда. Выборы бюро. Установление регламента съезда и порядка дня. Доклад Организационного Комитета и выбор комиссии для определения состава съезда. 2) Место

„Бунда" в Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. 3) Программа партии. 4) Центральный орган партии. 5) Делегатские доклады. 6) Организация партии. 7) Районные и национальные организации. 8) Отдельные группы партии. 9) Национальный вопрос. 10) Экономическая борьба и профессиональное движение. 11) Празднование первого мая. 12) Международный соц. конгресс в Амстердаме 1904 г. 13) Демонстрации и восстания. 14) Террор. 15) Внутренние вопросы партийной работы, постановка пропаганды, агитации и т. д. 16) Отношение РС-ДРП к „соц.-революционерам". 17) Отношение РС-ДРП к русским либералам. 18) Выборы ЦК и ЦО. 19) Выборы Совета Партии и 20) Порядок оглашения решений и протоколов съезда, а равно и порядок вступления в отправление своих обязанностей избранных должностных лиц и учреждений.

Всматриваясь в этот порядок дня, можно сразу заметить, что вопросы в нем поставлены в порядке их принципиального значения: не сговорившись на программе, нельзя было заседать дальше. Только вопрос о „Бунде" как будто бы нарушает стройность и внутреннюю логику этого плана. Почему „Бунд" на съезде занимает чуть ли не центральное место? Это кажется с первого взгляда нелогичным и неясным. Однако прения по этому вопросу сразу же выяснили, почему „Искра" предлагала решить вопрос в первую голову. „Бунд" выдвигал принципы построения партии на началах федерации, „Искра" — на началах автономии

По параграфу второму устава о положении „Бунда" в партии, предложенного бундовцами на съезде, „Бунд" есть соц.-демократическая, неограниченная в своей деятельности какими-либо районными рамками организация еврейского пролетариата и входит в партию в качестве его единственного „представителя"; по параграфу пятому, „Бунд" имеет свои съезды и ЦК, а по 11-му параграфу ЦК партии имеет право вступать в сношения с отдельными частями „Бунда", но лишь с соглашения ЦК „Бунда". Съезд, как известно, вынес постановление, которое в корне отвергало присоединение „Бунда" на федеративных началах и выдвигало принцип автономии.

Ясно, стало-быть, что было в высшей степени важно решить именно вопрос о „Бунде" в первую очередь: если „Бунд" признает автономию, его делегаты идут вместе с „Искрой", если они стоят за федерацию, они против „Искры". Узнать мнение съезда по этому вопросу—это означало узнать, каков же сам-то съезд—искровский или бундовско-рабочедельческо-экономистский, оппортунистический, а узнать это означало определить дальнейшую работу съезда. Бундовцы, уклоняясь от решительного ответа в начале съезда, рассчитывали этот вопрос поставить уже после обсуждения программы. Съезд в большинстве высказался против предложения „Бунда" изменить порядок дня, при чем за предложение „Бунда", кроме бундовцев, голосовали рабочедельцы и примкнувший к ним делегат Николаевского комитета Махов,

11 голосов было в числе воздержавшихся. Таким образом, уже в начале съезда определилась группа человек около 30 искровцев, и другая—человек около 20—правая (экономисты, бундовцы), и центр, болото, человек 10. В дальнейших дебатах съезда все голосования и колебались приблизительно около этих соотношений.

Эти голосования на съезде можно разделить на три следующие группы: первая — это те голосования, когда все искровцы и центр шли вместе против антиискровцев, сюда относятся голосования программы в целом, голосование резолюции о месте „Бунда" в партии и голосование по вопросу об утверждении „Искры" центральным органом партии; вторая группа—это те голосования, когда все искровцы шли против антиискровцев и центра, сюда относятся голосования по таким вопросам, на которых нужно было показать на деле, кто за искровскую линию: постановка вопроса о положении „Бунда" в партии, распущение группы „Южный Рабочий", два голосования об аграрной программе и голосование по вопросу о признании Лиги заграничным представителем партии; третья группа — это те голосования, где небольшая часть искровцев отделяется и переходит к антиискровцам и центру. Это вопрос о равноправии языков, вопрос о первом параграфе устава и вопросы о выборах ЦК и ЦО.

Первая группа голосований дала такое соотношение сил: 24 искровца большинства, 9 искровцев меньшинства и 8 голосов центра, то-есть сорок один голос, против двух голосов центра и десяти голосов антиискровцев. Это голосование как раз и произошло по вопросу о федерации или автономии „Бунда". Против голосовали пять бундовцев и воздержались Мартынов, Акимов, Брукер, Ю. Махновец, И. Махов (два голоса)

Вторая группа дала уже иное соотношение голосов: все искровцы (и большинство и меньшинство) — 32 голоса — против центра (8 голосов) и антиискровцев (8 голосов), например, по вопросу о распущении группы „Южный Рабочий". Третья группа дала уже такое соотношение сил, что в голосовании о равноправии языков искровцы большинства (18 голосов) и искровцы меньшинства (7 голосов)—всего 25 голосов—были против антиискровцев (8 голосов), центра (10 голосов), искровцев меньшинства (2 голоса) и части искровцев большинства (6 голосов). Голосование о первом параграфе устава дало 19 голосов искровцев большинства, три голоса центра и один антиискровец против пяти голосов искровцев большинства, девяти искровцев меньшинства, семи голосов центра и семи голосов антиискровцев, и, наконец, голосование по выборам ЦО и ЦК дало 24 голоса искровцев большинства против искровцев меньшинства (9 голосов), центра (10 голосов) и одного антиискровца.

Таким образом, голосования на съезде по главнейшим вопросам организации обнаружили картину постепенного выкристаллизовывания прочного, устойчивого большинства искровцев

(18—24 голоса), неустойчивой группы искровцев меньшинства (8—10 голосов), центра (8—10 голосов) и антиискровцев (8 голосов).

Группа искровцев большинства (24 человека), во главе с Лениным и Плехановым, по всем важнейшим принципиальным вопросам голосовала дружно против оппортунистов; группа искровцев меньшинства голосовала в некоторых вопросах вместе с группой искровцев большинства против оппортунистов, но голосование это шло до момента голосования важнейшего вопроса — параграфа второго устава, когда искровское меньшинство соединилось с оппортунистами и шло против большинства искровцев.

Стало-быть, на искровском съезде произошел раскол самих искровцев: из 33 голосов искровцев 24 голоса принадлежали одной группе—искровскому большинству и 9 голосов—искровскому меньшинству.

По каким же причинам произошел этот раскол?

До голосования параграфа второго устава партии искровцы шли вместе. После голосования вопроса, поднятого „Бундом", об изменении порядка дня съезда, все искровцы единодушно голосовали против предоставления права участвовать на съезде представителю группы „Борьба", одобрили постановление „Орг. Ком.", не находившего возможным допустить на съезд делегата экономистского Воронежского комитета, и решительно высказались против федеративных стремлений „Бунда", когда на 27 заседании делегаты-бундовцы покинули съезд.

Голосовали единодушно искровцы и по вопросам программы. Против проекта программы, предложенного „Искрой", выступали главным образом рабочедельцы и бундовцы и некоторые искровцы. Выступления искровцев носили впрочем не принципиальный характер и сводились в общем к тому или другому изменению формулировок отдельных мест проекта. Только некоторые делегаты, как например Горин-Галкин, вносили некоторые существенные изменения: так, Горин, не оспаривая основных положений аграрной программы и—прежде всего—пункта об отрезках, полагал, что уничтожение остатков крепостничества в деревне будет достигнуто не только возвращением крестьянству отрезанных в 1861 году земель, но и уничтожением отработочной системы, платы натурой и проч. Зато рабочедельцы и бундовцы выступили с критикой принципиальных положений программы. Мартынов возражал против того места проекта программы, где, по его мнению, были скрыты еретические взгляды Ленина на стихийность и сознательность, именно того абзаца, где говорилось: „Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с эксплуататорами". Мартынов предлагал изменить последние строки этого абзаца так: „Растет число, сплоченность и созна-

тельность пролетариев и обостряется борьба рабочей **массы с эксплуатацией**".

Ясно, что суть возражений была не только в этих изменениях фразы и слов: он попытался на съезде напасть на Ленина, именно на его „Что делать?", на те части этой работы, где давалась беспощадная критика оппортунизма рабочедельцев и в частности Мартынова, провозглашавших, что рабочая партия должна плестись за стихийным рабочим движением.

Мартынов направлял свои удары против того именно взгляда Ленина, что социализм привносится в рабочее движение извне. Мартынов пытался доказать, что стихийное рабочее движение самостоятельно доходит до выработки социалистического сознания.

На это Мартынову возражал Плеханов.

„Товарищ Мартынов, — говорит Плеханов, — приводит слова Энгельса: «Современный социализм есть теоретическое выражение современного рабочего движения». Товарищ Ленин также согласен с Энгельсом; если бы он не был согласен с ним, то его действительно следовало бы повесить. Но ведь слова Энгельса — общее положение. Вопрос в том, кто же формулирует впервые это теоретическое выражение? Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую статью против экономистов, которые говорили: мы должны ждать, к чему придет рабочий класс сам, без помощи «революционной бациллы». Последней запрещено было говорить что-либо рабочим, именно потому, что она «революционная бацилла», то-есть что у нее есть теоретическое сознание. Но если вы устраните «бациллу», то останется одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне"[1].

Еще ярче выявился оппортунизм экономистов в речах Акимова, возражавшего и против „теории обнищания" пролетариата в коммунистическом обществе и против диктатуры пролетариата. Акимов утверждал, что положение пролетариата, хотя медленно, но с каждым годом улучшается. Такой постановкой вопроса он отрицал и рост классовых противоречий, и рост недовольства, и, стало-быть, предпосылки революционного движения рабочих. Отсюда, конечно, вполне ясно и логически вытекало и отрицание диктатуры пролетариата.

Интересно и важно отметить здесь, что Троцкий, возражая Акимову, развил мысль, которая по сути мало чем отличалась от возражений его противников. „Его, — сказал Троцкий, — пугает диктатура пролетариата, как якобинский акт. Он забывает, что эта диктатура будет возможна лишь тогда, когда социал-демократическая партия и рабочий класс, противопоставление которых его смущает, будут наиболее близки к отождествлению"[2]. „Диктатура пролетариата будет не «конспираторским» захватом власти,

---

[1] „Протоколы II съезда РС-ДРП", стр. 114.
[2] „Протоколы II съезда РС-ДРП".

а политическим господством организованного рабочего класса, составляющего большинство нации".

Возражения против аграрной программы исходили главным образом из среды оппортунистов и центра; но были возражающие, как уже сказано выше, из среды самих искровцев. Возражения последних касались либо уточнения и улучшения основных формулировок (Горин), либо требования расширить программу, пойти дальше отрезков, вплоть до национализации (Костров говорил: „Наша аграрная программа должна выражать требования как отрицательные, так и положительные: устранение остатков старого порядка и водворение нового, социалистического"). Что касается экономистов и бундовцев, то они либо указывали, что достаточно ограничиться общими принципами, не касаясь конкретных мер, так как земельные условия в различных областях весьма различны (Либер), либо совершенно отрицали необходимость аграрной программы, как делегат Николаевского комитета Махов. Таким образом на съезде выяснилось, что большинство русских социал-демократов того периода, быть-может за исключением кавказцев, еще не понимали необходимости пойти значительно дальше требования возвратить крестьянам отрезки, на что указывал Ленин в своих спорах еще в редакции „Искры", что пришлось выбросить из его статьи под давлением Плеханова, и из-за чего чуть не произошел раскол в самом искровском центре.

На следующем вопросе — о признании съездом центральным органом партии „Искры" — опять сошлась вся искровская часть съезда против оппортунистов. Но следующий вопрос — организационный — обсуждение устава партии — и стал тем рубежом, который расколол самих искровцев на большевиков и меньшевиков. Боевым основным вопросом устава являлся параграф первый, — кого считать членом партии. По этому вопросу голосование дало такие результаты: 19 искровцев, стоявшие за формулировку Ленина, присоединили к себе трех из центра и одного антиискровца (Ю. П. Махновец-Брукер).

За формулировку Ленина голосовали: Зурабов, Гусев-Драбкин, Локерман, Землячка, раб. Медведев (от Харьк. комит.), Красиков, Степанов, Бауман, Лядов, Галкин-Горин, Муравьев (раб. от Уфимского комитета), Стопани, Дяденька-Книппович, Орлов-Малкин (от Екатерин. комит.), Егоров-Левин, Горский, Ю. Махновец, Д. И. Ульянов, Браун, Плеханов и Ленин.

Мартов, Дейч и Аксельрод голосуют против и таким образом идут против искровцев вместе с Мартыновым, Акимовым и бундовцами.

В чем же заключалось разногласие по этому вопросу?

Вот как формулирован параграф первый в проекте Ленина: „Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций".

Формулировка Мартова, принятая съездом, гласила: „Членом РС-ДРП считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярно личное содействие, под руководством одной из ее организаций".

С первого взгляда кажется, что как будто нет никакой разницы между той и другой формулировкой, но из прений на съезде ярко обнаружилось то различное понимание задач партии в организационном вопросе, как их ставили себе Ленин и Плеханов, с одной стороны, и Мартов и Аксельрод—с другой стороны.

Ленин и Плеханов мыслили партию как боевую революционную организацию пролетариата, которая руководит рабочим классом. С этой точки зрения в партию мыслимо включение только сознательных, преданных людей, могущих в каждый данный момент, в каком бы трудном положении ни оказалась партия, с честью представить партию, говорить от ее имени и вести по непримиримому, не допускающему никаких сделок с буржуазией против интересов пролетариата, пути. Таким членом партии мог быть не только тот, кто, как выразился Красиков, платонически разделяет ее программу, но кто личным участием в организации, на виду у таких же, как он сам, испытанных революционеров, доказал на деле верность принципам революционной соц.-демократии. Это означало более узкий состав партии, хотя при очень широком базисе рабочих организаций — легальных и нелегальных—профессиональных, культурно-просветительных, löse-организаций и т. п. Это, стало-быть, означало, что партия есть прежде всего организация профессионалов-революционеров и высоко сознательных революционных рабочих.

По мысли Мартова, доступ в партию должен быть самым широким, при чем сторонники Мартова, с одной стороны, как Аксельрод, допускали свободное вступление в партию всех даже либеральных элементов, коль скоро они на словах выразили солидарность с программой партии, а с другой, как Троцкий, полагали, что членом партии мог объявить себя всякий рабочий-стачечник. С такой точки зрения, конечно, личного участия в организации не требовалось.

Не трудно заметить, как на формулировке Мартова сошлись два течения русской буржуазно-революционной мысли: одно старое, принесенное Аксельродом еще из тех времен, когда он был анархистом-бунтарем, то самое течение, которое так ярко обнаружилось в первых социал-демократических работах Аксельрода, когда он, как видели мы выше, хотел объединить все революционные кружки в одну партию и когда он призывал всех честных русских людей примкнуть к такой рабочей партии, и другое, новое, „экономическое", пытающееся растворить боевую социалистическую рабочую партию в стихийном рабочем движении, превратить ее в партию трэд-юнионистской политики. Так

старая аксельродовская, еще народническая концепция, причудливо сочетаясь с новой мелкобуржуазной концепцией экономистов, выявила то, что разделение на съезде было не только организационное, но и глубоко принципиальное.

Сначала этого не замечали сами боровшиеся, но вскоре эта принципиальная сторона спора стала ясна, особенно после съезда „Заграничной Лиги революционной соц.-демократии" и после того, как новая „Искра" приняла в свою редакцию в качестве сотрудника Мартынова.

Впрочем, уже и на съезде для Ленина было ясно, что разногласие его с Мартовым и Аксельродом более, чем разногласие только по организационному вопросу. Разногласия эти вскрылись по поводу резолюции Плеханова и Старовера об отношении социал-демократов к либералам. Исходя из одного и того же положения „Коммунистического Манифеста" о поддержке соц.-демократией оппозиционных течений, обе резолюции по-разному разрешали вопрос об отношении к русской либеральной оппозиции. Старовер выдвигал условия, при наличии которых поддержка была допустима. Эти условия следующие: 1) решительное заявление либералов, что они в борьбе с самодержавием идут с соц.-демократами, 2) что в своих программах они не выдвинут требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса или затемняющих сознание пролетариата, и 3) что своим лозунгом борьбы они сделают всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право.

Плехановская резолюция, говоря об обязанности для социал-демократов поддержки либеральной оппозиции, направленной против самодержавия, подчеркивала в то же время необходимость для соц.-демократов разоблачать недостаточность и ограниченность освободительного движения буржуазии и потому рекомендовала соц.-демократам необходимость борьбы с антиреволюционным и антипролетарским направлением буржуазной оппозиции в лице П. Струве.

Хотя темы обеих резолюций разные, но резолюция Старовера страдает расплывчатостью, не определяет классового содержания русского либерализма, не указывает определенных течений русского либерализма и не рекомендует борьбы с ними; она говорит лишь об условиях соглашения с либералами, не говоря, с какими же именно либералами необходимо входить в соглашение.

Разбирая эту резолюцию, Ленин задает вопрос Староверу: возможно ли соглашение с либералами, если они заявят, что становятся решительно на сторону соц.-революционеров?

По резолюции Старовера выходит, что в таком случае соглашения соц.-демократов с либералами быть не может, между тем как такие соглашения с ними возможны даже в том случае, если либералы заявят, что они отстаивают требования, идущие в разрез с интересами рабочего класса, ибо у либералов всегда имеются такие требования.

Соглашение с либералами допустимо даже в том случае, если они отвергают всеобщее избирательное право; но все эти

соглашения возможны только при одном условии, — что не оговорено у Старовера и что есть у Плеханова, — при условии беспощадного разоблачения ограниченности и недостаточности либеральной борьбы. Указание Плехановым на необходимость борьбы именно со Струве особенно ценно, так как Струве важен не сам по себе, а как лидер определенной, самой влиятельной группы русской либеральной оппозиции.

Таким образом Старовер, Мартов и Аксельрод действительно подготовляли путь к соглашению с либерализмом (путь, по которому и пошли затем меньшевики), между тем как Ленин и Плеханов, указывая путь использования либеральной оппозиции, выдвигали на первый план самостоятельную революционную тактику социал-демократии.

Одним из основных вопросов организации партии было составление центральных учреждений партии—Центрального Комитета, Центрального Органа и Совета партии.

По мысли Ленина, руководящим органом партии должны быть ЦО, Совет партии и ЦК, при чем именно ЦО, как состоящий из признанных вождей партии, должен иметь решающую роль. Поэтому все три учреждения должны были выбираться на съезде. Центральный Комитет, выбранный на съезде в числе трех лиц, путем кооптации пополняет себя. Совет же партии, выбранный на съезде же (двое из ЦО., двое из ЦК, и один из членов съезда), есть высшее учреждение партии, но не носящее характера третейского суда, а именно высшее учреждение, составленное из руководящих партией вождей, членов ЦО и ЦК.

В ЦО съезд выбрал Плеханова, Ленина и Мартова, в ЦК — Ленгника, Кржижановского и Носкова (тогда еще стоявшего ближе к Ленину). Это означало одно — господство в центральных учреждениях выдержанных представителей искровского большинства. Искровское меньшинство, действуя вместе с центром и антиискровцами, было против такого оборота дел и выдвинуло, во-первых, требование составить редакцию не из трех, а из 6 человек, с прибавлением Аксельрода, Засулич и Потресова, и, во-вторых, составление Совета партии путем назначения двух членов Центральным Органом, двух членов — Центральным Комитетом и путем выбора пятого на съезде.

Съезд однако не согласился с мнением Мартова и Аксельрода и выбрал испытанную тройку — Плеханова, Ленина и Мартова. Тогда Мартов вышел из редакции и угрожал бойкотом центральных учреждений до тех пор, пока в редакцию не будут введены все ее старые члены.

Положение становилось критическим и угрожало расколом. Тогда, под воздействием примирительных взглядов Носкова, Плеханов и Ленин согласились на кооптацию в редакцию четырех старых ее членов (Мартова, отказавшегося от участия в ней, Засулич, Аксельрода и Потресова), но с тем, чтобы один из членов ЦО, посылаемый в Совет партии, был представителем

искровского большинства. Теперь Мартов и трое остальных старых редакторов отказались от этого предложения. В конце сентября, после отъезда Носкова в Россию, приехавший член ЦК Ленгник снова возобновил переговоры с меньшевиками, но они ни к чему не привели, так как и Ленин и Плеханов настаивали на обеспечении представительства искровского большинства. Конфликт разгорался тем более, что меньшинство, то-есть Мартов, Аксельрод, Засулич, Троцкий и поддерживающие их сторонники, отказались от сотрудничества в „Искре" и бойкотировали центральные учреждения партии.

Конфликт углублялся все больше и больше и достиг своего высшего напряжения на съезде Лиги, где меньшинству удалось собрать большинство голосов. Формальным поводом ухода Ленина, Плеханова и Ленгника со съезда Лиги было нежелание Мартова и его сторонников представить на утверждение ЦК „Устав Лиги", выработанный меньшевиками. Ленгник перенес дело в Совет партии, который признал действия Ленгника правильными, предложив ему ввести в Лигу новых членов и реорганизовать ее. Но это не умиротворило меньшевиков, и тогда Плеханов решается итти на уступки. После этого Ленин заявляет об уходе из редакции „Искры" (№ 51 „Искры" был последний, в котором появилась статья Ленина). № 53 „Искры" Плеханов редактирует единолично, но уже 26 ноября он кооптирует в редакцию Потресова, Засулич, Аксельрода и Мартова, и, начиная с № 53, новая „Искра" выходит без участия в редакции Ленина.

Таков формальный, фактический ход событий, приведший партию, только-что образовавшуюся, к расколу на „большевиков" (искровское большинство на съезде) и „меньшевиков" (искровское меньшинство, к которому после съезда примкнул и Плеханов).

Но это, конечно, был только формальный, поверхностный ход событий; причины раскола, как это обнаружилось еще на съезде, лежали глубже — в факте существования двух течений в русской соц.-демократии еще до съезда: одного революционного и другого оппортунистического. На съезде явно преобладало первое из них, на съезде же часть этого революционного крыла перешла направо, к оппортунистам, а после поражения при выборах в центральные учреждения, когда большинство мест в них съезд отдал представителям левого крыла, оппортунисты решились пойти даже на раскол, лишь бы удержать за собой хотя бы часть центральных учреждений. Что это действительно так, об этом свидетельствуют документы и большевиков и меньшевиков. Быть может, одним из замечательнейших документов этого рода является документ меньшевистского происхождения. Это — резолюция, принятая меньшевиками вскоре же после съезда на специальном совещании, где присутствовали выдающиеся представители оппортунистического направления русской соц.-демократии — Мартов, Засулич, Потресов, Троцкий, Дейч, Крохмаль и другие.

Эта резолюция с очевидностью показывает, что тотчас же после съезда фракция меньшевиков конституировалась и тотчас же приступила к своей разрушительной работе.

В этой резолюции прежде всего осуждаются все неугодные меньшевикам постановления съезда, несмотря на то, что они приняты большинством того самого съезда, постановления которого все, в том числе и меньшевики, обещали считать и для себя обязательными (по 18 параграфу устава съезда); затем резолюция предлагает начать борьбу с центральными учреждениями партии, выбранными не так, как хотелось меньшевикам, а для этой цели и „в виду того, что одной из причин, обусловивших торжество дезорганизаторских тенденций на съезде, является слабость местных комитетов и малая сознательность их членов, — мы должны взять на себя организаторскую работу на местах и через посредство местных организаций воздействовать на центральные учреждения партии в целях их преобразования“ [1].

Далее рекомендуется ряд мер, дезорганизующих работу как ЦК, так и местных комитетов, и, между прочим, отказ „от всякого сотрудничества, от содействия по доставке материалов“ и т. д. И вообще бойкот, „который снимается лишь по восстановлении старого состава редакции «Искры»“... В пунктах VII и VIII этой резолюции меньшевики постановляют образовать центральный орган оппозиции, а в пункте IX рекомендуют не подчиняться центральным учреждениям партии.

Переписка меньшевиков, недавно опубликованная за границей, с очевидностью показывает, что с самого начала они шли на раскол и не останавливались перед взрывом центральных учреждений партии. Так, Мартов в письме от 13 сентября 1903 г. писал Аксельроду, что, обсудивши практические шаги, „пошлем человек шесть в Россию и будем бомбардировать ЦК предложением об утверждении нашей литературной группы“ [2].

С другой стороны, Аксельрод, как опытный человек во фракционной борьбе, предлагал добиваться от Плеханова кооптации четверки в „Искру“ и, в качестве **большинства** редакции, начать давление на ЦК [3].

Понятно, что при таком положении углубление раскола было неминуемо. Действительно, положение большевиков было очень тяжелым: кроме большинства меньшевиков в ЦО (после кооптации такое же большинство составилось и в Совете—Плеханов, Мартов и Аксельрод против Ленина и Ленгника), в руках меньшевиков оказалось могучее орудие — партийная пресса, в руках же большевиков — ЦК. При том же направлении фракционной борьбы, какое ей придали меньшевики с самого начала — посылка своих агентов в Россию, — раскол перекинулся и в российские организации. Разногласия и взаимное недоверие увели-

[1] „Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова“, стр. 95.
[2] Ibid., стр. 92.
[3] Ibid., стр. 93.

чивались еще более после того, как стала появляться с той и другой стороны полемическая литература. Раскол стал фактом, хотя еще юридически не был закреплен никаким постановлением.

Но, при наличии наметившегося уже тотчас после съезда раскола, съезд все же имел огромное значение в истории русского рабочего движения.

Это его значение обусловливалось прежде всего принятием программы партии, которую признали все русские социал-демократы. Уже один этот факт сделал из съезда большое историческое событие. Съезд так или иначе покончил с кустарничеством — распущением группы „Борьба", „Южного Рабочего", признанием единого центрального органа партии и устава, так или иначе наметились контуры строго централистической организации соц.-демократии.

Съезд своими резолюциями наметил в общем и целом правильную и революционную тактику — о месте „Бунда" в партии, об отношении к либералам, о социалистах-революционерах, о демонстрациях, о профессиональной борьбе; в резолюциях по организационному вопросу и в ряде других резолюций намечались определенные линии, идя по которым, партия могла не бояться увязнуть в болоте компромиссов и измены делу пролетариата.

Наконец, даже самим расхождением среди делегатов съезд выявлял яркое и революционное лицо левого большевистского крыла русской соц.-демократии.

Все это, несмотря на наличие раскола, было огромным шагом вперед по сравнению с первым съездом.

Можно смело сказать поэтому, что, если первый съезд, хотя и происходивший в атмосфере единодушия и не кончившийся расколом, был первой попыткой создания партии, то второй, хотя и при наличии раскола, являлся настоящим учредительным съездом, началом партии в полном смысле этого слова.

Ленин так характеризовал третий период нашей истории: „Это период разброда, распадения, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской соц.-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью, с одной стороны—в произведениях господ Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны—у В. И-на и Р. М., у Б. Кричевского и Мартынова. Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед". Характеризуя далее кустарничество и оппортунизм экономистов и легального марксизма, Ленин говорит о борьбе с этими направлениями, поднятой воинствующим марксизмом [1].

„Когда кончается третий и начинается четвертый период,— продолжает он,—(во всяком случае, предвещаемый уже многими признаками),— мы не знаем Из области истории мы переходим

[1] Заключение „Что делать?". Собр. соч., т. V, стр. 268—269.

здесь в область настоящего, отчасти будущего. Но мы твердо верим, что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма, что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей, что «на смену» арьергарда оппортунистов выступит действительный передовой отряд самого революционного класса". Мы знаем, что третий период закончился вторым съездом партии и что, несмотря на раскол, авангард самого революционного класса действительно выступил на арену истории, — родился большевизм.

Мы видели, что это течение медленно, но с каждым шагом вперед выкристаллизовывалось все резче и определеннее, что кристаллизация его, сначала под именем искризма, началась в борьбе с экономистами и легальным марксизмом, что искровство было только логическим завершением той борьбы, какую вел воинствующий марксизм уже давно в лице группы „Освобождение Труда" с многочисленными противниками учения Маркса и Энгельса, и что, стало-быть, искровство явилось прямым наследником, лучшим революционным заветом этого учения, взращенного на русской почве Плехановым.

Но мы видели также, что, как только эти лучшие заветы группы „Освобождение Труда" были восприняты „Искрой", процесс эволюции русской революционной мысли—от народничества к пролетарскому социализму и либерально-буржуазному демократизму— не заканчивается, а идет дальше, и в то время, как движение экономистов по этому последнему руслу оппортунизма из их рук переходит в руки меньшевиков, реформируясь сообразно изменившейся обстановке, левая сторона этой эволюции от группы „Освобождение Труда" через старую „Искру" переходит к большевикам, как наследникам русского воинствующего ортодоксально-революционного марксизма, основоположником которого в России был Плеханов.

С этой точки зрения, вне сомнения, меньшевизм есть прямой наследник и продолжатель экономизма; с этой же точки зрения большевизм есть прямой наследник группы „Освобождение Труда".

Если же это так (а это действительно так), то находит себе историческое оправдание и тот раскол, которым закончился второй съезд партии: не плакать, а радоваться нужно было тому, что, несмотря на колоссальные издержки истории во время раскола, она, эта старушка-история, выдвинула на авансцену человеческой классовой драмы новых борцов, подлинных наследников группы „Освобождение Труда" лучших времен — большевиков.

Литература к девятой главе:

1. „Протоколы II съезда РС-ДРП". Изд. „Прибой". Л. 1924 г.
2. *В. И. Ленин.* „Шаг вперед, два шага назад". Собр. соч., т. V.
3. *Павлович (П. Н. Красиков).* „Письмо к товарищам о II съезде РС-ДРП".
4. Собр. соч. *В. И. Ленина*, т. V.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Четвертый период истории русской соц.-демократии (1903—1905 г.г.) и первый период истории большевизма.

II. ЭПОХА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1. Накануне революции: рабочее движение начала 900-х годов.

Для понимания начавшегося в партии раскола и борьбы за третий съезд партии, необходимо помнить, что и раскол и борьба за съезд происходили накануне и затем уже в разгар первой русской революции.

Несмотря на очень тяжелый промышленный кризис, все, уже начиная с 1901 года, свидетельствовало о приближающемся политическом кризисе. Но в 1901 году рабочие массы еще не выступали с тем потрясающим самые основы режима шумом, как они начали выступать уже в следующем 1902 году. Тысяча девятьсот первый год, хотя и ознаменовался таким выступлением рабочих, как волнения обуховских рабочих седьмого мая, когда были арестованы 26 их товарищей и когда во время демонстрации произошли столкновения с полицией и казаками, все же это был год выступлений главным образом мелкобуржуазной и радикальной интеллигенции и по преимуществу учащейся молодежи. Правда, довольно крупные забастовки рабочих происходили в железнодорожных мастерских в Саратове (начало июня) и в Тамбове (начало августа), но внимание всего общества привлекали все же студенческие беспорядки: в январе (11-го) 183 студента Киевского университета за участие в беспорядках были сданы в солдаты на основании знаменитых „временных правил“, изданных правительством в 1899 г., а уже в конце этого месяца в том же Киевском университете происходят новые волнения; в конце февраля, как только студенты съехались в достаточном количестве, волнения охватывают московских и петербургских студентов; осенью волнения перебрасываются в другие города и учебные заведения.

В ответ на сдачу в солдаты 27 петербургских студентов 14 февраля студент Карпович стреляет в министра народного просвещения Боголепова.

В марте происходит демонстрация на Казанской площади в Петербурге; она сопровождается зверским избиением не только демонстрантов, но и посторонней публики. Эти приемы правительства вызывают единодушный протест всего общества не только в России, но и за границей.

Аресты с мая 1901 года вырвали целые сотни из революционных рядов социал-демократии, что, однако, не помешало рабочим кое-где выступить на улицу уже с чисто рабочими демонстрациями, как это было 21 мая в Тифлисе.

„Демонстрации,—писал Плеханов в январе 1902 г. в „Искре",—ознаменовавшие собою начало 1901 года, повторились в его конце. Все заставляет думать, что и новый 1902 год будет таким же, если не более бурным, как и его предшественник. Рабочий класс принимает самое деятельное участие в демонстрациях; по большей части, он составляет главную силу их. Но не будем обманывать себя словами. Рабочий класс оказывается представленным в демонстрациях лишь некоторыми своими слоями. Он еще не двинулся всей своей массой".

Учитывая этот факт огромной важности, именно участие рабочих в студенческих демонстрациях, Плеханов указывал, что демонстрации в дальнейшем ходе их движения будут иметь смысл, если полиция и войска будут встречать отпор, а это может произойти только тогда, когда демонстрации станут массовыми. „Демонстрации должны,—говорит он,—теперь приобретать все более и более массовый характер"[1].

Предсказания „Искры" не только оправдались, но те события, какие развернулись в России в 1902 году, даже превзошли все эти предсказания.

В феврале 1902 года движение началось в Киеве и быстро перекинулось в Москву и в Петербург: демонстрация студентов в Киеве произошла 2-го февраля, а 8-го в Петербурге в Народном Доме полиция избила студентов и публику; 9-го в Москве студенческие беспорядки с участием рабочих приняли такой бурный характер, что дело закончилось сооружением баррикад в университете.

Настроение радикальной интеллигенции подогревалось и начавшимися террористическими актами: еще в 1901 году, после выстрела Карповича, было совершено неудачное покушение М. К. Лаговского на обер-прокурора Синода Победоносцева, а в феврале 1902 года Е. Алларт—на жизнь Трепова в Москве.

Правительство пытается вместе с репрессиями начать провокационную деятельность в рабочих массах. Зубатов, этот выдающийся сыщик и провокатор, организует „Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве". Некоторое время, и в особенности сначала, полицейский социализм имел успех в темной, несознательной массе рабочих, и Зубатову

[1] Соч. Г. В. Плеханова, т. XII, стр. 189.

Удается даже организовать многотысячную рабочую демонстрацию (22 февраля 1902 г. к памятнику „царя-освободителя“ с возложением венка от рабочих. Но революционного движения остановить этим, конечно, было уже невозможно. В марте происходит демонстрация на Невском проспекте в Петербурге, а через несколько дней демонстрации протеста против царского режима прокатываются по всей Финляндии.

Между тем, кризис давит на всю государственную машину и на все слои общества. Особенно остро чувствуется кризис в сельском хозяйстве, где он еще более обостряет то разорение деревни, какое явилось в результате экономического оскудения, вызванного долголетней политикой „покровительства благородному сословию“ в ущерб ограбленному после реформ крестьянству. Среднее дворянство недовольно правительством, которое. по его мнению, оказывает предпочтение буржуазии. Недовольно это дворянство и той опекой над земством, которой вся власть в губернии была передана в руки губернаторов и „зубров“, то-есть крупных земельных собственников и оберегающей их интересы бюрократии.

Правительство в лице Витте образует так называемое „Совещание о нуждах сельско-хозяйственной промышленности“ с отделениями по губерниям (губернские совещания). Но и эта мера, как попытка Зубатова, окончилась неудачей для правительства: либеральные земцы воспользовались совещаниями для того, чтобы предъявить свои требования правительству. Правда, только немногие либералы решились требовать конституции (С. В. Мартынов, врач в Воронеже), но почти повсюду и они указывали в своих постановлениях, что главным тормазом в развитии страны является самодержавие, которое они предлагали, правда, не устранить, а только реформировать на основах законо-совещательного представительства от земства.

Революционные события меж тем развивались. Уже весной начинаются массовые волнения крестьян в Полтавской губернии. Они охватили сотни тысяч крестьян (в 16 губерниях Европейской России), сопровождались захватом помещичьих земель и лесов и были подавлены с неслыханной жестокостью[1]. Второго апреля министр внутренних дел Сипягин убит Балмашовым, а ровно через год новый преемник Сипягина Плеве организует невиданный по своему зверству и жестокости кишиневский погром.

Революционное движение принимает массовый характер: массовые рабочие демонстрации, сопровождающиеся кровавыми столкновениями, происходят во многих городах — в Ростове-на-Дону (18 апреля), в Баку (21 апреля), в Сормове (1 мая), в Вильне (19 апреля), в Саратове (5 мая). Виленская демонстрация карается применением розог над 30 демонстрантами (по приказанию фон-Валя, виленского губернатора), на что следует ответ Г. Лекерта, стрелявшего в Валя (Г. Лекерт казнен 28 мая).

[1] См., напр., П. Маслов. „Крестьянское движение в России“. М. 1923 г. В Грузии крестьянские волнения начались еще в 1901 г.

Все эти события создают необыкновенно повышенную политическую атмосферу. Самодержавие теряет почву под ногами, и даже земские либеральные круги и вообще демократическая оппозиция перестают уповать только на легальные пути: в конце июня эта оппозиция выпускает первый номер своего нелегального органа „Освобождение" под редакцией бывшего легального марксиста П. Струве.

Политическое сознание всех слоев населения, и особенно рабочих, растет. Рабочий Заломов, на суде по делу сормовской демонстрации в мае, в своей речи выражал чувства и мысли всех революционных и сознательных рабочих, когда говорил: „Я видел, что существующий порядок выгоден лишь для меньшинства, для господствующего правящего класса, что, пока самодержавие не будет заменено политической свободой, дальнейшее культурное развитие русского народа невозможно; что рабочие в борьбе с предпринимателями на каждом шагу наталкиваются на их союзников в лице самодержавных порядков; что самодержавие является врагом русского народа. И вот почему я написал на своем знамени: «Долой самодержавие и да здравствует политическая свобода!» [1].

Это заявление рабочего Заломова, судившегося за участие в майской демонстрации, только подводило итог тому бурному массовому движению, какое широким потоком разлилось по всей стране. В 1902 году, вообще богатом фактами политической борьбы, самым ярким проявлением этой борьбы явилась стачка железнодорожных рабочих в Ростове-на-Дону (4—11 ноября). Даже такие крупные беспорядки, как на ст. Тихорецкой (9 мая по поводу убийства Золотовой) и забастовка полутора тысяч рабочих в Красноярске (13 сентября), были маленькими событиями по сравнению с этой ростовской стачкой, проходившей под руководством Донского комитета РС-ДРП.

Плеханов в № 32 „Искры", говоря о ростовской стачке, оценивал ее значение в том смысле, что она послужила первым примером массовых демонстраций. „Демонстрация в Ростове была, — пишет он, — и притом очень величественная и необычайно продолжительная. Она началась в четверг 7 ноября и окончилась только в следующий четверг, т.-е. в тот день, когда состоялось последнее м а с с о в о е собрание под открытым небом" [2].

Плеханов подчеркивает также, что в этих открытых свободных собраниях, где собирались десятки тысяч ростовских рабочих, самочинно осуществляя свободу собраний и слова, особенно ярко проявилось слияние массы с героями, т.-е. выдвигание своих вождей самой массой в лице членов своей рабочей партии.

„Да, — говорит он, — ростовские события открыли собой новую эпоху — эпоху м а с с о в ы х д е м о н с т р а ц и й. Демонстрации «героев», прохаживающихся перед «толпою», отжили свое время и утратили свое значение".

[1] „Искра", № 29, от 1/XII 1902 г.
[2] Соч. Г. В. Плеханова, т. XII, стр. 275.

А Донской Комитет в прокламации по поводу стачки писал, что „для великого дела политического освобождения страны ростовская стачка только тогда сыграет свою роль, когда она встретит сочувствие среди всех протестующих элементов, когда в той или иной форме ее поддержат революционные организации русского пролетариата" [1].

События 1903 года с очевидностью показали, что рабочий класс не замедлил откликнуться на ростовскую стачку действительно массовым политическим движением. В течение всего года волны рабочего движения с неудержимой силой били в твердыни самодержавия.

Экономические стачки, студенческие демонстрации, политические демонстрации рабочих, террористические акты и, наконец, всеобщие политические забастовки на юге России — все это говорило о том, что Россия живет накануне революции. Демонстрации в Томске (студенческая 18 февраля), в Сувалках (в январе), в Тифлисе (в феврале), в Ростове-на-Дону, в Ковне и Риге (в марте), в Белостоке и Костроме (в мае), в Баку и Нахичевани-на-Дону (в сентябре), в Томске и Саратове (в октябре), демонстрации, сопровождавшиеся кровавыми столкновениями с войсками — это были уже не демонстрации интеллигентной учащейся молодежи, а настоящие массовые выступления пролетариата, написавшего на своих знаменах: „Долой самодержавие!".

Летние же массовые политические стачки на юге России в июне и июле 1903 года, охватившие более 200 тысяч человек и прокатившиеся по всем крупным промышленным городам, показали даже слепым, что дело приближается к решительной битве.

Начавшись первого июля на бакинских нефтяных промыслах, стачка быстро перекинулась в другие города: 14 июля началась всеобщая забастовка в Тифлисе, 17 — в Батуме, 21—в Киеве, 7-го августа — в Екатеринославе, 14—в Керчи и 29—в Елисаветграде, при чем в Екатеринославе произошел расстрел рабочих (11 убито и 20 ранено), а при столкновении войск с рабочими в Елисаветграде было 7 убитых и 27 раненых.

Плеханов в № 46 „Искры" расценивает всеобщие стачки на юге как события всеевропейского значения.

... „Очень часто бывает так, — говорит он, — что события русской жизни, едва замеченные за границей, подготовляют великие перемены в соотношении сил, оказывающие огромное влияние на ход общественного развития всей Европы. К числу таких событий, несомненно, принадлежат и недавние стачки на нашем юге ... Российский пролетариат становится теперь одной из прогрессивных сил цивилизованной Европы"... [2].

Действительно, нанося удар самодержавию, стачки тем самым приближали ликвидацию международного жандарма Европы. Но,

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. IV, стр. 355—358.
[2] Соч. Г. В. Плеханова, т. XII, стр. 428.

пока-что, этот жандарм продолжал свое дело. Расправляясь с рабочими нагайкой и пулей, самодержавие душило малейшие проблески протеста, где бы они ни проявлялись: в начале января 1904 года было разгромлено тверское либеральное земство, а вслед за тем посыпались репрессии на интеллигенцию, печать и рабочих.

2. Русско-японская война.

Между тем надвигались новые, чреватые последствиями, события. Уже давно носились тревожные слухи о предстоящей войне с Японией. Аггрессивная политика на Дальнем Востоке являлась только завершением той вековой политики, какую вело русское правительство под давлением новой силы в русском государстве — торгово-промышленной буржуазии, стремившейся к экономической гегемонии на ближне- и дальне-восточных рынках. Гипотезу о том, что Плеве инспирировал войну, приходится если не оставить совсем, то внести в нее существенную поправку: война с Японией, при помощи которой Плеве, вероятно, надеялся потопить в угаре патриотического подъема всеобщее политическое недовольство, была вызвана, несомненно, более глубокими причинами: борьбой русского капитализма с японским на рынках Дальнего Востока, а война в свою очередь являлась только заключительным звеном этой борьбы, когда уже говорят не нотами, а пушками. 27-го января 1904 года Япония объявила России войну, и полилась кровь на полях Манчжурии.

Ни одна война не была так непопулярна, как война с Японией: все классы населения, от крестьян и рабочих до представителей крупной буржуазии, проклинали эту войну: крестьяне и рабочие — потому, что им, главным образом, пришлось платить дань кровью молоху войны, сражаясь за интересы кучки авантюристов у трона; буржуазия — потому, что, хотя война была следствием вековой борьбы русского капитала за рынки, однако, на этот раз она была начата именно кучкой авантюристов, стоящих у самой короны (хотя и не без участия самого царя); буржуазная демократия — потому, что и не в ее интересах гремели пушки на Востоке.

Поэтому с самого начала войны начались как агитация революционных партий против войны, так и волнения в массах народа, а постепенно и в войсках, не желавших проливать кровь „за царя и отечество". Странное зрелище представляла тогда страна: десятки тысяч людей гибли на полях сражений, а родные дети России как будто бы радовались этому. Но это только так казалось: все враги старого строя радовались не гибели своих братьев, а тому, что всякое новое поражение русских войск только приближало конец бессмысленной бойни, приближало крах всей безумной политики самодержавия и, стало-быть, знаменовало близость освобождения.

Революционное движение и в 1904 году и после войны нисколько не уменьшилось: оно, правда, не носило того массового

характера, как в 1903 году, но все же свидетельствовало о неминуемом всеобщем взрыве. В феврале в Якутске произошло сопротивление ссыльных, так называемая „Романовская история", и стачка рабочих вагоностроительного завода в Твери, а также началось большое движение в Финляндии. Самые широкие круги финского общества протестовали против невыносимого режима, введенного в „конституционной" Финляндии Бобриковым, этим верным сподвижником Плеве. В мае произошли демонстрации протеста во всех крупных городах Финляндии, а 3 июля пал от пули революционера Бобриков.

Страна буквально стонала под пятой Плеве — все было задушено. Но вот, вслед за Бобриковым пал от руки социалиста-революционера и сам Плеве (15 июля). Правительство, однако, не испугалось этих выстрелов и как бы в ответ на убийство министра ответило военным судом над „романовцами" в Якутске. Но уже началось брожение в войсках. Агитация соц.-демократов и соц.-революционеров, десятки тысяч листков, обращенные к солдатам и запасным, делали свое дело. Запасные в разных местах обширной страны отказываются итти на войну и устраивают беспорядки (в Александрии и Быхове в сентябре, в Двинске и Кутаисе в октябре).

Самодержавие колеблется. Вступивший вместо Плеве на пост министра внутренних дел князь Святополк-Мирский открывает так называемую „эпоху доверия", которая сводится к тому, что самодержавие заигрывает с либеральной буржуазией и в то же время душит рабочих и крестьян, которые снова отвечают массовыми выступлениями.

В ноябре вспыхивают серьезные волнения в Черноморском флоте, в Севастополе. Несколько тысяч запасных матросов поднимают бунт в казармах Севастополя: в казармах и в квартирах начальства выбиты стекла; офицеры, пытавшиеся усмирить толпу, изгнаны из казарм, и только применение вооруженной силы останавливает волнения.

В то же время поднимает голову и либеральная земская оппозиция: 6 ноября земцы, собравшиеся на съезд в Петербурге, высказываются за реформы. Начинается так называемая банкетная кампания: земские и городские буржуазные элементы устраивают собрания-банкеты (ужины, обеды с тостами и речами) и провозглашают робкие пожелания о даровании с высоты трона свобод (например, банкет либеральной интеллигенции 20 ноября в Петербурге по случаю сорокалетия судебной реформы) и требование коренных неотложных реформ (например, постановление московской городской думы).

„Весна" Святополк-Мирского расцвела махровым цветком царского указа Сенату 12 декабря: в этом указе давались туманные обещания даровать стране незыблемые основы законности, но так, что основы самодержавия оставались тоже незыблемыми.

Положение рабочих масс становилось все хуже и хуже: капиталисты, пользуясь войной и ссылаясь на кризис, снова

выбрасывали рабочих на мостовую. Кризис действительно начался опять, но уже вызванный войной. Прежде всего пострадала сильно текстильная промышленность, работавшая на крестьянский и на восточный рынки. Первый сократился потому, что в связи с войной уменьшилась покупательная сила деревни, а второй — просто потому, что война либо оторвала нашу текстильную промышленность от дальневосточных рынков, либо, лишив ее кредита, заставила сократить свои обороты. Склады были завалены товарами, но покупателей для русской мануфактуры не находилось. Не менее сильно пострадали многие отрасли южной промышленности, изделия которой по большей части шли на Восток (например, табачные изделия южных фабрик, одесская промышленность и т. п.). Многие предприятия сократили производство просто потому, что отпали казенные заказы, так как правительство тратило огромные суммы на войну и на предметы военного снаряжения. В затруднительном положении находилась тяжелая индустрия и особенно горная (угольная и нефтяная).

Капиталисты же, как всегда, перекладывали тяжесть кризиса со своих плеч на плечи рабочих: понижение заработной платы и удлинение рабочего дня снова стали обычным явлением. То же понижение заработной платы и то удлинение рабочего дня, о котором говорилось выше и которое произошло во время кризиса в 1900 — 1903 г.г., осталось попрежнему; завоевания, совершенные рабочими в течение 1903 года, во время войны пошли на смарку, и рабочий в этом отношении очутился в том положении, в каком он был, когда начинал борьбу во время подъема в девяностых годах прошлого века, а между тем вздорожание жизни в связи с войной было очень велико, и потому реальная заработная плата в действительности была еще ниже.

В этом промышленном кризисе начала столетия и в кризисе 1904 года, особенно ухудшившем положение народных масс, в этом снижении заработной платы до уровня девяностых годов, а иногда еще ниже, в этом обнищании народа и нужно видеть ближайшие причины взрыва 1905 года; главнейшим же рычагом, приводившим в движение многомиллионное крестьянство, был аграрный вопрос, т.-е. борьба крестьян за землю [1]. Война и военные поражения были только могучим толчком, который вывел систему самодержавного строя из равновесия.

Конечно, революция 1905 года подготовлялась давно, уже начиная с 80-х годов, и повсюду чувствовалось несоответствие базиса с надстройкой: развивающиеся производительные силы толкали экономику страны вперед, но старые государственные формы решительно во всех областях — правовой, административной, общественно-политической — все еще хранили ограниченные узкие черты феодально-крепостнического режима, высшим воплощением которого было самодержавие. Таким образом, в том

[1] См. об этом дальше: гл. X, § 7 и гл. XI, § 1.

самом строе, внутри которого зрели и развивались новые могучие производительные силы, они встречали препятствия и путы. Под напором этих новых производственных отношений рвались старые формы жизни; и рано или поздно разрушительные процессы должны были окончиться катастрофой.

Кризис девяностых годов и война, продолжавшая его, были последним ударом в обветшалые стены старого режима. Через год после начала войны чувствовалось всеми и повсюду, что пахнет порохом и кровью.

Передовым борцом оказался, как и следовало ожидать, пролетариат. В декабре 14-го числа началась 30-тысячная забастовка бакинских рабочих, как предвестник новых грандиозных классовых битв пролетариата; 18-го числа произошла демонстрация в Екатеринославе, 20-го пал Порт-Артур, а 9-го января 1905 года началась великая революция в России.

Вот в какой раскаленной политической обстановке летом 1903 года происходил второй съезд партии, и вот при каких условиях начался партийный раскол, первые фазисы которого изложены выше.

3. Отношение к расколу русских соц.-демократических организаций и их положение накануне революции.

Несомненно, что меньшевики первые формально узаконили этот раскол: уже осенью 1903 года меньшевики составили нечто вроде ЦК своей меньшевистской фракции, в состав которого входили Аксельрод, Дан, Мартов, Потресов и Троцкий[1]. О том, что меньшевики шли на раскол, теперь мы можем судить по переписке Аксельрода и Мартова.

Вот что, например, писал Мартов Аксельроду 4 ноября 1903 года, торжествуя предстоящую победу: „...Ленин, вероятно, согласится на кооптацию и уйдет под сень ЦК, а Плеханов предлагает нам вести (вместе с ним) в «Искре» войну против ЦК. Как бы то ни было, Ленин разбит. «Робеспьер пал», говорит Плеханов, и Плеханова теперь ругательски ругают его вчерашние адъютанты. Плеханов очень удручен...“[2].

Плеханов не мог, конечно, быть спокойным потому, что прекрасно видел, как, несмотря на захват меньшевиками центральных органов, партия остается старо-искровской, большевистской. Действительно, если просмотреть номера новой „Искры“, вышедшие в первые месяцы после съезда, то становится ясно, как реагировала партия на раскол: даже новая „Искра“ принуждена была печатать протесты комитетов против меньшевиков.

Кавказская организация отозвалась одной из первых. В октябре состоялся областной съезд кавказских соц.-демократических органи-

---

[1] „Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова“, стр. 104, примеч. 4.
[2] Ibid., стр. 97.

заций. На этом съезде присутствовали представители Бакинского комитета Б. Кнуньянц и Ашот, Тифлисского комитета— В. Нанейшвили и И. Г. Церетелли, Кутаисского — Александр Цулукидзе, Батумского — Н. В. Рамишвили и Б. Чхиквишвили, члены Областного комитета Миха Цхакая, Миха Богоришвили и Посталовский (Вадим), а также члены съезда А. Г. Зурабов и Топуридзе (меньшевики). После отчета делегатов о съезде, Кавказский комитет высказался против раскольнической позиции меньшевиков и выбрал большевистский состав Областного комитета. По мере же того, как раскол углублялся и русские организации одна за другой высказывались против меньшевиков, эти последние заполняли номера „Искры" полемическими статьями. Чтобы не казалось голословным только-что сказанное, приведем хотя бы неполный перечень полемических статей, печатавшихся в „Искре", захваченной меньшевиками. В № 56 „Искры" Мартов печатает статью „На очереди" (кружок или партия?), в номерах 55 и 57 Аксельрод поместил свои фельетоны „Объединение Российской соц.-демократии и ее задачи", в номере же 57 напечатана статья Мартынова „Голос из народа" в № 64 — „Ленин о наших организационных задачах", в № 65 — „Централизм или бонапартизм" Плеханова, в 66 номере — „Каутский о наших разногласиях" (статья несомненно написана под влиянием одностороннего освещения вопроса меньшевиками), в № 67—ответ на письмо Лядова Плеханову и специальное приложение по поводу книги Ленина „Шаг вперед — два шага назад". К этой литературе (до лета 1904 г.) необходимо прибавить брошюрочную литературу, как, например, „Второй съезд РС-ДРП. Отчет Сибирской делегации" Троцкого, „Борьба с осадным положением" Мартова и т. п.

При таких условиях, когда Центральный Орган оказался в руках меньшевиков, положение искровского большинства оказалось очень тяжелым. Правда, еще в декабре вышло письмо Ленина „Почему я вышел из редакции «Искры»", в феврале „Письмо к товарищам о втором съезде РС-ДРП." Павловича (Красикова), „Комментарий к протоколам второго съезда Загр. Лиги русской соц.-демократии", в мае „Шаг вперед — два шага назад" Ленина, но, конечно, эта незначительная по количеству литература не могла угнаться за тем морем статей и брошюр, какое выбрасывали меньшевики в партийную массу.

Но до лета положение большевиков было еще терпимо, так как состав Центрального Комитета был большевистский. Меньшевики были сильны в заграничной с.-д. организации (ЦО, Совет партии, Лига, периферия), что же касается России, то здесь большинство организаций шло за большевиками. Летом положение не только небольшой колонии большевиков за границей, но и русских организаций ухудшилось: вследствие арестов выбыли из строя Центрального Комитета большевики Ленгник, Зверь (М. Розенберг) и Гусаров; в ЦК остались примиренцы Л. Б. Красин (Никитич), Гальперин и Глебов (Носков); они исключили

из ЦК Землячку на том основании, что, будучи членом ЦК, она была и членом местного комитета, что запрещалось уставом. Так как из ЦК ушел и Кржижановский, то ЦК занял уже чисто примиренческую позицию, и большевики теперь потеряли все центры— ЦОЦК, Совет партии, технику и транспортный аппарат.

К счастью, подавляющее большинство русских организаций было на стороне большевиков. По мере того, как они знакомились с тем, что происходило на съезде, по мере того, как они все больше и больше читали полемическую литературу „Искры", для них становилось ясно, где истина и кто является дезорганизатором партии.

Начиная с первых месяцев 1904 года, поступают резолюции протеста в „Искру". Последняя, хотя и с опозданием, вынуждена печатать их.

В номере 60 (февральском) помещены резолюции Тверского и Бакинского комитетов. Первый, указывая на неудовлетворительность формулировки первого параграфа устава, требует скорейшего опубликования протоколов съезда и Лиги, устранения полемики со страниц „Искры" и мира в партии. „...Мы,—говорится в резолюции,—не изменим своего отношения к редакции, если только она не изменит прежнего направления «Искры». Что же касается заявления редакции, что в своем теперешнем составе она «почти» не изменилась, то с этим согласиться не можем. Тов. Ленин достаточно большая величина, и выход его из редакции — потеря для общего дела" [1].

Бакинский комитет также требует полного устранения полемики со страниц „Искры". В мартовском 62 номере появились резолюции Батумского, Астраханского и Николаевского комитетов.

Батумский комитет, поддерживая большевистский ЦК, отказывает в доверии ЦО и требует устранения полемики со страниц „Искры"; резолюции Астраханского и Николаевского комитетов были еще более резки: астраханская резолюция выражает сожаление, что съезд после отказа Мартова участвовать в редакционной тройке (Плеханов, Ленин, Мартов) не выбрал вместо него другое лицо, и требует: „1) точного исполнения постановлений второго съезда с восстановлением числа и состава лиц, избранных съездом в состав редакции ЦО, 2) устранения из состава редакции ЦО всех, которые не пожелают и впредь подчиняться постановлениям съезда, 3) прекращения непроизводительной затраты сил и средств партии на расходы по агитации меньшинства"... Николаевская резолюция выражает доверие ЦК, порицает „враждебную и дезорганизаторскую позицию меньшинства и требует, чтобы наравне с меньшинством и большевики могли на страницах партийной прессы выяснять свои взгляды". Правда, редакция „Искры" в своих примечаниях старалась ослабить впеча-

[1] „Искра", № 60.

тление от помещаемых ею резолюций; так, в № 62 говорилось о том, что упомянутая выше резолюция Бакинского комитета была принята четырьмя голосами против трех, при чем один товарищ, голосовавший за резолюцию, был членом ЦК (с решающим голосом). Но резолюции протеста продолжали поступать в „Искру".

В апрельском номере „Искры" (№ 63 от 1 апреля) появился обширный ответ на письмо ЦО комитетов Уфимского, Средне-Уральского и Пермского. В этом ответе на приглашение ЦО высказаться по поводу возникших разногласий прямо указывается на поворот, который сделала новая „Искра". „С выходом Ленина,— говорится между прочим в этом ответе,—«Искра» сразу повернула кругом. Еще не высохли чернила, которыми писал и учил Ленин о том, какой большой вред приносят партии ее внутренние враги — ревизионисты, оппортунисты и экономисты, как пошли в «Искре» писать о тактичности, мягкости, миролюбии, снисходительности по отношению к этим врагам".

„...Теперь «Искра» находит, как невинная Донна Бланка в «Диспуте» у Гейне, что и политики и экономисты — они воняют оба".

Эти слова били прямо не в бровь, а в глаз Плеханову и его товарищам по редакции—тем более, что резолюции, солидаризовавшиеся с большинством, продолжали поступать. Уже в июне в приложении к № 68 „Искры" напечатана резолюция Рижского комитета, осуждающая методы политики ЦО и находящая, что единственным выходом из ненормального положения дел, созданного обструкционистской тактикой редакции и части Лиги, он считает немедленный созыв третьего съезда партии [1].

За немедленный созыв съезда высказались также Кавказский союзный комитет (резолюция напечатана в № 74 „Искры" от 20 сентября 1904 г.), Сибирский союзный комитет (май 1904 г., в № 70 „Искры" приложение от 25 июля того же года), Тульский комитет, Петербургский комитет (от 23 июля 1904 г.) и Екатеринославский комитет (от 1 июля 1904 года). Еще раньше, в марте 1904 г., Одесский комитет и в апреле Тверской комитет требовали немедленного созыва третьего съезда партии. Нельзя однако умолчать о том, что были и такие организации, которые присылали свои приветствия новой „Искре", например Петербургский комитет и Воронежский комитет, оплот экономистов. Но редакция „Искры" либо излагала эти резолюции своими словами, либо печатала их не целиком. Дело объясняется просто: в той части резолюции Воронежского комитета, которая в „Искре" не была напечатана, осуждалось „искрянское" направление, заявлялось, что взгляды „Искры", проводимые Плехановым и Лениным, нежизненны и что, так как с уходом Ленина из редакции „Искра" исправилась,

[1] См. приложение к № 68 „Искры", стр. 4.

Воронежский комитет „приветствует" поворот, совершившийся в „Искре" [1].

Так дело шло до июля, когда аресты и примиренческая политика ЦК и этот орган сделали враждебным большевикам. Как рассказывает тов. Лепешинский, в июле состоялось собрание примиренческого ЦК (в составе Красина, Носкова и Гальперина), который постановил [2] признать законным состав ЦО и неоспоримым высоту ЦО „во всем, что касается защиты и выяснения основных принципов международной соц.-демократической программы и тактики", что желательно вхождение Ленина в редакцию ЦО и что „ЦК решительно высказывается против созыва в настоящее время экстренного съезда и против агитации за этот съезд".

Кроме того, в пунктах 11, 12 и 13, не опубликованных в „Искре", постановлялось аннулировать ранее состоявшееся соглашение между Глебовым и Лениным о том, что они оба являются представителями ЦК за границей, Ленину поручить только обслуживание литературных нужд ЦК, при чем ставилось ему на вид его слабое участие в литературной деятельности; заведывание же всеми делами ЦК за границей поручалось только Глебову (сношения с ЦО, посылка людей в Россию, касса, экспедиция, типография, разрешение печатания партийной литературы) [3].

Положение Ленина и без того было невыносимым: как член Совета партии, он обязан был присутствовать на его заседаниях, но, присутствуя там, он всегда оставался в меньшинстве, встречая сплоченную тройку — Мартова, Плеханова и Аксельрода, доходивших в своей фракционной борьбе до последних пределов; например, для того, чтобы не дать оружие в руки Ленина, Совет постановил не публиковать протоколов своих заседаний. Теперь же, после перехода ЦК на примиренческую позицию, положение Ленина и большевиков стало еще хуже.

4. Агитация большевиков за созыв экстренного съезда и подготовка к нему.

Стало ясно, что необходимо организоваться и большевикам. Лучшие и опытнейшие из профессионалов-большевиков (Лядов, Землячка, Воровский, Красиков, Лепешинский и др.), отчасти в России организуют большевиков (Лядов, Землячка), отчасти за границей собирают силы — организуют группы содействия в городах Франции, Германии, Швейцарии и Бельгии, подготовляют свое большевистское издательство, подумывают о своем органе.

---

[1] Н. Шахов. „Борьба за съезд". Женева. 1904 г., стр. 48.

[2] Заявление Центрального Комитета, в № 72 „Искры", стр. 9, а также П. Н. Лепешинский. „Протоколы II съезда РС-ДРП" вступит. статья, стр. 400.

[3] „П. Н. Лепешинский". „Протоколы II съезда РС-ДР Партии", стр. 400.

В августе в Женеве собирается конференция большевиков (Ленин, Крупская, М. И. Ульянова, Красиков, Лепешинский, Лядов, Ольминский и др.), где и принимается резолюция 22 большевиков с призывом „К партии".

В этой резолюции, отпечатанной в типографии Рижского комитета, указывается, что Россия находится накануне революции и что поэтому от РС-ДРП требуется особенная организованность и выдержанность. Далее кратко рассказывается о возникшем расколе, о кружковщине, не пожелавшей в лице меньшевиков подчиниться постановлениям съезда, и о том единственном выходе, который может окончательно ликвидировать кружковщину, создать сильную партию, — о новом съезде.

Резолюция указывает и те задачи, которые предстоит разрешить съезду — переход редакции ЦО в руки сторонников большинства, точное регулирование отношений между Лигой и ЦК, как общерусским центром, и „гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы".

„Съезд необходим,—говорится в резолюции.—Он был бы необходим даже при нормальном течении партийной жизни в виду исключительности исторического момента, в виду возможности новых задач, поставленных партии мировыми событиями. Он вдвойне необходим при нынешнем партийном кризисе для честного и разумного выхода из него, для сохранения сил партии, для поддержания ее чести и достоинства" [1].

Но, призывая к созыву третьего съезда, большевики думали не о расколе, а об укреплении партии, питая надежду, что болезнь партии является только „болезнью роста" и что на съезде победит окончательно не кружковщина, а партийность [2].

Прямо с конференции Землячка с резолюцией, спрятанной в рамке зеркала, отправилась в Россию и объехала все важнейшие комитеты того периода — Петербург, Москву, Тифлис, Баку, Кутаис, Батум, Ригу, Тулу, Тверь, Киев, Ярославль, Воронеж. Меньшевики тоже не дремали, и их агенты объезжали Россию; так, примиренчески настроенный „Иннокентий" (И. Дубровинский) проехал по Кавказу. Энергии, стремительности и необыкновенным организаторским талантам и способностям большевистских агентов, в особенности такого человека, как Землячка, обязаны были большевики тем, что все комитеты названных выше городов высказались за необходимость съезда.

В Женеве, повидимому, было избрано бюро комитета большинства (Б. К. Б.), состав которого, по словам его участников, был следующий: Землячка, М. М. Литвинов, А. А. Богданов, П. П. Румянцев, М. Н. Лядов, А. И. Рыков и Владимиров [3].

---

[1] Протоколы III съезда РС-ДРП, стр. 506.

[2] Резолюцию подписали: Ленин, Крупская, А. А. Богданов, Луначарский, Ольминский, Лепешинский, Лядов, Воровский, Зверь.

[3] О составе Б. К. Б. смотри „Прол. Револ." за 1925 год, № 11/34, ст. Р. Хабас „Создание большевистского центра (Б. К. Б.) и газеты «Вперед»", стр. 26. Р. Хабас называет членом Б. К. Б. еще и „Зверя", т. е. М. М. Розенберг-Эссен.

В ноябре удалось созвать три конференции: Южную (комитеты — Одесский, Николаевский и Екатеринославская организация), Кавказскую (организации — Бакинская, Тифлисская, Батумская и Имеретинско-Мингрельская) и Северную (организации — Петербургская, Московская, Нижегородская, Тверская и Рижская).

На этих конференциях и были приняты основные положения резолюции 22-х, и все организации, принявшие резолюцию, стали помогать Б. К. Б., которое избрало местом своего главного пребывания и деятельности Петербург.

Здесь был центр политической жизни, здесь был самый сознательный пролетариат, здесь, наконец, должны были разыграться важнейшие моменты революции. Здесь, кроме того, было удобнее и в конспиративном отношении. Петербургский комитет, как само собой ясно, имел огромное значение. Поэтому здесь и были сосредоточены наиболее сильные работники-большевики (Землячка, Гусев, Богданов и др.). О пополнении Петербургского комитета большевистский центр за границей заботился особенно и посылал туда наиболее сильных товарищей.

Заграничный центр большевиков составился естественно вокруг той издательской и организационной работы, которая началась вскоре же после, или, быть может, в связи с конференцией в августе. В него несомненно входили Ленин, Крупская, Воровский и некоторые другие товарищи. В редакцию же вскоре организовавшегося органа большевиков „Вперед“ вошли — Ленин, Луначарский, Ольминский и Воровский.

Создание большевистского органа „Вперед“ явилось логическим следствием той борьбы фракций, которая развертывалась все шире и шире: раскол не был выдуман ни большевиками и даже не меньшевиками; ход вещей, внутренние противоречия, развитие русской соц.-демократии привели к столкновению двух течений — революционного марксизма и оппортунистического крыла соц.-демократии. Нельзя обвинять большевиков за эту организацию и постановку своего органа: противник, захвативший в свои руки „Искру“, противник, можно сказать, на другой день после второго съезда создавший свой нелегальный центр, противник, в руках которого были средства и связи — этот противник, душивший большевиков, заставил их также организоваться, и остается удивляться, почему большевики так долго медлили начать свою работу. Происходило это потому, что большевики никак не могли сначала предполагать, что меньшинство пойдет даже на раскол, и очень долго пытались добиться мира в партии „конституционными способами“.

Что это действительно так, что только-что высказанная нами точка зрения — не плод узкого, одностороннего освещения событий, свидетельствует множество фактов: во-1) создание меньшевиками своего центра тотчас после съезда, во-2) запол-

нение „Искры“ полемическими статьями против большевиков, в-3) захват ЦО Совета партии, а затем и ЦК не волею съезда, а в результате своей, направленной к этому работы и в-4) захват средств.

Об этом говорят меньшевистские документы. Вот, например, как меньшевики распоряжались средствами, полученными от германской соц.-демократии для РС-ДРП, то-есть и для большевиков и для меньшевиков.

Для заведывания всеми предприятиями и средствами за границей меньшевиками была составлена комиссия из представителей ЦО, ЦК, Лиги и Блюменфельда. Получая деньги из России на партию, ЦО—Мартов и Аксельрод—скрывал получение этих денег и от комиссии и уж, конечно, от большевиков. „Показывать ли эти деньги?—пишет Мартов Аскельроду по поводу получения денег из России.—Мы решили, что, пока дело соглашения так непрочно, показывать нет смысла, лучше давать комиссии деньги понемногу“[1]. „...Но, с другой стороны, имея в виду, что у нас есть «запас» в шесть тысяч рублей, можете уже не бояться выдавать «комиссии» немецкие деньги“.

Величайшую честь делает Мартову его бережное отношение к партийным деньгам, но бережливость-то эта была направлена исключительно на нужды своей фракции.

У большевиков же денег не было, а так как мечтать о том, что меньшевики будут печатать в „Искре“ или на счет ЦК ответы большевиков на полемические выпады меньшинства, было по меньшей мере наивностью, то и пришлось подумать о собственных изданиях.

5. Организация большевистских центров и газета „Вперед“.

В августе усилиями Бонч-Бруевича удалось приступить к издательской деятельности и выпустить полемическую брошюру „Галерки“ (М. С. Ольминского-Александрова) — „Долой бонапартизм“. За этой брошюрой последовали другие: Галерка и Рядовой—„Наши недоразумения“, Н. Шахов (В. Воровский)—„Борьба за съезд“, Галерка—„На новый путь“, Орловский (Воровский)— „Совет против партии“; эти брошюры вышли втечение августа — декабря 1904 года, когда уже вся „Искра“ только и занималась в отделе партийной жизни (да и помимо этого отдела) исключительно полемикой. Но брошюры, конечно, не могли заменить регулярно выходящего органа. Мысль о таком органе, по словам наиболее осведомленных в этом вопросе большевиков, явилась у Ленина еще летом в 1904 году, но осуществить ее удалось только к концу 1904 года, когда группа женевских большевиков предъ-

---

[1] „Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова“, стр. 109.

явила Ленину ультиматум „немедленно приступить к изданию газеты, хотя бы без денег"[1].

На собрании женевских большевиков-литераторов был более детально разработан вопрос об издании газеты, был принят написанный Луначарским текст извещения об издании „Вперед" и объявление о приеме подписки.

Денег однако было мало, что-то около тысячи франков; этого едва хватило на два номера, но дело оставлять было нельзя, и вот 22 декабря 1904 года по старому стилю (или 4 января 1905 года по новому) вышел первый номер первой большевистской газеты „Вперед".

Какие же задачи ставил себе новый орган? „Мы боремся и будем бороться,—говорит Ленин в „Письме к товарищу",—за выдержанное революционное направление против смуты и шатания в вопросах организационных и тактических".

„Разногласия вышли,—говорит он несколько выше,—далеко из пределов организационного вопроса. Основывая наш орган, мы действуем в полном согласии со всем нашим поведением в партийной борьбе. Мы отнюдь не покидаем борьбы за съезд, а наоборот, хотим расширить, обобщить и поддержать эту борьбу, хотим помочь комитетам решить встающий перед ними новый вопрос о съезде помимо Совета и ЦК, против воли Совета и ЦК, вопрос, требующий всестороннего серьезного обсуждения"[2].

Таким образом, Ленин заявил во-первых о том, что направление „Вперед" будет продолжением старой „Искры" („выдержанное революционное направлене против смуты и шатания"), второе, что новый орган будет вести борьбу за съезд, опираясь на русские комитеты, третье, что борьба за съезд идет против меньшевистских центров, и четвертое, что организационные разногласия перешли уже в область более широкую, в сферу тактики.

6. „Земская кампания и план «Искры»".

В чем же выразились эти разногласия, вышедшие уже за организационные рамки? В конце года, в связи с „весной" или „эпохой доверия" Святополк-Мирского, меньшевики выпустили письмо только для членов партии. В этом письме рекомендовалось нашим партийным организациям воспользоваться оппозиционным настроением либеральной буржуазии и задаться целью „придать ей побольше храбрости и побудить ее присоединиться к тем требованиям, с которыми выступит руководимый социал-демократией пролетариат". Но, заставляя буржуазию предъявлять

[1] См. М. С. Ольминский—„Предисловие" (стр. 2) к изданным Истпартом газетам „Вперед" и „Пролетарий", вып. I, М. 1924 г.; также Бонч-Бруевич—„Техника большевистского подполья", вып. I, стр. 248. Только Бонч-Бруевич утверждает, что он первый задумал издание органа.

[2] „Прол. Рев." за 1924 г., № 11 (34), стр. 33.

наши требования правительству, социал-демократия должна была заботиться о том, чтобы буржуазия предъявляла эти требования под влиянием не „энергических мер устрашения" со стороны пролетариата и не под влиянием „паники", нагоняемой на нее выступлениями рабочего класса.

Для проведения же такого плана комитеты должны были вести массы рабочих к тем местам, где устраивают свои банкеты либералы, но при этом организация должна была позаботиться, чтобы эти массы не запугали либералов, для чего исполнительная комиссия, специально выбранная на случай выступления, должна была предупредить либералов, сговориться с ними о выступлении рабочих ораторов на банкетах. На деле выполнение плана „Искры" очень часто сводилось к тому, что рабочим массам, пришедшим к помещениям, где происходили либеральные банкеты, приходилось ожидать на улице, пока соц.-демократические ораторы или агитаторы договаривались с устроителями банкетов. Нередко либералы отказывались пускать на свои собрания соц.-демократических ораторов, и рабочие, собиравшиеся на демонстрацию, расходились по домам.

Ленин, критикуя план „Искры", говорил, что, не отказываясь использовать оппозицию, партия пролетариата не должна предъявлять свои требования самодержавию при посредстве либеральной буржуазии и что серьезная поддержка земских ходатайств пролетариатом состоит не в том, чтобы создавать условия, при которых земства говорили бы от имени народа, а „в нанесении удара врагам народа" [1].

„Именно в настоящий момент,—пишет Ленин,—центральным фокусом политической деятельности пролетариата должна быть организация внушительного воздействия на правительство, а не на либеральную оппозицию. Именно теперь всего менее уместны соглашения рабочих с земствами о мирном манифестировании,— соглашения, которые неизбежно превратились бы в чисто водевильные подстраиванья эффектов,—всего более необходимо сплочение передовых революционных элементов пролетариата для подготовки решительной борьбы за свободу. Именно теперь, когда наше конституционное движение начинает ярко обнаруживать исконные грехи всякого буржуазного либерализма, а русского в особенности: непомерное развитие фразы, злоупотребление словом, которое расходится с делом, чисто филистерскую доверчивость к правительству и ко всякому герою лисьей политики,— именно теперь особенно бестактны фразы о нежелательности устрашения и паники господ земцев, о рычаге для реакции и проч. и проч. Именно теперь важнее всего укрепить в революционном пролетариате твердое убеждение в том, что и настоящее «освободительное движение» в обществе неминуемо и неизбежно покажется таким же мыльным пузырем, как предыдущие, если не

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. VI, стр. 9.

вмешается сила рабочих масс, способных и готовых на восстание" [1].

Кризис самодержавия близок, по мнению Ленина, и потому „дело рабочего класса — расширять и укреплять свою организацию, удесятерять агитацию в массах, пользуясь всяким шатанием правительства, пропагандируя идею восстания, разъясняя необходимость его на примере всех тех половинчатых и заранее осужденных на неуспех «шагов», о которых так много кричат теперь".

Таким образом, на-лицо было две тактики: одна меньшевистская, староверовская, аксельродовская, мартовская — принижение роли пролетариата до роли несамостоятельного послушного орудия в руках буржуазии, и другая — ленинская, революционная, самостоятельная борьба пролетариата, использующего оппозиционное настроение буржуазии, но и разоблачающего ее половинчатость.

Разногласия, скрытые, но уже бывшие и до второго съезда, проявившиеся в форме различных планов организации, теперь выплыли на свет в виде двух тактик по одному из самых важнейших вопросов революции.

Литература к десятой главе.

1. *П. Н. Лепешинский.* „На повороте". П. 1922 г.
2. *Его же.* „От кружковщины к партии", вступ. ст. к „Протоколам II съезда РС-ДРП". Изд. „Прибой". Л. 1924 г.
3. *В. И. Ленин.* Собр. соч., т.т. IV, V и VI.
4. *Г. В. Плеханов.* Соч., т. XII.
5. *Ю. Мартов.* „Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России". Изд. „Книга", 1923 г.

---

[1] „Земская кампания и план «Искры»" Собр. соч., т. VI, стр. 21—22.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Пятый период истории русской социал-демократии (1905—1907 г.г.) и второй период истории большевизма.

I. ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТРЕТИЙ СЪЕЗД РС-ДРП.

1. Полицейский социализм и Гапон.

Величайшие события в мире, январские дни 1905 г. в Петербурге, начались, как это нередко бывает, самым обычным происшествием на одном из столичных заводов — Путиловском.

Администрация завода в декабре 1904 года объявила расчет нескольким рабочим, состоявшим членами „Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга", устроенного еще в 1904 году. Уволенный рабочий Сергунин и трое его товарищей (Уколов, Субботин и Федоров), которым тоже грозило увольнение, обратились за защитой к Нарвскому отделу „Собрания". Нарвский отдел горячо отнесся к просьбе товарищей, и меньше чем через месяц после этого случая, каких было тысячи в это тяжелое время безработицы, вспыхнула революция.

Что же представляло собой это „Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга" и кто был его организатором?

Обыкновенно называют организатором и руководителем этого собрания, как и руководителем рабочих масс в январе 1905 г., священника Гапона. Это, однако, далеко не так. Священник Георгий Гапон, сын зажиточного крестьянина местечка Белик Кобелякского уезда Полтавской губ., еще в детстве отличался большой фантазией, воображением и честолюбием. Окончив Полтавскую духовную семинарию в 1893 году, Гапон не мог сначала продолжать своего духовного образования, так как в семинарии у него вышла „история" с начальством. Сделавшись священником в Полтаве, он, однако, быстро вошел в доверие к начальству, и ему в 1898 году удалось поступить в Петербургскую духовную академию, курс которой он и окончил в 1903 году. Живя в столице, Гапон очень скоро, еще будучи студентом академии, сумел завя-

зать знакомства с представителями великосветского и бюрократического мира. Чувствительный и отзывчивый, хитрый и экспансивный, с красивой наружностью, он поражал слушателей своим страстным голосом и жгучими глазами, а его „просветительная" и благотворительная деятельность среди беднейших слоев петербургского населения снискали ему благосклонность дам-патронесс, которые и ввели его в круг бюрократов, мечтавших о том, чтобы взять в свои руки развивающееся революционное движение. Познакомился Гапон и с выдающимся душителем рабочего движения, предателем, провокатором, а затем сыщиком, С. В. Зубатовым.

Зубатов, создавший в Москве общество рабочих, руководимое охранниками, пытался, уже занимая место в департаменте полиции, создать такое же общество и в Петербурге. Исполнителем своих намерений он думал избрать Гапона.

Несомненно, связь Гапона с Зубатовым была самая тесная несомненно также и то, что уже в 1903 году Гапон получал деньги от департамента полиции и был хорошо знаком с провокаторами и агентами Зубатова; несомненно, стало-быть, что он был в такой или иной степени агентом русской тайной полиции. Только простая случайность, именно отставка Зубатова, явилась причиной того, что Гапону уже одному, без своего учителя, пришлось создавать свой союз.

В конце 1903 года Гапон собирает вокруг себя группу рабочих, вырабатывает вместе с ними устав своего „Собрания", в ноябре представляет его градоначальнику на утверждение; а в феврале 1904 года устав уже утвержден министром внутренних дел. Сравнивая устав гапоновского „Собрания" с той программой, которую выработала Мария Вильбушевич для „Еврейской независимой рабочей партии", организации несомненно зубатовской, приходится прийти к заключению, что дух Зубатова или вообще департамента полиции витал над тем и над другим обществом. В самом деле, в программе зубатовской „Еврейской независимой рабочей партии" преследовалась цель заменить революционное учение эволюционным (как об этом говорилось в первом пункте программы М. Вильбушевич) и, вместе с проповедью „преимущества самодержавия", направить рабочее движение по полицейско-профессиональному руслу. И в уставе гапоновского „Собрания" тоже, хотя и не говорилось прямо об укреплении самодержавия, указывалось, что задачей союза является „возбуждение" и „укрепление" „в среде членов рабочих русского национального сознания" и улучшение материального и духовно-культурного положения пролетариата. И программа и устав провозглашали самодеятельность рабочего класса, и программа и устав, однако, отдавали эту самодеятельность в руки охранки: по программе М. Вильбушевич, „границы самостоятельности оканчиваются там, где начинаются права власти", по уставу Гапона эта самостоятельность проявляется обязательно в присутствии

представителя полиции. Разница между обществами та, что „Еврейская независимая рабочая партия“ не была признана правительством и действовала полулегально, а „Собрание“ жило открыто и с разрешения начальства раздвигало свои рамки. И дальнейшая судьба этих организаций одинакова: как „Еврейская независимая рабочая партия“ была сметена революционным движением и распалась в 1903 году, как зубатовские организации Шаевича в Одессе, организованные в январе того же 1903 года, были дискредитированы вспыхнувшей в июле политической забастовкой, так и „Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга“ уже вскоре после 9-го января было на деле уничтожено, хотя еще и влачило довольно долго жалкое существование. Разница между всеми этими организациями одна: в то время, как и „Еврейская независимая рабочая партия“ и зубатовские организации в Одессе были только полицейскими попытками — попытками взнуздать охранными вожжами рабочее революционное движение, в гапоновской организации в Петербурге был на-лицо и большой организующий элемент, но только элемент этот исходил не от полиции и даже не от Гапона, а от самих рабочих. Дело в том, что среди той группы лиц, какими окружил себя Гапон и среди которых, вне всякого сомнения, находились и заведомые охранники, существовала и группа честных, преданных делу революции рабочих, тот центр, откуда исходили организационные импульсы и где и совершалось, собственно, все дело сплочения рабочих масс[1].

2. Штаб Гапона.

К числу таких выдающихся и честных рабочих бесспорно относятся такие люди, как А. Е. Карелин и в особенности В. М. Карелина.

Этот штаб, как называли его сами рабочие и Гапон, очень часто собирался на квартире у Гапона, и здесь, незаметно для самого себя, Гапон принимал те мысли и решения, какие навязывали ему рабочие.

Этим рабочим можно поставить в вину то обстоятельство, которое укрыться от них не могло, — связь Гапона с полицией: они знали об этой связи и, зная о ней, они продолжали не только вести дело с Гапоном, но вели его так, как один Гапон без рабочих повести его не мог. Гапон играл двойную игру: департаменту он служил, проводя его намерения, а перед рабочими развивал план всероссийской организации, расширяющейся и укре-

[1] См. Д. Заславский—„Зубатов и Маня Вильбушевич“. „Былое“ за 1918 г., № 9 и Н. Бухбиндер—„Независимая еврейская партия“. „Кр. Лет“, за 1922 г., № 2—3, также С. Айзнафт — „зубатовщина и гапоновщина“. М. 1924 г.; выдержки устава зубатовского общества см. в прекрасно изданной А. А. Шиловым книге—„Г. Гапон. История моей жизни“, стр 144—147.

пляющейся и в надлежащий момент своим давлением на царя вырывающей у правительства уступки. Рабочие, „штаб", центр играли также двойную игру: пользуясь тем, что связи Гапона позволяют им расширять дело, они смотрели сквозь пальцы на связи Гапона с полицией и в своей среде не только думали, но говорили и, главное, делали все, что способствовало созданию огромной легальной рабочей организации. Соц.-демократы понимали эту сущность гапоновской организации, разоблачали ее, не пускали в нее своих рабочих, но не придавали ей большого значения. А между тем организация росла, и влияние ее среди массы пролетариата увеличивалось буквально с каждым днем. Это происходило в силу многих причин: 1) нелегальная соц.-демократическая организация была очень слаба, 2) рабочее движение уже давно переросло узкие рамки нелегальной организации, рвалось наружу, требовало, кроме нелегальных, еще и новых, легальных, массовых организаций, 3) организаторами гапоновских отделов являлись сами рабочие, 4) культурно-просветительные задачи, которые ставили себе такие гапоновцы, как Карелина и ее друзья, привлекали массу беспартийных рабочих и 5) наконец, ряса священника была как бы притягательной силой, тянувшей в „Собрание" самую темную, самую отсталую массу.

До какой степени была слаба наша нелегальная организация в начале 1905 года в Петербурге, можно судить по свидетельствам современников как меньшевиков, так и большевиков, наших нелегальных работников того времени в Петербурге.

Вся социал-демократическая организация в Петербурге (и большевиков и меньшевиков) даже после 9 января 1905 года включала только от 800 до 1000 человек членов, и это после того, как расстрел на площади убил не только веру в царя, но поколебал и веру в Гапона [1].

Конечно, силу организации нельзя измерять только числом членов — влияние наших идей в рабочей среде было огромно, — но факт остается фактом: накануне 9 января наша организация была страшно слаба, между тем как организация Гапона насчитывала более четырех тысяч человек. К декабрю 1904 года действовало уже 11 отделов „Собрания": Выборгский, Невский, Василеостровский, Московский, Коломенский, Петербургский, Гаваньский, Рождественский, Обводный и Колпинский; организовался отдел и в Сестрорецке.

В то время, как наша партийная организация, включая в свой состав высоко развитых квалифицированных рабочих-социалистов, задыхаясь в узких рамках нелегальной ячейки и совершенно правильно предостерегая рабочих от гапоновского общества, тратила на фракционную борьбу все силы и средства, „штабные", т.-е. организационный центр Гапона, легально привлекали тысячи

[1] Об этом см. в статье Б. Невского „Петербургская организация в январе 1905 г.". „Кр. Лет." за 1925 г., № 1 (12).

рабочих из самой пролетарской гущи. Полиция, которая выхватывала революционеров при помощи гапоновского союза, теперь, когда в него вошли тысячи, уже была бессильна остановить движение. Самое главное было в том, что в отделах самые темные и отсталые слои рабочих являлись творческой силой: логика диалектики полицейскую затею превращала этим путем в ее противоположность, сами массы революционизировали „Собрание“, и Гапон, как и штабные, уже в декабре был в руках массы послушным выполнителем ее желаний. Огромное значение имело и то обстоятельство, что в гапоновских отделах приняли самое широкое участие женщины, чего не было в нашей партийной организации. Участие женщин и придало такой грандиозный характер всему событию, окрасило его в такой яркий цвет, придало ему драматизм и жуткость: когда вышла на улицу жена, дочь, мать, когда она повела на площадь детей, мог ли остаться равнодушным хотя бы один даже самый отсталый и темный рабочий? Заслуга организации женщин всецело лежит на В. М. Карелиной, этой замечательной и интересной фигуре русского революционного движения: ее честность и преданность рабочему делу несомненна, а ее огромная работа по сплочению женщин-работниц до 9 января заставляет простить ей грех ее мягкого отношения к заведомому слуге полиции, Гапону.

3. Подготовка январских событий.

Обыкновенно полагают, и по рассказам Гапона и по рассказам участников событий, — что мысль о подаче петиции царю пришла в голову Гапону еще в марте 1904 г. Оспаривать этого не приходится, но не это было причиной возникновения мысли о подаче царю петиции. Мысль о хождении к царю выросла в самих рабочих массах. Стоит только вспомнить, что, еще начиная со времен волнений посессионных рабочих, русский подъяремный человек упорно стучался в двери к начальству, — челобитными к царю кончались требования рабочих, и только упорное молчание да розги и каторга в ответ на эти челобитные поднимали народ; с челобитной к царю пришли рабочие стачечники в 1878—79 годах в Петербурге (на Новой Бумагопрядильне), с целью обратить внимание начальства, как говорил на суде в 1885 году П. А. Моисеенко, организовавший стачку на Морозовской фабрике.

Челобитная, слезная просьба, как выражались в старину, прошение, петиция, как стали говорить теперь — это был исконный, старинный, испытанный, самобытный русский способ разрешать конфликты: без начальства ни шагу. Обращаясь к первоисточникам, мы находим и в событиях 9-го января этот старинный, доморощенный способ [1]. В самом деле, есть данные утвер-

[1] Этот вопрос детально нами будет рассмотрен в большой работе: „Массовое движение в 1905 г.“.

ждать, что слово „петиция“ было пущено в оборот еще задолго до 1905 г.: в тех мелких стачках, какие происходили в течение 1903 и 1904 годов, и фабриканты и начальство (фабричная инспекция и градоначальник) получали анонимные „петиции“ с требованиями рабочих. Эти „петиции“ посылались анонимно начальству, и начальство, вмешиваясь в стачки, заставляло фабрикантов итти на уступки. Весьма вероятно, что авторами „петиций“ являлись сплошь и рядом агенты Гапона и Зубатова, но это не меняет существа дела: важно то, что мысль о „петиции“ зрела уже давно в самых широких рабочих массах, и Гапон с его штабными только суммировали требования этих петиций, подводили итог этому массовому движению. То обстоятельство, что Гапон ухватился за эту мысль повести рабочих ко дворцу, не представляет ничего удивительного; какие бы мотивы ни руководили им — честолюбие, стремление стать на верху правительственной лестницы, — важно одно — эта мысль пойти к царю родилась не сразу, а постепенно созревала в голове и Гапона, и штабных, и всей массы, и только в самые последние дни в январе приобрела определенные конкретные формы.

Фактический ход событий как нельзя лучше подтверждает эти соображения. Уволенные рабочие обратились за помощью к Нарвскому отделу „Собрания“; отдел решил поддержать своих обиженных товарищей; праздники помешали немедленно развернуться событиям; только после Рождества, 27 декабря, на собрании представителей всех отделов спор выносится на решение всего петербургского пролетариата; здесь, на этом собрании, и принято было решение добиться увольнения мастера Тетявкина, виновника расчета рабочих, и отправить депутации — к директору завода Смирнову, к фабричному инспектору Чижову и градоначальнику Фуллону; здесь же те неясные стремления, мысли о петиции, бродившие в головах массы, „штабных“ и самого Гапона, приняли уже более конкретные формы: собранию было предложено обратиться к властям с петицией, и, хотя эта мысль целиком не собрала себе сторонников, однако она уже была пущена в массы, а дальнейший ход событий только способствовал укреплению этой мысли в массах. На другой день, 28 декабря 1904 года, депутации были у градоначальника и фабричного инспектора, а 29 декабря—у директора Путиловского завода Смирнова. Эти депутации не дали никаких положительных результатов, а 30 декабря объявление директора Смирнова, заявлявшего, что для него необязательны постановления „Собрания“, которое по уставу не имеет права вмешиваться в дела завода, еще яснее показало рабочим всю безнадежность обычных средств воздействия на начальство. 2 января, на собрании „Нарвского отдела“, после доклада о хождении трех депутаций по начальству, решено было 3 января остановить Путиловский завод. Само собою ясно, что уже через несколько дней бастовал весь Петербург: 8 января,

по официальным данным, бастовало уже 456 заведений и 111 тысяч рабочих; если же принять во внимание и те мелкие заведения, которые в подсчет фабричной инспекции не входили, то число забастовавших было еще больше.

Одновременно с развитием забастовки, развивалась и агитационная деятельность отделов: районы кипели, а отделы превратились в те организационные пункты, откуда исходили импульсы движения. В массы была пущена уже не только мысль о петиции, но и самый проект петиции; он *читался, обсуждался, одобрялся, дополнялся самой массой*. Абсолютно не имеет никакого значения, кто был автором этого проекта. Его составлял Гапон, в его обсуждении несомненно принимали участие и представители революционных партий, но суть была в том, *что обсуждение этой петиции на многотысячных открытых рабочих собраниях, участие массы в этом обсуждении, революционное творчество самих масс очищало эту петицию в священном огне этого творчества от полицейской скверны ее происхождения, делало этот акт индивидуального творчества актом коллективного, массового, революционного творчества рабочего народа.*

Так бывает всегда, когда какое-либо дело, возникшее даже в тиши кабинета, становится делом масс: они, эти массы, выносят это маленькое дело из кабинетной тиши или пыли бюрократических канцелярий на шумное судьбище улицы и борьбы и там на улице силой решают вопрос о жизненности и правомерности своих требований.

4. Январские дни в Петербурге и в провинции.

На требованиях этой петиции мы остановимся ниже и, полагая, что фактический ход январских событий общеизвестен, остановимся еще раз на вопросе о причинах и характере этих событий. При рассмотрении этого вопроса нельзя ограничиваться только одними фактами, относящимися к Петербургу: около 200 тысяч рабочих Петербурга 9 января двинулись ко дворцу, войска, расположенные по заранее подготовленной диспозиции, встретили народ залпами, около тысячи убитых и раненых, кровь, расстрелы, трупы, зверства войск — все это убило веру в царя, и петербургский пролетариат сразу прозрел и понял, в чем причина его несчастий.

Так обыкновенно схематично представляют январские события. Дело было, вне сомнения, значительно сложнее. Конечно, бешенство, злоба, желание мести, ненависть к царю охватили всю многотысячную массу петербургского пролетариата уже 9 января. Это несомненно. Несомненно, что вера в царя была потеряна вместе с потерей своих товарищей на улицах Петербурга.

В этом огромное значение 9 января. Но это далеко не все. Два обстоятельства играют существенное значение в этих событиях: это, во-первых, то, что уже через два дня движение петербургских рабочих стало не только всероссийским движением, но и международным, и, во-вторых, то, что, убедившись в бессилии мирных средств борьбы, русская рабочая масса поняла, что правы те, кто звал ее на вооруженную борьбу, т.-е. то обстоятельство, которое можно кратко формулировать так: завоевание самых широких рабочих масс русской революционной соц.-демократией.

В самом деле, толчок, данный рабочему движению в Петербурге, как удар землетрясения, всколыхнул рабочих всей России: началось движение в Польше, Прибалтике, в центре России, на юге, на Волге, на Кавказе; только Урал да Сибирь активно не откликнулись на борьбу. Январские события в Польше, Прибалтике и в Донецком бассейне отличались не меньшим кровопролитием, чем в столице, а в Польше они приняли такой организованный, такой высоко-сознательный и такой драматический характер, что многие эпизоды этой борьбы оставляют позади стихийное движение Петербурга. Кавказ и Донецкий бассейн, а также Саратов стали сразу же также в авангарде движения. Но, быть может, самое важное значение январских дней в Петербурге состоит в том, что они были толчком к движению наиболее темных и отсталых слоев рабочих нашего центра — Москвы, Иванова, Орехова и других еще более отсталых углов.

Ленин, приведя слова Гапона о том, что „у нас нет больше царя“, так оценивает январские события: „... Это не священник Георгий Гапон говорит. Это говорят те тысячи и десятки тысяч, те миллионы и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, которые до сих пор могли наивно и слепо верить в царя-батюшку, искать облегчения своего невыносимо тяжелого положения у «самого царя-батюшки», обвинять во всех безобразиях, насилиях, произволе и грабеже только обманывающих царя чиновников.

„Долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру; каждый месяц жизни новой, городской, промышленной, грамотной России подкапывал и разрушал эту веру. Последнее десятилетие рабочего движения выдвинуло тысячи передовых пролетариев социал-демократов, которые вполне сознательно порвали с этой верой. Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и политической агитации, подорвал все основы такой веры. Но за этими тысячами и десятками тысяч стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплуатируемых, униженных и оскорбленных, пролетариев и полупролетариев, у которых еще могла остаться такая вера. Они не могли итти на восстание, они способны были только просить и умолять. Их чувства и настроения, их уровень знания и политического опыта выразил священник Георгий Гапон, и в этом

состоит историческое значение той роли, которую сыграл в начале русской революции человек, вчера еще никому неведомый, сегодня ставший героем дня Петербурга, а за Петербургом всей европейской печати"... [1].

За границей, конечно, рабочие не строили баррикад по случаю январских событий, но на своих собраниях, митингах, в своих речах, газетах они отметили эти события, как начало русской революции, стало-быть как начало событий, имеющих всемирное значение. И не только рабочие, но и демократические слои западно-европейской буржуазии приветствовали январское движение в России.

Насколько велик был толчок, данный в Петербурге, для пролетариата России, об этом свидетельствует то важное явление, какое отразилось в требованиях рабочих всей страны: требования гапоновской петиции вошли в своих главных существенных чертах в требования рабочих всей России; это заимствование иногда прямо резко бросается в глаза, — некоторые провинциальные фабрики и заводы прямо включали в свои требования — требования путиловцев (они вошли и в петицию Гапона).

Это и понятно: сама петиция Гапона была ведь только итогом той многолетней борьбы, какую вели русские рабочие; поэтому нет ничего удивительного в том, что 8 часовой рабочий день, повышение заработной платы, демократические гарантии — свобода слова, собраний, печати и т. д., т.-е. все то, что требовать учила рабочих русская соц.-демократия, нашло свое отражение в петиции.

В этом и заключается разгадка того, что рабочие массы, которые, по словам Ленина, творили историю без соц.-демократии, не шли за ней в январские дни, изгоняли соц.-демократов из своих собраний, очень скоро опять пришли к социал-демократии и признали охотно и добровольно ее руководство в своей борьбе.

Но это творчество масс без социал-демократии резко подчеркивало два настоятельнейших вывода — немедленную подготовку к вооруженному восстанию и восстановление партии, дезорганизованной расколом до последней степени. После 9-го января сама жизнь и поставила эти вопросы в порядок дня, тем более, что события с поразительной быстротой и грозно предупреждали о немедленном осуществлении поставленных революцией задач.

5. Комиссия Шидловского и массовое движение весной 1905 г.

Правительство, как всегда, и после 9-го января пыталось требования жизни потопить в крови народа и в море канцелярских чернил. Под шум растущего движения было объявлено об

---

[1] „Вперед" № 4. „Царь-батюшка и баррикады". „Вперед" и „Пролетарий". Изд. Истпарта, вып. I. М. 1924 г., стр. 61.

образовании комиссии сенатора Шидловского по рабочему вопросу. Рабочие приглашались выбрать уполномоченных, которые вместе с бюрократами и должны были изыскать средства улучшения жизни пролетариата. Обе фракции социал-демократии не закрывали глаз на никчемность и обман этих комиссий, но обе фракции выработали различные тактические линии по отношению к комиссии. Большевики призывали рабочих принять участие в выборах уполномоченных до самой последней ступени, чтобы там предъявить свои политические требования, при чем ничего кроме агитационного момента—отрыва рабочих масс от гапоновщины и упований на правительство и привлечения их на свою сторону—они не ожидали; меньшевики, как-то неопределенно рекомендуя бойкот комиссии на высших ступенях выборной кампании, связывали с комиссией идею образования каких-то самочинных рабочих выборных комиссий, которые в конце концов станут исходной организационной точкой для созыва всероссийского рабочего представительства и от этого рабочего съезда прямой дорогой поведут массы к учредительному собранию [1]. В интересах истины необходимо впрочем сказать, что на местах, вследствие сложности положения и слабости организации, как большевики, так и меньшевики путались и не выдерживали чистоты своей позиции. Бесспорно однако одно, — именно, что большевистская тактика была проще, резче, отчетливей и потому понятней массе. Бесспорно также и то, что выборы в комиссию Шидловского в Петербурге дали блестящие результаты: большинство выбранных рабочих оказались либо социал-демократы, либо сочувствующие им. Собравшись на общегородское собрание, эти уполномоченные предъявили политические требования, суть которых сводилась к тому, что только учредительное собрание может разрешить наболевшие вопросы русского рабочего движения и всей страны... Это являлось большим торжеством нашей тактики. Но не в одном этом социал-демократы использовали выборы в комиссию: выбранные рабочими уполномоченные на многих заводах остались и после закрытия действий комиссии — на Обуховском, Семянниковском, Путиловском и др. В числе этих уполномоченных оказались как выдающиеся меньшевики, так и большевики (Злыднев, Цыцарин и др.): они и связывали теперь узкую партийную организацию с широкой рабочей массой, они, эти самочинно возникавшие затем институты уполномоченных, и являлись теми исходными пунктами, которые внедряли в рабочие массы мысль о необходимости создания своего рабочего революционного представительства.

Само собою понятно, что такие результаты комиссии Шидловского заставили правительство прекратить ее действие; была

[1] „Красн. Лет." за 1925 г., № 1 (12). стр. 153 и „Искра" № 88, а также „Прол. Рев." за 1924 г., № 12 (35) „Прот. зас. Пет. ком. РС-ДРП", со вступ. ст. С. И. Гусева, стр. 10—51.

устроена новая комиссия Коковцова, но и она явилась мертворожденным плодом бюрократического творчества. Зеленое дерево жизни, оставаясь вечно зеленым, давало новые живые ростки. Весной, как отголосок январских потрясений, началось крестьянское движение, как бы поддерживая все более и более развивающееся движение в городе. А здесь весна принесла новые факты и явления: движение, правда, не охватывало таких широких масс, как прежде, но оно зато втягивало все новые и новые и, что самое главное, все более и более отсталые слои населения; не говоря уже о новых слоях мелкобуржуазной интеллигенции (адвокаты, врачи, инженеры), в движение вошли массы ремесленников и отсталых рабочих; приказчики, извозчики, парикмахеры, модистки, белошвейки, прачки, грузчики, прислуга, столяры, маляры, плотники и даже иконописцы выступили на борьбу с хозяином и начальством... Правительство спешно мобилизовало силы реакции, а движение все росло и росло. Майские дни, правда, не охватили всего рабочего класса: окраины и теперь шли впереди центра, но тот кроваво-красный отсвет, который запылал со стороны Польши, свидетельствовал, что силы пролетариата огромны. В мае, наконец, началась знаменитая Иваново-Вознесенская стачка, во время которой родился первый в мире Совет Рабочих Депутатов. В войсках шло глухое брожение, военные поражения на Дальнем Востоке создавали еще большее недовольство, локауты и расчеты еще сильнее будоражили массы, мобилизация черной сотни обостряла недоверие страны к власти, двусмысленное поведение либералов будило подозрения, — и все это в связи с кризисом, дороговизной, неопределенными слухами, насыщало атмосферу электричеством.

6. Третий съезд РС-ДРП.

Вот, стало-быть, в каком положении находилась страна, когда большевики поставили вопрос о немедленном созыве съезда партии. После 9 января съезд партии являлся самой срочной, неотложной задачей, и, как бы субъективно ни расценивать события, нужно сказать, что меньшевики, сознательно тормозившие созыв съезда, брали на себя тяжелую ответственность. Но никакие их усилия не могли уже задержать работы бюро комитетов большинства.

Б. К. Б., образовавшееся в результате трех конференций — Южной, Кавказской и Северной, встретило упорное сопротивление не только Совета партии и Центрального Органа, где засели меньшевики, но и ЦК, где сидели примиренцы. Но вот 9 декабря Петербургский комитет, примкнувший к Б. К. Б., сделал ЦК запрос, соберет ли ЦК съезд. Срок для ответа был дан месячный. Вместо ответа ЦК, выступление петербургского пролетариата показало, что медлить с созывом съезда дольше нельзя.

Б. К. Б. развило интенсивную работу, и к 4 марта 1905 года, когда, наконец, и примиренческий ЦК заявил, что и он за съезд, большинство комитетов высказались за съезд; 12 марта из Б. К. Б. и ЦК было образовано Организационное бюро по созыву III съезда партии. Почти одновременно с этим (именно 10 марта) Посталовский по поручению ЦК выехал за границу, чтобы информировать С. П. К несчастью, он был арестован, не успев перейти границы, и С. П. 7 апреля (25 марта) высказался снова против съезда. На состоявшемся частном совещании в Женеве членов С. П., ЦО и ЦК, представителями ЦК снова был поставлен вопрос о созыве съезда, о признании работы ОК по этому созыву и о взятии в свои руки всего дела. С. П. и ЦО во главе с Плехановым потребовали аннулирования всей работы ОК и отсрочки съезда еще на 3 или 4 месяца. Напрасно ЦК заявлял, что из 75 голосов, представлявших всю партию, за съезд высказалось 52, т.-е. больше двух третей, в то время как по § 2 устава партии для созыва съезда требовалась только половина этих голосов; напрасно ЦК указывал, что подавляющее большинство делегатов уже прибыло за границу,— С. П. и ЦО стояли на своем и предлагали распустить делегатов по домам, устроивши необязательную ни для кого конференцию. Тогда даже примиренческий ЦК вынужден был признать действия С. П. и ЦО незаконными и вынес весь конфликт на суд партии, опубликовавши весь ход переговоров ЦК с С. П. 23 (10) апреля 1905 г. На другой день (24 апреля) ОК заседал последний раз и выяснил, что на съезд прибыло 28 делегатов от 26 полноправных организаций с 56 решающими голосами из 75, представлявших всю партию. Таким образом было ясно, что большинство партии за съезд: 25 апреля 1905 г. третий съезд РС-ДРП, положивший начало партии большевиков, открыл свои заседания. На съезде были представлены следующие организации: С. П. (А. И. Любимов и Л. Б. Красин), ЦК (Л. Б. Красин) и комитеты — Воронежский, Орловский, Курский, Полесский, Петербургский, Рижский, Самарский, Северный, Северо-Западный, Тверской, Тульский и Уральский.

7. Две тактики русской соц.-демократии в демократической революции.

Одновременно с большевистским съездом заседала конференция меньшевиков, где присутствовали делегаты от меньшевистских групп Петербурга, Риги, Москвы, Саратова, Вильны, Смоленска, Николаева, Одессы, Киева, Харькова, Ростова-на-Дону, Донецкого бассейна, Кавказа и Сибири.

Центральным вопросом, обсуждавшимся на съезде и на конференции, несомненно, был вопрос о временном революционном правительстве, так как в этом вопросе и выявилась вся глубина разногласий между якобинцами и жирондистами русской рево-

люции. Это был вопрос о двух тактиках социал-демократии в буржуазно-демократической революции, вопрос о том, кто будет гегемоном в революции — революционный пролетариат во главе с революционной социал-демократией или буржуазия во главе с царем и помещиками, ибо три силы вступили в борьбу в эпоху первой русской революции: реакция, т.-е. помещики, феодалы, крупные землевладельцы во главе с царем, они бились за „свои" земли и привилегии; либеральная буржуазия во главе с освобожденцами и кадетами (впоследствии конституционно-демократическая партия), они бились за буржуазный строй, за условия наиболее благоприятные для развития этого строя; революционный пролетариат во главе с соц.-демократией, он бился за уничтожение феодального строя, за демократию, как необходимую предпосылку социализма. Политически после 9 января это выражалось в том, что правительство, т.-е. крупные помещики и царь, под ударами революции готово было созвать законосовещательное собрание народных представителей, революционный пролетариат требовал полного перехода власти к учредительному собранию, а либеральная буржуазия, не требуя всей полноты власти для учредительного собрания, готова была поделить власть между буржуа и помещиком, пойти на сделку с царем, ограничиться конституционной монархией.

Вопрос осложнялся еще тем, на какую чашку весов положит свою руку огромная часть мелкой буржуазии — революционное крестьянство.

И съезду и конференции надлежало, стало-быть, решить вопрос так, чтобы в своей борьбе пролетариат, подняв до себя крестьянство, повел его к решительной борьбе за демократическую республику, ибо только полная демократизация нашего строя смогла бы разрешить коренные вопросы революции — и победоносную борьбу крестьян за землю и победоносную борьбу пролетариата за такие условия, которые расчистили бы путь борьбе за социализм.

Но завоевание демократической республики возможно было только в результате победоносного вооруженного восстания, а отсюда вытекала и необходимость появления в известный момент временного революционного правительства и участия в нем при известных условиях представителей пролетариата. Россия переживает эпоху буржуазной революции, а „буржуазная революция есть такая революция, которая не выходит из рамок буржуазного, т.-е. капиталистического общественно-экономического строя". „Эта революция поэтому выражает интересы не только рабочего класса, но и всей буржуазии" [1].

Но отсюда нисколько не следует, что в эпоху буржуазной революции пролетариат должен отстраняться от роли гегемона в революции: буржуазная революция есть такой переворот,

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. VI, стр. 329.

который решительно и бесповоротно сметет все остатки феодализма и тем самым расчистит путь к социализму, и поэтому решительная буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату, который и должен стремиться вырвать руководство революцией из рук буржуазии в целях доведения революции до конца, до полной демократизации общественного строя. Но полнейшая демократизация общественного строя мыслима лишь в результате решительной победы революции. Решительная же победа революции над царизмом, — говорит Ленин, — „есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Больше некому одержать победу над царизмом. И такая победа будет именно диктатурой, т.-е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные «легальные», «мирным путем» созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контр-революционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма. Она сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня: наконец (последнее по счету, но не по важности) — перенести революционный пожар в Европу“.

Кто же является верным и наиболее последовательном союзником пролетариата в этой буржуазно-демократической революции? Революционное крестьянство, отвечали большевики. „У пролетариата с крестьянством нет единства в борьбе за социализм. Однако, это отсутствие единства в такой борьбе не отрицает единства воли в вопросах демократизма и в борьбе за республику“.

„Забывать это, — говорит Ленин, — значило бы забывать об *общенародном* характере демократического переворота: если «общенародный», то значит есть «единство воли» именно постольку, поскольку этот переворот осуществляет общенародные нужды и потребности. За пределами демократизма не может быть и речи о единстве воли между пролетариатом и крестьянской буржуазией. Классовая борьба между ними неизбежна, но на почве демократической республики эта борьба и будет самой глубокой и самой широкой народной борьбой *за социализм*. У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия. В борьбе с этим прошлым,

в борьбе с контр-революцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

„Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Тут перед нами дорога не от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму"[1].

Вот как ставил вопрос и разрешал его Ленин, а вместе с ним и большевики на третьем съезде партии. Понятно, что от такого разрешения коренного вопроса тактики получали разрешение и все остальные важнейшие вопросы момента. Исходя отсюда и учитывая условия, создавшиеся к лету 1905 года, третий съезд высказал мысль, что рабочее движение „уже привело к необходимости вооруженного восстания", и что поэтому нужно думать не только о пропаганде идеи вооруженного восстания, но учесть и практически-организационную его сторону и „принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата"[2]; отсюда же вытекало и участие представителей рабочего класса в органе восстания, т.-е. во временном революционном правительстве; отсюда же следовали и меры активной борьбы с правительством — разоблачение его реакционных шагов, борьба за восьмичасовой рабочий день, организация вооруженных отпоров наступлению черной сотни (резолюция об отношении к тактике правительства накануне переворота); отсюда получалось то отношение к крестьянскому движению, к аграрному вопросу, как „к гвоздю русской революции" по выражению Ленина[3], какое указывал третий съезд: „создавая самостоятельную классовую организацию среди сельского пролетариата, соц.-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель"[4], и организацию революционных крестьянских комитетов (резолюция об отношении к крестьянскому движению). Само собой ясно, что этот взгляд на задачи пролетариата диктовал и позицию по отношению к буржуазии в то время, как временные соглашения (на местах под контролем ЦК) с партией мелкой буржуазии, революционно-настроенной в то время, соц.-революционерами разрешались, по отношению к либеральной буржуазии диктовалась линия беспощадного разоблачения антиреволюционного и противопролетарского характера буржуазно-демократического направления во всех его оттенках и энергичной борьбы с попытками буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение (резолюции о практических соглашениях с соц.-революционерами и об отношении к либералам)[5].

---

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. VI, стр. 359.
[2] „Протоколы III съезда РС-ДРП". М 1924 г., стр. 518—9.
[3] Собр. соч. В. И. Ленина, т. VIII, стр. 53.
[4] Ibid., стр. 523.
[5] Ibid., стр. 525—526.

Кроме этих важнейших решений, на съезде были приняты и второстепенные решения (о соглашениях с национальными соц.-демократическими организациями, о материальной поддержке партии, об агитации и пропаганде и т. п.). По организационному вопросу был принят устав, в котором была проведена ленинская формулировка о членстве в партии, какую он отстаивал на втором съезде, выбран единый руководящий центр — Центральный Комитет (в него вошло 5 человек во главе с Лениным), создан новый Центральный Орган партии в виду отсутствия гарантии в том, что „Искра" откажется продолжать вести свою оппортунистическую линию. Особая резолюция была принята и по отношению к меньшевистской отколовшейся части партии; в этой резолюции указывалась преемственная связь меньшевистского течения с оппортунистическим течением предшествующего искровского периода — экономизмом, рабочедельчеством и вообще с мелкобуржуазными течениями в русской соц.-демократии и рекомендовалась борьба с этими течениями.

Какова же была тактика меньшевиков?

„Конференция,—говорит Мартов в своей истории Р. С.-Д.,— высказалась против заговорщических представлений об «организации восстания» и «захвате власти» социалистами, подчеркнув, что, если бы внешние обстоятельства навязали пролетариату обладание властью, он вынужден был бы пытаться ее использовать не для демократического лишь, но и социалистического преобразования; установила прогрессивный характер крестьянского движения и обязанность соц.-демократии поддерживать его захватные тенденции, отметила важное значение создающихся в процессе ломки старого режима «временных неоформленных организаций рабочих» полулегального характера, как ячеек будущей более широкой классовой организации, и подчеркнула необходимость развивать такие ячейки, призвала к строительству профессиональных союзов и определила условия политических соглашений с буржуазно-демократическими партиями в духе резолюции Старовера 1903 г., но с повышенными требованиями в смысле более значительного минимума демократических гарантий. В области организационной конференция рекомендовала постепенную демократизацию подпольной организации" [1].

Эта формулировка итогов меньшевистской конференции, принадлежащая лидеру меньшевиков Мартову, конечно, не дает ясного представления о той тине оппортунизма, которая затягивала в свое болото меньшевиков.

Борьба с „заговорщическими представлениями" на конференции вылилась в резолюции „о завоевании власти и участии во временном правительстве". Центральным пунктом резолюции является мысль о том, что партия пролетариата в момент бур-

[1] Мартов. „История росс. соц-дем.". Ленинград. 1918 г., стр. 125.

жуазно-демократического переворота „должна оставаться партией крайней революционной оппозиции".

Откуда же вытекал такой вывод меньшевиков? Аргументы их сводились к следующему: решительная победа над самодержавием может привести либо к созданию временного революционного правительства, либо может быть ознаменована „революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать всенародное учредительное собрание".

Отсюда вытекают задачи окончательной ликвидации сословно-монархического режима „в процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества...".

Поэтому временное революционное правительство не только должно было бы двигать революционное развитие, но и „бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя".

Отсюда же вытекает, по мнению меньшевиков, опасность для соц.-демократии, если бы она приняла участие во временном революционном правительстве, связать себе руки в борьбе с буржуазией, а потому нужно оставаться партией крайней оппозиции, не входя во временное революционное правительство.

Отрицая участие во временном революционном правительстве центра, меньшевики в то же время рекомендовали эпизодический, частичный захват власти на местах.

В этой резолюции, как в зеркале, отразилась вся оппортунистическая природа меньшевиков.

Прежде всего, для того, чтобы „решить организовать" всенародное учредительное собрание, нужно, чтобы тот, кто решает, имел силу решать и учреждать; не имея силы, как известно, нельзя организовать не только учредительного собрания, но даже самого плохенького союза, и поэтому в резолюции, которая устанавливает тактику пролетариата во время революции, говорить о том, что революция двинется вперед оттого, что кто-то решит организовать учредительное собрание, значило, что те, кто писал эту резолюцию, были самые отчаянные оппортунисты и доктринеры. В воздухе пахло порохом и кровью, а меньшевики советовали пролетариату „решить организовать учредительное собрание", как будто бы, даже если бы совершилось такое чудо, что не в результате восстания, а по решению меньшевиков собралось такое учредительное собрание, то не нашлось бы силы, которая могла бы в случае необходимости разогнать это учредительное собрание.

Вопрос о созыве учредительного собрания меньшевики не связывали с вопросом о вооруженном восстании; рассматривали происхождение этого учреждения не как результат победоносного восстания, и потому им казалось, что участие в революционном органе восстания,—во временном революционном правительстве—есть смертный грех большевиков.

В то время как большевики видели неизбежность восстания (и действительность уже в июне подтвердила это предвидение) и потому предлагали готовиться к тому, чтобы соц.-демократия стала во главе этого движения, меньшевики в своей резолюции толковали о том, что „возможность приурочить одновременное и повсеместное восстание к заранее назначенному сроку и подготовить его конспиративно-организационными средствами исключается уже одной слабой организованностью передовых слоев пролетариата и неизбежно-стихийным характером революционного движения тех именно народных масс, быстрое вовлечение которых в борьбу с царизмом является залогом нашей победы"[1]; т.-е. меньшевики отрицали неизбежность восстания и толковали как раз о тех технических сторонах дела, о каких в принципиальной резолюции говорить не следовало.

Много внимания они уделяли агитационной подготовке восстания, это бесспорно (и здесь они толковали о „неизбежности революции" в то время, когда революция была уже фактом), но отодвигали на задний план практическую подготовку восстания. Для них революция и восстание были только стихийный процесс, и потому, отвергая идею вхождения соц.-демократов во временное революционное правительство и неправильно приписывая большевикам идею захвата власти (чего в то время большевики и не думали предлагать), они вместе с тем рекомендовали частичный захват власти („эпизодический захват власти и образование революционных коммун")[2].

Главный же и самый уязвимый пункт их тактики заключался в неправильной оценке движущих сил революции: в то время, как большевики видели две главные революционные силы революции — пролетариат и беднейшие слои крестьянства, меньшевики полагали, что пролетариат и крестьянство без буржуазии революции не совершат. В резолюции об отношении к другим революционным и оппозиционным партиям они так и говорили, что „в процессе беспощадной революционной войны против всех основ сословно-монархического порядка может быть достигнуто действительное сплочение всех заинтересованных в демократическом переустройстве общественных сил" (разрядка наша. *В. Н.*) ...[3]. Ставить так вопрос — это и означало, несмотря ни на какие дальнейшие оговорки, затемнять революционно-классовую позицию пролетариата, ибо было ясно, что в решительном демократическом перевороте был заинтересован только один пролетариат, так как решительный идущий до конца демократический переворот означал бы не что иное, как передачу власти в руки пролетариата, на что никакая группа даже самой радикальной буржуазии не пошла бы.

---

[1] „Протоколы III с'езда РС-ДРП". М. 1924 г., стр. 544—5.
[2] Ibid., стр. 551.
[3] Ibid., стр. 553.

Ясно было, что столковаться двум частям соц.-демократии при наличии таких коренных разногласий было очень трудно; если же учесть и то обстоятельство, что были еще и коренные разногласия по чисто организационным вопросам (напр., вопрос о членстве в партии), то затруднения еще более возрастали.

Это, а также дезорганизационные попытки меньшевиков противодействовать созыву съезда, и вынудило третий съезд партии признать меньшевиков отколовшейся частью партии.

8. Взгляды Троцкого и Парвуса на движущие силы революции.

Бесспорно, однако, что вопрос о движущих силах революции, и в частности вопрос о роли крестьянства в революции, был главным коренным вопросом, разделившим русскую соц.-демократию на части, взгляды которых наиболее ярко выражались Лениным, меньшевиками и Троцким.

Мы видели уже, что на втором съезде партии Троцкий, бывший в одном стане с искровцами, после съезда не только открыто перешел к меньшевикам, но состоял одно время даже в меньшевистском центре, солидаризировался с Мартовым и Плехановым против Ленина. Посмотрим же, каких взглядов держалась часть соц.-демократии, наиболее ярким представителем которой являлся Троцкий.

Он не разделял оппортунистических взглядов меньшевиков по многим вопросам о характере русской революции; он называл доктринерской и безжизненной их идею о том, что, раз русская революция — буржуазная революция, то и исход этой революции должен быть буржуазный; он резко критиковал упования меньшевиков на либеральную буржуазию и указывал, что нереволюционна тактика Плеханова, дававшего советы быть тактичнее с либералами. Но в то же время Троцкий критиковал и тактику большевиков, их идею о диктатуре пролетариата и крестьянства. Рассуждения Троцкого сводились к следующему: как только в результате буржуазной революции диктатура пролетариата и крестьянства станет фактом, сейчас же начнутся затруднения, вытекающие из противоречия, кроющегося в том, что диктатура пролетариата и крестьянства осуществляется в *буржуазной* революции. Если революция буржуазна, если, стало-быть, и после революции останется в своих основах все тот же буржуазный строй, то пролетариату, ставшему у власти, придется встретиться с непреодолимыми затруднениями — безработицей, локаутами, необходимостью взять обеспечение рабочих на государственный счет и т. п., для устранения чего пришлось бы возобновить производство на государственный счет. Но это был бы уже путь к социализму. Это — с одной стороны. С другой же — диктатура пролетариата и крестьянства, являющаяся коалицией двух классов — рабочих и крестьян, пролетариата и мелкой буржуазии,

может вызвать другой конфликт—между пролетариатом и крестьянством. Крестьянство будет, так же как и остальная буржуазия, и против обеспечения безработных и против возобновления производства на государственный счет. Перед пролетариатом встанет дилемма — либо подавить сопротивление крестьянства, и тогда на-лицо классовая борьба между рабочими и крестьянами и нет диктатуры пролетариата и крестьянства; либо отказ от мер, обеспечивающих интересы пролетариата, и тогда нет диктатуры пролетариата, а есть только буржуазная диктатура, кто бы ее ни осуществлял.

Где же выход из этих противоречий, по мнению Троцкого?

„В рамках национальной революции,—говорит Троцкий, — выхода из этого противоречия нет. Пред рабочим правительством с самого начала встанет задача: соединить свои силы с силами социалистического пролетариата Западной Европы. Только на этом пути его временное революционное господство станет прологом социалистической диктатуры. Перманентная революция станет, таким образом, для пролетариата России требованием классового самоохранения. Если бы у рабочей партии не оказалось достаточной инициативы для революционно-аггрессивной тактики и она задумала бы перейти на сухоядение только национальной и только демократической диктатуры, соединенная реакция Европы не замедлила бы ей разъяснить, что рабочий класс, в руках которого находится государственная власть, должен всю ее обрушить на чашу весов социалистической революции“ [1].

Таким образом ясно, что в концепции Троцкого скрывалась недооценка революционной роли крестьянства, что̀ сближало его с меньшевиками; но ясно также и то, что в некоторых своих выводах он близко подходил к тактическим построениям большевиков, что̀ делало его тактику неприемлемой для отколовшейся части партии.

Взгляды, близкие к взглядам Троцкого, развивал Парвус: Он также исходил из того положения, что̀ „в России, вне социальной революции в Западной Европе, в настоящее время неосуществим социализм“; но, исходя из этого положения, он думал, что „революция в России создаст особую связь между программой-минимум социал-демократии и ее конечною целью“. „Это не диктатура пролетариата, имеющая своей задачей изменить коренным образом производственные отношения в стране, а все же она идет уже дальше буржуазной демократии“.

В это представление своеобразия русской революции Парвус, однако, вносит чисто меньшевистские идеи, преувеличивая роль либеральной буржуазии и преуменьшая роль крестьянства. „Мы

---

[1] Л. Троцкий. „Наши разногласия“ — из книги „1905 год“. М. 1922 г., стр. 285 — 6.

не боимся успехов либерализма, — говорил он, — напротив, они — условие наших дальнейших успехов"[1].

Таким образом, Троцкий и Парвус видели единственную движущую силу революции — пролетариат и, недооценивая роли крестьянства, уже тогда полагали возможным при захвате власти пролетариатом начать „перманентную" революцию, т.-е. революцию, которая послужит исходным пунктом мировой социалистической революции.

9. Взгляды Плеханова.

На другом, противоположном фланге соц.-демократии стоял Плеханов, державшийся той точки зрения, что в России совершается только буржуазная революция и потому абсолютно вредной и утопической тактикой является такая тактика, которая игнорирует либеральные и вообще демократические силы общества. Отсюда вытекало то академическое положение, которое на тысячу ладов развивал в своих статьях Плеханов, именно, что не следует бестактными поступками отталкивать либеральную буржуазию:

„... Партия пролетариата может обеспечить себе поддержку прогрессивных элементов «общества», ни на волос не изменяя самой себе. Нам нужно только на виду у всех ясно и отчетливо поставить свою ближайшую задачу и решительно воздерживаться от тех бестактных выходок, которые принимаются иными за проявление крайнего социалистического радикализма, но на самом деле более всего вредят именно последнему"[2].

Так социал-демократы разных течений, исходя из одной и той же бесспорной мысли „Коммунистического Манифеста" К. Маркса и Ф. Энгельса о поддержке коммунистами оппозиционных течений, различно оценивали эти оппозиционные силы России 1905 г. и в различных классовых группировках искали себе союзников, стало-быть по-разному оценивали и анализировали текущую конкретную действительность.

Впрочем, было бы неправильно мазать сплошным черным цветом в главных своих чертах оппортунистическую тактику меньшевиков. Подходя к оценке русской действительности, они сумели между прочим угадать то огромное значение, какое в ходе революции должны иметь всякого рода неоформленные беспартийные организации, из которых выросли впоследствии Советы рабочих депутатов. Они же первые приступили и к организации профессиональных союзов (отражение этого можно найти в их резолюциях на конференции 1905 года). Правда, и сюда, в эту бочку

---

[1] „После войны" и „Наши задачи", статьи Парвуса в № 101 „Искры" и в газете „Начало" 1905 г. от 13 ноября. См. также Парвус — „Россия и революция". СПБ. 1906 г., стр. 195 и 204.

[2] „Искра" 1905 г., № 87: „Врозь итти, вместе бить".

меда, они внесли свою ложку дегтя, — вскоре беспартийный хаос победил те здоровые течения, какие намечались сначала, и в виде идеи рабочего съезда Аксельрода потопил в своей анархическо-синдикалистской форме здоровое зерно беспартийной профессиональной рабочей организации, помогающей политической партии осуществлять свои задачи.

Кончился съезд, кончилась конференция, и делегаты большевики и меньшевики разъехались по местам.

На местах же теперь почти повсюду существовали две соц.-демократических организации — большевистская и меньшевистская, и это, конечно, приносило огромный вред движению.

10. Развитие революционного движения весною и летом 1905 г.

А движение между тем принимало все более и более грандиозные размеры. Уже летом стало ясно для всех, что революция мирным исходом окончиться не может: в июне вспыхнуло чисто пролетарское восстание в Лодзи, и в июне же раздались первые революционные выстрелы на восставшем броненосце „Князь Потемкин Таврический“.

Эти события — восстание в Лодзи, майская забастовка в Иванове и восстание во флоте—уже летом как бы намечали тот путь, которым пойдет революция. Действительно, лодзинское восстание, движение чисто пролетарское, не поддержанное крестьянством, было подавлено тем же крестьянством, так как солдаты, расстреливавшие лодзинских рабочих, были дети тех же крестьян, что и матросы Черноморского флота, выступившие на борьбу в июне и потерпевшие неудачу главным образом потому, что одесские рабочие, героически боровшиеся как раз в это время на берегу (в Одессе шла всеобщая политическая забастовка, упершаяся в восстание), за отсутствием руководства, вождей и инициативы, не сумели взять всего движения в свои руки, сочетать своей борьбы с вооруженным выступлением флота и армии, этой твердыни самодержавия... На-ряду с актами необыкновенного героизма (К. Фельдман, А. Матюшенко, Д. Кошуба и др.), и меньшевики, и большевики, и бундовцы не сумели развить движения и выступление главным образом крестьянских элементов армии сочетать с выступлением и борьбой пролетариата. В то же время в Иванове, во время необыкновенно героической стачки ткачей, уже были выдвинуты в зародыше формы той революционной организации — Совета депутатов, которая оказалась наиболее революционной, гибкой и широкой, чтобы объединить наиболее широкие активные массы и повести их в бой.

Все эти события, однако, показывали, что только сочетание вооруженной борьбы пролетариата и крестьянства в лице армии с чисто пролетарским средством борьбы — всеобщей политической

забастовкой—может привести к победе революции. Отсюда же неизбежно следовал вывод, что революционная партия пролетариата, если она хочет руководить массами в революции, должна чисто практически ставить вопрос и о вооруженном восстании. Большевики прежде всего, а вслед за ними и меньшевики, ведут теперь особенно интенсивно работу среди войск,—создаются военные организации соц.-демократов в Кронштадте, Петербурге, Финляндии, в Западном крае, Польше, во флоте на юге (существовали с 1903 г.), на Кавказе и во многих городах центральной России. В Сибири ссыльные, а также революционеры, попавшие в армию, ведут усиленную пропаганду и агитацию. В нескольких местах силами нашего Центрального Комитета создаются и боевые дружины и подсобные предприятия военно-технического характера (фабрики бомб, динамита, организуется доставка и закупка оружия, производится вербовка и обучение боевых дружин и т.п.). Такие же организации возникают и в меньшевистских организациях, и у „Бунда", и у латышей, и у финнов. У последних организация „Красной Гвардии" представляет довольно внушительную силу. Впрочем, все эти боевые дружины насчитывали обыкновенно всего несколько сот человек: например, бундовские дружины самообороны в Киеве—250 чел. (150 рабочих, 100 студентов), в Житомире — 80 чел. и т. п.[1].

Мобилизация революционных сил шла на-ряду с мобилизацией и других элементов населения. Огромный шаг вперед сделала крупная и мелкая буржуазия. Не говоря уже о том, что летом 1905 года почти окончательно оформились элементы будущей партии конституционно-демократической, шла усиленная мобилизация и мелкобуржуазных элементов — инженеров, врачей, адвокатов, которые отчасти тянули к либералам, отчасти к соц.-революционерам, а также таких элементов, как сельские учителя, железнодорожные служащие, банковские и городские служащие и т. п. Возникают полулегальные политические союзы инженеров, адвокатов, учителей, железнодорожников. Происходят съезды, на которых вырабатываются политические платформы и требования, выбираются ЦК этих объединений и поднимается вопрос о создании какого-то объединяющего центра. Так возникает буржуазно-демократический „Союз союзов". Появляются на политической сцене и представители другой кроме пролетариата силы — крестьянства, организуется „Крестьянский Союз". „Крестьянский Союз", в противоположность чисто либеральным организациям вроде союза инженеров или адвокатов, или по преимуществу эсэровским, как сельские учителя, впитывает в себя крестьянскую беспартийную интеллигенцию, верхушки политически сознательного крепкого крестьянства, по природе своей мелкобуржуазного, но революционно настроенного.

---

[1] Военно-боевые организации большевики начали создавать уже в январе 1905 г., непосредственно после Кровавого воскресенья.

Реакция тоже спешно мобилизует свои силы; происходит консолидация правых, реакционных элементов крупного помещичьего землевладения и крупной буржуазии. Эти элементы целиком стоят за реакцию и вместе с правительством организуют черные сотни из подонков общества и полиции, подготовляют политические убийства левых и еврейские погромы. Но революция все же заставляет реакционные элементы сдавать одну позицию за другой: восстание в Лодзи, забастовки в Иванове, восстание во флоте и вообще брожение в армии в связи с позорными поражениями на востоке заставили самодержавие дрогнуть, и на свет появился 6-го августа указ о „Булыгинской" Думе (по имени бюрократа Булыгина, разрабатывавшего положение об этой лишенной прав законосовещательной Думе).

По вопросу об отношении к этой Булыгинской Думе снова всплыли наиболее ярко коренные разногласия между двумя частями русской соц.-демократии.

Либералы выдвинули лозунг полного участия в выборах в эту Думу; большевики выставили диаметрально-противоположный лозунг — активный бойкот этой подделки под народное представительство. Меньшевики и здесь заняли среднюю оппортунистическую позицию — не бойкот и не активное участие в Думе.

Впрочем, единой тактики у меньшевиков не было: в то время, как на Кавказе меньшевики призывали к участию в выборах, в остальной России меньшевики пропагандировали образование агитационных комитетов, в задачи которых входило предъявление собраниям либеральных избирателей требований расширить круг избирателей и образование самочинных избирательных ячеек, расширяющих число избирателей. И большевики и меньшевики остались верны своим взглядам, — их тактика в августе 1905 г. была только дальнейшим логическим развитием идей и тактики во дни земской кампании и весны Святополка-Мирского.

В сентябре состоялась конференция представителей РС-ДРП большевиков (ЦК) и меньшевиков (ОК), „Бунда", Латышской соц.-дем. рабочей партии, Украинской революционной партии и соц.-демократии Польши и Литвы. Тактика большевиков восторжествовала на этой конференции, и решено было „призывать все истинно демократические элементы общества к активному бойкоту Думы, клеймя позором участвующих в избрании, как изменников делу народной свободы" [1]. Вместе с тем в резолюции указывалось, что только победоносное вооруженное восстание положит конец самодержавному режиму.

Не успел однако развернуться бойкот, как события огромной силы и важности смели и Булыгинскую Думу и всякие

[1] „Росс. Комм. Партия (б.) в резол. ее съездов и конфер." М. 1924 г. стр. 33.

попытки либералов убеждением добиться расширения избирательных прав: народ, революционный народ в своем великом творчестве нанес незаживающие раны самодержавию.

11. Великая октябрьская политическая забастовка 1905 г.

Уже в сентябре центр революционного движения стал перемещаться из Петербурга в Москву: в августе началась забастовка пекарей, а в сентябре началась стачка печатников. Сразу же эти события приняли настолько революционный характер, что в ход были пущены войска: на улицах Москвы полилась кровь рабочих; но с первых же шагов движение приняло такое направление, что войска повсюду встречали отпор, и число пострадавших чинов полиции и солдат оказалось довольно большим. Митинги и демонстрации на улицах уже тогда заканчивались постройкой баррикад. Нерешительные действия московских властей вызвали негодование черносотенного центра реакции, и тогда в порядок дня правительство поставило штык. Но и штык уже не мог остановить движения: народные революционные волны хлестали по самым твердыням самодержавия.

На Дальнем Востоке брожение в войсках уже нельзя было сдержать никакими силами, самочинные солдатские организации росли повсюду, войска рвались домой, а дома вздымало свои волны крестьянское восстание: 249 уездов пылали огнем помещичьих усадеб, разграблением барского добра, убийством стражи и управляющих. В городах с открытием высших учебных заведений начались митинги, собрания, и волна бастующих рабочих самочинно, революционным путем осуществляла свободу собраний, слова и печати. Один неосторожный шаг — и самодержавие должно было отступить. Этот шаг был сделан. Правительство попыталось принять аггрессивные меры по отношению к железнодорожному союзу. Ответом было объявление всеобщей железнодорожной забастовки, которая и превратилась во всероссийскую, великую всеобщую политическую забастовку не только железнодорожников, но и всех рабочих крупнейших центров, и не только рабочих, но и ремесленников и мелкой буржуазии: бастовали рабочие, железнодорожники, служащие городских предприятий, банков, контор и даже судебных установлений. Огромная страна замерла и находилась во власти революционного народа: не дымила ни одна фабрика, не двигался ни один поезд, не горел ни один фонарь без разрешения революционных организаций. Города оставались без света, без подвоза съестных припасов, без газет. Ни один эшелон войск не двигался без разрешения революционных комитетов, и даже министры не могли во-время являться с докладом к царю. Ясно, что такое положение долго тянуться не могло: кто-нибудь должен был уступить. Уступил царь, и раненое чудовище 17-го октября 1905 года выпустило

манифест с обещаниями немедленного созыва народных представителей и установления основ законности со свободой слова, печати, собраний, союзов и совести.

Манифест 17 октября, вне всякого сомнения, являлся крупной победой революции, но тех всеобщих восторгов, которые выражала либеральная буржуазия, не разделяло ни крестьянство, ни пролетариат. Соц.-демократия предостерегала рабочих против тех лживых обещаний, какие давала реакция, и предлагала пролетариату готовиться к дальнейшей борьбе. Да, впрочем, и сама феодальная реакция на другой же день, а кое-где и в день манифеста, ознаменовала „дарование свобод" еврейскими погромами и избиением мирных граждан. Погромы широкой волной прокатились по всей стране: в некоторых городах, особенно на юге, они приняли настолько зверский характер, что возмущение против приемов правительства так насаждать свободу отбросило в сторону революции все мало-мальски настроенные оппозиционно группы населения. В то же время, однако, начал все яснее и яснее намечаться сдвиг вправо либеральной буржуазии: под шум революционных массовых битв шла торговля буржуазии с феодальной реакцией, шел торг о дележе власти, шел вопрос об уступках с той и другой стороны.

Но ясно было, что революции остановить было нельзя: восстания крестьян продолжались, недовольство рабочих росло, мобилизация революционных сил продолжалась. В самый разгар октябрьской революции возник Петербургский Совет рабочих депутатов.

12. Советы и декабрьское вооруженное восстание.

История возникновения Советов есть история революции 1905 года, ибо истоки Советов — в беспартийных организациях, возникших в бурные январские дни, а кульминационный пункт их революционной деятельности — в декабрьском восстании, так что промежуточная стадия развития приходится на весенний и летний период, когда движение шло все выше и дальше, отбрасывая одну форму организации за другой.

В самом деле, уже тотчас после январских дней, в связи с выборами в комиссию Шидловского, рабочими были созданы всякого рода беспартийные организации уполномоченных, выборных и т. п. Эти организации объединяли неизмеримо более широкую массу, чем партийные ячейки, и вместе с тем служили связью между партией и широкими кругами рабочих. В мае началась стачка ткачей в Иваново-Вознесенске, и здесь уже во время этой стачки наметились контуры той организации, которая впоследствии получила название Совета. Рабочие создали для руководства своей борьбой стачечный комитет. Но это был не простой орган стачечной борьбы, — депутаты его были выбраны

открыто всей массой, он имел исполнительную комиссию, комиссию по безработице, в нем имелись зародыши пролетарских дружин, с его авторитетом считались и власти, наконец, некоторое время он был на деле хозяином Иваново.

Эту новую суть возникшего органа ивановцы и выразили в новом названии „Совет рабочих депутатов г. Иваново-Вознесенска". Вместе с тем опыт ивановской стачки показал, что только широкая боевая организация беспартийных революционных рабочих и соц.-демократии в состоянии повести за собою широкие массы пролетариата. Июльская стачка в Костроме дала еще более высшую форму боевой организации: Костромской Совет депутатов имел уже не только президиум, но и комиссию безработных и собственную милицию.

Но не только в Иваново и Костроме, и в других местах рабочие стихийно приходили к советской форме организации. Так, летом на Урале в Надеждинском заводе (Верхотурского у., Пермской губ.) был создан Совет рабочих депутатов, доживший до октябрьских дней. В Екатеринославе была создана депутатская организация еще в январе, и из этого „Депутатского Собрания" и вырос в октябре Екатеринославский Совет рабочих депутатов. В других местах, — на заводах, фабриках, железных дорогах, — повсюду возникли боевые организации выборных депутатов, так что переход к Советам в октябре уже повсюду был подготовлен еще летом и осенью 1905 г. Этот опыт ивановцев и костромичей был прекрасно учтен в августе и сентябре в Москве во время стачки типографов и дал еще более четкую форму депутатской организации в виде „Совета депутатов печатников". С другой стороны, боевые стачечные комитеты стали повсеместным явлением, при чем отличительной особенностью этих комитетов являлась коалиция в них беспартийных рабочих, большевиков, меньшевиков и соц.-революционеров (иногда даже анархистов, напр. в Екатеринославе). Идея этой новой депутатской организации носилась в воздухе уже повсюду, когда петербургский пролетариат в октябре своим Советом только подвел итог тому процессу, который шел стихийно по всей стране. Что это так, это видно и из того, как со смертью Петербургского Совета не только не умерла идея Советов, а как раз наоборот, она распространяется все больше и больше, и, главное, как Советы эволюционируют дальше и превращаются в органы восстания пролетариата, как это было в Москве, Ростове-на-Дону, Красноярске, Новороссийске. Советы возникают и растут вместе с революцией, поражение революции есть вместе с тем и гибель Советов.

Ленин в своей статье „Победа кадетов и задача рабочей партии" определяет сущность Советов тремя основными признаками: 1) Советы суть результат самобытного революционного народного творчества, 2) Советы возникают революционным путем, самочинно, не по писанному закону и 3) Советы — зародыши новой революционной власти. Кроме того, Советы, как

говорит Ленин в другом месте, есть организация боевого соглашения беспартийных революционных рабочих, революционной демократии и революционной соц.-демократии [1].

Действительно, этими признаками характеризуются Советы повсюду, при чем в зависимости от того, какие элементы преобладали в Советах, они развивали то более революционную, то более умеренную тактику. Такие Советы, как Одесский, Николаевский, Бакинский, не пошли дальше организации забастовок, а такие, как Московский, Ростовский, Новороссийский и Красноярский, являлись организаторами восстания, при чем некоторые из них были действительными органами новой власти: в Новороссийске Совет не только имел вооруженную силу, но и назначал новых властей, в Красноярске Совет рабочих и солдатских депутатов имел в своем распоряжении и войска, и суд, и школы, и печать, и городские учреждения, и больницы, и театры, словом — был действительной властью, а Совет в Чите, кроме всего прочего, приступил к экспроприации частной собственности.

К моменту самого величайшего революционного напряжения, т. е. к декабрю, советская форма власти создалась и руководила движением в следующих пунктах: Москва — Мытищи, Саратов, Николаев, Одесса, Киев, Сулин, Ростов-на-Дону, Юзово, Луганск, Екатеринослав, Мариуполь, Таганрог, Новороссийск, Баку, Орехово-Зуево, Иваново, Кострома, Ревель, Либава, Воткинский завод, Вятка, Екатеринбург, Красноярск, Иркутск, Чита и другие сибирские пункты скопления войск. И повсюду Советы служили центрами организации и дальнейшего развития движения.

В особенности яркой и имевшей значение для всей России организацией являлся Петербургский Совет рабочих депутатов. Объединяя более 200-х тысяч рабочих, он некоторое время, в течение трех недель своего существования, являлся настоящим и действительным правительством страны: его поддерживали не только рабочие, его создавшие, с ним считались все — и старая власть, и либералы, и мелкая буржуазия, словом — вся страна. Он осуществил свободу слова, собраний, печати, он начал борьбу и фактически добился, хотя и временно, осуществления 8-часового рабочего дня, он призывал к бойкоту правительства, он издавал распоряжения, подрывавшие финансовую мощь старой власти, он начинал и прекращал всеобщие политические стачки, он отменял военное положение, введенное самодержавием, короче говоря, он, действительно, был зачаточной формой той самой диктатуры пролетариата и крестьянства, которую считали утопией меньшевики и другие мелкобуржуазные течения соц.-демократии.

Соглашение, которое тотчас же вскоре после 17 октября состоялось между царем и либеральной буржуазией, окрылило реакцию. Правительство постепенно оправляется после внезапной растерянности, собирает силы и начинает наступление. Восстание

---

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. VII, стр. 40 и 121.

в Севастополе в ноябре и затем в Кронштадте на время дезорганизует правительство, но силы его явно крепнут, и после второй ноябрьской железнодорожной стачки становится ясно, что решительный бой не далек. Таким решительным столкновением и было декабрьское восстание в Москве и других городах страны. Московское восстание началось 6-го декабря, а вслед за ним загремели пушки и ружья в Ростове, Красноярске, Екатеринославе, Енакиеве, Авдеевке, Горловке и вообще в Донецком бассейне, Нижнем и других городах.

Теперь с полным правом можно сказать, что повсюду — и в Москве, и в Ростове, и в Нижнем, и в Красноярске, и всюду, где пролетариат с оружием в руках пытался довести революцию до конца, везде руководителями движения были большевики.

В одних местах (как в Москве или в Ростове) совершенно сознательно начиная восстание, в других (как в Красноярске или в Донецком бассейне) вынуждаемые наступающим самодержавием прибегнуть к вооруженной самозащите, везде большевики руководили боевыми выступлениями дружин, народом, т.-е. рабочими и мелкой буржуазией, строившими баррикады, массами, которые поддерживали революционные комитеты, боевые штабы и Советы, и, если реакция победила, то это было не поражение и не осуждение нашей тактики, а наоборот, блестящее ее подтверждение, так как для победы революции на-лицо не было той силы, на которую все время указывали большевики.

Меньшевики, как известно, отнеслись отрицательно к вооруженному восстанию. Они даже (устами Плеханова) выдвинули формулу: „Не надо было браться за оружие!“, они утверждали, что пролетариат может победить только единым фронтом с либеральной буржуазией, они не могли понять, что, когда пролетариат берется за оружие, то единственный лозунг, который может дать партия пролетариата, это расширить и углубить восстание.

Московское вооруженное восстание явилось не случайным эпизодом революции, а ее естественным логическим завершением; не только в Москве, но везде, где существовали сильные пролетарские организации и где во главе их стояли революционные элементы пролетариата, рабочие брались за оружие. Москва, как главнейший пролетарский центр того момента, только ярче других городов оставила след своего вооруженного выступления; за оружие взялись, наконец, не только рабочие, но и солдаты, а кое-где и крестьяне. Чита, Иркутск, Красноярск — это были пункты, где с оружием в руках боролись и рабочие и солдаты-крестьяне.

Несмотря на поражение в декабре, этот декабрьский опыт имел огромное значение в истории нашего движения; после декабря вопрос о вооруженном восстании спустился с своих отвлеченных теоретических высот и стал вопросом практики.

Не осталось ни одного рабочего, который бы не понимал, что только так, только силою оружия может решиться вековой спор народа с самодержавием и что, главное, этот спор не праздная мечта, а хотя и трудное, но вполне возможное дело.

И еще один вывод сделал пролетариат из опыта декабрьской вооруженной борьбы, — именно, что один пролетариат без армии, без вооруженных крестьян победоносного восстания совершить не может.

Подавление московского и других восстаний силою крестьянских штыков показало это очень наглядно. Но, с другой стороны, участие солдат во многих местах в вооруженных выступлениях рабочих говорило, что недалек тот день, когда революционное крестьянство, а стало-быть и часть армии, пойдет на штурм самодержавия вместе с рабочими. Единый фронт пролетариата и революционного крестьянства для вооруженной борьбы с самодержавием — эта мысль большевиков стала отныне мыслью всего российского пролетариата, в то время как меньшевики, в смущении повторяя слова Плеханова: „Не нужно было браться за оружие!", проповедывали единый фронт с либеральной буржуазией.

С поражением восстания в декабре и с разгоном и арестом Советов и кончается первый период русской революции: дальше идет ее ликвидация.

13. Социал-демократические организации в эпоху первой русской революции.

Что же представляла из себя наша организация в этот год бури и натиска? И, прежде всего, как многочисленна была она? Как распределялось влияние на рабочих между большевиками и меньшевиками?

Большевики преобладали на севере и северо-востоке и в центре России, меньшевики — на юге, юго-западе и отчасти на Кавказе.

В Петербурге обе организации „Петербургский комитет РС-ДРП (б)" и „Петербургская группа РС-ДРП (м)" имели к концу 1905 года около 3 тысяч членов партии — рабочих [1]. Следующим крупным городом севера с большой организацией была Рига, где в большевистском комитете насчитывалось около 300 человек и столько же в меньшевистской группе. В городах: Ревеле, Нарве, Либаве, Пскове, В. Луках, Новгороде и Архангельске — небольшие организации, 400 человек в общей сложности. В центральной России крупнейшими большевистскими

[1] Замечание Ю. Мартова в его „Истории росс. соц.-дем.", стр. 143, о том, что в середине 1905 г. большевики имели всего несколько сот рабочих, неверно. См. „Кр. Лет.", № 1 (12) 1925 г. В. Невский. „Петербургская организация в январе 1905 г.".

центрами были Москва с 2.500 чел. организованных рабочих, Иваново-Вознесенск с 600 чел. и Н.-Новгород с 400 чел., затем идут Кострома (150 чел.), Ярославль, Тверь, Тула (в среднем по сотне членов партии) и более мелкие организации В.-Волочка, Рыбинска, Ростова, Ярославля, Кинешмы, Кохмы, Шуи, Тейкова, Середы и Вычуги [1], Орехова, Богородска, Коломны, Кимр, Егорьевска, Серпухова, Васильсурска — в общем 500 чел. В общей сложности здесь было около 5 тыс. рабочих членов партии большевиков и человек 500 меньшевиков (Калуга — 300 меньшевиков, Сормово — 100 меньшевиков и т. д.). В центральном черноземном районе, на Волге и на Урале преобладали также большевистские организации. В городах: Воронеже, Брянске, Борисоглебске и Тамбове числилось несколько более 400 человек. В Орле, Пензе, Симбирске—до 150 человек; в Златоусте, Перми и Екатеринбурге—человек до 600, а на Волге и в таких крупных организациях, как Казань и Саратов (а также и Уфа), — тоже человек до 600, и в более мелких — Царицыне, Вольске, Астрахани, Камышине и Вятке, человек до 300 [2]. В Сибири организации чисто рабочие были не велики (Томск, Барнаул, Красноярск, Тюмень, Иркутск, Чита, Благовещенск, Харбин, Владивосток и железно-дорожные станции), но зато имелись большие военные организации (правда, не долго существовавшие). В Ташкенте существовал комитет большевиков (150 раб.) и группы в Петровске, Самарканде, Асхабаде, Чарджуе, Кизил-Арвате, Черняеве, Красноводске; в общей сложности вся средне-азиатская организация достигала человек 300. Большевистские же организации находились в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Харькове и в Баку. А в общем итоге организация большевиков с примыкающими к ней элементами из буржуазной среды насчитывала от 12 до 13 тысяч человек. Меньшевики господствовали на Кавказе, где в Тифлисе, в Баку, Кутаисе, Батуме, Сухуме, Гори, Поти, Петровске, Грозном, Минеральных Водах, Армавире, Майкопе, Кавказской, Ставрополе, Екатеринодаре, Тихорецкой, Новороссийске и Ейске находилось до 5 тысяч организованных членов партии. Юг тоже был по преимуществу меньшивистский — Киев (500 чел.), Одесса (100 чел.), Екатеринослав (100 чел.) и Харьков (300 чел.), а также города—Кременчуг, Полтава, Курск, Николаев, Александровск, Каменская, Кишинев, Крымский союз и Донецкий союз (города Севастополь, Симферополь, Феодосия, Ялта, Евпатория, Керчь, Бердянск, Мелитополь и Юзово, Луганск, Петровка, Енакиево, Бахмут, Константиновка и Юрьево), в общей сложности до 7 тысяч организованных рабочих. Наконец, меньше-

[1] Мартов почему-то в своей „Истории росс. соц.-дем." считает число членов большевистской организации в Москве в несколько сот (см. стр. 143), между тем как в действительности к середине 1905 г. число членов считалось 2.500 (см. „Путь к Октябрю", вып. III, стр. 19).

[2] См., напр., у С. Лившица „Казанская соц.-дем. орг. в 1906 г." „Пролет. Рев." 1923 г., № 2 (14), стр. 277.

вистский запад и юго-запад — Вильна, Сморгонь, Минск, Бобруйск, Витебск, Двинск, Копысь, Гомель, Могилев, Смоленск, Рославль, Невель, Чернигов, Конотоп, Новозыбков, Стародуб, Бердичев, Житомир, Елисаветград, Херсон, Ромны, Лубны, Новомосковск, Новочеркасск, Таганрог — организации всех этих пунктов давали тысяч около двух человек.

Таким образом, меньшевистская организация имела тысяч до 15 членов, а вся организация соц.-демократии в России (за исключением „Бунда" и Польши) включала в себя не более 30 тысяч человек, что составляло, если посчитать число фабрично-заводских рабочих даже только в 3 миллиона человек, всего 1% занятых в промышленности пролетариев. Для того, чтобы лучше представить себе силу нашей организации, приведем еще несколько цифр из области финансовой и издательской деятельности наших организаций. Доходы Петербургского комитета большевиков в среднем в месяц выражались цифрой 2.200—2.300 р. (в январе 4.001+1.111 р. на стачечников и 1.600 р. в июле), столько же примерно доходов имела „Петербургская группа" меньшевиков (немного более 2 тыс. р.), так что в общей сложности доход выражался суммой в 4½—5 тыс. р.; Бакинский комитет в среднем в месяц собирал 1.184 р. 83 к., Ярославская группа — в среднем 350 р. в месяц, Донской комитет — 531 р. 75 к. и т. п. [1]. Если исключить такие крупнейшие организации, как Петербург со сбором в 5 тыс. р., Батум — 1 тыс. р., Сибирский союз — 1.200 р., Крымский союз — 500 р., Донской комитет — 500 р. и т. д., которые в общей сложности дают доход в год не менее 120 тыс. р., то остальные, примерно, 150 организаций с ежемесячным бюджетом в 100 руб. (в среднем) дают годовой доход в 180 тыс. р., и в общей сложности бюджет всей партии (за исключением „Бунда" и Польши) равнялся примерно 300 тыс. р. [2].

Хватало ли этих денег на организацию? Конечно, нет. Чтобы судить о том, как справлялись со своими бюджетами наши организации, приведем в качестве примера средний бюджет средней нашей типичной организации (пролетарской, но не крупной) — Казанского комитета РС-ДРП (б) [3] (см. таблицу на стр. 283).

Дефицит был обычным спутником наших организаций. Это и не удивительно, так как расходы были огромны: почти все, даже средние по размеру, организации имели нелегальные типографии, содержание которых худо-бедно обходилось в месяц не

[1] Цифры приведены у Ю. Мартова „История росс. соц.-дем.", стр. 137—8; эти цифры получены путем подсчета данных из подлинных отчетов, выпускавшихся время от времени организациями или печатавшихся в современной соц.-дем. прессе. Для примера см. бюджет Казанского комитета большевиков у С. Лившица в „Прол. Рев." 1923 г., № 2 (14), стр. 246.

[2] Цифры, конечно, в высшей степени приблизительны, хотя и не далеки от действительности.

[3] С. Лившиц. „Казанская соц.-дем. организация" 1905 г. „Прол. Рев." 1923 г., № 2 (14), стр. 246.

менее 100 р. (три товарища по 20 р. содержания, 20 р. квартира и прочие хозяйственные расходы 20 р., расходы на бумагу, краску и проч.), что уже одно поглощало тощий бюджет организации; затем, организация содержала одного или двух или трех профессионалов, которых тоже нужно было оплачивать за свой счет; далее, разного рода непредвиденные расходы, как поездки на конференции, закупка нелегальной литературы и т. п.

Месяцы.	Приход.		Расход.		Остаток.		Дефицит.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Декабрь 1904 г. .	236	01	281	27	—	—	45	26
Январь 1905 г. .	308	84	308	01	—	83	—	—
Февраль	341	—	333	—	8	—	—	—
Март	648	81	789	54	—	—	140	73
Апрель	441	04	726	29	—	—	285	25

Между тем издательская деятельность, хотя и весьма обширная, поглощавшая массу средств, далеко не удовлетворяла потребностей. О размерах нашей издательской продукции можно судить хотя бы по цифрам листков, прокламаций и воззваний, выпущенных Центральным Комитетом партии с 1 ноября 1903 г. по 1 марта 1905 г., — число всех экземпляров едва доходило до миллиона двухсот тысяч штук [1]. Если на основании отчетов наших организаций принять, что в среднем каждая организация выпускала или распространяла не менее 30 тысяч экземпляров всякого рода листков, то можно сказать, что все наши (около 150) организации в течение 1905 года выбросили в рабочую массу более 50 миллионов экземпляров всякого рода литературы, что несомненно было ничтожно мало, так как, даже считая число фабрично-заводских рабочих в 3 милл. человек, на каждого рабочего приходилось около 17 листков в год, между тем ведь эта литература шла и в деревню, и в войска, и в общество.

Правда, к этому необходимо прибавить и нашу прессу, издававшуюся организациями всех направлений соц.-демократии: большевистскую — „Вперед", „Пролетарий", „Рабочий", меньшевистскую — „Искра", „Социал-Демократ", бундовскую — „Arbeiter-stimme", „Последние Известия", латышский орган — „Zihna", польский — „Czerwony Sztandar", украинской организации („Спилка") — „Правда", грузинский (меньшевистский) — „Борьба Пролетариата" и легальную соц.-демократическую литературу, выходившую

[1] „Протоколы III съезда РС-ДРП". М. 1924 г., стр. 476.

в социал-демократических издательствах („Молот", „Буревестник" и др.).

Откуда же получали свои доходы наши организации?

Небольшой цифровой материал разъяснит все дело. В одной из наиболее рабочих по составу организаций—Бакинской—взносы рабочих составляли только 3% всех доходов, в Севастопольской организации — 14% и только в таких организациях, как Иваново-Вознесенская, они составляют 53% всех доходов. Были, конечно, и такие организации, как Тамбовская, Орловская, Курская, Воронежская, где процент членских взносов падал чуть ли не до нуля [1]. Стало-быть, организация получала средства не из рабочей среды. Откуда же получались эти средства? Из общества, от той самой буржуазии, против которой направлялась борьба нашей партии. Давали деньги либералы за чтение нашей литературы, собирались пожертвования от сочувствующих, давала деньги интеллигенция, учащаяся молодежь, устраивались сборы со студенческих вечеров, с лотерей, от издания открыток, от продажи литературы и т. д. Эти цифры свидетельствуют во-1) о том, что буржуазия еще находила возможным поддерживать нашу организацию, как такую силу, которая боролась против общего врага, во-2) о том, что в нашей организации подавляющее большинство рабочих принадлежало к наименее обеспеченным экономически слоям рабочей массы; трэд-юнионистские элементы рабочих в наши организации не входили, состав организации был таков: профессионалы-революционеры из рабочих и интеллигентов, а за ними масса середняка и молодежи, трэд-юнионисты бросились в профессионально-экономические организации, культурно-просветительные общества, как только создались условия для возникновения этих организаций. То обстоятельство, что Ивановская организация давала самый высокий процент рабочих взносов, говорило лишь о том, что это была очень своеобразная, чисто рабочая организация с момента своего возникновения: здесь было мало и профессионалов-интеллигентов, здесь рабочие составляли 100% организации, здесь почти неоткуда было получать помощи извне. Кроме того, известную роль играл и характер нашей организации: до самых свобод, т.-е. почти до конца 1905 года, большевистская организация носила строго централистический характер. Во главе комитета обыкновенно стоял секретарь, в руках которого и было все дело: он обыкновенно присылался из центра, по крайней мере в крупнейшие комитеты. Город разделялся на районы, во главе каждого района стоял ответственный организатор; был в каждом районе еще и ответственный пропагандист и агитатор. Иногда во главе районных организаторов при комитете стоял ответственный организатор и пропаган-

---

[1] Цифры эти взяты по подлинным отчетам организаций; см. также Ю. Мартов — „История росс. соц.-дем.", стр. 136—137, где указывается еще довольно высокий взнос рабочих по Мариупольской организации (33%).

дист. Районные рядовые пропагандисты и агитаторы составляли агитаторскую и пропагандистскую коллегию, которая изредка собиралась, обсуждала планы занятий и текущие дела. Ни о каком выборном начале, конечно, и речи не было: и комитет и районные комитеты, если таковые были, все это назначалось сверху.

Только после октября 1905 года выборное начало стало проникать в нашу большевистскую организацию: стали выбираться как районные, так и городские комитеты и конференции, при чем все же ответственные организаторы и пропагандисты в районы намечались городским комитетом. На основе демократического централизма организация построилась уже целиком в 1906 году, и этот год да следующий 1907-ой и были годами торжества этого принципа в нашей организации, так как наступившая реакция уже в 1908 году снова заставила перейти к формам конспиративной, чисто централистической организации.

Меньшевики раньше большевиков перешли к выборному началу; оно же у них и дольше удержалось, несмотря на страшные провалы, происходившие именно потому, что выборное начало, демократизм, позволяло полиции легче проникать в ряды организации. Этот же демократизм привлекал в ряды меньшевистской организации наиболее квалифицированную, лучше оплачиваемую и развитую трэд-юнионистскую верхушку, чем постоянно хвалились меньшевики и что не мало способствовало оппортунистическому уклону меньшевистской организации.

Вышеприведенные факты говорят еще об одной важной черте нашей большевистской организации. Твердыни большевиков находились в Петербурге, Иваново-Вознесенске, Москве и вообще центральном промышленном районе, на Урале и только отчасти на юге—в Екатеринославе, Одессе и Баку; твердыни меньшевиков — в Петербурге, а затем на юге и на Кавказе — Одесса, Екатеринослав, города Донецкого бассейна, за исключением таких центров, как Луганск, Тифлис, Батум, Кутаис и т. д. Это не простая случайность. Сам Ю. Мартов признает, что на Кавказе соц.-демократия „господствовала среди крестьян и мелкой буржуазии"[1], а ведь кавказские социал-демократы составляли чуть ли не треть (если не больше) всех меньшевиков—членов партии, кавказскими голосами меньшевики подавили нас на четвертом съезде, кавказские меньшевики всегда занимали правый фланг в истории нашего движения.

Мелкобуржуазный характер носила меньшевистская организация и в таких городах, как южные наши города — Кременчуг, Елисаветград, Чернигов, Курск, Кишинев, Киев и т. д. Что касается таких крупных центров, как Екатеринослав или Ростов-на-Дону, то и здесь в меньшевистскую организацию шел, правда— развитой, но зато трэд-юнионистски настроенный рабочий.

---

[1] См. его „Историю росс. соц.-дем.", стр. 131.

Большевики имели базу главным образом среди чистокровного пролетариата русского центрального промышленного района — Иваново, Кострома, Орехово, Нижний, Москва и т. д. Здесь главные кадры составляли русский текстильный рабочий и металлисты крупнейших наших центральных и северных городов. Ремесленник попадал в нашу организацию только в таких глухих городах, как Орел, Курск, Пенза, отчасти Воронеж, Тамбов и т. п. Рабочий этот в среднем был серее, менее развит, чем трэд-юнионист-меньшевик, но зато он был революционнее, непримиримее, готов был итти до конца в своей борьбе.

Эти факты, которые оспаривать в высшей степени трудно и даже почти невозможно, и наложили такой своеобразный отпечаток на большевистскую и меньшевистскую организации: одни, большевики, были представителями главным образом индустриального чистокровного пролетариата, другие, меньшевики, являлись представителями по большей части ремесленников, мелкой буржуазии и в очень небольшой степени индустриального пролетариата.

Те процессы, которые мы наблюдали в 90-ые годы в рабочей среде, продолжали итти и теперь. Эти процессы — выделение тонкого слоя рабочей трэд-юнионистской верхушки и слияние этой верхушки с социалистической интеллигенцией мелкой буржуазии, с одной стороны, и выделение из рабочей среды профессионала-рабочего и слияние его тоже с социалистической интеллигенцией, являвшейся представительницей революционного марксизма, — с другой.

Этим и объясняется тяготение меньшевиков, как опирающихся главным образом на трэд-юнионистскую верхушку пролетариата и мелкобуржуазную массу, к либеральной демократии; этим же чисто пролетарским составом своей организации объясняется и то, что большевистская организация, несмотря на временные свои ошибки, в общем всегда сохраняла чисто ортодоксальный, революционный характер идеологии воинствующего марксизма.

Было бы, однако, неправильным забыть ту огромную роль, какую сыграл в истории нашей партии тот „интеллигент“, тот профессионал-революционер, социал-демократ, сначала искровец, затем большевик, который вышел как из мелкобуржуазной, так и из рабочей среды.

Это был довольно многочисленный слой мелкобуржуазной интеллигенции, которая навсегда слила свою жизнь, деятельность и идеологию с жизнью, борьбою и идеологией русского революционного пролетариата. По большей части начавши работу еще на заре социал-демократии (некоторые даже в 80-ые годы), эти люди отказались от спокойной буржуазной жизни, от средней и высшей школы, от теплых мест и положений в обществе и пошли в самую гущу пролетариата. Они сбросили с себя ветхого Адама буржуазного общества и, усвоивши основы научного социализма Маркса и Энгельса, понесли свои знания в рабочую массу. Из них-то, из этих социал-демократов, и вышли те про-

фессионалы-революционеры, которые главным своим занятием сделали революцию, пропаганду и организацию в рабочей массе. За долгие годы революционной работы выработался тип такого профессионала. Это идеальный конспиратор, умеющий применить свои конспиративные познания там, где нужно и насколько нужно, человек, хорошо знающий рабочую среду, ее навыки, обычаи, предрассудки, достоинства и недостатки; стойкий, выносливый, находчивый и мужественный, профессионал мирится со всякой обстановкой и невзгодами: он всегда остается верен себе — и среди массы сочувствующих, и в стане врагов, и в подпольном кружке, и на допросе у жандарма, и на вольном просторе, когда с фальшивкой в кармане мчится из одного конца страны в другой, и в душной одиночке, и в страстных дебатах на тайном собрании, и в бесконечном этапе, позванивая кандалами на израненных ногах, в тихом безлюдье ссылки и в бурной кровавой схватке демонстрации или на баррикаде под выстрелы винтовок и дробь пулеметов.

Кадр этих профессионалов и воспитал таких же профессионалов, вышедших из рабочей среды; кадр этих профессионалов вместе со стариками рабочими и составляет ту железную когорту революции, то ядро старых большевиков, которые и составляют доселе тот руководящий центр, тех вождей, которые ведут за собой рабочую массу.

Из сферы этих профессионалов и вышла та группа идеологов нашей партии, во главе которой стоял первый из первых, лучший образец профессионала - революционера и коммуниста-вождя, В. И. Ленин.

При помощи этих идеологов, таких людей, как покойные И. Дубровинский, И. П. Гольденберг-Мешковский, В. В. Воровский, таких рабочих профессионалов, как И. В. Бабушкин, Климанов-Бубнов-Афанасьев, и удалось в бурные времена первой русской революции партии, вышедшей из подполья, очень быстро приспособиться к новым условиям, использовать „легальные возможности“, создать легальную соц.-демократическую прессу большевиков, выступить на легальных собраниях, бороться с либеральной буржуазией и устно и печатно, читать лекции, писать книги, брошюры, словом—защищать идеологические позиции нашей теории.

Литература к одиннадцатой главе:

1. Собр. соч. *В. И. Ленина*, т.т. VI и VII.
2. „Протоколы III с'езда РС-ДРП М. 1924 г.
3. *В. Невский*. „Январские дни в Петербурге“. „Красн. Лет.“ 1922 г., № 1.
4. *Ю. Мартов*. „История росс. соц.-дем.“. Изд. „Книга“ 1918 г.
5. *К. Шелавин*. „Партия и раб. класс“. Изд. „Прибой“. Л. 1924 г.
6. *Л. Троцкий*. „1905 г.“ М. 1924 г.
7. *М. И. Васильев-Южин*. „Московский Совет рабочих депутатов в 1905 г.“, М. 1925 г.
8. *П. Горин*. „Советы рабочих депутатов в 1905 г.“. М. 1925 г.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Пятый период истории русской социал-демократии (1905—1907 г.г.) и второй период истории большевизма.

II. ЛИКВИДАЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ. ЧЕТВЕРТЫЙ И ПЯТЫЙ СЪЕЗДЫ ПАРТИИ.

1. Земельные отношения накануне революции.

Два явления прежде всего необходимо принять во внимание, чтобы правильно оценить революцию 1905 года: земельные отношения накануне и после 1905 года и характер рабочего движения этого периода.

Следующая табличка очень хорошо рисует земельные отношения накануне революции.

Частная поземельная собственность в Европейской России.

ГРУППЫ ВЛАДЕНИЙ.	Владений.	Земли десятин.	В среднем на 1 владение десятин.
10 дес. и менее	409.864	1.625.226	3,9
10—50 дес. включ.	209.119	4.891.031	23,4
50—500 дес. включ.	106.065	17.326.495	163,3
500—2.000 дес. включ.	21.748	20.590.708	947
2.000—10.000 дес. включ.	5.386	20.602.109	3.825
Свыше 10.000 дес.	699	20.798.504	29.754
Всего свыше 500 дес.	27.833	61.991.321	2.227
Итого в Европ. России	752.881	85.834.073	114

„Мы видим здесь, во-первых,—говорит Ленин в своей работе об аграрной программе,—громадное преобладание крупного землевладения: 619 тыс. мелких землевладельцев (до 50 дес.) имеют всего $6^{1}/_{2}$ милл. дес. Во-вторых, мы видим необъятно большие латифундии: 699 собственников имеют почти по 30.000 десятин каждый! Двадцать восемь тысяч собственников концентрируют 62 милл. дес., т.-е. по 2.227 дес. на одного. Подавляющее большинство этих латифундий принадлежит дворянам, именно 18.102 владения (из 27.833) и 44.471.994 дес. земли, т.-е. свыше 70% всей площади под латифундиями. Средневековое землевладение крепостников-помещиков обрисовывается этими данными с полной наглядностью".

Далее, в главе „Из-за чего идет борьба?" Ленин так формулирует вопрос: „У десяти миллионов крестьянских дворов — 73 милл. земли. У двадцати восьми тысяч благородных и чумазых лэндлордов — 62 милл. дес. Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю. На этом основном фоне неизбежна поразительная отсталость техники, заброшенное состояние земледелия, придавленность и забитость крестьянской массы, бесконечно разнообразные формы крепостнической, барщинной эксплуатации" [1].

Приведенные цифры лучше, чем что-либо другое, рисуют ту основную пружину, которая, развертываясь, двигала русскую революцию; эти цифры точно также показывают, что́ такое было русское самодержавие, кто поддерживал его, кто должен был бороться с ним. Ясно, что царь и те 699 крупнейших собственников и составляли то самое самодержавие, с которым шла борьба: ясно, что те 5 тысяч крупных собственников, которые шли за звездной палатой 699, и составляли ближайшую опору трона; ясно также, что 21 тысяча средних помещиков также тянули руку за самодержавие; ясно не менее, что 10 миллионов крестьянских дворов, т.-е. подавляющее большинство крестьян, были против этих 30 тысяч собственников.

Ясно, стало-быть, что до тех пор, пока так или иначе не был разрешен этот земельный вопрос, крестьяне не могли успокоиться, революция должна была продолжаться, на армию, состоящую из крестьян, положиться было нельзя.

2. Значение различных групп рабочих в революции 1905 г.

Характер рабочего движения в эпоху первой русской революции очень хорошо рисуется следующими данными:

[1] В. И. Ленин. „Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 годов". Собр. соч., т. IX, стр. 447—448.

ГРУППЫ ПРОИЗВОДСТВ.	Все число фабр.-завод. раб. в 1901.	Число стачечников (в тыс.) за годы:				
		1895-1904	1905	1906	1907	1908
		в сумме.				
А (металлисты)	252	117	811	213	193	41
Б (текстильн. раб.).	708	237	1.296	640	302	56
В (типогр., деревообд. и пр.) .	277	38	471	170	179	24
Г (по обраб. минер. веществ и питат. продуктов) . . .	454	39	285	85	66	55
Всего . .	1.691	431	2.863	1.108	740	176

Эти цифры прежде всего показывают, какое колоссальное движение было в 1905 году, если число стачечников за целое десятилетие составляло только седьмую часть революционной рабочей армии, которая встала на борьбу в 1905 году; далее ясно видно, что во главе штурмовых колонн в первые месяцы революции идут самые развитые и организованные рабочие, — ибо, хотя число стачечников текстилей и больше (1.296) металлистов в $1^1/_2$ раза, но зато ведь и рабочих текстилей (708) больше в 3 раза, чем металлистов (252); затем ясно также, что текстильные рабочие, как наиболее отсталые, приходят в движение не сразу, а постепенно, и в 1906 и 1907 годах число стачечников текстилей еще очень велико, в то время как число металлистов сравнительно невелико; и, наконец, несмотря на это последнее обстоятельство, металлисты еще в 1906 г. бастуют почти все (193 т. из 252), в то время как текстили сокращают свое движение на половину.

Роль рабочих вообще и металлистов в особенности, как передового отряда, еще нагляднее из следующих данных:

Число стачечников в тысячах.

Годы.	ЧЕТВЕРТИ ГОДА.	ВСЕГО.	В том числе:	
			Экономич.	Политич.
1905	I четверть	810	604	206
	II четверть	481	239	242
	III четверть	294	165	129
	IV четверть	1.277	430	847
1906	I четверть	269	73	196
	II четверть	479	222	257
	III четверть	296	125	171
	IV четверть	63	37	26
1907	I четверть	146	52	94
	II четверть	323	52	271
	III четверть	77	66	11
	IV четверть	193	30	163

Число стачечников в тысячах.

	1905 год (четверти).			
	I.	II.	III.	IV.
Группа А (металлисты).				
Политических	120	42	37	31
Экономических	159	76	63	283
Всего	279	118	100	314
Группа Б (текстильщики).				
Экономических	196	109	72	182
Политических	111	154	53	418
Всего	307	263	125	600

ФАБРИЧНО-ЗАВ. ОКРУГА.	Число фабр.-зав. раб. в 1905 г. (в тыс.).	Число стачечников (в тыс.) за годы:				
		1895-1904	1905	1906	1907	1908
		в сумме.				
I. Петербургский	298	137	1.033	307	325	44
II. Московский	567	123	540	170	154	28
III. Варшавский . .	252	69	887	525	104	35
IV. Киевский, Поволжский и Харьковский	543	102	403	106	157	69
Всего	1.660	431	2.863	1.108	740	176

Из этих данных видно, во-первых, что наибольшее количество рабочих участвовало в движении в самые острые моменты борьбы: в январские дни 1905 года, во время декабрьского восстания, во время разгона первой Думы 1906 г., во время разгона второй Думы и во время суда над соц.-демократическими депутатами. Во-вторых, эти цифры показывают (в 1905 г.), что именно металлисты составляют главную массу в политических забастовках, хотя число всех рабочих металлистов значительно меньше, чем текстилей. И, наконец, в-третьих, районы, где сосредоточены наиболее развитые рабочие, главным образом металлисты, как, например, Петербургский и Варшавский, дали во все годы революции и бо́льшую массу борцов [1].

Если привести еще данные о числе выигранных рабочими стачек, то картина движения в общем станет вполне ясной.

---

[1] Эти данные взяты из ст. В. И. Ленина „О тактике стачек в России", т. XI, ч. II, стр. 148—170. Эти же данные находятся в изд. мин. фин. „Статист. стач. раб. на фабр. и зав. за дес. 1895—1904 г.г. и за 1905—1908 г.г.".

Результат стачек.

Процент числа стачечников в стачках с указанными результатами.

	За 10 лет 1895—1904.	За 1905.	За 1906.	За 1907.	За 1908.
В пользу рабочих	27,1	23,7	35,4	16,2	14,1
Взаимная уступка (компромисс) . . .	19,5	46,9	31,1	26,1	17,6
В пользу хозяев (против рабочих) . . .	51,6	29,4	33,5	57,6	65,8

Самый высший процент стачек в пользу рабочих дал 1906 год, когда рабочие еще не были побеждены, когда буржуазия была еще запугана и когда крестьяне громили помещичьи имения в 251 уезде Европейской России; самый высший процент проигранных рабочими стачек приходится на 1908 год, когда полным ходом шла аграрная реформа Столыпина, когда рабочие и крестьяне были усмирены, а буржуазия столковалась с 699 феодалами-крепостниками, т.-е. с самодержавием.

В свете только-что приведенных данных легче будет обсуждать факты и явления партийной истории.

3. Завоевания революции 1905 г. в сфере организации.

За время свобод, отвоеванных рабочим классом в октябре, соц.-демократия вышла из подполья и стала огромной силой, с которой приходилось считаться всем. Быстрее, чем думали наши враги, соц.-демократы сумели приспособиться к новым условиям существования. Прежде всего большевики использовали „легальные возможности", поставив легальную газету „Новую Жизнь", первый номер которой вышел 27 октября 1905 г.; меньшевики выпустили первый номер своей газеты „Начало" только 13 ноября. Такие же легальные газеты большевики и меньше-

вики поставили в Москве („Борьба" и „Московская Газета") и в некоторых других городах, напр., в Красноярске, Казани и даже в Томске! [1]

Правда, эти газеты быстро кончали свое существование, но большевики и меньшевики налаживали новые органы (например, большевики в Петербурге в 1906 г. „Волну", „Эхо"), издавали также сборники и брошюры, которые еще вчера считались нелегальными: так, в сотнях тысяч экземпляров и в разных изданиях вышли отдельные сочинения Маркса, Энгельса, Каутского, Лассаля, Плеханова, Аксельрода, Гэда, Лафарга, Меринга, Крапоткина и т. д. („Коммунистический Манифест", „Антидюринг", „Людвиг Фейербах", „Эрфуртская программа", „Нищета философии" и т. п.).

Эта легальная соц.-демократическая литература имела огромное значение в деле просвещения и развития масс; но, быть может, еще большее значение имели в этом отношении отвоеванные свободы слова, собраний и союзов. На многотысячных митингах в высших учебных заведениях, на фабриках и заводах соц.-демократические ораторы своими речами будили спящую массу. Вновь возникающие организации,—клубы, просветительные общества и профессиональные союзы,—служили могучим рычагом собирания рабочих масс под социал-демократическими знаменами. В области профессионального движения, правда, существовали разные взгляды у большевиков и меньшевиков (большевики стояли за создание профессиональных союзов, где было бы явное организационное партийное руководство [„партийность союзов"], меньшевики отстаивали широкую беспартийную организацию союзов), но в общем повсюду возникающие профессиональные союзы признавали руководство соц.-демократов.

Социалисты-революционеры не пользовались в рабочей среде почти никаким влиянием (за редкими исключениями).

Гораздо важнее были разногласия по коренным вопросам организации и соц.-демократической тактики. В организационном вопросе меньшевики стояли за самый широкий демократизм. Наиболее ярко эти взгляды выражались у Аксельрода в его идее „рабочего съезда". Суть его планов сводилась к переустройству старой нелегальной организации путем созыва всероссийского рабочего съезда. Делегатами съезда могли быть и члены профессиональных союзов и члены партийных организаций и культурно-просветительных клубов и просто заводов, фабрик и мастерских. Ясно, что в этой идее воскресли старые бунтарско-анархические взгляды народника-бакуниста Аксельрода, пытавшегося в беспартийном хаосе потопить организацию соц.-демократии. Большевики беспощадно критиковали эти идеи, но и сама жизнь зло смеялась над утопиями меньшевиков: арест Петербургского

[1] В „Новой Жизни" писали: Ленин, Луначарский, Богданов, Рожков и др.; в „Начале" участвовали: Мартов, Троцкий, Мартынов, Дан и т. д.

Совета, вооруженное восстание в декабре, бойкот Думы — все это заставило забыть идею Аксельрода. Жизнью выдвигался вопрос о прекращении борьбы внутри соц.-демократии и о слиянии двух параллельно существующих организаций. В особенности настоятельно требовали этого рабочие и низы организации. Под давлением этих обстоятельств, и ЦК большевиков и ОК меньшевиков решили поставить вопрос об объединении на суд своих организаций. Впрочем, организации на местах, и не ожидая съезда, приступили к объединению: так поступили организации в Одессе, Саратове и Перми; так поступил Выборгский район Петербургской организации. Здесь, в Петербурге, в конце ноября 1905 г. произошли конференции большевиков и меньшевиков, где и было решено немедленно созвать общепартийные конференции с целью обсудить вопрос об объединении. Большевики, кроме того, постановили перейти к проведению выборного начала, а меньшевики изменили мартовскую формулировку § 1 устава.

4. Таммерфорсская конференция 1905 г.

Всероссийская конференция большевиков собралась в декабре 1905 г. в Таммерфорсе, в Финляндии, в самый момент декабрьского восстания, вследствие чего были представлены далеко не все организации большевиков (отсутствовала, напр., такая организация, как Московская), и потому делегаты представляли только 4 тыс. организованных рабочих.

Конференция в Таммерфорсе вынесла постановления: 1) „о слиянии центров, 2) о реорганизации партии, 3) по аграрному вопросу и 4) о Государственной Думе. В первом из этих постановлений предлагалось в виде временной меры слияние практических центров обеих фракций, литературных органов и организаций на местах и вменялось в обязанность объединившимся центрам в ближайшее время созвать объединительный съезд. Объединение до съезда должно было проводиться на местах до конца, а центральные органы двух соц.-демократических фракций должны были объединиться на началах равенства. Выборы на съезд должны были производиться от каждых трехсот чел. членов организации (если число членов было меньше 300, но больше ста, организация все же посылала 1 делегата; организация с числом членов меньше 100, но больше 50, посылала 1 делегата с совещательным голосом); выборы должны были проходить под руководством особой избирательной комиссии.

5. Демократический централизм.

По вопросу о реорганизации партии конференция вынесла следующую резолюцию:

„1. Признавая бесспорным принцип демократического централизма, конференция считает необходимым проведение широкого

выборного начала с предоставлением выборным центрам всей полноты власти в деле идейного и практического руководства, на-ряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий. 2. В целях объединения и оживления работы на местах, конференция рекомендует устраивать областные конференции и союзы с областными органами. 3. Конференция предлагает всем организациям партии провести немедленно и самым энергичным образом реорганизацию местных организаций на выборных началах, при чем не следует теперь же добиваться полного единообразия всех систем выборных учреждений, но отступления от полного демократизма (двухстепенные выборы и т. п.) допустимы лишь в силу непреодолимых практических препятствий".

Эта резолюция имела огромное значение в жизни нашей партии, так как еще до объединительного съезда большевики (как и меньшевики) перестроили свою организацию на демократических началах. С тех пор наша партия в течение больше чем двух лет (вплоть до наступления мрачной эпохи реакции) жила полной демократической жизнью. Даже в Петербурге и Москве, где давление полицейского аппарата было очень велико, даже в 1906—1907 годах принципы демократического централизма быстро вошли в жизнь и проводились строго и неукоснительно.

Организация совершенно перестроилась и вышла из подполья. Подрайонные, районные и городские комитеты выбирались прямыми выборами. Все члены районной организации выбирали членов общей городской конференции, при чем при этих выборах намечались здесь же и члены Петербургского комитета нашей организации. Выбранная такими прямыми выборами общегородская конференция была верховным законодательным органом петербургской соц.-демократии. Исполнительным органом от конференции до конференции являлся Петербургский комитет, который для текущей повседневной работы уже из своей среды выбирал весьма немногочисленную исполнительную комиссию (от 3-х до 5 человек). Таким путем достигался полнейший демократизм, колоссальная авторитетность руководящих центров и полнейшая свобода мнений. Таких фактов, как перемещение или назначение помимо воли организации товарищей на ответственные места, организация этого периода не знала, и, если бы такой случай произошел, то это было бы признано самым грубым нарушением основ демократического централизма. Сплошь и рядом самые видные и авторитетные члены нашей организации сначала приходили в район самыми рядовыми работниками и только постепенно, заслужив доверие масс, выдвигались ими на ответственные руководящие посты. Только пропитавшись этими принципами демократического централизма, наша большевистская организация сумела завоевать в нашей партии подавляющее большинство организованных рабочих, что и сказалось на Лондонском съезде. Наступившие годы реакции снова надолго загнали нашу организацию в подполье, и только в течение

1917 и начала 1918 года нашей партии удалось снова на короткое время зажить на основе принципов демократического централизма.

Само собой ясно, что по примеру Петербурга принципы демократического централизма быстро вошли в жизнь и в других организациях партии.

По аграрному вопросу конференция повторила то, что уже было сказано на третьем съезде партии (см. стр. 265) именно высказалась за изменение нашей аграрной программы в том смысле, чтобы было введено требование конфискации земли, выброшено требование возвращения отрезков и выкупных платежей.

6. Тактика большевиков по отношению к Гос. Думе.

По вопросу о Государственной Думе конференция вынесла постановление в духе сентябрьской конференции, т.-е. высказалась за бойкот Думы.

В духе скорейшего созыва съезда высказались и меньшевики.

Съезд созывался в атмосфере необычайно острой борьбы пролетариата с силами реакции: в центральной России, в Прибалтийском крае, в Сибири действовали карательные экспедиции царских генералов; боевые дружины рабочих оказывали сопротивление полиции и войскам; повсюду начиналось увлечение экспроприациями; буржуазия явно стала на сторону реакции: после подавления восстания в Москве, в городской думе лидер правых думцев Гучков заявил усмирителю московских рабочих Дубасову о своей готовности поддержать жестокие меры правительства. Правительство нагло издевалось над народом и поспешно отбирало то, что рабочие успели завоевать силой: свободу собраний, союзов, печати, слова; шли обыски, аресты, начинались массовые расстрелы и казни.

Но, вне всякого сомнения, только под давлением октябрьской забастовки и декабрьского восстания было издано положение 11 декабря 1905 года о выборах в Думу, гораздо более широкое, чем положение о „Булыгинской“ Думе. Правда, и это положение было прямым издевательством над народом. О том, насколько наглым обманом была эта „конституция“, можно судить по результатам выборов.

Партия мирного обновления провела в Думу	26 депутатов.
Прогрессисты	12
Партия демократических реформ .	6
Партия конституционал. демократов	. 179
Трудовики . .	94
Соц.-демократы .	17
Польское коло	32
Мусульмане	30
Беспартийные	. 100

Таким образом, первая Дума была явно кадетской. Соц.-демократы попали в Думу потому, что меньшевики, вопреки постановлению сентябрьской конференции, приняли участие в избирательной кампании. На Кавказе, где, по признанию самого Мартова, меньшевики базировались главным образом на мелкой буржуазии, прошли подавляющим большинством голосов депутаты соц.-демократы: в Тифлисе — Н. Жордания, Церетелли (от губернии), в Кутаисской губ., — Рамишвили, Гомартелли и Джапаридзе. Прошли и еще кое-где соц.-демократы, напр. в Акмолинской губ. доктор Имерский, в Екатеринославской — М. И. Михайличенко и т. д. Большевики, польская, латышская и еврейская соц.-демократия выборы бойкотировали. Единодушно и блестяще бойкот прошел в Петербурге, Варшаве, Риге и других крупных городах. Но основным фактом при выборах в Государственную Думу явилось не прохождение в отдельных местностях соц.-демократических депутатов, а поддержка кадетов в этих выборах именно вследствие участия в выборах соц.-демократов. Это обстоятельство выяснилось уже в самом начале выборов. Так, уже в средине марта на губернских съездах было выбрано 487 городских избирателей-выборщиков, из них 268 левых, правых 118 и беспартийных 101, землевладельцев-выборщиков левых 128, правых 172 и беспартийных 178. Ленин расценивал эти результаты выборов, как уход помещиков от кадетов в Союз 17 октября, т.-е. на правый фланг, и как поддержку кадетов городской мелкой буржуазией. Сами кадеты так и понимали свои победы на выборах в Думу. Один из видных кадетов очень ярко выразил это в беседе с сотрудником кадетской газеты: „С нами, в сущности, произошло то же, что происходит в Германии на выборах с социал-демократами: за них многие голосуют за то, что они самая оппозиционная партия по отношению к правительству". Но в то время как в Германии социал-демократы вели за собою все отсталые элементы страны, именно как самая передовая и революционная партия, кадеты в России вели за собой более революционные элементы лишь потому, что самая революционная партия — соц.-демократическая—на деле была устранена от участия в выборах: наступление реакции после декабрьского восстания, карательные экспедиции, аресты, расстрелы, не говоря уже о рогатках, поставленных самим положением о выборах в Думу, — все это делало участие в выборах соц.-демократов только лишним условием, способствующим кадетам одерживать легкие победы. При таких условиях, прохождение соц.-демократических депутатов могло быть либо случайным, либо только в таких местностях, как на Кавказе, где соц.-демократы меньшевики базировались на массах мелкой буржуазии. При таких обстоятельствах, стало-быть, звать на выборы рабочих означало действительно поддерживать „конституционные иллюзии", т.-е. укреплять в массах веру в кадетскую Думу. Большевики предлагали бойкот выборов, такой же точки зрения держались и национальные соц.-демократические партии. Меньше-

вики держались иной тактики—участия в выборах, при чем уже очень скоро, на практике поняв, что в атмосфере напора реакции нельзя толковать ни о каком „революционном самоуправлении" на почве выборов, они изменили свою тактику в том смысле, что предлагали ограничиться участием в первых стадиях выборов, т.-е. в коллегиях уполномоченных и выборщиков, кроме последней стадии, с отказом выставлять кандидатов в Думу.

Объединенный ЦК предложил в виду разногласий, либо бойкот, либо участие в выборах на первых стадиях с отказом выставлять кандидатов в Думу. Это еще более подорвало значение меньшевистской платформы, и бойкот выборов прошел в большинстве соц.-демократических организаций.

7. Объединительный съезд РС-ДРП в Стокгольме в 1906 г.

В такой атмосфере происходила подготовка к объединительному съезду. На основании постановлений конференций большевиков и меньшевиков был образован объединительный ЦК в составе 3 большевиков и 3 меньшевиков (Л. Красин, И. Лалаянц и И. Саммер (большевики) и В. Крохмаль, А. Тарасевич и Н. Иорданский (меньшевики), который и принялся вплотную за подготовку съезда. В течение всего марта на местах шла предвыборная кампания по поводу выборов на съезд — как раз в то время, когда правительство делало новые нажимы на революционный народ: в течение марта были изданы временные правила о собраниях, о печати, а также (в апреле) и основные законы, по которым Думе отводилась весьма скромная роль в ходе государственной машины.

Выборы на съезд проводились все же при небывалых условиях в России; во многих организациях делегаты выбирались прямо на общих собраниях, в некоторых местах были двухстепенные выборы.

Съезд открылся в Стокгольме в апреле. На съезде присутствовало 113 делегатов с решающими голосами и более 30 с совещательными, а также представители от Бунда, от С-Д Польши и Литвы, Латышской С-Д и Финляндской СД-РП.

Уже по вопросу о выборе президиума съезда ясно обнаружилось, что съезд оказался меньшевистский: меньшевистских голосов было больше, перевес был довольно значительный (около 16 голосов, в главнейших голосованиях примерно 62 против 46). В президиум съезда вошли Плеханов, Дан и Ленин.

8. Аграрная программа русской соц.-демократии.

Центральными вопросами съезда были аграрная программа, оценка революционного момента и классовых задач пролетариата, отношение к Государственной Думе и вооруженное восста-

ние. Вопросы организационные не являлись боевыми вопросами этого съезда, здесь существенных разногласий не обнаружилось.

По аграрному вопросу три главные точки зрения обсуждались на съезде — проект муниципализации меньшевиков, проект национализации Ленина и проект раздела. Докладчиком от меньшевиков выступил Джон (П. Маслов), защищал эту программу и Плеханов, национализацию защищал Ленин, проект аграрной комиссии отстаивал Шмидт (П. П. Румянцев) и идею раздела — Борисов.

Еще до съезда в нашей соц.-демократической литературе наметились четыре точки зрения по вопросу об аграрной программе: 1) точка зрения аграрной комиссии, назначенной объединенным ЦК партии — конфискация помещичьих земель и национализация земель при определенных политических условиях (точка зрения Ленина), 2) муниципализация (точка зрения Маслова), 3) конфискация помещичьих земель без национализации (Финн, Плеханов) и 4) аграрная программа не требует ни конфискации, ни национализации. Существовали еще иные мнения, напр. то мнение, что соц. демократическая партия не должна выдвигать вовсе аграрной программы, а может ограничиться вынесением только тактической резолюции по этому вопросу (точка зрения Лядова).

Первый докладчик на съезде, Ленин, излагая свои взгляды, начал с критики проектов этих различных течений.

Сторонники такой программы, которая не требует ни конфискации ни национализации, основывались на том мнении, что конфискация и переход земель крупных помещиков в руки крестьян есть реакционная мера, так как это означало бы огромный шаг назад от капиталистического хозяйства к мелкому крестьянскому хозяйству. Поэтому, оставляя нашу прежнюю программу или внося в нее небольшие поправки, соц.-демократы должны ограничиться тактической резолюцией в духе конфискации.

Ленин показывает в своей критике, что это мнение неправильно потому, что не учитывает главного — того огромного влияния, какое окажет конфискация помещичьих земель в деле развития капитализма. Крупное помещичье хозяйство держится больше крепостнической кабальной системой, чем капиталистической, и потому конфискация, уничтожая кабальную, крепостническую систему хозяйства, расчистит путь для капитализма. Что же касается мнения тех, кто стоит за оставление старой программы но с прибавлением тактической резолюции о конфискации, то это мнение неправильно подходит к разграничению тактики и программы. Программа определяет основные отношения пролетариата к другим классам, тактика — частные и временные. Но сторонники тактической резолюции как раз и хотят, чтобы в программе осталось временное и частное (например отрезки) а в тактической резолюции — основное

Взгляды сторонников конфискации, но без национализации, в общем базировались на том, что национализация—мера реакционная при существующих условиях в России. Такую позицию занимали „Искра" и „Заря", в частности Плеханов, указывавший, что национализацию защищали даже такие органы, как „Московские Ведомости". Но положение в 1902 и 1903 г.г. было не то, что в 1905 и 1906 г.г., когда происходит революция и вопрос идет о буржуазно-демократическом перевороте. Сам Плеханов и тогда еще, т.-е. в 1902 и 1903 г.г., высказываясь против национализации, однако не отрицал возможности для соц.-демократов выдвинуть эту меру в революционную эпоху. Несомненно, что в среде крестьянства идея общенародной собственности на землю широко распространена и, несмотря на всю темноту и отсталость крестьянства и несмотря на всю утопичность и реакционность этих крестьянских пожеланий, идея о земле, как общенародной собственности, в общем носит в себе революционно-демократический характер.

Доводы Маслова против национализации сводятся к утверждению, что национализация подрывает самоопределение национальностей (нельзя землями Закавказья распоряжаться из Петербурга), что она передает все земли в руки государства, против чего восстанут все крестьяне, и что она усилит власть буржуазного государства. Но самоопределение признано нашей программой, широкое местное самоуправление — также, а что касается муниципализации, то ведь и эта мера будет проводиться законом, изданным в Петербурге. Кроме того, национализация есть не передача земли государству, а только передача ренты; никто не предлагает отнимать земли у крестьян, наоборот, именно проведением национализации облегчается мобилизация земельной собственности без отобрания земли у крестьян. Возражение Маслова, что национализация усиливает власть буржуазного государства, в то время как муниципализация, предполагающая местные демократические органы, достигает именно большой демократизации, это возражение падает само собою, так как без проведения полной демократизации строя немыслима решительная аграрная реформа в пользу и в интересах массы крестьян, а при сохранении основ старого строя муниципализация означает: помещику хорошая земля, крестьянину—плохая и аренда у помещика хорошей земли: ведь в муниципалитетах, которые мало чем будут отличаться от земств, будут сидеть все те же помещики.

Поэтому единственной серьезной аграрной реформой может быть только конфискация помещичьей земли и национализация, ибо эти меры предполагают прежде всего полную демократизацию строя.

Ленин и выдвинул такую программу, главными пунктами которой были: конфискация всех помещичьих, церковных, кабинетских, удельных, государственных и монастырских земель; учреждение крестьянских комитетов для немедленного уничтожения всех следов помещичьей власти и привилегий и для факти-

ческого проведения конфискации впредь до издания земельного закона учредительным собранием; отмена всех податей и повинностей, падающих на крестьянство, как на податное сословие; отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении землей; предоставление выборным народным судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

„Если же решительная победа современной революции в России обеспечит полностью самодержавие народа, т.-е. создаст республику и вполне демократический государственный строй, то партия будет добиваться отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа“ [1].

Маслов и Плеханов защищали муниципализацию, при чем главным доводом Плеханов выдвинул гарантию от реставрации. Сущность этого довода сводилась к тому, что, так как в Московской Руси экономической основой была национализация и так как наша революция теперь не содержит гарантий от реставрации, то национализация и может явиться исходным пунктом и причиной реставрации.

Ясна сразу искусственность этого довода,—возражали противники Плеханова. Во-первых, если в Московской Руси и была национализация, то ведь она была там при условии отсталого натурального хозяйства; национализация ныне предполагается при условии мощного развития капитализма; что же касается гарантий от реставрации, то и у русской революции, как и у всякой другой, таких гарантий нет кроме одной — европейской социалистической революции.

Русская революция имеет достаточно своих сил, чтобы победить. Но у нее недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы. Победить она может, ибо пролетариат вместе с революционным крестьянством может составить непреоборимую силу. Удержать за собой победы она не может, ибо в стране с громадным развитием мелкого хозяйства мелкие товаропроизводители (крестьяне в том числе) неизбежно повернут против пролетария, когда он от свободы пойдет к социализму. Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен не русский резерв, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе [2].

Расхождение Ленина с теми, кто стоял за раздел, начиналось как раз там, где начинались затруднения, вытекавшие из такой меры, как раздел: крестьянин, идущий на раздел земли, исходит из мысли, что земля ничья, божья; нужно не ограничиваться этим, а говорить крестьянину: если ты хочешь, чтобы земля была не

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. IX, стр. 413.
[2] Ibid., т. VII, стр. 192.

помещичья, не Трепова, не Дубасова, то ты должен итти до конца и перестроить до основания старый строй, в котором не было бы ни Дубасовых ни Треповых.

Отличие проекта, внесенного аграрной комиссией, от проекта Ленина сводилось к тому, что пункт о земельном перевороте в случае полного демократического переустройства комиссией был сформулирован иначе, чем Лениным; у Ленина стояло: „... партия будет добиваться отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа", а в так называемом варианте аграрной комиссии стояло: „партия будет поддерживать стремление революционного крестьянства к отмене частной собственности на землю и добиваться передачи всех земель в собственность государства".

В результате горячих прений на съезде прошел несколько измененный проект Маслова, т.-е. передача всех конфискованных земель местному самоуправлению.

Прения по аграрному вопросу с наглядностью показали, как глубоки расхождения двух частей русской соц.-демократии. Уже здесь, в этих прениях, Плеханов выдвинул против большевиков доводы, аналогичные доводам, выдвигаемым либеральной буржуазией против соц.-демократов: во имя куцой победы над самодержавием, из боязни реставрации, лучше добиваться меньшего, чем итти до конца. Прения показали, что расхождения в вопросе о муниципализации и национализации—не случайность, а являются только дальнейшим развитием тех разногласий, которые разделили Плеханова и Ленина еще в редакции „Искры"; вопрос этот, как ясно из всего вышесказанного, сводился в сущности к тому, кто, какой класс кроме пролетариата в России является революционной силой, таким классом, который пойдет до конца в демократической революции. Большевики считали, что такой силой может быть крестьянство, и указывали, что, наоборот, такая буржуазная демократия, как кадеты, не только не пойдет на полную демократизацию страны, но попытается договориться с царем; меньшевики же считали крестьянство менее революционным и тянулись к кадетам.

9. Отношение двух течений русской социал-демократии к буржуазии.

Отсюда вытекала и различная тактика по отношению к кадетам и вообще к буржуазным партиям, к Государственной Думе и к вопросу о вооруженном восстании. И большевики и меньшевики сходились в оценке текущего момента: революция еще не побеждена, она идет к новому подъему, и отсюда следовал вывод—стремиться довести революцию до конца. Отсюда начинались разногласия; большевики говорили, что пролетариат

и революционное крестьянство путем вооруженного восстания могут довести демократическую революцию до конца, а потому необходима организация пролетариата и крестьянства для восстания, а потому „главной формой освободительного движения в настоящее время является не легальная борьба на квази-конституционной почве, а непосредственно-революционное движение широких народных масс, ломающих полицейско-крепостнические законы, творящих революционное право и разрушающих насильственным путем органы угнетения народа"; отсюда же неизбежно вытекал и вывод о борьбе с „конституционными иллюзиями", распространяемыми либеральной буржуазией, постаравшейся договориться с царем.

Отсюда же и мнение большевиков, что главное решение вопроса революции должно произойти вне стен Думы и что поэтому единственная правильная тактика соц.-демократии — „использовать Государственную Думу и столкновения ее с правительством или конфликты внутри ее, борясь с реакционными ее элементами, беспощадно разоблачая непоследовательность и шаткость кадетов, особенно внимательно следя за элементами крестьянской демократии, объединяя их" [1] и т. д.; понятно, что отсюда являлся и вывод, что самый вопрос об участии соц.-демократии в новой избирательной кампании должен решаться РС-ДРП в „зависимости от конкретных обстоятельств момента" и, если уж придется соц.-демократам в такой кампании участвовать, то никакие блоки с партией к.-д. и ей подобными партиями недопустимы.

Резолюции меньшевиков, в особенности в тех проектах, которые были внесены на съезд, в скрытой форме проводили мысль о ликвидации революции и о соглашении с либеральной демократией. В сущности, над меньшевистской частью съезда витали слова Плеханова, который дал оценку декабрьского кризиса в следующих выражениях: „Несвоевременно начатая политическая забастовка привела к вооруженному восстанию в Москве, Ростове и т. д. Сила пролетариата оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было браться за оружие" [2].

Эта мысль в скрытой форме проходит через все меньшевистские резолюции: в резолюции, например, о Государственной Думе меньшевики предлагали пролетариату бороться не за власть, а „за права", рекомендовали уже тогда образовать парламентскую фракцию соц.-демократов и тем самым предрешили вопрос о будущем участии в избирательной кампании. Весь вопрос об отношении к Думе у них был сведен к борьбе в Думе, а не вне Думы, к парламентским комбинациям, а не к вооруженной борьбе за власть.

---

[1] См. проект большевистской резолюции о Гос. Думе. „Прол. Рев." 1922 г. № 4, стр. 130.
[2] „Дневник Соц.-Дем.", № 4.

Что касается вопроса о вооруженном восстании, то даже некоторые меньшевики называли меньшевистскую резолюцию не резолюцией о вооруженном восстании, а резолюцией против вооруженного восстания. Действительно, в этой резолюции центральными пунктами являются пункты, говорящие, как не нужно и вообще чего не нужно делать в целях восстания, а не о том, что нужно делать для того, чтобы восстание рабочих и крестьян стало победоносным.

Нечего говорить, что и резолюция о партизанских выступлениях была, в сущности, прямым осуждением боевых выступлений пролетариата, так как и в этой резолюции говорилось больше о том, чего не могут делать боевые дружины социал-демократов.

Больших разногласий по организационному вопросу не было, хотя правда, большевикам однажды пришлось поставить вопрос довольно резко, так так меньшевики предлагали повысить до ²/₃ число членов партии, необходимое для созыва экстренного съезда. Под давлением большевиков меньшевики согласились понизить это число до ¹/₂. „Я заявил тогда,—говорит по этому поводу Ленин, — вместе со своими коллегами большевиками категорически, что малейшая попытка уменьшить тот минимум автономии и прав оппозиции, который признал в уставе 3-й фракционный съезд, будет означать неминуемый раскол“ [1].

Меньшевики победили, провели в общем свое большинство во все центральные учреждения партии и, пользуясь, стало-быть, всем аппаратом ЦК и местных организаций, они готовились, проводя в жизнь резолюции съезда, поглотить и растворить большевиков.

Что же дал русской социал-демократии Стокгольмский съезд?

Прежде всего, было достигнуто слияние двух фракций русской соц.-демократии; далее произошло слияние русской соц.-демократии с национальными соц.-демократическими партиями— „Бундом“, Польской соц.-демократией и Латышской СДРП. Были изжиты и организационные разногласия. „Остается,—говорит Ленин, подводя итоги работам съезда,—важная, серьезная и чрезвычайно ответственная задача: воплотить действительно в жизнь принципы демократического централизма в организации партии, — добиться упорной работой того, чтобы основной организационной ячейкой партии стали на деле, а не на словах, низшие организации, чтобы все высшие учреждения были действительно выборны, подотчетны и сменяемы. Надо упорной работой сложить такую организацию, которая включала бы всех сознательных рабочих соц.-демокр. и которая жила бы самостоятельной политической жизнью. Автономия всякой партийной организации, признаваемая до сих пор больше на бумаге, должна быть проводима и проведена в жизни“ [2].

---

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. VII, ч. 1, стр. 223.
[2] Ibid., стр. 227.

Это было действительно огромное завоевание партии: партия впервые получила возможность зажить действительно широкой партийной демократической общественностью.

Но вместе с тем съезд показал, что между большевиками и меньшевиками все больше и больше намечаются такие глубокие, такие принципиальные разногласия, в изживание которых хотелось верить, но изжить которые мирным путем в одной организации было почти невозможно.

„Наше правое крыло, — говорит Ленин в своем отчете о съезде, — не верит в полную победу настоящей, т.-е. буржуазно-демократической революции в России, боится этой победы, не выставляет перед народом решительно и определенно лозунга этой победы. Оно всегда сбивается на ту, в корне ошибочную и опошляющую марксизм, мысль, будто буржуазную революцию может „делать" самостоятельно только буржуазия или что буржуазную революцию надлежит вести только буржуазии. Роль пролетариата, как передового борца за полную и решительную победу буржуазной революции, неясна правому крылу с.-д." [1].

Спрашивается, можно ли было надеяться, при таком положении дел, мирно ужиться в одной организации представителям правого и левого крыла русской соц.-демократии?

События очень скоро показали, что две партии русской соц.-демократии, образовавшиеся вскоре после второго съезда, существуют на деле, хотя искусственно и объединились под одной кровлей.

10. Победа реакции и роспуск I Государственной Думы.

Еще в Москве Пресня дымилась в развалинах, а министр самодержавного правительства Витте (10 января 1906 г.) в своем докладе царю писал: „Позволяю себе доложить вашему величеству мое мнение, что проявления революции в городах, точно так же как и в других местностях, за исключением аграрного движения, могут считаться подавленными настолько, что в резких формах революционные покушения происходить более не будут. С одной стороны, ряды революционеров поредели как вследствие арестов, так и вследствие прямой убыли во время мятежа, с другой—министр внутренних дел и я следим, чтобы не нарождалось новых преступных сообществ" [2].

В этих словах очень правильно обрисовано положение дел в России в начале 1906 г. Рабочее движение еще вздымало свои волны, но несомненно и то, что рабочему классу был нанесен тяжелый удар на баррикадах Москвы, Ростова-на-Дону, Красноярска и других городов. Бушевало однако могучее кре-

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. VII, ч. 1, стр. 223.

[2] „Аграрный вопрос в Совете министров" (1906 г.). М. 1925 г. Центроархив, стр. 70.

стьянское море; „иллюминация“ попрежнему освещала дворянские усадьбы, и говорить о том, что революция вообще подавлена, было также нельзя. Витте и царское правительство и направили свои удары теперь на революционного крестьянина.

Само собой вытекало отсюда, что строить свою тактику так, как будто бы уже наступил нормальный ход дел, не приходилось. Большевики так и строили свою тактику в расчете на повышение революционной энергии; меньшевики же, как мы видели, толковали о думской работе так, как будто бы действительно Россия вступила в эру конституционной жизни.

А между тем те явления, какие предсказывали большевики, развивались с неумолимой последовательностью.

Прежде всего, происходило поправение либеральной буржуазии. Правея же, к.-д. вели незаметно для народа, за его спиной, переговоры с правительством. Как известно, председателю Государственной Думы Муромцеву (члену к.-д. партии) со стороны Трепова было предложено войти в соглашение с правительством; было обещано составить кадетское министерство при условии отказа к.-д. от принудительного отчуждения земли и от полной амнистии политическим преступникам.

Соглашения не произошло, но переговоры, однако, не кончились, и вскоре было устроено свидание крупных бюрократов с либералами к.-д. партии (Милюковым и Муромцевым). Переговоры, продолжавшиеся все время, пока заседала первая Дума, ни к чему не привели, так как правительство требовало оставления в старых руках портфелей министра внутренних дел и военного, а к.-д. не могли согласиться на отказ от своих аграрных проектов, которыми они надеялись привлечь на свою сторону крестьян. К июню правительство настолько оправилось от испуга, навеянного событиями 1905 г., что можно было подумать и о разгоне Думы. Правительству к.-д. уже были ненужны, нужен был только предлог для разгона. Он, конечно, нашелся. Это было обращение Государственной Думы к крестьянам по аграрному вопросу.

В этом обращении говорилось о том, что Дума будет настаивать на передаче крестьянам казенных, удельных, кабинетских, монастырских и отчасти частновладельческих земель. Правительство, заявившее в своем манифесте, что отчуждение частновладельческих земель не будет допущено, теперь уже не церемонилось с Думой, и указом царя 8 июля 1906 года Дума была распущена.

Собравшиеся в Выборге после роспуска Думы депутаты ее выпустили известное „выборгское воззвание“, в котором обращались к народу с предложением поддержать Думу и не давать правительству ни солдат, ни денег, а в случае, если бы правительство попыталось заключить заем за границей, то не считать этот заем действительным. Соц.-демократы прибегли к другой тактике — к прямому призыву крестьян и рабочих на восстание

(„Манифест к армии и флоту“ от имени трудовой группы и соц.-демократов, „Манифест ко всему российскому крестьянству“, подписанный соц.-демокр. фракцией Думы, трудовой группой, Всероссийским Крестьянским Союзом, ЦК РС-ДРП, ЦК ПС-Р, Всеросс. Железнодорожным Союзом, Всероссийским Учительским Союзом, и „Ко всему народу“). Но и здесь обнаружилось то глубокое различие, какое уже давно существовало между двумя крыльями соц.-демократии.

В то время как большевики энергично отстаивали тактику, суть которой сводилась к призыву рабочих и крестьян на восстание, меньшевики проявили колебание и нерешительность. Прежде всего, меньшевистский ЦК выбросил лозунг восстания и выдвинул свой: „не восстание, а возобновление сессии Думы“. Когда же к.-д. подхватили этот лозунг, а с.-р. и трудовики высказались за революционную тактику, ЦК, под влиянием протеста большевиков — членов ЦК, выбрасывает другой лозунг: „в защиту Думы против камарильи для созыва Учредительного Собрания“ и „за Думу, как орган власти, который созовет Учр. Собрание“.

В то время как большевики при поддержке всех революционных партий (с.-р., крестьянского союза, железнодорожников и трудовиков) предлагают выдвинуть лозунг призыва к восстанию, меньшевики выдвигают лозунг стачки, демонстрации, и только под давлением большевиков, рабочих и революционных крестьян (в лице их организаций) ЦК вынужден поставить свою подпись под воззваниями, призывающими народ к восстанию.

Правительство между тем ответило на выборгское воззвание привлечением депутатов к суду, рабочие же и крестьяне реагировали забастовками и волнениями. Пролетариат Петербурга ответил всеобщей политической забастовкой, а крестьянство в лице своих лучших сынов, одетых в солдатские шинели,— свеаборгским и кронштадтским восстаниями 17-го и 20-го июля 1906 г. В Свеаборге, где были созданы сильные военные организации соц.-демократов, 17-го июля вспыхнуло восстание минной роты, которая на следующий день подняла почти всех солдат и овладела крепостью, а 19-го революционные матросы овладели уже островами и в бою с пехотой одержали верх; 20-го июля восстание, однако, было подавлено учебными отрядами Балтийского флота. Руководители восстания соц.-демократы, офицеры Емельянов и Коханский, вместе со своими товарищами-матросами были расстреляны. Так же окончилось неудачно и другое восстание в Свеаборге, где руководство находилось в руках с.-д. и с.-р. (матрос Егоров, с.-р.).

Неудачно прошло восстание и в Ревеле на крейсере „Память Азова“ (19-го июля 1906 г.).

Эти движения подтверждали как нельзя лучше, что правильна тактика большевиков, державших курс на подъем движения, и ошибочна меньшевистская тактика, построенная в расчете на мирную работу в Думе.

Но эта неправильная тактика меньшевиков принесла огромный вред, ибо внесла в ряды пролетариата замешательство и нерешительность и разбила единство действия: настроение меньшевистских вождей и их лозунги вносили путаницу в массы и тем самым мешали тому единству воли, без которого повести массы на восстание нельзя.

Ленин, оценивая правительственную борьбу с революцией, указал, что лозунг, выдвинутый ЦК, на деле есть соглашательство, есть путь к к.-д. тактике и что не Дума, а орган восстания вроде Совета рабочих депутатов, временное революционное правительство должно и может в результате восстания созвать Учредительное Собрание. Но, как ни велика была дезорганизация, внесенная в ряды рабочего класса меньшевистской тактикой, дело было не безнадежно при одном лишь условии — отказа меньшевиков от своей тактики в будущем.

„Роспуск Думы, — писал Ленин, — есть полный поворот к самодержавию. Возможность единовременного выступления всей России возрастает. Вероятность слияния всех частичных восстаний воедино усиливается. Неизбежность политической забастовки и восстания, как борьбы за власть, чувствуется широкими слоями населения, как никогда прежде“ [1].

Задача революционной партии в такой момент должна была заключаться в самой широкой агитации и организации восстания. Между тем меньшевики сосредоточили все силы на вопросе о Думе и думской работе.

Большевики также не забывали о Думе, но не ставили ее в центре внимания и не делали Думу исходной точкой движения.

Оценивая тактику бойкота булыгинской и первой Думы в момент величайшего напряжения революционной борьбы, большевики не отказывались пересмотреть вопрос при изменившихся условиях в стране.

Жизнь показала, что Дума имеет некоторое значение, как трибуна, как арена, на которой можно отколоть часть крестьянства от с.-р. и к.-д., как аппарат, пользуясь которым возможно лучше связаться с широкими массами пролетариата, но все это значение Думы ничто по сравнению с главным способом борьбы — восстанием, прямой борьбой за власть.

Стало-быть, высказываясь за выборы в Думу, большевики все же не упускали из виду той революционной ситуации, отрицать которую во всяком случае было нельзя, несмотря на усиление реакции. А реакция усиливалась действительно очень заметно. В августе, в ответ на покушения и террор вообще (взрыв на Аптекарском острове, на даче Столыпина, убийство Мина, экспроприации), Столыпин, председатель Совета министров, ответил учреждением военно-полевых судов и такими неслыханными репрессиями, каких еще не видала Россия.

---

[1] „Роспуск Думы и задачи пролетариата“. Собр. соч., т. VII, ч. 2, стр. 22.

Необходимо было внимательно рассмотреть сложившуюся ситуацию и в частности рассмотреть вопрос о выборах в Думу, так как все партии, начиная от самых крайних правых и кончая меньшевиками, ставили вопрос об отношении к Думе в центре внимания.

И, действительно, на этом вопросе, как в зеркале, отразились две тактики русской соц.-демократии, правого и левого крыла ее.

11. Первая всероссийская конференция РС-ДРП (ноябрь 1906 г.)

В ноябре 1906 года в Финляндии собралась первая всероссийская конференция РС-ДРП. На ней присутствовало 32 делегата—7 от Бунда, 5 от с.-д. Польши, 3 от Латышской с.-д., 1 от Петербурга, 4 от Москвы и Центрального района, 1 от Поволжья, 2 от Донецкого бассейна, 1 от Северо-Зап. края, 1 от Спилки (Украинской с.-д.), 1 от Киева, по одному от Одессы и северного Кавказа, 3 от южного Кавказа и 1 от Средней Азии. Не было представителей от Урала и Сибири. Члены ЦК и редакции ЦО имели совещательные голоса.

Порядок дня включал вопросы: 1) избирательная кампания, 2) партийный съезд, 3) рабочий съезд, 4) борьба с черной сотней и погромами и 5) партизанские выступления.

Центральным вопросом явился вопрос об избирательной кампании. Конференция после докладов Абрамовича, Л. Мартова, Варского и Ленина вынесла резолюцию, суть которой сводилась к тому, что с.-д. и в избирательной кампании ставит центром своей агитации „разъяснить массам иллюзорность всяких надежд на мирный исход борьбы за власть между народом и самодержавным правительством“.

Но по вопросу о тактике во время избирательной кампании резолюция, высказавшись против союзов с какими бы то ни было партиями, постановила, что „при выборах в рабочей курии признаются недопустимыми для первой стадии выборов какие бы то ни было частные и местные соглашения с группами и партиями, не стоящими на точке зрения классовой борьбы пролетариата“ и что во всех остальных куриях допустимы соглашения с революционными и оппозиционно-демократическими партиями, в случае опасности прохождения списка правых партий.

Большевики (от Петербурга, Москвы, Центрального промышленного района и Поволжья), соц.-дем.-латыши и с.-д. Польши высказали особое мнение, главной частью которого являлось то, что „в рабочей курии с.-д. партия выступает безусловно самостоятельно, не вступая в соглашения ни с какой другой партией“.

Соглашения, и то частные, допускались только для выборщиков в городах, уполномоченных и выборщиков в деревнях

и притом лишь для пропорционального распределения мест по числу голосов [1].

Как видно из только-что сказанного, уже здесь наметилось по этому вопросу то коренное расхождение, которое привело к таким плачевным результатам на выборах в Петербурге.

Приняв решение об обязательности постановлений конференции и о том, что ЦК может запрещать местным организациям выставлять не чисто соц.-демократические списки, конференция воспретила организациям предпринимать какие-либо активные шаги по организации рабочего съезда и выразила пожелание созвать партийный съезд не позже 15-го марта 1907 г.

Конференция была в ноябре, Дума должна была собраться в феврале, и потому местным организациям предстояла большая работа в связи с выборами в Думу. Само собою ясно, что избирательная кампания в Петербурге имела особенно большое значение, так как здесь находился и авангард всего русского пролетариата и предстояла наиболее острая борьба и так как пример Петербурга имел огромный вес для всех остальных мест страны.

12. Конференция Петербургской организации РС-ДРП (январь 1907 г.) и выборы во вторую Гос. Думу.

Для решения вопроса о соглашениях во время выборов в Петербурге была созвана в январе конференция Петербургской организации.

На примере этой конференции необходимо остановиться подробней, так как здесь особенно резко выясняется разница двух тактик: большевистской революционной и меньшевистской оппортунистической.

На конференции было 70 делегатов от Петербурга и губернии, из них 42 большевика и 28 меньшевиков, и с совещательными голосами—2 от ред. ЦО, 2 члена от ЦК и 1 член редакции органа петербургской газеты „Пролетарий". Большевистские делегаты представляли 2.177 голосов, меньшевистские—1.731 голос. После выбора президиума, при заслушании отчета мандатной комиссии выяснилось, что во многих подрайонах меньшевистские делегаты выбирались без соблюдения правил, выработанных инструкцией ПК РС-ДРП. По этой инструкции, выборы должны были производиться демократически (по 1 делегату на 50 человек партии), с привлечением самых широких масс организации, и по платформам. Этих условий меньшевики часто не выполняли.

Напрасно меньшевики пытались доказать, что инструкция ПК противоречит постановлению ЦК; доказать этого было нельзя, ибо сам ЦК в конце ноября 1906 г. определил все

[1] См. „РКП(б) в резолюциях ее съездов и конференций" М. 1924 г., стр. 46—47.

вопросы избирательной кампании проводить с обязательным предварительным обсуждением на самых широких собраниях.

„Российская социал-демократическая рабочая партия организована демократически,— говорит по этому поводу Ленин,— это значит, что все дела партии ведут, прямо или через представителей, все члены партии и без всякого исключения; при чем все должностные лица, все руководящие коллегии, все учреждения партии — выборные, подотчетные, сменяемые...

„Для того, чтобы решение вопроса было действительно демократическое, недостаточно собрать выборных представителей организации. Необходимо, чтобы все члены организации, выбирая представителей, в то же время самостоятельно и каждый за себя высказались по спорному вопросу, интересующему всю организацию".

Указывая, что демократизм нужно проводить не на словах, а на деле, Ленин спрашивает: „Почему требуется опрос всех членов партии, или так называемый референдум?" и отвечает: „Именно потому, что для успеха массовых действий необходимо сознательное и добровольное участие каждого отдельного рабочего" [1].

Выслушав отчет мандатной комиссии, конференция приняла постановление о неправильности некоторых меньшевистских выборов и о необходимости для этих неправильно выбранных делегатов повысить избирательную норму с 50 до 75 членов.

Видя себя в меньшинстве, ЦК решил оказать давление на конференцию, предложив ей разделиться на две конференции — губернскую и городскую. Это было неслыханным подавлением воли местной организации, притом Петербургской, где не только о давлении на конференцию никогда никто не слыхал, но где не могло быть и речи о таком нарушении прав, как, например, назначение или перемещение секретаря без согласия организации. После обсуждения предложения ЦК конференция постановила продолжать занятия в неразделенном состоянии. Тогда ЦК объявляет конференцию неполномочной выносить обязательные решения, а 28 меньшевиков-делегатов покидают собрание.

Оставшиеся 42 большевика продолжали работу и, после доклада Ленина об избирательных соглашениях, вынесли резолюцию о том, что черносотенной опасности при выборах (аргумент, который меньшевики выдвигали в пользу блоков с к.-д.) нет и что при абсолютной недопустимости блокировки с к.-д. с.-д. могут входить в соглашения с трудовиками и с.-р., как более левыми партиями.

Этот раскол в Петербургской организации привел к тому, что во время выборной кампании рабочие голосовали за с.-р., указывая на то, что с.-д. идут в согласии с к.-д. Рабочие высказывались за с.-р. на самых крупных заводах Петербурга. Мень-

---

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. VIII, стр. 99—100.

шевики объясняли наше поражение большевистской сварливостью и фракционностью. В действительности же две причины вызвали это поражение: антидемократичность меньшевиков и их соглашение с к.-д.

„Очевидно, и это для меня самый важный итог выборов,— говорит лидер меньшевиков Ю. Мартов,— что наши рабочие в этих «беспартийных» и демократически выбранных комиссиях управляют заводскими делами так деспотически, так «партийно» в смысле организационных традиций нашей партии, что вызывают глухое недовольство темной массы, которая не умеет его проявить в европейских формах требованием отчетности и ответственности, но мстит при удобном случае" [1].

Но сам Мартов, понимавший, что в их меньшевистской организации демократизмом и не пахнет, не понимал того, что рабочие шли за с.-р. потому, что их отбрасывало соглашение с.-д. с кадетами.

Что это действительно так, об этом свидетельствуют отчеты о результате выборов по петербургским районам. В отчете, например, по Семянниковскому подрайону так и говорится: „Рабочий Н. М., которого наметили в уполномоченные, прямо заявил: «я после того, как узнал, что с.-д. за соглашение с к.-д., перехожу к с.-р. и перешел и был выбран в уполномоченные»" [2].

Приведенный пример избирательной борьбы в связи с выборами в Думу важен потому, что он рисует очень хорошо тактику меньшевиков, тянувшихся все время к соглашению с к.-д. и проявивших здесь очень ясно свой оппортунизм и соглашательство.

Результаты выборов в Думу и вся деятельность с.-д. в Думе блестяще подтвердили тактику большевиков.

Выборы в городах показали, что никакой черносотенной опасности не было. Прежде всего, в выборах принимало участие довольно большое число избирателей: в городах центральной России 48,5%, в южных городах 51,4%, а в Польше 60%. Затем, в крупных городах оппозиция собрала $67^1/_2$% голосов, а в мелких 84,3%. В 22 городах левый блок (с.-д., с.-р. и трудовики) получили 41 т. голосов, к.-д.— 74 т., октябристы — 34 т. и монархисты — 17 т.

Рабочая курия дала всего по всей стране 23 с.-д., из которых было 9 большевиков, 12 меньшевиков и 2 примыкающих к большевикам; всего же с соц.-демократами из других курий с.-д. провели в Думу 65 делегатов. Из этого числа было во фракции 54 человека, при этом 25 рабочих, из которых 15 меньшевиков, 8 большевиков и 2 примыкающих к большевикам. Всего же из числа членов всей фракции 33 меньшевика, 15 большевиков и по 3 примыкающих к тем и другим. Все 65 соц.-демократов по

---

[1] „Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова".

[2] Этот отчет, написанный В. Невским, напечатан в № 12 „Пролетарий" (органа ПК РС-ДРП) от 25-го янв. 1907 г. и в приложениях к I т. соч. Г. Зиновьева и VIII т. Собр. соч. В. И. Ленина.

социальному положению распределялись так: рабочих 25, крестьян 7, врачей 5, юрист 1, журналистов 8, служащих 6, учителей 3.

Крестьяне дали революционно-настроенных депутатов из северных губерний; тянувших к к.-д. дал Центральный район, а юг дал депутатов, сочувствующих с.-д.

Самых правых депутатов послали помещики центрального земледельческого района и северо-запада; Центральный же район послал с.-р., Кавказ из 28 депутатов послал в Думу десять меньшевиков.

Из общих цифр, показывающих состав Думы, видно, что никакой черносотенной опасности при выборах в Думу бояться было нечего, как и предсказывали большевики; в Думе было: соц.-демократов — 65, с.-р. — 37, народных соц. — 16, трудовиков—104, к.-д.—98, партии демокр. реформ—1, октябристов—44, монархистов — 10, польского коло — 46, мусульман — 30, беспартийных — 50 и казаков — 17. Таким образом, крайних правых (монархистов и октябристов) в Думе было только 54. По сравнению с первой, вторая Дума была значительно левее по составу [1].

13. Две тактики русской соц.-демократии в Г. Думе. Переворот 3 июня 1907 г.

Как видно из приведенных выше цифр, соц.-демократы, народные социалисты, трудовики и соц.-рев. составляли абсолютное большинство Думы, и уже поэтому тактика соц.-демократов напрашивалась сама собой: откалывать крестьян трудовиков и соц.-рев. от буржуазии и, составляя большинство, противостоять либеральной буржуазии и заставлять ее либо искренно держаться демократической тактики, либо явно на виду у всего народа итти вместе с монархистами.

Большевики такую тактику и предлагали; меньшевики с первых же шагов Думы, наоборот, выявили свою мелкобуржуазную сущность, поддерживая к.-д.

Дело началось с декларации правительства. „Тронная речь“ Столыпина сводилась к тому, что правительство уже проводит в жизнь „реформы“ (военно-полевые суды и тюрьмы) и будет твердо проводить и впредь. Дума ответила молчанием на эту декларацию. С.-д. решили ответить декларацией своей фракции, но в меньшевистской декларации (меньшевиков во фракции было больше, и потому и тактика фракции была меньшевистской) не было ни слова о социализме, ни ясных и резких требований в аграрной программе, ни ясных указаний на остроту текущего момента и т. д.

---

[1] С. Г. Томпсинский. „Борьба классов и партий во второй Госуд. Думе“. М. 1924 г.

Даже эта умеренная речь Церетелли вызвала всем известный ответ Столыпина, когда он крикнул соц.-дем. с трибуны: „Не запугаете".

Следующие острые вопросы, поднятые левыми и, главным образом, соц.-демократами — вопрос о помощи безработным, вопрос о продовольственной помощи, о военно-полевых судах, об амнистии и об отмене смертной казни — наглядно показали, чего можно ожидать от к.-д.: всегда они скрытно или явно шли с правительством, а в вопросе об отмене смертной казни они прямо высказались за сохранение этой меры наказания.

При рассмотрении бюджета только с.-д. и с.-р. решительно высказывались и голосовали против бюджета крови и насилия; к.-д., как и правые, поддерживали правительство.

Самым боевым и жгучим вопросом и во второй Думе, как и в первой, оказался, вне сомнения, вопрос аграрный.

Здесь обнажились до цинизма классовые пружины и вожделения, приводившие в движение и правых, и к.-д., и всех, кто выражал интересы помещиков.

Русские помещики готовы были пойти на грабеж польских и иных землевладельцев не-русских, лишь бы отстоять свои земли; к.-д. выдвинули принудительное отчуждение частновладельческой земли (с большими оговорками, так что по сути дела крупная помещичья собственность охранялась) за выкуп ее крестьянами по справедливой оценке, т.-е. предлагали крестьянам выплатить помещикам огромные деньги; трудовики внесли законопроект, по которому отчуждались все земли в пользу крестьян (в том числе и частновладельческие) за счет государства; народные социалисты, в сущности, отстаивали кадетский проект; соц.-революционеры предлагали социализацию земли с сохранением общины; соц.-демократы отстаивали свою программу, т.-е. меньшевистскую программу об отчуждении земли и передачи ее в распоряжение организованного самоуправления.

Не говоря уже о недостаточности и реакционности этого проекта (большевики дали исчерпывающую его критику на Стокгольмском съезде), меньшевики в угоду создания единого фронта думской оппозиции выбросили за борт *идею конфискации земли*, между тем как все крестьяне стояли за эту меру, высказываясь за самое решительное уничтожение в деревне всех остатков крепостничества.

Таким образом, меньшевики, руководившие фракцией, оставались верны себе и в этом коренном вопросе, последовательное поведение в котором могло создать могучую поддержку всех революционно настроенных крестьян.

Меньшевики с самого начала Думы пошли по оппортунистическому пути: они голосовали за к.-д. председателя Думы, огласили нереволюционную и несоциалистическую декларацию, поддерживали к.-д. с их буржуазно-либеральным стремлением на словах подчинить исполнительную власть Государственной Думе,

они, наконец, заняли нерешительную, половинчатую позицию в аграрном вопросе. Правительство прекрасно понимало, что миллионы беднейших крестьян возможно было объединить только лозунгом конфискации, и, коль скоро соц.-демократы этого лозунга не выдвинули и крестьян вокруг себя не объединили, то с соц.-демократами, как с самой сильной группой, опирающейся на рабочих, можно не церемониться. Столыпин так и поступил. Попытки соц.-демократов большевиков создать опору для фракции не только в рабочем классе и крестьянстве, но и в армии, Столыпин использовал как предлог для ареста соц.-дем., разгона Думы и выработки нового избирательного закона, т.-е. для государственного переворота. Введя в военную организацию большевиков провокатора, Столыпин имел формальный предлог запугивать к.-д. и других депутатов, примыкавших к ним, и требовал выдачи соц.-дем. депутатов. Напрасно с.-д. и с.-р. в своих речах во время обсуждения вопроса о местном бюджете требовали от Думы немедленно перейти к вопросу самому важному и существенному, к вопросу о самом существовании Думы,— правые, к.-д. и все остальные депутаты постановили продолжать обсуждение вопроса о местном бюджете. Напрасно с.-д. Церетелли указывал, что обыск в квартире с.-д. депутата Озола и задержание 35 с.-д. депутатов есть вопрос о существовании самой Г. Думы,—Дума не только не встала на защиту своих прав, но даже выражала устами своего председателя верноподданнические чувства за избавление от опасности, якобы грозившей царю от покушения на его особу со стороны левых.

Столыпин же требовал от Думы заслушать в закрытом заседании (1-го июня 1907 г.) заявление прокурора Петербургской судебной палаты о военном заговоре. В этом закрытом заседании Столыпин, рассказавши о будто бы подготовлявшемся перевороте, заявил, что он требует от Думы постановления — отстранить с.-д. от занятий в Гос. Думе и арестовать 16 из них, как главарей заговора.

К.-д. ответили резолюцией, выражавшей радость, что царь избежал смертельной опасности, и голосовали переход к очередным делам. На этом заседании отсутствовали с.-д., с.-р., н. с. и трудовики. На следующий день было последнее заседание Думы; напрасно Церетелли предложил Думе защищать свои права и неприкосновенность депутатов,—Дума, вместо решительных шагов, постановила назначить комиссию для расследования дела. Но, как говорил словами Маркса Церетелли, Столыпин поставил „в порядок дня штык“: 3 июня был совершен государственный переворот, с.-д. фракция арестована, отдана под суд, а Столыпин издал новое положение, о выборах, на основании которого третья и четвертая Думы являлись уже чисто помещичьими, господскими Думами.

Царский суд приговорил 8 с.-д. депутатов к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 5 лет, 10 депу-

татов к каторге в общей сложности на 44 года, к ссылке на поселение 10 депутатов и 10 депутатов оправдал [1].

14. Лондонский с'езд РС-ДРП.

Лондонский съезд партии, собиравшийся и работавший в период времени от 30 апреля по 19 мая 1907 г., был созван, таким образом, в тот самый момент, когда сила столыпинского штыка доказывала крушение меньшевистской тактики. Самые условия работы съезда уже ясно показывали, что революция идет на ущерб и торжествует реакция. Съезд должен был собраться в Копенгагене, но датское правительство выслало делегатов, как только они съехались; в Швеции и Норвегии съезду также не разрешили собраться, и „плавающий" съезд, наконец, приютился в Лондоне. Западно-европейская буржуазия, давшая уже в 1906 г. деньги русскому правительству, заставляя русских с.-д. путешествовать из страны в страну, как бы подчеркивала этим свою солидарность с царской реакцией в России.

На съезде присутствовало 336 делегатов, из которых большевиков было 105, меньшевиков 97, а остальные принадлежали к национальным организациям (с.-д. Польши, Латышской с.-д. и Бунду) [2].

Таким образом, на съезде как будто бы образовалось прочное большевистское большинство, но, так как с.-д. делегаты национальных партий во многих случаях во имя якобы единства партии и во имя борьбы с фракционностью примыкали к центру съезда, то и решения съезда во многих случаях носят на себе характер компромисса.

Этот характер компромисса носит в себе уже порядок дня съезда. Большевики предлагали поставить прежде всего на обсуждение вопрос о современном моменте (вслед за отчетами ЦК и думской фракции).

С'езд отклонил это предложение большевиков, и только в проекте порядка дня, внесенного поляками, говорилось, как бы в виде уступки большевикам, о роли и задачах пролетариата в текущий момент. Таким образом, и на съезде не было сразу же подчеркнуто уже в порядке дня, что суть борьбы, которая происходит в России, и, главное, то или иное решение этой борьбы

---

[1] См. об этом Вл. Войтинский. „Дело с.-д. фракции II Гос. Думы и военная организация". „Летопись Револ." в I. Берлин. 1923 г., стр. 99, и его же „Годы побед и поражений", кн. вторая, гл. IV, стр. 162.

[2] См. „Итоги Лондонского съезда РС-ДРП", Спб., 1907 г. „Лондонский съезд РС-ДРП". Л. Каменев. „Между двумя революциями" М. 1922 г., стр. 60. „Протоколы Лондонского съезда РС-ДРП". Париж. 1910 г.; Череванин. „Лондонский съезд РС-ДРП 1907 г.". Книгоизд. „Борьба". Спб. 1907 г.; „Росс. Комм. Партия (б) в резол. ее съездов и конф.". М. 1924. В № 5 „Прол. Рев." за 1922 г. ст. Каменева (та же, что и в книге „Между двумя revол."), см. также Собр. сочин. В. Ленина, т. VIII.

должно разрешиться, главным образом, не в стенах Думы, а на улице, вне этих стен.

В дальнейшей работе съезда это поведение центра (в котором видную роль играл Троцкий с примыкающими к нему по некоторым вопросам делегатами национальных партий), отразилось в том, что многие предложения меньшевиков находили поддержку и центра и с.-д. национальных партий („Бунд" все время шел с меньшевиками); это отразилось в прениях и резолюциях по отчету ЦК, по отчету думской фракции, при выборах нового ЦК, по поводу участия меньшевиков в буржуазной прессе.

Правда, по вопросам политическим большевики часто находили энергичную поддержку с.-д. делегатов национальных партий, так что, например, такие важнейшие постановления, как по вопросу о рабочем съезде или об отношении к непролетарским партиям, давали большевикам огромный перевес (от 71 до 53 голосов).

После отчета ЦК съезд дал беспощадную критику меньшевистского ЦК; даже „бундовцы" соглашались, что ЦК был плохим ЦК (не потому, что он был меньшевистским). Казалось бы, принятие резолюции, внесенной большевиками и констатировавшей ошибки ЦК, было обеспечено (провозглашение лозунга „ответственного министерства" и „борьбы за Думу, как за орган власти", отказ от конфискации земли и замена этого лозунга отчуждением, соглашение с к.-д. и т. д.) [1].

Резолюция эта, однако, была отклонена, и съезд не высказал своего мнения по поводу деятельности ЦК. Этот провал большевистской резолюции меньшевикам удался потому, что поляки воздержались от голосования, а латыши голосовали с меньшевиками.

Вторым боевым вопросом съезда был вопрос о деятельности думской фракции. Докладчик Церетелли защищал тактику фракции, иными словами—тактику меньшевистского ЦК. Мы видели, говоря о второй Государственной Думе, в чем заключались ошибки фракции. Резолюция большевиков точно перечисляла эти ошибки: ошибочное голосование с.-д. за к.-д. председателя, устранение социалистической мотивировки из декларации, опущение социалистического обоснования в бюджетной резолюции и усвоение фракцией к.-д. лозунга о подчинении исполнительной власти Государственной Думе. Предлагая съезду признать, что фракция, в общем, обнаружила стремление быть достойной представительницей рабочего класса, большевики в то же время предлагали указать на ошибки фракции и наметить путь ее дальнейшей работы.

Меньшевикам и на этот раз удалось отклонить резолюцию большевиков, и съезд принял постановление, признающее, что

---

[1] См. резолюцию, предложенную большевиками в РКП (б) в резол. съездов и конф.

фракция, в общем и целом, стояла на страже интересов рабочего класса и революции.

Самым боевым вопросом съезда, как и следовало ожидать, явился вопрос об отношении с.-д. к непролетарским партиям.

В своем докладе об отношении к буржуазным партиям Ленин подробно обосновал внесенную большевиками резолюцию и дал критику резолюции меньшевиков.

Ленин указал, что уже с 1905 года в русской соц.-демократии определились два течения, что правое крыло, исходя из бесспорного положения, что Россия переживает буржуазную революцию, утверждает, что главным двигателем революции является буржуазия, пролетариат же способен занимать только положение крайней оппозиции; левое крыло, исходя из того же признания буржуазного характера революции, полагает, что гегемоном революции должен быть пролетариат.

Меньшевики теперь, в 1907 году, делают ту же ошибку: в своей резолюции они не дают классового анализа и утверждением, что пролетариат „двигает вперед всю буржуазную демократию страны", затемняют контр-революционную сущность либеральной буржуазии и не дооценивают революционную сущность крестьянства.

Поведение к.-д. в 1905 г., когда они, во время бойкота пролетариатом булыгинской Думы, срывали этот бойкот, поведение их в первой Думе, их переговоры с правительством царя, поведение их во второй Думе—доказывают, что либеральная буржуазия идет не за пролетариатом, а против него; крестьянские восстания и поведение трудовиков во второй Думе показывают, кто идет за пролетариатом и кого нужно пролетариату вести за собой.

То место резолюции меньшевиков, где говорится, что нужно бороться как с оппортунизмом либеральной буржуазии, так и с утопизмом мелкобуржуазного крестьянства отражает только оппортунизм самих меньшевиков. Мысль крестьян, что земля божья и что раздел ее на мелкие участки выведет мелкого собственника из беды, с точки зрения социализма — утопия, но желание (и борьба за это на деле) крестьян бунтами, восстаниями забрать себе землю и поддержать борьбу рабочих в эпоху буржуазно-демократической революции — революционно, поэтому не борьба с этими стремлениями крестьянства, а поддержка их— вот задача пролетариата.

„Объективно,—говорит Ленин,—не с точки зрения наших желаний, а с точки зрения данного экономического развития России, основной вопрос нашей революции сводится именно к тому, обеспечит ли она развитие капитализма через полную победу крестьян над помещиками или через победу помещиков над крестьянами". А тот или другой исход этого вопроса зависит от того, как пойдет русская революция: как она шла в Германии в 1847—48 г., или так, как она шла в 1793 году, по-якобински. Якобинский же ход русской революции — это

установление, это победа демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Критикуя в заключительном слове взгляды Плеханова, пытавшегося поддержать меньшевиков, Ленин указал, что сам Плеханов не дает ясного и точного ответа: с какой частью буржуазии итти в буржуазной революции? Общее выражение Плеханова и меньшевиков „соглашение от случая к случаю" не дает ясного ответа: с кем, когда, ради чего и при каких условиях пролетариат может заключать соглашения, между тем как резолюция большевиков дает точный и исчерпывающий ответ на эти вопросы.

В страстных дебатах по этому вопросу, кроме четырех докладчиков, приняло участие много членов съезда, меньшевики внесли около 70 поправок и дополнений, но в конце концов в основе была принята резолюция большевиков.

Большевикам удалось, кроме того, объединить все революционные элементы съезда и вокруг резолюций о рабочем съезде, о Государственной Думе и о профессиональных союзах.

Идея рабочего съезда была признана анархо-синдикалистской, дезорганизующей борьбу пролетариата, и предлагалось, взамен и в противовес этой идее, обратить особое внимание на организацию профессионального движения.

По вопросу о профессиональных союзах постановлено добиваться признания профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии и установления организационной связи союзов с партией.

В резолюции о Государственной Думе была подчеркнута основная задача соц.-дем. партии—выяснить народу непригодность Государственной Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, и указать, что единственным средством осуществить политическую свободу является открытая вооруженная борьба пролетариата и революционного крестьянства с самодержавием.

Задача думской фракции должна заключаться в критической, пропагандистской, агитационной и организационной работе, а не в непосредственном законодательстве в Думе. Осуждая лозунг „беречь Думу" и подчинение „исполнительной власти данной Думе", резолюция указывает, что единственный путь к политической свободе — это борьба народных масс вне стен Думы.

В вопросе о партизанских выступлениях большевики не стояли на фракционной точке зрения, но, осуждая анархические выступления партизанских боевых дружин, отрывавшихся от пролетарских масс и партийных организаций, они не могли согласиться на огульное порицание той хотя и разрозненной, борьбы, которую вела рабочая и крестьянская масса, доведенная преследованиями правительства до отчаяния. Поэтому большевики допускали выступления партизанских дружин только с разрешения партийных комитетов и под их строжайшим контролем.

Съезд, однако, в этом вопросе принял взгляды меньшевиков и осудил партизанскую борьбу.

По организационному вопросу Лондонский съезд подтвердил и развил принципы демократического централизма, на которых должна была строиться организация: выборное начало, автономность организаций в своих внутренних делах, выборы на съезд на демократических началах, созыв экстренного съезда по требованию половины организаций и т. д.

Съезд закончился выбором ЦК, фракционный состав которого, опять же вследствие колеблющейся тактики центра, оказался таким, что фракция большинства получила преобладание всего на один голос; ЦО („Социал-Демократ") назначался ЦК; в случае выбытия кого-либо из состава ЦК в его состав вступал один из кандидатов, выбранных на съезде.

Лондонский съезд, представлявший уже огромную армию в 150 тысяч членов партии, с самого начала существования с.-д. в России был первым съездом, показавшим, какую огромную силу представляет пролетариат и как быстро растет его организация, несмотря на невиданные препятствия полицейского государства; этот же съезд показал, за кем идет рабочая масса, какая тактика— оппортунистическая или революционная,—ведет за собой пролетариат; но этот же съезд убедил всех, и прежде всего большевиков, что эволюция вправо, какую проделали меньшевики с начала 1905 г., продолжается и что надежды на безболезненную работу вместе с меньшевиками сомнительны.

Учитывая это обстоятельство, большевики тогда же на последнем заседании своей фракции избрали свой большевистский центр, который и играл в эпоху реакции роль большевистского ЦК.

Не успели еще все делегаты съезда разъехаться по домам, как реакция сделала тот решительный шаг, который является формальной датой нового периода нашей истории—эпохи реакции. Столыпиным был совершен государственный переворот 3-го июня 1907 г.

Таким образом, Лондонским съездом закончился еще один период истории партии, который Ленин характеризует следующими чертами: „Время, лежащее между этим наибольшим подъемом и наибольшим упадком нашей революции, будущий историк с.-д. в России должен будет назвать эпохой шатания. Соц.-демократия в лице меньшевиков пошатнулась в это время в сторону либерализма. Год споров (конец 1904—конец 1905 г.) был исторической подготовкой спорных вопросов в области практической политики. Это испытание показало на опыте полное фиаско политики поддержки либерализма, это испытание привело к признанию единственной революционной политики пролетариата в буржуазной революции: бороться за доведение революции до конца, присоединяя к себе демократическое крестьянство против предательского либерализма"[1].

---

[1] „Итоги Лондонского съезда РС-ДРП". Спб. 1907 г., и Собр. соч. В. Ленина, т. VIII, стр. 425.

Но этот же период характеризуется и еще бо́льшим идейным оформлением того течения внутри русской соц.-демократии, которое получило свое начало на втором съезде партии, течении большевистского.

В сущности говоря, это течение было только дальшейшим логическим развитием тех идей, которые были заложены уже в эпоху старой „Искры“ той группой русской соц.-демократии, которую возглавлял Ленин. Продолжалась, собственно говоря, та эволюция, которая началась еще в 80-ые годы: русский социализм эмансипировался от идей утопического народнического социализма, с одной стороны, и отмежевывался от либеральной буржуазии — с другой стороны. С этой точки зрения левое, большевистское крыло соц.-демократии было лучшим наследником тех здоровых начал, которые были заложены еще группой „Освобождение Труда“, а меньшевики являлись только продолжателями и наследниками тех правых мелкобуржуазных течений, которые так пышно расцвели в конце 90-х и начале 900-х годов и называются общим именем экономизма.

Главное основание, что сближает и экономизм и меньшевиков, — это их одинаковые воззрения на роль пролетариата в буржуазно-демократической революции: не пролетариат, а буржуазия — гегемон в буржуазной революции. Эта мысль выражается по существу теми и другими; ее словесная одежда, ее защита, аргументы в пользу этой концепции различны в соответствии с изменившимися, с различными политико-экономическими условиями, но суть этой концепции и в „Credo“ Кусковой и в платформах меньшевиков одинакова. Мы увидим, как дальше, в эпоху реакции, эта концепция привела и меньшевиков к тем же самым результатам, к каким приводила экономистов их „теория“ в 90-ые годы, — к ликвидации партии.

Изменились люди, изменилась их фразеология, но процесс формирования рабочего класса с силой железных законов природы все резче и резче обособлял революционную социалистическую партию пролетариата с непримиримой революционной тактикой и все дальше и дальше направо отбрасывал те слои социалистической интеллигенции, которые объективно выражали развитие и оформление различных слоев либеральной и мелкой буржуазии.

Борьбой этих двух течений — революционно-марксистского большевистского и мелкобуржуазного меньшевистского — и характеризуется только-что описанный период нашей истории; борьбою и оформлением этих двух течений не только идейно, но и организационно характеризуется следующий период этой истории.

Литература к двенадцатой главе:

1. *В. И. Ленин.* Собр. соч., т.т. VI, VII, VIII и IX.
2. „РКП (б) в резолюциях ее съездов и конференций". М. 1924 г.
3. *С. Г. Томпсинский.* „Борьба классов и партий во второй Государственной Думе". Москва, 1924 г.
4. *М. Н. Покровский.* „Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.в." Москва, 1924 г.
5. *Л. Каменев.* „Между двумя революциями". М. 1922 г.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Шестой период истории русской соц.-демократии (1907—1910 г.г.) и третий период истории большевизма. Эпоха реакции и новый кризис в партии (1907—1911 г.г.).

1. Столыпинская реформа. Крестьянское и рабочее движение эпохи реакции.

В сущности говоря, уже в октябре 1906 г., именно в тот момент, когда царь подписывал особый журнал Совета министров „О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования", уже тогда подписывался смертный приговор меньшевистской тактике. Царская подпись: „Согласен с мнением председателя и семи членов" и появившийся указ 9-го ноября 1906 г. о выходе крестьян из общины и укреплении за собой земли в единоличную собственность — были только юридической фиксацией того хода вещей, к которому вынуждала революция.

Самодержавие или должно было погибнуть, или найти такие меры, которые хотя бы часть крестьянства перетянули на его сторону. Западно-европейская буржуазия давала деньги царю не на продолжение революции, а на утверждение такого порядка, при котором буржуазное накопление и получение процента на капитал могло бы совершаться беспрепятственно и без потрясений.

Этой мерой оказался указ 9-го ноября 1906 г. Суть этого указа сводилась к тому, что каждый домохозяин, у которого находилась доля общинной земли, имел право требовать выделения из общины и укрепления в свою единоличную собственность этой доли. При этом в тех общинах, где не было общих переделов в течение 24-х лет, укрепляется в собственность вся земля, а в тех, где такие переделы в указанный период времени происходили, там общество получает за излишки выделенной земли плату по первоначальной выкупной цене. Выдел обязательно должен был производиться, если его требовала пятая часть домо-

хозяев (или 50 чел. при 250 домохозяевах в обществе). При общих переделах требование о выделе даже отдельных лиц должно было удовлетворяться, а в случае невозможности удовлетворения землею, общество должно было удовлетворить выделяющегося деньгами.

Для проведения в жизнь этой политики были образованы уездные и губернские землеустроительные комиссии. В 1906 году работало 184 таких уездных комиссий, а в 1909 году, за год до того, как указ 9 ноября 1906 г. стал законом, в ходу уже было 38 губернских и 411 уездных комиссий.

Чтобы яснее представить себе те процессы, которые не вызвали, а только ускорили указ 9 ноября 1906 г., приведем некоторые цифры, свидетельствующие о тех экономических переменах в хозяйстве России, какие способствовали укреплению реакции. Мы видели, что одной из могучих причин, толкнувших нашу страну в революцию, был тяжелый промышленный кризис, тянувшийся с небольшими передышками от 1900 до 1905 года. Но революция не остановила его, и кризис затянулся чуть ли не до 1910 г. С этого года начинается новый подъем, продолжавшийся до самой империалистической войны. В справедливости сказанного можно убедиться из цифр, относящихся к нашему сельскому хозяйству.

Всего под посевами было (в тысячах десятин) в 1901—1905 г.г.—74.757, в 1906—1910 г.г.—78.389,а в 1911—1915 г.г.—85.233, или, если принять цифру 1901—1905 г.г. за сто, то в процентах это выразится: в 1901—1905 г.г.—100, в 1906—1910 г.г.—104,8, а в 1911—1915 г.г.—114,0 [1].

Эти цифры подтверждаются и увеличением урожайности всех хлебов и в том числе ржи, этого главного крестьянского хлеба

Средняя урожайность для ржи была за:

Годы.	
1906—1910	41,7
1911	40,7
1912	58,3
1913	55,2
1914	49,5
1915	61,3
1911—1915	53,0

Повысился валовой сбор всех хлебов и в том числе ржи; если принять валовой сбор этой последней в 1901—1905 г.г. за 100, то таковой же сбор в следующие годы выразится следующими цифрами:

[1] Эти цифры о кризисе, как и цифры о результатах столыпинской реформы, взяты из прекрасной работы С. Дубровского „Столыпинская реформа“, Л. 1925 г., главы IV, V и VI; см. также работу Н. Карпова: „Аграрная политика Столыпина“. Лен., изд. „Прибой“ 1925 г.

Валовой сбор ржи в % к сбору в 1901—1905 г.г.:

Годы.	Сбор ржи.
1891—1895	88,2
1896—1900	92,7
1901—1905	100,0
1906—1910	90,1
1911—1915	107,4

Как показатель изживаемого кризиса, характерно повышение цен на хлеб на внутреннем рынке.

Средние цены на рожь:

Годы.	Цены.
1890—1899	62,1
1900—1909	96,3
1910	70,3
1911	79,1
1912	89,8
1913	75,6
1914	79,7
1910—1914	78,9

О таком же процессе изживания кризиса говорят и цифры увеличения вкладов в ссудо-сберегательные и кредитные товарищества (в миллионах рублей):

	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Ссудо-сберегательные	154,3	173,2	224,7
Кредитные товарищества. . . .	87,9	135,0	199,2
Всего	242,2	308,2	423,9

Все эти цифры свидетельствуют о том, что капитализм, оправившись от кризиса первого десятилетия, снова двинул развитие производительных сил вперед. Было бы неосновательно заключать отсюда, что появились какие-то новые факторы в русской деревне, но несомненно и то, что капитализация сельского хозяйства после кризиса двинулась снова вперед гигантскими шагами.

Спрашивается теперь: как это развитие капитализма отразилось на классовой структуре деревни?

Дифференциация деревни пошла еще дальше, чем прежде. Вот цифры, рисующие расслоение деревни:

Количество крестьянских домов по группам.

	1896—1900 г. Число дворов.	Проценты.	1912 г. Число дворов.	Проценты.
Безлошадные .	3.242.462	29,2	4.237.624	31,3
С одной лошадью . .	3.361.778	30,3	4.325.290	31,0
С 2-мя лошадьми	2.446.731	22,0	3.009.318	24,2
С 3-мя . . .	1.047.900	9,4	1.018.164	7,5
С 4-мя и более . .	1.013.416	9,1	917.007	6,0
Всего	11.112.287	100,0	13.507.403	100,0

Число безлошадных, т.-е. пролетарских дворов, хотя и не особенно сильно, возросло, но число крестьянских верхов даже уменьшилось. Какое же здесь увеличение дифференциации? Дело в том, что, как совершенно справедливо заметил С. Дубровский, уменьшение многолошадных хозяев нисколько не свидетельствует об уменьшении расслоения деревни. Как раз наоборот, во многих случаях эти цифры свидетельствуют о том, что хозяйство переходит к более интенсивной обработке земли, заменяя лошадиную силу машиной.

Цифровые данные, касающиеся этой стороны дела во многих губерниях (Самарской, Полтавской, Харьковской и др.), как раз и говорят о том, что, чем больше хозяйство засевает, тем оно больше прибегает к машине, заменяя ею скот. Точно так же цифры показывают, что, чем больше хозяйство засевает, тем больше оно работает на рынок, тем больше оно расходует денег, т.-е. все больше и больше оно превращается в капиталистическое хозяйство. Но как раз именно эти процессы и характеризуют хозяйство деревенских верхушек в 1910—1915 годы. Об этом же свидетельствуют и цифры об увеличении применения удобрения: если принять цифру удобрения, употребленного в сельском хозяйстве в 1901—1904 г.г., за 100, то цифры следующих пятилетий выразятся: 1905—1909 г.г.—134, а в 1910—1914 г.г.—242.

Ту же тенденцию увеличения товарности сельского хозяйства показывают и цифры хлебного грузооборота.

Хлебных грузов было (в тысяч. пуд.):

в 1901—1904 г.	1905—1909 г.	1910—1914 г.
991.000.	1.062.000.	1.226.200.

Все предыдущие соображения, помогают нам понять тот факт, почему столыпинская реформа послужила на некоторое время опорой реакции: за выдел из общины ухватились прежде всего деревенские верхи, деревенская буржуазия. Столыпинская реформа была, действительно, ставкой на сильного. Цифры об укреплении земли подтверждают только-что сказанное.

Со времени издания указа 9 ноября 1906 г. по 1 мая 1915 г. число домохозяев, заявивших требование об укреплении земли в частную собственность, было 2.738.985; из них окончательно укрепили земли 1.991.757 домохозяев, т.-е. 70,8%, а к числу общинников 21,8%; площадь земли окончательно укрепленной за этими домохозяевами, равнялась 13.939.934 десятинам, что составляло 16,4% всей площади земли.

Если разбить все губернии Европейской России на такие четыре группы: I группа — южные губернии: Екатеринославская, Таврическая, Харьковская, Херсонская; II группа — губернии: Саратовская, Симбирская, Казанская, Пензенская, Тамбовская, Воронежская, Курская, Рязанская, Орловская и Тульская; III группа—губернии: Нижегородская, Владимирская, Ярославская, Московская, Калужская, Тверская, Псковская и Петербургская и IV группа — губернии: Вологодская, Олонецкая, Новгородская, Пермская, Вятская, Уфимская, Оренбургская и Астраханская; если разбить Россию на эти четыре района и сопоставить цифры выдела из общины с цифрами, рисующими дифференциацию деревни, то получится такая картина [1]:

Группы губерний.	Количество надельной земли на двор в 1905 г.	Средняя цена земли в 1906—1908 г.г.	% крестьянских дворов в 1912 году.					Сумма крайних групп.	Рабочих лошад. на один лош. двор.	% дворов, укрепивших землю.	Количество укрепл. земли на 1 двор на 1 янв. 1914 г.
			Безлошади.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош.	С 4 лош.				
I	8,5	172,3	33,3	16,1	28,3	8,1	14,2	45,5	2,1	40,3	6,8
II	7,7	122,6	32,6	31,5	19,5	4,4	6,7	39,6	1,4	22,2	4,8
III	9,4	76,3	33,4	46,6	11,9	4,0	1,5	34,9	1,2	17,0	3,1
IV	18,5	33,1	21,8	41,5	21,3	7,8	7,6	29,1	1,5	7,3	10,7

[1] Таблица взята у С. Дубровского „Столыпинская реформа" (стр. 3), который взял ее у Мозжухина: „Землеустройство в Богородском у., Тульской г.", М. 1915 г., стр. 34—37

Эта таблица, как нельзя лучше, рисует тот факт, что наибольшее укрепление земли в частную собственность произошло как раз в тех губерниях и районах, где наиболее далеко пошла дифференциация, т.-е. где было наибольшее количество богачей и бедняков. В губерниях с капиталистическим крестьянским хозяйством, т.-е. на юге (в I группе), сумма крайних групп выше всего (45,5), здесь же больше и % дворов, укрепивших землю (40,3).

Кто же, однако, больше всего укреплял землю? Беспристрастные цифры говорят за то, что больше всего укрепляли землю и без того сильные верхи деревни. Причины, которые заставляли укреплять землю, сводились главным образом к трем главным: у крестьян, имевших излишек земли,—боязнь потерять этот излишек, у крестьян маломощных — стремление продать эту землю и, наконец, у части крестьян — желание вести самостоятельное хозяйство. Если принять во внимание, что желание вести самостоятельное хозяйство присуще в общем не батраку, не имеющему ни денег, ни орудий производства, и что те, кто укреплял землю, желая ее продать, продал ее именно деревенской буржуазии, то станет ясным, в чью пользу пошла столыпинская реформа и на кого опирался Столыпин.

Мы не будем приводить цифр, рисующих процесс мобилизации земельной собственности в только-что указанном направлении [1], мы здесь только подчеркнем, что, рядом с укреплением общинной земли в частную собственность, шла еще мобилизация земельной собственности, суть которой сводилась к скупке дворянской земли Крестьянским банком и продаже этой земли крестьянской буржуазии.

На этой операции выиграло прежде всего разоряющееся дворянство, выгодно продавая свои запущенные и бездоходные земли, и крестьянская буржуазия; правда, чрезмерные платежи, которые падали на землю, разоряли часть крестьянской буржуазии. В результате столыпинской реформы даже у этой части крестьянства росло недовольство против крупной земельной аристократии, поддерживавшей Столыпина; вместе с тем росла смычка с буржуазией городов и в том числе с к.-д. и с.-р.

В высшей степени показательны цифры, связывающие ход столыпинской реформы с ходом крестьянского движения (см. табл. на стр. 330).

Здесь почти полное совпадение: расцвет столыпинской реформы в 1908 и 1909 годах — это годы падения крестьянского движения. Новый подъем крестьянского движения характеризуется ослаблением реформы; новое резкое падение крестьянского движения при ослаблении реформы объясняется ростом

---

[1] С. Дубровский. „Столыпинская реформа". См. гл. VI и VIII.

промышленности в городах (начиная с 1911 г.) и поглощением избыточного пролетарского населения развивающейся промышленностью города.

Но те же цифры говорят, что, несмотря на столыпинскую реформу, крестьянское движение совсем не замирает; движение это менее сильно, чем в эпоху революции, но оно все же идет,

ГОДЫ.	Число случаев крестьянского движения в Европейск. России.	Число домохозяев, укрепивших землю в собственность.
1907	2.477	48.271
1908	2.007	508.344
1909 . .	2.420	579.409
1910	6.261	342.245
1911 . .	4.522	145.567
1912	1.791	122.314
1913	646	134.554
1914	6	97.877
1915	—	29.851

при чем крестьяне борются и против помещиков и против своего же брата крестьянина — деревенского буржуа. Стоит только посмотреть цифры поджогов помещичьей и крестьянской собственности, чтобы убедиться в этом.

Если к только-что нарисованной картине крестьянского движения прибавить факты, рисующие движение рабочих, то причины реакции обрисуются вполне.

С 1905 г. число политических стачек и их участников было таково [1]:

ГОДЫ.	Число политич. стачек.	Число участников.
1905	8.209	1.842.541
1906	3.569	650.683
1907	2.600	540.060
1908	464	92.694
1909	50	8.363
1910	4	3.777
1911	22	8.000

Число всех стачек периода реакции по сравнению с предыдущим периодом революции рисуется следующими цифрами:

ГОДЫ.	Стачки.	Число участников.
1906—1908	3.526	674.860
1909—1911	342	71.967

Процентное распределение стачек и стачечников на политические и экономические за эти же периоды таково:

ГОДЫ.	% отнош. к общему числу.			
	Стачек.		Участников.	
	Полит.	Экон.	Полит.	Экон.
1906—1908	56,5	43,5	57,5	42,5
1909—1911	8,0	92,0	9,5	90,5

Цифры говорят сами за себя и только дополняют ту картину, какую дают цифры, рисующие движение крестьян.

Смысл приведенных фактов понятен: подавление рабочего движения в 1905 и 1906 годах, подавление крестьянского движе-

[1] Л. Каменев. „Между двумя революциями", стр 572.

ния в 1906 г., столыпинское расслоение деревни, укрепление деревенской буржуазии — вот те явления, которые вызвали реакцию 1807—1910 годов.

Как же партия реагировала на те перемены, какие произошли в течение 1906 и 1907 годов? Во второй половине 1907 г. произошло две общероссийских конференции — вторая (21, 22 и 23 июля 1907 г.) и третья (в ноябре 1907 г.).

2. Вторая общероссийская конференция (июль 1907 г.).

Вторая общероссийская конференция собралась по вопросу об участии в избирательной думской кампании. Меньшевики шли на конференцию без всяких сомнений и колебаний, — Дума для них была, если и не парламентом, то чем-то близким к парламенту. Большевики разделились, и часть из них была против участия в выборах, стояла за бойкот (Богданов, Каменев), Ленин и большинство большевиков высказывались против бойкота. Чтобы не разрывать большевистского фронта на общероссийской конференции, туда большевики явились с единой тактической линией [1].

На конференции было 26 делегатов с решающими голосами: 5 от Центральной области, 3 от Кавказа, 2 от Северной области, 1 от юга, 1 от Донецкого Союза, 2 от Урала, 5 от Польши, 5 от Бунда и 2 от латышских с.-д.

Главным вопросом был вопрос об участии в выборах. В резолюции, принятой конференцией, указывалось, что основные причины, обусловливающие русскую революцию, продолжают существовать, что накопление сил пролетариата и крестьянства еще продолжается, что народные массы к Думе относятся в значительной степени отрицательно, и что поэтому главной и прямой задачей соц.-демократии является расширение экономической и политической борьбы пролетариата. Признавая, что тактика бойкота была бы правильна лишь при наличии всеобщего и быстрого революционного подъема, что существенных изменений в положении со времени участия представителей пролетариата во второй Думе не произошло и что торжество реакции неизбежно при господстве в народе конституционных иллюзий, конференция считает необходимым участие в выборах с тем, чтобы и во время избирательной кампании и в самой Думе соц.-демократы поставили своей задачей распространять и укреплять в сознании масс идеи социализма и вести решительную борьбу как против реакции, так и против гегемонии к.-д.

Бойкотисты, исходившие из того положения, что раз основные предпосылки накопления революционных сил остались преж-

---

[1] Тов. Л. Б. Каменев в своей книге „Между двумя революциями" (стр. 229) утверждает, что все большевики за исключением В. И. Ленина высказались за бойкот, а между тем см. резолюцию конференции против бойкота (стр. 65 „Росс. Ком. Партия [б] в резолюциях ее съездов и конференций". М. 1924 г. Первое изд. под ред. самого т. (Каменева).

ними, то и тактика бойкота остается попрежнему лучшей мерой борьбы с конституционными иллюзиями, что кроме дезорганизации участие в выборах не даст ничего; в этом духе они и внесли свою резолюцию на конференцию. Конференция большинством 15 против 9 отвергла эту резолюцию; тогда бойкотисты внесли свое особое мнение, что, слагая с себя ответственность за принятый партией шаг—участие в выборах, они присоединяют свой голос к той резолюции антибойкотистов, которая, по их мнению, представляет меньшее зло, т.-е. к резолюции большевиков.

Затем конференция приняла проект избирательных соглашений, по которому с.-д. выступает на выборах самостоятельно, соглашения допустимы лишь на второй стадии (и, конечно, на дальнейших) со всеми левыми партиями до к.-д. включительно; в рабочей курии никакие соглашения недопустимы; соглашения могут быть только технические.

Вопрос о бойкоте и об участии в выборах горячо обсуждался в соц.-демократической прессе. Ленин дал исчерпывающую критику неприменимости тактики бойкота в 1907 г. в своей статье „Против бойкота“ [1].

Здесь он дает анализ тех политических условий, которые вызывали и оправдывали бойкот в августе 1905 г. Какие это были условия? Тогда нарастала революция и октябрьская стачка, а затем декабрьское движение смело булыгинскую Думу. Можно ли было думать, что после декабря 1905 г. революция пойдет на подъем? Можно, и события 1906 г. подтвердили это. Но уже после разгона первой и второй Думы политические условия изменились. Призывы соц.-демократии к восстанию в ответ на разгон первой Думы нашли только слабый отклик, и дело ограничилось одной забастовкой; призывы к пролетариату реагировать на разгон второй Думы нашли еще меньший отклик. Значит ли это, что вообще революционный подъем невозможен? Нет, но в данный момент для немедленного подъема условий нет, бойкот же, активный бойкот, ибо такой только и имеет смысл, при отсутствии подъема революционных волн, не может достичь своей цели, т.-е. заставить самодержавие дать новую Думу, конституцию. Дума—факт; предшествующая революционная работа с.-д. и революционное движение разбили конституционные иллюзии, в Думу к.-д. и октябристов народ не верит, но Дума—факт, и задачей с.-д. является, конечно, не законодательная работа в Думе, а использование и этой плохой помещичьей Думы как трибуны, с которой через голову правительства можно говорить с народом.

Ленин, как и все большевики, в противовес меньшевикам, особенно подчеркивал, что они стоят за участие в избирательной борьбе совсем не потому, что верят в столыпинскую „конституцию“, а что и при столыпинской „конституции“ революционная с.-д. сумеет использовать Думу как трибуну, как место для раз-

[1] См. Собр. соч. В. И. Ленина, т. VIII.

венчания этой „конституции“ и для организации сил на новую борьбу.

Действительность не замедлила подтвердить анализ, данный большевиками. Прежде всего, это подтвердили выборы в Думу. Новый избирательный закон, действительно, был законом о помещичьей Думе. Крестьяне попадали в Думу просеянные четырехстепенными выборами: они выбирали на волостных сходах уполномоченных, уполномоченные попадали на уездный съезд, где выбирались выборщики, эти последние попадали на губернское избирательное собрание, где уже совместно со всеми выборщиками (от всех курий) проходили в Думу. Для рабочих также была устроена особая рабочая курия. Мелкие землевладельцы, предварительно выбрав уполномоченного на уездном съезде, посылали его на съезд крупных землевладельцев, где выбирались выборщики, которые уже и посылали с губернского съезда депутатов в Думу. В городах было две курии с целью опять же дать преимущество крупной буржуазии.

Для того, чтобы дать наглядное представление о разнице избирательных законов во 2-ю и 3-ю Государственные Думы, достаточно взглянуть на следующие цифры.

Один выборщик приходился по закону:

КУРИИ.	11 декабря 1905 г.	3 июня 1907 г.
Землевладельческая	2.000	230
Первая городская	4.000	1.000
Вторая		15.000
Крестьянская	30.000	60.000
Рабочая	90.000	125.000

Сразу ясно, кто посылал больше депутатов в Думу: те, кто составлял ничтожное меньшинство в стране, — помещики и буржуазия посылали огромное большинство депутатов; народ — крестьяне и рабочие — посылали всего несколько десятков человек депутатов.

Дума была действительно господская.

Правда, даже столыпинская конституция не в состоянии была убить недовольство крестьян: мы видели это из цифр, рисующих движение крестьян, это видно также и из того, что

даже по столыпинскому закону просеянные через множество сит крестьянские выборщики дали 19% левых и 14% прогрессистов. Само собой ясно, что рабочая курия дала почти сто процентов левых выборщиков (93%). Тем не менее исход выборов был предрешен: правые выборщики по всей стране были в большинстве, их насчитывалось 57%.

При таких политических условиях пришлось собраться третьей общероссийской конференции в ноябре 1907 г. для определения тактики думской с.-д. фракции.

На конференции присутствовали 10 большевиков, 4 меньшевика, 5 бундовцев, 5 поляков и 3 латыша.

В резолюции о тактике фракции устанавливалось положение, что в Думе возможны два большинства: черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское. И то и другое по сути контр-революционно, но в то время, как сущность первого ясна всем, сущность второго может ввести в заблуждение массы народа попытками к.-д. прикрыть себя либеральными декларациями и фразами.

Отсюда вытекает отрицание какой-либо поддержки к.-д., ибо такая поддержка была бы прямым ущербом классового воспитания рабочих масс. Отсюда же вытекает и задача разоблачения на-ряду с октябристами и к.-д. и, главное, использование Думы для того, чтобы внедрить в сознание масс неурезанные лозунги соц.-демократии, т.-е. борьбы за демократическую республику и социализм.

Практической работой в Думе для фракции может быть внесение запросов и критика законопроектов, вносимых правительством и всеми непролетарскими партиями. В частности, прежде всего фракция должна внести запросы по поводу государственного переворота 3-го июня 1907 г. и запрос о суде над с.-д. фракцией второй Думы, а также выступить с декларацией с.-д. фракции.

Конференция затронула и организационные вопросы. Резолюция о фракционных центрах и укреплении связи ЦК с местами замечательна во многих отношениях, как образец применения принципов демократического централизма.

Резолюция считает существование фракционных течений в партии естественным и неизбежным в силу предшествующей истории партии. Конференция категорически запрещает этим течениям оформляться в особые организации, но вместе с тем конференция категорически предлагает всем областным и другим местным центрам „приложить все усилия к тому, чтобы идейная борьба между различными частями партии ни в каком случае не принимала формы организационной борьбы, т.-е. подавления посредством механических средств в данной местности одной части партии другою".

Внутрипартийная борьба перед Стокгольмским съездом была у всех еще в памяти, и снова переживать такое состояние,

когда случайно захвативший в руки печать комитетчик меньшевик или большевик изгонял инако мыслящего по какому-либо второстепенному вопросу, никто не желал. Единство действия было тем более необходимо, что тучи реакции надвигались все гуще.

3. Реакция и ее отражение в партии и в общественной жизни.

В конце 1907 г. уже во-всю действовали военно-полевые суды. Только за три года эти суды вынесли 5.086 смертных приговоров.

Годы.	Смертных приговоров.	Совершенных казней.
1907	1.692	748
1908	1.959	782
1909	1.435	543
	5.086	2.073

Большая часть этих приговоров приходилась на народ, т.-е. на рабочих и крестьян:

Крестьян	4.404
Солдат	2.130
Рабочих	1.603
Мещан	599
Разных	171

В конце 1907 и в начале 1908 годов правительство направило свои удары на соц.-демократов. Одна за другой садятся на скамью подсудимых наши военные организации, местные комитеты также отдаются под суд. Каторга, поселение, тюремное заключение, в лучшем случае административная ссылка—вот удел революционеров, членов нашей партии. Не было ни одного члена партии, действительно принимавшего серьезное участие в движении или игравшего ту или другую ответственную роль, который бы не судился либо военным судом, либо судебной палатой, либо не шел в ссылку.

Только в единичных отдельных случаях удавалось ускользать из цепких лап Столыпина.

Весной 1908 года были разгромлены Петербургская, Московская и другие организации; ЦК партии постоянно находился под ударом; многие его члены сидели, кое-кто пошел в каторгу и на поселение (напр. И. А. Теодорович, Н. А. Рожков), кто сидел в тюрьме, кто находился в ссылке. Профессиональные союзы, общества просвещения, соц.-демократическая пресса терпели гонения, закрывались, конфисковались, редакторы сидели в тюрьме. Партийные издательства не выдерживали и тоже прекращали свою

деятельность, их деятели тоже либо сидели в тюрьме, либо находились в ссылке. Уцелевшие партийные деятели жили нелегально.

Необходимо было подумать о сохранении партийного идейного центра. Плеханов жил за границей, Мартов и Ленин и ряд других крупнейших работников партии жили в России или Финляндии. Но и здесь было уже не безопасно. В конце 1907 г., по настоянию уцелевших товарищей, В. И. Ленин уехал за границу.

Реакция бушевала во-всю.

Прежде всего она, конечно, оказала огромное влияние на тех „попутчиков", которые пришли в движение в момент расцвета легальности. Теперь, когда пресс реакции давил беспощадно, эти слои мелкобуржуазной интеллигенции шарахнулись от революции прямо в объятия реакции. В литературе и науке начинают расцветать махровые цветы идеализма, оплевание всего революционного, культ чувственности и извращенности.

Наиболее ярко этот развал в мелкобуржуазном обществе отразился в произведении беллетриста Арцыбашева, который дал образ такого мелкобуржуазного интеллигента. Вот как характеризует героя романа Арцыбашева „Санин" покойный В. В. Воровский: „Автор собрал воедино ряд черт, характерных для происходящего в среде интеллигенции поворота, и, суммируя их, создал тип, который в таком виде в действительности не встречается. Сумма же санинских черт означает отказ от полувековой традиции разночинской интеллигенции и прежде всего отказ от служения угнетенным классам в общественной жизни, отказ от императива долга—в личной. У массы этой интеллигенции давно уже «принципы» разошлись с «ощущениями», ее давно тяготила традиционная общественная и личная мораль. На короткий миг эти противоречия, казалось, стерлись под влиянием общественного подъема, но лишь с тем, чтобы потом снова вспыхнуть еще резче, — на этот раз, повидимому, бесповоротно, — и привести к окончательной ликвидации. Открещиваясь от своего прошлого, эта интеллигенция окончательно уходит от трудящихся масс, с которыми она—фактически или формально — была связана в течение десятилетий. Но в капиталистическом обществе, каковым уже стало и с каждым днем все больше становится русское общество, уход от трудящихся классов неизбежно приводит в объятия классов господствующих—буржуазии"[1].

Чтение такого романа, как „Санин", где проповедывался культ самых безудержных половых отношений и излишеств, еще более губило молодежь, и она начинает увлекаться санинизмом, в результате чего вскоре возникает ряд дел чисто уголовного характера.

[1] Сб. „Литературный распад". Критический сборн., кн. 2, 1909 г., статья Орловского—В. В. Воровского „Базаров и Санин. Два нигилизма".

В то же время выступает целая плеяда беллетристов и поэтов (Л. Андреев, Ф. Сологуб и пр.), которые начинают сжигать все, чему поклонялись, и поклоняться всему, что сжигали; правда, их декадентские ноты звучат куда искреннее, чем те фальшивые „революционные" песни, которые они затягивали под влиянием всеобщего подъема.

В науке реакция отразилась попытками снова и снова доказать, что революционное учение материализма ненаучно и что только идеализм есть истинная наука.

В политике реакция ударила прежде всего учащуюся молодежь: студенты, курсистки, вообще учащиеся, забыли думать о политике и ушли в чистый академизм; зачеты, экзамены, достижение диплома, а затем и выгодного местечка — вот заветные мечты учащихся. Университеты, институты теперь уже не были ареной избирательной борьбы, там уже не звучали голоса ораторов, не слышны были призывы к борьбе, а усыпляющим ручейком текла речь черносотенного профессора. Правительство стало изгонять мало-мальски приличных профессоров, и даже либеральные профессора сплошь и рядом отстранялись от преподавания.

Было бы, однако, неправильно думать, что только интеллигенция бежала от революции. Реакция веяла своим мертвящим дыханием и над пролетариатом: и рабочий, особенно средний массовый рабочий, разочаровался в революции.

Вот что, например, писал в редакцию нашего большевистского органа „Пролетарий" т. М. Томский из Петербурга в 1908 году: „...Наступила реакция, и от десятков тысяч организованных рабочих уцелели десятки, сотни"... „...Реакция очень сильно коснулась рабочих, особенно поверхностно организованных, при чем даже и среди сознательных рабочих стремление к знанию под влиянием реакции вылилось частью в нежелательные, чисто академические, формы, т.-е. —подготовиться на аттестат зрелости или к университету и уйти из рядов пролетариата, стать интеллигентом и .. только, частью в стремление к чисто профессиональному образованию, как-то: черчению, рисованию и т. д., т.-е. тоже улучшить индивидуальными усилиями свое экономическое положение" [1].

И нельзя было сказать, что такое настроение являлось характерным только для Петербурга, где реакция, как и в Москве, нанесла особенно сильные удары. Таково же настроение рабочих было и в других местах [2].

Очень хорошо характеризуется это пониженное настроение в отчете о думской фракции и ее работе [3]. Уже в 1908 году

---

[1] „Пролетарий" за 1908 г., № 39 от 13/26 ноября.

[2] См., напр., о настроении рабочих в Харькове во II сборнике „Из эпохи «Звезды» и «Правды»" в ст. В. Невского о харьковском рабочем движении в эту эпоху.

[3] „Пролетарий" за 1908 г., № 39 от 13/26 ноября.

рабочие перестают интересоваться Государственной Думой: господская Дума не внушает ни доверия, ни надежды, а работа рабочей соц.-демократической фракции лишь в редких случаях возбуждает к деятельности. Доклады депутатов в Иваново-Вознесенске, Шуе и Екатеринославе возбудили даже неудовольствие; в Костромской губернии, в Дагестане, в Кубанской области, в Москве — всюду замечался индифферентизм и к Думе и к фракции. Были, правда, места, где не только интересовались, но и выносили одобрение деятельности фракции (Юзово, Пермь, Сибирь, Тифлис), но в общем письмо с отчетом о думской работе дышит пессимизмом, отражающим общее подавленное настроение.

Тов. Лядов так характеризует положение, создавшееся в связи с неудовлетворительной работой думской фракции: „Поведение думской фракции, ее упорное нежелание подчиняться партийным решениям и руководству ЦК, ее стремление беречь Думу вызвало среди многих большевиков предложение отозвать фракцию из Думы или предъявить ей ультиматум. На местах это настроение было господствующим. За границей эту точку зрения особенно отстаивали: Богданов, Алексинский и Луначарский. Областная конференция Центрально-Промышленного района дала наказ в том же смысле своим делегатам: Станиславу Вольскому и Лядову. Но ни заграничные, ни московские «отзовисты» не считали этот вопрос принципиальным, и, когда на совещании революционного крыла в Париже выяснилось, что большинство большевиков (вместе с поляками) отвергло эту точку зрения, отзовисты на пленуме конференции дружно голосовали с Лениным за предложенную им резолюцию, направленную против ликвидаторского настроения меньшевиков“ [1].

4. Раскол в рядах русской соц.-демократии в эпоху реакции: отзовисты, ультиматисты, ликвидаторы.

Дело, однако, заключалось не в одном лозунге отозвать с.-д. из думской фракции за их плохую работу. Дело было значительно сложнее: и большевики и меньшевики под давлением реакции стали раскалываться, и этот раскол шел гораздо глубже, чем казалось самим представителям отколовшихся групп. И отзовизм, политически выражавшийся в определенных взглядах на задачи с.-д. в отношении к Думе (и на другие, конечно, вопросы партийной жизни), и ликвидаторство, полагавшее, что нелегальной рабочей партии не нужно, оба эти направления по-своему выражали те оппортунистические течения мелкобуржуазных групп русской соц.-демократии, которые неизбежно в ходе развития рабочего движения примешивались к революционной социал-демократии.

[1] М. Лядов. „25 лет РКП“, стр. 56—57.

Отзовизм возник в 1908 г., и сначала казалось, что между большевиками и отзовистами не существует никаких принципиальных разногласий, как говорит об этом т. Лядов. Действительно, в чем расходились отзовисты-большевики с большевиками, возглавлявшимися Лениным? В вопросе о роли и работе думской фракции.

В письме рабочего отзовиста, опубликованном за границей в 1908 г., вопрос формулируется так: „Естественным завершением партии, ее, так сказать, дипломатическим представителем является думская фракция. Спрашивается, целесообразно ли ее существование при данных политических условиях, способствует ли она развитию партийной жизни, или, наоборот, задерживает его?“.

Автор письма, рассматривая работу фракции, где было больше депутатов-меньшевиков, приходит к заключению, что работа фракции неудовлетворительна и что, так как и сама Дума, господская Дума—подделка под народное представительство, то не лучше ли отозвать с.-д. из Думы. Отзовист ставит на разрешение такую дилемму: „Одно из двух — или мы хотим, во что бы то ни стало, сохранить фракцию (подобно тому, как кадеты хотели, во что бы то ни стало, сберечь II Думу), — тогда нам необходимо сделать и все вытекающие отсюда выводы, т.-е. примириться с изолированностью депутатов и не только не протестовать против бесцветности депутатских речей, но эту бесцветность вменить им в обязанность, как лучшую гарантию от возможности исключения; или мы хотим развить до максимума ее энергию, не считаясь с обще-полицейскими и думскими препятствиями, — тогда мы сознательно должны итти навстречу устранению с.-д. депутатов из Думы, тогда мы—«отзовисты». На наш взгляд, вывод из всего этого напрашивается сам собой: ошибку, которую мы совершили, приняв участие в выборах, необходимо ликвидировать; фракции необходимо предложить, чтобы она сложила свои полномочия“ [1].

Ленин дал исчерпывающую критику отзовизма (в частности и этого письма, в статье „По поводу двух писем“ (в том же 39 номере „Пролетария“ 1908 г., где было напечатано и письмо), но и сами местные организации не замедлили дать отпор отзовизму. На Московской общегородской конференции 1908 г. был категорически отвергнут отзовизм, несмотря на то, что конференция констатировала шатание и неустойчивость с.-д. думской фракции, проявившиеся в декларации фракции, в отсутствии критики государственного бюджета, в присоединении к октябристам при обсуждении кадетского законопроекта о расширении бюджетных прав Думы и т. д.

Конференция, однако, сказала, что в тот момент „отзыв соц.-демократической фракции из III Государственной Думы мог

[1] „Пролетарий“, № 39 от 13/26 ноября 1908 г.

бы неблагоприятно отразиться на классовой борьбе пролетариата"[1].

Отзовистская платформа выявлена и в другом документе российского происхождения 1908 г.—в резолюции отзовистов, предложенной ими Петербургскому комитету перед общепартийной конференцией в Париже.

Аргументы в пользу отозвания думской фракции и здесь те же, что в письме рабочего отзовиста: 1) страна идет к новому революционному подъему, 2) этот революционный подъем разрешится вооруженным восстанием и борьбой за Учредительное Собрание, 3) поэтому партия должна своей главной задачей поставить внедумскую борьбу, 4) в этой борьбе главное — не затушевывание противоречий, а наоборот, усиление разоблачений контр-революционной деятельности буржуазии, 5) III Дума — господская Дума, 6) соц.-демократия приняла в ней участие с целью использования ее как трибуны для агитации и пропаганды своих с.-д. взглядов и 7) деятельность фракции показала, что даже в этих целях она не в силах использовать Думу, а наоборот, вела оппортунистическую линию в своей работе. Отсюда петербургские отзовисты делали вывод: 1) нужно выдвинуть лозунг „долой Думу" и в противовес ей „да здравствует Учредительное Собрание", 2) с.-д. фракцию отозвать и 3) все свое внимание обратить на организацию пролетариата и крестьянства, подготовляя их к грядущей революции[2].

5. Третья общероссийская конференция РС-ДРП.

Постановка вопроса отзовистами была ошибочна, но, так как они практически выступали дружно с остальными большевиками, то на следующей общероссийской конференции в Париже, в декабре 1908 г., разногласия, хотя и не были затушеваны, все же не привели еще к конфликту.

Этой общероссийской конференции предшествовали конференция Центрально-Промышленной области, откуда и приехали 5 делегатов, и собрания комитетов, пославших своих делегатов: Петербургского (2), Урала (1), Виленского и Двинского (1) и Поволжья (1). Прибыли на конференцию, однако, только 6 (не приехали два от Петербурга, от Урала и от северо-западных комитетов). Меньшевики прислали 4-х делегатов, но только один из них (от южных организаций) был товарищем, работавшим в России, как и все большевистские делегаты. Бунд прислал трех делегатов, польская с.-д. пятерых и ЦК литовской соц.-демократии одного (с совещательным голосом). На конференции присутствовало и пять членов ЦК (Ленин, Каменев, Зиновьев в том числе).

---

[1] См. Собр. соч. В. И. Ленина, т. XI, ч. II, стр. 614.
[2] Приложение к № 44 „Пролетария" 1908 г.

Меньшевики пытались провести на конференцию представителя так называемого „Заграничного центрального бюро".

Это „Заграничное центральное бюро" являлось не чем иным, как ЦК меньшевиков, которые совершенно открыто, вопреки партийным постановлениям, организовали, в сущности, свою отдельную меньшевистскую партию. Конференция представителя этого ЦК на свои заседания не допустила.

Ответы с мест и отчет ЦК обнаружили страшную картину разрушения, которое совершила реакция. Но среди этого хаоса упадка все же намечались и отрадные явления: во-первых, повсюду существовали, хотя и маленькие, нелегальные группки большевистских профессионалов, они вели неустанную агитационную и пропагандистскую работу, не отказываясь и от использования легальных возможностей.

ЦК в своем отчете подчеркнул, что, несмотря на тяжелые условия работы, ему удалось совершить объезд многих организаций, завязать с ними связи, развить большую и удачную агитацию в связи с судом над депутатами II Думы, руководить забастовкой по этому поводу (22 ноября 1908 г.), подготовить работу с.-д. на съездах: кооперативном, народных университетов, женском легальном и нелегальном студенческом. ЦК пытался поставить издание в России ЦО („Социал-Демократ"), но это предприятие осуществить не удалось, и после выхода первого номера издание перенесено за границу. Практическая работа ЦК выразилась в постоянном участии его членов в работе Петербургской организации. Что касается идейного руководства, то, кроме принципиальных резолюций о профессиональных союзах, кооперативах, просветительной работе и т. п., ЦК пытался руководить и фракцией. Однако, это руководство осуществить не удалось, так как во фракции большинство депутатов были меньшевики, проводившие директивы своего меньшевистского центра.

Отчеты „Бунда" показали, что и там идет такая же борьба течений, как и внутри русской соц.-демократии. Только отчет польских делегатов говорил о необыкновенно дружной работе, протекающей в условиях неслыханной реакции и репрессий.

Меньшевики не могли дать никакого отчета: они, сидя за границей, были совершенно оторваны от партии и даже от своих товарищей-меньшевиков в России. Выяснилось из отчетов делегатов в России, что там, под давлением реакции, все меньшевистские верхи отказываются от нелегальной и вообще партийной работы, оставляют ее на долю „черни", рабочих, а сами занимаются исключительно работой в легальных организациях.

Даже бундовцы, идейно идущие с меньшевиками, отмежевывались от них, когда они пытались оправдать этот распад меньшевистских организаций. Обнаружилось, кроме того, и еще одно обстоятельство: меньшевики, их виднейшие лидеры, и в том числе члены ЦК, в тот момент, когда в России было аресто-

вано несколько членов ЦК—большевиков, пытались уничтожить ЦК и предложили „Бунду“ заменить его информационным. бюро, составленным поровну из представителей всех фракций (план этот был предложен Даном).

Таким образом, меньше чем через год после Лондонского съезда, партия снова переживала раскол, и теперь уже более глубокий, чем после второго съезда.

Конференция в своих главнейших резолюциях ответила на самые жгучие вопросы современности: о текущем моменте и задачах партии, о думской фракции и по организационному вопросу. Все эти резолюции спаяны единой идеей воссоздания революционной боевой политической партии пролетариата.

В резолюции о текущем моменте большевики, дав всесторонний классовый анализ третьеиюньскому режиму Столыпина, устанавливают положение, что этот режим не в силах разрешить те противоречия, которые не разрешила революция 1905 г., и что только новая революционная волна, для которой имеются предпосылки и на мировой арене и в самой России, в состоянии разрешить конфликт между старым порядком и пролетариатом и революционным крестьянством.

Новая грядущая революция, победа которой будет победой диктатуры пролетариата и крестьянства — вот те перспективы, которые рисуются большевикам. В соответствии с этим рассматривается и вся подготовительная работа с.-демократии.

Не рисуя себе работу думской фракции идеальными красками, указывая на ее большие ошибки, большевики отмечают и ее правильные шаги и подчеркивают, что работа думской фракции в атмосфере реакции полезна и необходима и, как одна из легальных возможностей, дополняет нелегальную работу партии.

Указав ошибки фракции, конференция указывает и тот путь, по которому должна итти фракция.

По организационному вопросу конференция вынесла важнейшее решение, имевшее огромное значение в жизни нашей партии: среди всеобщего развала и маразма раздался авторитетный голос, призывавший к сохранению боевой политической партии пролетариата. Средством этого сохранения и укрепления прежде всего указывалась нелегальная, подпольная организация. Не отказываясь от широких легальных рабочих организаций, добиваясь их осуществления всеми средствами (за исключением потери своей революционной сущности), партия прежде всего должна была сохранить свой подпольный аппарат, укрепить и сделать его тем могучим орудием, о которое разобьются все усилия реакции.

Отзовисты голосовали дружно с большевиками и только по вопросу о думской фракции высказали свой особый взгляд. В общем с большевиками шли и поляки.

Что же сказали меньшевики на этой конференции? Они, подписываясь одной рукой под резолюциями конференции, другой

махали в сторону тех русских меньшевиков, как Череванин, Потресов, которые упраздняли, ликвидировали партию, высказываясь против необходимости подполья. Они говорили, что из партии „должны“ уходить наиболее актуальные рабочие, что центром тяжести с.-д. работы является работа „в открытых и полуоткрытых организациях экономических и профессиональных“, что такие организации являются центрами притяжения сознательных рабочих, словом—они говорили о ликвидации, об уничтожении самостоятельной партии. Оппортунизм мелкобуржуазных элементов русской соц.-демократии, родившийся ещё в 90-х годах, катился дальше по наклонной плоскости. Большевики провели резолюцию о подготовке следующего съезда, при чем и здесь меньшевики выступили против, мотивируя свое выступление тем, что конференция изменила норму представительства. Констатировала конференция и раскол в партии, начатый меньшевиками.

6. Борьба за партию.

Таким образом, актуальным вопросом в партии стал вопрос о борьбе за партию, за ее целость, о борьбе с ликвидаторами. В этой борьбе заняли свое место и отзовисты, и, хотя они выступали против ликвидаторов солидарно с большевиками, их взгляды в некоторых отношениях также подрывали ту самую боевую подпольную организацию, за которую ратовали большевики.

Борьба на два фронта против меньшевиков-ликвидаторов и против отзовистов—ликвидаторов материалистической основы марксизма и составляет главное содержание рассматриваемого периода нашей истории, ибо все разнообразные оттенки соц.-демократической мысли этой эпохи (большевики, партийцы, ликвидаторы, плехановцы, Троцкий) все они так или иначе определялись этой борьбой.

„Кризис с.-д. партии очень тяжел,—говорит Ленин в своей статье „Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России“:— Организации разбиты. Масса старых руководителей (особенно из интеллигенции) арестованы. Новый тип с.-д. рабочего, берущего партийные дела в свои руки, уже народился, но ему приходится преодолевать необыкновенные трудности. При таких условиях с.-д. партия теряет многих «попутчиков». Естественно, что в буржуазной революции к социалистам примкнули мелкобуржуазные попутчики. Они отпадают теперь от марксизма и от социал-демократии. Процесс этот обнаружился в обеих фракциях: у большевиков в виде течения «отзовистского», которое появилось весной 1908 г., сразу потерпело поражение на Московской конференции и после долгой борьбы, отвергнутое официальным центром фракции, составило за границей особую фракцию—«впередовскую». Своеобразие периода распада выразилось в том, что в этой фракции сошлись вместе и те «махисты», которые в платформу свою внесли борьбу с марксизмом

(под вывеской защиты «пролетарской философии»), и «ультиматисты», эти стыдливые отзовисты, и различного типа «социал-демократы дней свободы», увлеченные «яркостью» лозунгов, затвердившие их, но не понявшие основ марксизма.

„У меньшевиков тот же процесс отпадения мелкобуржуазных «попутчиков» выразился в течении ликвидаторском, которое вполне оформилось теперь в журнале г. Потресова «Наша Заря», в «Возрождении» и «Жизни», в позиции «16-ти» и «тройки» (Михаила, Романа и Юрия), при чем заграничный «Голос Социал-Демократа» занял место прислужника русских ликвидаторов на деле и дипломатического прикрывателя их перед партийной публикой“ [1].

Плеханов точно так же, как и Ленин, квалифицировал новые течения в русской соц.-демократии. Он указывал, что Потресов „потерял способность смотреть на общественную жизнь в ее настоящем и прошлом глазами революционера“.

Ликвидаторство, по мнению Плеханова, ведет в „болото самого позорного оппортунизма“. Называя Ленина гоголевским Осипом, который подбирает всякую веревочку, потому что может пригодиться в хозяйстве (намек на эмпириомонистов и богоискателей), Плеханов, однако, забывал, что и сам-то он был таким же Осипом, подбирающим всякую веревочку: Потресов, Маслов, Череванин и другие меньшевики, которые в эпоху реакции дошли до отрицания нелегальной партии и, стало-быть, вообще отрицания революционной социал-демократии, были той веревочкой, которая тянула Плеханова в болото оппортунизма.

Но не только Потресов, Маслов и Череванин, но и признанные вожди меньшевиков, солидаризируясь с ними, ставили во главу всей работы соц.-демократов работу легальную.

Мартов в № 18 меньшевистского органа „Голос Социал-Демократа“, в статье „Куда итти“, определял грядущий кризис русской жизни как кризис конституционный. „Кризис, — говорит он, — к которому в настоящее время движется русская жизнь, будет кризисом конституционным“. „Двигаясь навстречу этому кризису, рабочий класс имеет полную возможность вырывать от поднимающейся к власти буржуазии частичные уступки, способные расширить рамки его борьбы и организации“.

Борьбу за легальность Мартов считает „регулирующей идеей, проникающей собой все частные и частичные усилия“, при чем эта борьба за легальность, по его мнению, и есть объективная тенденция современного движения.

Еще резче это выразил Потресов в ликвидаторском журнале „Наша Заря“, где он говорил: „Надо же признать, что то «старое», которое собираются восстановлять, разрушается теперь не только под влиянием репрессий и наступившей апатии (это бы еще

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. XI, ч. II, стр. 305—306.

с полгоря), но также и под действием пестроты переходного времени"... [1].

Старого, т.-е. старой подпольной с.-д. партии, по мнению Потресова, нет, и, стало-быть, восстановлять ее нечего.

Мартов и другие видные меньшевики не только не боролись с этими взглядами русских ликвидаторов, но всячески одобряли, защищали и старались теоретически оправдать эти взгляды.

В № 13 меньшевистского органа—„Голос Соц.-Демократа"—Мартов писал, что „нелегальная организация социал-демократических элементов, борющихся за открытое рабочее движение, т.-е. в том числе и за завоевание собственного открытого существования, есть, конечно, нечто, принципиально противоположное нашей старой партийной организации, как она сложилась в 1905 году". [2]

С первого взгляда кажется, что Мартов, как будто, все же не возражает против нашей нелегальной партии. Но это только с первого взгляда. Другие его статьи, как и статьи прочих меньшевиков, прямо называют вещи своими именами, и эти вещи: не нужно нам нелегальной, подпольной организации. Так, в № 19—20 „Голоса Соц.-Демократа" говорится без всяких оговорок о том, что „у конспиративной партии теперь нет политических задач...", а Мартов в том же меньшевистском журнале провозглашал, что „к 1909 г. от старой организации остались одни обломки" и что „заниматься специально ликвидацией этих обломков было бы просто бессмысленным делом".

Чего не договаривал Мартов, то не боясь говорили другие меньшевики.

„Не строить партийную организацию предлагаем мы сейчас. Мы считаем всякую попытку в этом отношении бесполезной и могущей только повредить интересам движения в целом" [3].

Но в чем же заключается задача рабочего класса, если нет у него своей партии и если не нужно и строить ее, как думали и говорили меньшевики?

Мы видели уже, что Мартов склонен был видеть будущее России в форме „конституционного кризиса".

Кто же будет главной движущей силой в этом „конституционном кризисе"?

Такой силой будет буржуазия. „Общественный переворот,—говорит Мартов,—не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие буржуазии не сделает ее движущей силой" [4].

Что же касается пролетариата и крестьянства, то они „не оказались той комбинацией, которая в данных условиях могла разрешить поставленную историей задачу", и, мало того, они не

[1] „Наша Заря" за 1910 г., № 2, стр. 71.
[2] № 13 „Голоса Соц.-Демократа".
[3] № 16—17 „Голоса Соц.-Демократа", стр. 6.
[4] „Возрождение", № 1.

могли разрешить эту задачу именно потому, что буржуазия не стала „движущей силой“ [1].

Еще яснее, еще резче эти идеи развивает „Наша Заря“ в статье меньшевика Левицкого, который прямо говорил, что революция 1905 г. не победила потому, что натиск и победа пролетариата „не могла быть закреплена и реализована в виде определенного политического строительства“, а это случилось по той простой причине, что в России отсутствовала оформленная буржуазная партия („...не предательством буржуазии, которая повсюду на Западе предавала, а отсутствием оформленной буржуазной партии“) [2].

Буржуазия, по мнению Мартова, и является таким образом „носительницей освободительных тенденций капиталистического развития“ [3].

Такие же идеи упразднения партии и низведения роли пролетариата до роли прихвостня буржуазии развивал и Ларин в журналах „Возрождение“ и „Наше Дело“. По мнению Ларина, революция исчерпала себя, наступил мирный ход капиталистического развития, и в этом „наступившем периоде рабочий класс должен организоваться не «для революции», не «в ожидании революции», а просто так—для твердой и планомерной защиты своих особых интересов“ [4].

Русские меньшевики были гораздо откровеннее и раскрывали то, чего не хотели раскрыть меньшевики заграничные. Один из них, Герасимов, писал в „Киевских Вестях“ следующее: „Да, если «ликвидаторство» в рядах марксистов может в настоящее время иметь какое-либо значение, то именно то, что оно не столько проповедует, сколько не боится констатировать, что в ближайшую эпоху развития русского освободительного движения *гегемония отнюдь не останется за пролетариатом*. Самый факт нарождения и каждодневной консолидации буржуазно-демократических слоев и партии говорит о том, что «классическое положение русского марксизма» о гегемонии, выраженное в знаменитой формуле Плеханова, оставалось верным лишь до известного предела, лишь до того момента, покуда на арене общественной борьбы не было других сил“ [5].

Из только-что приведенных цитат ясно видно, в чем заключалась сущность ликвидаторства: она заключалась в логическом и стройном завершении того учения, которое было изложено в 90-е годы „Кусковой в „Credo“, проповедывалось „Рабочей Мыслью“ и поддерживалось „Рабочим Делом“,—*в отказе от самостоятельной роли пролетариата в революции, в отказе от гегемонии пролетариата в этой рево-*

[1] „Возрождение“, № 1.
[2] „Наша Заря“ за 1911 г., № 3, стр. 62.
[3] „Возрождение“ № 1 за 1910 г.
[4] „Возрождение“ за 1910 г., №№ 9—10 и 11, и „Наше Дело“ № 2 за 1911 г.
[5] „Киевские Вести“, № 327.

люции, в признании главной движущей силой буржуазии, в признании гегемонии буржуазии в революции, в подчинении пролетариата буржуазии и, стало-быть, в отказе от старой революционной партии пролетариата, от ее программ и тактики.

И меньшевики, последовательно и прямо говоря это, говорили о создании такой партии, которая порвала бы все связи со всеми старыми традициями и была бы новой „открытой рабочей партией".

„... Все приложится и приложится без особых затруднений, лишь только все актуальные соц.-демократические силы безоговорочно порвут с иллюзиями о возможности «восстановить» отжившее и направятся в легальное движение..." [1]. Так писали меньшевики-ликвидаторы в своем журнале „Возрождение".

На какой же почве организовать эту новую открытую рабочую партию? „Участие в выборах,—отвечали меньшевики,—может стать исходным пунктом для возрождения или, вернее, рождения рабочей партии в России" [2].

Фактом величайшей важности является тот факт, что в период реакции меньшевики совершенно открыто и прямо выдвинули новую платформу, сущность которой сводилась к тому, что взамен революционной партии пролетариата провозглашалось, как неотложная задача, создание новой, мелкобуржуазной по существу, по названию же открытой рабочей партии, исходным пунктом которой ставились выборы в Думу, а условием существования—столыпинский режим. Фактом величайшей важности эпохи реакции является факт, что рядом с революционной боевой социалистической партией пролетариата возникла новая мелкобуржуазная столыпинская партия меньшевиков, как прямых наследников „экономистов".

Борьба большевиков с ликвидаторами-меньшевиками в эпоху реакции—это, стало-быть, продолжение старой борьбы революционной соц.-демократии за самостоятельную боевую пролетарскую партию с теми мелкобуржуазными элементами соц.-демократии, которые, являясь духовными наследниками экономистов, стремились подчинить рабочее движение буржуазии.

Таков основной факт эпохи реакции, и около этого основного явления группируются все остальные события нашей партийной жизни этой эпохи.

7. Борьба с богоискательством и философским ревизионизмом.

В этой борьбе большевиков и за границей и в России приходилось выступать не только против меньшевиков, но вести

---

[1] „Возрождение" за 1910 г., № 9—10, стр. 15.
[2] „Наша Заря" за 1910 г., № 11—12, стр 68.

борьбу и в своих собственных рядах, так как и в своих собственных рядах упадочные настроения захватили некоторую часть бывших борцов. Мы уже видели, как своеобразно преломились в головах некоторых большевиков главнейшие факты общественной жизни эпохи реакции, как те тяжелые условия существования реакционной эпохи, те удары, какие нанесла реакция пролетариату, как они выразились в ликвидаторстве наизнанку в отзовизме и ультиматизме. Если реакция торжествует, если Дума — господская, если думская фракция, покорная воле меньшевиков, не в силах выявить революционной тактики соц.-демократии, то долой Думу, а вместе с нею — и думскую фракцию. Разница между ультиматистами, которые предлагали предъявить ультиматум фракции и затем, после невыполнения этого ультиматума, изменить свою тактику, и между отзовистами, требовавшими просто немедленно отозвать свою фракцию,— несущественна. Существенно то, что отзовизм под формой весьма революционной фразеологии скрывал оппортунизм и ревизионизм, боровшийся с философским материализмом Маркса и Энгельса.

Главнейшие деятели-отзовисты уже давно выступали в области философии против основ учения Маркса, в частности А. А. Богданов выступил со своим новым философским учением эмпириомонизма, а другой участник группы, образованной Богдановым — А. В. Луначарский — с новыми теориями новой социалистической религии.

Это обстоятельство уже в феврале 1909 г. заставило большевиков выступить печатно против отзовистов.

А. В. Луначарский еще в 1908 году выпустил большую работу „Религия и социализм", где проповедывал новую религию. В этой работе провозглашалось, что Маркс „блистательно продолжил это дело возвышения антропологии до степени теологии, т.-е. окончательно помог человеческому самосознанию стать человеческой религией" [1]. Эта новая религия — не мечта. „Нет, это надежда, — говорит в заключение А. В. Луначарский, — надежда более основательная, чем присущая какой угодно другой религии. Надежда, конечно, все же может обмануть нас. Но пусть человечество не победит, пусть ему суждена когда-то смерть, религия труда поможет ему прожить прекрасную жизнь и смоет с понятия религии вообще справедливое обвинение в том, что она давала до сих пор свои ласки человечеству за слишком дорогую цену. Религия рационализируется, очищается, но не теряет ничего в своей глубине, торжественной силе, восхищающей красоте; в ней человек видит чистейшее отражение своего великого вида, познает себя великою стихиею — Человеком — и приобретает с нею героическую решимость, отвергая себя, превозмогая свое «я», бороться в тысячелетней борьбе за Человека, несмотря на то, что исход борьбы скрыт от наших глаз густым туманом грядущего

---

[1] А. Луначарский. „Религия и социализм". Спб., 1908 г., стр. 31.

Религия — это энтузиазм, а без энтузиазма не дано людям создать ничего великого"[1].

В других своих работах Луначарский высказывал мысль, что самому социализму, пропаганде его можно и следует придать такую форму, которая в состоянии привлечь на сторону этого учения и полупролетарские и мелкобуржуазные, в частности крестьянские элементы. Такой формой и является полумистическая религиозная форма[2].

Против этой философской концепции выступил Л. Каменев в „Пролетарии", большевистском органе, в статье „Не по дороге".

Указывая в этой статье, что именно отрицание религии, раскрытие ее контр-революционной роли в борьбе буржуазии с пролетариатом, есть величайшая заслуга философского материализма, Каменев доказывал, что новая религия есть „полный разрыв с той концепцией, которая дана большевизмом и которая осуществлялась в русской революции, вопреки средневековым утопиям крестьян, ныне поднимаемым на щит тов. Луначарским"[3].

Всем известно, как Ленин уже в эпоху подъема в письме к М. Горькому определял богоискательство:

„Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый чорт отличается от чорта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против всяких чертей и **богов**, против всякого труположства (всякий боженька есть труположство — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а построяемый боженька, все равно), а для предпочтения синего чорта желтому — это во сто раз хуже, чем не говорить совсем"[4].

Самое же худшее в этой новой религии было то, что красный боженька Луначарского был мелкобуржуазным богом, оправдывающим извращение материализма Маркса.

Высказаться против этой „критической" струи, связанной с отзовизмом, нужно было во что бы то ни стало.

8. Расширенное совещание редакции „Пролетария" (июнь 1909 г.).

На расширенном совещании редакции „Пролетария" в июне 1909 г., где присутствовало четыре члена редакции этого органа, три представителя русских большевистских организаций (Петербургской, Московской области и Уральской) и пять членов ЦК (большевиков), были вынесены постановления по важнейшим вопросам партийной жизни и в том числе об отзовизме и ультиматизме.

---

[1] А. Луначарский. „Религия и социализм", стр. 227—228.
[2] „Литературный распад", ч. II.
[3] Л. Каменев. „Между двумя революциями". М 1922 г., стр. 265.
[4] „Ленинский сборник", I, стр. 145.

Обрисовав социально-экономические причины появления в эпоху реакции индифферентизма к политической борьбе во всех ее как нелегальных, так и легальных формах, конференция указывает, что отказ отзовистов использовать думскую трибуну и выпрямить неправильную тактику думской соц.-демократической фракции есть не что иное, как ликвидаторство в иной, чем у меньшевиков, форме, и что это течение на деле есть течение, „возводящее в принцип и усугубляющее ложные представления о соц.-демократическом парламентаризме и думской с.-д. работе". Указав далее на родство ультиматизма и отзовизма, конференция решительно отгораживается от них.

В специальной резолюции „о богостроительских тенденциях в с.-д. среде", конференция решительно осудила эти тенденции Луначарского и квалифицировала их как подмену марксизма мелкобуржуазным миросозерцанием.

В обширной резолюции „об отношении к думской деятельности в ряду других отраслей партийной работы" конференция изложила основные взгляды большевиков на задачи момента. Основной задачей выдвигалось сохранение и укрепление РС.-ДРП. В области теории на первый план выдвигалось отстаивание и развитие ортодоксального марксизма, а в области практики — создание на всех фабриках и заводах чисто партийных ячеек, которые, войдя в тесное соприкосновение с массами, развили бы политическую пропаганду и агитацию. Резолюция далее ставит задачей партии использование всех нелегальных и легальных возможностей и в особенности трибуны Думы при посредстве нашей думской фракции, но вместе с тем эта легальная работа не должна заслонять главной основной работы партии — пропаганды непосредственной революционной борьбы. Защита лозунгов революции, а не органическая законодательная работа, разоблачение либеральной буржуазии и самодержавного правительства, а не мирная работа в Думе — вот одна из задач фракции.

Укрепление партийных нелегальных и легальных организаций и установление связей с думской фракцией — вот та работа, которая поможет фракции связаться с рабочими массами.

В резолюции „о задачах большевиков в партии" одобрялись путь и тактика, проводившиеся большевистским ЦК, и подчеркивалось, что только сплочением всех революционных элементов партии вокруг общепартийных центров и борьбой с ликвидаторскими группами русской соц.-демократии возможно наиболее быстрое укрепление партии.

В связи с этой резолюцией были приняты постановления, запрещающие вести агитацию за созыв как отдельной фракционной большевистской конференции, так и отдельного фракционного большевистского съезда; рекомендовалось вместо такой агитации принять все меры к скорейшему созыву общепартийной конференции.

На этом же совещании произошел и откол А. А. Богданова от большевиков, подготовлявшийся, несомненно, давно и на этом совещании только оформившийся.

В особой резолюции „о партийной школе, устраиваемой за границей на Капри“, об отколе т. Максимова (А. А. Богданова) и в резолюции по поводу его протеста против статьи Л. Каменева „Не по дороге“—совещание одобрило действия и Каменева, выступившего против богоискательства, и редакции „Пролетария“, напечатавшей статью.

В результате всех этих конфликтов Богданов вышел из Б. Ц. (большевистского центра), и вскоре же им вместе с единомышленниками была организована группа „Вперед“.

В группу входили отзовисты (А. А. Малиновский-Богданов, А. В. Луначарский и др.) и ультиматисты (М. Н. Лядов, Ст. Вольский и др.). Примыкали к ней М. Н. Покровский, Г. Алексинский (ныне белогвардеец) и другие.

Группа „Вперед“ выработала свою платформу и издала сборник того же названия, где были напечатаны статьи, выражающие взгляды группы.

И в этих статьях и в платформе, кроме отзовизма, как ликвидаторства слева, выражалось особое философское миросозерцание, возглавляемое Богдановым. Философские взгляды, развиваемые Богдановым и его сотрудниками, известны под именем эмпириомонизма, эмпириокритицизма и махизма и базируются на положениях двух буржуазных ученых: философа Авенариуса и физика Маха. Учение этих двух ученых насквозь пропитано идеализмом и буржуазно по своему существу. Философский материализм Маркса вслед за этими учеными объявляется Богдановым и эмпириомонистами устаревшим. Вместо представления о мире, как о едином процессе, где движущаяся материя есть основное и главное, выдвигается учение об элементах ощущения, комплексы которых и составляют все то, что на языке философов носит название вещей и явлений. Без субъекта нет этих элементов, а, стало-быть, без субъекта нет и мира, да и весь физический мир есть, по мнению эмпириомонистов, не что иное, как комплекс таких элементов. Таким образом, эмпириомонизм в конце концов доходит до самого крайнего идеализма (солипсизма), где мерою всех вещей является индивидуальное сознание.

Отсюда становится понятным и тот вывод, который был сделан махистом Луначарским, когда он в своей работе „Социализм и религия“ создавал нового бога.

Отвергая вместе с буржуазной наукой и учение Маркса, эмпириомонисты выдвигали учение о новой науке—„пролетарской науке и культуре“.

В их платформе „Современное положение и задачи партии“ этот философский ревизионизм, выдвигающий вместо марксизма какую-то новую пролетарскую науку и культуру, также находит себе место.

Ленин в своей критике отзовистской платформы, указывая основные ошибки отзовистов в их политических настроениях, отмечает именно эту черту философского ревизионизма и подчеркивает, что неправильно и вредно заменять теорию пролетариата, марксизм, идеалистической „пролетарской наукой" Маха.

„...Пользуясь прежней буржуазной культурой, создавать, противопоставлять ей и распространять в массах новую, пролетарскую; развивать пролетарскую науку, укреплять истинно-товарищеские отношения в пролетарской среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта",— говорится между прочим в платформе отзовистов и тем самым подчеркивается связь этой платформы с ревизионистским философским учением автора „Эмпириомонизма" и „Философии живого опыта" [1].

Под этой платформой подписались рабочие—В. Косырев, Ф. И. Калинин, Лобанов, Батышев, Черный, Николай и Константин и интеллигенты-большевики — А. Богданов, А. В. Луначарский, А. Соколов (Ст. Вольский), М. Лядов, М. Н. Покровский, Г. Алексинский, В. А. Десницкий (Строев) и М. Горький.

Принимали или нет некоторые из подписавшихся все положения богдановской философии, факт остается фактом: своими подписями они солидаризировались с той самой „пролетарской наукой", которую так беспощадно критиковал Ленин.

9. Партийные школы за границей.

Расхождение с Богдановым осложнилось еще и тем, что впередовцы образовали свою особую фракцию, которую и связали с открытой ими школой для рабочих на острове Капри на средства, данные М. Горьким.

Мысль о школе для рабочих возникла еще в 1908 году в России под влиянием того развала, который наступил в эпоху реакции: мелкобуржуазные попутчики бежали от революции, большевики-профессионалы сидели в Сибири и тюрьмах, рабочие массы остались одни — без организаторов, пропагандистов и агитаторов. Требовалась настоятельная потребность, выдвинуть из самой рабочей среды, взамен ушедших, своих организаторов, пропагандистов и агитаторов, т.-е. теоретически подготовленных вождей.

Мысль эта возникла одновременно и в России и за границей. В России горячо взялся за осуществление этой идеи замечательный русский рабочий Н. Е. Вилонов (1885—1911 г.г.). Попавши за границу в 1908 г., Вилонов познакомился с задачами школы и снова возвратился в Россию, чтобы вербовать учеников. Эти ученики выбирались местными организациями и под контролем ЦК; школа была устроена так, что ученики и преподаватели составляли единый коллектив, выдвигавший комитет по управлению

[1] См. Собр. соч. В. И. Ленина, т. XI, ч. 2, стр. 568—580.

школой. Сначала предполагалось, что лекторами будут представители всех фракций (ЦО большевиков, „Правда" Троцкого, „Голос Соц.-Демократа", „Дневник Соц.-Демократа" Плеханова, „Вперед", „Бунд" и т. д.), но скоро выяснилось, что школа находится в руках отзовистов. Лекции читали Богданов, Луначарский, Покровский, Горький и другие.

Большевики участия в этой школе не принимали, потому что Богданов, образовавши группу „Вперед", попытался опереться на эту школу в своей борьбе с большевиками. Руководители Каприйской школы представляли дело так, что „... Ленин уже не тот, которого знали московские рабочие в 1905—1906 г.г., он теперь так зазнался и поправел, что не мешало бы его одернуть от имени русских партийных организаций".

Рабочие-каприйцы постановили пригласить Ленина читать лекции в их школе. Ленин ответил письмом, где разъяснял им, что он не может принять участие в этой школе, так как она использована в целях фракционной борьбы отзовистов с большевиками.

А рабочие пытались воздействовать на Ленина давлением партийных организаций.

В результате переписки, по окончании курса школы некоторые рабочие поехали в Париж, где в то время находился большевистский центр.

Здесь уже была организована чисто большевистская школа в местечке Лонжюмо (недалеко от Парижа). В этой наскоро организованной школе были прочтены курсы Лениным (о земельной реформе в России), Зиновьевым (о профессиональном движении), Каменевым (по истории русской революции), Дубровинским (по организационному вопросу), Левой (Владимировым) (по национальному вопросу), Любимовым (Марком) (о постановке работы секретариата и о конспирации).

Это была школа ЦК, и потому Дан и Мартов тоже решили там читать лекции, но прочли всего по одной лекции [1].

Эти парижские лекции 1911 г. оказали огромное влияние на слушателей, и у некоторых отзовистов их отзовистские убеждения, как говорит один из учеников школы В. Косарев, поколебались.

Впрочем, впередовцы не ограничились школой на Капри, они организовали вторую школу в Болонье. Здесь уже кроме них читали лекции и чистые меньшевики: Маслов, Мартов, Павлович (Вельтман), Коллонтай и Троцкий.

Таким образом было ясно, что не напрасно произошло генеральное межевание, о котором говорил Плеханов, писавший в защиту подполья против ликвидаторов. Против партийцев Ленина и большевиков, а также против партийца меньшевика Плеханова шли плотным строем ликвидаторы (Ларин, Потресов, Маслов, Чере-

[1] См. воспом. В. Косырева в журн. „Сибирские Огни" за 1922 г., № 2, Н. А. Семашко в Пролетарской „Революции" за 1913 г., № 2 (14), и „Соц.-Демократ" за 1911 г., № 14. „Программа школы ЦК".

ванин и др.) и прикрывавшие их Мартов, Аксельрод, Дан, по сути тоже уходившие в сторону мелкобуржуазного социализма, ультиматисты (Алексинский и др.), отзовисты (Лядов, Покровский и др.), махисты, эмпириомонисты (Богданов, Базаров и т. д.), богоискатели (Луначарский). Все эти группы пытались в том или другом пункте нанести удар теории и практике революционного марксизма.

Такие выдающиеся соц.-демократы, как Л. Д. Троцкий, издававший свою особую газету „Правда" и создавший свою „нефракционную фракцию", пытался на словах примирить враждующие фракции, а на деле поддерживал меньшевиков Мартова, Дана и Аксельрода и тем самым и ликвидаторов.

Взгляды Троцкого, развивавшиеся им в „Правде", на роль крестьянства в революции, на отношение пролетариата к мелкой буржуазии, на ход социальной революции — это были все те же старые неправильные взгляды перманентной революции, в центре которой стоит изолированный пролетариат, стало-быть все те же старые взгляды особого оттенка русского меньшевизма.

При таком натиске множества противников, русский большевистский центр, руководимый Лениным, Каменевым и Зиновьевым, мог устоять в борьбе только при поддержке в России со стороны тех подпольных организаций, которые к 1910 году, несомненно, стали оправляться от разгрома: многие большевики были выпущены из тюрем, многие бежали из ссылки и принялись за работу, стали появляться и новые большевики из рабочих. Можно смело сказать, что в эпоху реакции только большевики и сохранили связи с рабочими массами, только они и имели нелегальные, революционные организации. Это обстоятельство и поддерживало наш большевистский центр за границей в его героической борьбе с ревизионистами разных мастей и направлений.

А борьба осложнялась еще и той борьбой, которую меньшевики вели внутри организации.

Мы уже говорили выше, что с 1908 г. меньшевики отказались принимать участие в работах ЦК. Дело было в том, что ЦК на Лондонском съезде был составлен так, что в нем находилось 5 большевиков, 5 меньшевиков, бундовцы, поляки, латыши. Выходило так, что на стороне большевиков было больше голосов, вернее выходило так, что ЦК был не меньшевистский. Поэтому уже с 1908 г. начинается прямой саботаж меньшевиков. В сущности говоря, ликвидационные планы меньшевиков простирались и на ЦК, который они хотели превратить из руководящего органа в информационный.

Дело осложнялось тем, что большевистская часть ЦК работала и в России и, конечно, подвергалась провалам.

После декабрьской конференции 1908 г. меньшевики уже выступили прямо с идеей упразднения ЦК, и их ликвидаторская полемика против партии обрушивалась в частности и против ЦК.

10. Попытки соглашения. Лондонский пленум ЦК РС-ДРП (январь 1910 г.).

Все попытки добиться объединения ни к чему не приводили. Наконец, в 1910 году, под давлением большевиков-примиренцев, решено было сделать еще одну попытку совместной работы. В январе 1910 г. в Париже собралось пленарное совещание ЦК. Здесь присутствовало 14 человек, с совещательным голосом члены редакции ЦО, один кандидат ЦК, выбранный на Лондонском съезде, и редактор „Правды" Троцкий. Это совещание ЦК прошло под знаком примиренчества. В резолюции „Положение дел в партии" были высказаны взгляды на текущий момент, констатированы признаки начинающегося просвета в рабочем движении и указана тактика, сущность которой сводится к тому, что, при обязательном сохранении и укреплении нелегальной организации, отдается должное внимание и легальным рабочим организациям и в первую голову — думской фракции. Остальные резолюции ЦК посвящены урегулированию внутрипартийных отношений: вопросу о созыве общерусской конференции, уставу ЦК, Центральному Органу и пр.

Примиренческие тенденции большевиков зашли настолько далеко, что было решено закрыть газету „Пролетарий" (большевистской фракции), оставить газету Троцкого „Правду", признать издательскую группу „Вперед" и предложить закрыться и фракционному меньшевистскому „Голосу Соц.-Демократа".

Фракции большевиков, меньшевиков и все остальные должны были распуститься. В знак примирения т. Каменев даже поехал работать в „Правде" Троцкого.

Большевики верили своим противникам. Но не успели, можно сказать, засохнуть чернила, которыми писались резолюции совещания ЦК, как началась снова все та же борьба. Ход вещей был сильнее добрых пожеланий. Ход вещей вызывал существование двух партий: одной — революционной, ортодоксально-марксистской, а другой — мелкобуржуазной, соглашательской, одобряемой и восхваляемой буржуазией. Этим двум партиям, действительно, было не по дороге. Это и выяснилось еще более резко в следующий период нашей истории, в эпоху „Звезды" и „Правды".

Литература к тринадцатой главе:

1. *С. Дубровский.* „Столыпинская реформа". Л. 1925 г.
2. *Л. Б. Каменев.* „Между двумя революциями". М. 1922 г.
3. *Его же.* „Две партии". Л. 1924 г.
4. Собр. соч. *В. И. Ленина,* т. XI, ч. 1 и ч. 2 т. XII.
5. *В. И. Ленин.* Собр. соч., т. X. „Материализм и эмпириокритицизм".
6. *Его же.* „Письма к М. Горькому". Л. сб. I.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Седьмой период истории русской соц.-демократии (1910—1914 г.г.) и четвертый период истории большевизма. Эпоха „Звезды“ и „Правды“.

1. Рабочее движение в 1910—1914 г.г.

Как ни тяжелы были поражения рабочих после 1905 года, революция не прошла бесследно. То невиданное движение, в какое пришли все классы и слои населения, те удары, какие пролетариат нанес самодержавию, те раны, какие он получил сам в этой борьбе, были слишком велики, чтобы пройти бесследно: и Государственная Дума, хотя и господская, и профессиональные союзы, хотя и под прессом полиции, и профессиональная печать, хотя и под цензурным гнетом, и просветительные рабочие общества, хотя и закрываемые по самым ничтожным поводам, — все это говорило о том, что старого самодержавия уже нет. Самодержавию был нанесен непоправимый удар, и оно, т.-е. тот класс, который сосредоточил в своих руках огромные латифундии, искал поддержки и нашел ее в лице представителей крупной промышленности и буржуазии вообще. На трупах рабочих и крестьян, боровшихся во имя диктатуры пролетариата и крестьянства, под зарево пресненских пожаров, под выстрелы карательных экспедиций, состоялось соглашение Столыпина, лидера крупного землевладения и самодержавия, с представителями буржуазии: Гучковым, Рябушинским, Коноваловым и либералами. Либеральная буржуазия фрондировала, даже изображала „оппозицию его величества“, вносила игрушечные запросы, писала законопроекты, но все это было только пеной на поверхности на время успокоившегося народного моря.

Ставка на сильных, столыпинская реформа на время успокоила крестьян, а завоевания пролетариата, на время исчерпав его силу, успокоили самые отсталые слои рабочих.

Рабочим несомненно удалось, хотя и в незначительных размерах, и сократить рабочий день, и повысить заработную плату. Вот, например, средние цифры повышения заработной платы по шести промышленным округам.

Средняя заработная плата (годовая) в рублях по округам[1].

ГОДЫ.	С.-Петерб.	Московск.	Варшавск.	Поволжск.	Киевск.	Харьковск.
1904 . .	301,17	177,53	247,97	196,72	141,75	225,47
1905 . .	262,58	177,27	245,75	212,29	138,52	209,55
1906	313,83	197,63	296,63	234,57	155,44	221,18

Здесь это повышение видно очень хорошо, за исключением Харьковского округа. Но и там, если взять отдельные губернии, повышение платы вне сомнения: средняя заработная годовая плата в Екатеринославской губернии была в 1904 г. — 337,38, в 1905 г. — 338,72, в 1906 г. — 340,15.

Правда, приходится принять во внимание и вздорожание продуктов первой необходимости, так что во многих случаях это повышение заработной платы или совсем ничтожно или отсутствует. Факт, однако, остается фактом: рабочие сумели кое-что отвоевать за время революции. Реакция отобрала многое назад у рабочих, и уже к 1910 году перед пролетариатом в области экономической борьбы стояли все те же старые задачи борьбы, какую он начал в 1905 году.

Начавшийся в 1910 году промышленный расцвет совпадает и с началом новой волны рабочего движения, идущего вверх вплоть до 1914 г. Вот цифры, рисующие этот подъем:

ГОДЫ.	Число стачек.	Число забастовщиков.
1910	222	46.623
1911	446	105.110
1912	2032	725.491
1913	2142	861.289
1914	3543	1.337.458

[1] Цифры взяты из „Сводок фабр. инспекторов“ за соответствующие годы.

Цифры эти, охватывающие далеко не все предприятия и далеко не всех рабочих, участвовавших в стачках, с несомненностью, однако, рисуют картину подъема.

Рассматривая соотношение экономических и политических стачек, мы видим, как до 1912 года преобладают экономические стачки и как, начиная с 1912 года, начинается новая волна политических стачек.

Стачки.

ГОДЫ.	Экономические.		Политические.	
	Число стачек.	Число бастующих.	Число стачек.	Число бастующих.
1910	241	42.846	8	3.777
1911	442	96.730	24	8.380
1912	732	175.678	1.300	549.913
1913	1.181	365.895	961	495.394
1914	969	278.347	2.565	1.059.111

Цифры говорят сами за себя: 1912 год — это дата перелома рабочего движения и начало нового наступления пролетариата на самодержавие.

Из цифр, приведенных выше, видно также, что рабочее движение не только не замерло даже в самые глухие годы реакции, но шло все время и очень скоро достигло такого внушительного размера, что стало всем видно, как снова нарастает волна революции.

Что же помогало рабочим так быстро оправиться от тех поражений, какие они потерпели в эпоху реакции?

2. Нелегальные и легальные организации эпохи 1910—1914 г.г.

Два фактора играли здесь существенную роль: партия и те легальные и полулегальные организации, какие рабочим удалось сохранить в годы реакции. Вне всякого сомнения, что та борьба за боевую классовую организацию, и в особенности за подпольную организацию, какую вели большевики с ликвидаторами, имела огромное и даже первенствующее значение. Уже в 1910 году наши партийные

организации не только оправились от погрома реакции, но повсюду настолько укрепились, что получили возможность расширять и углублять свое влияние. При этой работе расширения и углубления своего влияния наша большевистская организация действовала, не только зарываясь в одно подполье, но широко используя и те легальные и полулегальные организации, которые существовали в эпоху реакции. По данным „Профессионального Вестника" за 1907 г., в России действовало 652 профессиональных союза с 245.335 членами, при чем из этого числа на долю союза металлистов приходилось 81 союз с 54.173 членами. Как ни малы эти цифры по сравнению с тем, что мы имеем теперь, но все же это была такая огромная сила, что самодержавие имело все основания опасаться экономических организаций рабочих. Ведь по сути дела и в профессиональные союзы шли, главным образом, те рабочие, которые так или иначе находились в связи с партией и под ее влиянием. Споры, которые велись у большевиков и меньшевиков о нейтральности и партийности союзов, в сущности сводились к тому, под чьим влиянием должны будут находиться профессиональные союзы — под влиянием боевой революционной организации соц.-демократии или под влиянием ликвидаторов, хоронивших партию. Большевики, боровшиеся с нейтральностью союзов, боролись за влияние в союзах революционной соц.-демократии, и не было ни одного большевика, который бы хотел превратить союз в организацию, ничем не отличавшуюся от партии. Наиболее мощные союзы были в столицах и вообще в крупных промышленных центрах; так, металлистов, входивших в союз в Петербурге, было в 1907 г. — 13.214 чел. (союзов 7 с губернией), в Москве — 8.896 чел. (союзов 12 с губернией), в Варшаве и Лодзи — 15.720 (союзов 14). Текстильные рабочие также представляли наиболее сильные объединения в Польше и на севере России (Москва и ее районы).

Реакция сильно сократила число союзов и их участников, но совсем убить не могла, и, когда наступил новый подъем рабочего движения, многие, даже провинциальные, города имели союзы, уцелевшие со времен реакции,—Харьков, Одесса, Ростов-на-Дону и т. д.

Кроме профессиональных союзов, существовали даже в самые худшие времена реакции и другие общества — просветительные, культурные, общества самообразования. И в них, как и в профессиональных союзах, соц.-демократы играли главную роль. Но в то время, как ликвидаторы-меньшевики придавали исключительное значение легальной работе в легальных организациях, большевики, как истинные материалисты-диалектики, опираясь на свою нелегальную организацию, не отказывались от работы и в легальных организациях. Они оценивали всю совокупность условий действительности и, сочетая работу в легальных и нелегальных организациях пролетариата, создавали ту всестороннюю, всеобъемлющую организацию, которая и есть боевая партия пролетариата в условиях самодержавного режима.

Поэтому совершенно прав т. Ольминский, который в своей работе об эпохе „Звезды“ и „Правды“ говорит: „Легальные рабочие организации, существовавшие в Петербурге даже в годы самой черной реакции, несомненно способствовали тому, что петербургские рабочие раньше, чем рабочие других городов, оправились от полицейских ударов правительства и помогавшей правительству буржуазии“ [1].

Но это замечание, применимое больше всего к Петербургу, применимо, хотя и в меньшей степени, ко всем промышленным центрам. Стоит только взглянуть, например, на календарь, изданный нашим издательством „Прибой“ в те времена, чтобы убедиться в справедливости этих слов: в этом издании среди других сведений находятся указания и о числе легальных рабочих обществ, существующих по всей стране [2].

Это уменье сочетать легальную и нелегальную работу и характеризует большевиков. Они не пропускали мимо ни одного проявления рабочего движения: нелегальный кружок, стачка, общество просвещения, профессиональный союз, работа думской фракции — все это было приведено в связь и гармонию и давало ту силу, какой несомненно обладала большевистская партийная организация.

Но, быть может, лучше всего методы революционной работы большевиков выявились на работе в легальной прессе.

О создании легальной большевистской газеты партия думала непрестанно.

3. Организация „Звезды“ и „Правды“.

В августе 1910 г., во время международного социалистического конгресса в Копенгагене, состоялось несколько совещаний В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и Н. Г. Полетаева, члена с.-д. фракции третьей Государственной Думы, и здесь решено было организовать легальную марксистскую газету — „Звезду“. Первый номер „Звезды“ вышел 16 декабря 1910 г. В газете принимали участие, кроме большевиков, и меньшевики-партийцы — Плеханов и его сторонники. Газета просуществовала до 19 апреля 1912 г., когда на № 68 ее закрыло правительство. Продолжением „Звезды“ была „Невская Звезда“. Первый номер этой газеты вышел вместо 13 номера „Звезды“ от 26 февраля 1912 г., второй — 3 мая 1912 г., а последний — 27-ой — вышел 5 сентября 1912 года.

Рядом с этим коалиционным органом вышел в декабре же 1910 г. в Москве чисто большевистский орган, журнал „Мысль“,

[1] М. Ольминский. „Из эпохи «Звезды» и «Правды»“. П. 1923 г. стр 17.

[2] „Спутник рабочего на 1914 г.“. Изд. „Прибой“, — очень дешевая (35 коп). интересная книжка, содержащая много ценных сведений о тогдашнем движении.

который находился всецело в руках большевиков (заграничного центра — Ленина, Каменева и Зиновьева).

„Как нашли «Звезду» и «Мысль»?—писал В. И. Ленин М. Горькому 3 января 1911 г.—Первая тускла, по-моему. А вторая — вся наша и радует меня безмерно"[1].

„Марксизм, как основа жизнепонимания, и последовательный социальный и политический демократизм, как очередная программа, — вот те устои, на которых строится наша деятельность",— говорилось в статье „Наша задача" в № 1 „Звезды". Ленин, однако, называет первый номер тусклым. Дело в том, что коалиция с плехановцами оказала свое влияние: руководителями „Звезды" в России были В. Бонч-Бруевич, Н. Иорданский (плехановец) и И. Покровский. Кроме того, у газеты не было самого главного — связи с рабочей массой. Летом 1911 года был арестован Бонч-Бруевич, и газета коалиционного характера прекратила свое существование. Осенью 1911 года „Звезда" вышла снова, но это была уже большевистская газета. Здесь руководящую роль играли уже только большевики — Н. Г. Полетаев, И. Гладнев (С. Закс), тогдашний и нынешний руководитель „Прибоя" (редакционная работа), и Н. Н. Батурин; другие товарищи-сотрудники, более или менее постоянно писавшие в газете, были: К. С. Еремеев, Р. Раскольников, Л. М. Михайлов-Политикус, Л. Германов (Фрумкин), А. И. Елизарова, В. Д. Бонч-Бруевич, В. М. Величкина, Фаберкевич, В. И. Невский и проч.

Начинал свою партийную литературную деятельность и Д. Бедный (Е. Придворов). Большую работу нес и В. Скрябин (Молотов), бежавший из ссылки и работавший нелегально. Официальным издателем газеты был В. А. Шелгунов, первым редактором для отсидки в тюрьме — рабочий П. Г. Гриталев, а душой организационной работы — Н. Г. Полетаев.

Идейным же руководителем газеты, как и „Мысли", являлся наш заграничный центр — Ленин, Каменев и Зиновьев.

„Звезда" имела огромное значение в деле подъема русского рабочего движения. Это значение особенно видно из двух обстоятельств — во-первых, из того, что в Ленские дни газета явилась огромным агитационным средством и, во-вторых, из того, что вследствие пропаганды „Звезды" удалось создать единственную в своем роде газету „Правда".

4. Подъем рабочего движения и Ленские дни.

Ленская стачка и последовавший за ней расстрел 4 апреля 1912 г. относятся к тем событиям, которые не напрасно считаются исходными, поворотными пунктами рабочего движения. Как морозовская стачка 1885 г. явилась поворотным пунктом рабочего

[1] Ленинский сборник I, стр. 116.

движения 80-х годов, как стачки ткачей в Петербурге 1896—7 годов были новым этапом массового рабочего движения, как ростовская стачка 1902 г. явилась прологом политических демонстраций пролетариата, как октябрьская забастовка и восстание 1905 года явились образцом изумительного сочетания всеобщей стачки и вооруженной борьбы пролетариата, так и ленские события или—вернее—политические стачки, вызванные этими событиями, явились началом массового рабочего движения после безвременья реакции.

Расстрел рабочих на далекой Лене в Сибири, на золотых приисках „Ленского золотопромышленного товарищества" („Лензолото"), явился в результате экономической стачки, вызванной нечеловеческими условиями существования рабочих. Доведенные до отчаяния этими условиями, рабочие 28 февраля 1912 г. предъявили администрации экономические требования. В ответ на требования произошли аресты рабочих по распоряжению жандармского ротмистра Трещенко, прибывшего с войсками на прииски.

Рабочие 4 апреля 1912 г. отправились на Надеждинский прииск с требованием освобождения арестованных и специально получить объяснения прокурора Иркутской судебной палаты. Здесь их встретили залпами войска, в результате чего было несколько сот человек раненых и убитых (убито и умерло от ран свыше 300 человек).

Впечатление, произведенное ленскими выстрелами, было колоссально.

„Звезда" сыграла в эти дни огромную роль: 8 апреля номер газеты вышел в траурной рамке, все статьи были посвящены ужасному событию, а в некоторых статьях раздавался прямой призыв к борьбе с самодержавием. „Не нужно ни песен, ни слез мертвецам,— писала „Звезда" в статье „Культурные способы".— Стойкая, сознательная, планомерная, организованная работа русского пролетариата для завоевания таких условий, при которых кровавые побоища будут и бесполезными и невозможными,— вот лучший памятник убитым на Лене рабочим"[1]. Все номера газеты этих дней переполнены протестами рабочих: Балтийского завода, печатников Яковлева, фабрики Беккера, булочников Охты, завода Осипова и т. д. За протестами петербургских рабочих последовали протесты рабочих провинции, — Харьков, Екатеринослав, Одесса, Ростов-на-Дону и десятки других городов в лице своих рабочих протестовали против кровавой бойни.

Соц.-демократическая фракция внесла запрос правительству, и 11 апреля при его обсуждении министр внутренних дел произнес известные слова: „Так было, так будет впредь".

Как электрические искры, облетели эти слова по всей стране и вызвали бурное движение пролетариата. Все крупнейшие города, начиная от Петербурга, увидели снова взрыв рабочего

[1] М. Ольминский. „Из эпохи «Звезды» и «Правды»", стр. 25.

движения: Харьков, Екатеринослав, Киев, Ростов-на-Дону, Донецкий бассейн, Варшава, Белосток, Одесса, Херсон, Баку и т. д. явились свидетелями забастовок и демонстраций. В Петербурге пришли в движение не только рабочие, к ним примкнула учащаяся молодежь, и в демонстрациях 15 апреля 1912 г. снова выявилась та глубокая ненависть, какую питали к самодержавию не только рабочие, но и наиболее революционные слои мелкой буржуазии. Некоторые сравнивают движение после ленского расстрела по своему духу протеста с тем движением, которое последовало после 9 января [1]; это, конечно, неверно, — ибо в то время, как после 9 января пролетариат, потерявший веру в царя, долго не мог оправиться от растерянности и только постепенно пришел к соц.-демократии, после 4 апреля движение сразу же выступило под руководством соц.-демократии и с протестом против самодержавия. После 9 января пролетариат бастовал чисто стихийно и только постепенно отбрасывал недоверие к соц.-демократии, в 1912 году после 4 апреля пролетариат свое сознательное выступление на улице сопровождал в высшей степени сознательным протестом на страницах своей газеты.

Очень большое значение „Звезда" имела в деле создания газеты „Правды".

Мысль о своей рабочей газете возникла в рабочих кругах еще в 1911 году. Вопрос этот обсуждался на собраниях, кружках, среди разных групп рабочих. В то же время возникала мысль и о постройке „Дворца рабочих" на деньги, собранные с рабочих. В декабре 1911 года уже стали поступать пожертвования на такой дворец. В связи с этим в „Звезде" появилось письмо Л. Германова: „Рабочий дом или рабочая газета". В этой статье проводилась та мысль, что лучшим организационным средством является газета. В другой статье Н. Батурина, напечатанной в № 1 „Звезды" за 1912 г., вопрос ставился уже более определенно и ясно: здесь указывалось, что нужна рабочая газета, а не газета для рабочих и, что самое главное, что газета должна быть партийной, большевистской. Эти статьи нашли горячий отклик в рабочей среде: в газету стали поступать сначала статьи рабочих, а затем и пожертвования. В статьях говорилось о том, что газета должна быть марксистская и последовательно демократическая, что означало на тогдашнем подцензурном языке — большевистская. Пожертвования особенно усилились в Ленские дни и достигли суммы 4.000 рублей. 10 апреля было объявлено в „Звезде" о выходе 15 апреля ежедневной рабочей газеты, а 12 апреля объявлена и подписка на „Правду"; 22 апреля вышел, наконец, первый номер „Правды". Эта газета под разными названиями существовала с 22 апреля 1912 года по 8 июля 1914 года. „Правда" была закрыта 5 июля 1913 года, на 440-ой день своего существования; 13 июля 1913 года вышла „Рабочая

[1] Ольминский „Из эпохи „Звезды" и „Правды", стр. 28.

Правда" и закрылась 1 августа того же года (вышло 17 номеров); 1 августа вышла „Северная Правда", закрылась 7 сентября на 31 номере; 11 сентября 1913 года появилось продолжение „Северной Правды" — „Правда Труда", которая закрылась 9 октября (на 20 номере); вслед за нею 1 октября вышла газета „За правду", закрытая на 51 номере 4 декабря; 7 декабря 1913 года вышла „Пролетарская Правда", закрытая 21 января 1914 г. на 16 номере; эту газету сменила новая „Путь Правды" (вышла 22 января 1914 г. и закрыта 20 мая того же года на 91 номере). На смену „Пути Правды" явилась газета „Рабочий" (вышла 22 мая 1914 г.), которая вышла в 5 или 6 номерах, вскоре была превращена в еженедельный журнал, а газета стала выходить под названием „Трудовая Правда". Эта газета и была закрыта накануне войны, 8 июля 1914 года, на 35 номере.

Уже из этого перечня видно, какие тернии на своем пути встретила рабочая газета. За два слишком года газета переменила девять названий, но ведь вместе с этой переменой названий шли и сопутствующие им репрессии; только за год с 22 апреля 1912 по 22 апреля 1913 г., когда праздновался годовой юбилей рабочей газеты, в газете „Путь Правды" дан подсчет этим репрессиям. Из 270 номеров подверглись преследованию 116, штрафы выразились в сумме 7.800 рублей, было возбуждено 36 дел в суде против редакторов, которые отсидели за этот год 47 с половиной месяцев в тюрьме. Но о силе репрессий нельзя судить только по этим цифрам: преследовались газетчики, подписчики, корреспонденты и сотрудники „Правды". Самая доставка газеты была сопряжена с большими затруднениями, так что в провинции пришлось строить специальные организации для получения и распространения газеты. И за всем тем газета „Правда", по справедливости, составила целую особую эпоху в истории русского рабочего движения.

5. Организационное значение „Правды".

Действительно, „Правда" явилась величайшим организационным фактором 1912—1914 г.г. Прежде всего, эта газета стала центром всех политических кампаний революционного пролетариата: выборов в IV Государственную Думу, борьбы большевистской части фракции в Думе с меньшевистской ее частью, политических забастовок и вообще борьбы революционной соц.-демократии с ликвидаторами.

Без „Правды", можно смело сказать, большевикам не удалось бы провести в провинции своих рабочих-большевиков в Думу. В провинции, как, например, в Харькове, Екатеринославе, на Урале, в Поволжье, „Правда" была той газетой, где рабочие массы находили и нашу платформу, и критику платформ враждебных нам партий, и обсуждение кандидатур, и разъяснение

избирательного закона. В Харькове, например, это значение „Правды“ было чрезвычайно велико: никакая нелегальная газета не могла заменить легальной газеты, которую открыто распространяли по заводам и фабрикам и где рабочие находили ответы на все волновавшие их вопросы [1].

Выборы в Думу были обставлены неисчислимыми рогатками: уполномоченные выборные по заводам на своих собраниях выбирали выборщиков, которые уже шли на губернские съезды, где помещики и буржуа выбирали из их среды угодного и, конечно, самого приемлемого для них рабочего. Так как на страницах „Правды“ удалось провести широкую разъяснительную кампанию, то наши нелегальные организации довольно легко провели почти всех своих в уполномоченные, так что подавляющее большинство выборщиков были с.-д. большевики, которые, подчиняясь партийной дисциплине, как скоро кого-нибудь из них намечали в члены Думы представители помещиков, снимали свои кандидатуры, и в Думу проходил тот, кого намечала организация. Таким образом в Думу от рабочей курии прошли от Петербургской губернии — А. Е. Бадаев, от Московской — Р. В. Малиновский, от Харьковской — М. К. Муранов, от Екатеринославской — Г. И. Петровский, от Владимирской — Ф. Н. Самойлов и от Костромской — Н. Р. Шагов.

Это было колоссальной победой большевиков, показавшей всем, что именно они, а не какая-либо другая партия, господствуют среди рабочего класса.

В деле борьбы за рабочую курию при выборах в Думу „Правда“ являлась верной выразительницей директив нашего заграничного центра. Еще летом 1911 года заграничный центр прислал агента, который объехал русские организации, приглашая их на большевистскую конференцию. После неудачной попытки пленума ЦК в 1910 году, нужда в такой конференции сделалась настоятельной. Подъем рабочего движения указывал на самую жгучую необходимость санкционировать тот раскол, который уже давно создал две партии.

6. Конференция большевиков в Праге (январь 1912 г.).

Конференцию, однако, удалось создать лишь только в январе 1912 года. Она собралась в Праге. Как совершенно правильно заметил т. Зиновьев, Пражская конференция взяла на себя смелость провозгласить себя партией, что предвидел Плеханов, который, получив приглашение на конференцию, не явился и сторонники которого на конференции были. На конференции присутствовало 15 делегатов с решающим голосом от Петербурга, Москвы, организаций центрально-промышленной области, Киева, Екатери-

[1] См. статьи В. Невского во втором сборн. „Из эпохи «Звезды» и «Правды»“.

нослава. Николаева, Баку, Тифлиса, Саратова, Казани, Вильны и Двинска.

Присутствовали на конференции и члены Гос. Думы — большевик и меньшевик. С совещательным голосом на конференции были: делегат от ЦО („Социал-Демократа"), делегат рабочей газеты, издававшейся за границей, делегат „Комитета заграничных организаций", органа, образованного для объединения всех с.-д. партийцев, и представитель транспортной группы.

Представители группы „Вперед", „Правды" Троцкого и „Дневника Соц.-Демократа" Плеханова не прибыли. Национальные с.-д. организации своих представителей на конференцию также не прислали.

Тем не менее, эта конференция со времени Лондонского съезда, пожалуй, была наиболее полная с.-д. конференция; большевики констатировали (в резолюции „о конституировании конференции"), что свыше 20 организаций объединены конференцией, именно — Петербурга, Москвы, Саратова, Казани, Самары, Нижнего, Сормова, Ростова, Екатеринослава, Киева, Николаева, Луганска, Баку, Тифлиса, Вильны, Двинска, Екатеринбурга, Уфы и Тюмени. От некоторых организаций делегаты не явились просто по „независящим обстоятельствам" (например, от Харькова)[1].

Отчеты с мест показали, что повсюду в перечисленных пунктах большевистское течение с.-д. среди рабочих либо преобладает, либо находится на пути к победе. В резолюции по текущему моменту конференция, давая оценку столыпинской реформе и условиям, вызвавшим подъем рабочего движения, подчеркивала три главнейшие задачи: борьбу за нелегальные организации, задачу социалистического воспитания рабочих масс и необходимость расширения широкой социалистической агитации.

По вопросу о выборах в Думу конференция, считая главной задачей участия в выборах социалистическую классовую пропаганду и организацию масс, главными избирательными лозунгами выдвинула: демократическую республику, 8-часовой рабочий день и конфискацию всей помещичьей земли. Основным принципом своей избирательной платформы конференция на всех стадиях выставила самостоятельность с.-д. кандидатур с допущением соглашений лишь на вторых стадиях и вообще в тех случаях, когда могла грозить черносотенная опасность (все это довольно подробно определено в резолюции, раздел II)[2]. В третьем разделе резолюции говорилось о подготовке к избирательной кампании (образование нелегальных избирательных ячеек, расширение легальной работы, работа с.-д. в печати и т. п.).

В резолюции о работе думской фракции конференция констатировала правильность взятой в общем фракцией линии и намечала путь работы будущей фракции, подчеркивая, что лозунги демо-

---

[1] Харьковский делегат (В. Невский) был арестован в дороге.

[2] См. „РКП (б) в резолюциях ее съездов и конф.", стр. 96—97.

кратической республики, 8-часового рабочего дня и конфискации земли должны стать лозунгами ее практической работы.

Не менее важными резолюциями были и резолюции о характере и организационных формах партийной работы, о государственном страховании, о ликвидаторстве и о группе ликвидаторов. Если в двух первых из только что названных резолюций намечались линии партийной работы во всех областях борьбы рабочих, то в последней как бы подводился итог борьбе с ликвидаторством, сторонники которого во главе с их органом „Наша Заря“ и „Дело Жизни“ объявлялись вне партии.

„Рабочую Газету“, незадолго до этого основанную за границей, конференция признала органом ЦК. ЦК и наравне с ним Комитет заграничных организаций были признаны официальными центрами партии, и все организации и с.-д., не признающие их, тем самым считаются выбывшими из партии.

Соглашение с „Правдой“ Троцкого, заключенное на пленуме ЦК в 1910 году, было отменено.

Таким образом конференция 1912 года явилась (во второй раз в истории соц.-демократии) началом образования отдельной партии большевиков.

Троцкий со своей „Правдой“, Бунд, латышские с.-д. и меньшевики Кавказа созвали свою конференцию в августе 1912 года. В этой конференции приняли участие и группа Мартова и Дана (левее ликвидаторов) и самые настоящие ликвидаторы (петербургские). Не подлежит ни малейшему сомнению, что этот августовский блок носил ликвидаторский характер. Об этом можно судить по тому, что вскоре из него вышли латыши, а затем — и группа Троцкого. Оставшиеся в блоке элементы организовали в Петербурге ликвидаторскую газету „Луч“, а группа Троцкого — свой орган „Борьбу“.

7. Борьба „Правды“ за партию.

Развернувшаяся вскоре после открытия IV Думы борьба во фракции показала истинно-ликвидаторскую сущность и „Луча“ и части фракции, идущей за ликвидаторами.

Меньшевиков членов Думы оказалось 6 человек, когда же приехал из Иркутска Маньков, то и его, несмотря на сомнительный характер его марксизма, меньшевики зачислили в свою фракцию. Кроме того, меньшевики причислили к фракции и депутата Ягелло, противника польских с.-д. Таким путем в думской фракции против шести большевиков получилось восемь меньшевиков. Тогда началось наступление этой восьмерки против шести большевиков. Дело началось с вопроса об единой газете. Депутаты Петровский, Бадаев, Самойлов и Шагов, неосторожно давшие свое согласие участвовать в „Луче“, вскоре, убедившись в ликвидаторском характере этой газеты, сняли свои имена из числа

сотрудников этой газеты. Тогда в „Луче", за подписью семи депутатов, появилось обвинение шести депутатов-большевиков в расколе. Так началась борьба двух частей с.-д. думской фракции, которая была вынесена на суд рабочих и которая окончилась разделением с.-д. фракции на две части: большевистскую с.-д. фракцию — 6 депутатов и меньшевистскую с.-д. рабочую фракцию — 7 депутатов.

Суть этой борьбы была ясна для всех рабочих: это было легальное отражение в Думе той борьбы, какую в подполье вели большевики с ликвидаторами. Ликвидаторы и 7 депутатов Думы, начавшие борьбу из-за того, что будто бы 6 депутатов-большевиков не хотели объединения газеты „Правды" и „Луча", в сущности боролись за уничтожение нелегальной партии, за господство своего ликвидаторского течения. Суть борьбы хорошо вскрыта обращением шести депутатов к рабочим.

Сказав о подавлении шестерки большевиков семью голосами, шесть депутатов-большевиков заявляют:

„...Это течение (ликвидаторское. *В. Н.*) исключило из избирательной платформы в IV Думу все наши требования и заменило их расплывчатыми, туманными лозунгами — пересмотром аграрных законов III Думы, пересмотром воинского устава, свободой коалиций. Под этим требованием подпишется всякий либерал...". „...Семеро приняли в среду фракции — не-соц.-демократа Ягелло; наконец, семеро с трибуны Думы открыто, от имени всей с.-д. фракции заявили, что боевым лозунгом с.-д. фракции являлся лозунг свободы коалиций...".

„Эти два течения, — говорят шесть депутатов-большевиков о ликвидаторстве и революционной соц.-демократии, — борются в рабочей среде вот уже ряд лет, и, конечно, ни о каком примирении с таким течением не может быть и речи" [1].

Вопрос, стало-быть, заключался совсем не в том, что большевики-депутаты отказывались сделать вместо двух газет одну, а в том, что большевики-депутаты были представителями в Думе той партии, которая боролась за неурезанные лозунги демократической республики, 8-часового рабочего дня и конфискации земли, а меньшевики являлись представителями мелкобуржуазной социалистической партии, выбросившей эти лозунги за борт, заменившей их лозунгом свободы коалиций и шедшей за либеральной буржуазией.

Подавляющее большинство рабочих высказалось за большевистскую шестерку, что видно из многочисленных резолюций, писем, обращений и постановлений заводов столицы и провинции [2]. „Правда" и в этой кампании сыграла огромную роль не только потому, что печатала эти резолюции рабочих, но прежде

---

[1] См. статью Ольминского в 1-ом сборн. „Из эпохи «Звезды» и «Правды»", а также „Памятники агитац. литер.", Спб. Изд. Истпарта. 1922 г.

[2] Там же.

всего потому, что в статьях нашего заграничного центра разъясняла и направляла борьбу шести депутатов против попыток ликвидаторов подчинить себе и всю фракцию и самое газету „Правду".

В политических выступлениях рабочего класса — 1 мая 1912 г., в годовщину ленского расстрела 4 апреля 1913 г., 1 мая того же года, 9 января 1914 г., в марте в связи с массовым отравлением рабочих на петербургских фабриках и заводах и, наконец, в июле 1914 г. во время политической забастовки и избиения путиловских рабочих — во все эти моменты „Правда" также являлась огромным агитационным и организующим моментом движения.

Значение „Правды" прекрасно понимало правительство и своими преследованиями — штрафами, конфискациями, закрытием газеты — доказало это понимание.

Чем же объясняется это огромное значение „Правды"?

Прежде всего, конечно, тем, что руководителями газеты были, во-первых, наш заграничный центр и, стало-быть, Ленин и, во-вторых, что фактическими выполнителями директив центра оказались также наиболее опытные и выдержанные наши большевистские литераторы (М. С. Ольминский прежде всего). Им удалось сплотить вокруг газеты не только ближайший кадр сотрудников (С. С. Данилов, К. С. Еремеев, В. М. Скрябин, Ф. Ф. Ильин, К. Н. Самойлова), но привлечь почти всех большевиков, рассеянных по разным углам страны [1].

8. Характер газеты „Правда" и ее значение в истории партии.

Но все это не могло бы создать из „Правды" той колоссальной силы, какой она была. Этой силой „Правду" сделали сами рабочие, сама масса, превратив газету в соц.-демократическую рабочую газету. Это видно прежде всего из того, на чьи деньги существовала „Правда" по сравнению с ликвидаторским „Лучом" и вообще ликвидаторскими газетами (см. табл. на стр. 371).

Подавляющее большинство сборов для рабочих газет вообще шло на большевистские газеты.

Далее, в „Правде" выдающееся место занимали корреспонденции с мест. Вот некоторые цифры, рисующие эту сторону дела.

За первый год существования в „Правде" было помещено корреспонденций о забастовках по Петербургу: у металлистов—450, у текстильщиков—140, у золото-серебренников, бронзировщиков и ювелиров — 203, у булочников — 115, у портных — 79, у деревообделочников — 142, в других производствах — 427; в провинции:

---

[1] См. список сотрудников „Правды" в 3-м выпуске сборн. „Из эпохи «Звезды» и «Правды»".

из северного района — 33, центрального — 92, южного — 109, Кавказа, Поволожья, Польши — 49, Прибалтийского края — 73, западной России — 41, Урала и Сибири — 43 и Дальнего Востока — 6.

Положению женщин-работниц уделено 155 корреспонденций, детскому труду — 75, профессиональному движению — 194, кооперативам — 14.

Сборы от рабочих групп за 1913 год.

Правдистские издан. в Спб.	Правдистские издан. в Москве.	Всего.	
		У большевиков.	У ликвидаторов.
2.181	390	2.571	661
В 1912 и 1913 годах:			
2.801	395	3.196	750

Из 1.335 статей — борьбе рабочих с капиталом уделено 226, страховой рабочей кампании — 80, организационному вопросу — 48, фабричной инспекции — 11, выборам в Гос. Думу — 141, самой Думе и Государственному Совету — 55, думской с.-д. фракции — 11, полемике с либералами и октябристами — 137 и ликвидаторству — 52.

О чем же говорили все эти корреспонденции и статьи? Они говорили о положении рабочего и его борьбе. Мало того, они, эти маленькие корреспонденции, часто написанные корявой рукой рабочего, являлись обличением всех преступлений и эксплуатации, какую испытывали все угнетенные.

„Правда" была не только партийной большевистской легальной газетой, она была и рабочим органом политического обличения врагов рабочего класса: каждый член партии и, больше того, каждый беспартийный рабочий знал, что нет такого авторитета — начальства, зарвавшегося хозяина, мастера, директора, товарища, партийного деятеля, — неправильные поступки которого нельзя было бы раскрыть, обличить, осмеять в „Правде".

В газете „Правда“ с каждой ее страницы говорила правда жизни, правда борьбы пролетариата. Вот почему так любили газету „Правда“ рабочие; вот почему сами рабочие все больше и больше начинали писать в газете.

„Правду“ нельзя сравнить ни с одним из органов, существовавших и существующих теперь в нашей партии.

С „Искрой“ ее нельзя сравнить потому, что „Искра“ была, несмотря на свое колоссальное значение, нелегальной газетой; с теперешней „Правдой“ или любой другой газетой ее нельзя сравнить потому, что, будучи легальной газетой, „Правда“ эпохи 1912—14 годов существовала в условиях самодержавного режима и явилась порождением не только партии, но и массового рабочего движения: она была ЦО нашей партии и вместе с тем являлась органом, направлявшим всю жизнь наших организаций; она была партийным органом и вместе с тем рабочей газетой в истинном смысле этого слова.

От нее, если можно так выразиться, исходили не только лучи могучей теории, претворявшейся в практику, от нее пахло гарью машинного масла, потом рабочего; во всех статьях слышались стоны и слезы обездоленных, и истинным гневом восстания дышали их призывы и лозунги.

Рабочий писатель, — поэт, беллетрист, хроникер, корреспондент, — тоже явление, особенно тесно связанное с „Правдой“. „Правда“ как-то сразу до осязательности ясно показала, как много свежих сил и способностей заложено в рабочем классе, — рабочий писатель до известной степени и помог „Правде“ стать могучей силой рабочего движения.

Богатая содержанием эпоха „Правды“ характеризуется не только теми чертами, какие отмечены выше. Использование легальных возможностей не ограничилось изданием „Звезды“ и „Правды“. Кроме газет, большевикам удалось поставить издание журналов „Мысль“ и „Просвещение“.

9. „Просвещение“.

Идея издания „Просвещения“, как и об издании „Мысли“, возникла в большевистском центре за границей. Журнал существовал с декабря 1911 г. по июнь 1914 г. Редактором журнала был М. А. Савельев, к редакционной группе принадлежали А. И. Елизарова, Л. М. Михайлов и др., но, вне всякого сомнения, руководящим редакционным центром был все тот же наш заграничный центр. В журнале принимали участие Н. И. Бухарин, В. Воровский, Н. Крупская, Д. Рязанов, А. Шляпников, А. Шотман, М. С. Ольминский, С. М. Закс (Гладнев), Б. Г. Данский (К. Комаровский) и множество других большевиков. Руководящие статьи принадлежали перу Ленина, Зиновьева и Каменева.

„Просвещение“ являлось, так сказать, теоретическим органом партии, дополняя „Правду“, которая вся дышала повседневной массовой борьбой пролетариата. Но, будучи теоретическим органом партии, „Просвещение“ не являлось недоступным для передовых рабочих журналом; наоборот, все статьи „Просвещения“, даже самые отвлеченные, были изложены доступным языком и, главное, посвящены таким вопросам теории, которые упирались своим острием в проблемы текущего момента.

Кроме „Просвещения“ большевики издавали журнал, специально посвященный женскому движению работниц — „Работница“, вышедший 23 февраля и закрытый на седьмом номере 26 июня 1914 года.

В Москве также удалось поставить большевистскую газету „Наш Путь“. Ей удалось, однако, просуществовать недолго — с 25 августа по 12 сентября 1913 г., когда правительство закрыло газету. Вскоре после закрытия „Нашего Пути“ был арестован и тот большевистский центр, который являлся душой газеты — В. Н. Максимовский, В. В. Оболенский, Н. Н. Яковлев и др.

10. Значение „Звезды“ и „Правды“ в страховой кампании.

Большое значение в эпоху „Звезды“ и „Правды“ имела работа с.-д. и в особенности большевиков в области страхования рабочих.

Законы о страховании рабочих увидели свет только 23 июня 1912 года, хотя и являлись завоеванием первой русской революции. Реакция задержала их опубликование, а, обнародовав их, так исказила, что рабочие в насмешку называли их законами о страховании предпринимателей от рабочих.

Первым большим пороком этих законов являлось то, что средства для страхования брались в львиной доле с рабочих. Затем их действие охватывало только 20% всего фабрично-заводского пролетариата; далее, закон вводил только страхование от болезней и увечья, не касаясь ни старости, ни безработицы, ни инвалидности.

Но, за всем тем, гибкая и умелая тактика революционной соц.-демократии и это произведение буржуазно-классового законодательного творчества использовала в целях поднятия самосознания рабочих и укрепления их классовой организации.

Прежде всего началась вообще борьба за свободу страхования, так как закон отдавал все страхование в руки капиталистов, а полиция, не допуская собраний рабочих, препятствовала рабочим взять это дело в свои руки. По закону, в страховые присутствия по губерниям и в центральный Страховой Совет рабочие входили в ничтожном меньшинстве: в первые — в количестве менее седьмой, а во второй — менее пятой части всех членов. Капиталисты, однако, боялись и этого и при составлении

страховых органов пытались прямо назначать угодных им рабочих. Сначала и в более отсталых производствах это им удавалось, но скоро под влиянием партии рабочие просто отказывались от назначения их в страховые органы, и таким образом проходили только намеченные партией кандидаты.

Упорной борьбой — в прессе, на собраниях, стачками — рабочие отстаивали свободу собраний и выборов в страховые учреждения. Не помогали ни разгон собраний, ни аресты, ни расчеты, ни высылки; менее, чем через год, соц.-демократы стояли твердой ногой и в страховых учреждениях.

Самое несовершенство закона использовала нелегальная партия. Пользуясь теми статьями закона, которые разрешали мелким кассам объединяться в общегородские, с.-д. начали кампанию за создание крупных касс, равно как подняли борьбу и за передачу медицинской помощи в руки рабочих. Не помогло правительству и новое изменение закона, в силу которого образование больничных касс разрешено было открывать в наиболее отсталых районах. Рабочие упорно добивались своего. Аресты, высылки, забастовки протеста и запросы нашей фракции в Думе — вот те явления, какие сопровождали страховую кампанию. Движение, однако, росло, и уже в сентябре 1913 г. вокруг 1.594 больничных касс объединилось 1.177.000 участников, организаторами и руководителями которых являлись соц.-демократы. Эта огромная армия целиком поддерживала революционную соц.-демократию, и поэтому, когда в связи с выборами уполномоченных в Страховой Совет, назначенными на 22 и 29 декабря 1913 г., начались разгоны предвыборных собраний, аресты уполномоченных и руководителей, возбуждение рабочих достигло такого состояния, что готово было вылиться в большое движение. Выборы были отложены на 2 марта 1914 г., но, несмотря на это, подавляющее большинство уполномоченных оказалось большевиками.

Рабочая группа Страхового Совета работала всецело под руководством наших большевистских центров. Страховое движение разрасталось и к лету 1914 г. слилось с общерабочим движением, вылившимся в грандиозные июльские забастовки. Почему же и здесь, и в этой области легальной борьбы, где меньшевики, казалось бы, должны были быть хозяевами, большевики, а не кто другой, остались победителями?

Потому, что и здесь до мельчайших подробностей сказались две тактики — революционная и оппортунистическая. Большевики в своей резолюции на конференции в Праге и в дальнейших принципиальных постановлениях исходили из того положения, что и борьба за более совершенные страховые законы есть только часть общей политической борьбы рабочего класса. Поэтому большевики постоянно связывали страховую кампанию с общей политической борьбой, а на практике выдвигали максимальные страховые требования — общегородские больничные кассы, как

средство объединения больших рабочих масс, и единый страховой закон, включающий все страховые рабочие требования.

Меньшевики и здесь проводили умеренную соглашательскую политику, отстаивая частичные улучшения плохого закона 1912 г. Замечательно то, что меньшевики в отношении страховых журналов повторили ту же ошибку, что и с „Правдой". Как там они требовали объединения „Луча" и „Правды", так и здесь они выставили лозунг слияния своего журнала „Страхование Рабочих" (основанного в конце 1912 г.) с журналом большевиков „Вопросы страхования", организованного депутатами Думы большевиками в 1913 г. (в октябре). Но и здесь меньшевики потерпели поражение, как и в борьбе с „Правдой".

Лучшим свидетельством только-что сказанного являются слова лидера меньшевиков Ю. О. Мартова, писавшего одному из своих друзей следующее по поводу меньшевистской газеты „Невский Голос" и по поводу „Звезды": „Новости, нами получаемые, также невеселы. Все более похоже, что «Невский Голос» закроется, и этот финал опять будет свидетельствовать о том, что чего-то все-таки не хватает в нашем меньшевистском «хозяйстве». Газета успела не только исправиться от первоначальных недостатков, но и стать превосходным органом рабочего движения. Рядом с ней «Звезда» может даже у рядовых пролетариев вызывать только чувство презрения и скуки. И все же «Звезда» держится и не только темными деньгами, а наша газета гибнет, не встречая активной поддержки ни моральной, ни материальной за пределами нескольких кружков. Сопоставление денег, собранных (для передачи в думскую фракцию) в пользу голодающих и ленцев через нашу газету и через «Звезду», наводит на убийственные размышления. Значит, читатель «Звезды» не только ее «почитывает» или употребляет на цыгарки, но и помогает ей сборами на фабриках и т. д.; наш читатель, вероятно, вычитывает из газеты то, что ему нужно для его индивидуальной деятельности в рабочей среде — и о газете не думает; в лучшем случае говорит о необходимости истинно-пролетарской газеты и рабочего издательства" [1].

Более убийственного приговора не произнес бы над меньшевиками их злейший враг: дело в том, что самым большим недостатком меньшевистского „хозяйства" было отсутствие революционного духа Марксова учения.

Руководство страховой кампанией, как и всеми другими проявлениями партийной жизни и борьбы пролетариата, попрежнему находилось в руках нашего большевистского центра, который с 1912 года переезжает в Краков, откуда ближе и удобнее было руководить русским движением. Во главе этого центра стоит В. И. Ленин.

---

[1] „Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова", стр. 243, письмо от 27 июля 1912 г.

11. Совещания ЦК с партийными работниками (декабрь 1912 и сентябрь 1913 г.).

Из фактов партийной жизни этого последнего периода необходимо назвать два совещания ЦК с партийными работниками — декабрьское совещание 1912 г. и сентябрьское 1913 года.

На первом из этих совещаний были представители нелегальных организаций Петербурга, Москвы, Центральной Промышленной области, Урала и Кавказа.

Совещание имело 11 заседаний и вынесло резолюции по важнейшим вопросам момента: 1) о революционном подъеме, стачках и задачах партии, 2) строительстве нелегальной организации, 3) думской с.-д. фракции, 4) партийной прессе, 5) страховой кампании, 6) отношении к ликвидаторству и 7) о национальных организациях.

Сентябрьское совещание (началось 25 сентября в мест. Поронине в Галиции) тоже в большинстве своем состояло из нелегальных представителей наших подпольных организаций Петербурга, Москвы, Центральной Промышленной области, юга, Урала и Польши.

Совещание, продолжавшееся 9 дней, имело 18 заседаний и высказалось: 1) о задачах агитации в настоящий момент, 2) по организационному вопросу и о партийном съезде, о стачечном движении, о партийной печати, о думской работе с.-д., о думской с.-д. фракции, о работе в легальных обществах, о национальном вопросе и о народниках.

Этими совещаниями, заменявшими отчасти общероссийские партийные конференции, и заключается эпоха „Звезды" и „Правды".

Литература к четырнадцатой главе:

1. „Из эпохи «Звезды» и «Правды»", сб. I, II и III.
2. Собр. соч. *В. И. Ленина*, т.т. XI, XII и XIII.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Восьмой период истории русской соц.-демократии (1914—1917 г.г.) и пятый период истории большевизма. Партия во время империалистской войны. Подготовка Февральской революции и предпосылки образования РКП (б).

1. Стачечное движение 1914—1916 г.г.

Еще не улеглась буря июльских стачек, как вдруг грянул гром мировой войны: 19 июля 1914 года была объявлена всеобщая мобилизация во всей Европейской России. Одновременно с объявлением мобилизации, Петербург и другие виднейшие промышленные пункты (а также железные дороги) были объявлены на военном положении. Было бы, однако, неправильным думать, что с объявлением войны вовсе прекратилось рабочее массовое движение. Даже в 1914 году, в первые месяцы войны, стачки происходили, а уже в 1915 году, начиная с января, стачечное движение, по сравнению с январем 1914 года, начинает расти и в 1916 году захватывает уже более миллиона рабочих.

Действительно, вот число стачек и их участников (по месяцам) в 1914 году [1]:

МЕСЯЦЫ.	Число стачек.	В них участв.	ИЗ НИХ:			
			Эконом.	С числом участв.	Полит.	С числом участв.
Август	24	24.688	22	22.738	2	1.950
Сентябрь .	10	4.661	10	4.661	—	—
Октябрь	9	1.153	9	1.153	—	—
Ноябрь . . .	16	2.646	11	1.751	5	895
Декабрь	9	1.604	9	1.604	—	—

[1] „Архив истории труда в России“ за 1923 г., кн. 8. С. Вознесенский— „Стач. борьба раб. в 1870—1917 г.г.“, стр. 172.

Число стачек в 1915 и 1916 годах таково:

ГОДЫ.	Число стачек.	В них участв.	ИЗ НИХ:			
			Эконом.	С числом участв.	Полит.	С числом участв.
1915 . . .	928	539.528	715	383.587	213	155.941
1916 . . .	1.410	1.086.374	1.167	743.258	243	343.121

В 1917 году только в январе произошло 267 стачек, с числом бастовавших рабочих в 232.025 ч. [1].

Эти цифры лучше всяких рассуждений говорят о том, что даже во время империалистской войны рабочее движение не только существовало, но с каждым годом и месяцем росло, при чем росло и число политических стачек и число участвовавших в этих стачках.

2. Война и отношение к ней второго Интернационала.

Мало того, только пролетариат в передовых слоях своих не поддался шовинистическому угару и, в ответ на патриотические манифестации, пытался устраивать свои рабочие контр-манифестации [2] и демонстрации.

Тем не менее, война произвела на всех ошеломляющее действие. „События,—говорит по этому поводу т. Шляпников,—развивались так быстро, что организованных рабочих застали врасплох. Хотя принципиально все были противниками войны, но сложность ситуации была выше сознательности многих, а потому высказывалось очень много „частных мнений“ [3].

Это ошеломляющее действие войны тем более вносило расстройство в ряды рабочих, что в первые дни мобилизации было взято в войска довольно много рабочих, в числе которых находились и руководители подпольных организаций. Однако, эта растерянность очень скоро прошла, и наши большевистские подпольные организации очень ясно и определенно заняли сразу же интернационалистскую позицию, независимо от того, что эта позиция была занята еще раньше и нашим заграничным центром.

---

[1] С. Вознесенский. „Стачечная борьба раб. в 1870—1917 г.г.“, стр. 172—173.

[2] См. у А. Шляпникова „Канун 17-го года“, ч. I. М. 1923 г., стр. 19—20, а также в „Кр. Лет.“ № 5, за 1922 г., в восп. Кондратьева, стр. 229.

[3] А. Шляпников. „Канун 17-го года“, стр. 21.

Наш заграничный центр, в своем воззвании („Манифест ЦК РС-ДРП") вскоре же после начала войны, высказал свое принципиальное отношение к войне и указал тот единственно революционный путь, на который должна была выйти соц.-демократия.

„Превращение современной империалистской войны,—говорилось в манифесте,—в гражданскую войну — есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высокоразвитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом. Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистической буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму".

Тов. Зиновьев в своей „Истории РКП", вспоминая о появлении в свет этого манифеста, между прочим, говорит: „В этом воззвании мы выдвигали впервые лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Этот лозунг является теперь достоянием широчайших рабочих масс и кажется чем-то само собою понятным; но в то время это было далеко не так, и на нас, в лагере II Интернационала, буквально смотрели, как на зачумленных" [1].

Положение нашего заграничного центра и весьма немногих его единомышленников из числа вождей второго Интернационала (Либкнехта, наприм.) было тем более тяжелым, что все выдающиеся, признанные вожди рабочих всех стран стояли на позиции „защиты отечества", т.-е., попросту говоря, признавали, что и социалисты должны принимать участие вместе с буржуазией в войне, призывая рабочих убивать друг друга во имя барышей капиталистов.

Немецкие соц.-демократы, австрийские и французские социалисты не только просто платонически солидаризировались с буржуазией, но деятельно поддерживали ее, — голосовали за кредиты на войну, призывали рабочих защищать отечество, занимали всякие правительственные должности, входили в состав правительства, словом—превращались в самых заправских слуг буржуазии. Все это делалось во имя „культуры" и социализма.

Такую же оборонческую позицию заняли и русские меньшевики и ликвидаторы. Во главе их шел старейший вождь и основатель русской соц.-демократии Г. В. Плеханов, призывавший русских рабочих сокрушить германский империализм, т.-е. убивать немецких, австрийских и итальянских пролетариев.

---

[1] „История РКП (б)", стр. 204, изд. „Прол.", 1924 г.

Такая тактика вождей второго Интернационала произвела не менее ошеломляющее впечатление, чем сама война. Русские меньшевики и ликвидаторы подняли голову и указывали рабочим, как на пример, достойный подражания, на Плеханова.

3. Отношение к войне русских соц.-демократических организаций.

Как же смотрела на текущие события наша русская подпольная организация, партия большевиков в России?

Прежде всего, необходимо рассеять одно неправильное мнение, именно будто после войны правительству удалось почти до основания смести нашу подпольную организацию. В 1914 году подпольная организация была восстановлена почти во всех крупных центрах и даже сравнительно небольших городах России: действовали не только комитеты и группы, но работал и пропагандистский и агитационный аппарат, издавалась и распространялась соц.-демократическая литература; 9-го января и 1-го мая 1914 года так или иначе откликнулись все наши нелегальные организации [1]. Ядро этих организаций состояло из рабочих, уцелевших от правительственных погромов времен реакции и вышедших на арену политической деятельности в эпоху первой русской революции.

Это были ученики тех профессионалов-революционеров, которые создавали партию еще в эпоху „Искры". Тов. Зиновьев в своей „Истории РКП(б)", рассказывая о Пражской конференции, между прочим говорит: „На ней был представлен новый слой рабочих-большевиков, выросших и созревших политически в полосу контр-революции, идущую, примерно, с 1907 до 1911 г." [2].

Это была стойкая молодежь, полная силы, веры в свое дело и энтузиазма. Она строила организацию в невероятно трудных условиях реакции, и очень часто им приходилось самим, без помощи старых профессионалов-большевиков, вырабатывать тактику своей организации, руководить ею, заниматься агитацией и пропагандой.

Мы уже видели, что от активной революционной работы в эпоху реакции отошли не только попутчики из мелкобуржуазной среды, но даже и некоторые рабочие [3]. Но была огромная разница между теми, кто отходил, придя к пролетариату из чуждой ему среды, и рабочими, которые уходили от движения. Одни, отходя, уходили в свою первоначальную буржуазную среду и тем самым порывали с пролетариатом навсегда и решительно. Другие же рабочие, уходя от революционной работы, оставались все

---

[1] „Памятники агитационной литер.", Спб. 1922 г.
[2] См. „Историю РКП(б)", стр. 193.
[3] См., наприм., у А. Шляпникова—„Канун 17-го года".

в той же рабочей среде, работали все так же на фабрике и заводе и, в большинстве случаев, так или иначе, с партийной организацией были связаны. Поэтому в рабочей среде организационная преемственность сохранялась лучше, дольше, была прочнее.

Нельзя однако сказать, как утверждают некоторые, что от нашей нелегальной организации в эпоху реакции отошли все соц.-демократы большевики из буржуазной среды. Бесспорно, эпоха реакции принесла в этом отношении большие разочарования: многие дрогнули и покинули наши ряды. Но небольшая группа испытанных старых большевиков-интеллигентов по прежнему стояла на своем посту и создавала новую подпольную организацию послевоенного периода. Вокруг этих небольших кадров и выростали новые молодые силы большевиков. Да и весь русский пролетариат, прошедший школу во время героической борьбы в 1905–07 годах, был уже не тот, что в начале столетия. Вот какими чертами описывает петербургских рабочих т. Шляпников, возвратившийся в Россию из-за границы после семилетнего отсутствия:

„...Резко бросалось в глаза отсутствие робости, покорности, которая тогда еще была сильна даже на заводах Питера.

„Чувствовалось, что рабочие значительно выросли индивидуально. Однако, отсутствие профессионального объединения давало себя знать. Внутренние, не писанные, а действительные порядки в мастерских были чрезвычайно разнообразны, менялись не только от одного завода к другому, но были не одинаковы даже между цехами одного и того же завода.

„Предприниматели особенно резко и искусно дробили рабочих по заработку. Рабочие одной и той же мастерской, одной и той же профессии, примерно—токаря, зарабатывали на станках и работах почти одинаковой сложности и точности от 2 и до 6 руб. в день. При этом замечалось любопытное, но ставшее в военное время закономерным, явление, что работы наиболее грубые, не требовавшие большого навыка, как снарядные, давали наибольший заработок“ [1].

4. Большевистская организация в Петербурге в начале войны.

Организация в Петербурге после июльских дней потерпела большой урон, но, несмотря на это, она очень скоро оправилась силами самих рабочих, особенно молодежи, вышколенной реакцией. В различных районах возникают нелегальные кружки, которые ищут связи с Петербургским комитетом РС-ДРП (б), самостоятельно заводят связи с другими районами, издают литературу.

Об одной такой попытке рассказывает т. Кондратьев в своих воспоминаниях.

[1] А. Шляпников. „Канун 17-го года“, ч. I, стр. 6.

Вскоре после начала войны и разгрома наших нелегальных организаций, группе рабочих и интеллигентов удалось организовать кружок рабочих-слушателей Лиговского народного дома. Этот кружок быстро связался с другими районами (печатниками, железнодорожниками и т. д.), так что к началу ноября существовало 10—12 группок с 120 членами. Этому довольно сильному кружку удалось даже выпустить номер журнала „Рабочий Голос“ [1]. Такие нелегальные группки существовали во всех районах, но Петербургский комитет, за отсутствием сил, не в состоянии был как следует охватить работу всех этих групп.

Однако, идейное влияние Петербургского комитета было огромно, и все маленькие подпольные районные группки тянулись к ПК, как к своему естественному центру.

Какова же была тактика ПК в этот ответственный и трудный момент?

В прокламации, написанной Шляпниковым и выпущенной еще до начала занятий Гос. Думы, ясно и определенно указывались причины войны и вскрывались классовые вожделения руководителей государственного корабля и буржуазии. В ответ на призыв царей и буржуазии убивать немецких рабочих ПК предлагал начать войну против своих угнетателей.

„Да здравствует мировая рабочая солидарность!—говорилось в прокламации. — Да здравствует Учредительное Собрание, могущее дать крестьянам всю землю и рабочему люду свободу бороться за лучший мир! Долой войну, долой царское правительство! Да здравствует революция! Амнистия всем мученикам свободы! Да здравствует национальное равенство!“ [2]

Среди всеобщего разгула шовинизма этот листок да декларация нашей думской соц.-демократической фракции, высказавшейся против войны, были тем голосом протеста, который исходил от имени рабочего класса. Меньшевики и даже некоторые большевики оказались оборонцами, в особенности после того, как в Петербурге получилась телеграмма Вандервельде, вступившего в клерикальное министерство бельгийского короля.

В ответ на эту телеграмму, приглашавшую русских рабочих поддержать западно-европейскую демократию в борьбе с германским империализмом, русские соц.-демократы большевики указывали Вандервельде, что они, учитывая все реакционное значение возможной победы прусского милитаризма, не могут закрывать глаза на контр-революционный азиатский деспотизм русского правительства. Указав затем на тот режим насилия, который особенно усилился во время войны и направлен именно против рабочих, ЦК нашей партии заявил, что перед русским пролетариатом и во время войны прежде всего стоит вопрос о борьбе с самодержавием за лозунги, выдвинутые пролетариатом в 1905 г.

---

[1] „Красная Летопись“ за 1923 г., № 5, стр. 232.

[2] А. Шляпников. „Канун 17-го года“, стр. 29.

„Нашим очередным лозунгом остается созыв Учредительного Собрания", говорилось в этом ответе. Именно потому, что победа самодержавия в этой войне только усилила бы мощь русского правительства, как контр-революционной силы, направленной против общеевропейской демократии, именно поэтому, как раз в интересах демократии, русский пролетариат, пользуясь затруднительным положением самодержавия, будет еще энергичней вести против него борьбу. „Только таким путем мы сослужим действительную службу и русскому рабочему классу, и всемирной демократии, и социалистическому интернационалу, роль которого, по нашему глубокому убеждению, должна в ближайшем будущем, при подведении итогов этой ужасной войны, неизбежно возрасти, так как эта война непременно откроет глаза отсталым слоям трудящихся масс и заставит их искать спасения от ужасов милитаризма и капитализма единственно в осуществлении нашего общего социалистического идеала" [1].

На эту же телеграмму Вандервельде меньшевики отвечали в духе самого беззастенчивого шовинизма. Сказав об ужасах, творящихся в России, меньшевики заявляли: „Но, несмотря на наличность всех этих условий, имея в виду международное значение общеевропейского конфликта, как и активное участие в нем социалистов передовых стран, дающее основание надеяться, что он разрешится в интересах международного социализма, мы заявляем вам, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне".

„Перед лицом того, что происходит вокруг РС-ДР фракции,—писал по этому поводу Зиновьев,—перепечатанное выше кредо ликвидаторов ложится особенно тяжелым позором на все их направление" [2].

5. Суд над большевистской думской фракцией.

А с нашей фракцией, т.-е. с пятью депутатами-большевиками, оставшимися после обнаружения предательства Малиновского,— Мурановым, Петровским, Бадаевым, Самойловым и Шаговым,— происходило вот что: четвертого ноября вблизи Петербурга открылось совещание, созванное ЦК партии. На этом совещании присутствовали член ЦК Каменев, а также пять наших депутатов. Полиция, следившая за депутатами, установила место и время заседания и арестовала всех присутствующих; депутаты, сначала отпущенные, были вскоре арестованы, о чем и оповестил Думу министр юстиции (8 ноября 1914 г.).

Самодержавие очень быстро состряпало протест об измене депутатов, и в феврале депутаты и Каменев предстали перед

---

[1] А. Шляпников. „Канун 17-го года", ч. I, стр. 41.
[2] „Против течения". Петр. 1918 г., стр. 21.

царским судом. Все депутаты и Каменев получили по приговору ссылку на поселение в Сибирь. Ленин так расценивал суд над нашей фракцией: „Во-первых,—говорил он,—он показал недостаточную твердость на суде данного передового отряда революционной соц.-демократии России. Подсудимые преследовали цель затруднить прокурору раскрытие того, кто был членом ЦК в России и представителем партии в известных сношениях ее с рабочими организациями. Эта цель достигнута. Для достижения ее и впредь должен быть применяем на суде давно и официально рекомендованный партией прием — отказ от показаний. Но стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, как делал т. Розенфельд, или свое несогласие с ЦК— есть прием неправильный и с точки зрения революционного соц.-демократа недопустимый“ [1].

Впрочем Ленин, осуждая Каменева за его попытки оправдать себя хотя бы и мнимой солидаризацией с оборонцем Иорданским, с величайшей похвалой отзывался о поведении Муранова, безбоязненно смотревшего в глаза смерти (депутатам грозила смертная казнь) и мужественно говорившего о том, что цель его работы среди пролетариата была агитация против войны и свержение самодержавия.

„Спуститься ниже—помочь просветить и объединить эксплуатируемых и угнетенных — вот какой лозунг выдвинут образами Муранова и Петровского“, говорит Ленин и указывает, что „правдистские газеты и работа «мурановского типа» создали единство $^4/_5$ сознательных рабочих России“ [2].

Ленин подчеркивает, что материалом для конференции являлись „тезисы“ ЦК и „Социал-Демократа“ и что никаких других тенденций в рабочем классе России, как заметных течений, не выявилось. Факты говорят, что первые же месяцы после войны сознательный авангард рабочих России на деле сплотился вокруг ЦК и ЦО.

Правда, массовой забастовки по поводу ареста депутатов не было; бастовало по всей России в феврале 1915 г. по политическим причинам всего лишь 3.498 чел., в марте тоже немногим более (4.959 чел.) [3]. Но это объясняется очень просто: ПК еще не успел оправиться от летних погромов, да и погромы перед годовщиной 9-го января, 4-го апреля (женский день) и перед первым мая были очень велики.

„Первый состав Петербургского к-та был весьма малочислен, объединял около четырех районных организаций или групп, существовавших на правах района“ [4]. Так говорит И. Кондратьев

---

[1] В. И. Ленин. „Что доказал суд над с.-д. фракцией“. „Против течения“, стр. 69—70. Тов. Розенфельд—Л. Б. Каменев.

[2] Там же, стр. 71, 73.

[3] Вознесенский. „Архив истории труда в России“, кн. 8 за 1923 г., стр. 172.

[4] „Красная Лет.“ за 1923 г., № 5, стр. 241.

в своих воспоминаниях. Постепенно, по мере роста противоречий и недовольства, назревавших в рабочем классе, рос и укреплялся ПК, равно как и организации во всей остальной России.

6. Отношение к войне разных фракций русской соц.-демократии.

Но, прежде чем говорить об этом, необходимо остановиться на той линии, какую проводил наш заграничный центр. „Первые годы казалось,—говорит Зиновьев,—что мы осуждены на одиночество. Та часть членов Центрального Комитета, которая была за границей, начала работать по объединению интернационалистов в международном масштабе. Мы участвовали в Циммервальдской конференции, где составляли слабое меньшинство, и организовали циммервальдскую левую, послужившую, собственно говоря, первым зерном будущего III Интернационала. К нам примкнуло тогда лишь небольшое число немецких товарищей да несколько шведских и латышских. Все остальные, кто был в Циммервальде,—выступали еще против этого объединения"[1].

Циммервальдская конференция состоялась в сентябре 1915 г. На ней были представители социалистических партий России, Германии, Италии, Франции, Болгарии, Голландии, Румынии, Норвегии, Швеции и Швейцарии. От России присутствовали представители от ЦК (большевики), Организационный Комитет (меньшевики), с.-д. Польши и Литвы, Бунд, Польская соц. партия (левица) и соц.-революционеры.

В манифесте, изданном Циммервальдской конференцией, рабочие приглашались „...начать борьбу за свое собственное дело, за священную цель социализма, за освобождение подавленных народов и порабощенных классов—путем непримиримой классовой борьбы".

Постепенно, однако, интернационалистические течения в международном социализме начинают крепнуть. Циммервальдская левая во главе с Лениным и Зиновьевым начинает издавать в Швейцарии журнал „Vorbote" („Предвестник"), где работают, кроме Ленина, К. Радек, Роланд-Гольст и др. В конце апреля происходит съезд циммервальдцев в Кинтале. Присутствовали представители России, Германии, Италии, Франции, Сербии и Швейцарии. Линия, взятая в Циммервальде, здесь была развита и продолжена. В феврале 1915 года „Организационный Комитет" меньшевиков стал издавать свой орган „Известия"; в январе этого же года в Париже вышло „Наше Слово" Л. Троцкого (продолжение закрытого французским правительством „Голоса"), а осенью 1915 года отзовисты-впередовцы стали издавать свой орган „Вперед".

Каково же было отношение всех этих групп к войне?

---

[1] „История РКП (б)", стр. 211.

Большевики, как уже было указано, занимали с самого начала позицию самой непримиримой борьбы с шовинизмом. „Война — войне, в ответ на войну пролетариат должен начать гражданскую войну", — вот были лозунги большевиков, выражавших истинное настроение всех передовых слоев пролетариата, в том числе русского. Это было интернационалистическое, левое течение соц.-демократии (Ленин, Зиновьев, Радек, Бухарин, Пятаков, Роза Люксембург, Либкнехт, Меринг и т. д.).

Близко к этому течению стоял Троцкий, заявлявший, что он стоит на точке зрения штутгартской резолюции. Так, в „Нашем Слове" Троцкий писал: „. Задача революционных марксистов заключается в том, чтобы путем теоретической, агитационной и организационной работы сократить муки родов нового социально-революционного натиска на классовое государство, который явится историческим ответом пролетариата на пощечину, нанесенную виновниками всемирной войны делу цивилизации и культуры".

Мартов в „Известиях" развивал приблизительно ту же точку зрения, исходя из резолюции Штутгартского конгресса.

Впередовцы в основу своей платформы ставили идею „пролетарской культуры". „..Эту идею мы пропагандировали среди партии со всей доступной энергией тем более, что мы видели элементы буржуазной мысли и борьбы во всей международной социал-демократии; оппортунизм имел глубокие корни и серьезное значение во всех партиях Европы. Надеясь преодолеть его внутри рабочего движения и опасаясь, что он может низвести пролетариат до прислужничества буржуазии, как это мы наблюдаем сейчас, мы и выдвинули на первый план идею о научно-социалистическом воспитании" .. „Мы... считаем необходимым выявить ростки пролетарской культуры, дать им возможность расти и заглушать сорную траву оппортунизма в жизни нового Интернационала".

Впередовцы называли себя революционными интернационалистами и ставили своей задачей „объединение всех революционно-интернационалистических элементов".

На правом фланге стоял Плеханов, проповедывавший вместе с германскими, французскими и другими социалистами (Гэд, Шейдеман и т. д.) защиту отечества. На самом крайнем правом фланге стояли ликвидаторы: яркими представителями их за границей были Ларин (Ю. Лурье), Левин-Далин, а в России — представители меньшевистской думской фракции, Череванин, Потресов и рабочая группа военно-промышленных комитетов во главе с рабочим Гвоздевым.

Выше было сказано, что Мартов и его сторонники исходили из резолюции Штутгартского конгресса. Основным пунктом этой резолюции о войне является положение, что в случае, если разразится война, то социалисты должны употребить все усилия к тому, чтобы, вмешавшись в войну, поднять пролетариат на борьбу против буржуазии и ускорить падение буржуазного строя.

Казалось бы, что отсюда вытекали прямые указания, как должны были себя вести социалисты во время вспыхнувшей войны. Но нашлись такие социалисты, которые, не решаясь откровенно заявить, как это делали социалисты-шовинисты, что они целиком поддерживают свои буржуазные правительства, пытались примирить две крайности, два резко противоположных течения социалистической мысли: пораженчество, точку зрения революционного марксизма, и оборончество социалистов-шовинистов. Это было течение Каутского, течение центра, к нему примыкали Мартов и русские меньшевики. На словах держась за штутгартскую резолюцию, на деле они поддерживали свои правительства и буржуазию, классовых врагов пролетариата.

7. Отношение русских соц.-демократов к выборам в военно-промышленные комитеты и выборы в „Страховые Советы".

Очень хорошо это выяснилось и в России уже в 1915 году, когда буржуазия создала так называемый Военно-Промышленный Комитет. Это была организация крупной буржуазии, существовавшая при главном объединении капиталистов — при „Совете съездов представителей торговли и промышленности". Образование Военно-Промышленного Комитета имело целью получение и распределение заказов на армию. По сути дела это было фактическое завоевание одной из командных высот буржуазией, которая убедилась, что правительство неспособно вести войну и руководить хозяйством. Уже в 1915 году буржуазия медленно, но неуклонно шла к захвату власти, а к концу 1916 года по сути дела все почти командные высоты находились в ее руках: крупная торгово-промышленная буржуазия городов создала могучую организацию „Союз городов", либеральная буржуазия земств создала другое объединение — „Союз земств". Оба эти союза по существу составляли одну сильную организацию и вместе с Военно-Промышленным Комитетом держали в руках все хозяйство страны. Все было в руках крупной капиталистической и земельной аристократии: производство снарядов, обмундирования, заготовка и доставка продовольствия, все денежные ресурсы, вся администрация и власть. Однако, уже в 1915 году недовольство все больше и больше распространялось среди пролетариата. Необходимо было его усмирить, взнуздать и подчинить. Капиталисты для этого как нельзя лучше использовали своих добровольных слуг — социал-патриотов. Решено было ввести в военно-промышленные комитеты представителей рабочих и тем самым заставить самих рабочих в лице их представителей во имя обороны страны санкционировать невиданное закабаление и гибель трудящихся масс.

В августе, после съезда представителей местных военно-промышленных комитетов, был утвержден прошедший через Гос. Думу закон о военно-промышленных комитетах.

Капиталисты и оборонцы-меньшевики повели агитацию за выборы рабочих в военно-промышленные комитеты. Для практического проведения своих планов Гучков, председатель Военно-Промышленного Комитета, обратился к рабочей группе Страхового Совета и к больничным кассам за содействием. Страховики ответили Гучкову предложением обратиться к самим рабочим массам.

Началась выборная кампания. Оборонцы во главе с меньшевистской думской фракцией (Чхеидзе занимал неопределенную позицию, на деле поддерживая оборонцев) вели усиленную агитацию за вступление в комитеты. Большевики вели агитацию за бойкот. Торжество большевистской тактики обнаружилось уже при выборе уполномоченных, когда на большинстве заводов выносились резолюции против участия в комитетах. Когда же собрались уполномоченные для окончательных выборов, то 90 голосами собрание приняло резолюцию, в которой заявлялось, что рабочие отказываются участвовать в комитетах. В конце резолюции было сказано: „...В передовых капиталистических странах уже созрели объективные предпосылки социалистической революции. В России пролетариат должен еще добиться демократизации государственного строя, т. е. добиться демократической республики. Революция сметет остатки крепостнической эпохи и, дав тем самым свободу развитию производительных сил, быстрыми шагами приблизит и Россию к условиям чисто социалистического переворота. Однако, в уничтожении царской монархии и ее социальной основы — помещичьего землевладения — заинтересован не только пролетариат, но и крестьянство и другие слои буржуазной демократии. Поэтому пролетариат обращается к ним (буржуазной революционной демократии) с призывом поддержать его борьбу с царским правительством. Пролетариат зовет к созданию временного правительства после низвержения самодержавия для созыва Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права без различия пола, национальности и религии“ [1].

Выборы были сорваны, но вскоре же были назначены на 21-ое ноября вторые, и, при помощи всякого рода обмана, насилия и угроз, буржуазии удалось выиграть победу: в состав Центрального Военно-Промышленного Комитета вошли рабочие-оборонцы от заводов — Промета, Трубочного, Лесснера, Обуховского, Лебедева, Порохового, Путиловского и Эриксона. От последнего вошел Гвоздев. Всего рабочих в Центральный Военно-Промышленный Комитет вошло десять человек и в областной шесть. Большевики уполномоченные, внесшие резолюцию протеста, покинули собрание, а ПК РС-ДРП (б) в прокламации от 1 декабря 1915 г., заклеймив поведение оборонцев, писал: „Отметая в сторону ренегатов, стремящихся использовать рабочее движение

[1] А. Шляпников. „Канун 17-го года“, ч. I, стр. 109—110.

в интересах хищнического империализма (захватной войны), рабочий класс неуклонно стремится к превращению данной войны в войну гражданскую и к дальнейшему обострению классовых противоречий, помня, что враг каждого народа в его собственной стране — его правительство, его буржуазия".

Этот призыв заканчивался обращением к рабочим и провозглашением лозунга: „Да здравствует гражданская война!".

Этот призыв и этот лозунг соответствовал и настроению рабочих масс: уже в январской политической забастовке 1916 г. (в годовщину Кровавого воскресенья) участвовало 53.489 чел.; в марте в политических забастовках приняло участие 50.643 чел., в апреле — 16.147 ч.; выборы в Страховой Совет в январе 1916 г. дали подавляющее большинство большевиков: за большевистский список из 70 голосов было 39 представителей против 26 голосов ликвидаторов, народников и беспартийных.

Только слепые не видели, за кем идет пролетариат Петербурга.

8. Соц.-демократическая большевистская организация в провинции в эпоху войны.

Но, если таково настроение рабочих было в Петербурге, то в каком положении находилось дело в' провинции?

В Москве партийная организация была значительно слабее Петербургской, несмотря на то, что, здесь жили многие старые партийные работники - большевики (П. Г. Смидович, В. П. Ногин, В. Н. Яковлева и др.). Объясняется это прежде всего гораздо меньшей сознательностью московского пролетариата, затем необыкновенно сильно развитой провокацией, царившей тогда в Москве, и еще тем, что Москва являлась центром всякого рода либерально - буржуазных организаций и съездов.

Однако, и здесь соц. - демократическая революционная работа большевиков не замирала в течение всей войны. Существовали отдельные группы большевиков, районные организации, которые впрочем почти до самого момента революции не в состоянии были объединиться в единую московскую организацию. В начале 1916 г. А. Шляпникову удалось организовать в Москве областное бюро ЦК, около которого группировались все те же хорошо известные полиции старые большевики. Эта группа старых партийцев „держалась долго, — говорит Смидович, — вплоть до Февральской революции".

„Держалась долго именно потому, что она, как группа, с ячейками связана не была и связаться—в силу более или менее громкого прошлого своих членов—не могла" [1].

---

[1] П. Смидович. „Выход из подполья в Москве". „Прол. Рев." за 1923 г., № 1 (13), стр. 171.

Деятельность отдельных групп в Москве все же шла непрерывно, и именно их усилиями (т. Сапронов со своей группой строительных рабочих, т. Тер-Ваганьян, Акопов, Мышкин и вообще группа Коммерческого института, Тверская группа РС-ДРП)[1] несколько раз восстановлялся Московский комитет, выходила подпольная литература и уже в сентябре 1915 года произошла политическая забастовка протеста против роспуска Гос. Думы: бастовали рабочие 38 предприятий (около 11 тыс. чел.)[2]. Начиная с этого времени, забастовки „принимают катастрофический характер беспрерывного брожения на почве растущего голода, вздорожания продуктов первой необходимости и низкой заработной платы“[3].

Весь 1916 год проходит также в забастовках, охватывающих все большее и большее число рабочих. Прочного центра, тем не менее, в Москве до самой Февральской революции создать не удалось. Как отмечает „Социал-Демократ“, „за год было 5 или 6 попыток создать руководящий центр, но все попытки потерпели крах при самом своем возникновении благодаря арестам“[4]... Несмотря, однако, на это, „все рабочие организации большевистские стоят на точке зрения ЦК“[5].

В январе 1917 года и в Москве рабочее движение принимает ярко политическую окраску: в одной забастовке в память 9-го января принимало участие 35.143 чел., при чем политическая забастовка охватила 30.650 чел.[6].

Бюро ЦК, организованное в Петербуге А. Шляпниковым, имело связи не только с Москвой: Тверь, Шуя, Кохма, Поволжье (Нижний-Новгород, Сормово, Казань), центр (Тула, Воронеж), юг (Харьков, Екатеринослав, Донецкий бассейн), Урал (Пермь, Екатеринбург), т.-е. все крупнейшие промышленные пункты находились уже в 1915 году в руках большевиков. Полиция громила их, члены комитетов и групп попадали в тюрьму, а комитеты и группы возникали снова и снова: издавались листки и прокламации; распространялась большевистская литература, вспыхивали забастовки.

И повсюду, где существовали такие организации, царило большевистское революционное настроение, повсюду вырисовывалось два коренных, основных течения русской жизни: революционное, распространяющее в массах лозунг гражданской войны в противовес войне империалистской, — и другое, разбивавшееся на тысячи оттенков, но объединявшее все классы и социаль-

---

[1] Тов. Сапронов. „Из истории рабочего движения“. М. 1925 г. Тов. Ваганьян. „Накануне великой революции“.

[2] К. Войнова. „Раб. движ. в Москве в 1914—17 г.г.“. „Прол. Рев.“ за 1923 г., № 14, стр. 476.

[3] Там же, стр. 478.

[4] „Социал-Демократ“ № 56, от 6 ноября 1916 г.

[5] Там же.

[6] „Прол. Рев.“ за 1923 г., № 14, ст. К. Войновой, стр. 488.

ные группы (кроме пролетариата) от крупной буржуазии до ликвидаторов включительно с лозунгом: война до победного конца [1].

9. Русская соц.-демократия и продовольственный кризис в 1916 году.

Центром движения, несомненно, являлся Петербург. Здесь острее, чем где бы то ни было, кипела классовая борьба, здесь находился главный руководящий центр правительства, здесь действовали и центры всех политических партий, здесь сильнее других была и большевистская организация. Осенью 1915 года удалось создать и оформить мощную военную организацию, охватившую моряков всех морских баз и пунктов, осенью же 1916 г. оформилась и организация интеллигенции высших учебных заведений — „Объединенный комитет студентов соц.-дем. фракций высших учебных заведений Петрограда". О значении первой из этих организаций говорить не приходится, но и организация студентов принесла огромную пользу пролетариату.

Кроме большевистской организации, в Петербурге существовали две рабочие организации: Петербургская инициативная группа соц.-демократов меньшевиков и „Междурайонный комитет" соц.-демократов-интернационалистов. Существовало и еще несколько отдельных групп, не сливавшихся с общегородской большевистской организацией и работавших кустарно.

В то время как меньшевистская группа целиком проводила тактику, которую можно охарактеризовать как тактику „либеральной рабочей партии", „Междурайонный комитет" стоял на позиции интернационализма и внефракционности, пытаясь примирить все течения.

Эти попытки, конечно, не могли дать благоприятных результатов, так как, пропагандируя внефракционность, Междурайонный комитет тем самым прикрывал на деле ликвидаторов рабочей партии и социалистов-шовинистов, превративших свою организацию в „либеральную рабочую партию" или, вернее, в привесок партии либеральной буржуазии.

Эти две политики русской соц.-демократии очень ясно выявились перед самой Февральской революцией в продовольственном вопросе.

Политика командующих классов и в этом вопросе, конечно, была классовой политикой. Правительство сначала стало на путь регламентации хлебных цен. Это вызвало острую борьбу между помещиками, скупавшими хлеб, и капиталистами, не соглашавшимися платить надбавку в виде прибавки к заработной плате (капиталист, в конце концов, не хотел давать этой надбавки и всякими

---

[1] См., например, „Соц.-Дем." за 1916 г., „Осведомительный Листок", изд. ЦК РС-ДРП и „Прол. Рев." за 1923 г. № 1 (13), стр. 267—8—9. „Накануне великой революции". Сб. за 1922 г.

обходными путями понижал заработную плату). Началась борьба между помещиками и крупно-капиталистической буржуазией. В этой борьбе, в сущности, шел вопрос о том, кто в конце концов является хозяином страны — землевладельцы или капиталистическая буржуазия. В процессе борьбы и были как компромисс созданы особые агенты: так называвшийся главно-уполномоченный и особо-уполномоченные по всей России и по отдельным районам и губерниям.

Это вызвало еще бо̀льшую спекуляцию хлебом: губернаторы издавали особые положения, запрещали вывоз хлеба и других продуктов из губерний и тем еще более взвинчивали цены. Наступил продовольственный кризис при обилии хлеба. Кризис этот увеличивался еще и от того, что правительство безумными мероприятиями обостряло положение: то издавало распоряжение о наборе в страдную пору, то меняло свои распоряжения, то издавало правила, которые противоречили только что изданным.

Тяжесть кризиса ложилась всецело на плечи рабочих и неимущих слоев населения. Вот как, напр., изменялась цена пуда ржаной муки в Петербурге: до войны пуд муки стоил 1 р. 61 к., зимой 1915 г. 3 р. 20 к., а зимой 1916 г. свободной продажи хлеба уже не существовало. Россия, хлебородная и сельско-хозяйственная Россия, переходила к карточной системе! Заработок же рабочих отставал от повышения цен, что видно хотя бы из следующих цифр: рабочий металлист в Московской области получал в среднем в день 2 р. 31 к., но были такие рабочие, заработок которых не поднимался выше 80 коп. в сутки [1]: это давало рублей 25—30 в месяц, и ясно без слов, что прожить на эти деньги даже под Москвой, где-нибудь в Коломне, было нельзя.

Правительство задыхалось в той петле, которую оно плело для рабочего класса: воровство, неспособность его генералов, зверские классовые инстинкты приближенных к царю, отсталость техники, интриги, власть развратного проходимца Распутина, поражения на фронте, — все это заставило призадуматься даже буржуазию. Прогрессивный блок, т.-е. объединение всех буржуазных партий в лице своих представителей в Думе, предъявил требование правительству.

Это требование, предъявленное в Думе в ноябре 1916 г., сводилось в конечном счете к „сотрудничеству власти и общественных сил". Критикуя правительство, буржуазия не ставила вопроса о прекращении войны и устранении самодержавия; наоборот, она выступала с лозунгом продолжения войны и соглашения с царем.

Соц.-демократы меньшевики робко заявляли устами с.-д. Тулякова, что „путь к хлебу невозможен через старый режим", но

---

[1] См. таблицы зар. платы в статье К. Войновой в „Прол. Рев." за 1923 г., № 1 (13), стр. 548 и след.

ни в его речи, ни в декларации не сделали даже намека, что причиной разрухи является война и что только прекращение этой войны и свержение самодержавия выведет Россию на путь спасения.

Победил прогрессивный блок, и соц.-демократы меньшевики послушно потащились за ним.

Далеко не так относились к вопросу рабочие массы, руководимые нашими организациями. На заводах выносились резолюции, в которых указывалось, что единственное средство исчерпать кризис есть выход из войны, свержение самодержавия и установление демократической республики.

В резолюции бюро ЦК РС-ДРП (б) так и говорилось: капитализм — это такой строй, при котором, даже в „мирные" эпохи его развития кризис есть неизбежное явление; в России, как и во всем мире, кризис обостряется войной; только социализм создает такие условия, при которых будут невозможны кризисы; гражданская война может прекратить империалистскую войну, низвергнуть самодержавие и открыть широкую дорогу к социализму; борьба за 8-часовой рабочий день, за конфискацию земель и демократическую республику — вот очередные лозунги российского пролетариата.

10. Февральская революция.

К началу 1917 года кризис обострился. Обострение его было особенно тяжело в связи с перебоями железнодорожного движения, которое ухудшалось с каждым днем. В январе, по случаю годовщины Кровавого воскресения, политические забастовки пролетариата были настолько внушительны, что только слепые не видели приближающейся развязки. В конце февраля в Петербурге продовольственный кризис дошел уже до того, что 23 числа с утра начались как бы внезапно забастовки. Это было начало конца: 28 февраля утром революция победила, образовались Временное Правительство буржуазии и Совет Рабочих Депутатов, монарха не стало. Начался период Февральской революции, период, когда окончательно разошлись пути двух течений русской соц.-демократии: одного, бросившегося в объятия буржуазии, и другого, избравшего прямую дорогу к социализму.

Литература к пятнадцатой главе:

1. *В. И. Ленин и Г. Зиновьев.* Против течения. Л. 1923 г.
2. *А. Шляпников.* Канун 17-го года. М. 1923 г., ч.ч. I, II, и III.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Партия и Февральская революция.

Период большевизма перед Октябрьской революцией (февраль — октябрь 1917 г.).

1. Связь русского империализма с западно-европейским.

Связь русского капитала с мировым особенно наглядно выявилась во время последней империалистской войны, когда русские капиталисты даже и не старались скрывать этой связи и этих общих интересов и задач, какие ставились международными группами империалистов, затевавших войну.

Действительно, беспристрастные цифры подтверждают только-что сказанное лучше всего: в главных отраслях так называемой тяжелой индустрии больше половины капитала принадлежало французским и английским промышленникам; так, напр., французские капиталисты имели в своих руках 60,7% всей выплавки чугуна и 50,9% добычи каменного угля; капитал, вложенный в нефтяное дело в России, на 56% принадлежал англичанам.

Из 4-х миллиардов рублей капитала крупных русских банков, оперировавших в России до Октябрьской революции, $^3/_4$, или более 3-х миллиардов рублей, являлись работающим капиталом, т.-е. капиталом, при помощи которого капиталисты овладевали промышленностью, при чем львиная доля этого работающего капитала принадлежала трем крупнейшим французским банкам, именно „Парижскому Союзу", „Парижскому и Нидерландскому" и „Генеральному Обществу".

Известно, какое огромное значение в эпоху империализма имеет финансовый капитал: все бо́льшая и бо́льшая часть капитала, вложенного в промышленность, объединенную в небольшее число гигантских синдикатов и трестов, принадлежит могущественнейшим банкам; все бо́льшую и бо́льшую часть своего капитала эти банки вынуждены выделять в промышленность, укрепляя, таким образом, все больше и больше власть финансового капитала в современном классовом обществе.

Известно также, что и Россия накануне империалистской войны была втянута в свой кругооборот международным финансовым капиталом.

И в России вся власть в хозяйственной жизни страны принадлежала именно этому капиталу. Вот как распределялись капиталы между крупными русскими банками: Сибирский торговый, Русский, Международный и Учетный банки обладали капиталом в 1.272,8 милл. рублей; Русско-Азиатский, Петроградский частный, Азовско-Донской, Унион, Московский и Русско-Французский торговый—капиталом в 1.373 милл. руб.; Торгово-Промышленный и Русско-Английский—капиталом в 408,4 милл. руб.; Московский купеческий, Волжко-Камский, Юнкер и К°, Петроградский торговый, Вавельберг, Московский, бывш. Рябушинского, Московский учетный, Московский торговый и Московский частный — капиталом в 895,3 милл. руб.; а все перечисленные — 21 банк — капиталом в 3.949,5 милл. руб.

Петроградские банки перед революцией обладали капиталом почти в $8^1/_2$ миллиардов руб., при чем господство в них иностранного капитала выражалось в следующих процентах участия: французских банков—в 55%, английских — 10% и немецких—35%.

А из всего капитала этих банков в 8.235 милл. рублей 3.687 милл. рублей, т.-е. свыше 40% было вложено в крупнейшие капиталистические предприятия русской промышленности: „Продуголь", „Продамет", нефтяной синдикат, металлургическую и цементную промышленность. Но ведь все эти синдикаты — „Продуголь", „Продамет", нефтяной и т. д.—объединяли почти всю крупную промышленность—угольную, металлургическую и нефтяную, а стало-быть и ряд других отраслей, зависевших от этих трех главнейших, напр, химическую[1].

Таким образом, к началу империалистской войны оказалось, что хозяином русской промышленности в такой же, если не в большей, степени являлись не только русские, но и западноевропейские капиталисты.

Ясно, что в той борьбе, какая началась в мире между двумя группами империалистов—английскими и немецкими — и которая привела в конце концов к мировому столкновению, русский империализм не мог остаться равнодушным.

Если коронованный глава русского империализма, Николай Романов, по своим симпатиям, склонностям и родственным связям предпочитал отдать русского рабочего и крестьянина в жертву германского империализма, то вес того золота, которое уже давно положили на чашку весов русского капитализма французские и английские капиталисты, „угольные и металлические, нефтяные и электрические короли", заставлял русских капиталистов, а стало-

---

[1] См. В. И. Ленина „Империализм, как новейший этап капитализма" Петр. 1917 г., стр. 45 и след.

быть и русскую государственную власть, итти на службу англо-французскому капиталу.

Этот основной факт, двигавший всей политикой русских командующих классов, не только царские министры, но и сами владельцы капиталов старались всячески затушевать и скрыть в потоках патриотических речей и человеконенавистнических формул, доказывающих, будто бы немецкому народу свойственно стремление превратить Россию в колонию, и рисующих невиданные зверские инстинкты немецких рабочих и крестьян.

Это было необходимо делать для того, чтобы скрыть истинные причины войны, то, что так откровенно и цинично формулировало французское правительство, когда незадолго до войны русский министр иностранных дел Сазонов просил денег у французских банкиров: правительство Франции соглашалось дать денег, но с тем, чтобы немедленно было приступлено к постройке новых стратегических железнодорожных линий по указанию французского генерального штаба и чтобы уже в мирное время была увеличена русская армия. О том, что не только русское правительство согласилось на эти условия, но что и русские капиталисты и помещики, до к.-д. включительно, обещали свою поддержку, об этом свидетельствует председатель господской, IV-ой Государственной Думы М. В. Родзянко в оставленных им мемуарах. „В весеннюю сессию 1914 г.," — говорит он — в „Государственной Думе прошел законопроект о большой военной программе, которая, выполненная в два года, то-есть к 1917 году, делала нашу армию и численно и по снаряжению значительно сильнее германской. С момента утверждения этого закона верховной властью для нас, членов Государственной Думы, стала ясной неизбежность в самом ближайшем будущем вооруженного столкновения с Германией, которая не могла ждать нашего военного усиления" [1].

На помощь капиталистам и правительству, как только вспыхнула война, пришли не только Родзянки и Милюковы, но и те, кто называл себя социалистами.

„Война до победного конца!" Этот лозунг и меньшевики и социалисты-революционеры сделали и своим лозунгом, и, таким образом, и в области международных социалистических отношений Россия ничем не отличалась от любой империалистской страны: как на Западе, так и у нас, господство капитала оказало свое влияние на социалистические партии; и у нас социалисты, меньшевики и соц.-революционеры, подготовленные длительной эволюцией, описанной выше, раскрыли свои объятия классовым врагам пролетариата и, обещая им свое содействие, начали успокаивать рабочих и крестьян и отправлять их в окопы во имя цивилизации и культуры.

---

[1] „Февральская революция". Мемуары. Госизд. М. Л. 1925 г., стр. 6.

2. Рабочее движение в эпоху войны.

Было бы, однако, неправильно думать, что рабочее движение замерло с наступлением войны. Цифры забастовок говорят обратное. Даже в 1914 году, начиная с августа, т.-е. после объявления войны, стачки не прекращались, что и видно из следующей таблицы:

Месяцы.	Число стачек.	Число стачечников [1].
Август .	24	24.688
Сентябрь .	10	4.661
Октябрь	9	1.153
Ноябрь . .	16	2.616
Декабрь	9	1.604

Уменьшение числа забастовок и стачечников по сравнению с бурными июльскими днями перед объявлением войны объясняется очень просто — теми предупредительными мерами, какие приняло правительство; аресты, тюрьмы, ссылка, отправка на фронт, наконец просто мобилизация, массовый уход на войну, под ружье — явились причиной некоторой остановки движения. Но уже на следующий год забастовочное движение охватило сотни тысяч человек, а число забастовщиков в 1916 году перевалило далеко за миллион, так что движение накануне войны постепенно приближалось к тому, что дал 1914 год.

Забастовки в 1914—1916 г.г.

Годы.	Число стачек.	Из них полит.	В % к общему числу.	Число участников.	Из них полит.	В % к общему числу.
1914 . .	3.534	2.401	67%	1.337.458	985.655	73%
1915 . .	928	213	24%	538.828	155.941	23%
1916 . .	1.593	797	50%	1.299.248	726.356	56%

Если число политических стачек составляло в 1916 г. половину всех стачек, то это превышало процент политических стачек даже в 1905 году! [2]

---

[1] С. Вознесенский. „Стачечная борьба рабочих в 1870—1917 г.г.“, „Архив истории труда в России“, кн. 8, 1923 г.

[2] См. „Забастовочное движение в Петербурге по агентурным данным“, ст. В. Васильевской в „Прол. Рев.“ за 1923 г., № 1 (13), стр. 50—70.

Да иначе и не могло быть, так как объективные причины толкали рабочих в движение. По мере того, как развивались военные действия, вся промышленность перестраивалась на военный лад. Капиталисты, помещики, их ближайшие помощники, крестьянская и городская мелкобуржуазная верхушка „несли все на алтарь отечества" и извлекали из этого огромные выгоды. Рост прибыли уже в первый год войны достиг небывалой высоты. Так, напр., Демидовская мануфактура уже на первом году войны дала 88% прибыли, „Северо-Кавказское нефтяное общество" — 99%; дивиденды на акции возросли почти на 50%: Русский Торгово-Промышленный банк дал в 1915 г. 20 р. дивиденда, а в 1916 г. уже 30 р., Азовско-Донской в 1915 г. — 30 р., а в 1916 г. — 50 р. [1].

Но, принося такую огромную прибыль капиталистам, промышленность под влиянием разрушительных сил войны сама испытывала небывалое перерождение и расстройство: изменялись как размах ее, так и производительность труда.

Продукция главнейших отраслей крупной промышленности падает, и в то же время увеличивается число рабочих и падает производительность труда.

Вот как, например, уменьшалось производство чугуна, этого главнейшего продукта всякой капиталистической промышленности.

Было получено чугуна:

в 1913 г.	в 1914 г.	в 1915 г.	в 1916 г.	в 1917 г.
287.960.000 п.	264.250.000 п.	225.291.000 п.	231.865.000 п.	190.548.000 п.

Само собой ясно, что в таких же примерно пропорциях уменьшалась добыча угля, нефти, железа и других важнейших продуктов капиталистической промышленности. В то же время число рабочих возрастало; например, в Донецком бассейне в 1913 г. рабочих было 168 т. чел., а в 1917 г.—уже 280 т. ч., и в то же время угля, например, было добыто в 1913 г. 2 миллиарда 200 милл. пуд. слишком, а в 1917 г.—только 174 милл. пуд., при чем производительность рабочего с 9.185 п. в 1913 г. упала до 5.393 п. в 1917 г.

Уже из этих цифр видно, что крики врагов Советской власти о том, будто советский строй был причиной развала промышленности, суть злобные крики классовых врагов пролетариата: уже задолго до Октябрьской революции война внесла такую дезорганизацию в строй народного хозяйства, что только революция могла вывести его на путь возрождения.

Еще бо́льшие разрушения война внесла в сельское хозяйство: не говоря уже о том, что обслуживание сельского хозяйства промышленностью почти прекратилось (производство сельскохозяйственных машин и орудий, например, сократилось в 1917 г.

[1] С. Пионтковский. „Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход". М. 1923 г., стр. 14 — 15.

на 85% по сравнению с 1913 г., падая из года в год), самое главное заключалось в лишении деревни рабочей силы, отправленной на фронт. Это в свою очередь повлияло на сокращение посевной площади и явилось причиной уменьшения хлебной продукции, а мобилизация лошадей, привлечение крестьянского хозяйства к обслуживанию армии (всякого рода подводная повинность, заготовка древесного топлива, например, на Урале и т. п.) еще более разоряли крестьянство. В результате такая громадная страна, как Россия, эта житница Европы, стала испытывать затруднения в продовольствии. Безумные мероприятия правящих кругов, клонившиеся к тому, чтобы и война принесла выгоду помещикам, вызвали еще большее расстройство и бешеную спекуляцию хлебом и другими предметами первой необходимости.

Недостаток же предметов первой необходимости, спекуляция ими, расстройство транспорта, не получавшего почти никакой поддержки и обновления за все время войны, и множество других причин вздували цены до небывалой высоты, так что за повышением цен не могла угнаться хотя и повышающаяся заработная плата. Несколько цифр пояснят мысль достаточно хорошо: по отношению к заработной плате 1913 г. уже в январе 1915 г. заработная плата поднялась на 128%, а в апреле того же года — даже на 141%, но в то же время цена хлеба по сравнению с 1913 г. дает повышение на 141% и 182%! [1].

Таким образом, к тем обычным объективным условиям, какие всегда в капиталистическом обществе толкают рабочие массы на борьбу, прибавлялись те страдания и лишения, какие несла с собой война.

Нельзя поэтому представлять себе дело так, как представляют мемуары белогвардейцев, что неспособность русской власти привела к катастрофе, т.-е. к свержению самодержавия. Развал армии, развал самодержавных верхов, бессилие капиталистов и помещиков поддержать падающую власть явились следствием того несоответствия с развитием экономики страны старого феодально-самодержавного уклада, гниение которого только наиболее рельефно было вскрыто разрушительными силами, какие несла с собой война.

3. Попытки капиталистов и демократической оппозиции столковаться с самодержавием.

Это обстоятельство особенно наглядно показывают те попытки, какие в течение всей войны делали все партии за исключением большевиков, чтобы столковаться со старым порядком.

Как известно, в IV Государственной Думе всеми партиями за исключением социал-демократов и трудовиков, т.-е., начиная

[1] См. С. Пионтковский, стр. 21.

от прогрессистов и кончая октябристами, был образован так называемый прогрессивный блок, который с объявлением войны торжественно поклялся помогать царю довести войну до победного конца.

Буржуазия, действительно, сделала все, что было в ее силах, чтобы организоваться и помочь правительству.

Однако, противодействие и боязнь черносотенных кругов выпустить власть из своих рук заставляли царя не доверять даже этому блоку: махровые феодалы, не желавшие упускать власти из своих рук, надеялись и без прогрессивного блока или закончить войну победоносно, или даже в крайнем случае изменить англо-французскому империализму, предать его и заключить сепаратный мир с Германией. Однако, уже в 1915 году обнаружились грозные явления, которые показывали, что бюрократии с войной не справиться: уже в этом году после блестящих наступлений начались катастрофические поражения на фронте, около 2 милл. солдат находилось в плену, около 1½ миллионов солдат было в бегах, не хватало снарядов, продовольствия, обмундирования, аэропланов, патронов, винтовок. Как ни тянуло правительство, однако, под давлением обстоятельств и прогрессивного блока, оно решилось, наконец, пойти на уступки и разрешить создание таких организаций, как Союз городов и Союз земств, этих могущественных буржуазных организаций, которые знаменовали собой уже во время войны, что царское самодержавие теряет свои основные позиции и делает уступки новым силам. На поверхности политической жизни эта борьба дворянско-феодальной монархии с буржуазно-капиталистическими слоями выражалась, с одной стороны, в той „министерской чехарде", в той смене бесталанных министров, которых назначал и увольнял авантюрист-проходимец Григорий Распутин, а с другой — в тех заявлениях и речах, какие делались в Гос. Думе представителями прогрессивного блока. Когда же в течение 1915 г. попытки прогрессивного блока столковаться с царем не дали ожидаемых результатов, решено было осенью, перед открытием в 1916 г. Гос. Думы, еще раз сделать предложение царю — так или иначе пойти на соглашение. Однако, и этот шаг был безуспешен. Тогда решено было пойти на крайние меры. Не подлежат ни малейшему сомнению два обстоятельства: 1) что прогрессивный блок, т. е. октябристы и кадеты, уже давно подготовляли переворот и 2) что переворот этот они мыслили без уничтожения монархии, просто как перенесение центра тяжести с одних слоев на другие, как передачу власти в руки крупно-капиталистической буржуазии. И то и другое обстоятельство подтверждают самые достоверные известия и свидетельства. И Милюков, и Шульгин, и другие представители буржуазии теперь в своих мемуарах рассказывают о тех заговорщических организациях, которые создала буржуазия с целью переворота, суть которого заключалась в спасении монархии и предотвращении революции. Суще-

ствовало несколько таких организаций. В одной из них находились будущий корниловец генерал Крымов, октябристы Гучков, Савич, Крупенский, Бобринский, генерал Поливанов и др. В другой — октябристы, националисты и кадеты — Милюков, Шингарев, Шульгин, Гучков, Львов, Шидловский, Щепкин. Существовали, повидимому, и другие кружки с еще более монархическим уклоном вплоть до Пуришкевича и великих князей. У всех этих кружков имелись связи с командным составом армии. Все они мечтали о бескровном перевороте, который предупредил бы революцию. Даже Керенский, этот представитель трудовиков, называвший себя социалистом, вовлекался в круговорот этих заговорщических планов.

О том, что целью этих заговоров и кружков являлось спасение монархии и предупреждение революции, говорят все, начиная от Родзянко и кончая трудовиком Станкевичем.

Так, Родзянко, рассказывая о выступлениях в Гос. Думе представителей прогрессивного блока после неудачной попытки сговориться с царем осенью 1916 г., следующим образом выражается по поводу намерений своих единомышленников: „...Нельзя увидеть там желание свержения власти, но указание на необходимость перемены лиц и системы управления, — не желание переворота и стремление к тем ужасам, которые являются конечным результатом всякой революции, но лишь сердечную боль и печалование о судьбах России..." [1].

Но у всех этих кружков вплоть до тех, в которых участвовали б. великие князья, не хватило смелости даже на дворцовый переворот; одно, что они могли сделать, это — произвести попытку, как выражается Шульгин, спасения монархии „старо-русским способом — тайным насилием", но и это насилие они сумели применить не к царю или царице, а к проходимцу-мужику, — а ведь не в нем же крылась причина зла.

Как бы то ни было, убийство Распутина в 1916 г. было угрожающим симптомом, что развал правящих кругов дошел до крайних пределов и что грозные события не за горами. Они и наступили в феврале 1917 г.

4. Февральская революция. Классы и партии в момент революции Большевики и Совет Рабочих Депутатов в феврале 1917 г.

Несмотря, однако, на грозные признаки наступающей революции, никто, даже большевики, все время работавшие в массах, не ожидали ни такого близкого выступления масс, ни таких решительных результатов этого выступления. Описывая ход событий в феврале, т. Шляпников говорит между прочим: „Конечно, никто из нас не был уверен, что «это будет послед

[1] „Февральская революция". Мемуары, стр. 33.

ний и решительный бой» царскому режиму, и, когда мы говорили о необходимости развития революционного движения до крайних пределов, то имели в виду и учитывали лишь силы стихии. Крайними пределами нам представлялись схватки вооруженных рабочих и солдат с полицейскими и верными трону войсками,— схватки, за которыми могла последовать и кровавая баня, а после все — некоторый отлив...“ [1].

Если даже такой подпольный работник, как член бюро ЦК (б), уже в момент массовых выступлений революционнейшего в мире пролетариата не ожидал последнего и решительного боя, то что же сказать о таких людях, как меньшевики или тем более кадеты и октябристы, которые рассматривали выступления рабочих просто как „бунт“, который можно использовать в качестве нажима на царя, а все же подавить силой.

А между тем та стихия, о которой говорит т. Шляпников, бурлила, уже начиная с января, и не в одном Петербурге.

Первое массовое выступление в январе в Петербурге и в некоторых других городах произошло в день кровавой годовщины 9 числа. Выступление это было подготовлено, вне всякого сомнения, социал-демократическими организациями и в первую голову Петербургским комитетом РС-ДРП (б). Несмотря на то, что ПК не удалось выпустить призывных листков (по причине провала техники), уже с 5 января нашей организацией были проведены почти на всех крупных заводах Выборгской стороны митинги и устроены предварительные собрания в других районах. Листки двух других социал-демократических организаций—Межрайонного комитета с.-д. интернационалистов и меньшевистской инициативной группы, конечно, также способствовали выступлению. Во всяком случае, около 200 т. рабочих бастовали в столице [2].

Это обстоятельство уже показало, что стихия снова бурно вздымала свои волны. Февраль тоже не принес успокоения. Приближался день открытия Гос. Думы и день 10 февраля, т.-е. день суда над социал-демократами большевиками членами Гос. Думы,—и перед социал-демократическими организациями встал вопрос, какие лозунги бросить в массы. Рабочая группа при Центральном Военно-Промышленном Комитете выбросила лозунг устроить в день открытия Гос. Думы шествие к Таврическому дворцу. Прокламация рабочей группы заканчивалась указанием на то, что „только учреждение Временного Правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ, способно вывести страну из тупика и гибельной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на приемлемых как для российского пролетариата, так и для пролетариата других стран, условиях“.

---

[1] „Пролет. Рев.“ за 1923 г., № 1 (13), стр. 83—84.

[2] Письмо Исполнительной Комиссии ПК в бюро ЦК называет цифру 160—170 т. чел.; т. Шляпников склонен увеличить эту цифру до 300 т.; официальные сведения дают цифры, приблизительно совпадающие с цифрой ПК.

Прокламация ПК (б) подвергала критике этот призыв, указывая, что такое хождение к Гос. Думе, „к дворцам царей и правящих классов, дорого стоит тем легковерным, которые надеялись что-либо получить от обывателей этих дворцов“ [1].

Развернув целиком свою большевистскую программу и тактику, прокламация призывала рабочих к однодневной стачке-протесту 10 февраля [2]. Межрайонный комитет интернационалистов с.-д., также критикуя позицию рабочей группы, призывал только к митингам-протестам, а листок инициативной меньшевистской группы, обрисовав классовую политику Г. Думы, в сущности не бросал никаких призывов в массы.

Инициативная группа меньшевиков совсем не чувствовала биения пульса жизни, а что касается Межрайонного комитета, то, давая совершенно правильную оценку Думе, он слишком осторожно подходил к оценке действительности. Это различное отношение, эти разные призывы не могли, разумеется, создать единодушия в массах, и 10 февраля забастовка, по словам Шляпникова, вовлекла только тысяч 80 рабочих. Демонстрации, конечно, тоже не было. Но движение не замерло, частичные забастовки вспыхивали повсюду: 8 февраля забастовал Колпинский завод, 18 февраля началась забастовка на Путиловском заводе. В остальной России тоже то вспыхивали, то погасали забастовки: частичные забастовки произошли 13 и 14 февраля в Москве, бастовали рабочие в Н.-Новгороде, в Воронеже, в Луганске.

Движение нарастало. Приближался международный день работницы—23-е февраля. И ПК (б) и Межрайонный комитет (ему удалось выпустить листовку) звали к забастовке и к митингам-протестам против войны, дороговизны, против режима крови и насилия, с призывами окончания войны и свержения самодержавия.

Полиция, как всегда в таких случаях, тщательно готовилась, но ни у кого, не исключая и руководителей забастовки, не возникало и мысли, что начавшееся движение будет революцией, которая сметет и царский трон и основы старого буржуазного строя. Движение началось, как это всегда бывает во время массовых революционных взрывов, вследствие разных поводов, разных толчков, разных мотивов. Нельзя думать, как полагают некоторые, что партийная организация вызвала это движение; нельзя утверждать также и то, что элементов сознательности совсем не было в движении. Имел, вне сомнения, огромное значение и призыв партии, имели еще большее значение и те объективные условия, которые заставляли выступать массы и особенно женщин-работниц, — дороговизна

[1] „Прол. Рев.“ за 1923 г., № 1 (13), стр. 272.

[2] Тов. Шляпников говорит, что ПК бросал призыв итти на Невский, („Прол. Рев.“ 1923 г., № 1 [13], стр. 78), но в листке ПК этих призывов нет (стр. 241—273).

хлеба, его отсутствие, хвосты у лавок, безвыходное положение рабочих семей, жен рабочих, у которых голодали дети. Этот стихийный характер выступления очень хорошо рисует т. Каюров, участник февральского движения. Движение вспыхивало, несмотря на то, что партийные организации старались удерживать работниц от преждевременного выступления: „Сильно повышенное настроение масс, — говорит он о Выборгском районе, — заставило районный комитет принять решение о прекращении агитации за прямой вызов на забастовки и проч., а сосредоточить внимание, главным образом, на поддержании дисциплины и выдержки в грядущих выступлениях".

„Накануне женского дня, в ночь на 23 февраля, я был командирован в Лесной на собрание женщин; охарактеризовав значение «женского дня», женского движения вообще, тут же пришлось указать на текущий момент и, главным образом, призывать воздерживаться от частичных выступлений и действовать исключительно по указаниям партийного комитета.

„Итак, в силу и возможность проведения на местах постановления районного комитета я был убежден.

„Но каково же было мое удивление и возмущение, когда на другой день, 23 февраля, на экстренном совещании из пяти лиц в коридоре завода (Эриксона), товарищ Никифор Ильин сообщил о забастовке на некоторых текстильных фабриках и о приходе делегаток-работниц с заявлением о поддержке нами металлистов!

„Я был крайне возмущен поведением забастовавших: с одной стороны — явное игнорирование постановления районного комитета партии, а затем — сам только ночью призывал работниц к выдержке и дисциплине, и вдруг забастовка! Казалось, нет и повода, если не считать особенно увеличившиеся очереди за хлебом, которые в сущности и явились толчком к забастовке" [1].

Женщина-работница, как и в 1905 году, сыграла огромную историческую роль и в феврале 1917 г., когда шел вопрос уже не о „репетиции", а о победоносной революции: женщина-работница 23 февраля 1917 г. выступила на улицу,—и теперь уже не было таких сил, какие могли бы остановить от выступления весь рабочий класс Петрограда.

Правительство расценивало возникающее движение как обычные забастовки, но уже следующий день показал, что это не обычная стачка, а начало конца.

Движение нарастало, как снежный ком: по официальным данным, 23 февраля бастовало 90 т., 24 февраля—уже 200 т., а 25-го—свыше 240 т., т.-е. в движение был вовлечен весь пролетариат столицы.

---

[1] „Прол. Рев." за 1923 г., № 1 (13), стр. 158.

Уже 24-го февраля районы кипели. Рабочие не только бросали работы и снимали своих товарищей, но густыми толпами двигались в центр.

Заставы полицейских не могли удержать массы, и все улицы центральной части города были заполнены толпой; уже в день 23-го февраля начались столкновения с полицией, а на другой день, 24-го числа, подавление движения перешло в руки военных властей. Но теперь уже не могли помочь ни объявления генерала Хабалова, ни заранее разработанная диспозиция, ибо главный оплот самодержавия — войско колебалось и близился час, когда оно пойдет вместе с народом.

В субботу произошло первое кровавое столкновение толпы с полицией: на Знаменской площади, в ответ на попытку полиции напасть на толпу, был убит пристав Крылов, при чем присутствовавшие здесь казаки не бросились на защиту полиции.

В воскресенье 26-го февраля правительство пустило в ход войска: на Знаменской площади, на Садовой, на Невском проспекте, на Лиговке раздались залпы, и появились раненые и убитые.

Народные массы были оттеснены в этот день на окраины, но появились уже тревожные признаки: часть Павловского полка отказалась выйти против народа, и, когда против нее выступили Преображенский и Кексгольмский полки, началась перестрелка.

Павловцы, однако, были обезоружены, но на следующий день утром солдаты Волынского полка под руководством унтерофицера Кирпичникова убили офицера Лашкевича и его помощника, захватили оружие, бросились к казармам Преображенского и Литовского полков, увлекли за собой их солдат и направились к Московскому полку, присоединяя по пути другие части и захватив арсенал.

К солдатам присоединялись рабочие, студенты, просто публика. Павловский полк тоже присоединился к восставшим.

Это была уже настоящая революция.

К четырем часам дня весь город, за исключением адмиралтейства, Зимнего дворца и Петропавловской крепости, был в руках рабочих и крестьян. Целый день шла борьба восставших войск и рабочих с полицией — городовыми и околоточными, стрелявшими в народ из пулеметов с чердаков, колоколен, участков. Горели участки, окружной суд, Литовский замок, охранное отделение, жандармское управление; тюрьмы были раскрыты и политические заключенные освобождены.

Правительства уже не было, ибо все попытки прогрессивного блока убедить царя в серьезности положения, пойти на уступки и дать конституцию окончились неудачей, а министры и все старые власти или были арестованы, или бежали и прятались.

Надежды на то, что царь и его правительство пойдут на соглашение, ни у кадетов ни у октябристов уже не было, так как

и самой власти не было. Необходимо было на что-нибудь решиться—тем более, что пока еще это было возможно, так как народ не думал о власти, сражаясь на улицах, захватывая участки, учреждения, оружие.

Вечером, когда тысячные толпы рабочих, солдат и публики направлялись к Гос. Думе, октябристы сделали последнюю попытку взять движение в свои руки — сговориться с братом царя Михаилом, назначить его диктатором и подавить движение. Но Михаил Романов отказался от этой комбинации, и прогрессивному блоку пришлось взяться за организацию власти. Был сорганизован Временный Комитет Гос. Думы с Родзянко во главе. Это образовалось Временное Правительство буржуазии, а рядом возникал новый центр — Петроградский Совет Рабочих Депутатов.

Как возник этот первый Совет? Кто являлся организатором его?

После опыта 1905 г. мысль о возникновении Совета казалась вполне ясной и простой. По свидетельству Шляпникова, и в годы войны при всяких крупных выступлениях эта мысль не раз возникала в головах петербургских рабочих. Но теперь, в эти бурные революционные часы, рабочие боролись на улицах вместе со своими вождями, выпущенными на волю восставшим народом. Петербургский комитет, тотчас сконструировавшийся, был тоже в огне: его члены находились в районах во главе боровшихся масс.

Зато оборонцы уже вечером в Таврическом дворце взяли инициативу в свои руки и во главе с освобожденным из тюрьмы председателем рабочей группы Военно-Промышленного Комитета К. А. Гвоздевым устроили собрание, которое и было учредительным собранием Совета. В Исполнительный Комитет его вошли: Чхеидзе, Керенский, Скобелев (президиум), Гвоздев, Гриневич-Шехтер, Панков, Н. Д. Соколов, Александрович-Дмитриевский, Шляпников-Беленин, Залуцкий-Петров и Суханов-Гиммер.

По предложению Шляпникова, в ИК были введены вскоре представители партий; впоследствии этими представителями были: Молотов и Сталин от большевиков, Богданов и Батурский-Цейтлин от меньшевиков, Эрлих и Рафес от Бунда, Брамсон и Чайковский от трудовиков, Русанов и Зензинов от соц.-рев., Пешехонов и Чарнолусский от нар. соц., Юренев от Межрайонного соц.-демокр. комитета, Стучка и Козловский от соц.-дем. Латвии и др.

В этот же день, 27-го февраля, было поручено Авилову Б. В. Бончу-Бруевичу В. Д. и Ю. М. Стеклову организовать „Известия Совета Рабочих Деп.", номер первый которых и вышел 27 февраля.

На следующий день, 28-го февраля, был созван первый пленум Петроградского Совета Рабочих Депутатов.

„Первый пленум Петербургского Совета,—говорит Шляпников,—оставил в памяти весьма сумбурное впечатление. Праздник

революции, победа народа, как говорили тогда, отвлекала от задачи непосредственного руководства теми событиями, которые развертывались в стране. И деловая работа из Совета автоматически переносилась в Исполнительный Комитет" [1].

Как видно из состава ИК, Совет был оборонческий—большевики тонули в массе оборонческих делегатов. Поэтому с первых же шагов своего существования Совет явился ареной борьбы двух течений—оборонческого и революционного большевистского.

Первым огромной важности вопросом был вопрос о вовлечении солдат, армии в сферу революционного влияния рабочих. Большевики ставили вопрос так, что это влияние будет обеспечено, если в числе делегатов будут и солдаты; но оборонцы, возражая против этого, выдвигали следующие доводы: петроградский гарнизон имеет текучий характер, и потому истинного представительства не будет, солдаты—крестьяне, и потому введение мелкобуржуазного элемента „засорит" Совет, и, наконец, введение солдат в Совет означает ослабление боеспособности армии, так как политика отвлечет армию от ее непосредственных задач.

Вся эта фразеология клонилась к тому, чтобы сохранить влияние на армию в руках оборонцев. Это было ясно до прозрачности, и потому большевики употребили все усилия к тому, чтобы не одни только оборонцы, напр. Богданов или Стеклов, действовали на армию.

Победило мнение большевиков, и решено было ввести в Совет представителей солдат по одному от роты. Это поспешное определение нормы представительства имело роковые последствия: во времена господства оборонцев они подавляли большевиков в Совете солдатскими голосами, так как число рот оказалось больше числа тех тысяч, от которых выбирались рабочие делегаты (норма представительства для рабочих — один делегат от тысячи рабочих).

Однако, в данный момент не этот, хотя и важный, вопрос — о влиянии в армии — был жгучим, актуальным вопросом тактики; вопрос о власти стоял перед Советом, и его нужно было разрешить немедленно.

Как же решала этот вопрос тогда наша Петроградская организация, стоявшая несомненно в центре движения?

Вот что по этому поводу говорит т. Шляпников, в то время являвшийся руководителем бюро ЦК РС-ДРП (б) вместе с Молотовым и Залуцким: „Разногласий по вопросу о составе власти и ее задачах в нашей среде не было. Мы предлагали Исп. Комитету составить Временное Революционное Правительство из рядов тех партий, которые входили в Совет того времени. Его программой должно быть осуществление минимальных требований программ обеих социалистических партий, а также

[1] „Прол. Рев." 1923 г., № 1 (13), стр. 121.

решение вопроса о прекращении войны. Мы соглашались с меньшевиками в том, что переживаем момент революционной ломки феодальных крепостнических отношений, что на смену им идут всяческие «свободы», свойственные буржуазным отношениям. Разногласия у нас были не в том, что мы ставили непосредственной задачей нашей революции немедленное осуществление социализма, а они были бы против. Так вопрос не стоял. Мы, большевики, не были «максималистами». Мы отказывались понимать буржуазный характер нашей революции в том вульгарно-урезанном виде, как хотели того другие.

„Мы считали вредными надежды меньшевиков и большинства социалистов-революционеров на проведение через буржуазию и ее руками революционных требований рабочих и крестьян. Для развития пролетарского движения было далеко не безразлично, в какой мере произойдет революционная ломка крепостнических отношений. Правые круги социалистических партий того времени надеялись достичь максимального (в пределах «буржуазных» отношений) размаха революционной ломки путем «постоянного и неуклонного давления на буржуазию и подталкивания ее влево». Эту тактику мы считали ошибочной и указывали и доказывали на примерах даже убогого прошлого в нашей стране, как обманчивы надежды на реальное достижение путем «подталкивания» буржуазии“ [1].

Мы уже знаем, из представителей каких партий состоял первый Совет 1917 г.: в Совет входили, кроме беспартийных рабочих и крестьян-солдат, большевики, меньшевики, соц.-революционеры, трудовики, бундовцы, интернационалисты-межрайонцы и соц.-демократы латыши.

Отстаивая структуру Временного Революционного Правительства в виде соединения представителей тех партий, какие входили в Совет, наша организация тем самым стояла за коалицию революционной соц.-демократии с революционной мелкой буржуазией, так как едва ли возможно оспаривать, что и трудовики, напр., и социалисты-революционеры и тогда, как и теперь, выражали интересы определенных слоев буржуазии.

И другое обстоятельство, именно признание того положения, что осуществление социализма не является непосредственной задачей момента, также не отличало большевиков от остальных партий.

То, что отличало большевиков от других социалистических партий, сводилось к той соглашательской тактике меньшевиков и соц.-революционеров, к той готовности уступить буржуазии роль гегемона революции, какую обнаружили эти партии и какая выявилась в согласии оборонцев составить Временное Правительство так, как это было желательно октябристам и кадетам.

---

[1] „Пролет. Рев.“ за 1923 г., № 1 (13), стр. 129—130.

В результате переговоров Исполнительного Комитета Совета и Комитета Гос. Думы правительство было составлено так: от националистов—Родзянко и Шульгин, от центра—Львов, от октябристов—Дмитрюков и Шидловский, от прогрессистов—Караулов, Коновалов и Ржевский, от конституц.-демократов—Милюков и Некрасов, от трудовиков—Керенский и от с.-д. меньшевиков—Чхеидзе.

Таким образом, с первых же дней революции соц.-демократы меньшевики и социалисты-народники являлись членами буржуазного Временного Правительства и, как прекрасно охарактеризовал их Родзянко, заложниками революции.

„Керенский должен был быть введен в состав кабинета,—говорит он,—по требованию демократических элементов, без соглашения с которыми не было никакой возможности водворить даже подобие порядка и создать популярную власть“ [1].

Для контр-революции это было необходимо. Потерпев поражение в немедленном утверждении монархии после того, как брат Николая Романова Михаил отказался от престола, буржуазия не оставила своих надежд так или иначе возвратиться к монархии, подавив революцию. Но для этого необходимо было взять власть.

При обсуждении в Совете вопроса о составе и характере правительства только большевики выдвинули революционную позицию о коалиционном правительстве социалистических партий; но это мнение едва ли собрало несколько десятков голосов. Большинство стояло за коалицию социалистов с буржуазией; центр держался мнения, суть которого сводилась к формуле: правительство буржуазное, социалисты не входят в него, но давят на него.

Точно так же было отвергнуто предложение большевиков внести в декларацию правительства заявление о немедленном введении 8-часового рабочего дня, конфискации земли и о немедленном окончании войны. Большинство членов Совета эти мнения находило уже прямо опасными.

Таким образом, уже в самом начале революции выявились те две линии русской соц.-демократии — революционная и соглашательская, пролетарская и мелкобуржуазная,—которые все время в течение всей истории большевизма боролись, все дальше и дальше уходя друг от друга.

Соглашательское поведение правой части социалистов окрыляло буржуазию. Без социалистов, за которыми шли рабочие и армия, власти взять было нельзя; но, взявши власть, можно будет социалистов выгнать,—так примерно рассуждали октябристы и националисты.

„...Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство — мы ему сдадим власть. А не

[1] См. „Февральская рев.“. Мемуары. Восп. Родзянко.

обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...". Так рассуждала буржуазия в то время, когда шли переговоры с Николаем Романовым. Вышло так, что последыш Романовых не сумел сделать так, как хотелось буржуазии. И вот тогда-то буржуазия вынуждена была согласиться на социалистов.

„Пусть думают, что власть взята Государственной Думой... Для них это лозунг — «Государственная Дума». И для России тоже... Пока решится вопрос о государе" [1].

Так рассуждал Шульгин, так рассуждала и вся буржуазия, идя на коалицию с социалистами-революционерами и меньшевиками.

Известие о перевороте быстро проникло в провинцию: телеграммы Родзянко и Бубликова оповестили страну о революции, и в большинстве городов под напором рабочих и солдат старые власти уходили со своих постов, и на их место становились общественные организации — буржуазные комитеты общественной безопасности, спасения, Советы Рабочих Депутатов, революционные комитеты и, наконец, комиссары, назначенные новым правительством. Так было в Москве, Н.-Новгороде, Пензе, Костроме, Казани, Курске, Ярославле, Царицыне, Владимире, Иваново-Вознесенске, Перми и др. местах. Кое-где старые власти сами шли навстречу новому правительству, и это очень ярко оттеняло буржуазный характер революции: в Ростове на-Дону градоначальник, в Уфе и в Полтаве губернаторы даже помогали образованию новых общественных организаций. Даже б. великий князь Николай Николаевич на Кавказе признал переворот [2]. Уже это одно обстоятельство должно было заставить задуматься над вопросом, что же за переворот произошел в стране и какие ожидания возбудил он в различных классах и партиях.

Только в немногих городах (Харьков, Рязань и др.) старая власть делала слабые попытки к сопротивлению, но это были исключения, всеобщее ликование, по крайней мере внешнее, прославляло великую и бескровную революцию.

5. Партийная организация в Петрограде и в провинции в февральские и в мартовские дни.

Петроградский комитет нашей партии в течение всей войны, несмотря на беспрестанные разгромы жандармами, с честью держал свое революционное знамя, не выпуская его из рук: на смену выбывших борцов поднимались новые, и работа шла беспрерывно. В декабре 1915 г. попали в тюрьму С. Богдатьев,

[1] См. „Февральская рев.". Мемуары. Восп. Шульгина.

[2] В то же время Н. Н. Романов писал Львову о том, что нужно как можно скорее разогнать Советы Рабочих Депутатов.

В. Шмидт, Орлов („Кирилл“), Лутовинов („Юрий“), Залежский („Владимир“) и многие другие.

Но в 1916 году в Петербурге работал снова не только новый состав Комитета, но даже бюро ЦК (Шляпников, Залуцкий, Молотов и др.). В самый разгар революции, 26-го февраля, ПК был арестован, но уже на следующий день революция открыла двери тюрем, и ПК зажил новой легальной жизнью.

В первые дни после освобождения из тюрем члены ПК были на улицах, руководя непосредственной вооруженной борьбой восставших рабочих и солдат.

В числе сотен героев, погибших на улицах Петербурга в февральские дни, легло много и членов партии и в том числе некоторые из членов ПК, например рабочий П. Коряков. Этим обстоятельством и объясняется то, что инициатива создания Совета находилась в руках оборонцев.

ПК конструировался, как легальная организация, 2-го марта 1917 г. после инициативного собрания, происходившего накануне. В состав ПК вошли все на-лицо находившиеся члены комитета старых призывов — В. Шмидт, М. И. Калинин, Шутко, Антипов, Залежский, Орлов, Комаров. Вскоре же, к средине марта, в ПК были кооптированы Стучка, Авилов, Михайлов, Подвойский, вызванный из провинции В. Невский и др. В ПК же входил и член бюро ЦК, Шляпников.

Тактическая линия ПК занятая им в первые дни революции, именно в марте, достаточно хорошо характеризуется его отношением к Временному Правительству. „ПК РС-ДРП, считаясь с резолюцией о Временном Правительстве, принятой Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, заявляет, что не противодействует власти Временного Правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа, и объявляет о своем решении вести самую беспощадную войну против всяких попыток Временного Правительства восстановить в какой-либо форме монархический образ правления“ [1].

Эту политическую линию, взятую ПК в марте 1917 года, один из его членов, вступивших в работу непосредственно в момент революции, т. В. Н. Залежский характеризует так: „...Непосредственно к выступлению против Временного Правительства, опирающегося на Совет, пока не призывать, обратить внимание в первую очередь на завоевание рабочих и солдатских масс, немедленно организовать и укрепить рабочую гвардию, отстаивать непосредственные экономические улучшения положения рабочих масс, выбросить лозунг образования крестьянских комитетов для немедленного проведения в жизнь конфискации земли“ [2].

---

[1] „Прол. Револ.“ за 1923 г., № 1 (13), стр. 146.
[2] Там же, стр. 147.

Эту тактику по достоинству оценила прежде всего буржуазия: с самых же первых дней революции, против большевиков, и против ПК в особенности, началась травля как на страницах буржуазной прессы, так и на собраниях, и в воинских частях, и на заводах. Меньшевики и соц.-революционеры помогали буржуазии: в первые же дни революции ИК Совета вынес постановление, чтобы выступающие ораторы имели на то разрешения или мандаты ИК. Вынести такое постановление—это значило (если бы ПК вздумал исполнять его) лишить фактически слова ораторов Петроградского комитета. Но не только в этом проявлялось враждебное отношение всех партий к большевикам: при всяком удобном и неудобном случае все старались повредить ПК,— при отводе ли помещений, при представительстве ли в Совете, при выступлениях ли на митингах или собраниях. Однако, ПК не складывал в унынии рук и бросил все свои силы в массы—на заводы, фабрики и казармы.

Уже 3-го марта ПК принял постановление предложить ЦК вместе с ПК восстановить издание Центрального Органа партии „Правды"; 4-го марта это предложение было рассмотрено Бюро ЦК, а 5-го марта вышел первый номер „Правды". Тогда же в ПК был поставлен вопрос о созыве общероссийской конференции и поручено т. Залежскому составить организационную комиссию по созыву этой конференции.

В редакцию „Правды" по настоянию ПК был введен один из его членов, хотя и по выбору бюро ЦК.

Таким образом, работа ПК с самого начала революции развивалась интенсивно во всех направлениях, а по мере того, как приезжали или вызывались из провинции старые подпольные работники, она охватывала все больше и больше самую толщу рабочих и солдатских масс.

На работу среди солдат именно ПК обратил особенное внимание. Было ясно, что оттого, за кем пойдет эта многомиллионная крестьянская масса, будет зависеть и исход революции. Работа ПК в этой области должна была являться образцом и для всей тыловой России и для фронта.

ПК начал эту работу с первых же дней революции, но отсутствие сил до средины марта не позволяло развернуть работу во всю ширь, и только с приездом новых работников пропаганда, агитация и организация среди солдат была поставлена на должную высоту: 22-го марта была В. И. Невским и Н. И. Подвойским уже образована военная организация ПК, сыгравшая такую большую роль в истории 1917 г. и особенно в октябрьские дни, а в апреле вышел ее орган „Солдатская Правда" [1].

Партийная организация в Москве в годы реакции переживала еще более тяжелые дни, чем в Петрограде.

---

[1] В редакцию газеты, кроме В. Невского, входили и солдаты.

Группа старых большевиков, находившихся в Москве (Скворцов, Смидович, Лосев, Яхонтов, Ольминский, Ногин, Милютин, С. Н. Смидович, Обух, Галенко, В. Н. Яковлева, Землячка), вела небольшую, правда несистематическую, работу. В 1916 г. член бюро ЦК т. Шляпников организовал областное бюро ЦК и в Москве, но работа от этого не двинулась, так как указанной группе большевиков, сильно скомпрометированной в глазах полиции и находящейся под ее наблюдением, не удалось ни создать Московского комитета, ни установить постоянной связи с районами: работа велась в районах отдельными товарищами и группами (Федоров, Владимиров, А. П. Смирнов и др.).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в противоположность Петербургу, где наша партийная организация выступала вполне самостоятельно, в Москве с получением первых известий из Петрограда был создан революционный комитет, как выражается т. Игнатов, „первыми товарищами, пришедшими в городскую думу", и пополнявшийся „старыми деятелями рабочего движения" [1].

Быть может, самым характерным для Москвы является то обстоятельство, что прокламация об организации Совета была издана с лозунгом: „В борьбе обретешь ты право свое" и от имени организационной группы соц.-революционеров и областного бюро ЦК РС-ДРП(б).

Мысль об организации Совета здесь, однако, вышла из той группы старых большевиков, о которой говорилось выше. Еще 27-го февраля ночью, собравшись на квартире у Обуха, эта группа решила призвать рабочих к организации Совета, а 28-го с утра началась всеобщая политическая забастовка, и депутаты, выбранные в Совет, потянулись в городскую думу. Совет был сконструирован, и большевики в Москве, как и в Петрограде, поставили перед собой вопрос прежде всего о вовлечении в движение солдат. В результате довольно ожесточенной борьбы с буржуазией, организовавшейся в Комитет общественных организаций, некоторое время существовавший рядом с Советом, большевикам вместе с соц.-революционерами и меньшевиками удалось добиться и выбора Совета Солдатских Депутатов.

Однако, и в Москве, как и в Петрограде, Совет был не в руках большевиков: даже после перевыборов и организации районных Советов большевики были в меньшинстве и в Совете и в Исполнительном Комитете; оборонческие направления и оборонческие настроения господствовали и здесь [2].

Что же касается партийной организации большевиков, то и в Москве ее тактика была такой же ортодоксально-револю-

[1] Е. Игнатов. „Моск. Совет р. д. в 1917 г.". М. 1925 г., стр. 7.

[2] См. Е. Игнатов. „Моск. Сов. раб. деп. в 1917 г.", стр. 68. Вот партийный состав ИК: соц.-рев. 24, меньш. 21, больш. 23, объединенцев 2, бундовцев 1, с.-д. латышей 1, с.-д. поляков 1, синд. 1 и бесп. 1.

ционной и выявлена по всем важнейшим вопросам момента—по вопросу о войне, о Временном Правительстве, о 8-часовом рабочем дне и т. п.

Партийная организация была восстановлена в первые же дни революции. Но тяжелые условия жизни в годы реакции не позволяли сразу развить очень большую работу.

Положение дел в Москве в течение марта и апреля очень яркими, хотя и краткими, чертами рисует т. Землячка в своем докладе на апрельской общероссийской конференции партии.

„В первые дни революции Московская организация пережила период той растерянности, какую можно было видеть и в других местах. Она совершенно не была приспособлена к той широкой политической работе, делать которую представилась возможность. Прежние методы и навыки оказались совершенно непригодны для новых условий...“ [1].

Однако, несмотря на это, Московский комитет сумел очень скоро расширить и углубить работу: была поставлена большевистская газета, была создана военная организация, закипела работа в районах.

Что же касается тактики Московской организации, то, быть может, лучше всего она характеризуется следующими словами отчета т. Землячки: „В резолюции об отношении к Временному Правительству проводится строго точка зрения революционной социал-демократии: никакого доверия, никакой поддержки правительству, явно контр-революционному“.

Борьба за влияние на массы характеризует жизнь наших партийных организаций при их возникновении и в остальной провинции.

На Урале до революции в нелегальных условиях существовало только 9 наших организаций. Ко всероссийской апрельской конференции их там было уже 43. Как видно из отчета, сделанного на конференции покойным т. Свердловым, только в этих девяти пунктах, где существовали и до революции наши организации, Советы были организованы большевиками и носили революционный характер; в остальных местах они имели „весьма неопределенную и расплывчатую политическую физиономию“.

„Общий характер работы, точную линию таких организаций трудно определить, так как организации все молодые, недавно созданные. Товарищи, объезжавшие отдельные пункты Урала, не знали, где начинается одна и кончается другая организация...“ [2].

Не лучше обстояло дело и в Поволжье. Там, хотя чисто оборонческих организаций и не было, по словам докладчика, однако повсюду оборонческое направление боролось с интерна-

[1] „Петр. общегор. и всероссийская конференция РС-ДРП (б) в апр. 1917 г.“. М. 1925 г., стр. 91.
[2] Ibid., стр. 83.

ционалистским; в Саратове, напр., членов РС-ДРП было 1.000 ч., но оборонцев тоже около того (700 ч.).

Оборонческое направление, однако, господствовало в Советах; так, в Саратове из 120 чел. членов Совета большевиков числилось 40, в Казани из 200 делегатов — большевиков 35 чел.

Окружная организация Центрального Промышленного района имела около 12—13 тыс. членов партии. В Сормовской и Тульской организациях между большевистскими и меньшевистскими организациями, по словам отчета, „установлен был определенный контакт, а в январе они объединились на циммервальдско-кинтальской платформе, но к моменту революции циммервальдцы слиняли".

„Тульская организация представляет такую же картину: меньшевики идут вместе с большевиками, хотя меньшевики сейчас и оборонцы, а некоторые и еще правее"... [1].

Брянский район еще не оформился, т.-е. попросту там еще не было организации.

Зато в Советах, по словам отчета, „картина иная, чем в Питере". „Здесь ставится вопрос: угодно или неугодно брать власть в свои руки".

Отчет представителей Донецкого бассейна рисует только Луганскую организацию, как чисто большевистскую; в Екатеринославе же организация, в которой до революции было 400 членов, после революции пришла в упадок.

„Интеллигенции там не было, сейчас нахлынула, но не большевистская".

„В С. Р. и С. Д. преобладают количественно ликвидаторы, и хотя организации ликвидаторов там сначала не было, но к моменту революции ликвидаторы заняли места. В этом С. Р. и С. Д. нашего влияния быть не может" [2].

Положение дел на Кавказе даже к апрельской конференции было совсем не блестяще, так как, по словам отчета, „мы на Кавказе дезорганизованы". Из 2 т. членов партии большевиков насчитывалось только 500 чел., а „что касается Советов Раб. и Солд. Деп., то роль их огромная, влияние также, но несчастье в том, что люди, стоящие во главе их, являются «оборонцами»: они идут в хвосте буржуазии" [3]. Не говоря уже о таких нерабочих городах, как Екатеринодар, где преобладало объединенческое настроение, даже в Баку в Совете господствовали меньшевики, хотя во главе Совета и стояли большевики.

В таком положении находилась наша организация в ближайшие месяцы после революции (март—апрель).

Не следует, однако, забывать, что это была действительно **рабочая** и все же массовая организация, так как уже на

[1] „Петрогр. общегор. и всеросс. конфер. в апр. 1917 г.", стр. 94—95.
[2] Ibid., стр. 96.
[3] Ibid., стр. 97.

апрельской конференции было представлено около 80 т. членов партии (79.204 ч.); кроме Москвы и Петрограда, во многих местах удалось поставить свои газеты, укрепиться в возникших профессиональных союзах, создать военные организации и шаг за шагом отвоевывать массы у оборонцев.

В высшей степени важно было то, что у большевиков организация жила полной жизнью истинно пролетарской демократической организации. Как только партия вышла из подполья и стала жить в условиях буржуазного режима, сейчас же в основу организации были положены принципы демократического централизма и проведено самое строгое выборное начало. В самом деле, по „уставу Петроградской организации РС-ДРП.“, принятому на общегородской апрельской конференции, в § 5 читаем, что „основным районным органом партии является районное собрание“, что члены ПК выбираются районным собранием (§ 8). Такими же принципами была пропитана и Московская организация; на тех же началах строилась партийная организация и повсюду.

Свободная дискуссия, живой обмен мнений, обсуждение не только местных, но и общероссийских вопросов, необыкновенно живой интерес к актуальным вопросам дня, абсолютно поголовное участие в обсуждении и решении этих вопросов, отсутствие бюрократического отношения к делу, словом—активное участие решительно всех членов в делах организации — были характерными чертами наших ячеек и комитетов.

Организация представляла живой упругий аппарат, необычайно подвижный, готовый в каждый данный момент по первому призыву выполнить каждое необходимое действие, при этом продуманное и взвешенное решительно каждым членом партии.

Шла революция, и ее могучее дыхание делало революционером и каждого члена партии, ибо в партию шли не ради мест, не ради выгод, а наиболее стойкие, наиболее убежденные в правоте нашего дела.

6. Приезд В. И. Ленина. Тезисы.

Третьего апреля (16-го по новому стилю) в Петроград приехал В. И. Ленин. Рабочие и солдаты Петрограда устроили своему вождю невиданную встречу, несмотря на ту бездну гнусной клеветы и лжи, которые распространялись буржуазной печатью о приезде В. И. Ленина и других эмигрантов.

Буквально весь рабочий Петербург, буквально весь или почти весь гарнизон пришел встретить своего вождя.

Здесь уже, во время этой встречи, ясно было всем, кто мог и хотел видеть, за кем пойдут рабочие и крестьянские массы, кто является их вождем.

Уже вечером того же 3 апреля В. И. Ленин в своей речи в ответ на приветствия товарищей развил те положения, которые затем были опубликованы в „Правде" и послужили темой самых горячих дискуссий в партийной среде и самых злобных нападок со стороны врагов.

Тезисы — это десять положений, которые легли в основу докладов, сделанных В. И. Лениным сначала на большевистском собрании, а затем на собрании большевиков и меньшевиков, делегатов Всероссийского Совещания Сов. Раб. и Солд. Депутатов, как раз созванного в это время меньшевиками и соц.-рев. [1].

В первом тезисе Ленин, квалифицируя империалистскую войну, как грабительскую войну, и заявляя свое непримиримое отношение к ней, высказывает мысль, что пролетариат может дать согласие лишь на революционную войну при условии перехода власти в руки пролетариата и революционных крестьян, отказа от аннексий и контрибуций и при полном разрыве с интересами капитала.

Здесь же рекомендуется пропаганда этого взгляда и идеи братанья.

Второй тезис Ленина формулирован так: „Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко *второму* ее этапу который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

„Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны—отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

„Это своеобразие требует от нас уменья приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только-что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата".

В третьем тезисе развита мысль об отказе со стороны пролетариата в поддержке Временному Правительству и разоблачение его политики.

В четвертом тезисе, признав факт, что большевики в Советах находятся в меньшинстве и что массы идут за оборонцами, Ленин далее говорит: „Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок и тактики.

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. XIV, ч. I, стр. 17—21.

„Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок".

„Не парламентарная республика,—писал Ленин в пятом тезисе,—возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,—а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху.

„Устранение полиции, армии, чиновничества.

„Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего".

В шестом тезисе провозглашается, как немедленная неотложная задача, конфискация всех помещичьих земель и национализация земли, при чем распоряжение землей переходит в ведение батрацких депутатов.

„Слияние немедленное всех банков страны,—говорится в 7-м тезисе,—в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.".

„Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов" (тезис восьмой).

Девятый и десятый тезисы относятся к чисто партийным задачам и рекомендуют немедленный съезд партии, изменение программы партии в отношении к империализму и к государству с провозглашением требования „государства-коммуны", исправление и дополнение программы-минимум, перемена названия партии (РКП(б) вместо РС-ДРП) и обновление Интернационала.

Такова суть этих знаменитых тезисов, повергших в ужас одних, возбудивших радость и сочувствие в других, вызвавших взрыв бешенства в лагере буржуазии и необыкновенный энтузиазм в рядах пролетариата.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что и в рядах нашей партии были люди, которые сначала неверно восприняли эти тезисы, понимая их, несмотря на категорические разъяснения, как призыв к немедленному осуществлению социализма.

Между тем позиция, на которой стоял Ленин, являлась естественным развитием того учения, которое было выработано Лениным уже давно, в предшествующие периоды истории нашей партии, так как одним из основных положений большевизма, как мы видели выше, было положение, вынесенное еще из первой русской революции,—это идея диктатуры пролетариата и крестьянства; эта же идея предполагала и все те выводы, все те меры, к которым неминуемо нужно было прийти, коль скоро партия была убеждена в необходимости и неизбежности пролетарско-крестьянской диктатуры.

В чем же выражались разногласия, возникшие в нашей партии в связи с опубликованием тезисов Ленина?

Разногласия эти лучше всего были выражены т. Каменевым и сводились к тому, что, по мнению Каменева, Ленин считал буржуазно-демократическую революцию законченной, между тем как она была в действительности далеко не закончена, и потому говорить о немедленном перерождении этой революции в социалистическую было нельзя.

Ленин подробно остановился на этих разногласиях в своих „Письмах о тактике", к которым мы и отсылаем читателей [1].

Своеобразие момента, который переживала в то время наша страна, по мнению Ленина, заключалось в двоевластии. Это двоевластие проявлялось в существовании двух правительств: одного—буржуазного, обладавшего всем аппаратом власти, и другого—Совета, опиравшегося на большинство народа, т.-е. рабочих и крестьян.

Классовый источник этого двоевластия в том, что русская революция, уничтожив монархию и передав власть буржуазии, в то же время вплотную подошла к осуществлению диктатуры пролетариата и крестьянства, при чем Петроградский Совет добровольно передал власть буржуазии и ее Временному Правительству.

Отсюда своеобразие тактики, вытекающей из такого своеобразного положения русской революции,—завоевание пролетарских масс, захваченных революционным оборончеством и поддерживающих тем самым империалистическую буржуазию, стоящую у власти, терпеливой, неустанной пропагандой, критикой тактики мелкобуржуазных партий меньшевиков и соц.-революционеров, за которыми идут массы.

Лозунг „долой войну" верен, но войну кончить нельзя ни решением одной стороны, ни „воткнув штык в землю", ни соглашением социалистов всех стран. Единственный путь к окончанию войны—это переход государственной власти к пролетариату.

7. Петроградская конференция 14—22 апреля 1917 г. Кризис власти. Общероссийская конференция в апреле 1917 г.

При таких своеобразных условиях собралась Петроградская общегородская конференция (14—22 апр.).

На конференции присутствовало 57 делегатов (вместе с национальными представителями). В порядке дня стояли следующие вопросы: текущий момент, об отношении к Совету Р. и С. Д., отношение к соц.-демократам других партий, городские выборы, о травле против „Правды" и организационный вопрос.

Работа конференции носила подготовительный характер, как и работа другой местной конференции—первой областной Мо-

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. XIV, ч. I.

сковской, начавшейся 19 апреля, к общероссийской конференции (24—29 апреля); поэтому мы не будем останавливаться на решениях этих совещаний, так как мнение всей партии выявилось ясно и определенно именно в резолюциях, принятых 24—29 апреля.

Отметим только, что в главном и основном линия партии наметилась уже на этих конференциях самых важных и сильных большевистских организаций.

Работы Петроградской конференции были прерваны теми событиями, которые произошли в связи с так называемым кризисом власти.

Поводом к этому кризису власти послужила нота министра иностранных дел Милюкова к союзным правительствам, подтверждающая верность Временного Правительства союзным договорам и заявляющая „о всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы".

19 апреля нота Милюкова стала известна широким слоям рабочих и солдат, и в районах и казармах началось брожение, которое в ближайшие дни (20 и 21 апреля) вылилось в грандиозные демонстрации в Петрограде; 20 апреля было созвано экстренное заседание ЦК РС-ДРП и выпущено воззвание за подписью ЦК и ПК о кризисе власти с призывами протестовать против политики буржуазии; 20 апреля массы выходят на улицы, при чем в ответ на выход масс, сосредоточившихся в рабочих районах, буржуазия организует митинги сочувствия в центре города; рабочие массы рвутся к центру, происходят столкновения враждебных демонстраций, раздаются выстрелы. Петроград в апреле напоминает Петроград в феврале с тою разницей, что дело не доходит до массового применения оружия.

Под давлением этого массового движения Исполнительный Комитет С. Р. и С. Д. устраивает совместное заседание с Исполн. Комитетом Гос. Думы и Временным Правительством; 21 апреля опубликовывается разъяснение Временного Правительства по поводу ноты Милюкова. Разъяснение не меняет существа милюковской ноты, и демонстрации достигают наивысшего напряжения. В результате столкновений убитые и раненые.

Генерал Корнилов издает приказ Михайловскому артиллерийскому училищу выйти против демонстрантов и расстрелять их, училище отказывается исполнить приказ; ИК С. Р. и С. Д. выпускает воззвание с призывом поддержать спокойствие и порядок; в Кронштадте, Гатчине, Ораниенбауме и других близких пунктах массы, по призыву военной организации партии, готовы двинуться в Петроград; ИК С. Р. и С. Д. просит прекратить движение и в то же время большинством 34 голосов против 19 принимает резолюцию, которой считает инцидент с нотой исчерпанным.

Таков вкратце ход событий, смысл же их сводится к тому, что оборончески настроенные массы инстинктивно протестовали, понимая, что суть политики Временного Правительства сводилась к продолжению империалистской войны и тем самым к укреплению

влияния англо-французского капитала, на службе которого находилась русская буржуазия.

Как же учла эти события наша партия? Ленин, бесспорно выражая мнение всей партии, писал 23 апреля 1917 г.: „Урок ясен, товарищи-рабочие! Время не ждет. За первым кризисом последуют другие. Все силы отдайте делу просвещения отсталых, массового, товарищеского, непосредственного (не только митингового) сближения с каждым полком, с каждой группой еще не прозревших трудящихся слоев".

..„Сплачивайтесь вокруг своих Советов, внутри их товарищеским убеждением и перевыбором отдельных членов старайтесь сплотить вокруг себя большинство!" [1]

Всероссийская конференция, собравшаяся вскоре после первого кризиса власти, ответила на все важнейшие вопросы момента.

В резолюции о войне после определения сущности войны, как империалистической и захватной, дается определение „революционного оборончества", с одной стороны—как отражение крестьянских верхушек, заинтересованных в прибылях, приносимых им войной, а с другой—как результат обмана трудящихся капиталистами.

Протестуя против клеветы, распространяемой о большевиках, будто бы стремящихся к сепаратному миру, резолюция указывает, как на единственный путь окончить войну,—на переход власти к пролетариату.

В резолюции по текущему моменту определяется империалистическая буржуазная и контр-революционная сущность Временного Правительства и указывается, что единственным выходом из того своеобразного положения, которое характеризуется двоевластием, является длительная работа по прояснению классового пролетарского сознания, так как только такая работа облегчит переход к диктатуре пролетариата.

В то же время резолюция указывала на необходимость, как средства обеспечить пролетариат от расстрела и подавления революции, организовать и усиливать самочинные действия, направленные к обеспечению свободы и борьбы с контр-революцией.

В связи с этой резолюцией была принята и резолюция по вопросу о коалиционном министерстве, вопросу, который стал актуальным вопросом дня и которым меньшевики и соц.-революционеры думали предотвратить грядущий кризис власти.

Указав на то, что призывы о поддержке лозунга составить коалиционное министерство исходят от буржуазии, понявшей, что, только прикрываясь именем социалистов, возможно вести за собой массы, резолюция подчеркивает, что всякий, кто пойдет на предложение буржуазии, становится соучастником империалистической политики капиталистов, и высказывается против посылки Советом своих представителей в коалиционное министерство.

[1] Собр. соч. В. И. Ленина, т. XIV, ч. I, стр. 109.

Точно так же конференцией были осуждены и отвергнуты предложения Боргбьерга, выступавшего от имени скандинавских партий, принять участие на съезде социалистических партий, устраиваемом вторым Интернационалом (Стокгольмский съезд). В резолюции было подчеркнуто и указано, что только совещания и совместные действия с партиями, уже во время войны боровшимися на деле против войны, могут приблизить окончание кровавой бойни и что конференция, о которой говорит Боргбьерг, на деле есть конференция, организуемая под флагом социализма капиталистами.

Отвергая предложение Боргбьерга, конференция в специальной резолюции предлагала отказ от объединения с оборонческими партиями (меньшевиками и соц.-революционерами), своей поддержкой империалистического правительства показавшими свою мелкобуржуазную, оппортунистическую сущность, и считала возможным объединение только с интернационалистскими течениями.

В резолюции по аграрному вопросу конференция исходила из того положения, что, несмотря на свою мелкобуржуазную сущность, крестьянство на деле борется за землю революционным путем, что национализация земли, будучи буржуазной мерой, означает тем не менее могучий удар по частной собственности и что в зависимости от того, за кем пойдет революционное крестьянство, будет находиться исход русской революции; поэтому партия стоит за конфискацию всех помещичьих, удельных и т. п. земель, за переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы, за создание крестьянских комитетов, которые организованно брали бы уже сейчас землю, за превращение крупных помещичьих имений в образцовые хозяйства и т. п.

Подчеркивалась и необходимость отдельной организации деревенского пролетариата.

Не менее важным решением конференции следует признать и постановление, в котором давалась критика соглашательской, антипролетарской, оппортунистической политики второго Интернационала и поручалось ЦК „приступить немедленно к шагам по основанию третьего Интернационала".

Резолюция о текущем моменте, исходя из того основания, что предпосылки социалистической революции продолжают назревать в капиталистических странах Европы и что переход власти в руки пролетариата еще более усилит благоприятные условия такой революции, устанавливает положение, что „пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования".

Но, высказывая это положение, конференция решительно отмежевывается от тех социалистов, которые отсюда делали выводы, что уже в переживаемую эпоху невозможны меры переходного характера к социализму.

Указывая далее на ряд таких мер — установление государственного контроля за банками, объединение всех банков в один национальный банк, национализация земли, введение всеобщей трудовой повинности и т. д. и т. п., конференция подчеркивает, что все эти меры, при условии перехода власти к пролетариату, уже в настоящее время, хотя и с величайшей осмотрительностью, должны быть осуществляемы и проводимы.

На конференции в общем царило единодушие, и те различные оттенки мнений, которые были выявлены по важнейшим вопросам текущего момента, не представляли настолько несогласимых положений, чтобы их нельзя было уложить в общую приемлемую для всей партии формулировку. Только по вопросу национальному проект резолюции Пятакова несколько отличался от принятой на конференции формулировки. Сущность разногласий сводилась к вопросу о праве наций угнетенных, входящих в состав определенного государства, на отделение. Пятаков, исходя из того положения, что в эпоху пролетарской революции принцип отделения угнетенных национальностей особенно поддерживается шовинистической буржуазией, именно во имя предохранения себя от революции, отвергал „в принципе раздробление крупных государственных образований на мелкие национальные государства".

Противоположную точку зрения (полной свободы отделения) отстаивали Сталин и Ленин, и она была принята конференцией. Конференция работала и по вопросу об изменении программы партии в связи с изменившимися условиями и структурой буржуазного общества. Конференцией были приняты положения, которые должны были лечь в основу новой измененной программы, а ЦК — партии поручено к партийному съезду составить проект такой новой программы. В главном новая программа должна была содержать оценку империализма, из нее должно было удалить устаревшие части политической программы, должна быть переделана программа-минимум, изменена аграрная программа и т. п.

Таким образом, апрельская конференция затронула все важнейшие вопросы момента и во многих отношениях надолго определила тактику нашей партии, так что по существу она с полным правом могла бы считаться съездом партии.

Конференция выбрала и ЦК в составе Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Милютина, Ногина, Свердлова, Смилги и Федорова. Это и был первый ЦК, выбранный открыто на легально собравшейся конференции.

8. Второй кризис власти и июльское выступление.

Вскоре после апрельской конференции нашу партию ждали очень тяжелые испытания: буржуазия показала, что она не хочет мириться ни с Советами, ни с теми, кто на деле борется за них.

Уже в июле наступил новый кризис власти, и новое еще более грандиозное выступление масс окончилось настоящими вооруженными столкновениями на улицах.

Апрельский кризис закончился соглашением крупной буржуазии (в лице кадетов) и мелкой (в лице меньшевиков и соц.-революционеров),так сказать, о едином фронте против большевиков.

Второго мая вышли в отставку Милюков и Гучков. Последний, имея портфель военного министра, сразу же создал конфликт с солдатской массой. Поводом к этому конфликту послужила контр-революционная политика Гучкова. Еще в марте был создан солдатами, буквально под выстрелы восставшего народа, приказ № 1, которым Совет Р. и С. Д. предлагал ввести в армии выборные комитеты и упразднить ненужную субординацию царского режима.

Лицемеры и ханжи всех толков и партий приходили в ужас оттого, что будто бы этот приказ разрушил армию, не понимая, что разрушительные силы революции все равно распылили бы ее: заслуга большевиков в том и состоит, что даже в этот стихийный разрушительный процесс они сумели внести те элементы организации, которые и помогли потом на развалинах старой царской армии создать боеспособную новую армию. Стихийный процесс развала шел в армии быстрее, чем, где-либо: большевики насколько хватало их сил, вносили всюду организованность, и, несомненно, только в результате их влияния негодование возмущенной солдатской массы, выразившееся в убийстве офицеров, очень скоро улеглось.

Все россказни об особенных зверствах кронштадтских матросов — вымысел напуганного воображения: и в Кронштадте, как и везде, военная организация большевиков внесла порядок и успокоение. Правда, в Кронштадте уже в апреле власть фактически была в руках Совета, но это-то как раз и не нравилось Гучкову.

Приказ № 1 был исправлен им и издан приказ № 2, который, конечно, был попыткой ввести в армию старые порядки. Конфликт в апреле, однако, показал, что возврата к старому нет: армия Гучковым не повиновалась.

5-го мая составилось коалиционное министерство; заложниками от социалистов в правительстве были И. Г. Церетелли, В. М. Чернов и М. И. Скобелев, не считая А. Ф. Керенского, т.-е. два меньшевика, соц.-революционер и трудовик.

Дальнейшие события не замедлили показать, что коалицией делу не поможешь. Перед страной стояли два основных огромной важности вопроса: как кончить войну и как разрешить земельный вопрос?

Большевики уже ответили на эти вопросы, и масса слышала это. Буржуазия отвечала на эти два вопроса по-своему: война до победного конца, а разрешение земельного вопроса отложить до созыва Учредительного Собрания.

Но ни октябристы ни даже кадеты не в состоянии были вести за собой массы; их еще некоторое время могли вести на убой только люди, на знамени которых были написаны лозунги социализма. И меньшевики и социалисты-революционеры и начали своим именем прикрывать дело буржуазии.

Борьба за армию, за крестьянство — вот основной факт всех событий, протекших от апрельского кризиса до июльских дней. Рабочая масса уже была завоевана большевиками, это показали апрельские дни; то обстоятельство, что в Советах сидели в большинстве оборонцы, доказывало только старую, как мир, истину, что аппарат всякой власти имеет свою инерцию: чем дольше жила власть, чем глубже пустила она корни, тем дольше по инерции еще работает аппарат, когда уже объективные условия подготовляют падение хозяев этого аппарата. Момент, когда аппарат будет разбит, зависит уже не от тех, кто сам находится у него в плену.

Борьба за армию и за крестьянство и развернулась в дальнейшем.

Осуществить наступление взялся Керенский, бывший в новом правительстве военным и морским министром.

Сотни комиссаров и тысячи агитаторов—меньшевиков и социал-революционеров—были пущены в ход с пропагандой необходимости наступления; были созданы так называемые батальоны смерти, задачей которых являлось показывать пример и вместе с тем пулеметами гнать на убой непокорных; пресса была переполнена патриотическими статьями; как болотные испарения поднималась клевета, что большевики, во главе с Лениным, немецкие шпионы; работала контр-разведка; а сам Керенский разъезжал по фронту и призывал к наступлению.

Ни солдаты, ни рабочие, ни крестьяне, однако, воевать не хотели. Сознание, что единственный способ окончить войну есть взятие власти в свои руки,—хотя и медленно, но все больше и больше завоевывало массы. Это наглядно было доказано уже в июне, когда в самый момент Всероссийского съезда Советов, открывшегося 3-го июня, произошли события, показавшие, за кем идет масса. На съезде меньшевики и соц.-революционеры были в большинстве, 8-го июня большинством 543 голосов против 126 при 52 воздержавшихся была принята резолюция меньшевиков об отношении к Временному Правительству. Победа была полная, а между тем в воздухе пахло грозой: на другой день после открытия съезда в Петроград прибыли кронштадтцы с целью борьбы с той агитацией, которая велась против большевиков; четвертого же анархисты захватили дачу Дурново и типографию „Русской Воли“, издан приказ Керенского об отправке украинского полка имени Б. Хмельницкого на фронт, протесты украинцев, отстранение матросами от командования Колчака и Смирнова в Севастополе, 8-го—демонстрации рабочих Выборгского района в знак протеста против выселения анархистов, протесты Все-

украинского войскового съезда против политики Керенского и, наконец, всеобщие митинги рабочих и солдат с протестом против Временного Правительства — все это были угрожающие предвестники близкого конфликта. Демонстрацию, назначенную нашей партией на 10-е июня, меньшевики отменили, при чем Церетелли в ИК С. Р. и С. Д. прямо заявил, что большевики подготовляют заговор „для низвержения правительства и захвата власти".

Это, конечно, было неверно, не наступило еще для этого время, но ясно было для всех, что оно приближается, так как демонстрация 18-го июня у могил жертв революции была демонстрация большевистская, хотя и была назначена ИК: бесчисленные знамена пестрели большевистскими лозунгами не только в руках рабочих, но и солдат, руководители военной организации, в сущности—с разрешения законного правительства, делали смотр своим мятежным войскам, сами оставаясь неизвестными, неуловимыми, неведомыми.

В то же самое время наступление на фронте после временных успехов не удалось, и причиною этой неудачи, вопреки мнению истеричных кликуш буржуазии крупной и мелкой, являлись не большевики: отсутствие снарядов, продовольствия, обмундирования, недоверие к офицерам и, главное, охватившее солдатскую массу сознание ненужности и преступности безумной бойни. Счастье революции состояло в том, что и на фронте были большевики, их слушали, и, если бы их не было, та гражданская война, которую начал Керенский, расстреливая не желавших наступать солдат, принесла бы неисчислимо больше жертв.

Эту гражданскую войну начали меньшевики и соц.-революционеры и в тылу: повсюду—в Москве, в Петрограде, в городах и в деревнях провинции—шипело слово: изменники! И большевиков травили, арестовывали, а кое-где и убивали.

Ясно, что так долго продолжаться не могло. Скоро пустячный повод вызвал снова массы на улицы, и победившая контрреволюция стала подготовлять переворот.

В конце июня происходила конференция большевистских военных организаций (началась 22-го июня), и было выяснено, что более ста тысяч солдат в тылу и на фронте находятся в организации большевиков: повсюду, особенно в Петрограде, эти организации вели за собой тысячи и десятки тысяч беспартийных солдат. Мало того, посредством этих организаций наша партия связывалась с деревней, так как солдаты из наших ячеек, уходя в отпуска домой, приносили в деревню вести о тех событиях, свидетелями и участниками которых они являлись. Если крестьяне верили пока оборонцам, то те рассказы, какие они слышали от своих родных и близких, будили их мысль и заставляли задумываться над вопросом, не являются ли обманом все те речи, что раздаются из уст деревенских верхушек, идущих за к.-д. и соц.-революционерами.

Конфликт, вызванный соглашением Временного Правительства с украинцами, очень быстро превратился в новый кризис власти, так как выход из состава правительства министров-кадетов Шингарева, Мануйлова, Шаховского и Некрасова поставил перед меньшевиками и соц.-революционерами снова все тот же вопрос о дальнейших уступках буржуазии.

Массы реагировали на новый кризис власти еще более грандиозным выступлением, чем в апреле.

Простая демонстрация солдат и рабочих 3-го июля в Петербурге и в некоторых других местах превратилась в настоящие боевые столкновения масс, идущих за большевиками, с войсками, еще верными правительству.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что и тогда уже возможно было захватить власть в свои руки, но большевики так вопроса не ставили, ибо, как это видно было из резолюций апрельской конференции, они представляли себе дело перехода власти к Советам не делом захвата, не делом кучки самоотверженных отчаянных голов, а результатом твердого решения подавляющего большинства трудящихся взять власть.

Но этого-то сознания в июле 1917 г. еще и не было.

Напрасно большевики доказывали, что в их расчеты не входит пока свержение правительства; злобе их классовых врагов не было конца. Все наличные силы были брошены на выступившие массы, и, так как никто не думал ни о приступе к Зимнему дворцу ни об осаде Таврического, то меньшевики и соц.-революционеры, когда движение масс улеглось, обрушили бесконечные репрессии на солдат, рабочих и, прежде всего, на партию: „Правда“, „Солдатская Правда“ (орган военной организации) и много других газет были закрыты, помещение редакции „Правды“ разгромлено, целые полки и батальоны расформированы и отправлены на фронт, помещения некоторых районов разбиты, произведены массовые аресты—в особенности на фронте, и, наконец, 7 июля издано постановление об аресте Ленина, Зиновьева, Каменева, а секретарь военной организации Н. И. Подвойский признан преступником, уклоняющимся от суда и следствия. Троцкий, Каменев, Луначарский, Коллонтай, Крыленко, Раскольников, Механошин и много военных работников оказались в тюрьме, и началось дело о восстании третьего июля и о шпионской деятельности Ленина, Зиновьева и других большевиков.

Для партии начались снова времена нелегального существования, а военная организация большевиков целиком перешла в подполье.

К величайшему счастью пролетариата, Ленину удалось также перейти на нелегальное положение и скрыться

9. Шестой съезд РС-ДРП (б). Заговор буржуазии и канун Октября.

При таких условиях в конце июля собрался шестой съезд партии. На съезде не было ни Ленина, ни Каменева, ни Зиновьева, ни многих других старых партийных работников: одни сидели в тюрьмах, другие скрывались. Ясно поэтому, что шестой съезд не мог достаточно всесторонне осветить положение и дать исчерпывающий ответ на многие жгучие вопросы дня. Реакция, наступившая после июльских дней, отразилась на этих решениях. По вопросу о войне съезд подтвердил апрельские решения партии; по вопросу о выборах в Учредительное Собрание резолюция категорически высказывалась против всяких соглашений с партиями, стоящими не на интернационалистической платформе; по вопросу о профессиональных союзах партия высказала свой взгляд на эти организации, как на боевые классовые организации пролетариата; по вопросу об объединении с другими партиями была принята точка зрения непримиримого отмежевывания большевиков от всяких мелкобуржуазных соглашательских социалистических партий.

В отношении программы шестой съезд подтвердил постановления апрельской конференции и постановил вопрос этот обсудить на специальном съезде.

В области организационной съезд, несмотря на тяжелые условия, в каких находилась партия, закрепил в принятом уставе партии принципы демократического централизма; автономность местных организаций и самое широкое применение выборного начала легли в основу этого устава.

Но на главном, основном вопросе порядка дня — вопросе о текущем моменте — отразилась реакция.

Съезд констатировал, что власть в стране находится в руках контр-революционной буржуазии, что причиной этого факта является бессилие центрального учреждения Советов — ЦИК, выбранного на Всероссийском съезде.

„Советы переживают мучительную агонию,—говорится в резолюции,—разлагаясь вследствие того, что не взяли во-время всей государственной власти в свои руки".

Лозунг передачи власти Советам был лозунгом мирного перехода власти в руки пролетариата и крестьянства, был лозунгом первого, мирного этапа революции; теперь революция вступила в новый, более бурный этап развития,—и переход власти в руки трудящихся рабочие могут осуществить только под руководством революционной соц.-демократии.

Это, конечно, не означало, что большевики кричали: „долой Советы, они разложились", это означало одно: еще более усиленную борьбу в Советах за влияние и завоевание их.

Это и было подчеркнуто в резолюции.

Несмотря на полулегальное существование партии, она теперь уже представляла огромную силу: в апреле партия имела около 80 тыс. человек в 78 организациях, а в августе организаций было 162 и в них около 200 тыс. членов партии. И это после июльских неудач, после разгромов, во время реакции, при полулегальном существовании! Самым же ценным являлось то, что в партию шли только сильные духом, лучшие, испытанные, не ищущие личных выгод борцы-революционеры, цвет русского рабочего класса и русской революционной марксистской интеллигенции.

Создалась партия революции, бури и натиска, штурмовые колонны Октября.

Диагноз, поставленный шестым съездом партии, оправдался: власть окончательно уплывала из рук меньшевиков и соц.-революционеров.

В начале августа уже было ясно для всех, к чему идет дело: 3-го августа генерал Корнилов поставил вопрос о введении смертной казни в тылу, введенной уже давно на фронте, правительство постановило отсрочить выборы в Учредительное Собрание до конца октября, в Москве 12-го августа открыто Государственное Совещание, где уже представители рабочих тонули в море буржуазных делегатов, тогда же были обнаружены нити контр-революционного заговора, заключение союза на Государственном Совещании между кадетами и меньшевиками (рукопожатие Бубликова и Церетелли) и, наконец, подготовка корниловского заговора.

25-го августа по распоряжению генерала Корнилова к Петрограду начали стягиваться контр-революционные военные части, а 26-го Корнилов предъявил Керенскому ультиматум о разгоне коалиционного правительства и о передаче власти ему.

Так начались корниловские дни, которые внесли еще одну блестящую страницу в историю русского пролетариата, ибо, только благодаря его организованности, самоотверженности и решимости, удалось парализовать корниловский заговор.

В высшей степени знаменательно то, что в момент самой острой опасности меньшевики и соц.-революционеры обратились за помощью к большевикам: у последних были огромные связи в армии, а у первых ничего, кроме солдатской секции Совета. Даже страшная нелегальная военная организация большевиков в сентябре 1917 г. была признана и соц.-революционерами и меньшевиками. Но прошли тяжелые дни опасности,—и меньшевики и соц.-революционеры снова обрушили свои скорпионы на большевиков.

Но уже приближался Октябрь. Уже не только в массах, но и в Советах, в особенности после перевыбора их во многих местах, большевики стали в большинстве; дело дошло до того, что даже в Петроградском Совете 6 сентября Чхеидзе, Анисимов,

Дан, Гоц, Скобелев, Церетелли и Чернов сложили с себя полномочия, так как большевики провели резолюцию, порицающую политику президиума Совета.

А в глубине страны, в деревнях и поселках шла также ожесточенная классовая борьба: крестьяне не хотели ждать решения вопроса о земле до Учредительного Собрания и силой забирали помещичьи земли.

В губерниях Тамбовской, Воронежской, Орловской, Уфимской, Самарской, Саратовской шли волнения. Керенский и „селянский“ министр, соц.-революционер В. М. Чернов, высылали войска против крестьян, сажали в тюрьмы членов крестьянских комитетов, одобрявших действия крестьян, захватывавших земли. Войска также волновались повсюду: в Ташкенте, Тамбове, Киеве, на фронте.

Правительство меньшевиков и соц.-революционеров не удовлетворяло никого. Близился Октябрь.

Заключение.

История нашей партии, начиная с октябрьских дней, уже не входит в задачи настоящей книги: это уже новый—коммунистический период нашей истории. То обстоятельство, что только на седьмом съезде партия получила название коммунистической, не играет существенного значения: ведь уже в тезисах в начале апреля В. И. Ленин предложил заменить устаревшее название из пяти слов, а на конференции в апреле и на шестом съезде в 1917 году над совершенно новым внутренним содержанием только в силу всякого рода обстоятельств и препятствий болталось попрежнему старое, некогда славное, теперь отслужившее знамя.

Вот почему мы заканчиваем шестым съездом историю РС-ДРП: седьмой съезд, происходивший в совершенно иной обстановке, накануне новых великих битв пролетариата, только подвел итог очень короткому переходному периоду нашей истории — от февраля 1917 г. до марта 1918 г., когда происходило перерождение нашей большевистской РС-ДРП в РКП(б), вернее—когда заканчивался многолетний большой отрезок истории, в котором родился, вырос и развился большевизм, пережил годы борьбы, побед и поражений и дошел до своей конечной точки, послужившей исходным моментом нового отрезка истории—коммунистического.

Даже из нашего беглого очерка истории большевизма, даже несмотря на все естественные пробелы изложения, даже на протяжении небольшого учебника можно видеть, какое это сложное, красочное, полное притя ательной силы образование, носящее имя пролетарской партии.

Ее возникновение—не в мирной тиши кабинета, а в кровавой борьбе массовых классовых битв; ее рост—не в душных канце-

ляриях или ученых лабораториях, а в предместьях пролетарских центров, на заводах и фабриках; ее оформление, закал, превращение в непобедимую силу—в классовых боях под гром пушек и пулеметной стрельбы. Да, красота и драматичность классового, революционного, массового движения пролетариата, трудящегося и угнетенного человечества, строителя мира есть и красота и драматичность нашей истории.

Все это так. Не зная истории своего класса, нельзя знать истории своей партии, а не зная истории экономики и, стало-быть, истории развития производительных сил своей страны, нельзя знать истории своего класса.

Вот почему мы и иллюстрировали историю партии историей рабочего движения, насколько это было возможно.

Не зная истории рабочего движения, нельзя знать истории партии, ибо ход идей есть только результат хода вещей, а раз это так (а это, действительно, так), то понятно, что проникновение в динамику этого хода вещей обязательно для каждого, кто желает усвоить историю партии: вот почему изучение теории научного социализма должно сопутствовать изучению истории партии. Изучение основ нашей теории, диалектического материализма, и является тем кормчим, который не дает заблудиться и помогает предвидеть.

Могучий свет этой теории, этот факел новой науки зажгли Маркс и Энгельс; поддержали и раздули этот огонь их ученики, в том числе Плеханов и Ленин, и потому обращение к этим источникам знания да будет первым желанием, которое охватит читателя нашей книги.

Если мы достигнем этого, то наша задача исполнена.

Литература к шестнадцатой главе:

1. Собр. соч. *В. И. Ленина,* т. XIV, ч. I и II.
2. *Его же.* „Империализм, как новейший этап капитализма". П. 1917 г.
3. *Его же.* „Ренегат Каутский".
4. *С. Пионтковский.* „Октябрьская революция в России и предпосылки". Госиздат. 1923 г.
5. „Петроградская общегородская и всеросс. конференция РС-ДРП (б) в апреле 1917 г.". Госиздат. 1925 г.
6. *А. Шляпников.* „Канун семнадцатого года". М. 1925 г., ч. I, II и III.
7. Протоколы VI съезда РС-ДРП (б).
8. *В. Владимирова.* „Революция 1917 года", ч. I, II и III.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I.

Проект программы русских социал-демократов (Г. В. Плеханов. Женева. 1887 г.) [1].

Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность средств и предметов производства, перехода, который повлечет за собою:

а) устранение современного товарного производства (т.-е. купли и продажи продуктов на рынке) и

б) замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану, в виду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов, в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время.

Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Заменяя современное господство продукта над производителем—господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставляет каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее прямым народным законодательством.

Кроме того, теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. При современном развитии международного обмена, упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Отсюда вытекает солидарность интересов производителей всех стран, признанная и провозглашенная еще Международным Товариществом Рабочих.

Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплуататоров и так как поэтому высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений, то неизбежным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.

Эта политическая задача вносит элемент разнообразия в программы социал-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности.

---

[1] Впервые напечатан как приложение к брошюре «Чего хотят социал-демократы». Женева, 1888 г. Составлен в 1887 г.

Практические задачи, а, следовательно, и программа социал-демократов, естественно, должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться, как переходных ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются; община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплоатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда — неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции.

Такое положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем как идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие.

Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей.

Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в нем социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему, решительному на него нападению, при чем не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы.

Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом, позорные действия, к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Всеобщее светское даровое и обязательное образование, при чем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями.

4) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

6) Свободу передвижения и занятий.

7) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

8) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

9) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Опираясь на эти основные политические требования, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как, напр.:

1) Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.

2) Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательное регулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организацию соответствующей инспекции с представительством от рабочих.

4) Государственной помощи производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства.

Примечание. Как видно из вышесказанного, русские социал-демократы полагают, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой трудящегося населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социал-демократы могут с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие на крестьянство, в особенности в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности.

Проект программы социал-демократической партии (В. И. Ленин 1896 г.) [1].

А. 1) Все быстрее и быстрее развиваются в России фабрики и заводы, разоряя кустарей и крестьян, превращая их в неимущих рабочих, сгоняя все более и более народа в города, промышленные и фабричные села и местечки.

2) Этот рост капитализма означает громадный рост богатства и роскоши среди кучки фабрикантов, купцов и капиталистов и еще более быстрый рост нищеты и угнетения рабочих. Вводимые крупными фабрикантами улучшения в производстве и машины, составляя повышение производительности общественного труда, служат к усилению власти капиталистов над рабочими, к увеличению безработицы, а вместе с тем и беззащитности рабочих.

3) Но доводя до высшей степени гнет капитала над трудом, крупные фабрики создают особый класс рабочих, который получает возможность вести бобрьбу с капиталом, потому что самые условия его жизни разрушают все связи его с собственным хозяйством и, соединяя рабочих общей работой и перебрасывая их с фабрики на фабрику, сплачивают вместе массы рабочего люда. Рабочие начинают борьбу с капиталистами и среди них появляется усиленное стремление к об'единению. Из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба русского рабочего класса.

4) Эта борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба против всех классов, живущих чужим трудом, и против всякой эксплоатации. Она может окончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического производства, при котором все производимое рабочими и все улучшения в производстве должны итти на пользу самих трудящихся.

5) Движение русского рабочего класса к своей основной цели входит как часть в международное социал-демократическое движение рабочего класса всех стран.

Главным препятствием в борьбе русского рабочего класса за свое освобождение является неограниченное самодержавное правительство с его безответственными чиновниками. Опираясь на привилегии землевладельцев и капиталистов, оно держит в полной бесправности низшие сословия и связывает движение рабочих и задерживает развитие всего народа. Поэтому борьба русского рабочего класса за свое освобождение с необходимостью вынуждает борьбу против неограниченной власти самодержавного правительства.

Б. 1) Русская социал-демократическая партия об'являет своей задачей — помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием на задачи и цели борьбы.

---

[1] Перепеч. из Собр. соч., т. I, стр. 283—5.

2) Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая, и первой задачей ее является достижение политической свободы.

3) Поэтому русская социал-демократическая партия, не отделяя себя от рабочего движения, будет поддерживать всякое общественное движение против неограниченной власти самодержавного правительства, против класса привилегированных дворян, землевладельцев и против всех остатков крепостничества и сословности, стесняющих свободу конкуренции.

4) Напротив того, русская социал-демократическая партия будет вести войну со всеми стремлениями облагодетельствовать трудящиеся классы опекой неограниченного правительства и его чиновников и задержать развитие капитализма и, следовательно, развитие рабочего класса.

5) Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

6) Русскому народу нужна не помощь неограниченного правительства и его чиновников, а освобождение его от гнета.

В. Исходя из этих воззрений русская социал-демократическая партия требует прежде всего:

1. Созвания земского собора из представителей всех граждан для выработки конституции.

2. Всеобщего и прямого избирательного права для всех русских граждан, достигших 21 года, без различия вероисповедывания и национальности.

3. Свободы собраний, союзов и стачек.

4. Свободы печати.

5. Уничтожения сословий, и равенства всех граждан перед законом.

6. Свободы вероисповедывания и равноправности всех национальностей. Передачи ведения метрик в руки самостоятельных гражданских чиновников, независимых от полиции.

7. Предоставления каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству.

8. Отмены паспортов. Свободы передвижения и переселений.

9. Свободы промыслов и занятий и уничтожения цехов.

Г. Для рабочих русская социал-демократическая партия требует:

1. Учреждения промышленных судов во всех отраслях промышленности с выборными судьями от капиталистов * и рабочих поровну.

2. Законодательного ограничения рабочего дня 8 час. в сутки.

3. Законодательного запрещения ночной работы и смен. Запрещения работы детей до 15 лет.

4. Законодательного восстановления прав **.

5. Распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности во всей России и на казенные фабрики, а также на кустарей, работающих на дому.

6. Фабричная инспекция должна иметь самостоятельное положение и не находиться в министерстве финансов. Члены промышленных судов получают равные права с фабричной инспекцией по надзору за исполнением фабричных законов.

7. Безусловного запрещения повсюду расплаты товарами.

Надзора выборных от рабочих за составлением расценок, за браковкой товара и за расходом штрафных денег и за фабричными квартирами рабочих.

8. Закона о том, чтобы все вычеты из заработной платы рабочих, для какого бы предназначения они ни делались (штрафы, браковка и пр.), вместе взятые, не могли превышать 10 коп. с рубля.

9. Закона об ответственности фабрикантов за увечья рабочих с обязательством фабриканту доказывать, что вина на стороне рабочих.

10. Закона об обязанности фабрикантов содержать школы и давать медицинскую помощь рабочим.

---

* В оригинале слово: «капиталистов» зачеркнуто карандашом и карандашом же сделана надпись: «пр-ей» (предпринимателей). Ред.

** В рукописи § 4 зачеркнут карандашом. Ред.

Д. Для крестьян русская социал-демократическая партия требует:

1. Отмены выкупных платежей и вознаграждения крестьян за уплаченные выкупные платежи. Возвращения крестьянам излишне уплаченных в казну денег.

2. Возвращения крестьянам отрезанных от них в 1861 г. земель.

3. Полного равенства в податях и налогах с крестьянской и помещичьей земель.

4. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении их землей *.

---

* В оригинале в последнем пункте после слов: «круговой поруки» надписано сверху черными чернилами: «свободы выхода из общины». Внизу той же рукой и теми же чернилами приписано слово: «Кредит». Ред.

Приложение III.

Программа Российской Соц.-Дем. Партии, принятая на втором с'езде Партии.

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития.

Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращении товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплоатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному, ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и роста общественного богатства, обусловливает

собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплоататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественной и ведя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплоатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем, она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплоатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплоатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

1. Самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату;

2. Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; двухгодичные парламенты; жалованье народным представителям;

3. Широкое местное самоуправление: областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения;

4. Неприкосновенность личности и жилища;

5. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов;

6. Свободу передвижения и промыслов;

7. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности;

8. Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина об'ясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях;

9. Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства;

10. Право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника;

11. Выборность судей народом;

12. Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа;

13. Отделение церкви от государства и школы от церкви;

14. Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует: отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1. Ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих;

2. Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства;

3. Полного запрещения сверхурочных работ;

4. Воспрещение ночного труда (от 9 ч. вечера до 6 ч. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями;

5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16-ти лет) и ограничения рабочего времени подростков (16—18 лет) 6-ю часами;

6. Воспрещение женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождение женщин от работы в течение 4-х недель

до и 6-ти недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время;

7. Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже, чем через три часа на время не менее, чем на полчаса;

8. Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов;

9. Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты деньгами по всем без исключения договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время;

10. Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.);

11. Назначения достаточного количества фабричных инспекторов во всех отраслях народного хозяйства и распространения надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая казенных (труд домашней прислуги входит также в сферу этого надзора); назначения инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд; участия выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценок, приемкой и браковкой материала и результатов работы;

12. Надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан;

13. Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей; бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей, с сохранением содержания во время болезни;

14. Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда;

15. Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей;

16. Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы, в деревне партия требует прежде всего:

1. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

2. Отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

3. Возвращения крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей; конфискация с этой целью монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии; а равно обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4. Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются, как временно-обязанные, хизаны и проч.; в) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном Крае и в других областях государства;

5. Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и об'являть недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

С своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом.

Приложение IV.

О задачах пролетариата в данной революции.

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности, выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе и добросовестным оппонентам, — было изготовление письменных тезисов. Я прочел их и передал их текст т. Церетели. Читал я их очень медленно и дважды: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе:

Тезисы.

«1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки „революционному оборончеству".

«На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от этих аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

«В виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, в виду их обмана буржуазией, надо обстоятельно, настойчиво, терпеливо раз'яснять им их ошибку, раз'яснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала.

«Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

«Братание.

«2. Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

«Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

«Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата.

«3. Никакой поддержки Временному Правительству, раз'яснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии „требования", чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским.

«4. Признание факта, что в большинстве Советов Рабочих Депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед блоком всех мелкобуржуазных, оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от Н.-С., С.-Р. до О. К. (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр., и пр.

«Раз'яснение массам, что С. Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, раз'яснение ошибок и тактики.

«Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

«5. Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху.

«Устранение полиции, армии, чиновничества *.

«Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

«6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Сов. Батр. Депутатов.

«Конфискация всех помещичьих земель.

«Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными Сов. Батр. и Крест. Депутатов. Выделение Советов Депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300, по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем Батр. Депутатов и на общественный счет.

«7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ними со стороны С. Р. Д.

«8. Не „введение" социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

«9. Партийные задачи:

а) немедленный с'езд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне;

2) об отношении к государству и наше требование «государства коммуны» **.

3) исправление старой программы-минимум;

в) перемена названия партии ***.

«10. Обновление Интернационала:

---

* Т.-е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

** Т.-е. такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

*** Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться Коммунистической Партией.

«Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против „центра“ *».

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «в виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, в виду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво терпеливо раз'яснять им их ошибку»...

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, не принадлежащие ни к широким слоям, ни к массовым представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!!) революционной демократии»...

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, раз'яснение ошибок их тактики»..

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии»!!

Я нападал на Вр. Правительство за то, что оно не назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учр. Собрания, отделываясь посулами. Я доказывал, что без Советов Р. и С. Деп. созыв Учр. Собр. не обеспечен, успех его не возможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учр. Собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» возражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов как на редкое исключение.

Г. Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки, недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «бреда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, раз'яснить, вспомнить, как рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 г.г. об опыте Парижской Коммуны и о том, какое государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 авг. 1914 г. германскую социал-демократию «смердящим трупом». А г.г. Плехановы, Гольденберги и К° «обижаются»... за кого? — за германских шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

---

* «Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами («оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К° в Германии, Лонгэ и К° во Франции, Чхеидзе и К° в России, Турати и К° в Италии; Макдональд и К° в Англии и т. д.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Л.

О.

П.

Р.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Оглавление.

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“.

ПРАВЛЕНИЕ и РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 1. Телефон 586-11.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР: Пр. 25 Октября, 62. Тел. 217-79 и 545-77.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: Москва, Лубянский пассаж, пом. 46—49. Тел. 2-24-09.

В. НЕВСКИЙ.

Очерки по истории РКП (б).

Том первый.

. . . . . Предлагаемая работа является результатом самостоятельных занятий автора над новым, еще не обследованным материалом.

(Из предисловия автора).

СОДЕРЖАНИЕ. Предисловие к первому изданию. — Предисловие ко второму изданию. — Введение. — Глава I. Экономическое развитие России после освобождения крестьян: 70-ые, 80-ые и 90-ые годы. Положение рабочего класса в эти годы. — Глава II. Рабочее движение в 70-ые годы прошлого столетия. Революционная работа народников среди пролетариата. „Южно-Российский Союз рабочих“ и „Северно-Русский Рабочий Союз“. Его программа и „Земля и Воля“. Типы рабочего-народника. — Глава III. Первый период истории русской социал-демократии. Группа „Освобождения Труда“ и переход от народнических кружков к социал-демократическим (1884—1894 г.г.). — Глава IV. Первый период истории русской социал-демократии. Группа „Освобождение труда“ и переход от народнических кружков к социал-демократическим в России (1884—1894 г.г.). — Глава V. Первый период истории русской социал-демократии. Группа „Освобождение Труда“ и переход от народнических кружков к социал-демократическим в России (1884—1894 г.г.). — Глава VI. Второй период истории русской социал-демократия, как политической партия. — Глава VII. Второй период истории русской социал-демократии. — Глава VIII. Второй период истории русской социал-демократии. — Глава IX. Провинциальные организации второго периода. — Глава X. Южно-русские социал-демократические организации второй половины девяностых годов. — Глава XI. Первый с'езд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. — Замечания, источники литературы. — Приложения.

Стр. 706. Цена 3 руб. 75 коп.

К. ШЕЛАВИН.

РАБОЧИЙ КЛАСС и ЕГО ПАРТИЯ.

Выпуск I.

От возникновения партии до 1905 г.

Стр. 199. Цена 70 коп.

Выпуск II.

Годы первой революции.

Стр. 195. Цена 70 коп.

Выпуск III.

Первая революция 1905 г.

Стр. 234. Цена 70 коп.

Н. БАТУРИН.—Очерк истории с.-д. в России. 10-е изд. Стр. 166. Цена 70 коп.

К. М. ТАХТАРЕВ.—Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 г.г. Стр. 195. Цена 90 коп.

П. Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ.—На повороте. От конца 80-х годов к 1905 г. Стр. 246. Цена 1 руб.